

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВИХРИ ВАЛГАЛЛЫ

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ВИХРИ ВАЛГАЛЛЫ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ

БУЛЬДОГИ ПОД КОВРОМ

РАЗВЕДКА БОЕМ

ВИХРИ ВАЛГАЛЛЫ

АНДРЕЕВСКОЕ БРАТСТВО

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

ВРЕМЯ ИГРЫ

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ВИХРИ
ВАЛГАЛЛЫ

ЭКСМО

2004

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
3 45

Оформление серии художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Звягинцев В. Д.
3 45 Вихри Валгаллы: Фантастический роман. — М.: Изд-во
Эксмо, 2004. — 512 с. (Русская фантастика).

ISBN 5-699-05483-9

Борьба двух сверхцивилизаций за господство во Вселенной зашла в тупик. Оба соперника использовали весь имеющийся в их распоряжении военный и интеллектуальный потенциал. И тут одна из противоборствующих сторон делает неожиданный и смелый шаг — приглашает в союзники пятерку отчаянных земель. Не желая быть послушными пешками в чужой игре и взяв на вооружение невероятные достижения инопланетной науки и техники, Андрей Новиков и его друзья заставляют считаться с собой даже могущественных Властелинов Космоса. А для начала они слегка изменяют ход земной истории...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-05483-9

© Звягинцев В. Д., 2004
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2004

Вечность оказалась совсем не страшной и гораздо более доступной пониманию, чем мы предполагали прежде.

*В. Катаев,
«Святой колодец»*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕРЖАТЕЛИ МИРА

Я знаю, что ночи любви нам даны
И яркие, жаркие дни для войны.

Н. Гумилев

Пролог - 1

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

Теперь об этом вспоминать можно почти спокойно. А тогда... В промежутке между двумя действительно подлинными событиями я не осознавал себя собою. И память моя там, внутри сюжета, была какая-то спутанная, лоскутно-рваная. Возможно, так чувствуют и воспринимают мир больные злокачественной шизофренией в период обострения.

Мне даже сейчас трудно отчетливо сообразить, что было на самом деле, что пригрезилось в странном полубреду-полусне, а что я реконструировал гораздо позже из обрывков собственных впечатлений, ранее читанного и слышанного. Или просто мне показалось, будто кое-что из случившегося должно было выглядеть именно так.

Но все-таки происходило это именно со мной, а уж в реальном мире или воображаемом — не столь важно. Поэтому я здесь сохраняю форму повествования от первого лица, хотя, строго говоря, полного права на это не имею.

...Сильвия направила мне в лицо свой пресловутый, тускло блеснувший старым золотом портсигар.

— Так что, пойдем в неизведанные миры?

— Пойдем, май бьютифул леди, — ответил я, успев еще уловить на ее лице улыбку, в которой мне почудилось сочувствие и даже нечто похожее на нежность, потом рубиновая кнопка под ее пальцем вспыхнула, как сверхновая звезда.

Когда я очнулся... Если это я очнулся... Помещение было длиной саженой в пятьдесят. Ширина — соответственная. Двери — три сажени по длинной стороне и по одной в торцах, сбитые из толстых брусьев в елку, перехваченные железными коваными полосами, замки — снаружи. Высота дверей, а точнее ворот, — аршин по шесть, а то и больше. Это мог быть железнодорожный пакгауз, склад лесоторговой базы, армейский арсенал.

Откуда я знал такие слова — непонятно. Они всплывали в памяти сами собой, применительно к обстановке.

Загнали сюда людей тысяч около трех, а то и все четыре. Считать не было нужды, я хорошо представлял и так, что армейский полк четырехбатальонного состава штатной численностью две тысячи восемьсот человек занимал несколько меньше места, будучи построенным в ротные колонны.

В россыпь — требовалась большая площадь. В центре барака (это слово тоже вспомнилось внезапно) от пола до двухскатной крыши громоздились четырехэтажные настилы из плохо оструганных досок, закрепленные на столбах из совсем неошкуренных бревен, на которых жители этого странного места проводили большую часть времени в неглубоком тревожном сне, разговорах, карточных играх, ловле вшей и в прочих позволяющих коротать тягучее бессмысленное время занятиях. Эти настилы были сделаны отнюдь не для удобства обитателей, а исключительно в целях экономии площади. И еще — для облегчения труда охранников, поскольку обитатели были определенным образом структурированы, разбиты на примерно равные по численности группы, а широкие проходы вдоль стен и между секциями позволяли видеть все в них, секциях, происходящее.

Я понимал, что пребывание здесь, во-первых, совершенно для меня неуместно, а во-вторых, таит постоянную смертельную опасность. Но отчего так — сообразить не мог, хотя и старался.

Я кружил как заведенный (вот именно) по длинным «улицам и переулкам» между «вагонками» — так назывались эти многоэтажные спальные места, — заложив руки за спину и морщась от непереносимо густого запаха, по срав-

нению с которым атмосфера солдатской казармы (а я помнил, что это такое и как там пахнет) была почти так же свежа, как сосновый воздух Кисловодска.

Начальной и конечной точкой моего маршрута были две огромные ржавые железные параша, установленные у торцов барака, которые наполнялись так быстро, что их выносили каждые два часа.

А кроме параш, свою парфюмерную ноту добавляли прогнившие портянки, месяцами не стиранные рубахи и кальсоны, кишечные газы, выделяемые всеми и постоянно, даже и помимо физиологических отправлений, махорочный дым бесчисленных самокруток.

Я знал и помнил удивительно много, за исключением того, кем являюсь в этой жизни, как и когда сюда попал и что будет дальше.

Можно было предположить, что в стране идет какая-то война и часть обитателей барака — военнопленные и интернированные, еще часть — заложники, дезертиры, а также перебежчики и мародеры. Присутствовали здесь и обычные, «штатские» преступники, которых кто-то и зачем-то поместил в это же узилище.

Я догадывался, что являюсь врагом тех, кто создал это место — концлагерь, пересыльную тюрьму, сортировочный пункт... Был в состоянии вспомнить, что нечто подобное уже когда-то видел или читал о похожем, а главное — не испытывал удивления от того, что оказался здесь. В голове, слишком пустой для нормального человека, наряду с еще несколькими мыслями крутилась и такая: «от суммы и тюрьмы не зарекайся».

Невозможность вспомнить, как меня зовут и по какой причине я здесь, а не в ином, более приятном месте, меня тревожила, но не слишком. А вот то, что спрашивать об этом окружающих нельзя, я понимал четко. Вообще, нельзя ни с кем и ни о чем говорить, кроме, может быть, самых элементарных вещей. По-настоящему важным казалось лишь одно — необходимость выжить. А лучше — убежать отсюда. Я сознавал, что являюсь кандидатом на какой-нибудь из видов практикуемых здесь способов убийства, но знал и то, что обладаю способностями этого избежать.

А что я образован и куда более умен, чем большинство и узников, и охранников, сообразить было не так уж трудно даже в тогдашнем моем полурастительном состоянии.

Кажется, в первую же ночь моего здесь пребывания — на дощатом настиле четвертого этажа (я туда забрался, чтобы сверху не сыпался всякий мусор и чтобы с пола нельзя

было походя дотянуться), рядом оказался профессор университета, так он представился.

Разговаривали мы шепотом и на какие-то серьезные темы, чуть ли не о Шопенгауэре. При этом я зубами перекусывал и выдергивал толстую вощеную дратву, которой намертво были пришиты к моей шинели мятые замусоленные погоны. Какому чину они соответствовали, я забыл сразу же, как только затолкал их в щель между потолочными досками. И, направляемый звериным инстинктом, на следующую ночевку устроился совсем в другом конце барака. Просто подошел, отодвинул лежащего на понравившемся мне месте человека и лег сам, подложив под голову довольно еще приличные сапоги, чтобы удобнее было и чтобы не украла промышлявшие этим жалкие, но юркие личности.

Однако какая-то мысль, мелькнувшая в момент, когда я прятал погоны, в глубине памяти засела.

Исходя из представлений о нормальной реальности, жить здесь было нельзя, однако жизнь тем не менее продолжалась. Особенно ночью. Барак освещался несколькими железнодорожными ацетиленовыми фонарями, подвешенными на балках, но, за исключением десятка ближайших к ним квадратных метров, где можно было даже и читать, если бы нашлось что, остальное пространство заполнял мутно-сизый, слабо светящийся туман, позволявший разве что не наткнуться на столбы и бродящих между ними узников.

В бараке наряду с мужчинами содержались и женщины, пусть и в значительно меньшем количестве. Для них был отведен левый дальний угол с собственной парашей и подобием дощатого забора, преграждавшего путь «искателям приключений». Для охраны границы имелось нечто вроде отряда самообороны из вооруженных обломками досок дюжих, зверовидного облика баб, которые неизвестно что и обороняли — вполне возможно, свои собственные права на попавших под их власть более приличных женщин.

Оказавшиеся же случайно вне этой охраняемой зоны или вновь загоняемые в барак с очередным этапом женщины, не успевшие добежать до «заставы», почти независимо от внешности становились легкой добычей жаждущих развлечений обитателей этого странного мира, и из темноты то и дело доносились отчаянные крики, гогот, матерная ругань и прочие соответствующие происходящему на нарах и асфальтовом полу между ними звуки.

Бывало даже, что на нейтральной полосе вспыхивали ожесточенные и кровопролитные схватки между охотниками за живым товаром и злобными, нечесаными «брунгиль-

дами» за право обладания какой-нибудь особенно привлекательной узницей.

Мне тогда все эти местные страсти были почти совершенно безразличны. Каждый живет и умирает в одиночку, так я считал. А вот в том, что именно мне выжить необходимо, я был уверен. И знал, что в состоянии сделать это. Такое знание было дано мне имманентно. А иногда даже казалось, что вот сейчас я вспомню (он вспомнит) название книги, в которой было описано именно вот это непосредственно со мной сейчас происходящее.

Но ничего не получалось, мысли расплывались, как утренний туман под лучами поднявшегося над горизонтом солнца.

К примеру, я отчетливо понимал, что следует делать, когда открывались те или другие ворота, в них входили вооруженные винтовками и револьверами люди в кожаных куртках и длиннополых шинелях и начинали выкрикивать фамилии, заглядывая в толстые амбарные книги.

Своей фамилии я, конечно, не помнил, хотя и надеялся, что если она прозвучит, то я ее узнаю.

Откуда-то было известно, что те, которых вызывают, никогда больше не вернутся обратно, скорее всего их убьют совсем рядом с баракom, и я решил не откликаться, когда очередь дойдет до меня. Но потребность услышать свое имя была мучительно сильна, и я всегда пробирался к самым воротам в то время, когда все остальные арестованные инстинктивно старались держаться от них подальше.

Слишком уж плохо мне здесь не было. К физическим тяготам жизни в заключении я относился равнодушно, а ощущать истинное отчаяние от своей непонятной амнезии мешала та же самая амнезия плюс эмоциональная тупость.

Каким-то образом я знал, что успел стать в бараке личностью легендарной. Слишком отличался от других. Натурал примитивным я казался опасным в силу непонятности своего поведения, а более развитым и образованным — либо сумасшедшим, либо разыгрывающим какой-то тщательно продуманный сценарий.

Однажды, проходя мимо ограждения женской секции барака, я увидел на одной из верхних вагонок лицо, показавшееся странно знакомым. Тем более что и молодая эта дама, очевидно, красивая, несмотря на грязные разводы на щеках (или просто свет так падал) и низко надвинутый на брови платок, смотрела на меня неотрывным пронзительным взглядом.

В тоскливом свете сползающего к закату дождливого, ту-

манного дня, едва пробивающемся вдобавок сквозь грязные стекла забранных решетками окон под потолком, мне показалось, что она делает мне какие-то знаки руками и мимикой лица пытается что-то сказать. Заинтересовавшись, я хотел подойти поближе, спросить, что ей нужно. Однако толстая баба с бульдожьим лицом направила мне в грудь длинную палку с торчащим из нее кованым ржавым гвоздем, прошипев что-то матерно-угрожающее. Я пожал плечами и отвернулся. И тут же забыл о привлечшей внимание женщине. Мало ли о чем я забывал каждую минуту и каждый час! Хотя, когда я уже уходил, в мозгу вдруг отозвалось эхом странное слово, непонятное и одновременно знакомое. Может быть, так она позвала меня?

Вновь я увидел эту же женщину на следующий день или недель позже. Время для меня тогда не имело систематической протяженности. Иногда оно отмерялось кормежками — вдруг открывались ворота, люди, похожие на прочих обитателей барака, вкатывали тачку с корзинами грязной, ломаной, начинающей протухать селедки или немойтой полу-сырой картошки, а бывало, что и плесневелый ячменно-гороховый хлеб выдавали по какой-то непонятной схеме. Узники становились в очередь, получали еду, потом ее делили. Мне тоже доставалось — человек, каждый раз новый, дергал за рукав, совал в руку кусок чего-то, что можно было есть, я жевал, не ощущая вкуса, и забывал об этом до следующего раза.

Были здесь и другие люди — их не интересовали жалкие подачи охранников. Сидя на нарах, они играли в карты, нарочито громко хохотали и разговаривали, пили спирт и самогон, рвали руками караваи белого хлеба, ломали круги домашней колбасы, запихивали в волосатые рты крутые яйца. Громко рыгали после еды. Места, в которых они обитали, освещались собственными коптилками или толстыми церковными свечами, потому что карточная игра, происходившая здесь непрерывно, требовала яркого света. Иногда я останавливался возле них, смотрел в упор, пытаюсь понять, почему так...

Интересно, что меня не прогоняли. Или старательно делали вид, что не замечают, или спрашивали:

— Ну, генерал, жрать хочешь?

Я не знал, что такое генерал, вернее, знал, но с собой не соотносил, потому что именем это слово не являлось, а на вторую часть вопроса не отвечал, подчиняясь не зависящему от моей воли внутреннему импульсу. Но если отвратительного вида существо протягивало мне кусок колбасы, а

то и жестяную кружку с дурно пахнущей хмельной жидкостью, я не отказывался. Выпивал, закусывал, коротко кивал, благодаря, и вновь уходил в свое бесконечное путешествие по улицам и переулкам таинственного барака.

...Однажды, обернувшись, увидел, что рядом семенит бородатый человечек в пенсне, вместе с мятой шляпой едва достающий мне до плеча. И мы с ним оживленно обсуждаем диалог Платона «Пир».

— Здесь вы не совсем правильно толкуете мысль Сократа, господин генерал, — сказал собеседник.

— Да, кстати, я давно хотел спросить, почему вы называете меня генералом?

— Ну как же, все вас так называют. И шинель ваша... По возрасту вы, наверное, скорее должны бы быть капитаном или подполковником, а то и прапорщиком запаса. Кадровые офицеры в философии куда меньше сведущи, однако чего в гражданских войнах не бывает...

— Гражданская война, вы сказали? — Я наморщил лоб, соображая. — Это какая же? Какую войну вообще можно считать гражданской? Восстание Пугачева так ведь не называлось?

Мой спутник нахохлился, помолчал, выгребая из кармана смешанные со всяким мусором табачные крошки. Подул на ладонь, чтобы как-то их очистить, удивительно ловко для человека его внешности свернул козью ножку. Пыхнул дымом.

— Хотите затянуться?

Я поморщился, ощутив выпускаемый самокруткой мерзкий запах.

— Благодарю. Я больше люблю сигары.

— Кубинские? — заинтересовался собеседник.

— Всеякие, но как раз кубинские при Кастро много хуже стали. Мы их только студентами курили, по причине дешевизны. А вот из Гватемалы...

— Вас, наверное, на фронте сильно контузило? — сочувственно спросил собеседник и добавил после продолжительной паузы: — А я экстраординарный профессор Петербургского университета Самарин Лев Кириллович. Мы с вами на соседних нарах недавно спали. Я латинист, историк, филолог. Тексты знаю. А вы, позволю отметить, ни разу не сбились. Как по-писаному цитируете. И, что удивительно, крайне остроумно каждую мысль Платона комментируете. С весьма оригинальных позиций. Попробуйте вспомнить, где вы учились? В каком году? Не могли же вы совершенно все забыть, раз качество личности в полном объеме сохранили...

У вас же классическое образование. И вы, безусловно, дворянин...

— Не помню. Какое образование — не помню. Но если вы специалист, то не скажете ли, что это за место и что мы здесь делаем? А потом, если хотите, побеседуем о Камю и Сартре. Мне кажется, у них было что-то подходящее именно к теперешнему нашему положению.

Профессор испуганно обернулся.

— Подождите, генерал, мне кажется, за нами следят. Уже давно. Какая-то тень все время позади мелькает. Идет следом, а стоит нам приостановиться — прячется в темноте...

Я тоже посмотрел назад, в ту сторону, где и мне померещилось за стойками нар смутное шевеление. А в голове опять зазвучал голос, кажется, женский. Но как издавека, в лесу — тональность улавливается, а слов не разобрать.

— Да кому здесь за нами следить и зачем?

— Чекистам... — страшным шепотом произнес профессор. — Они везде. Улики собирают. Я лучше пойду, пожалуй... — И неожиданно ловко метнулся в ближайший проход. Как летучая мышь.

Я удивленно пожал плечами, и тут же по ушам, перекрывая ставший уже привычным постоянный гул заполненного тысячами людей барака, ударил пронзительный крик:

— Андрей, помоги! Помоги, скорее!

Наконец-то! Я услышал свое имя и сразу узнал его. И тут же вспомнил еще многое, хотя далеко не все. Не хватало самого главного. Но как теперь поступать, я знал! Крутнулся на каблуках, ловя направление. Крик несея как раз от туда, где нам с профессором почудилась колеблющаяся тень. И стал еще пронзительнее, только теперь уже нельзя было разобрать слов — бессвязный вопль ярости, страха и отчаяния.

Повинуясь вновь обретенному знанию, я сбросил с плеч шинель и, чувствуя в себе пробудившуюся звериную силу и точность движений, бросился на зов.

В проходе между нарами клубилась куча тел. Света было достаточно, чтобы я увидел: четыре или пять тех самых, гнусного вида обитателей барака, что постоянно жрали, пили и играли в карты, пытались затащить на угловые нижние нары женщину, которая когда-то привлекла мое внимание.

Самое удивительное, что пока еще ей удавалось оказывать насильникам достойное сопротивление. Хотя с нее уже содрали черное полупальто, оторвали рукав бархатного жа-

кета, пытались заломить ей за спину руки и повалить на кучу вонючего тряпья.

Раз за разом странная женщина вырывалась, наносила иногда резкие, почти профессиональные удары, но озверевшие мужики, словно бультерьеры, обладали таким низким порогом чувствительности, что бить их следовало сразу кувадой, а не легким женским кулаком.

Я, вспомнивший, что меня зовут Андреем, разбросал в стороны загораживающих проход любопытных и сочувствующих той или иной стороне и оказался один посередине вдруг очистившейся площадки.

— Всем стоять! — рявкнул голосом, которым привык командовать на огромном, заполненном войсками плацу.

В первый момент это подействовало. Цепкие руки опустились, женщина отскочила в сторону, прижалась спиной к стене, судорожно, со всхлипами дыша и рефлекторно пытаясь прикрыть обрывками рубашки полуобнаженную грудь.

— А кто это тут такой смелый нашелся? — прогудел сиплым баритоном заросший клочковатой бородой монстр в короткой грязно-белой бекеше нараспашку. — Никак ихнее превосходительство? А ну катись отсюда, убогий, пока рога не обломали!..

За ним возникли, тупо ухмыляясь щербатыми ртами, еще три таких же звероподобных троглодита.

В наступившей тишине слышались только вздохи-стоны загадочной женщины.

А меня охватила вдруг злая, окрыляющая радость. Теперь я знал, что делать дальше.

Ситуация даже не требовала каких-то чрезвычайных мер и методов. Правой рукой я изобразил не очень быстрый замах, направленный в челюсть ближайшему противнику, и, когда тот попытался его парировать, хлестко, словно по мячу с одиннадцатиметрового, ударил его носком сапога в промежность. Удар сопровождался хрустом, будто лопнул арбуз. Похоже, кроме прочего, я перебил ему тазовые кости. Даже не вскрикнув, мужик кулем повалился на заплеванный пол. Ребром ладони, снизу вверх, под угол челюсти, тому, что мельтешил рядом, и тут же, с поворотом, третьему по прикрытому бородой кадыку.

— Во дает! Силен, однако! — восторженно вскрикнул кто-то из теснившихся вокруг. Четвертый отступал, что-то бормоча и выставив перед собой кривой сапожный ножик. Наткнулся спиной на женщину. Она брезгливо отстранилась и неожиданно для всех, отпустив ворот своей рубашки, с не-

вероятной быстротой и силой ударила его острым локтем в переносицу.

Хрюкнув, мгновенно залившись черной кровью, хлынувшей из ноздрей и рта, насильник сполз по столбу и замер, обхватив ладонями харю. Если он и не потерял сознания, то всеми силами пытался это изобразить.

Толпа вокруг замерла. Подобного им еще видеть не приходилось. То ли дело сельские драки стенка на стенку, где после ударов пудовых кулаков бойцы матерились, выплевывали зубы, сморкались кровью, но продолжали героически сражаться.

Я схватил женщину за руку. Еще немного, и вспомню, как ее зовут и что нас друг с другом связывает. А пока ясно только, что пора уходить. И с этого места, и вообще.

Строили эту тюрьму и охраняли ее явные дураки. Словно вообще не предполагали, что найдутся желающие из нее убежать.

Одним словом, отнюдь не замок Иф. В дальнем углу барака, там, где я провел первую ночь, не составило труда, уперевшись спиной в низкий потолок, оторвать от стропил две широкие доски. Только протяжно заскрипели ржавые гвозди. Соседи по вагонке делали вид, что ничего не замечают. В пахнущем пылью треугольном пространстве между чердачным настилом и крышей я на ощупь вывернул несколько черепиц, просунул голову наружу. Вдохнул сырой туманный воздух с тем же чувством, что и подводники, открывшие рубочный люк после двухмесячной автономки. Помог выбраться на крышу женщине. Она молча подчинялась всем моим командам.

Только когда мы спустились вниз по кованым крючьям водосточной трубы, пересекли обширный пустой двор, слабо освещенный несколькими фонарями по углам забора, пролезли между редкими, нерадиво натянутыми нитками колючей проволоки и оказались на дне глубокого оврага, заросшего кустарником, стало ясно, что вырвались, спасены. Хотя бы до утра, когда можно будет выяснить, куда нас занесло и что делать дальше. А пока надо уходить отсюда подале.

Я взял женщину за руку выше локтя, потянул к себе, собираясь наконец спросить, кто же она такая и что нас с ней связывает. И ощутил вдруг волной накатившийся страх, острый приступ головокружения и невыносимую боль под левой лопаткой. Что это? Посланная вдогон пуля охранника? Тогда почему я не слышал выстрела?

Цепляясь руками за гибкие колючие прутья и чувствуя,

как подо мной скользит и переворачивается земля, я еще услышал, как женщина, обхватив меня за плечи, кричит срывающимся голосом:

— Андрей, ты здесь? Ты меня видишь? Что случилось? Андрей, ну отзовись же...

Наверное, в этот момент я умер, так и не поняв, что происходит.

...В покрытое толстым слоем льда маленькое оконце ударил луч встающего из-за сопот солнца. Оконное стекло превратилось в подобие облизанного до бритвенной тонкости красного леденцового петушка.

Радужным огнем вспыхнула граненая пробка стоявшего на сколоченном из толстых досок столе графина.

Медово засветились свежеструганные, с потеками абрикосовой смолы бревна стен.

Донесся запах трещащих и стреляющих в печи дров. И жарящихся на подсолнечном масле пирожков с капустой, картошкой и печенкой. Совсем как в далеком уже детстве, когда с подобной цветовой гаммы, звуков и запахов начиналось предпраздничное утро тридцать первого декабря пятьдесят какого-то года...

Если сейчас медленно, предвкушая удовольствие, открыть глаза, то в углу комнаты увидишь украшенную сверкающими шарами и игрушками, разноцветными флажками и бумажными цепями елку, а за окном густо-синее безоблачное небо и верхушки покрытых сахарным инеем кленов.

Днем ждет новогодний спектакль с возбуждающей процедурой раздачи подарков в старинном здании драмтеатра, потом единственная в году ночь, когда родители не запрещают читать «Тайну двух океанов» до самой полуночи, а впереди целых десять дней зимних каникул.

Подобного ощущения абсолютного счастья я не испытывал больше никогда.

Улыбнувшись, я так и сделал — медленно открыл глаза. Увидел низкий деревянный потолок над широким топчаном, на котором лежал, совсем маленькую комнату, где только и помещались стол, табурет да домотканый коврик на полу, малиново светящееся оконце со стаканом крупной серой соли между рамами (чтобы не запотевали стекла). Полуоткрытая, сколоченная из лиственничных брусьев дверь вела в соседнее помещение — очевидно, кухню, откуда и доносились на-

помнившие о детстве запахи пирогов и еще приятный женский голос, напевающий «Песню без слов» из кинофильма «Мой младший брат».

Мелодию я узнал сразу, а вот где нахожусь, что это за охотничья избушка (так воспринималось это помещение) — сообразить не мог. Но постель была мягкая, обстановка — уютная, женский голос — волнующий и как бы намекающий на другие достоинства его обладательницы. Встать не хотелось, да вроде и необходимости такой не было. А что я не помню ничего о себе и обстоятельствах, приведших в этот гостеприимный дом, так какая, в сущности, разница, кем себя считать и где находиться?..

Так человек в момент пробуждения забывает сон — остается лишь ощущение чего-то яркого, увлекательного, внутренне логичного, а попытка вспомнить его содержание сразу рвет в клочья эту невесомую радужную ткань, превращает ее в клубящийся серый туман...

И вся моя предыдущая жизнь представлялась сейчас долгим сном, содержание которого растворилось в этом тумане.

Только, кажется, не все в моем сне было так уж красиво и безоблачно, скорее наоборот... По мере того как происходил переход от сна к яви, чувство тревоги нарастало, я погружался в нее, как в холодную воду, от только что владевшей мною эйфории не оставалось и следа.

Откинув одеяло, я резко сел, искал глазами одежду. Дверь в кухню открылась, на пороге появилась высокая тонкая женщина с распущенными по плечам, отливающими светлой медью волосами. Молодая, наверное, нет и тридцати, с лицом заграничной кинозвезды... Как звали ту, в фильме про первобытных людей и динозавров? Тоже странно, название фильма я вспомнить не смог, а имя актрисы память услужливо подсказала: Рэчел (или Ракель?) Велч. Тогда мы все ею восхищались. Действительно похожа. Самое интересное — женщина была совершенно голая. Если не считать золотистых меховых сапожек из шкуры нерпы. Нет, я ошибся — на ней были совсем узенькие трусики телесного цвета...

Увидев, что я проснулся, женщина широко улыбнулась большим, но все равно красивым ртом.

— С добрым утром. Вставай, завтрак уже готов...

Видимо, мы были с ней достаточно близки, раз она позволяла себе разгуливать в таком виде, нисколько этим не смущаясь.

Первым побуждением было протянуть руку, поманить к

себе, обнять... Очевидно, подобный поступок соответствовал бы логике наших отношений. Да и ее тело, настолько утрированно сексуальное, что больше напоминало рисунок Бидструпа, нежели реально существующий объект, не позволяло думать ни о чем другом...

Но я этого не сделал, более того — непонятный страх усилился. Словно была это не просто красивая, влекущая и, наверное, доступная женщина, а какая-нибудь гоголевская панночка... Мне захотелось вскочить, выхватить из-под подушки пистолет, который наверняка должен был там лежать со вчерашнего вечера, щелкнуть затвором. Отчего вдруг? Какие стертые из памяти, но сохраненные подсознанием события внушили вдруг такую мысль?

Наверное, я не совладал со своим лицом, потому что женщина вскинула перед собой руки испуганным жестом. Улыбка исчезла, сменилась растеряннo-жалкой гримасой.

— Андрей, что ты, что ты?.. Почему ты так смотришь? Это же я... Тебе снова приснилось что-то? Ляг, успокойся, сейчас все пройдет. Подожди, я принесу тебе воды или, может быть, кофе? — Продолжая говорить, она пятилась назад, отступила за порог и только там остановилась, положив ладонь на дверную ручку, готовая при первом моем движении захлопнуть тяжелое полотнище.

Чем я ее смог так напугать? А она меня? Что вообще происходило между нами накануне днем? Или ночью?

Отчего она в таком виде? Мы что, спали с ней вместе? Судя по солнцу, сейчас раннее утро, значит, совсем недавно она лежала рядом, а я это напрочь забыл?

Андрей? Она назвала меня Андреем? Так меня зовут? Странно, но почему бы и нет?

Чтобы успокоить женщину, я откинулся на подушку и даже спрятал руки под одеяло.

— Я ничего не понимаю. Я не знаю, почему ты меня боишься. Как тебя зовут? Где мы находимся? Объясни. Я заболел? У меня что-то с головой? Если мне нужно лекарство — принеси. Обещаю вести себя спокойно... — Слова легко возникали у меня в голове и слетали с губ, но одновременно мне казалось, что произносит их кто-то другой. Значение каждого слова по отдельности я вроде бы понимал, но фразы звучали словно на чужом языке.

Женщина слушала меня, чуть наклонив голову, лицо ее постепенно вновь принимало обычное выражение.

Она подняла с пола, грациозно присев, лежавшую под вешалкой скомканную мужскую рубашку, надела в рукава и

застегнула две нижние пуговицы. Прикрыла свои прелести, но стала от этого еще более привлекательной.

Кажется, я действительно уже видел ее раньше. Так знакомы эти длинные загорелые ноги каких-то особенно плавных очертаний, гладкий подтянутый живот, характерный поворот головы, необычный, изумрудный оттенок глаз... Имя, еще бы услышать ее имя, тогда я, наверное, вспомню и все остальное...

Приподнявшись на подушке, я собрался повторить свой вопрос и увидел, как женщина, воспользовавшись моментом моей слабости или промедления, отскочив за порог, потянулась рукой, подняла стоящую в кухне у стены короткую винтовку незнакомой системы и неуклюжим движением, оттопырив локти, направила мне в глаза черное колечко дула.

Не помню, успел я дернуться навстречу, был ли вообще выстрел, только постель подо мной качнулась, завертелась, стремительно набирая обороты, веселый золотисто-розовый свет померк. Секунду еще я различал в накатывающей мгле словно вырезанный из черной бумаги женский силуэт, потом он растворился в визжащей, как циркулярная пила, вязкой темноте...

Выходит, что я умер вторично.

...Серый, вспененный, предштормовой океан. Под ногами дергается и раскачивается узкая палуба. Низко летят клочковатые, почти черные тучи. Грудами валяются, со звоном перекатываются от борта к борту гильзы малокалиберных пушек. И я, цепляясь руками за тонкие леера, бегу по этой палубе вперед, на полубак, где в кресле наводчика скорострельного орудия косо висит женщина в ярко-алом комбинезоне, касаясь мокрых досок настила длинными золотистыми волосами.

Я вижу, как справа по курсу, в полукилометре или чуть дальше, бледным бензиновым пламенем горит низкий торпедный катер.

Но мне на него сейчас совершенно наплевать. Рискуя сорваться в кипящие волны, я наконец добрался до лафета, упал возле женщины на колени, увидел вспоротый осколком спасательный костюм и развороченную, с торчащими обломками ребер рану под правой грудью.

Немедленно надо что-то делать, но вот что? Под руками нет даже индивидуального пакета. Еще минута, две — и

женщина умрет. А может быть, уже?.. Разве живут с такими ранами? Но что же тогда будет со мной?

Настолько непереносим был охвативший меня ужас, что я рванулся вон из этого кошмара. И — проснулся? Или...

Рванувшись вон из этого кошмара, я вырвался не только из него, а вообще отовсюду, где был и не был. И увидел Вселенную. Как уже видел раньше: будто бы извне, хотя и не понимал, как это возможно. Если она бесконечна во времени и пространстве, значит, по определению не могло существовать никакого «извне».

Однако так было, и это не противоречило каким-то специальным, высшим законам мироустройства.

Более того, вселенных было много, занимающих одно и то же место «пространства», как бы вложенных друг в друга, отличающихся «фактурой» и «цветом». Это означало, что некоторые существуют сейчас, другие в «прошлом» и «будущем», если принимать за точку отсчета то место и время, где находился «сейчас» я сам. Были такие, что существовали до Большого взрыва, и такие, что возникнут после всеобщего гравитационного коллапса. Все вместе можно было бы назвать Метавселенной. Та часть моего сознания, которая сохраняла связь с исходной личностью, умела оперировать земными понятиями и знала, что видимая мной картина охватывает примерно десять в семидесятой степени лет и полсотни миллиардов парсеков. Дальше все сливалось в слабо фосфоресцирующую дымку.

Я ощущал себя локализованным в известных размерах физическом объеме и одновременно размазанным вдоль пронзающих десятки измерений волновых каналов и струн, словно был невообразимых размеров мыслящей амебой с триллионами псевдоподий и бесконечной скоростью передачи нервных импульсов.

Я понимал, если вообще уместен этот термин, не передающий и доли процента смысла моей нынешней мыслительной деятельности, что сейчас происходит очередная попытка контакта с Держателями Мира или пока еще только подключения к созданной и контролируемой ими Великой Сети.

В тот момент я знал — этот контакт был произвольно инициирован Сильвией, включившей свой универблок, который пробил канал внепространственного перехода и тем

самым вынес меня за пределы исходной реальности. А там вступили в действие уже другие законы. Мой мозг уподобился компьютеру, долго работавшему в «замкнутом режиме» и вдруг подключенному к сетям Интернета.

Я снова стал если и не равен Держателям по силе и возможностям, то вышел, выражаясь по-футбольному, в одну с ними лигу. А там уж как получится.

Это был наш очередной контакт, по-прежнему односторонний, но куда более глубокий, чем предыдущие. Мне открылся механизм взаимодействия с Сетью, и я даже стал догадываться, каким образом возможно ею управлять. То есть, в идеале, приобрести неограниченную власть над Вселенной, возможность (или даже обязанность) поучаствовать в Игре реальностями в качестве союзника одной из сторон, а как-нибудь позже и в качестве независимой третьей силы.

Нужно было постичь самое главное — как выходить в Гиперсеть самостоятельно, без чьего-либо разрешения или поддержки. Пока что меня в нее «допускали».

Только зачем? И кто? Тот игрок, кто рассчитывает сделать меня своим союзником и потихоньку, оберегая от перенапряжения и срыва, вводит в курс дела или, наоборот, заведомый противник, решивший сжечь мой слабый пока еще, слишком человеческий мозг запредельной перегрузкой?

Сверхспособности Держателей заключались в том, что они постоянно пребывали вне времени и пространства, то есть не принадлежали даже и к Метавселенной, при этом постоянно воспроизводя в своем «сознании» ее полную информационно-динамическую копию. Выходило так, что они существовали уже тогда, когда не было еще и самого времени. Они создали его сами, для собственного удовольствия.

И, по доступной мне логике, они должны были держать «в памяти» не только реально существующую Метавселенную, но и все ее реализованные и даже гипотетические варианты.

Невообразимо вроде бы. А с другой стороны, даже я сам, прожив на Земле какие-то тридцать с небольшим лет, ухитряюсь держать в полутора тысячах кубосантиметров своего мозга объем информации, достаточный для того, чтобы участвовать в моделировании альтернативных историй и довольно полно представлять схему всех знаний, накопленных человечеством, ну и, наконец, чтобы выступать в качестве партнера этих самых Держателей. При том что физический объем их личностей и срок существования отличаются от моих на миллиард порядков. Так что не в количественных соотношениях тут дело...

Надо возвращаться, понял я, запомнив то, что удалось постичь. Где-то там, в бесконечно далеком и исчезающе маленьком рукаве одной из галактик, затерялось мое человеческое тело, и если я не успею его разыскать, то окажусь пленником Гиперсети навсегда, постепенно развоплощаясь. Заманчивая перспектива для буддиста, но для меня пока преждевременная. Неизвестно почему, но мне, уже приобщившемуся к Гиперразуму, хотелось обратно, как ребенку домой из пионерского лагеря. Хотя там и интересно, и море, и походы с кострами, и новые друзья, а дома провинциальный пыльный городок и неизбежная надоевшая школа, а вот тянет, иногда до слез. (Кстати, а это откуда, почему — провинциальный? Ведь я родился и всю жизнь прожил в Москве.)

Я начал стягивать свою бесконечно протяженную личность к единой точке и реконструировать алгоритм возвращения. Задача осложнялась тем, что существовало несколько равновероятных реальностей, возникших в результате не слишком компетентного и корректного вмешательства в игру Высших сил, и попасть в нужную, туда, где осталось единственно подходящее для бессмертной души смертное тело, было куда труднее, чем посадить реактивный истребитель на палубу авианосца в штормовом океане.

Совмещаясь с подходящей по характеристикам нейронной структурой, неведомым чувством я мгновенно понимал, что промахнулся, и «уходил на второй круг».

Тогда и возникали тревожные «звонки» несоответствия, которые включающийся мозг преобразовывал в кошмарные видения.

Себя настоящего я нашел лишь с четвертой попытки. Продолжая все ту же авиационную аналогию (с чего бы пришла на ум именно такая, ведь я никогда не был летчиком?), я понял, что посадка удалась, колеса схватили палубу и крюк зацепился за трос финишера. Обессиленно откинулся на спинку сиденья, разжал пальцы на мокрой от пота ручке...

До сих пор не могу сообразить, отчего именно из таких вариантов иных реальностей мне пришлось выбирать? Откуда в кошмаре появлялись демонические, угрожающие смертью или сулящие смерть роковые женщины? Не оттого ли, что в момент моего «ухода» с Земли последнее, что я ви-

дел, была как раз похожая, пугающе красивая Сильвия? И электронная эманация моей личности инстинктивно выхватывала из параллельных миров нечто сопоставимое? И что ж это за судьбы выпали моим аналогам в неведомых мирах? Не позавидуешь, пожалуй.

Однако то, что я увидел, очнувшись и открыв глаза, меня тоже отнюдь не обрадовало...

Пролог-2

...Пронесясь ураганом над Россией, заканчивался двадцатый год. И ураган, следует признать, был неслабый. Смешавший и перепутавший исторические реальности, геополитические закономерности, предположения и надежды одних и страхи других, коммерческие расчеты и прекраснодушные мечтания, а главное — миллионы и миллионы людских судеб во всех концах света, иногда настолько удаленных от центра событий, что там и слово такое — «Россия» мало кто слышал.

Начинался год если и не для всех приятно, то хотя бы объяснимо. Красные наступали на всех фронтах. Белое движение в Сибири, потеряв своего вождя, практически перестало существовать, лишь в Забайкалье пока держался атаман Семенов. Деникин еще сражался за Северный Кавказ, но положение его было почти безнадежным.

С точки зрения исторического материализма все происходило закономерно и единственно правильным образом.

И как-то сразу трогательное совпадение теории с практикой оказалось вдруг разрушено.

Зажатые в Крыму и не имевшие, казалось, ни малейших шансов не только победить, но хотя бы продержаться до зимы врангелевские дивизии внезапно перешли в наступление и за несколько недель нанесли Красной Армии поражение, сравнимое с тем, что она же потерпела двумя месяцами раньше на польском фронте. А как там все здорово начиналось! «Даешь Варшаву, даешь Берлин!» Еще бы чуть-чуть, и встал вопрос о советизации Парижа, Копенгагена и Амстердама. Однако — сорвалось. Поляки отчего-то вдруг оказались сокрушительный отпор, обратив в бегство одну и разгромив вторую половину армии вторжения. Возможно, именно там и начался очередной зигзаг истории. А вслед за этим и белый фронт от Каховки и Перекопа внезапно докатился до Тамбова, Курска и Смоленска.

Чудовищная, пятисполовиноймиллионная Красная Армия, состоявшая на две трети из насильно мобилизованных крестьян, военнопленных, профессиональных мародеров и отловленных загранотрядами дезертиров, кое-как стянутая обручами жестоких репрессий и вдохновляемая надеждой доделывать наконец то, что еще оставалось в руках законных хозяев, бывшая как-то пригодной для наступления на вдесьятеро слабейшего противника, после первых же нокаутирующих ударов стала разваливаться, как армия Спартака под ударами легионов Красса и Лукулла.

В недрах самой РКП, деморализованной не столько военными поражениями, сколько неясностью вопроса, кто за них должен отвечать, образовалось нечто вроде заговора, послужившего удобным поводом для первой в истории партии капитальной чистки, не идеологической, а самой что ни на есть физической, с массовыми арестами и не подлежащими обжалованию расстрелами, без учета заслуг и личностей, до членов Политбюро включительно.

Историкам еще долго предстоит выяснять, что чему предшествовало — заговор в партии удавшемуся покушению на Дзержинского или наоборот. Как бы там ни было, «железный Феликс» был убит выстрелом из снайперской винтовки в тот момент, когда он ехал из Кремля на Лубянку, сжимая в руках портфель с только что подписанными Лениным проскрипционными списками.

Как известно, на смену романтикам революции всегда и повсеместно приходят прагматики. Через двадцать лет или через несколько месяцев, в зависимости от обстановки.

Нашлась замена и рыцарю революции из числа его соратников, молодых, но уже вполне осознающих неразрывную связь интересов ведомства со своими личными интересами. Расширить согласованные с председателем Совнаркома списки подлежащих изъятию делегатов X съезда партии на сотню-другую фамилий не составило труда, и к исходу следующего дня партийно-государственный переворот можно было бы считать свершившимся.

Тем более что нервные перегрузки и треволнения последних месяцев, угроза неизбежной гибели первого в мире государства рабочих и крестьян, а также полная неопределенность собственной судьбы сыграли роковую роль. Вождь мирового пролетариата скоропостижно скончался от инсульта дождливой октябрьской ночью.

Вся полнота власти, партийной, государственной и военной, сосредоточилась — так уж все сошлось — в руках това-

рища Л. Д. Троцкого, верного друга и соратника усопшего вождя, нестигаемого борца за... Ну, за какое-то там интересное всем участникам предприятия дело. А кому еще и наследовать? Не Зиновьеву же...

Со свойственной ему мудростью и решительностью, а также опираясь на творчески переосмысленные идеи основоположников, товарищ Троцкий в первые же дни своего правления сделал невозможное. Он сумел сохранить нерушимое единство партии и уже готового впасть в смуту народа, начал переговоры с правительством юга России о заключении почетного харьковского мира, разработал и стал железной рукой проводить в жизнь новую экономическую политику, опубликовал Октябрьские тезисы о возможности мирного сосуществования двух политических и экономических систем на территории одной, отдельно взятой (за горло!) страны, и это не считая ряда менее исторических, но не менее оригинальных и эффектных акций.

Потерявший было за шесть лет империалистической и гражданской войн не только ощущение реальности, но и инстинкт самосохранения народ начал медленно приходить в себя. Словно бы наутро после затянувшегося на неделю престольного праздника. Потряс раскалывающейся с похмелья головой, пощупал языком острые обломки незнамо кем выбитых зубов, оглядел в мутном зеркальце опухшую, в синяках и ссадинах физиономию: «Это что ж оно такое было, батюшки-светы? Ну, погуля-я-л-и-и...»

...Отвлекаясь даже от несколько ернического тона изложения новейшей истории, придется все же подчеркнуть, что описанные выше события произошли по совершенно случайной причине.

Просто человек, которого звали Андрей Новиков, родившийся на три десятилетия позже описываемых событий, возвращаясь из гостей летней московской ночью, не захотел спускаться в мраморно-бронзовые подземелья метрополитена, а пошел пешком. Переходя Большой Устьинский мост, остановился над серединой реки, охваченный вдруг непонятной, беспричинной печалью, закурил толстую иностранную сигарету без фильтра, включил редкий по тем временам кассетный «Грюндиг». Плескалась внизу черная, пахнущая мазутом вода, тащилась против течения, постукивая мотором, самоходная баржа, выводил тоскливые, подходящие к настроению пассажи «Сент-Луис блюза» альт-саксофон.

Кто жил в те времена, тот должен помнить, как оно было. После двадцати трех часов, тем более не в центре, по улицам мелькали только редкие такси, а частных машин, считай, и вовсе не было, вероятность встретиться с бандитом или хулиганами не слишком превышала шанс по трезвому делу попасть под поезд. Оттого Андрей почти не удивился, когда в виртуозное сплетение джазовых квадратов добавился вдруг четкий отзванивающий стук металлических набоек по бетону и через пару минут с ним поравнялась высокая девушка в белом плаще — воротник поднят, руки в карманах.

Хотя в слабом свете редко расставленных фонарей трудно было рассмотреть черты ее лица, по неуловимым, но очевидным признакам он догадался, что девушка весьма хороша собой. Не удержался и окликнул:

— Вы не хотите постоять со мной немного?

Она остановилась. Глянула внимательно, чуть наклонив голову. Он тоже молча ждал, что ответит незнакомка.

— Тоска? — спросила девушка, выдержав долгую паузу. Голос у нее был приятного, даже волнующего тембра. — Подруга не пришла?

— Не в подруге дело, — ответил Новиков. Факт, что элегантная, совсем не рядового типа девушка не испугалась, не пробежала мимо, а с ходу включилась в разговор и ответила психологически точной фразой, показался ему сулящим нечто нетривиальное.

— Тогда хуже. Тоска без причины. Это мне знакомо. — Она подошла к парাপету, тоже взглянула на дрожащие в воде отблески огней.

— Что вы курите? — спросила девушка, тем самым дав понять, что знакомство состоялось.

— «Вавель».

— Не слышала. Судя по названию — польские?

— Да, краковские. Сугубо неплохие. Составите компанию?

Девушка взяла сигарету из протянутой белой коробки, закурила, несколько раз, не затягиваясь, выпустила дым.

Несколько минут они стояли, перебрасываясь короткими, малозначительными якобы фразами, словно разыгрывая сцену из неснятого фильма Антониони.

Потом парень сказал:

— Конечно, нет.

— Что — нет? — удивилась девушка.

— Я прокрутил до конца наш возможный диалог и ответил на вашу последнюю реплику. Вы должны были сказать:

«Как я понимаю, нам сегодня не следует знакомиться...» Я с вами согласился.

Девушка посмотрела на него с подлинным интересом и уважением. Действительно, нечто подобное она имела в виду сказать в заключение их необычной встречи, и не так уж на поверхности это лежало.

— Вы ученик Вольфа Мессинга?

— Нет, я только профессиональный психолог. Довольно редкая, бессмысленная здесь специальность. Чем-то даже оскорбительная для советской власти, которая считает, что чтение в душах лишь ее прерогатива. Поэтому считаю, нам нужно перейти на «ты» и не знакомиться как можно дольше. Мы с тобой люди одной серии...

— Вы не боитесь откровенничать с незнакомками, о странный юноша?

— Представьте, нет. Дальше фронта не пошлют, меньше взвода не дадут...

— Что в таком случае значит — люди одной серии? И почему обязательно необходимо переходить на «ты»?

— Тебе это показалось неприятным?

— Ты знаешь, удивительно, но нет.

— О'кей, я не ошибся. — И объяснил, что он имел в виду.

Незаметно для обоих они уже оказались на правом берегу и поднимались вверх, к площади Ногина. И еще часа два бродили по улицам, оживленно беседуя и старательно избегая всего, что могло показаться банальностью в словах и поступках. И даже когда время далеко перевалило за полночь и он, забывшись, предложил проводить ее, она со смехом отказалась:

— Нет, прямо сейчас расстанемся. Я направо, ты налево. А если хочешь, встретимся через три дня в то же время на том же месте. Будет хоть что-то необычное в жизни...

Они действительно встретились через три дня, потом еще и еще.

Если бы знал тогда Андрей, почти вполне обычный аспирант-психолог и начинающий журналист, что им сулит это романтическое знакомство...

С первых минут он понял, что ему попалась невзначай самая красивая и умная девушка из всех, что он когда-либо знал и видел, но никак не мог вообразить остального. Инопланетные разведчицы в патриархальные брежневские годы на улицах Москвы встречались крайне редко.

Да и она, агент-координатор агтрианской суперцивилизации, носящая здесь псевдоним Ирина Седова, уж тем более не могла представить, что заинтересовавший ее в чисто

профессиональных целях землянин вскоре заставит ее забыть о служебном долге, более того — перейти на сторону «врага» и вместе с Андреем и его друзьями включиться в грандиозные и непонятные даже ей «звездные войны».

И вот теперь, восемью годами позже встречи, случившейся, хочу заметить, в далеком семьдесят шестом году и не сулившей поначалу ничего, кроме приятной связи очаровавших друг друга девушки и парня, которая могла бы завершиться свадьбой, но точно так же и вообще ничем, клонился к своему закату девятьсот двадцатый год.

XX век начался, как известно, вопреки формальной хронологии, шесть лет назад, в августе девятьсот четырнадцатого. Но в лондонском «Хантер-клубе» тщательно и истово, как русскими старообрядцами дониконианский канон, соблюдался нравы и обычаи доброго, старого, викторианского XIX века.

Промозглым осенним вечером в нем собрались поужинать несколько весьма приличных джентльменов. Безусловно имеющих членские карточки, проверить которые, впрочем, не пришлось бы в голову ни одному лакею и даже самому метрдотелю, если бы он даже и не знал половины гостей в лицо.

Двое из них были депутатами палаты общин, один — палаты лордов, а остальные выглядели не менее солидно.

Иначе и не могло быть: стать членом привилегированного клуба в те далекие времена было куда труднее, чем сегодня академиком. Тем более одного из тех, что составляли славу аристократического Лондона. И существовали двести и более лет с неизменным уставом и почти неизменным семейным составом своих членов, где джентльмены времен Питта и Дизраэли вполне могли бы соседствовать за столиками с джентльменами из окружения Ллойд-Джорджа и Чемберлена.

Однако хоть и крайне затруднен был путь соискателей к заветной карточке, но ведь отнюдь не невозможен. Однажды клановый барьер преодолел даже какой-то русский князь, в присутствии двух «непременных членов» взявший на рогатину сорокапудового медведя и тут же лично снявший с него шкуру. И теперь, сумев с все той же, не утраченной с годами ловкостью оставить в дураках всесильную ЧК, князь через три границы добрался до Лондона и обрел здесь

★ пожизненный покой. Он появлялся в клубе ежедневно в девять утра и проводил там время до полуночи, завтракая, обедая, ужиная, играя в бильярд и бридж, а все остальное время читал газеты в кресле под картиной с изображением собственного подвига, имевшего место быть в 1897 году несколько южнее Костромы.

Величественное трехэтажное здание клуба на Пэлл-Мэлл украшало этот исторический район и стоило, как говорили, со всем своим содержимым не менее трех миллионов полновесных викторианских гиней. И, пожалуй, не зря.

Клубный ресторан, правой застекленной стеной выходящий в ухоженный зимний сад, кроме двадцати столиков общего зала, имел еще и несколько отдельных кабинетов, предоставлявших своим посетителям приятное или нужное уединение.

Один из них (последняя дверь направо по коридору) и был приготовлен для описываемой нами встречи.

Овальный стол, обтянутый тщательно выдубленной и выскобленной шкурой африканского слона, подстреленного полковником Флэнаганом в 1839 году в Родезии, окружали двенадцать кресел, изготовленных из тысячетелного баобаба, пораженного молнией в 1851 году в Кении. Стены были увешаны коврами, привезенными сэром Эндрю Стюартом в 1880 году из Афганистана, на них красовалась коллекция мечей и кинжалов, собранная еще каким-то членом клуба в Бирме.

Слева от входа, разожженный слугами за полчаса до прихода гостей, пылал камин.

Ужин, поданный по общей карте, был неплох, хотя и не представлял из себя чего-то исключительного. Клубная кухня славилась не столько изощренностью, сколько свежестью продуктов и квалификацией поваров.

Закуски, отварная рыба, приправленная острым соусом, внушающий уважение своими размерами ростбиф, пирог с олениной, ирландский пудинг, три сорта сыра, варенье из крыжовника, в меру поджаренные тосты. Ну и для начала, конечно, устрицы. Напитки тоже обычные — джин, виски, грог, содовая вода и вода хинная, ваза с колотым льдом шотландских озер и несколько видов крепких ликеров к кофе.

Только вот собравшихся господ ужин интересовал не так сильно, как этого хотелось шеф-повару.

Похоже, они лишь отдавали дань традиционной процедуре, а не утоляли голод. Пили тоже мало. По преимуществу шотландское виски с большим количеством льда, а непривычные к этому напитку — мадеру и херес.

За едой говорили на предписанные этикетом темы, попытки же сей этикет нарушить пресекались даже не словами — взглядом.

Наконец председательствующий за столом джентльмен отложил нож и вилку, промокнул губы льняной салфеткой.

— Не перейти ли к сути собравшего нас здесь вопроса, джентльмены?

Пока похожие на вице-премьеров правительства слуги убирали со стола, господа передвинули свои кресла ближе к камину.

Лишь двое достали из кожаных футляров трубки, к услугам остальных клуб предоставил лучшие сорта сигар. Зелено-буро-красные гаванские, бледно-зеленые и тонкие трихинопольские, черные панамские, завернутые в кукурузные листья пахитосы из Мексики. Их извлекали из коробок со всеми предписанными ритуалами, обнюхивали, обрезали и раскуривали, смаковали первые, самые вкусные после ужина порции дыма.

Казалось, сейчас бы и начаться главному, неторопливому и волнующему разговору — о качествах патронов и стволов, о способах прицеливания в камышах и преимуществах стрельбы по тиграм со слона перед засадой, о технике выделения чучел, наконец, однако...

Совсем не для того, чтобы обсудить все это или наметить планы очередного грандиозного сафари, собрались здесь джентльмены. И не поход к верховьям Амазонки разжигал их воображение. Даже профессор Челленджер не смог бы их увлечь рассказом о загадочном плато Мепл-Уайта. Какие там слоны и львы, какие крокодилы, птеродактили и тиранозавры, хотя именно охотничьими подвигами своих членов славился «Хантер-клуб».

Но все-таки охота намечалась... И пусть большинство сидящих у камина давным-давно, а то и никогда вообще не сжимали потной рукой цевок «нитроэкспресса», трофеи волновали их нешуточные.

— Приходится с прискорбием отметить, что со времени нашей последней встречи ситуация из неприятной превратилась в катастрофическую, — открыл дискуссию плотный господин в визитке, полосатых брюках и серых гетрах. — В результате совершенно неожиданного развития событий все наши планы и расчеты летят, прошу прощения, к черту. — Он нервно почесал плоскую, как малярный флейц, бородку. — Заключение мира между большевиками и Вранге-

лем влечет за собой как минимум десять неблагоприятных для нас последствий...

— Благодарю вас, но перечислять все не надо, — поставил в воздухе дымный крест взмахом сигары председательствующий на этом собрании рафинированный господин, похожий на королевского мажордома. — Каждый представляет их в достаточной мере.

— Нет, а я все же хотел бы изложить, — воспротивился первый докладчик. — Потому что, зная собственные потери, не каждый представляет всю картину в должной полноте. Не уверен, что и вы, достопочтенный сэр...

— Ладно, говорите, — смирился председатель.

— Благодарю вас, сэр. Так вот, что мы все, в разной, конечно, мере, от нынешнего парадоксального развития событий теряем:

первое — систематическое поступление в контролируемые нами банки золотовалютных ценностей в виде прямых перечислений. Сумма потерь уже составила около ста миллионов швейцарских франков;

второе — ставится под вопрос уже согласованное перемещение в контролируемые нами же аукционные фирмы предметов искусства и антиквариата из крупнейших государственных и частных коллекций России. В том числе из хранилищ царствовавшего там дома. Сумма — не менее миллиарда тех же франков в ближайшие два года;

третье — становится неясным вопрос о судьбе концессий на территории России, которые нам были обещаны лично господином Ульяновым-Лениным. Сумма подсчету не поддается в принципе, но уж никак не меньше миллиарда в ближайшие годы;

четвертое — неизвестно, сможет ли расчлененная Россия стать планируемым рынком сбыта наших продовольственных и промышленных товаров или наоборот;

пятое — выигравшая войну и ставшая независимой Южная Россия Врангеля вряд ли подтвердит готовность расплатиться за свои и царские долги в денежной или натуральной форме;

шестое...

— Простите, ваши выкладки бесспорны, но все же достаточно. — Председательствующий пресек поток красноречия. — Джентльмены, без сомнения, могут даже дополнить ваш список...

— Вот именно. Тем более что на прошлой встрече мы как раз это уже обсуждали. — Инициативу перехватил сравнительно молодой джентльмен с не слишком уже модными

полубакенбардами. — Пусть и без таких подробностей. Конкретные финансовые вопросы важны, без сомнения, но это мелко, мелко...

— Десятки миллиардов для вас мелко?

— В сравнении с остальным — конечно. Смотрите шире. Ломается отлаженная структура равновесия. Соблазны входят в мир. Еще вчера лояльные банкиры Франции сегодня начинают сомневаться, не большая ли выгода светит им в случае ставки на союз с Югороссией? Традиционно наш Восток теперь задумается над выбором, а почему бы не с Россией налаживать контакты? Рельсы, винтовки и патроны там куда дешевле. И многое другое тоже. В итоге совершенно может исказиться вся система товарно-сырьевых потоков. А это ведь не просто деньги, это, прошу прощения, весь модус вивенди...

— А Палестина, господа, а Палестина? Вы понимаете, что статус Палестины...

— Зачем нам ваша Палестина? — довольно грубо перебил эмоциональный выкрик господина семитской наружности, но с розеткой Почетного легиона на лацкане, клубмен, похожий на отставного полковника колониальной службы. Потом наткнулся взглядом на ответный взгляд и закончил тише: — Палестина все же частность. На общем фоне...

— Вывод заведомо определен — существование двух России в нынешнем виде для нас неприемлемо. Возможно, у кого-то появились возражения? — примирительно спросил председатель собрания.

Ответом ему был не то чтобы ропот, а какой-то едва уловимый шелест, произведенный почти безмолвным движением губ и конечностей сотрапезников.

— Принимается за общее согласие, джентльмены. Отсюда следует вывод, подтвержденный полученными каждым из нас полномочиями, что мы едины в оценке ситуации и должны сейчас обсудить только конкретные пути ее благополучного разрешения...

— Как вы это себе представляете? — спросил озабоченный судьбою Палестины, но говорящий на безукоризненном английском господин.

— В идеале — как возвращение к полному статус-кво. Врангель и подобные ему непреклонные националисты должны быть низвергнуты, в России безраздельно воцарится коммунистический режим во главе с известными нам людьми, после чего мы продолжим с ним «взаимовыгодное сотрудничество». Не только экономическое.

— Или же наоборот, — вставил человек, похожий на

дядю Сэма с карикатур Кукрыниксов, — побеждает монархический, но слабый и полностью зависимый от наших стран режим. Также согласный на удовлетворение финансово-политических требований...

— Это уже нереально, — заметил кто-то. — Если бы такая возможность и сохранялась, как гарантировать, что ориентироваться эта гипотетическая власть станет именно на наш блок, а не на...

— Совершенно верно. Поэтому предлагаю не отвлекаться на сомнительные гипотезы и работать в рамках данности, имеющей место быть.

Общее согласие поощрило председателя на продолжение речи.

— Раз мы в этом вопросе едины, предлагаю рассмотреть следующий вариант — ликвидацию врангелевского режима, обеспечение перехода всей территории России под коммунистическую власть со всеми вытекающими последствиями. Тем более что уже к июлю мы этой цели практически достигли. Врангелю был предъявлен документ, имеющий смысл ультиматума, хотя по форме и не являвшийся таковым, после отклонения которого ему было отказано в военной и финансовой поддержке, с правительством Ленина заключены предварительные соглашения, началась практическая работа по обеспечению наших долгосрочных интересов. Одним из таких шагов было законодательное оформление так называемой Дальневосточной республики. Падение крымского правительства ожидалось не позднее октября-ноября...

— По полученным мной сведениям, все столь популярно изложенные уважаемым коллегой события начались с момента появления в Крыму некоего парохода под американским флагом, который доставил Врангелю крупную партию оружия, а главное — золото в слитках и монетах. А также, очевидно, и квалифицированных военных советников, поскольку сразу же белая армия начала одерживать впечатляющие победы... — с кислой гримасой изрек «колониальный полковник». — Вы, мистер Бартлед, можете что-либо сказать по поводу этого загадочного явления?

Тот, кого он назвал Бартледом, ответил с гнусавым акцентом уроженца Южных штатов:

— Пароход «Валгалла» приписан к порту Сан-Франциско. Владелец — некий Эндрю Ньюмен, гражданин САСШ. Однако ни самого парохода, ни господина Ньюмена никто в означенном городе не знает лично. Это не слишком удивительно. По наведенным справкам, в Америке в настоящее время проживает более сотни Эндрю Ньюменов, каждый

из которых по размерам своего капитала может быть владельцем подобного судна. Выяснить более точно пока не удалось.

— Неутешительная информация. Что можно сказать о качестве и происхождении поступившего на золотые биржи и в банки металла из Крыма?

— Большая часть золота в слитках добыта и аффинирована в Южной Африке. Качество металла и маркировка также подлинны. Монеты российские и американские, достоинством 10 и 15 рублей, 20 долларов. Подлинны, — ответил господин семитской внешности.

— Также малоинтересно. А как насчет количества?

— Вот здесь возникает самый тонкий момент. Пока общее количество поступивших во внутреннее обращение и на мировой рынок золота сопоставимо с тем, которое может реально находиться в частном владении достаточно крупного сообщества физических лиц или, раз мы имеем дело с русскими монетами, в руках врангелевского правительства. Например, это могло быть частью переправленного каким-то образом из Казани в Крым царского золотого запаса. Однако непонятно, почему оно всплыло лишь сейчас, хотя у Врангеля были и раньше весьма серьезные финансовые затруднения. Что же касается южноафриканских слитков, появление их совершенно необъяснимо.

— То есть?

— Движение маркированных слитков проследить не слишком трудно. По нашим сведениям, золото со штампами и реквизитами, аналогичными предъявленному для экспертизы, находится сейчас совсем в других местах.

— Реально или по документам?

— Пока лишь по документам...

— Необходимо срочно выяснить реальное наличие золота там, где оно должно быть, после чего станут возможными какие-то выводы. Что, если близкие нам люди начали двойную игру?

— Мне кажется, это перспективный путь...

Еще с полчаса продолжалось обсуждение частных, высказывались обоснованные и не очень предположения и гипотезы.

В целом выходило так, что в распоряжении присутствующих имеются неограниченные средства давления даже и на правительства ряда держав, входивших ранее как в Антанту, так и в Тройственный союз. Однако нет главного — четкого понимания того, каким образом политическую и фи-

нансовую власть преобразовать в эффективные силовые действия.

Легко можно купить или шантажировать премьер-министра, но даже он при самом горячем желании не сможет в обозримом будущем объявить полномасштабную войну той или другой России. Увы, издержки парламентаризма и буржуазной демократии. А суверенных властителей вроде Вильгельма, Франца-Иосифа или даже Абдул Гамида в сопредельных регионах уже не осталось.

Выходила как минимум на ближайшие полгода-год только стратегия не прямых действий против уже выявленных непосредственных виновников столь наглого вмешательства в дела «Системы». Диверсии, террор, организация провокаций, дестабилизация внутренней обстановки, «народные» восстания, в идеале — «законная» смена власти в одном или обоих сразу русских государствах путем активизации оппозиционных сил.

Для этого как раз имелись и теоретики, и практики. Двое из них присутствовали прямо здесь. Специалисты суперкласса. Соратники Лоуренса Аравийского и незабвенного Сиднея Рейли. Владевшие русским как родным, разбирающиеся в тайнах славянской души почти как Достоевский, а главное, имеющие в своем распоряжении штат кадровых агентов и добровольных помощников... Уж чего-чего, а Джеймсов Бондов и тогда вполне хватало.

— Вот первая и неотложнейшая задача, джентльмены, — изрек, категорическим жестом гася дискуссию, председатель. — В конечном счете устранить, но лучше бы, конечно, захватить живыми для последующей беседы таинственного господина Ньюмена с его людьми. Это касается вас. — Он указал костлявым пальцем на двух разведчиков и «палестинца». — И хорошенько присмотритесь к Троцкому. На что-то он еще способен или?.. Очередная встреча — здесь через неделю.

ГЛАВА 1

...Новиков неожиданно долго выплывал из беспамятства. Обычно процесс пробуждения занимал у него доли секунды, а сейчас уже начавшая осознавать себя личность пребывала в состоянии словно бы наркотического полусна. Еще не понимая, где он находится, Андрей вспомнил, как Сильвия протянула к нему руку, как его ослепила бело-фио-

летовая вспышка, и догадался, что, наверное, после этого произошел очередной внепространственный переход.

Ему уже приходилось перемещаться во времени и пространстве, и он снова удивился, насколько отличаются, в зависимости от используемой техники, физиологические реакции организма. Кустарный аппарат Левашова вызывал головокружение, дурноту и потерю пространственной ориентации, но всего лишь на доли секунды. Совершенная форзе-лианская техника Антона позволяла преодолевать годы и парсеки так же легко и непринужденно, как порог между комнатами обыкновенной квартиры. А вот сейчас с ним случилось нечто ранее не испытанное...

Да нет, как же неиспытанное? А тогда, на Валгалле?.. Новиков со странным в его состоянии удовлетворением подумал (или ощутил?), что память у него восстанавливается даже быстрее, чем ожидалось.

Действительно, они сидели с Берестиным после танкового сражения в тени разбитых тяжелыми снарядами «Леопарда» агтрианских бронеходов, курили, рассуждали о возможных человеческого разума в постижении особенностей инопланетной инженерной мысли.

Алексей, помнится, посетовал на собственную тупость и ограниченность, а Новиков не согласился и привел в пример такого признанного титана мысли, как Михайло Васильевич Ломоносов. Во всех науках изощренного, а иные и самостоятельно придумавшего. Но много ли он сумел бы понять, рассматривая обломки истребителя «F-16», сбитого зенитной ракетой?

Так что не стоило Берестину слишком самоуничижаться.

— Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, а потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий... — успел еще процитировать Андрей Козьму Прутова, и тут-то с ними все и произошло.

То есть агтриане захватили их в плен какой-то гравитационной ловушкой и перебросили в мгновение ока с горного перевала в недра своей удаленной на тысячи километров базы. Разложив попутно на атомы и проанализировав психические структуры личностей.

Без всякой преамбулы Новиков перестал тогда осознавать себя частью окружающего мира. Только что они с Алексеем радовались, что остались живы, дышали удивительно свежим и вкусным после заполненного пороховыми газами боевого отделения танка воздухом, шутили на выглянувшее в просвет между тучами местное солнце. И сразу все это исчезло. Будто в темном кинозале оборвалась пленка и

погас дымный луч света проектора. Но даже в наступившем беспамятстве ему было очень и очень плохо. Как если бы... ну, скажем, броситься с гранатой под гусеницы танка, успеть догадаться, что граната не взрывается, и пережить долгий и мучительный процесс перемешивания собственного организма с не слишком твердым грунтом.

Тот раз ему показалось, что длилось все это целую вечность, то есть до самых дальних границ сознания не воспринималось и не вспоминалось ничего, кроме боли и отчаяния.

Сейчас, правда, боли не было. Но состояние напоминало тяжелое похмелье после неумеренного употребления какой-нибудь гадости вроде самогона из гнилой картошки.

Однако завершился мучительный процесс перехода к обретению себя скачкообразным восстановлением интеллектуальных и физиологических функций, настолько полным, что уже и не верилось, вправду ли было ему только что так плохо или пригрезилось в одном из кошмарных видений.

Открыв глаза, Андрей увидел себя внутри белого шарового объема, заполненного как бы упругим непроглядным туманом. И хотя здесь не было и не могло быть никаких ориентиров, он догадался, что попал в то же самое место, что и прошлый раз. В камеру нулевого времени, своего рода переходный шлюз между Землей и Валгаллой. Конечно, он не мог быть в этом уверен полностью, аналогичное устройство, логически рассуждая, должно функционировать в любой точке сопряжения «нормальной» Вселенной с агтрианской, существующей по совсем другим законам. Однако интуиция подсказывала, что место — именно то...

Решив пока исходить из этого предположения, Андрей использовал тактику, прошлый раз принесшую ему успех. Сосредоточился, мысленно обращаясь к Сильвии и ее здешним соратникам, потребовал создать в «предбаннике» (или чистилище?) обстановку, соответствующую человеческим вкусам и привычкам.

Получилось. На долю секунды свет померк, как на театральной сцене при смене картин, и Новиков увидел, что в неудобной позе теперь полулежит на диване в холле большого гостиничного номера. Весьма похожего на тот, куда их с Алексеем заточили агтры годом раньше. Только мебель, ковры и портьеры тогда были выдержаны в шоколадных тонах, а сейчас — в золотисто-лимонных.

Стараясь быть несуетливым, не проявляя ненужного любопытства, все равно ведь не увидишь здесь ничего, что не было бы предусмотрено хозяевами, Андрей встал с дивана. Ноги его держали прочно, голова не кружилась.

Застекленный бар напротив был, как и в прошлый раз и как вообще положено в отелях такого класса, полон. Он взял с витрины пачку «Кэмела» и банку пива. Выглянул в окно и ничего там не увидел, кроме привычного молочного тумана. Как и ожидалось. Удивляясь собственному безразличию и спокойствию, Новиков опустил в кресло и начал ждать, рассматривая прилипшую к подошвам сапог кирпичную крошку с дорожек британского поместья Сильвии.

Похоже, как ни странно, его сюда перенесли вполне материальным образом. Или?..

Только сейчас, оказавшись в сравнительно нормальной обстановке, он начал восстанавливать то, что сохранилось в памяти от очередного выхода в галактическую Гиперсеть. Дважды он уже попадал в нее с помощью Антона и дважды же по инициативе кого-то из Держателей. Очевидно, из клана тех, чьим инструментом был Антон вместе со всей его Конфедерацией Ста миров.

А сам он произвольно делать этого по-прежнему не мог. Хотя вся заварушка из-за того и завязалась, что некто великий и могучий до полусмерти перепугался потенциальной способности земного разума включиться в игры титанов. Аттры и форзейли по определению на такой подвиг способны не были, да и вообще существовали (по некоторым данным) всего лишь в качестве внешних эффекторов нематериальных сверхсуществ. Впечатляет — цивилизации, включающие в себя более сотни звездных систем, освоившие тысячи кубических парсеков пространства, на века опередившие земную, — на самом деле не что иное, как элементы механизма дистанционного управления.

Они — инструмент, а мы, едва успевшие слезть с деревьев земляне, — субъект истории Вселенной. Как тут не загордиться, не восхититься самонадеянной гордыне предков-антропоцентристов. А также авторов Библии: человек, мол, создан по образу и подобию, а потому богоравен...

Странно только, что, обладая такими сверхъестественными способностями, он продолжает ощущать себя обычным человеком. В отличие, скажем, от персонажей последнего прочитанного в нормальной жизни романа Стругацких — люденов. Те, получив кое-какие особые дарования, однозначно и очень быстро теряли всякую духовную связь с нормальным человечеством. Или дело в том, что его способности пока все-таки лишь потенциальны? А в повседневности он, за исключением умения в не очень значительных пределах изменять статистическую вероятность осуществления

не противоречащих законам природы событий да еще обостренной интуиции, ничем от других людей не отличается.

В случае чего «не поднимет простое пятивершковое бревно, тем более — дом пятиэтажный».

А как понимать то, что он пережил в какие-то доли секунды, пока Сильвия переносила его (или его квантовую матрицу) с Земли на Валгаллу?

Он последовательно попадал в сугубо чуждые параллельные реальности, гораздо более далекие от тех, что ему уже доводилось видеть. Не зря Антон его предупреждал: смотри, мол, брат, не заблудись. Выйдешь на веселенькую изумрудную лужайку, а под ней — бездонная трясина хлопающей сероводородной грязи.

И везде присутствовала женщина, прекрасная и несущая в себе смертельный риск. Самое странное, он так и не мог вспомнить, на кого она похожа — на Ирину, на Сильвию, или то был совершенно новый персонаж альтернативной истории, причем каждый раз разный?

Но с тем же успехом это могла быть не «обыкновенная» параллельная реальность, а те самые Ловушки сознания... Запущенные в Гиперсеть особые подпрограммы, аналоги компьютерных «антивирусов», предназначенные для разрушения проникающих в Сеть конкурирующих миссией образов. И если бы он не сумел (или ему не помогли бы) из поля притяжения этих Ловушек вырваться, то он был бы обречен метаться внутри генерируемого ими псевдомира, пока не растворился бы в нем без следа, как кусок сахара в чашке чая...

А грезившаяся ему женщина играла в осуществлении коварного плана особую функциональную роль. Стоило бы, к примеру, узнать ее, откликнуться на ее призыв — и все! Пропал бы, как Хома Брут, не удержавшийся и взглянувший на панночку. Не зря же еще там, в бреду, мелькнула у него подобная ассоциация...

Если только... Если только он действительно сумел вырваться, а не остается по-прежнему там, в Сети, и все вокруг просто более убедительная имитация реальности. Есть способ проверить это или нет?

Ладно, еще будет время разобраться, нужно просто внимательнее приглядываться к окружающему миру, чтобы вовремя заметить очевидные несообразности. Если их вообще можно заметить.

А пока подождем развития событий, решил Андрей, допил неприятно теплое пиво и швырнул банку в угол, целясь в корзинку для мусора. И попал. Вот это, например, что пиво теплое — квалифицирующий признак или нет? Будь

оно иллюзией, что мешало бы ему оказаться ледяным, бутылочным да хоть просто более приличного сорта?

Как он и рассчитывал, ожидание было недолгим. И невероятно, времени в распоряжении аттров было неограниченное количество, если бы им требовалось как-то специально подготовиться к встрече. А уж наблюдать за его поведением исподтишка тем более глупо. Знали они о нем все до потаенных глубин подсознания, раз уж сумели в нужный момент переписать его личность на матрицу и пересадить в сознание товарища Сталина.

Сильвия вошла без стука, решительно, как в свою собственную комнату, и даже не поздоровалась. Очевидно, считала, что день, начавшийся неизвестно когда и неизвестно в скольких десятках парсеков отсюда, все еще длится. Правда, переодеться для этого визита она отчего-то потрудилась.

Вместо прозрачного, огненного цвета пеньюара, сброшенного прямо на голое тело, в котором она «только что» пыталась соблазнить Андрея, леди Спенсер предстала в строгом, цвета железной ржавчины костюме и в туфлях на такой высоты каблуках, что Новиков в очередной раз поразился, как вообще женщины ухитряются сохранять равновесие в такой обуви да вдобавок еще довольно грациозно и легко передвигаются.

Смену облика Сильвии он понял как намек, что прежние сексуальные игры закончились, а сейчас следует ожидать более серьезного разговора. И вновь подумал, а действительно ли эта рыжеволосая дама с пронзительными изумрудными глазами — природная инопланетянка, лишь изображающая английскую аристократку? Или все наоборот?

Он не смог найти ответа на этот вопрос, восемь лет зная Ирину, причем больше двух лет подряд — ежедневно, и также не нашел его, изучая Сильвию. Слишком уж они обе были земными женщинами во всех своих мыслях и поступках. Да вот и сейчас, пользуясь привычными аналогиями, можно ли представить себе Штирлица, вернувшегося из Берлина в Москву и прихватившего с собой Шелленберга в качестве военнопленного, Штирлица, продолжающего на родной Лубянке носить эсэсовский мундир, тщательно при этом соблюдая все непростые правила — когда допустимо надеть полевую форму, а когда парадную, к какому кителю полагаются два погона, а к какому один, и уж не дай бог появиться в сапогах, но без ремня с портупеей.

Вот и Сильвия, оказавшись впервые за столько лет среди

своих, не расслабилась, не сбросила надоевшие вражеские одежды, а старательно выбрала максимально соответствующий человеческим традициям наряд. Странно? Возможно, что и нет, если прочесть этот факт как некий сигнал, намек на то, что даже здесь ее следует воспринимать с учетом ранее достигнутых договоренностей, независимо от того, как она будет говорить и поступать в присутствии своих соотечественников, а то и прямых начальников.

...Усмехнувшись внутренне тому, как намертво въелась в него привычка анализировать и раскладывать на элементы все, даже внешне незначительные факты и явления окружающей действительности, Андрей вежливо привстал из глубокого кресла и изобразил нечто вроде поклона.

— Какая неожиданная встреча! Вы неизменно очаровательны, леди Спенсер. Я даже затрудняюсь определить, когда вы более восхитительны, сейчас или...

Новиков сделал движение головой, словно указывая куда-то назад и вверх. По его представлению там, среди звезд находилась сейчас Земля, Англия, родовое поместье Спенсеров и каминный зал, где Сильвия роняла с обнаженных плеч облачко алого шелка.

Андрей знал со слов Ирины и самой Сильвии, общаясь с Антоном и ведя собственную «оперативную разработку», что она исполняла роль английской аристократки на протяжении как минимум ста десяти лет. Появившись на Земле где-то около тысячи восьмьсот семьдесят пятого года, она, оставаясь вечно молодой тридцатилетней дамой, участвовала в качестве «агента влияния» в Берлинском конгрессе, во всех внешнеполитических акциях империи против России до семнадцатого года, приложила руку к победе большевиков в гражданской войне и так далее, вплоть до завершившейся крахом последней попытки коммунистической модернизации при Андропове. На этом ее плодотворная деятельность закончилась, поскольку их, агтрианский, исторический враг — форзейли, персонифицированные на Земле в лице шеф-атташе Антона, проявили большую военнополитическую гибкость и обошли аггров на повороте. А если еще точнее — сумели четче отследить ситуацию и догадаться, что, используя догматизм и интеллектуальную «заторможенность» аггров, сделать необыкновенно способных землян своими союзниками дешевле и выгоднее, чем неизвестно сколько продолжать конфликт без результата и шансов на победу.

Сильвия прищурила глаза, губы ее чуть дрогнули, но она ничего не сказала, не улыбнулась даже, только подчеркнуто

медленно закинула ногу за ногу, поправила край юбки, чуть выше, чем допускают приличия, соскользнувший вверх по искристому нейлону чулка. Потом надменно-изысканным жестом, словно для поцелуя, протянула тонкую руку с массивным, грубо кованным браслетом старого золота на запястье.

Андрей вскочил, подал ей сигарету, щелкнул зажигалкой. Когда агтрианка сделала первую глубокую затяжку, Новиков как бы между прочим спросил:

— Все время удивляюсь, что на вас гляжу, что на Ирину. Неужели вам действительно курить нравится? Биохимия... инопланетянская (он хотел сказать — агтрианская, но вовремя воздержался, Сильвии почему-то остро не нравилось это название. Слыша его, она всегда недовольно морщилась, словно Наташа Ростова, беседующая с поручиком Ржевским) тоже никотина требует или это чисто культурологическая привычка?

— Да вот, представьте, нравится. Причем от курения я получаю больше удовольствия, чем вы... — И на недоуменно приподнятую бровь Андрея пояснила: — Раком легких заболеть не боюсь.

— Это еще как сказать, — охотно ввязался в дискуссию Новиков. — Курить с риском для жизни куда приятнее. Помните: «Все, что опасностью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимое блаженство...» Впрочем, откуда вам это знать, на Западе Пушкина не читают...

— Опрометчивое заявление. Кое-кто и читает. «Все, все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслаждения — бессмертья, может быть, залог! И счастлив тот, кто средь волнения их обретать и ведать мог». Может быть, так?

— М-да... — Новиков тяжело вздохнул. — Забываем великие страны... Интеллигенты, аристократы духа! Одно только извиняет, растаскали классиков на цитаты за полтора-два года, ну и редактируем помалу для удобства повседневного употребления. А вы молодец, леди Спенсер, утерли меня аккуратненько...

Сильвия снова обозначила намек на улыбку легким движением губ. Андрей подумал, что вопреки всем доводам разума эта дама нравится ему все больше. Независимо от его чувств к Ирине. И даже, наверное, не так в сексуальном плане, как в интеллектуальном. Словно достойный партнер в преферанс. Играющий примерно в одинаковую силу, но по другим принципам. Нет, как женщина она тоже весьма привлекательна. Пропорции великолепные, классически правильные черты лица, роскошные волосы. И эта вот неулови-

мая аура чужеродности, совершенно неславянского генотипа. Ирина красивее Сильвии по всем параметрам, но она своя, стопроцентно русская по внешности, характеру, стилю поведения, а значит — в ней не хватает загадочности. Вдобавок уже второй месяц леди Спенсер не скрывает настойчивого желания затащить его в свою постель. Он пока держит дистанцию, но эта агрессивность волнует, и мысль о том, что стоит ему лишь захотеть... Да...

Она, похоже, догадалась, о чем он думает, и скромненько потупила глаза.

— Так вот, — Сильвия неторопливо выдохнула дым, — мы условились отвлечься от предрассудков и попытаться посмотреть на мир непредвзято. Ты согласился. И поверил мне более, чем я осмеливалась надеяться. Я это ценю...

— То есть? — спросил Новиков.

— У тебя были все основания предположить, что я затеяла очередную интригу. Заманиваю тебя в ловушку. Ты не испугался, даже позволил мне применить «портсигар», зная, что он не просто «средство передвижения», а и весьма мощное оружие...

— Как же, помню. Ты Сашку собралась им ликвидировать, «растянутое время» пыталась использовать... Чего уж... Война есть война. Схема простая. Или мы вас, или вы нас. Однако кое-какие принципы благородства должны сохраняться. Ты знаешь, чем уникальна русско-японская война девятьсот четвертого — девятьсот пятого годов?

— Не знаю, — несколько растерянно ответила Сильвия.

— А тем, что это была, с одной стороны, первая по-настоящему межцивилизационная война, а с другой — последняя в истории война, где стороны на сто двадцать процентов соблюдали все существовавшие к тому времени правила. Перемирия для сбора раненых, освобождение из плена под расписку о дальнейшем неучастии в войне, благодарственные письма микадо русскому царю за героизм его воинов, публикации стихов Такубоку Иэясу на смерть адмирала Макарова... Джентльменская война... Как раз потому, что японцы захотели показать, что они вполне готовы вступить в мировое сообщество на равных. Вот и я допустил, что у нас с тобой нечто такое же может получиться...

— Спасибо. — Сильвия посмотрела на Новикова каким-то новым взглядом.

«Мне удалось перехватить инициативу, — подумал Андрей. — Только для чего?»

Впрочем, аггрианка быстро взяла себя в руки. То ли просто колени у нее затекли, то ли с целью переключить внима-

ние партнера на более простые мысли, она поменяла их (не мысли, а ноги) местами. Опять же демонстративно неторопливо, рассчитывая на примитивные эмоции собеседника.

«За кого она меня держит? — раздраженно подумал Новиков. — Будто я не знаю, чем кончаются самые длинные ноги...»

Хотя все равно глаз не отвел. Чисто инстинктивно.

— Твой друг Антон оказался полным дураком, — сказала Сильвия, вновь поправив юбку. — Он убедил вас, что после прорыва на таорэрианскую базу и взрыва информационной бомбы мои соотечественники окажутся полностью выключены из существующей реальности. И в вашей Вселенной их больше нет и не будет...

— Так... — кивнул Андрей, уже догадываясь, что услышит дальше. Сильвия вспомнила сейчас о ключевом моменте многовековой войны ее соотечественников аггров и противостоящей им Галактической Конфедерации Ста миров, когда шеф-атташе Конфедерации на Земле, называвший себя Антоном, организовал диверсионную акцию против аггров, оккупировавших планету Валгалла. Тогда Сашка Шульгин, Олег Левашов и двое вообще непонятно как попавших в их реальность русских космонавтов из двадцать третьего века заблокировали развилку мировых линий, через которую аггры проникали в земную реальность, и заодно выручили томившихся в телах Сталина и командарма Маркова Берестина и Новикова. Сделать им это удалось. То есть аггры, которые вели свою злокозненную тайную работу на Земле чуть ли не с десятого века, оказались из канонической истории вычеркнуты. Но одновременно с этой победой Новиков и его друзья потеряли возможность вернуться в свой тихий, обжитый, удобный восемьдесят четвертый год советской эры. Побочный, так сказать, результат. Но ведь за любую победу приходится платить. Часто — несоразмерно.

Взамен Антон предложил им год тысяча девятьсот двадцатый. Как единственное место в двадцатом веке, куда можно еще переместиться. Потому что следующая подходящая для натурализации точка (хроноузел в паутине времени, если угодно) находилась уже в тысяча восемьсот пятьдесят четвертом и далее по обратной нерегулярной экспоненте: тысяча семьсот семьдесят седьмой, тысяча семьсот девятый, и еще ниже по две-три даты в абсолютно не приспособленных для жизни цивилизованных людей семнадцатом, пятнадцатом, одиннадцатом и так далее веках...

— Но он-то заявил вам, что нас не останется больше в восемьдесят четвертом году, так?

— Похоже... — согласился Андрей. — И в Лондоне, куда за тобой пришел Сашка, вас уже ведь и не стало...

— Да... — с каким-то жутковатым шипением в голосе сказала Сильвия. — А в двадцатом?

И Новиков наконец понял, что его смущало и тревожило при всех теоретических собеседованиях с Антоном. Чувствовал ведь, что есть в его словах какая-то неувязка, а не понял вот...

Ему захотелось вдруг вскочить, ударить кулаком по столу или швырнуть вторую банку пива, что он уже успел достать из бара, в зеркальные дверцы напротив. Просто чтобы таким невинным способом погасить охватившую его злость на друга-форзейя, а прежде всего на себя самого. Надо же, психолог, экстрасенс, собеседник Богов... Придурок, и ничего больше!

Конечно же, чистенький от вмешательств извне двадцатый год. Где все так, как было... А не хватило соображения, чтобы понять элементарное — раз реальность прежняя и момент появления в ней отстоит на шестьдесят четыре года от блокированной развилки, то этой развилки просто еще нет, и путь на Валгаллу открыт...

— Быстро ты догадалась? — спросил он Сильвию, оставаясь внешне спокойным и даже лениво-расслабленным.

— Не очень. — Агтрианка тоже не преувеличивала своей сообразительности. — Уже там, в Крыму. Когда мы с тобой вернулись от Врангеля. Помнишь разговор в баре?

— Так. Догадалась и решила попробовать, получится ли переход на Валгаллу. Получилось? А я тебе зачем?

— Ну, князь! — Сильвия резко вскочила, закружилась по комнате, заложив руки за спину, и Андрей не сразу заметил, что туфли она оставила возле кресла и ходит по ковру в одних чулках и нога у нее на удивление маленькая при ее росте — тридцать седьмой размер максимум.

— Ты издеваешься или забыл наши... собеседования? Межгалактический переход так подействовал? Я же говорила: ты мне нужен, чтобы в устройстве мира разобраться. Чтобы из-под контроля Держателей выйти. У тебя ведь получалось уже. А теперь здесь попробуем. Понимаешь, о чем я говорю?

Андрей кивнул утвердительно. Неважно, насколько он на самом деле понял то, что Сильвия ему сейчас говорила. Главное, что ее слова сейчас давали ему повод, ни о чем не говоря самому, выслушать очередную трактовку событий, происходивших на протяжении последних... Как сказать луч-

ше — двух, или шестидесяти, или вообще неизвестно скольких лет?

Отчего вообще случилось то, что случилось? Жил на свете вполне довольный собой человек, имел двух близких друзей, на которых мог положиться в любой мыслимой (в те времена, приходится теперь добавить) ситуации, был «выездным», то есть имел право ездить за границу по служебному паспорту и наслаждаться прелестями загнивающего капитализма, веря при этом, что все равно советское общество является самым передовым и прогрессивным, невзирая на некоторые видимые (под влиянием того же Запада) недостатки. Влюбился по неосторожности в странную девушку, с которой вдруг пришлось на три года расстаться, и не совсем по своей воле, а в силу опять же странно и непредсказуемо сложившихся обстоятельств. Снова встретил Ирину, которая наконец-то сказала ему, что никакая она не земная девушка, а инопланетная разведчица. Выслушал он ее исповедь с интересом, но без внутреннего потрясения, будто бы давно был готов к подобному повороту сюжета. Так же спокойно отнесся и к дальнейшему. Когда за Ириной явились агенты их службы безопасности, намеренные арестовать ее за измену и депортировать «на родину», они с Шульгиным, Берестиным и Левашовым сумели дать недостаточно подготовленным и излишне самоуверенным «спецназовцам» пришельцев должный отпор, тем самым включившись в межгалактические игры цивилизаций, превосходящих земную куда больше, чем наша современная — древнеегипетскую.

Первый бой они в тот раз выиграли. Добрались даже до затерянной в каком-то из спиральных рукавов Галактики землеподобной планеты Валгалла.

Прожили там счастливо почти целый год. Ввязались ни с того ни с сего в войну между Ириниными соотечественниками агграми и валгальскими аборигенами, почти что выиграли и ее тоже, но в итоге оказались в плену. Как уже было сказано — в этом же «земном» гостиничном номере.

Здесьняя аггрианская резидентша, звали ее, кажется, Дайяна, предложила Новикову и Берестину в качестве альтернативы к довольно изощренным и мучительным интеллектуальным пыткам сходить в некий период земной истории и, перевоплотившись ни больше ни меньше как в личности Сталина и его ближайшего соратника командарма Маркова, переиграть вторую мировую войну в желательном для аггров направлении.

Они это сделали, только вот направление история приобрела не совсем то, на какое рассчитывали пришельцы.

Она, история, оказалась штукой настолько упругой, что даже и «товарищ Сталин», вооруженный знанием всего происшедшего в двадцатом веке, не сумел справиться с ее логикой и инерцией...

Постепенно в ходе этих невероятных для нормального здравомыслящего человека приключений, которые, впрочем, будучи организуемы последовательно и в тщательно вычисленной пропорции, воспринимались почти естественно, Андрей и оказался в обществе своих друзей в одна тысяча девятьсот двадцатом году, каковой и был определен им как постоянное место и время жительства.

Попутно Новиков узнал, что вся эта межгалактическая заварушка произошла как раз оттого, что он оказался тем человеком, который в силу особого устройства своей психики потенциально был способен на равных участвовать в играх неких высших существ, со времен Большого взрыва контролирующих и направляющих развитие Вселенной. Поверить в это он не смог, но постепенно убедился, что какими-то специальными способностями все же обладает.

И вот теперь он вновь оказался на Валгалле (Таорэре по-аттриански), где Сильвия захотела объяснить ему свое представление об истинной картине мира.

Он закурил еще одну сигарету и какой-то частью своей психики, которая в любых условиях умела сохранять отстраненный, здравый и трезвый взгляд на вещи, ощутил, или подумал, или задал вопрос своей же, но более традиционной части личности: «А зачем, в конце-то концов, нужно тебе было все это самое? С самого начала? Если так вот разобратся. Ты имел все, что мог пожелать нормальный человек эпохи развитого социализма. Даже до того, как Ирина сказала тебе в предутренней голубоватой дымке своей спальни, что любит тебя и что работает агентом инопланетной цивилизации. И предложила за честное сотрудничество удовлетворение всех твоих желаний и амбиций, а также жизнь, если не вечную, то неограниченно долгую и в той возрастной фазе, которую ты сам себе выберешь.

Чем плохо — прожить триста или пятьсот лет, оставаясь здоровым тридцатипятилетним мужиком? Однако почему-то ты отказался, Андрей Дмитриевич, и предпочел ввязаться в сулящую неизбежную и быструю смерть войну (нет, сначала просто борьбу) с превосходящими тебя на порядок по всем параметрам инопланетянами. И, что самое смешное, выиграл ее. Просто для того, чтобы навсегда лишиться покоя и продолжать балансировать на грани... Ради чего? Зачем?»

Новиков отвел глаза от ног Сильвии, которые тоже являлись сейчас психологическим оружием, и спросил:

— А кстати, леди Си, ты же ведь обещала угостить меня ужином, а вместо этого... всякие телеологические проблемы. Как насчет того, чтобы перекусить?

Сильвия вроде бы даже смутилась.

— Боюсь, с этим будет трудно. На Таорэре, если ты согласишься, время течет в обратную сторону. Твои друзья работали здесь в специальных «хронолангах» — аппаратах, изолирующих их от здешней «хроносферы». Нормальный человек не проживет в ней и секунды, все его жизненные процессы пойдут вразнос. И кроме этой комнаты — своеобразного шлюза, ничего земного на нашей базе нет. Еды тоже. Кроме вот этого... — Она указала рукой на бар. А в нем, Андрей проверил, только сигареты, масса напитков и несколько пакетиков соленого арахиса и картофельных чипсов.

— А ты сама? — удивился Новиков. — Ты-то как здесь существуешь?

— Точно так же, как и ты. В пределах вневременной капсулы. Поэтому потерпи. Если мы решим все наши проблемы в ближайшие час-два, то сможем вернуться на мою виллу, где ужин не успеет остыть...

«Нет, зачем мне все это? — вновь вернулся к своим мыслям Андрей. — Даже и в Москве двадцатого года мне было бы лучше и спокойнее. Чего я решил ловить? Или прав Лермонтов: «А он, мятежный, просит бури...»?»

Новиков, до того как стать с помощью Ирины журналистом-международником (термин, говорящий не о квалификации, а о степени доверия к тебе коммунистического режима), был очень неплохим психологом, чуть-чуть не успевшим защитить диссертацию по теме настолько оригинальной, что едва ли не десяток профессоров ополчился на двадцатилетнего возмутителя спокойствия в том замкнутом мирке, где на протяжении тридцати послесталинских лет поддерживалось такое же спокойствие и единодушие, как в биологии после знаменитой сессии ВАСХНИЛ.

Правда, для корифеев, мечтавших стереть дерзкого в столь мелкий порошок, что и должность лаборанта в провинциальном вузе показалась бы ему подарком судьбы, оказалось неожиданным решение инстанций. Каких именно — задумываться не полагалось, но видеть ненавистное лицо, насмешливо комментирующее ход революционного процесса в одной из стран Центральной Америки с экрана телевизора и, безусловно, довольное своей нынешней ролью, для старших товарищей было куда более непереносимо, чем

если бы его назначили ученым секретарем того самого специального НИИ, где он попытался нарушить столь приятный и привычный статус-кво.

А потом? Уже вернувшись с Перешейка, вновь подружившись с Ириной, зачем он ввязался в ничемную битву с агтрами? Что он хотел доказать себе и им? Защищал свою женщину от посягнувших на нее врагов? Или, как Портос, дрался, просто потому, что дрался?

Пробыв полгода товарищем Сталиным, вкусив высшую власть в ее крайнем выражении, чего он достиг? Ведь никто в обозримой истории такой власти не имел. Ассирийские деспоты правили жалкими народцами и степень их самовластия ограничивалась возможностью содрать живьем кожу с какой-нибудь тысячи пленников или затащить в свой гарем три сотни наложниц, эффективно использовать которых по назначению мешали только ресурсы физиологии. Даже друг-соперник Гитлер был более стеснен в своих желаниях, чем Андрей. И что? Главное ощущение, которое Новиков вынес из своей сталинской жизни, это разочарование и усталость.

Наверное, сказал он себе, продолжая вести с Сильвией внешне значительную, а на самом деле пустую беседу, я перебрал эмоций и впечатлений. По всем медицинским законам у меня давно должна была поехать крыша. Как у всех участников достаточно длительных и жестоких войн. Мне ведь и вправду в какой-то момент стала почти безразлична собственная судьба. И инстинкт самосохранения притупился настолько, что безумное предложение Сильвии не встретило возражений. А еще это похоже на состояние игрока, настолько заигравшегося и столько проигравшего, что больше нечего терять. Остановиться нельзя, поскольку расплатиться нечем, а продолжая игру, сохраняешь призрачный шанс на выигрыш.

Да и в отличие от пушкинского Германна у него пока есть в запасе пресловутые и еще неубитые три карты.

И вот он сидит напротив агтрианки и с интересом ждет, что она ему наконец объяснит без дураков, зачем он ей здесь потребовался. А уж там посмотрим...

— Ты со своими друзьями думал, что спасаешь свой мир от жестоких агрессоров, — ответила Сильвия на не высказанный сейчас, но неоднократно поднимавшийся раньше как бы между прочим вопрос. — Вы стали жертвами очень распространенной ошибки. Глядя извне на совершенно непонятные для вас взаимоотношения бесконечно чуждых по происхождению и психологии существ, вы решили вмешать-

ся в них на основе вашей примитивной логики. Настолько же бессмысленный поступок, как попытка случайного прохожего навести порядок в группе спорящих на повышенных тонах итальянцев или грузин. Не зная языка, не догадываясь о национальных традициях и темпераменте...

— Передергиваешь, леди Си, — удивительно спокойно, даже как бы подавляя зевоту, ответил ей Новиков. — Я уж думал, что хоть здесь мы с тобой поговорим откровенно, а ты опять... Ты прожила на Земле раза в четыре больше моего, — как бы между прочим подчеркнул он возраст собеседницы, — а сейчас пытаешься из себя дурочку изображать. Нам ведь и вправду были бы совершенно безразличны ваши с форзейлями игры, если бы они не затронули нас лично. Нашу безопасность и нашу гордость, если угодно. Я, например, всегда отвечаю ударом на удар, а лишь потом начинаю выяснять, что на самом деле имел в виду тот, кто на меня замахнулся. Ты заявляешь, что вы гораздо лучше...

— Я сказала: ничем не хуже... — перебила его Сильвия.

— Неважно. Пусть, на твой взгляд, просто не хуже, чем Антон и его форзейли. Однако напали на нас первыми — вы, хотели похитить Ирину — вы, устроили побоище на Валгалле — тоже вы. А Антон нам только помогал...

— Преследуя прежде всего свои собственные цели...

— Не буду спорить. Он — свои, мы — свои. Однако у нас говорят: враг моего врага — мой друг. Хотя бы и до определенных пределов. Мы этот предел пока не перешли. И еще ваши методы с начала и до конца были, безусловно, хамскими... — Он с удовольствием увидел недовольную гримасу агтрианки, которая явно не привыкла в своей роли английской аристократки к столь прямотушным высказываниям.

— Именно хамскими. В любой ситуации вы избирали наиболее грубые, силовые методы решения проблем и, лишь получая достойный отпор, начинали склоняться к более цивилизованным формам общения. Не будем ходить далеко — последний раз в Лондоне и на вашей горной вилле. Вы сразу начали с угроз и пыток, а вот когда Сашка Шульгин перебил ваших охранников, а тебя с твоим напарником положил на пол под дулом автомата, только тогда вы слегка одумались. Ты только не обижайся, — счел он нужным косвенно извиниться за резкость своих слов, — я просто расставляю все по своим местам. Потом-то мы с тобой вроде помирились и даже стали друзьями, но раз уж ты сама подняла эту тему, так давай до конца разберемся. По отношению к нам вы проявили себя как агрессоры. Ваша экзистенциальная пра-

вота нас при этом не интересовала. Я вообще не считаю нужным вникать, что мой оппонент думает, я исхожу из того, что он делает...

На Сильвию, похоже, произвела впечатление резкая отповедь Новикова. За время общения в замке, на пароходе и во врангелевском Крыму она привыкла считать его наиболее мягким и деликатным человеком из всей компании.

— Ну ты что, Андрей, хочешь, чтобы я сейчас перед тобой извинилась за все, что случилось? Так я и так косвенно это сделала, и даже не единожды.

— Не спорю, было нечто подобное, — пожал плечами Новиков. — Однако из твоих нынешних слов вытекает, что все равно тебе хочется как-то итоги нашего «плодотворного» общения ревизовать. Давай лучше оставим эту тему. Будем исходить из исторических реальностей. Я тоже не против некоторые свои взгляды пересмотреть. Очень часто союзники в одной войне становились противниками в следующей и наоборот. Так что давай ближе к делу...

Ему самому разговоры подобные этому надоели до смерти. Последние полтора года они разговаривали больше, чем за всю предыдущую жизнь. Те практические действия, которые им приходилось предпринимать, при всей своей фантастичности и грандиозности по степени воздействия на ход мировой истории, на самом деле занимали очень малую часть повседневности. Как собственно боевые действия на войне длятся несравненно меньше, чем перегруппировки, марши вдоль и поперек фронта, сидение в окопах, оборудование огневых позиций... Вот и они не меньше восьмидесяти процентов своего времени тратили на дискуссии, застолья, путешествия по времени и пространству, простые повседневные дела вроде постройки дома на Валгалле, заготовки дров и географических исследований далекой земледобной планеты.

А борьба с агграми или участие в гражданской войне при всей увлекательности оставались лишь яркими эпизодами в достаточно монотонной жизни. Хотя и гораздо более интересной, чем предыдущее земное существование.

— Ну пусть будет по-твоему. Я не хотела тебя задеть или обидеть. Просто надеялась убедить, что сложившаяся у тебя картина нашей реальности... не совсем адекватна. Давай попробуем вести диалог по заветам Сократа. Я изложу свою позицию, ты уточнишь, верно ли ее понял, после чего ответишь по сути. Согласен?

Сильвия, будто волнуясь, снова вскочила с кресла, сама взяла сигарету из брошенной Андреем на стол пачки, прику-

рила, подошла к окну, за которым неподвижно стояла сероватая мгла, словно густой лондонский смог.

«Переигрывает, — подумал Новиков, наблюдая за ее действиями, — или вправду нервничает? Может быть, просто время поджигает, необходимо добиться какого-то результата к определенному часу? А что это может быть за результат и о каком дефиците времени можно говорить там, где время по определению нулевое? Прошлый раз я прожил в шкуре Сталина целых полгода, а потом оказалось, что фактически прошло меньше суток. Ну, в любом случае спешить не будем. Вот только есть хочется. Целый день мы с ней по холмам стипль-чезом занимались, в ожидании ужина по бокалу аперитивчика выпили, а потом сразу сюда. Надо было хоть ломоть ветчины со стола утащить... — Он тоже встал, подошел к бару. Открыл нижнюю дверцу из какого-то розоватого дерева с причудливым рисунком волокон. За ней на полках рядами выстроились сто- и двухсотграммовые бутылочки со всевозможными напитками разной степени крепости — от шестидесятиградусных ликеров, кубинских, ямайских и пуэрториканских ромов, ирландских, шотландских и американских виски до совсем сухих калифорнийских и французских вин. Десяток сортов пива, само собой, всякие колы и соки. Явно скопировано один к одному с конкретного западного отеля, даже книжечка вот лежит с бланками счетов, и написано на обложке по-английски: «Пожалуйста, укажите количество и сорта выпивки и предъявите портье при отъезде». Очень цивилизованно. Наши ребята, впервые попадая за границу, ужасно удивлялись такому буржуйскому простодушию. А вот закуски и здесь никакой. Да и вправду, с цивилизованной точки зрения — хлопнув с устатку грамм двадцать пять уж-жасно крепкого, еще и закусывать... Нерационально».

Новиков за неимением лучшего разорвал пакетик арахиса, оперевшись локтем о полку бара, остановил взгляд на подсвеченном пасмурным светом контуре фигуры агтрианки.

Привлекательная женщина, невзирая на все отрицательные черты своего характера. При росте не меньше ста семидесяти двух параметры у нее были что-то типа 92—58—90. И ноги составляли две трети от общей длины тела. Нормальная такая девушка, ста сорока лет от роду. Какая-то слабость у их специалистов по отбору и заброске агентов — типаж подбирают такие, что глаз не оторвать. Ирина-то еще ладно, в России красивых девок навалом, она из них если и выделялась, то не так уж, требовалось специальное внимание, чтобы оценить ее выдающуюся нестандартность, а для

англичанки можно было и попроще прототип изыскать. На фоне их обычных вызывающих уныние мисс и миссис леди Спенсер бросается в глаза, как девица в купальнике топлес на католической мессе.

«Но достаточно заниматься ерундой, всякими рефлексиями и размышлениями по поводу дамских прелестей», — одернул Новиков себя.

— Короче, заманив меня сюда, какой конкретной работы ты от меня хочешь? — спросил Андрей, тоном и выражением лица давая понять, что старательно выставляемые на показ детали ее фигуры нужного впечатления на него так и не произвели. — Все, что ты хотела обсудить в процессе светской беседы, мы обсудили. Давай к делу. Зачем мы здесь? Нельзя было нам с тобою откровенно поговорить на Земле? Какие принципиальные проблемы следует решать именно на Валгалле и почему?

Сильвия словно бы растерялась. Андрею даже показалось, что он поставил ее в тупик. Она, наморщив лоб, старалась подобрать слова, способные убедить Новикова в необходимости их пребывания на этой «карантинной станции».

Это еще раз навело Новикова на мысль, что аггрианка не самостоятельна в своих действиях. И выполняла там, на Земле, чей-то приказ, прямой или косвенный.

Андрей усилил нажим:

— Отвечай быстро — почему тебе так вдруг захотелось уединиться со мной? Что ты хотела мне сказать? Для чего нужно было перемещаться именно сюда? Кто заставил тебя это сделать? Со мной пожелал встретиться один из твоих начальников? Или вам нужно было просто убрать меня с Земли? Отвечай, ты слышишь? Отвечай немедленно!

Он не рассчитывал, что таким приемом сможет подавить ее психику и действительно заставить отвечать на агрессивные заданные вопросы (хотя с обычными людьми подобная тактика иногда срабатывала), ему просто нужно было хоть немного вывести ее из равновесия. И она ведь никак не могла забыть, что во всех предыдущих поединках Новиков неизменно выходил победителем.

Своей цели он достиг. Сильвия, говоря по-шахматному, потеряла качество.

— Зачем ты так? — почти жалобно сказала она. — Мы же договорились. Согласились, что теперь мы не враги, партнеры. А на Таорэру я тебя пригласила потому, что здесь мы хоть на короткий срок независимы от постороннего воздействия...

— Это вы независимы, а я?

— Ты тоже. Вот смотри...

Она сделала почти неуловимый жест рукой, и окно, только что затянутое белой мутью, вдруг стало прозрачным. Андрей увидел с высоты примерно пятого земного этажа совершенно чуждый, крайне неприятный для человеческого глаза пейзаж. Плоская, простирающаяся до пределов видимого горизонта равнина, покрытая плотным слоем синевато-желтой растительности, похожей на тундровый мох или на водоросли, которыми обрастают прибрежные камни в южных морях. Чтобы ландшафт не выглядел слишком уж монотонным, по нему с удручающей равномерностью были составлены деревья — низкие, с корявыми черными стволами и плоскими игольчатыми кронами, похожими на расправленные для просушки шкуры гигантских ежей. Эта саванна тянулась до горизонта, и даже в сильный бинокль нельзя, наверное, было бы рассмотреть, где она кончается. Между деревьями поодиночке и обширными скоплениями были разбросаны отливающие малахитовой зеленью валуны. И в довершение всего небо над потусторонним пейзажем тоже было запредельно тоскливым, грязно-лилового оттенка, с правой стороны горизонта затянутым вперемешку желтоватыми и тускло-свинцовыми тучами.

— Понятно, — сказал Новиков, отворачиваясь. Такие картинки ему приходилось видеть у Сашки Шульгина в альбомах, где он собирал образцы художественного творчества своих пациентов. «Только по цветовой гамме можно ставить безукоризненный диагноз», — утверждал Шульгин.

Похоже, этот пейзаж рисовал больной с выраженным маниакально-депрессивным психозом. В депрессивной фазе, естественно. И его еще хотят заставить поверить, будто аггры безобидные и приятные существа...

— Что именно тебе понятно? — поинтересовалась Сильвия.

— Почему Ирина предпочла просить у нас политическое убежища. Нормальному человеку здесь в два счета свихнуться можно. Особенно после того, как я познакомил ее с Селигером, Кисловодском, Домбаем... Представляешь, после Домба — сюда. Пожизненно...

Сильвия уловила в его словах издевку и предпочла не отвечать.

— Однако теперь я тебе верю. Примерно так ребята зону вашей оккупации и описывали. Первое сомнение снимается.

— Уже слава богу. Раз ты помнишь их рассказы, то должен вспомнить и другое — барьер, разделяющий области

планеты с обычным и инверсированным временем, извне абсолютно непроницаем. И мы в самом деле сможем обсуждать интересующие нас вопросы без всякой опаски.

— Если ребятам удалось пройти и разнести вашу базу к чертовой матери, не так уж он прочен, этот барьер, — съязвил Андрей.

— Не думаю, что кто-то захочет повторить их подвиг... — раздался за спиной Новикова низкий бархатистый женский голос.

И он сразу его узнал. Обернулся, изобразив на лице удивленно-радостную улыбку.

У входной двери стояла царственная — иначе не скажешь — дама, на вид лет около тридцати пяти, возможно, чуть ближе к сорока. Одета в подобие черно-красно-золотого индийского сари, наверняка шуршащего и переливающегося при движении, то облегающего и подчеркивающего формы тела, то свободно обвисяющего, скрывающего фигуру, но открывающего простор воображению.

Звали ее Дайяна (по крайней мере так она назвалась при прошлой встрече), и с тех пор она совершенно не изменилась. Однако, подумал Новиков, откуда я знаю, может быть, мы с ней расстались только вчера по здешнему времени, а то и час назад.

Андрей внимательно ее осмотрел и вдруг рассмеялся. И не истерическим, а самым обычным смехом. Это он вспомнил, как при прошлой встрече с Дайяной Берестин, вместе с которым Андрей оказался пленником агтров, очень к месту привел анекдот про бандершу, которая, исчерпав резервы заведения, выходит к клиенту сама.

Гостью такой прием если и удивил, то самую малость. Она приподняла бровь, грациозно прошелестела через комнату и опустилась на пухлый диван напротив Андрея и Сильвии.

Натянувшаяся ткань ее одеяния обрисовала пышные бедра, вроде тех, какими отличались женские фигуры на барельефах Каджурахо.

«Интересные ребята эти пришельцы, — подумал Новиков. — Неужели они считают нас столь примитивными и сексуально озабоченными существами, что на любое серьезное дело посылают старательно подогнанных к стандартам «Плейбоя» баб? А может, это как раз я дурак, что удивляюсь? Еще Ефремов писал, что, несмотря на разговоры о превосходстве душевной красоты над телесной, каждый мужик в душе мечтает о женщине с картинок Бидструпа, длинноно-

гих, крутобедрых, с осиной талией. Вот они нам этот идеал и предлагают...»

— Несказанно рад вновь видеть вас, госпожа Дайяна, — не скрывая иронии, произнес Андрей, изображая полупоклон. — Я уж думал, мы никогда больше не встретимся. А касательно подвига моих друзей советовал бы не зарекаться. Мало ли что еще может случиться...

— Здесь вы совершенно правы. Зарекаться ни от чего нельзя. Вы вот тоже вряд ли думали, что после нашей последней встречи и превращения в советского диктатора вновь окажетесь здесь в несколько сомнительной роли.

Ее русский язык был безупречен, в роли телевизионной дикторши она была бы неподражаема, Сильвия, к примеру, владела языком гораздо хуже. Английский акцент чувствовался. А эта дамочка наверняка бывала на Земле только эпизодически, если вообще бывала. Что еще больше укрепило сомнение Новикова в ее подлинности. Биороботесса, наверное, или вообще голограмма, подумал он. Особенно если учесть слова Сильвии о том, что за пределами его гостиничного номера существование нормального человека невозможно. Ну, пусть даже и так, следует это отметить и при случае использовать, а говорить об этом смысла сейчас нет.

— Что да, то да, — легко согласился Андрей. — Но раз я все-таки здесь, то самое время выяснить наконец, для чего я вам вновь понадобился? Конечно, просто повидаться тоже приятно, но ведь не только же...

Как он и ожидал, ответила на его вопрос Сильвия, сделав тем самым еще более интересным вопрос о роли здесь Дайяны. Просто ли для моральной поддержки младшей сотрудницы или у нее имеется специальная функция?

— Мы должны обсудить сложившееся в нашей области Галактики положение. Вытекающее из того, что случилось на Земле и на Таорэре вначале, из вашей победы над большевиками сейчас и из того, что тебе и мне стало известно об истинных хозяевах Вселенной.

— Неужели это так актуально? И стоило ли ради этого транспортировать меня за полсотни парсек да еще и запира́ть в тюремную камеру, где даже и кормежка не предусмотрена? — Новиков, как всегда в трудных и непонятных ситуациях, начал плести словесные кружева, отвлекать внимание собеседницы на малозначительные детали, плоско острить, преследуя этим сразу несколько целей: рассеивая внимание партнеров, заставляя их говорить больше, чем они вначале собирались, да еще и создавая о себе мнение как о человеке не слишком далеком. Может показаться странным,

но на такой примитивный прием ловились даже весьма умные собеседники, заведомо настроенные относиться к нему всерьез. Очевидно, потребность принижать противника и с радостью принимать любые доказательства его неполноценности заложена в человеке на подсознательном уровне так же, как и положительная реакция на самую грубую лесть.

— Неужели нельзя было продолжить нашу взаимно приятную беседу у тебя на вилле? — Улыбка Новикова стала откровенно циничной. — Тем более что я вряд ли смог бы слишком долго противостоять твоим чарам...

— Нельзя, — ответила вместо Сильвии Дайяна. — Как раз по этой самой причине. И еще потому, что только здесь мы стопроцентно гарантированы от любого контроля и вмешательства со стороны.

«Ого! — сказал сам себе Новиков. — Похоже на то, что эта роскошная дамочка не доверяет не только мне, но и Сильвии. И, возможно, моя любезная конфиденстка совершила крупную ошибочку. Из нашего безопасного далека сама явилась на суд и расправу. Где гарантии, что нет желающих списать на нее ошибки и просчеты проигранной войны?»

И решил, что подобное развитие событий тоже можно использовать к собственной пользе.

— Объяснение принимается. Я знаю достаточно, чтобы поверить — в вашей зоне, защищенной пленкой поверхностного натяжения на границе противоположно текущих времен, достать нас не сможет даже сверхмощный разряд из квантовых пушек форзейлей. Имел случай убедиться. Как и вы имели возможность убедиться кое в чем из области наших способностей...

— А это следует понимать как угрозу? — прищурилась Дайяна. Новиков мельком взглянул на Сильвию.

Да, что-то она выглядит не слишком бодро. Или у них просто настолько развита субординация? Как у отечественных партработников — когда всесильный секретарь парткома посольства во время разборки его, Новикова, персонального дела, на глазах съеживался втрое и обильно потел, отвечая на вопросы завсектором международного отдела ЦК.

«Надо выручать девку, — подумал он. — Мне-то они ничего не сделают, а какие меры у них к провинившимся агентам применяют, я по инциденту с Ириной знаю».

— Какие угрозы, что вы!.. — Он по-театральному всплеснул руками. — В моем ли положении? Мы же здесь равноправные партнеры, объединенные общими интересами. Я просто хотел ненавязчиво намекнуть, что помню содержа-

ние и форму нашего предыдущего разговора, когда именно вы, госпожа Дайяна, очень... настойчиво убеждали меня принять участие в вашем сталинском эксперименте. Теперь я стал значительно опытнее, и тогдашние доводы на меня не подействуют. Я выражаюсь достаточно понятно?

Андрей опять бросил короткий взгляд на Сильвию, и ему показалось, что из-за спины Дайяны она едва заметно подмигнула ему.

— Выражайтесь конкретнее. — Агтрианка не захотела принять предложенного им стиля разговора.

— Ради бога. Если в двух словах — сотрудничать я с вами согласен. Иначе просто не пришел бы сюда. Однако предложенный вами протокол переговоров меня не устраивает. Как выражались мои благородные предки — невместно.

— Вот как? — Дайяна выглядела озадаченной. — А что вам не понравилось? Прошлый раз вы потребовали именно это помещение как наиболее вас устраивающее...

— Темпора мутантур, уважаемая, как говорили древние, эт нос мутамур ин иллис. Перевод требуется?

— Спасибо, не надо. Так все же?

— Переправьте меня в наш здешний Форт. Вы его довольно основательно разрушили во время совершенно неспровоцированной агрессии, но думаю, что привести дом в относительный порядок я сумею. И переговоры будем вести только там. Кроме того, присутствующая здесь леди Спенсер должна будет находиться при мне постоянно. В качестве заложницы, переводчика, эксперта — назовите это как хотите...

Короткий, как вспышка импульсной лампы, всплеск облегчения и радости в глазах Сильвии послужил ему и наградой, и подтверждением, что он сделал правильный ход.

Некоторое время они с Дайяной торговались, но ее позиция была заведомо проигрышной. Она даже попыталась угрожать ему с тех же позиций, что и в первый раз, однако Андрей не поддался. Теперь у него были куда более сильные козыри, в том числе самый простой — в случае перемещения их в Форт проблема может быть решена при достижении взаимоприемлемых условий, если же нет — процесс будет долгим, да и у него есть в запасе некоторые возможности. Вплоть до прорыва в ту же самую Гиперсеть. Никаких по-настоящему веских доводов сама Дайяна привести не сумела (или не захотела по причинам специального характера), а ссылки на отдаленность Форта Росс, технические трудности с рекондicionированием агтрианских представителей

для работы в зоне обратного времени и тому подобное Новиков отмет как непринципиальные.

— Когда нужно, вы на Землю своих агентов засылаете, и ничего, а тут вдруг полтыщи верст для вас расстояние. Не человек для субботы, а суббота для человека.

Древнеиудейская мудрость ее сразила, и соглашение было достигнуто.

ГЛАВА 2

Сильвия сказала правду, да и сам Новиков, вспоминая прошлое пребывание здесь и рассказы друзей, знал, что внутри станции агтров земляне могут существовать, только будучи надежно защищенными от окружающего чужого времени. Снаряжение, предоставленное Антоном группе Шульгина во время последнего рейда, выглядело очень похожим на обычные легководозащитные костюмы, только было изготовлено из сверхтонкой черной пленки, а вместо баллонов с воздухом за спину прикреплялся плоский ранец с генератором антивремени. Этот хроноланг не стеснял движений и позволил землянам в тот раз выиграть почти безнадежное сражение с агтрами.

Изолирующие же костюмы, которые пришлось надеть Андрею с Сильвией сейчас, больше напоминали скафандры высшей защиты из фантастических фильмов. Именно они в свое время ввели в заблуждение людей, вообразивших, что Валгалла захвачена ракообразными негуманоидами. Тяжелые, снежно-белого цвета, с шипастым, вытянутым вперед шлемом и клешнеподобными манипуляторами.

Анатомия агтров в их естественном виде несколько отличалась от человеческой, и скафандры на Андрея с Сильвией налезли с трудом. Новиков чувствовал себя так, словно его засунули внутрь «железной девы» — средневекового пыточного инструмента. Какие-то выступы упирались в поясницу, горловина шлема заставляла неестественно выворачивать шею, ноги не до конца разгибались в коленях. Кроме чисто физических неудобств, Андрей сразу же испытал отвратительный приступ клаустрофобии. Словно его заживо похоронили в тесном гробу.

Зато впечатления от зрелища внутреннего устройства агтрианской базы вполне искупили все остальное.

Конечно, никаких тайн за те десять-пятнадцать минут, что их вели по коридорам, подвесным галереям и пандусам,

Новиков не раскрыл, но и самого поверхностного взгляда оказалось достаточно, чтобы убедиться в потрясающей чуждости этой цивилизации.

Стало понятно даже, отчего так легко Ирина забыла о своем служебном и расовом долге, перейдя на сторону землян. Слишком глубокой реконструкции пришлось подвергнуться ее организму и мозгу, чтобы существовать и работать на Земле. И оказалось достаточно малейшего сбоя в программе перестройки ее фенотипа, чтобы она осознала себя истинно земной женщиной, ощутив к бывшим соотечественникам неприязнь и даже страх. Наверное, то же самое случилось и с Сильвией. Чем-то происшедшее с агтрианскими резидентками напоминало метаморфозу, случавшуюся с воспитанными за «железным занавесом» советскими гражданами, попадавшими в свободный мир. Чем более тонким и независимым умом они обладали от природы, тем быстрее разочаровывались в идеалах социализма и превращались в невозвращенцев.

Если только — Новиков вновь вернулся к одной из своих гипотез — Ирина и Сильвия вообще изначально не агтрианки, а специально выращенные из эмбрионов обычные земные женщины, только снабженные ложной памятью и выходящими за пределы нормы физическими качествами: эталонной внешностью, практически вечной молодостью, суперэфективной нервной и мышечной системами.

А станция действительно казалась... как бы это лучше выразиться... порождением навеянных порцией ЛСД галлюцинаций.

Прежде всего чудовищной была ее геометрия. Некоторое впечатление о ней могли бы дать рисунки Мориса Эшера. Стыкующиеся под невыносимыми углами плоскости стен, вызывающие головокружение изгибы лестниц, перспектива коридоров, одновременно прямая и обратная, и много еще всяческих изысков. Параллельные прямые, естественно, пересекались, причем не в бесконечности, а в пределах поля зрения. Вода тут наверняка должна была течь вверх, а подняться с этажа на этаж можно было, съезжая вниз по перилам. По крайней мере такое впечатление у Новикова сложилось очень скоро. О таких пустяках, как совершенно абсурдная цветовая гамма, нечего и говорить. Спектр тут, похоже, состоял из совсем других красок, чем на Земле.

— Живут же люди, — пробормотал Андрей себе под нос, потому что средств связи в скафандре он не обнаружил и общаться с Сильвией и сопровождавшей их Дайяной ему приходилось жестами.

Агтрианская матрона, кстати, несмотря на вполне человеческую внешность, не испытывала нужды в средствах индивидуальной защиты. Это Новикова уже не удивило, разве что укрепило в мысли, что он имеет дело с более-менее материальным фантомом.

А вот попавшиеся на пути несколько природных аггров выглядели удручающе. Что там пресловутые Гуинглен с Квазимодо! Сохраняя общую схему двуногих прямоходящих, гуманоидами они могли называться с большой натяжкой. Все они были какие-то безжалостно деформированные, перекрученные, как пробившиеся через асфальт грибы. Однако комплексов по этому поводу не испытывали, передвигались удивительно ловко и, может быть, даже сообразно своей конструкции грациозно.

Жадно разглядывая и запоминая все, что можно, Новиков пытался одновременно сообразить, какие манипуляции следовало бы произвести над аборигенами станции, чтобы привести их к привычному облику. Если бы это были пластилиновые фигурки, по каким осям их можно развернуть, укоротить или удлинить?

Ничего не получалось. Единых осей симметрии у них не просматривалось.

И тогда ему в голову пришло довольно простое решение. Здесь нарушены лишь оптические свойства пространства, а в остальном все нормально. Подобрать подходящие очки, и все станет на свои места. Иначе бы скафандры на них вообще не налезли, а они худо-бедно, но сидят.

Выйдя наконец наружу, Новиков увидел станцию во всей ее красе. Правда, для этого пришлось отойти на порядочное расстояние, потому что размерами она была сравнима со стадионом не из самых маленьких. А формой и цветом напоминала гигантскую бронзовую шестеренку, с маху брошенную на мягкую почву и косо заставшую под острым углом к горизонту.

Вот по этим, значит, наклонным стенам, словно выложенным из рустованного гранита, карабкался Сашка без страховки, чтобы выручить из плена его с Берестиным тела, пока сами они в виде нематериальных психоматриц геройствовали в далеком сорок первом году.

Экипаж для Андрея и Сильвии был уже подан. Плоский и длинный, как армейский транспортер «МТЛБ» без гусениц, выкрашенный, как и скафандры, в снежно-белый цвет.

— Покатаемся, значит, — снова сказал сам себе Новиков и сделал Сильвии приглашающий жест, хотя никаких дверей или люков в сплошном корпусе не наблюдалось. Но

расчет его был верен. Стоило агтрианке сделать шаг к машине, как на ближайшем к ним борту откинулась вверх прямоугольная дверка. За ней виднелся довольно просторный отсек с необыкновенно большими, как бы на бегемотов рассчитанными креслами, чашеобразными, будто в земных потребителях.

«Чтобы можно было в скафандрах садиться», — сообразил Андрей. Сильвия неуклюже полезла внутрь. Новиков с полупоклоном предложил садиться Дайяне. Та отрицательно покачала головой. По движению ее губ Андрей понял, что она сказала:

— Позже...

— Ну, хозяин — барин!

Через полчаса плавного и бесшумного полета со скоростью километров двести — двести пятьдесят в час впереди возникла радужно, вроде мыльного пузыря, переливающаяся стена, уходящая в зенит.

«Межвременной барьер, — догадался Новиков. — Однако они сильно продвинули границу. Когда мы здесь воевали, от нее до базы ребята пешком часов за шесть добежали...»

Никаких эффектов при переходе в нормальное время он не отметил. Просто пейзаж внизу мгновенно стал привычным и словно даже знакомым. Холмистая лесостепь, по мере продвижения к северу сменяющаяся подобием зауральской тайги. Положенных цветов трава, ручейки и озера, яркосинее, какое на Земле бывает в преддверии осени, небо. Андрей торопливо отстегнул не то магнитные, не то гравитационные замки шлема. Местного воздуха он до посадки глотнуть не рассчитывал, кабина наверняка герметичная, а вот поговорить с Сильвией хотелось, не откладывая.

— Слушай, а чего начальница твоя с нами не полетела?

— Она мне не начальница, — сразу ошетинилась Сильвия.

— То-то ты в ее присутствии только что руки по швам не держала...

Сильвия едва заметно дернула щекой, но промолчала.

— Да и бог с ней, хотя типаж колоритный. Она так и в натуре выглядит или обман зрения? Остальные твои землячки куда как противнее... — После пережитого напряжения Новикову хотелось веселиться, а что может быть приятнее остроумной пикировки?

— А откуда ты знаешь, что на базе весь персонал состоит из женщин? — неожиданно спросила Сильвия.

Он совершенно не знал этого и удивился вопросу. Однако по превратившейся в инстинкт привычке своего недоумения не показал. Предпочел ответить на второй смысл вопроса, игнорируя первый:

— Это имеет для тебя особое значение — знаю я или нет и откуда?

А тем временем он догадался и об остальном. Не слишком твердо зная русский, Сильвия просто перепутала ударения: «землячки» и «землячкй». Следовательно, имеет место факт, что у них практически однополое общество. Почему так — подумаем позже. Но деталь многозначительная, подтверждающая искусственность их цивилизации, по этому признаку сравнимой с ульем или муравейником.

— Наверное, это важнее для тебя, — пожав плечами, ответила Сильвия.

Летающий «бронеход», который после пересечения «барьера» увеличил скорость до почти звуковой, приближался к району расположения их знаменитого Форта.

Мачтовый сосновый лес, который так любил изображать на своих картинах Шишкин, все гуще заполнял холмистую, пересеченную множеством нешироких медленных речек местность за бортом их аппарата. Все чаще начали угадываться внизу ориентиры, нанесенные на самодельные карты во время первых исследовательских походов по планете, когда они простодушно считали, что здесь им придется провести остаток жизни.

Романтически-сентиментальное чувство встречи с невозвратно ушедшей молодостью охватило Новикова.

Бывают же в жизни человека места, связанные с моментами абсолютного, не омраченного посторонними обстоятельствами счастья. Таким местом для него была Валгалла и Форт в те короткие по обычным человеческим меркам семь локальных месяцев.

— Действительно, красиво у вас тут, — сказала, глядя через широкое лобовое окно, Сильвия. — На нашей половине куда скучнее, если человеческими глазами смотреть...

— А нечеловеческими ты еще умеешь, не разучилась? Да и умела ли когда?

Вопрос был провокационный, но Сильвия ответила на него вроде бы честно:

— Не знаю, умела ли вообще когда-нибудь. Я ведь своей тамошней жизни совсем не помню. Есть какие-то обрывки, относящиеся скорее уже ко времени специальной подготовки. А чтобы детство помнить, родителей там, друзей... этого нет. Нам, будущим землянам, специально память корректи-

ровали, чтобы от легенды не отвлекаться. Да и в своем теперешнем образе я, сам знаешь, сколько лет прожила, а в исходном... Не представляю даже. — Голос ее звучал ровно, но что-то вроде затаенной печали Новиков уловил.

— Не пробовала как-нибудь выяснить? Неужели же никаких способов нет? В частных беседах со своими или еще как...

— Плохо ты себе наши реалии представляешь. С кем я могла об этом говорить? А если бы даже мне такая блажь в голову пришла, думаешь, другие больше меня знают? Ты свою Ирину о ее прошлом спрашивал? — Она сделала короткую паузу и подытожила разговор: — Вот то-то же...

Летательный аппарат полого развернулся над излуциной широкой, как Нева перед стрелкой Васильевского острова, реки. И у Новикова вдруг защемило сердце. Он сам не ждал от себя такой реакции.

На вершине гигантского треугольного утеса, отвесными гранитными стенами врезающегося в серо-голубые воды Большой реки и ее левого притока, посередине окруженной вековыми меднокорыми соснами площадки Андрей увидел остатки того, что когда-то было первым и, оказалось, увы, единственным форпостом Земли в немыслимом количестве светолет от метрополии. А ведь как это поначалу казалось здорово — почти сразу после высадки американцев на Луну, не дожидаясь покорения Марса и Венеры, шагнуть прямо из московской квартиры на покрытую густой зеленой травой почву бесконечно далекой планеты. Показалось тогда в приступе романтической эйфории, что пройдет не слишком много времени, ситуация нормализуется, и они преподнесут в подарок человечеству не только Валгаллу, а и десятки других миров... Хотя и были кое-какие сомнения, но представлялись они в принципе разрешимыми, в соответствии с высокими гуманистическими принципами...

Аппарат бесшумно и плавно опустился на грунт совсем рядом с массивными воротами, сейчас распахнутыми настежь.

При близком рассмотрении разрушения оказались не столь значительными, как Новиков представлял по рассказу Шульгина, последним покинувшего их базу. Драматизм отчаянного арьергардного сражения у стен Форта сильно повлиял на Сашкино восприятие действительности.

Конечно, удар гравитационной пушки с бронехода разбросал по бревнышкам окружавшую второй этаж веранду и угол крыши. Перекрученные листы кровельной бронзы свисали с расщепленных стропил и временами уныло скрежета-

ли под порывами свежего ветра с речного плеса. Повылетала половина стекол фасадных витражей. Осыпались высокие кирпичные трубы каминов. А в остальном терем сохранился. Если зайти сбоку, то он казался совершенно целым, как в первый день по завершении постройки.

Самое же интересное, что все здесь выглядело так, будто бой случился лишь вчера-позавчера. Мощенная кирпичом площадка у ворот и ведущая к веранде дорожка сверкали латунными россыпями — Сашка действительно палил здесь на расплав ствола, расстрелял не меньше трех лент. И гильзы совсем свеженькие, ничуть не потускневшие. Даже трава не успела разрастись, аккуратно подстриженные лужайки, казалось, хранили еще следы газонокосилки, которой любил управлять Олег, отвлекаясь от своих научных занятий.

Сильвия с любопытством рассматривала живописное строение, о котором успела наслушаться в Замке от Шульгина и девушек. А Новиков, беззвучно матерясь, выкарабкивался наружу из надоевшего, как гипсовый корсет, скафандра.

— Постой здесь или присядь вон. — Андрей указал ей на широкую дубовую ступеньку лестницы, смахнув с нее мимоходом очередную пригоршню гильз. Рассказ Шульгина о перипетиях боя был протокольно точен — вот здесь он, отступая, стрелял по зловещим ракообразным фигурам, и они лопались, исчезали бесследно, как мыльные пузыри, при попадании бронебойных пуль.

Ему хотелось войти в дом сначала одному, осмотреться, убрать что-то, неподходящее для посторонних глаз, хранящее подробности их личной, теперь ушедшей в прошлое жизни, а уж потом пригласить туда гостью. Но сначала ему пришлось помочь Сильвии освободиться от скафандра. Он был надет прямо на ее щегольской костюмчик, отнюдь не приспособленный для такого использования и выглядевший теперь довольно жалко. А туфли на шпильках вообще остались в гостиничном номере. Неужели она так спешила поскорее распрощаться с «родной» станцией, что не подыскала каких-нибудь тапочек? Еще одна загадка.

— Посиди, — повторил Андрей, — а я тебе и одежду подходящую найду, для нынешних условий более приспособленную: джинсы, к примеру, кроссовки или ботинки, курточку теплую. Вечера здесь довольно прохладные бывают. У Лариски, кажется, примерно твои габариты...

Удивительно, но, в отличие от земных солдат, здешние «десантники», разгромив базу неприятеля, не проявили никакого интереса к трофеям. Очевидно, им требовались только сами люди, а раз уж захватить в плен никого не удалось,

ни документы, ни оружие, ни даже столь обычно желанные сувениры «инопланетных пришельцев» не привлекли внимания агтров. Что еще раз подчеркнуло Андрею их полную интеллектуальную и психическую несовместимость с людьми.

Он прошел через просторный холл первого этажа, выглядевший непривычно из-за того, что снесенный гравитационным ударом угол стены и часть потолка придавали ему вид театральной сцены. Обрушившиеся бревна верхних венцов разбили и опрокинули полированные шкафы для оружия, любовно собиравшиеся Шульгиным антикварные винтовки и ружья лежали неаккуратной грудой вперемешку с осколками стекла и драгоценными художественными альбомами, сброшенными со стеллажей.

Но большая часть обстановки сохранилась в полной исправности, даже позолоченные каминные часы продолжали размахивать своим серпообразным маятником.

По крутой дубовой лестнице Новиков взбежал на второй этаж, открыл ближайшую от площадки дверь. Остановился на пороге своей комнаты.

Словно и не пролетел почти целый год, заполненный более чем сказочными приключениями. Словно только утром он вышел отсюда, экипированный для предстоящего тысячекилометрового похода через зимнюю тайгу к городу квангов. За обледеневшими окнами разгоралась тогда малиновая заря, гудели у ворот прогреваемые дизели гусеничных транспортеров. И были они все тогда совсем еще наивными ребятами, сдуру ввязавшимися в чужие, непонятные игры, и совершенно не представляли, чем все это для них может кончиться.

То есть к лихим перестрелкам они готовы были, но не более. И пусть уже не видели ничего невероятного во внепространственных переходах через сотню световых лет, а вот представить то, что кому-то из них придется через пару недель оказаться в шкуре товарища Сталина, кому-то руководить Великой Отечественной войной, владеть собственными пароходами, а потом соскользнуть еще глубже вниз по временной оси, в другую войну, гражданскую, и в результате узнать, что их готовы принять почти как равных себе вершители судеб Вселенной... На такое воображения ни у кого из них явно тогда не хватило бы...

Андрей в то утро не то чтобы очень торопился, но настроение у него было взвинченное, наводить порядок в комнате даже и в голову не пришло. Не немец, чать, из романа Семенова, который, перед тем как застрелиться, посуду помыл.

На полу у изголовья дивана две пустые пивные бутылки, горка окурков в пепельнице, брошенная корешком вверх раскрытая книга. Что это он читал в последнюю ночь нормальной человеческой жизни? Ну да, «Описание военных действий на море в 37—38 годах Мейдзи». Что-то потянуло его тогда освежить в памяти японскую трактовку сражения в Желтом море...

Стало невыносимо грустно, как в тот день, когда на его глазах рушили чугунной бабой дом, в котором он прожил с рождения до семнадцати лет, и в клубах известково-кирпичной пыли вдруг раскрылись на всеобщее обозрение стены родительской квартиры, оклеенные выцветшими бело-зелеными обоями...

Ладно, еще не вечер, и неизвестно, сколько ему придется прожить здесь снова. Помня, сколь опасная фауна обитает в окрестных лесах, да теперь, вдобавок, сильно осмелевшая, Андрей открыл шкаф и снял с крючка все так же висевший там автомат «узи», тот самый единственный ствол, с которым они совершили первую вылазку на Валгаллу. Сейчас уже и не оружие, а музейный экспонат, свидетель и факт истории... Когда Левашов, экспериментируя со своей кустарной аппаратурой, что-то включил, повертел грубые бакелитовые верньеры от старого радиоприемника «Бл্যупункт» и из московской квартиры открылась дверь в иной мир, неизвестно где расположенный, и оттуда потянуло теплым, пахнущим цветами и лесом ветром, а на затертый ковер упал луч чужого жаркого солнца...

Новиков передернул затвор, проверяя наличие патрона в патроннике, сунул под ремень запасной магазин, вышел в коридор.

Отворяя дверь в комнату Ларисы, он испытал некоторую неловкость. Рыгься в гардеробе чужой женщины, и без того испытывающей к нему не слишком тщательно скрываемую неприязнь... словно бы она могла застать его за этим занятием и брезгливо поджать губы: «Я так и думала! Что еще ждать от этого типа...»

Проще было бы зайти к Ирине, но у нее с Сильвией слишком разные фигуры.

Андрей хмыкнул удивленно. Что-то его стали рефлексии одолевать. Будто не на год назад он вернулся, а на двадцать. Да так оно, впрочем, и есть. Он сам тогдашний казался себе теперь совсем юным, наивным парнем...

Заглянув в двустворчатый платяной шкаф, Андрей присвистнул от неожиданности. Действительно, странная девушка Лариса, подруга Олега Левашова. Изображала из себя

этакую аскетически-хиппующую личность, равнодушную к собственной внешности и предпочитающую любым нарядам добела застиранные джинсы и маечки в обтяжку. И здесь, и в Замке. Демонстративно и как бы в упрек своей слегка ошалевшей от неограниченных возможностей подруге Наташе. А сама, оказывается, отнюдь не брезговала преимуществами ситуации, в которой оказалась в общем-то случайно. Шкаф был буквально забит изысканнейшими туалетами лучших западных фирм. А на подоконнике Андрей увидел груду толстых глянцевых каталогов Неккермана и Отто, в которых она и выискивала образцы для репликатора.

Нет, у нее не только с нервами, но и с головой не все в порядке, подумал Новиков. Какой-то психопатический синдром, как у старой девы, яростно пропагандирующей пуританскую нравственность, а по ночам смакующей порнографические журналы. Для чего она копила это барахло? Разве от предчувствия, что сказка, в которую она попала, скоро кончится, так же внезапно, как и началась, и хоть это удастся забрать в прежнюю нищую жизнь. Своего рода ленинградский блокадный синдром, но в применении к вещам, а не продовольствию.

Пожалуй, все эти платья и костюмы, больше подходящие для балов-маскарадов и кремлевских приемов, чем для повседневной носки, Сильвии здесь не пригодятся. Хотя вот... Среди шелков, парчи и прочих кристаллонов (Новиков слабо разбирался в этих галантерейных тонкостях) он увидел тоже шикарный, но по крайней мере брючный костюм из мягкой жемчужно-серой замши. Если не бояться испортить его великолепие в нынешних полупоходных условиях, вполне подойдет. А в комплект к нему обнаружили в груде обуви и красивые, на низком, почти мужском каблуке коричневые сафьяновые сапожки с голенищами выше колен. Слегка не в тон по цвету, но по жесткой траве и по лесу ходить куда удобнее, чем в кроссовках.

Костюм и сапоги он бросил на кровать, а в бельеовое отделение только заглянул, не желая ощутить себя фетишистом. Уважающему себя мужику рыться в трусах и бюстгалтерах чужой бабы... Тут уж Сильвия пусть сама разбирается, среди полусотни нераспечатанных целлофановых коробок что-нибудь найдет. Интересно, а Олег знал о тайных наклонностях своей подруги или она и от него тайлась?

Решив отложить подробную рекогносцировку дома на потом, Андрей сбежал вниз.

Сильвия терпеливо ждала на крыльце и меланхолично

следила за искрящейся солнечными бликами, подернутой мелкой рябью поверхностью реки.

«Все ж таки очень красивая дамочка, — опять подумал он. — Везет мне на приключения. Трудновато будет удержаться от соблазна».

— Соскучились, леди Спенсер? — с прежней легкой иронией подчеркивая титул, спросил Андрей, остановившись у нее за спиной.

— Отнюдь, — повернула голову и посмотрела на него снизу вверх Сильвия. — Я привыкла к одиночеству. Наедине с собой мне никогда не скучно.

— Как говорил Хайям: «И лучше будь один, чем вместе с кем попало». Так?

— Хайям часто говорил умные вещи. Или ты хочешь, чтобы я подтвердила его правоту в данном конкретном случае?

— Ладно, один-один, — подмигнул ей Новиков. Ему вдруг стало легко и даже весело. А чего, собственно, грустить? Война продолжается, господа, война продолжается!

— Пойдем со мной. Я там кое-что подобрал. А не понравится — найдешь что-нибудь другое.

— С удовольствием. А автомат к чему? Мне считать себя по-прежнему военнопленной?

— Исключительно в рассуждении неизбежных на море случайностей. Тут такие монстры попадают. Суперкоты, к примеру. Так что от прогулок в одиночку, да еще после захода солнца, настоятельно предостерегаю.

Ему пришлось подождать минут пятнадцать-двадцать, пока она переодевалась. Несоразмерно долго, но Сильвия, похоже, не доверяя его вкусу, решила перемерить полгардероба. Из-за неплотно прикрытой двери доносились шуршание, шелест, щелчки замков и застежек... Андрей вдруг ощутил недоумение и тревогу, как всегда, когда что-то в себе не понимал. Ведь не семиклассник он, чтобы возбудиться лишь от звуков «заочного стриптиза»? Однако... Обычно он умел держать себя в руках и в гораздо более рискованных ситуациях, а сейчас ему неудержимо захотелось оказаться в комнате. Или даже лучше в щелку двери заглянуть...

С усилием подавив это странное желание, Андрей решил осмотреть соседние помещения Форты. Его не оставляло опасение, что за время их отсутствия в доме могла поселиться какая-нибудь хищная тварь. Или, к примеру, змеи напознали... Таковых не обнаружилось, зато он еще раз убедился, сколь многого не знал о своих друзьях и подругах.

У колонистов не принято было заходить в личные апартаменты друг друга и здесь, и на пароходе. Вся общественная жизнь протекала в библиотеке, столовой, гостиных, холлах и на открытом воздухе, самой собой. А при ограниченности размеров их компании и неопределенности срока, который они обречены были провести вместе, полная закрытость частной жизни и возможность абсолютного уединения только и гарантировали от нервных срывов.

И вот сейчас Андрею открывались любопытные штрихи и детали, дающие психологу пищу для размышлений.

Конечно, его открытия не относились к Шульгину и Левашову, которых Андрей знал с детства, но о Берестине, Воронцове, Наталье Андреевне он свои представления расширил. Странно звучит после года очень тесного знакомства, но тем не менее...

— Андрей, куда ты пропал? — наконец позвала его Сильвия из коридора. Новиков увидел ее в новом наряде и, не лицемеря, словами и мимикой выразил свое восхищение. Она все же не нашла ничего лучше того, что он ей предложил. Костюм Ларисы, явно ни разу не надеванный, пришелся аггрианке удивительно к лицу. Правда, формами она была немного попышнее, но от этого жакет и брюки сидели на ней даже соблазнительнее. И вообще новый наряд ее преобразил. Она стала похожа на Миледи из «Трех мушкетеров» в исполнении Милен Демонжо. Была такая до невозможности эффектная французская актриса в шестидесятые годы. Ребята по десять раз смотрели фильм только из-за нее, а уж девчонки...

— Теперь предлагаю отобедать чем бог послал. Припасов у нас здесь достаточно, насколько я помню. Кстати, поясни, складывается впечатление, что здесь прошло никак не больше недели после... ухода Сашки с Олегом. А на самом деле?

— Попытаемся вместе разобраться. Только сначала все же води меня к столу, я тоже проголодалась. Зверски.

На кухне Андрей растопил печь, наскоро приготовил из полуфабрикатов и консервов обед, а точнее, и обед, и ужин вместе, потому что ели они, по субъективным ощущениям, не меньше двух суток назад.

Накрывая стол, Новиков вновь процитировал любимую фразу из кулинарной книги Елены Молоховец: «Если к вам пришли гости, а у вас ничего нет, пошлите человека в погреб, пусть принесет фунт масла, два фунта ветчины, дюжину яиц, фунт икры, красной или черной, etc. и приготовьте легкий ужин по следующему рецепту...»

За окнами начало смеркаться. Генератор был разрушен почти безнадежно, и пришлось зажечь двенадцатилинейную медную керосиновую лампу с пузатым стеклом. Сразу стало уютно и как-то патриархально.

Андрей было подумал, что Сильвия такую экзотику видит впервые в жизни, и тут же вспомнил, что она захватила времена, когда электричества вообще не было в широком обиходе.

Тишина вокруг стояла, что называется, мертвая. На тысячи километров вокруг ни малейших признаков цивилизации. Только легкое позвякивание вилок о тарелки как-то оживляло здешнее безмолвие. Правда, прислушавшись, Новиков различил усиливающийся шум ветра в кронах пятидесятиметровых сосен.

Хорошо еще, что весь разрушительный удар агтрианских гравипушек пришелся по противоположному крылу дома. Кухня, столовая, продовольственный и вещевой склады, большая часть жилых помещений уцелели. А веранду и оба холла с эркерами и галереей второго этажа он за неделю в порядок приведет...

Андрей с удивлением поймал себя на мысли, что рассуждает так, будто собирается здесь как минимум зимовать. Неужто опять интуиция подсказывает?

Утолив первый голод, Сильвия откинулась на высокую спинку дубового стула, протянула Новикову свой бокал. Он налил ей белого рейнвейна. Себе плеснул немного старки.

— Так что же у нас получается? — вернулся он к не дающей ему покоя теме.

— Имей в виду, я ведь в хронофизике совсем не специалист. Рассуждаю эмпирически. Когда взрывом «информационной бомбы» твои друзья обрубили внепространственный тоннель, связывавший Таорэру с Землей, и заблокировали развилку между реальностью вашего восьмьдесят четвертого года и реальностью сорок первого, где ты исполнял роль Сталина, наша Вселенная, существующая в противоположно направленном времени, действительно как бы исчезла. Но исчезла именно в реальности исходной, в которой ты впервые встретил Ирину. Люди, которые в ней остались, действительно никогда больше ничего не услышат о нас. Однако Антон, то ли по незнанию, то ли намеренно, не сказал вам, что на реальность номер три, двадцатого года, его бомба никакого влияния не оказала и не могла оказать по определению. Таким образом, в том, что я сумела восстановить канал связи с Таорэррой, ничего странного нет.

Новиков слушал ее и удивлялся, насколько близко он

сам подошел к такому же выводу, но последнего шага отчего-то сделать не сумел или не успел.

— Теперь идем дальше. Ты знаешь, что наша Вселенная существует во времени, протекающем в том же темпе, но навстречу вашему. Не знаю, закономерно или случайно, но точка, обозначающая на оси времени момент вашей диверсии в восемьдесят четвертом, совпала в этой реальности с нынешним двадцатым годом...

Андрей пытался представить себе вероятность такого совпадения, даже принялся для наглядности чертить на салфетке схему черенком вилки.

— Поэтому, когда я вышла на связь с Таорэррой, оказалось, что они только-только оправились от последствий беспорядков, учиненных на базе твоими друзьями. На самом деле здесь прошло меньше месяца. Дайяна даже не удивилась...

— И ты в это веришь? Или лапшу мне на уши вешаешь? — Новиков с коротким стуком положил вилку на стол.

— Боюсь, что я тебя не совсем понимаю...

— Что же непонятного? Попробуй сама ответить на два вопроса, а потом еще порассуждаем...

Сильвия какое-то время пыталась понять, что Новиков имел в виду, потом ее лицо слегка исказилось гримасой.

— Вот именно, моя дорогая. Прежде всего совпадения точек в твоем варианте произойти не могло, тут простая арифметика. Разнос образуется как минимум в полгода. И это при том, что я исключаю имевшие место отклонения от главной последовательности — то в сталинской эпопее, то в дни экспедиции наших ребят, плюс пребывание в Замке, переход по морю, стоянка в Стамбуле, два месяца гражданской войны — куда ты денешь все эти недели и месяцы? Отвернувшись спиной к мишени, навскидку с вертящейся карусели попасть в круг и то легче, чем в твоем варианте угодить в сопоставимое время... Однако и это еще не все, — пресек Андрей слабую попытку Сильвии что-то возразить. — Самое главное — каким образом получилось, что с совершенно другой мировой линии мы с тобой сумели попасть в нужную точку? Я еще более слабый хронофизик, чем ты, тут нам с тобой равняться даже смешно, однако же... Антон утверждал, что движение поперек времени еще менее возможно, чем против оного.

— Сказанное тобой наводит на размышления, не спору. — Сильвия вдруг стала задумчивой и спокойной. — И нам придется об этом подумать вместе. А что касается второго... Антон, при всем моем к нему уважении, отнюдь

не арбитр в последней инстанции. Реальности разных уровней иногда отличаются на столь несущественную величину, что ею можно и пренебречь. В нашем случае факт поражения красных под Каховкой никоим образом не успел повлиять на реальность Таорэры. Просто по закону Эйнштейна время распространения информации равно скорости света. Для сорока с чем-то парсек это больше ста двадцати лет. У нас же получается всего минус шестьдесят четыре. Процент посчитаешь сам. И еще. Даже если бы информация дошла своевременно, так ли велико случившееся расхождение реальностей? В условных единицах — нечто вроде нескольких сантиметров на генеральной карте. Такие отклонения мы преодолевать умеем. Еще вопросы будут?

Новиков решил, что разговор переходит в плоскости, явно выходящие за пределы его компетенции. И решил свернуть дискуссию. Обдумать доводы в более спокойной обстановке.

— О'кей, дорогая. На сем закончим наши игры. Не будешь ли ты возражать, если я провожу тебя к месту ночлега? Можешь выбрать любую из девичьих комнат, они вполне благоустроены...

Он уловил тень неприятия на ее лице.

— А также есть и два изначально свободных помещения. Приготовленные для неожиданных гостей.

— Тебе не приходит в голову, мой пронизательный рыцарь, что женщине с настолько расшатанной психикой оставаться одной в комнатах полуразрушенного дома, окруженного лесом, кишасим дикими зверями, просто невозможно? Я не гарантирую, что утром тебе не придется вызывать скорую психиатрическую помощь...

Сильвия увидела ироническую улыбку на лице Новикова и продолжила с абсолютной убедительностью:

— Нет-нет, не смейся, я не дурака валяю! На самом деле для меня это невозможно. Ты все воображаешь, что имеешь дело с Джеймсом Бондом в юбке, а ведь это не так. Я дипломат, аналитик, координатор спецопераций, но не рейнджер же... Спросил бы Шульгина, как я вела себя там, в горах...

Андрей неожиданно ей поверил. И в самом деле, разве та же Маргарет Тэтчер, ее соотечественница, «железная леди», при всех ее достоинствах, позволивших выиграть Фолклендскую войну, способна была возглавить простой десантно-штурмовой взвод? И подумал: «Ну а почему бы и нет? Проверим степень собственной выдержки и заодно выясним ее дальнейшие планы...»

— Хорошо, леди Спенсер. Я не могу требовать от вас чрезмерного. Готов охранять ваш покой и сон. Пойдемте...

Слегка придерживая ее под локоть левой рукой и держа бросающую судорожные блики желтовато-розового света лампу правой, он провел агтрианку в свой двухкомнатный отсек.

Ветер за окном разгулялся не на шутку, метров до двадцати в секунду, и его завывания и свист в щелях и брешах между бревнами наружного сруба, дребезжание обрывков колючей проволоки внешней ограды, скрежет листов кровли создавали и в самом деле не слишком приятный звуковой фон. Ему-то что, он умел спать и в идущем по пересеченной местности танке, а нежной аристократке заснуть одной в бревенчатой хижине, даже без электричества...

Андрей запер дверь на тяжелый медный засов, поставил лампу на тумбочку.

— Вон твоя койка. Чистое белье в шкафу. Или тебе и постелить?

— Спасибо, — холодно ответила Сильвия, — это я сама...

— Тогда я вернусь минут через десять...

Новиков вышел из дома, присел на мокром от дождя крыльце, положил на колени взведенный автомат, закурил сигару из своих здешних запасов, вслушался в шум ветра, проносающегося сквозь кроны сосен. Этот звук походил на гул летящего «зеленой улицей» курьерского поезда. Пожалуй, в такую погоду и суперкоты предпочитают отсиживаться в чаше, тем более что человеческий запах до них едва ли успел донестись.

Нет, пожить здесь недельку будет неплохо... А если всю оставшуюся жизнь на Валгалле коротать придется? Если все это было хитрым, рассчитанным на его глупость и ничемную отвагу приемом? Другим путем нейтрализовать не вышло, тогда вот так...

Андрей сплюнул, щелчком отбросил окурок. Ладно, посмотрим, из всяких ситуаций выпутывались. Ни бояться, ни забивать себе голову грядущими неприятностями ему сейчас не хотелось. Устал. Лечь бы и заснуть часов на десять. Да вот получится ли? Снова Сильвия с разговорами или нескромными предложениями приставать начнет...

Она ожидала Новикова, сидя в деревянном кресле у стола в углу, задрапированная в покрывало, узлом стянутое под горлом — в комнате все же гуляли сквозняки, от которых вздрагивал огонек лампы.

— Я думал, ты уже легла. Что-нибудь не так?

— Все не так, — ответила Сильвия, подперев локтем ще-

ку. — Умыться толком негде, душ принять. Даже где туалет, и то не показал...

— Ах, конечно, миль пардон! Туалет в конце коридора, один на этаж, не отель «Шератон» здесь, однако, а насчет душа — баню топить надо. Ты уж подожди до завтра. Умыться же и зубы почистить — вот дверь. — Он указал в угол комнаты. — Если, конечно, вода в системе осталась. Электричества нет, насос не работает. Завтра займемся...

— Ну хорошо. Допустим, это все мелочи. А вот сомнение ты в меня вселил. Я теперь и сама не знаю, отчего так все получилось, не уверена даже, сама ли я приняла решение — пригласить тебя сюда или мне его подсказали... Теперь вот я как будто вышла из сферы воздействия психополя нашей Базы и начинаю думать самостоятельно. Думаю — и не вижу никакого смысла в происходящем... Ты мне веришь? — с неожиданной тревогой и чуть ли не с дрожью в голосе спросила она.

— Более чем, — ответил Новиков. — И тем паче рекомендую немедленно лечь спать, не забывая голову вопросами, на которые ответов получить заведомо нельзя.

Сильвия встала и вопросительно посмотрела на Андрея, ожидая только намека, чтобы сбросить с себя покрывало. Вместо этого он указал глазами и движением головы на полуоткрытую дверь в соседнюю комнату.

Агтрианка недоуменно-разочарованно пожала плечами.

— Тогда я возьму лампу с собой, можно?

— Возьми. Только потуши перед тем, как заснуть. Техника безопасности...

Сильвия, бесшумно ступая по половицам босыми ногами, вышла. Андрей быстро разделся и нырнул под одеяло. С облегчением закрыл глаза и только сейчас окончательно понял, как он устал. Спать, немедленно спать, ни о чем не думая.

Почти засыпая, Новиков услышал, как скрипнула дверь, и с ярко светящим керосиновым фонарем в руке на пороге возникла женская фигура, по-прежнему обернутая до подбородка в покрывало из плотной шотландки. Подошла к его изголовью так близко, что он ощутил запах цветочных духов и женского тела, поставила «летучую мышь» на прикроватную тумбочку, прикрутила до предела фитиль. В наступившей желтоватой полутьме присела на край постели.

— Ты спишь? — шепнула Сильвия с волнующей истомой в голосе.

Он промывчал нечто, изображая глубокую дрему.

— Извини, я не могу там одна, — прошептала Сильвия.

Опустила руку, и ее одеяние упало на пол. — Так страшно завывает ветер и холодно. — Она действительно дрожала и даже постукивала зубами.

Андрей не ответил, изо всех сил внушая себе, что ни в коем случае нельзя сейчас поддаться вполне естественному чувству.

— Ты что, действительно уже спишь?

Сильвия прислушалась, наклонившись так низко, что ее распущенные волосы коснулись его щеки, потом подняла край одеяла и легла рядом.

Он чуть не вздрогнул от прикосновения холодного, но все равно соблазнительного тела.

Сильвия поворачиваясь, устраниваясь поудобнее, при этом ее грудь прижалась к его спине, вздохнула разочарованно, подоткнула со всех сторон одеяло и постепенно задышала ровно и тихо, засыпая.

Ее кожа, вначале ледяная, словно женщина долго стояла раздетой у открытого окна, постепенно становилась теплее и мягче. Андрей едва-едва совладал с собой, чтобы не обернуться, не сжать ее в объятиях, не сделать то, что ему невыносимо хотелось сделать. Но едва слышный маячок в мозгу настойчиво посылал тревожный сигнал, и Андрей подавил стремление плоти.

«Святой Антоний прямо», — успел он подумать, забывая иронией инстинкты, и неожиданно для себя все же заснул.

Львы ему не снились.

И так же мгновенно, как от внутреннего толчка, он вскопел проснулся. Рядом дрожал крошечный огонек лампы. Сильвия, откинувшись на подушку, тихонько постанывала во сне. Совсем как настоящая, усталая и изнервничавшаяся женщина. Андрей сообразил, что его ладонь лежит у нее на бедре, и осторожно убрал руку.

И вновь начал размышлять о настоящем и будущем. Вздрагивающее, трогательно-беззащитное и доступное тело леди Спенсер рядом весьма его стимулировало на умственные упражнения. Уже второй день (если можно суммировать время, проведенное с ней на Земле и Валгалле) ему не давал покоя вопрос: «А чем объяснить такую агрессивную сексуальность агтрианки?» В то, что Сильвия после полугода знакомства внезапно вспылала к нему неудержимой страстью, Новиков поверить был не слишком готов. Встречать гиперактивных девушек ему вообще-то приходилось, и на родине, и за ее рубежами. Ради любви к приключениям они готовы были отдаться случайному партнеру (или овладеть им, это как судить) в автомобиле, купе вагона, уединившись,

наконец, в ванной комнате чужой квартиры на многолюдной вечеринке. И наутро не вспомнить даже его имени. Тут все было нормально. Гораздо более странно выглядела настойчивость в общем-то холодной на вид, сдержанной, даже надменной аристократки. Хотя Сашка и намекал на ее бешеный темперамент в постели, за несколько месяцев общения сам Новиков такого впечатления о леди Спенсер не составил. Крутые нимфоманки и выглядят, и держатся иначе.

Ее поведение на вилле, а потом и здесь, на Валгалле, позволяет сделать другой вывод. Сильвии позарез потребовалось его соблазнить в чисто служебных целях, без всякой личной заинтересованности, и она испробовала целую серию отработанных способов и приемов, рассчитанных на мужчин разных вкусов и разного темперамента. Вопрос: для чего ей это было нужно? Классические шпионки из романов охмуряют советских дипломатов, военных и гражданских специалистов, высокопоставленных туристов прежде всего, чтобы скомпрометировать в глазах пуритански настроенного руководства или шантажировать возможностью компрометации. Он сам, работая за границей, неоднократно слышал о таких случаях. Его компрометировать не перед кем, а главное — незачем. Второй вариант — соблазнение с целью установления длительной связи, в которой клиент настолько теряет голову, что начинает систематически выдавать секретную информацию, соглашается на вербовку или становится невозвращенцем. Тоже не наш случай. Что еще? Если вообразить, что Сильвия окончательно решила натурализоваться на Земле, причем переквалифицироваться из англичанки в русскую, а для этого заставить Новикова сделать ее своей постоянной любовницей (а то и законной женой), чем и обеспечить себе высокое, по ее мнению, положение в новой Югороссийской иерархии? Слишком сложно, да и навивно для столь умной женщины. Должна бы лучше понимать психологию и его самого, и Ирины тоже. Хотя и не такие варианты адюльтеров и любовных треугольников известны. Но все равно, данный случай необходимо рассматривать в контексте прочих обстоятельств, а именно — последовавшего перемещения на Валгаллу. Значит ли это, что если бы он уступил ее притязаниям на Земле, то и переход сюда не потребовался бы? И она заманила его на свою базу, чтобы продолжить странные игры здесь? Возможно, очень возможно...

Новиков прислушался. Женщина рядом с ним наверняка спала по-настоящему. Расслабленная поза, ровное дыхание. Да если и притворяется, какая разница?

Он постарался припомнить, что ему приходилось читать

о тантрических учениях. Не слишком много, в основном иностранную научно-популярную литературу, ну еще и у Ефремова в «Лезвии бритвы». Суть, кажется, в том, что там сексуальные упражнения рассматриваются как мистическое действие, способствующее проникновению в сверхчувственные сферы и постижению истины. Так, может, в этом и разгадка? Из общения с Гиперсетью он вынес в числе прочего информацию о том, что древние мудрецы интуитивно и путем медитаций умели вступать в спонтанные контакты с Мировым разумом. О том же говорил и профессор Удолин. Отчего не допустить, что Сильвия тоже использует секс не в виде развлечения, а для достижения определенных мистических целей? В момент оргазма мозг, личность, душа клиента раскрываются, через какие-то чакры он становится доступным для внушения или обмена информацией. Или вообще переходит в иное психическое состояние... Это объясняет многое. Если бы он поддался ее чарам, Сильвия могла бы овладеть его сознанием и заставить исполнить требуемое...

Андрей все-таки, наверное, не совсем бодрствовал. Мысли текли удивительно легко, возникали неожиданные ассоциации, приходящие в голову идеи казались необыкновенно остроумными и ценными. Так, в полусне иногда удастся сочинять, например, стихи, которые восхищают своим совершенством, а утром (если удастся их запомнить) поражает, сколь они же плоски и примитивны.

Но сейчас вроде бы пришедшая на грани сна и яви догадка была логична. Он вспомнил начало своего знакомства с Ириной. Она ведь тоже поразила его не только своей красотой, но и неожиданной у двадцатидвухлетней девственности чувственностью. Она прямо изнемогала от желания в его объятиях и целовалась со страстью, которая даже слегка пугала. Может быть, его и спасло тогда то, что был он в молодости человеком осторожным и строгих правил. Неуверенный в своих чувствах, сколько мог, воздерживался от близости с Ириной. Кроме того, слишком уж она была «совершенна» эстетически. Ему просто казалось невозможным с ней делать то, что уже приходилось с другими девушками, попроще. С другими все было нормально, но с ней?! Кроме того, начав с ней «жить», пришлось бы и жениться, а такая перспектива внушала некоторые сомнения. Тем более что Андрей прочел в какой-то книге поразивший его афоризм: «Смысл отношений с выбранной вами женщиной состоит в том, чтобы быть с ней только тогда, когда ее хочешь. А в браке ты, увы, должен быть с ней и в те моменты, когда она

тебе безразлична, ради того, чтобы она была рядом, когда ты ее захочешь». Слишком ему тогда хотелось сохранить свободу и повидать мир, чтобы надолго или навсегда связать себя с девушкой, которая может оказаться не столь желанной и безупречной постоянно, как в данный момент, когда за окном июньская ночь, под ладонью мягко крутится едва прикрытая кружевным лифчиком грудь, а она отрывает от твоих свои распухшие губы только для того, чтобы вдохнуть судорожно глоток воздуха и прошептать что-нибудь бессвязно-страстное.

Короче, он не поддавался искушению почти целый год, за который она успела влюбиться в него до потери чувства долга, и когда наконец неизбежное произошло у костра на берегу Плещеева озера, эффект получился обратный. Через ее раскрывшиеся чакры в аггрианскую разведчицу вошла совсем другая сила, окончательно превратившая ее в нормальную земную женщину по духу, забывшую о своей галактической миссии.

Если все это так, то сейчас самое главное — не позволить себя «соблазнить», и тогда в очередной раз посмотрим, кто кого...

Он осторожно сдвинулся к краю постели, встал, не потревожив Сильвию, вышел в коридор, поднялся по узкой лестнице в покои Шульгина. Здесь думать будет удобнее, можно и ходить по комнате для стимуляции воображения, и курить с этой же целью. А кроме того...

Новиков снял с ковра эсэсовский кинжал в коричневых эмалевых ножнах, длинным прямым клинком взломал верхний ящик секретера, где Сашка хранил свою личную аптечку. Не потому, что страдал каким-то хроническим заболеванием вроде диабета и нуждался в постоянном специфическом лечении. Просто он, в предвидении самых неожиданных жизненных коллизий, принес из своего института богатую коллекцию всевозможных психотропных веществ, транквилизаторов, наркотиков и ядов. Мало ли чью психику потребуется подкорректировать или кардинально изменить в грядущих тайных и явных войнах с людьми и пришельцами? Среди его препаратов были такие, что не имели в мире аналогов по силе и избирательности действия. В том числе и на сексуальную сферу. Еще когда Шульгин учился в аспирантуре, он презентовывал друзьям хитрые «приворотные зелья», позволявшие добиться благосклонности самых неприступных девиц. Причем умел рассчитывать дозы таким образом, чтобы не внушать жертвам его экспериментов ни малейших подозрений. Добавленная в вино или лимонад

микстура начинала действовать очень плавно и деликатно, в течение нескольких часов повышая соответствующий тонус. Параллельно следовало проводить нормальный процесс ухаживания. При этом весьма по лезны были медленные танцы, поцелуи, ненавязчивые ласки, невзначай подсунутый эротический журнальчик. К концу же вечеринки или свидания возбуждение и страсть «объекта» достигали физиологического максимума и требовалось только обеспечить подходящие условия. Сбоев обычно не случалось, девушка испытывала небывалое наслаждение, в самом худшем случае на другой день недоумевала, что это на нее вдруг нашло. И, как правило, настойчиво жаждала продолжения столь удачного знакомства...

Впрочем, они такими вещами не злоупотребляли. Из чисто научного интереса угощали несколько раз подружек, которые и без этого были не прочь, просто чтобы убедиться в эффективности препарата. В двадцать с небольшим лет сам факт обладания таким могуществом сильно прибавлял самоуважения. А вообще-то Сашка утверждал, что средство позволит уговорить и целомудренную невесту (чужую, разумеется) накануне ее свадьбы... Избери он карьеру частно-практикующего колдуна, в первый же год стал бы миллионером что у нас, что на Западе.

Но сейчас Новикова интересовал препарат совершенно противоположного действия, который тоже имелся в шульгинской коллекции. Этот был хорош для подводников, зимовщиков полярных станций и опять же для неуверенных в своей выдержке разведчиков и дипломатов. Даже цивилизованные шейхи, которые по моральным соображениям не готовы использовать для присмотра за своими гаремами настоящих евнухов, могли бы с помощью Сашкиного препарата доверить жен попечению хоть самого Казановы.

Андрей не знал, какие еще приемы и способы имеются в арсенале Сильвии и ее хозяев, а тратить нравственные силы на борьбу с искушениями святого Антония, в то время как они потребуются для совсем других целей, считал нерациональным.

Внимательно изучил отпечатанные на машинке инструкции, рассчитал дозу, исходя из своего веса и желаемого срока действия (недели на первый случай будет достаточно), запил три пакетика голубоватого пронзительно-горького порошка водой и, считая себя подготовленным ко всяким случайностям, отправился досыпать. На Валгалле в этих широтах рассветало поздно.

...Два человека оживленно беседовали у открытого венецианского окна. Один в форме югоросского генерала — в зеленовато-песочном мундире с парчовыми погонами, в узких синих бриджах, высоких сапогах со шпорами, второй — в потертой кожаной куртке без знаков различия и тоже в бриджах, но черных с белым кантом и в мягких, собранных в гармошку к шиколоткам сапогах, похожий на инструктора аэроклуба послевоенных лет. Лицо у него было во многих местах намазано йодом и заклеено кусочками пластыря. Лоб перетянут широким розоватым бинтом.

За окном шелестели почти облетевшими кронами тополя и каштаны, по брусчатке Сумской — центральной улицы Харькова — звенели подковы лошадей, влекущих извозчицы пролетки, и изредка, оглашая окрестности криканием медных клаксонов, проносились (со скоростью 20 и даже 30 верст в час) коптящие газолиновым дымом автомобили.

Еще теплый, несмотря на наступивший ноябрь, ветер, задувая в комнату, разгонял клубы сигарного дыма и шевелил листы карт, развернутых на огромном круглом столе.

Комната, даже скорее небольшой зал, судя по роскошной, хотя и сильно поблекшей за годы гражданской войны отделке, была когда-то гостиной в доме здешнего Морозова или Рябушинского. Непременная многопудовая хрустальная люстра с дюжиной имитирующих свечи эдисоновских лампочек, мебель красного дерева в стиле «модерн», мраморный камин с медными причиндалами, бархатные шторы, мозаичный паркет и напольные часы — модель готического собора в масштабе 1:43.

Из стиля несколько выбивался только двухкассетник «Шарп» на ломберном столике в углу. В данный момент выключенный.

А возле него сидела молодая женщина, сумрачным тонким лицом похожая на Медюю из поставленного по мотивам греческого мифа фильма, вся в черной, тоже полувоенной одежде, из-за которой, не будь она столь чиста и элегантна, эту даму можно было принять за предводительницу анархистского отряда.

— Я взял книгу Триандафилова «Характер операций современных армий» издания тридцатого года, пропустил ее через компьютер, дополнил опытом Отечественной войны и подарил нашему приятелю в качестве рукописи моего личного труда... — говорил, посмеиваясь, генерал.

— И как, понравилось?

— Более чем. Он вообще парень способный, талантливый даже, только стратегического мышления бог не дал. Любую задачу, даже фронтового масштаба, рассматривает как серию вытекающих друг из друга тактических проблем. До сих пор это у него получалось. А книжку прочитал, восхитился, сказал, что у него будто пелена с глаз упала... Теперь считает меня гением.

— Не зря, наверное... — Молодой человек в кожанке, он же Александр Иванович Шульгин, советник Верховного правителя по вопросам разведки и контрразведки, глядя в окно, проводил глазами привлекательную даму в новомодном, длиной по колено, голубом платье и маленькой круглой шляпке, неторопливо шествующую по противоположной стороне улицы. Осень в этом году затянулась. Октябрь заканчивается, а тепло, как в начале сентября. Вот и женщины спешат догулять свое, впервые за много веков получив право и возможность показать «орби эт урби» то, что раньше старательно прятали под юбками и кринолинами. Цивилизация наступает... — А ведь опаздывает его превосходительство, — сказал он, обернувшись. Взгляд у него, несмотря на попорченное лицо, был веселый и даже озорной. — Распустился без присмотра.

— Никуда не денется, в запасе у него еще целые три минуты, — успокоил его генерал, на вид постарше, с бородой а-ля Николай II и куда более серьезным, даже мрачноватым лицом. — Да вот и он...

Действительно, внизу, у парадного подъезда трехэтажного особняка, остановился длинный открытый автомобиль.

Через минуту высокая резная дверь гостиной распахнулась, быстрым шагом вошел еще один генерал, но в помятом и выгоревшем кителе и пыльных сапогах.

Он поприветствовал присутствующих небрежно подброшенной к козырьку фуражки рукой. Те, за неимением головных уборов, ответили полупоклонами.

Следом за генерал-лейтенантом появился рослый артиллерийский полковник с подчеркнутой выправкой довоенного гвардейца, притворил за собой дверь и, ни у кого не спрашивая разрешения, закурил, отойдя, впрочем, к боковому окну и почти скрывшись за портьерой.

— Рад, искренне рад вас видеть, господа, — улыбаясь, впрочем, несколько натянуто, провозгласил гость, с шумом развернул стул с гнутыми ножками (типа тех, за которыми охотились Остап с Ипполитом Матвеевичем), сел на него верхом, опершись локтями на спинку.

— Что нового в ставке? Здоров ли Петр Николаевич? Какие вести из Первопрестольной? — выпалив без пауз свои вопросы, командующий Северным фронтом генерал-лейтенант Слащев-Крымский не слишком мотивированно рассмеялся сухим дробным смехом, тут же извлек из кармана ветхий кожаный портсигар, прикурил от любезно протянутой Шульгиным зажигалки и лишь после этого как-то обмяк. словно разжались внутри него многочисленные пружины. Такие внезапные смены стиля поведения и физического тонуса были для Слащева обычны, свидетельствуя о холерическом темпераменте и даже некоторой неврастении. Что, впрочем, не мешало (а возможно, и способствовало) выдающимся организационным и военным талантам генерала. Вообще, наверное, генерал Слащев был последним гениальным полководцем Российской империи. По крайней мере больше никто, включая и прославленного Брусилова, не умел выигрывать сражений при двадцатикратном перевесе сил противника. Жукову бы такие способности...

— Новостей много, Яков Александрович, и в большинстве хорошие, — ответил, пряча в карман массивную золотую зажигалку, Шульгин. — Не желаете чарочку принять по случаю приятности нашей встречи?

— Душевно благодарю, Александр Иванович. Почти не употребляю с некоторых пор. И без того жизнь веселая.

— Однако боюсь, что сегодня придется, ваше превосходительство, — едва заметно улыбнулся сквозь бороду второй генерал, по должности — особоуполномоченный Верховного правителя по военным делам Алексей Петрович Берестин. — И вы подойдите поближе, Михаил Федорович, — обратился он к стоящему у окна полковнику, — вас это тоже касается.

— Заинтригован, — ответил, не меняя позы и продолжая часто и глубоко затягиваться толстой папиросой, Слащев.

— Тогда не станем вас интриговать дальше. Приказом Верховного правителя барона Врангеля с сего октября месяца двадцать восьмого дня вы назначены главнокомандующим русской армией! С чем вас от имени Петра Николаевича, а также и от нас с Александром Ивановичем и поздравляю.

Слащев на короткий миг словно бы окаменел. Рука с папиросой замерла, из полуоткрытого рта медленно вытягивалась струйка дыма. Совершенно неожиданно исполнилась его главная мечта, на осуществление которой он не имел оснований надеяться. Слишком сильны были в окружении Врангеля неприязнь к агрессивному, непредсказуемому, не имеющему привычки скрывать свое пренебрежительное от-

ношение к тем, кого он считал бездарностями, генералу. Любой его успех воспринимался в штабе Верховного правителя как личное оскорбление. Многие предпочли бы проиграть войну (что в предыдущей реальности и случилось), нежели вверить судьбы армии и России бывшему капитану лейб-гвардии Финляндского полка. Прошлый раз Врангель уволил его в отставку в разгар сражений за Крым, столь непереносимо ему было сознавать, что возможная (да, тогда еще возможная) победа будет в истории навсегда связана с именем Слащева.

И вот вдруг он удостоен практически высшего в армии поста... Удивительно, непонятно, но и все равно крайне лестно...

Слащеву потребовалось лишь несколько секунд, чтобы взять себя в руки. Он резко встал, щелкнул каблуками.

— Благодарю за известие. Постараюсь оправдать оказанную мне честь. За это назначение я должен благодарить вас, Алексей Петрович?

— Ну, я высказал Верховному свою точку зрения. Он к ней прислушался. Так что принимайте командование, Яков Александрович, готовьте приказ номер один за своей подписью.

Слащев пожал протянутые руки Берестина, Шульгина и Басманова.

— Однако я бы хотел видеть приказ о моем назначении в подлиннике. Даже ваших слов, господин генерал, мне недостаточно, чтобы принять всю полноту власти.

— Естественно. В ближайшие часы вы его получите.

Адъютант Берестина внес ведерко со льдом, из которого торчали серебряные горлышки бутылок коллекционного крымского шампанского, и пять бокалов. Женщина в кресле каким-то кошачьим движением взяла из рук полковника пенящийся бокал, не вставая, кивнула Слащеву, смутно улыбувшись. Выпили, не торопясь. Слащев при этом выглядел все равно несколько растерянным. Внезапное исполнение заветных желаний редко приносит одно лишь удовлетворение.

— Только вот в чем тайный смысл моего возвышения? — спросил он, отставляя бокал. — Война практически закончена. А для реорганизации армии скорее пригодятся ваши способности, нежели мои...

В старой русской армии главнокомандующий занимался лишь непосредственным руководством боевыми действиями, а вопросы определения военной политики, экономики, организации, планирования, вооружения и комплектования

войск находились в ведении военного министра и Генерального штаба.

— Я бы на вашем месте не спешил с выводами. Подписан протокол о прекращении боевых действий между Югославией и РСФСР и не более. Но этот протокол отнюдь не разрешил многочисленных проблем. Неясна судьба Северного Кавказа, полностью отрезанного теперь от союда и завязшей в Закавказье одиннадцатой армии красных, крайне неопределенна ситуация в Забайкалье и на Дальнем Востоке, не говоря уже о Туркестане. Непонятно, как дальше быть с Махно и Антоновым...

— Вы считаете, Алексей Петрович, что нам сейчас следует думать еще и об этих территориях? Не правильнее ли сосредоточиться прежде всего на укреплении достигнутых границ и устройстве нормальной жизни именно здесь, а не на другом конце России?

— Вы совершенно правы в обоих своих утверждениях. Однако мыслить нужно не только в чисто военных категориях, но и в политических. А геополитика требует не только укреплять военную и экономическую мощь Югославии, но и одновременно думать о пока еще находящихся вне нашего влияния территориях. Мы же сейчас далеко не полноценное государство, а так, великое герцогство какое-то. Я предпочел бы видеть нашу границу как минимум по линии Архангельск — Астрахань, а еще лучше — по гребням Кавказского и Уральского хребтов, от Черного моря до Ледовитого океана.

Слащев pokrutil головой.

— А я думал, вы были искренни, настаивая на заключении мира в нынешних границах. На самом деле...

— На самом деле мы исходим из того, что большевики при первом удобном случае нарушат протокол, и не хотим быть застигнутыми врасплох, — вместо Берестина ответил Шульгин. Несмотря на свой простоватый вид и весьма скромную полуофициальную должность, он сосредоточил в своих руках практическое руководство пропагандой, контрпропагандой и информационной войной, внутреннюю и внешнюю разведку, контрразведку, контроль за дипломатической деятельностью красного и белого правительств и еще множество не менее интересных вопросов.

— Поэтому, Яков Александрович, воевать нам придется гораздо больше, чем хотелось бы. В этом истинный смысл вашего назначения. Для того и Михаила Федоровича мы пригласили. — Он сделал жест в сторону полковника Басманова. — Вы знаете, сколь блестяще проявил себя в боях ру-

ководимый им добровольческий ударно-диверсионный батальон. В предвидении грядущего мы и приняли следующее решение... — Он сделал вид, что оговорился, невольно сказал больше, чем нужно, и тут же поправился: — То есть Верховный правитель, конечно, по нашему совету, подписал приказ о создании отдельного корпуса специальных операций. Его командиром назначен полковник Басманов. Все практическое руководство комплектованием корпуса и определение его непосредственных задач пока возложено на генерала Берестина. Разумеется, вы, как главковерх, будете принимать в этом самое непосредственное участие...

— То есть следует понимать, что мне полковник Басманов и его корпус, когда он будет сформирован, более не подчинены? — спросил Слащев, поморщившись.

— Да он ведь вам и никогда не был подчинен. Это было наше, так сказать, частное подразделение. На наши собственные средства сформированная феодальная дружина. Сейчас мы придаем ей государственный статус, но это не значит, что она войдет в состав армии. Более того, мы считаем нужным после уточнения оргштатной структуры нового корпуса передать туда из войск две-три тысячи наиболее подготовленных и имеющих склонность к такого рода деятельности бойцов.

Шульгину показалось, что Слащев с трудом сдержался. Еще не успев официально вступить в должность, он уже ощутил себя ущемленным и уязвленным.

— Не стоит расстраиваться, Яков Александрович, — поспешил утешить его Берестин. — Мы отнюдь не намерены вторгаться в область ваших прерогатив. И ведь никто не мешает вам немедленно начать формирование в каждой дивизии — роты, а в корпусе — батальона аналогичного типа. Всю необходимую помощь оружием, техникой и инструкторами мы вам окажем... А уж Михаила Федоровича вы у нас не отнимайте, мы с ним давно сдружились... И он у нас словно бы как граф Бенкендорф будет.

На протяжении всего разговора Басманов держался так, будто его происходящее вообще не касалось. Он понимал, что представление устроено не для него, а исключительно для нового главнокомандующего. Дать понять, кому именно он обязан своим невероятным карьерным взлетом, и одновременно намекнуть, чтобы не слишком обольщался: все силовые и политические рычаги реальной власти остаются в руках Берестина с Шульгиным. Басманова такой вариант вполне устраивал. Подчиняться им куда предпочтительнее, чем оказаться под командой взбалмошного и малопредсказу-

евого главкома. Хотя сравнение с шефом жандармов при Николае I его слегка покорило. По довоенной еще привычке гвардейцы относились к носящим голубые мундиры с плохо скрываемым пренебрежением. Впрочем, за последнее время полковник почти избавился от бывшего снобизма.

Слащев тоже понял все правильно.

— Хорошо, господа. Позвольте откланяться. Буду ждать получения приказа Верховного. А в семь часов вечера прошу пожаловать ко мне на ужин. Разумеется, с дамами... — Он поклонился в сторону по-прежнему так молча и просидевшей в углу все это время женщины.

За ним вышел и Басманов.

Оставшись втроем, друзья позволили себе наконец расслабиться. Берестин растянул пуговицы кителя, Шульгин вообще скинул на спинку стула свою кожанку, и Лариса встала с кресла, потянулась, сбросила с лица маску отрешенного безразличия.

— Ладно, ребята, и мне закурить дайте. Кофейку бы тоже неплохо...

Шульгин с Ларисой всего три часа назад прибыли из Севастополя, где по-прежнему, несмотря на перенос столицы в Харьков, оставалась главная ставка.

— Так что же ты мне скажешь утешительного? — спросил Берестин, обращаясь к Сашке.

— Думаю, утешительного все же больше, чем наоборот. Однако события начинают развиваться многозначительно.

...Ему самому в это трудно было поверить, но всего лишь позавчера Шульгин вел «Додж» с опущенным тентом по узкой грунтовой дороге, где обычно ездили только местные татары на своих арбах. Совершенно великолепная погода стояла в Крыму. Тихо, тепло. Над пологими, заросшими жесткой серебристой полынью холмами вставало блеклое нежаркое солнце. Ровно рокотал хорошо отлаженный мотор, наматывались на колеса утрамбованные до черного блеска колеи. Из закрепленного на самодельном алюминиевом кронштейне магнитофона негромко, только чтобы создать приятный звуковой фон, пел Джо Дассен.

Что может быть приятнее — никуда особенно не торопясь, ехать в открытой машине по пустой до горизонта степи совершенно дикого, доисторического или по крайней мере скифского облика. Ощущение это подтверждали и попа-

дающиеся время от времени по сторонам торчащие из земли обглоданные ветром, кое-где покрытые пятнами лишайника камни, издали похожие на грубо обтесанные древние памятники. Для того и поехал Сашка машиной, а не катером, чтобы насладиться покоем тихого ясного утра и кое-что обдумать, вынырнув из повседневной суеты.

Подумать же было о чем. Прежде всего Шульгина беспокоило затянувшееся отсутствие Новикова. Пошла уже вторая неделя, как Андрей со специальной миссией отправился в Лондон. Он намеревался изучить возможность с помощью приобретенного Сильвией третьеразрядного, никому не известного банка включиться в игру могущественных финансовых империй. И еще он хотел, если удастся, выйти на контакт с лидерами правящей партии и оппозиции. На предмет некоторой корректировки внешней политики туманного Альбиона.

Правда, Андрей сообщил, что успешно добрался до цели, а потом еще пришла телеграмма, что по некоторым обстоятельствам не сможет поддерживать регулярную радиосвязь, но что-то мешало Шульгину сохранять полное спокойствие. Наверное, пресловутая интуиция. Он вдобавок помнил, чем для него самого закончился предыдущий визит в лондонский особняк агтрианки.

В то же время Шульгин испытывал чувство некоей странной свободы. Зачем скрывать от самого себя — его тяготило ощущение «вечно второго». Так уж все время складывалось, что Андрей лидировал в их более чем двадцатилетней дружбе, иногда заслуженно, а подчас и в силу обстоятельств. Как во всей этой истории с форзейями и агтрами. Только потому, что в свое время познакомился с Ириной, она открыла ему тайну своего происхождения и миссии на Земле, а потом и прибежала к нему за помощью... Ну да, прибежала к Андрею, но потом-то они все делали вместе, и неизвестно, чья роль в галактической войне была значительнее...

Сашка понимал, что он сейчас не совсем справедлив и не по одной только случайности Новикову пришлось взять на себя роль координатора и «первого среди равных», но ему просто нравилось сейчас так думать, а кроме того, он получил возможность хоть на время ощутить себя лидером.

В самом деле, Берестин полностью погружен в военные, а Воронцов в морские проблемы, Левашов сидит в Москве и изучает возможности построения на базе РСФСР «социализма с человеческим лицом». («Только это будет человеческое лицо Льва Давыдовича», — сострил при последней встрече с

Олегом Новиков.) Никто из друзей не претендует на общее руководство, да и нет у них для того соответствующей подготовки, не то что у Шульгина, полжизни посвятившего изучению способов воздействия на человеческую психику, да и по складу личности склонного к придумыванию и разрешению всевозможных антиномий и парадоксов.

За очередным пологим холмом вдруг открылась глубокая балка, заросшая неожиданно густым для этих мест лесом. А в просвете между склонами серебристо блеснул краешек моря.

Повернув руль, Шульгин съехал на узкую просеку, уходящую с крутым уклоном вниз между толстыми, перекрученными какими-то древними катаклизмами стволами реликтовых генуэзских сосен. Уже поднявшееся довольно высоко над гребнем гор солнце бросало дымные световые столбы сквозь разлапистые кроны, и окружающая картина выглядела сказочно нереальной, будто в мультфильмах Диснея.

Сашка остановил машину возле родника, кипящего у подножия двухсотлетнего, наверное, дерева, заглушил мотор. Словно раздумывая, посидел немного, не снимая рук с руля, потом прыгнул на землю через овальный вырез в борту, бросил на сиденье лихо замятую по-корниловски фуражку, провел ладонью по потным волосам. Всю жизнь ходил с непокрытой головой, а здесь незаметно привык, местные обитатели считают, что без головного убора как без штанов. Потом снял потертую коричневую кожанку, свитер и рубашку, обмылся до пояса ледяной газированной водой. Ухватился за растущий горизонтально гладкий сук, сделал в быстром темпе несколько подъемов с переворотом. Вытерся полой рубашки, сел на узловатый корень, закурил первую сегодня сигарету. Наслаждение тихим утром и игрой света в темной зелени хвои и багровой листве кустов боярышника вдоль дороги было настолько полным, что у него легонько заныло сердце.

Хорошо все-таки пожить здесь во времени, когда природа еще не испоганена «достижениями цивилизации».

Это стало у него последнее время почти ритуалом — остановиться у родника, покурить, просто послушать журчание переливающейся через край каменной чаши воды, шелест утреннего бриза в сосновой кроне, тихое потрескивание остывающего мотора, вспомнить что-нибудь приятное, не имеющее отношения к нынешним проблемам. Умные ребята самураи — когда еще постигли прелесть такого времяпрепровождения. В паузах между цунами, гейшами, сакэ и хакарири.

А вот вчера он общался с бароном Врангелем, решал вопросы большой политики. От имени занятого неотложными делами сэра Эндрю Ньюмена (Андрей Новиков тож). Внушение Сильвии оказалось по-настоящему эффективным, и генерал даже после блистательной победы в гражданской войне нисколько не усомнился в выдающейся роли «американского миллиардера» и его друзей в этом историческом событии, а главное — в том, что прислушиваться к их советам по-прежнему жизненно необходимо. А то ведь очень многие правители, укрепившись, имеют дурное обыкновение избавляться от тех, кто привел их к власти. Как тот же Хрущев поступил с Жуковым, и уж тем более Сталин со своей «старой гвардией».

Петр Николаевич посетовал на невозможность переговорить с Андреем Дмитриевичем, после чего предложил всем троим — Новикову, Берестину и самому Александру Ивановичу — войти в правительство Югории — так он решил называть свое государство до тех пор, пока оно не обретет вместе с остающейся пока под властью большевиков территорией подобающее имя. И предложил весьма весомые портфели.

С изъявлениями самой искренней благодарности Сашка предложение отклонил.

— Думаю, ваше высокопревосходительство, это будет не совсем удобно политически в данный момент. Мы недостаточно известны в обществе, такое назначение вызовет ненужные вопросы и даже определенное недовольство. Вам же сейчас важнее всего монолитное единство всех прогрессивных сил общества. Есть куда более достойные кандидатуры. — Шульгин навскидку назвал несколько имен. Не зря изучал загруженные Новиковым в память компьютера из собраний крупнейших центров западной советологии архивы белого движения и неопубликованные мемуары его видных деятелей.

— Кроме того, у нас есть и свои собственные дела, которые не позволяют полностью отдаться государственным заботам. Поэтому наилучшим решением будет сохранение статус-кво. Чтобы подтвердить неизменность и прочность наших отношений, я уполномочен передать вам очередной взнос — сто миллионов рублей...

Эта сумма давала Врангелю и его министру финансов профессору Трахтенбергу возможность довести до конца денежную реформу и уравнивать курс «колокольчика» (крымская банкнота с изображением царь-колокола) с довоенным

★
 николаевским рублем, обеспечив его полную конвертируемость.

Поэтому отказ Шульгина он принял с пониманием и, как показалось Сашке, даже с некоторым облегчением.

«Нашел дураков, — в свою очередь, подумал Шульгин. — На кой нам твои чины? Чтобы с десяти до четырех торчать в канцелярии и хотя бы из вежливости выслушивать указания и распоряжения очередного предсовмина? Увольте. В «серых кардиналах» как-то сподручнее...»

Он докурил, напился слегка напоминающей боржомом, ломающей зубы родниковой воды и начал одеваться. Как раз к подъему флага успеет на «Валгаллу».

...Для своей базы Воронцов выбрал узкую, похожую на норвежский фьорд бухту, в которой едва хватило места для двухсотметровой длины океанского парохода, напоминавшего своим видом знаменитый в начале века трансатлантик «Мавритания».

Пароход был пришвартован к высокому — чуть ли не вровень с фальшбортом — бетонному пирсу. Массивные, сейчас неподвижные грузовые стрелы нависали над замершим рядом с пароходом коротким поездом из трех платформ и дизельного мотовоза. Узкоколейная ветка тянулась к врезанному в обрывистый берег длинному двухэтажному зданию казенного облика. Не то гарнизонная гауптвахта, не то паровозное депо.

На самом деле здесь еще до турецкой войны 77—78 годов размещались артиллерийские пиротехнические мастерские, где снаряжались конические бомбы для первых нарезных пушек, а в глубоких сводчатых штольнях, пробитых в скале, — склад готовой продукции. С развитием артиллерийского дела нужда в многопудовых чугунных снарядах, начиненных дымным порохом, исчезла, но уничтожить их поначалу сочли расточительством, а потом по обычной русской рассеянности просто забыли. Один за другим сменялись бородатые валяжные начальники порта, уже и понятия не имевшие, что в прохладных темных подземельях медленно ржавеют некогда могучие средства массового уничтожения. Точно в соответствии с давно забытой поговоркой: «Да и что за беда, коли в огороде поросла лебеда? Вон церква горят, и то ничего не говорят». Наконец перед самым началом мировой войны кому-то пришлось в голову использовать удобную бухту и подходящие помещения теперь уже для хранения мин заграждения образца 1908 года. Остро встала задача мин-

ной блокады Босфора, и круглых рогатых шаров требовалось много. Здание отремонтировали, проложили рельсовый путь к берегу, подвели электричество подводным кабелем. Но вскоре грянул семнадцатый год...

Одним словом, когда после торпедной атаки «Валгаллы» французским миноносцем Воронцов стал искать удобную и хорошо защищенную стоянку для парохода, ничего лучшего нельзя было и придумать.

С моря вход в бухту прикрывал специально сюда буксированный и посаженный на отмель старый броненосец «Три святителя». Машины ветерана были взорваны еще в девятнадцатом году, однако четыре двенадцатидюймовые и четырнадцать шестидюймовых пушек оставались грозной силой, способной отразить любое нападение и с суши, и с моря. Осторожный капитан «Валгаллы» такого не исключал, несмотря на то, что фронт ушел на тысячу километров.

— Это на север он ушел, — говорил Воронцов, — а как насчет юга?

И друзья ничего не могли ему возразить, агрессия со стороны раздраженной вызывающим поведением Врангеля и его незваных покровителей Антанты отнюдь не исключалась. Оккупированная англичанами, итальянцами и греками Турция — наглядный пример.

Воронцов вообще, как бы отстранившись от большой политики, которую с увлечением вершили его друзья, нашел для себя удобную и приятную экологическую нишу.

Если Берестин, мечтая окончательно самореализоваться, возглавил негласно всю белую армию, то Дмитрий не стал претендовать на должность командующего белым флотом. Да и что это был за флот! После того как большевики утопили неизвестно зачем в Новороссийске «Екатерину Великую» (она же — «Свободная Россия») и восемь лучших эсминцев, а англичане взорвали в девятнадцатом году машины всех броненосцев, в распоряжении врангелевцев оставался только линкор «Генерал Алексеев» (он же «Александр III», потом — «Воля»), крейсер «Кагул» («Генерал Корнилов») и несколько миноносцев.

Всю гражданскую войну «действующим отрядом» командовал адмирал Саблин, способный, но очень пожилой и тяжело больной человек. Сменил его энергичный контр-адмирал Бубнов, а Воронцов, не желая сеять раздоры в среде давно друг друга знающих и спаянных кланово-кастовыми принципами моряков, придумал нечто оригинальное. Он как бы взял на откуп никому не нужный и обреченный на слом

отряд старых броненосцев: «Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», «Ростислав» и «Три святителя».

Молодой и англизированный адмирал Бубнов считал это странной причудой богатого иностранца, но возражать не стал, поскольку Воронцов брал на себя все возможные расходы и в том числе комплектование экипажей вольнонаемными офицерами и матросами.

Перед выездом из леса Шульгину пришлось вновь остановиться — дорогу преграждали решетчатые стальные ворота, вправо и влево уходила ограда из колючей проволоки на высоких бетонных столбах. Снаружи вдобавок подходы к забору были завалены перепутанными клубками спиралей Бруно. Из приземистого каменного домика, похожего на сторожку лесника, появился часовой — плечистый малый в черной флотской форменке с погончиками строевого унтер-офицера. Скользнул по машине глубоко посаженными недобрыми глазами, узнал пассажира и, не сказав ни слова, потянул управляющий створками ворот рычаг.

На куртке Шульгина не было погон, и формально честь ему отдавать караульный был не обязан. Устав подчиненные Воронцова знали хорошо, а естественные человеческие чувства, которые заставили бы обычного моряка поприветствовать знакомого офицера, а то и перекинуться с ним парой слов, Дмитрий вкладывать в них считал излишним. В данной роли. Потому что охранял базу не человек, а один из составляющих экипаж «Валгаллы» биороботов, изготовленных по заказу Воронцова форзейлем Антоном.

Сорок пять роботов, зрительно не отличимых от людей, исполняли функции матросов, штурманов, механиков и лакеев, причем, подключенные к главному бортовому компьютеру, они способны были программироваться на любую судовую роль, а также, согласно заданию, принимать какой угодно внешний облик, вплоть до стопроцентного портретного сходства с реально существующим субъектом. Набор программ у них был практически беспределен, и робот, только что таскавший мешки с углем, мог, переодевшись и помывшись, становиться к операционному столу в качестве нейрохирурга или исполнять обязанности дамского парикмахера.

Шульгин удивлялся только одному ограничению, неизвестно зачем введенному Антоном, — роботы не могли удаляться от парохода дальше чем на километр.

Очевидно, таковы были форзейлианские этические нор-

мы, аналогичные азимовским законам робототехники. Убивать же, в случае необходимости, врагов программа роботам не запрещала.

Однако Левашов, демонстрируя превосходство человеческого гения над инопланетным, довольно легко нашел способ преодолеть запрет, и заведомо якобы привязанные к кораблю андройды обрели свободу. Но опять же в пределах, предусмотренных приказом и программой.

У верхней площадки трапа «Валгаллы» Шульгина встретил еще один робот, исполняющий обязанности вахтенного офицера. Шестифутовый красавец, светловолосый и сероглазый, с массивным подбородком, одетый в синий китель с лейтенантскими нашивками и говорящий по-русски с отчетливым американским акцентом. По легенде, пароход был приписан к порту Сан-Франциско.

— Капитан у себя? — спросил его Сашка.

— Так точно. В командирском салоне. Прикажете проводить?

— Сам дорогу найду.

Апартаменты Воронцова примыкали к штурманской рубке, а дверь из его салона выходила на капитанский мостик.

Шульгин не захотел воспользоваться лифтом и на высоту восьмизэтажного дома взбежал по узким почти отвесным трапам надстройки. Дмитрий, без кителя, в белоснежной форменной рубашке с галстуком, уже ждал его на крыле мостика.

— С прибытием, господин начальник. — Широко улыбаясь, Воронцов протянул Сашке руку. — Давненько не виделись. Случилось что или так, на женское общество потянуло?

Пока Новиков, Шульгин и Берестин командовали фронтами, плели свои интриги в Москве и участвовали в конференции по заключению мира между двумя Россиями, Ирина, Наташа и Лариса большую часть времени проводили на пароходе. А когда Сашка познакомился в Москве с кузиной поручика Ястребова, он и ее переправил сюда же. Слишком много опасностей для слабых женщин предполагала жизнь в охваченной гражданской войной стране.

Особенно же опасно стало после того, как оставшиеся пока неизвестными злоумышленники напали на предоставленный им Врангелем в Севастополе особняк. Левашова едва удалось спасти, да и Ирина с Натальей получили легкие ранения. А на пароходе под присмотром Воронцова и защитой брони и тяжелых орудий за них можно было не беспо-

коиться. Тем более уровень жизни здесь, на трансатлантическом лайнере, оснащенном всеми техническими достижениями XX века, бесконечно превосходил тот, что мог предоставить берег. Это ведь только на первый взгляд, да и то лишь в Севастополе, Харькове, Одессе образ повседневной жизни напоминал нормальный, приемлемый для цивилизованных людей. А если приглядеться внимательней, так условия существования в России были ужасны... Да еще следовало принять во внимание случившуюся за последние три года деградацию нравов. По всем указанным причинам первоначальная увлеченность, с которой женщины восприняли экзотику прошлого, быстро сменилась разочарованием.

— Да и потянуло, — не стал скромничать Шульгин. — Это ты здесь отсиживаешься в тепле и уюте, а загнать тебя в грязные окопы или в тифозную Москву, где и собачья колбаса за деликатес идет, а уж женский элемент... Совершенно поразительное дело — там, где возникла советская власть, мгновенно менялся облик населения. Мы с Андреем это сами заметили, а потом и у Бунина в «Окаянных днях» я то же прочитал: «Словно бы наиболее отталкивающие хитровские типы, стократно умножившись, выползали из неведомо каких щелей и господствующим выражением окружающих лиц становилась злобная тупость, утрюмо-холуйский вызов всему и всем». И так же быстро эта «массовка» исчезала при возвращении нормальной жизни. Парадокс, заслуживающий изучения...

— Это, братец, дело хозяйское, — усмехнулся Воронцов. — В своих предыдущих жизнях я и не такое видел. Почему и не рвусь пока ни в Москву, ни в Питер. Каждый выбирает по настроению. На сегодняшний момент мне мое положение нравится. Я изображаю из себя янки при дворе известного короля. Получается неплохо. Но это разговор отдельный. А сейчас как — в одиночку перекусишь или пождешь, пока народ пробудится?

— Вот именно. Я к тому времени тоже себя в должный порядок приведу. А сейчас достаточно крепкого чая без закуски.

Воронцов провел Шульгина в свою каюту, включил электросамовар, и, пока он закипал, Сашка рассказал Дмитрию почти все случившееся за последние дни в Москве и Харькове.

— А как у тебя?

— Работаем... Давай, если хочешь, сходим, сам посмотришь.

Воронцов чувствовал себя не зависимым ни от кого хо-

занием жизни потому, что его «Валгалла» всегда готова была предоставить в своих комфортабельных каютах надежное убежище более чем двум тысячам человек, обеспечить их всем необходимым на несколько месяцев совершенно автономной жизни, доставить с тридцатиузловой скоростью в любую точку на берегах пяти континентов. Самое же главное, что под защитой титановой, кевларовой и карбоновой брони в трюмах парохода размещалась установка пространственно-временного совмещения и репликатор — устройство, позволяющее извлекать из окружающей реальности молекулярную копию любого существующего в ней предмета.

За исключением живых существ. Антон специально предостерег от таких попыток. Отчего так — непонятно. Но должны же оставаться у природы хоть какие-то тайны?

Количество и размеры дублируемых предметов ограничивались только размерами выходного контура репликатора. Поэтому его создатель Олег Левашов, оставив основные блоки аппарата на корабле, репликационные камеры, формой и размерами напоминающие каркасы железнодорожных вагонов, смонтировал на берегу, в подземных галереях минных складов. Теперь в них можно было воспроизводить даже тяжелые танки.

Потому, собственно, и удалось сравнительно легко разгромить красные дивизии, десятикратно превосходящие численностью вооруженные силы Юга России.

Высокая боевая подготовка и яростная отвага прижатых к морю белых полков, внезапно получивших автоматическое оружие с неограниченным количеством боеприпасов да еще возглавленных людьми, имеющими военно-исторический опыт всего XX века, позволили за два месяца отбросить советские армии от крымских перешейков до Смоленска, Тамбова и Самары.

— Мне действительно вся эта жизнь нравится, — говорил Воронцов, окутываясь дымом из своей коллекционной трубки. — Я все время чего-нибудь новенькое придумываю. И внедряю в нынешнюю жизнь. Это весьма забавно. Здесь сейчас вообще благоприятное время — темпы прогресса так высоки, что обыкновенный средний человек уже не воображает, что возможно, а что нет, и совершенно не удивляется очередным новинкам. Желательно только сохранять привычный людям дизайн...

Шульгин и сам успел в этом убедиться. По улицам южнорусских городов бегали уже сотни две джипов «Виллис» и «Додж 3/4», армейские грузовики вплоть до трехосных «Уралов», две дивизии 1-го (слащевского) корпуса перевооружи-

лись автоматическими винтовками «СВТ-40» и калашниковскими пулеметами, не говоря о гораздо менее заметных нововведениях. Даже дамы из наиболее свободомыслящих стали носить новомодные туалеты — юбки до колен, подчеркивающие формы узкие жакетики, открытые платья из легких тканей, остроносые туфли на высоких каблуках, элегантные плащи и сапожки.

Одним словом — «процесс пошел». За два-три года вполне можно было рассчитывать довести югославский уровень жизни хотя бы до того, что существовал в США и Европе перед второй мировой войной.

— Все это, безусловно, здорово, — говорил Шульгин, прихлебывая темно-вишневый чай без сахара, но с лимоном. — Однако что-то меня тревожит, без достаточных оснований, может быть, но тем не менее...

Воронцов, опустив глаза на дымящуюся в хрустальной пепельнице трубку, молча ждал продолжения.

Он всегда был симпатичен Шульгину именно своей постоянной невозмутимостью в любых ситуациях и умением балансировать на грани серьезности и едва заметной иронии. За год, прошедший с того дня, как Левашов познакомил их с Дмитрием, тот ухитрился даже ни разу не повысить голоса, в каких бы острых ситуациях им ни случилось оказываться, обходился игрой интонаций. А уж случалось за это время всякое. И еще что ценил разбирающийся в людях Сашка — Воронцов был очень умен, хотя постоянно носил маску бывшего, но не слишком далекого «морского волка». Он и был в прошлой жизни штурманом торгового флота, вечным старшим помощником, не имеющим шансов стать когда-нибудь капитаном.

Для серьезного разговора с Воронцовым Шульгин и приехал сегодня. Больше посоветоваться было не с кем. Берестин играл в войну, да ничем другим он в жизни (кроме живописи) и не интересовался. Дипломатия и психология были ему чужды изначально. Левашов — чистый технарь. Надежный, еще с третьего класса школы друг, изобретатель, можно сказать, практической хронофизики, но не более. Вдобавок не так давно между ними пробежало нечто вроде «тени черной кошки». Не без помощи Ларисы, которая взяла его в руки деликатно, но твердо.

— Получается у нас все хорошо, лучше даже, чем мы планировали. И в Москве удачно сложилось с Лениным и Троцким, а думали, что до зимы война затянется, если не на следующий год. Большевички словно специально нам подыграли...

— Интересная мысль, — кивнул Воронцов. — Как Антон с Сильвией прошлым августом...

— Вот-вот! Такое впечатление, будто и Агранов с чекистами, и товарищ Троцкий только нас и ждали, чтобы с военным коммунизмом разделаться...

— А почему бы и нет, кстати? В своей первой истории не так разве? Запутались в проблемах военного коммунизма настолько, что только Кронштадтский мятеж и позволил оторваться от высоких идеалов и нэп устроить. В тех же целях Сталин смерть Ленина использовал. Наплевал на мировую революцию и начал возрождать империю, а сомневающихся устранил...

— Выходит, ты тоже на эти темы размышлял? — удивился Сашка. — А молчал почему?

Воронцов пожал плечами.

— Идея должна созреть. Вот сейчас мы с тобой уже можем на равных разговаривать, а то я бы начал, а вы все еще во власти победной эйфории. И не готовы воспринять мои сухие, трезвые идеи. Зачем тогда и затрудняться?

— Хитер ты, капитан. А знаешь, как апостол Павел говорил?

— Ну?

— «Не будьте слишком мудрыми...»

— «Но будьте мудрыми в меру», — закончил цитату Дмитрий.

— Значит, по первому вопросу согласие достигнуто. Можно принять за гипотезу, что исторический процесс по-прежнему течет не туда, куда мы его толкаем, а по каким-то другим законам...

— Не по собственным единственно возможным, а просто по другим? Тоже кем-то predetermined?

— Так точно. Проще выражаясь, имеет место наводка в козыри...

— И наши действия при таком раскладе?

— Смотреть и думать. Я, исходя из длительного опыта, попав в густой туман и не зная своего точного места, предпочитаю лечь в дрейф до прояснения обстановки.

— Принимается. Теперь второе...

— Новиков? — Задав вопрос, Воронцов впервые позволил себе широко улыбнуться. Мол, и мы тут не лыком шиты. Шульгин только развел руками.

— Он самый. И еще мадам...

— Она же леди. Хитрая штучка. Я предупреждал.

— А кто спорил? Я так понимаю, что раз ты мне сразу

ничего не сказал, то Андрей на связь до сих пор не выходил?

— И это начинает нас беспокоить. В каком случае такое возможно?

— Считаю, только в одном. Если означенная леди настолько его охмурила, что он решил устроить себе небольшой отпуск. — Шульгин сказал это без улыбки. Он по собственному опыту знал, сколь искусна и сильна агтрианка во всякого рода интригах. Чисто внешняя привлекательность, сама по себе почти непреодолимая, если ей это требовалось, дополнялась колдовской силой внушения. Он испытывал это на себе и видел, что она сумела сделать с Врангелем.

— Андрей на это способен? — с сомнением спросил Воронцов.

— Раньше бы я сказал: нет. На моих глазах он целый год сопротивлялся Иркиным чарам, а она... — Сашка закатил глаза и причмокнул. — Видел бы ты ее восемь лет назад! Правда, Андрей тогда... покрепче был.

— А что изменилось?

— Вот это самое. Боюсь, что он надорвался. Слишком много с тех пор случилось вредных для психики событий. А тут случай расслабиться подвернулся. Свобода, красивая баба, которая умеет на шею вешаться, интерьер, опять же. Видел бы ты ее хату... Да и собственная подруга, если с ней год не разлучаться, способна несколько поднадоесть. Ну и решил парень оттянуться, стрессы сбросить... Курортный синдром.

Воронцов вздохнул с сомнением.

— Ты его лучше знаешь, но... как-то не рядом получается. А банально грохнуть его не могли там? Если он нашел то, что искал, но не проявил осторожности? Или его раньше вычислили?

— Это совсем уж маловероятно. Его и самого без хрена не съешь, а под прикрытием Сильвии...

— Если она по-прежнему на нашей стороне...

— Вот это действительно... А на чьей стороне ей теперь имеет смысл быть? К большевикам перекинуться?

— К большевикам не знаю, а разве у нее других старых друзей не имеется?

Шульгин прикусил губу, посмотрел на Воронцова с каким-то новым выражением. Взял из зеленой сафьяновой коробки сигару, долго ее раскуривал. Воронцов терпеливо ждал.

— Снова агтры? — спросил наконец Сашка. — Откуда им взяться? Антон же говорил...

— Вот уж к чьим словам я бы всерьез не относился, — ответил Воронцов. — Я его знаю несколько дольше, чем вы все. Он врать-то никогда напрямую не врет, но и правда его такая... — Капитан изобразил движением пальцев спиралеобразную фигуру. — Да и просто ошибиться мог наш инопланетный друг. Аттры там или не аттры, а то и покруче кое-кто...

— Ну а в таком варианте что от нас зависит?

— Вот этого, Саша, я не знаю. — Впервые за время беседы голос Воронцова прозвучал без обычного оптимизма. — Тут уж так — делай, что должен, случится, что суждено. Давай прервемся, если больше чаю не хочешь, и пойдем прогуляемся.

Он повел Шульгина на пирс, а оттуда в мастерские. По его приказу очередной робот, выскочивший из караулки на высокое крыльцо, открыл высокие, достаточные, чтобы проехал товарный вагон, стальные ворота. Воздух в тоннеле был сырой, пахнувший ржавым железом и мокрым бетоном. Вдоль стен до сводчатого потолка громоздились штабеля знакомых зеленых ящиков. Поблескивающие в солнечном свете рельсы упирались во вторые, теперь уже деревянные ворота. Грубо обтесанные, почти черные брусья наводили на мысль, что когда-то они служили шпангоутами и бимсами нахимовских или лазаревских фрегатов.

— Здесь просто винтовки и патроны. Готовы к отгрузке. Сегодня-завтра перекинем на армейские склады, чтобы места не занимали, — на ходу пояснил Воронцов. — Главное у меня дальше.

Левашов перед отъездом в Москву протянул с парохода к пакгаузу толстые бронированные кабели, а в подземных галереях, способных выдержать, наверное, и ядерный взрыв средней мощности, смонтировал три репликационные камеры, размерами и видом напоминающие клетки для содержания тиранозавров. Собственно, они и являлись клетками, вертикальные прутья которых были изготовлены из токопроводящей керамики, а горизонтальные — из медных, в две ладони шириной, особым образом изолированных и заземленных полос, подключенных к генераторам высокого напряжения и судовому компьютеру.

Первая камера была до половины заполнена светлокоричневыми кожаными мешками размером с полведро каждый. Их горловины были стянуты витыми шнурами, опечатанными свинцовыми пломбами. Знакомая тара. Так упаковывались золотые червонцы, которые царское министерство финансов отсылало в виде субсидий среднеазиатским ха-

нам, бекам и эмирам еще во времена покорения Туркестана. По сто тысяч рублей в каждом.

— Тут тонн пятнадцать. Еще раз кнопку нажать — будет тридцать. Пора вывозить. Только куда? — Воронцов выглядел озабоченным. Похоже, они уже перестарались. Лучшего в мире русского золота наштамповали столько, что скоро могла встать проблема, которая довела в семнадцатом веке до краха испанское королевство. Для сокровищ, доставляемых из Америки, в тогдашней Европе просто не хватало товаров. Сейчас, конечно, так вопрос не стоял, скорее, наоборот, мир испытывал недостаток драгоценного металла, но нужно было найти способы грамотного, не ломающего мировую финансовую систему его использования.

— Андрей как раз и должен был в эту сторону подумать. Сильвия в Англии какой-то захолустный банчок приобрела. Малоизвестный и на грани разорения. С оборотом тысяч сто фунтов в год. Если сообразить, как твое золотишко в его сейфы перекинуть и происхождение замотивировать, проблемы не будет.

Шульгин с трудом приподнял мешок, который весил раз в десять тяжелее, чем выглядел, прочитал выдавленные на пломбе цифры и буквы.

— Номера вот на всех одинаковые. Но это не вопрос, люди, которым живые деньги нравятся, на такую ерунду внимания обращать не станут.

— Я тем более не понимаю, в чем проблема. Перекинуть их можно внепространственно, оформить как вклад того же самого сэра Ньюмена...

— Так, да не совсем. Я уже думал. Факт ввоза ты как легализуешь? Я лично их правил не знаю, но ведь через таможеню оно должно пройти, какие-то пошлины заплатить надо, налоги, еще что? Не может же быть, чтобы вчера банк нищим был, а сегодня с Ротшильдами конкурирует, и никого этот парадокс не интересует?

— На то адвокаты есть. Найдем, заплатим, взятки рассуждем, сколько спросят. Я другого боюсь — расшевелим мы еще одно осиное гнездо, напугаем империалистов финансовой экспансией... Я занятия по политэкономии исправно посещал, диплом университета марксизма-ленинизма с отличием имею...

Воронцов снова стал, как говорилось в их молодые годы, «прикидываться шлангом».

— Там у них на Западе всякие финансовые империи, Рокфеллеры, Куны-Леебы, де Бирсы, опять же, они что, позволяют захолустному банку в их охотничьи угодья влезть?

Не они ли нам намек дали, когда торпеду в борт воткнули? А если мы не поняли, второй намек может оказаться понагляднее.

Разговор Шульгину начинал нравиться. Воронцов мыслил точно в ту же сторону, что и он сам. Только по укоренившейся привычке подходил к проблеме из-за угла. Предоставляя собеседнику инициативу вносить предложения и в случае чего за них отвечать.

— А ты «Записные книжки» Ильфа читал?

— Ну? — с некоторым недоумением ответил Воронцов.

— Так там Яшка Анисфельд что ответил римскому легату? «Это мы еще посмотрим, кто кого распнет». Показывай дальше свои закрома.

Следующая камера была под потолок заполнена картонными и деревянными ящиками всевозможных форм и размеров, с надписями на всех языках цивилизованного мира.

— Это у меня очередная партия ширпотреба. Якобы экспортный товар для насыщения потребительского рынка. Тут же нищета страшная. Шмотки всякие, швейные машинки, примусы, мясорубки, посуда, из электротехники кое-что. Внедряю в жизнь культурную модель ускоренной модернизации по образцу Арабских Эмиратов...

— Да я уж видел. К хорошему народ приспосабливается легко... Жалко, с электричеством здесь плоховато, а то бы прогресс еще быстрее пошел.

Шульгина вдруг осенила мысль, над которой они бились довольно долго, но так и не нашли пока приемлемого решения.

— Стоп, Дим, а не дураки ли мы?

— Допускаю. А в чем именно?

— Да вот в том. Олег нам головы заморочил, а мы сами подумать не собрались. Когда уходили из Замка, он убеждал, что нужно забить трюмы образцами чего угодно, от танков до батареек «Марс», ибо мы можем оказаться в таких местах и временах, где не будет ничего...

— Правильно. Вот сейчас у нас все и есть. Номенклатура более чем в тридцать тысяч единиц...

Шульгин кивнул и назидательно поднял палец.

— Но, попав под магию принципиально верной идеи, мы словно бы разучились мыслить. Мы же находимся в месте и времени, где кое-что все-таки есть. И не только вещи. Уловил?

Воронцов выглядел растерянным.

— В принципе да, а конкретнее?

— Здесь, мореходец ты наш, среди всяких интересных и

приятных изделий, которые иногда лучше тех, что мы имели дома, есть такая универсальная вещь, как бумажные деньги. Мы бьемся над вопросом, как незаметно разменять на них золото, банки вон даже приобретаем, а проблема-то решается...

— Номера. Забыл? Сотню-другую фунтов сдублировать можно, а если тоннами?

Сашка весь лучился самодовольством. Мол, вот вам — я сообразил то, что казалось неразрешимым в принципе. Он не спешил, он растягивал удовольствие. Размял сигарету подчеркнуто тщательно, сделал три затяжки с таким смаком, будто неделю не курил.

— Отчего нас заиклило именно на дублировании? Потому что Антон нам это подсказал? Своими мозгами шевелить разучились... — Сделал еще одну паузу. — А делов-то только и всего — внедриться внепространственным каналом в сейфы хоть Ротшильда, хоть Вандербильда, хоть Федеральной резервной системы и выгresti оттуда столько, сколько нужно. И пусть ловят конский топот. Мы богатеем в меру потребностей, а наш враг, соответственно, беднеет вплоть до банкротства...

Больше объяснять не было нужды. Но Воронцов не был бы самим собой, если бы стал восхищаться, хлопать Сашку по плечу или иным любым способом изображать свое отношение к действительно гениальной по простоте идее.

— Угу, — сказал он задумчиво. — Выходит, от идейной классовой борьбы переходим к банальной уголовщине?

— Естественно. Но если ты докажешь, что гуманнее убить противника, чем отнять у него какую-то часть денег, я немедленно снимаю свое предложение...

— Ладно. Над нравственной стороной проблемы я на досуге еще поразмышляю, а вообще ничего. Наглядный пример творческого преодоления стереотипов мышления. — В устах Воронцова и эти слова прозвучали панегириком. — И если даже у банкиров переписаны номера каждого дензнака в их кладовых, нынешний уровень развития коммуникаций и связи не позволяет своевременно отследить каналы выхода в обращение таинственно исчезнувших бумажек... Ей-богу, хорошо...

Третья камера удивила Шульгина тем, что в ней на полу, на грубых деревянных стеллажах, на площадке двухосной железнодорожной платформы громоздились явно электрические приспособления — электромоторы, распределительные щиты, мотки бронированного кабеля, всевозможные амперметры, вольтметры и иные подобные устройства.

— А это чего? План ГОЭЛРО решил в пределах Крыма воплотить?

— Не совсем. У меня планы куда грандиознее. Чуть позже расскажу. Это разговор особый и долгий. Все, что нужно, я тебе показал. О прочем поговорим за завтраком. — Воронцов поддернул обшлаг синего кителя, взглянул на часы. — До подъема флага пятнадцать минут. Пора на корабль.

ГЛАВА 4

По случаю приезда Шульгина капитан Воронцов дал праздничный завтрак. Вначале была мысль накрыть стол на шлюпочной палубе, но от нее пришлось отказаться. Хоть и солнце светило совсем не по-осеннему, и мужчинам в шерстяных кителях было даже жарковато, но ветерок с моря тянул свежий, знобящий, и девушкам, по случаю торжества надевшим приличествующие туалеты, трапеза под открытым небом удовольствия бы не доставила. Поэтому расположились в малом, «кипарисовом» зале ресторана первого класса, выходящем огромными зеркальными окнами на рейд и город. Вдали в прозрачном осеннем воздухе сверкали под солнцем купола севастопольских соборов и белые здания Городской стороны. У входа в Южную бухту приткнулись к берегу старые броненосцы и крейсера, правее слабо дымили трубами линкор «Генерал Алексеев» и несколько эсминцев-«новиков» действующего отряда. Совсем рядом, в полукилометре от «Валгаллы», грузно распластался на штилевой воде навсегда отплававший свое броненосец «Три святителя», перегородивший таранным форштевнем почти половину ведущего к стоянке парохода фарватера. На броненосце текла своя какая-то неторопливая жизнь. По высокобленной палубе двигались фигурки матросов в «синем рабочем», на крыше штурманской рубки видны были черные кителя офицеров. Вдруг ни с того ни с сего начинала медленно ворочаться кормовая, обращенная в открытое море двенадцатидюймовая башня.

— У тебя и там службу несут? — спросил Шульгин Воронцова, пока они ждали подруг, которым, как обычно, не хватило нескольких минут для нанесения боевой раскраски.

— А как же? Вполне боевая единица, пусть и без хода. Главным калибром на восемьдесят кабельтовых достает. В сорок втором году две береговые батареи как раз с такими пушками три месяца немецкую штурмовую бригаду на

рубежах действительного огня удерживали. Без всякого пешотного прикрытия. Пока снаряды не кончились. А у него еще четырнадцать стопятидесятидвухмиллиметровок, не считая скорострельных автоматов. За нашу безопасность можешь не беспокоиться.

— Я не об этом. Экипаж там из кого? Те же матросики, что офицеров в семнадцатом и восемнадцатом за борт бросали?

— Наверное, есть и такие. Бардак тогда был сам знаешь какой. Настроение каждый день менялось. Сегодня красные флаги поднимали, завтра желто-блакитные, послезавтра андреевские. То в Новороссийск уходили к красным, то возвращались в Севастополь к немцам. Сейчас в тех делах разбираться — пустой номер. Я проще решил. Объявил набор добровольцев на флот и создал мандатную комиссию из уцелевших офицеров. Кого возьмут, тот и будет служить. Жалование рядовым положил по сотне целковых, специалистам — по полторы. От желающих отбоя не было. Поумнели за три года. На «Святителя», раз он не плавающий, ограниченно годных расписали. И сорокалетних, и даже старше. Офицеры такие же — командиром тут отставной лейтенант без ноги, безрукие тоже есть... Главное, службу знают, при деле, вместо пенсии жалование получают, жилье хорошее, воздух свежий...

— Санаторий, одним словом, для увечных воинов.

— Зря смеешься, это тоже дело не последнее. Ну а воевать если придется... Чтобы целиться и стрелять, большого здоровья не требуется.

— Долго ты провожуешь, если действительно английский флот на нас пойдет...

— Думаю, что ровно столько, сколько надо, — серьезно ответил Воронцов. — Даже одна «Слава» в пятнадцатом и семнадцатом достаточно долго против немецкого линейного флота держалась. А я же не только на вот это рассчитываю. — Он показал на броненосец. — Линкор у нас почти новый есть, вполне конкурентоспособный с «Айрон Дьюками» и «Куин Элизабетами», хоть и броня чуть послабже. А теперь я ремонтом и модернизацией еще трех броненосцев занялся. «Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», он же «Потемкин». Против «Гебена» вполне эффективны были, «Евстафий» одним залпом у мыса Сарыч его из боя вывел. Союзнички, когда первый раз из Севастополя уходили, на всех броненосцах цилиндры паровых машин взорвали. Теперь мы их и восстанавливаем. Я тебе потом покажу. Это разговор отдельный и специальный. Я Антанте еще мно-

го разных сюрпризов готовлю... — Видно было, что Воронцов, оседлав любимого конька, увлекся до крайности. Как в дни, когда он проектировал и строил «Валгаллу». Теперь от иронии не осталось и следа.

— Короче, ты, братец, настроен очередной раз повоевать? Не с красными, так с Антантой?

— В гробу я все ваши войны видал. — В голосе Воронцова прорезалась даже некоторая злость. — До сих пор удивляюсь, чего я с вами связался? Исходя из нынешней теории пространства-времени у меня второй год отдых на сухумском берегу продолжался бы. «Где несть ни слез, ни вздыханий, а только жизнь вечная»...

— Кошунствуешь, старик, кошунствуешь, и вообще пора нам выдвигаться на исходные, потому что кажется мне, воздушные создания за стеклами мелькают... А хороши, чертовки, — восхитился Сашка и тут же процитировал подходящую к случаю частушку:

Тащи, девки, краски, сажу,
Ложь на рожу макияж,
Едет Рюрик из Европы,
Первый князь законный наш...

Воронцов хмыкнул, но все-таки закончил волнующую его тему:

— Ну пойдем, только напоследок скажу, что до большой войны нам нужно как минимум два месяца продержаться, а еще лучше — до весны...

Девушки к столу вышли во всей своей прелести, особенно заметной Шульгину, успевшему от них немного поотвыкнуть. Да и вообще человеку, вернувшемуся с фронта, красавицами кажутся почти любые женщины, а уж об этих нечего и говорить.

За длинным, торцом поставленным к полуоткрытому окну столом словно нарочно расселись так, что Воронцов с Натальей оказались слева по длинной стороне, Ирина, Анна и Лариса справа, а Шульгину досталось место во главе, словно бы виновнику торжества или свадебному генералу. Да так оно и было. Он только что вернулся с фронта, где смерть не слишком разбирается в чинах и должностях, а слабый пол к таким вещам безразличен. Чисто генетически их влечет и возбуждает аура войны и риска, так же как мужчин — ароматы женских духов.

И Сашка, вдыхая эти ароматы, сплетающиеся в сложный

эротический букет, блаженствовал. Его ведь окружали, безусловно, красивейшие девушки России, а скорее всего и вообще нынешней земной реальности. Они все ему нравились, пусть и по-разному, и каждую из них он мысленно не раз желал во время долгих месяцев заключения в Замке, когда, оставшись без подруги, ежевечерне наблюдал, как более счастливые друзья расходятся по своим апартаментам.

Сейчас он, впрочем, смотрел на них спокойнее, скорее наслаждался чисто эстетически. И даже Анна, в которую он впервые за много лет по-настоящему влюбился, грешных чувств не вызывала. Слишком для него она была еще ребенок. Жениться он решил бесповоротно, только позже, позже... Пускай сначала повзрослеет. Пока что он настроился на чисто платонические чувства. Тем более что все-таки она еще «чужая». Пускай ей только двадцать, но родилась она ведь раньше шульгинской бабки, а это как-то... отстраняет. Он словно забыл, что по здешним меркам двадцатилетняя девушка — почти уже старая дева.

Вот и сегодня, появившись на «Валгалле», он первым делом постучался в дверь ее каюты. Увидев Шульгина, девушка тихонько вскрикнула от радости и от смущения, испуганно запахивая халатик. Она его не ждала и не успела еще одеться после сна. Но даже так была прелестна.

Анна уже оправилась от послереволюционной дистрофии и даже расцвела. Светло-серые глаза в пол-лица, без всякой помады ярко-розовые губы, соломенные, как у Лореlei, волосы. Да и фигурка в меру пополнела.

Пожалуй, он не просчитался в выборе тогда, сумел рассмотреть будущую тропическую бабочку под серым коконом застиранного бесформенного платья...

Она готова была броситься Шульгину на шею, но сначала ее остановил громадный букет шипастых роз, который он держал перед собой, а потом девушка прочла что-то в его чересчур спокойном взгляде. И будто бы потухла. Покорно приняла братский поцелуй в щечку. Но взгляд ее сверкнул опасно.

За завтраком Шульгин вел себя намеренно непринужденно, всячески демонстрировал галантность, много острил, подливал соседкам справа и слева легкое белое вино. В его изложении события последних дней в Москве и Харькове выглядели веселым приключением, сценами из костюмной мелодрамы XVII века. Игра ему в общем удавалась, женщи-

ны тоже были рады видеть свежего человека, тем более Сашку, всегда умевшего нравиться дамам. Впрочем, до тех пор, пока не переходил какой-то определенной грани. С ним любили флиртовать, принимать слегка даже утрированные знаки внимания, но стоило ему показать, что видит в очередной подруге нечто большее, чем партнершу для необременительной связи, как они чего-то пугались и отношения расстраивались. Что объясняет неудачный опыт его семейной жизни.

Но сегодня даже Лариса благожелательно воспринимала шутки, обращенные непосредственно к ней.

Только Воронцов, хотя тоже старался поддерживать общую легкую атмосферу, моментами как бы терял нить общей беседы и взгляд его становился отстраненным. В эти минуты Наташа тоже настораживалась, пытаясь понять, не произошло ли между мужчинами какой-то размолвки.

Завтрак затянулся часа на полтора, настолько всем не хотелось его прекращать.

Шульгин вообще предложил всем подняться на палубу, погулять и освежиться, а потом сразу перейти к обеду.

— Так и порешим, — сказал Воронцов. — У меня есть кое-какие неотложные дела по службе, ненадолго, заодно я прикажу накрывать стол в адмиральском салоне. На четырнадцать часов устроит? Там и встретимся...

Шульгин наметил себе переговорить с каждым из членов компании по отдельности. В отличие от Новикова, он считал, что общие обсуждения важных вопросов не только бесполезны, но и вредны. Истины не рождаются в спорах, и даже простой обмен мнениями в присутствии пусть даже друзей и единомышленников заставляет каждого заботиться не о максимально полном и точном изложении своей позиции, а о соответствии собственному имиджу. Причем даже не подлинному, а лишь представлению о том, каким он должен выглядеть в глазах собеседников.

Таково же, кстати, было сегодня желание каждой из девушек. Шульгин успел короткими замечаниями и намеками дать им понять, чего он хочет.

Погуляв с полчаса по палубе, дамы разошлись по каютам переодеться и подправить макияж.

Когда на близком броненосце ударили послеполуденную склянку, Сашка решил, что времени своим партнерам он отпустил достаточно.

Через тамбур и короткий боковой коридор Шульгин вышел в большой салон первого класса. Огромным световым

фонарем в центре высокого потолка и двумя маршами дубовой лестницы он напоминал вестибюль великокняжеского дворца, ставшего позже Русским музеем. По таким лестницам, широким и пологим, окруженным хрустальными фонарями и греческими скульптурами, приятно ходить даже без всякой цели. Тем более что они покрыты пушистыми ковровыми дорожками, прижатыми к ступенькам надраенными медными прутьями.

С лестничной площадки в три стороны расходились почти бесконечные коридоры, тихие, пустынные, внушающие одновременно умиротворение своей тишиной и безлюдьем и несколько иррациональную тревогу опять же именно пустотой, безмолвием, отстраненностью от той жизни, шумной и праздничной, для которой они были заведомо предназначены.

Одна из трех десятков одинаковых полированных дверей вела в каюту Ларисы. Он подошел к ней и позвонил.

Замок щелкнул через минуту. Или две. Лариса, хоть и ждала гостя, а может, именно поэтому, встретила его в коротеньком, едва до середины бедер, ярко-оранжевом банном халате. Махровым полотенцем она промокала мокрые распущенные волосы — явно только что, уже после звонка, вышла из ванны.

— Заходи, мы сейчас.

— Мы?

— Ну, тут еще Анька, я ее продолжаю обучать основам цивилизации. Подожди немного, я оденусь, потом и поговорим.

Шульгин прошел по коридору влево, куда показала Лариса. Там, в просторной гостиной, под веерной пальмой в дубовой кадке, стояли журнальный столик и два кресла.

Лариса вернулась довольно скоро и поразила Сашку тем, что умеет столь быстро переодеваться и причесываться. Коротко ему кивнув, словно увидела впервые, сказала:

— Ладно, Аня там пока еще поплавает в бассейне, ей это страшно нравится, а мы пойдем туда...

На «Валгалле» в ходе ее постройки каждый имел возможность оформить свои апартаменты в соответствии с самыми экстравагантными желаниями. Воронцов не ограничивал друзей ни в чем, лишь бы уложились во внутренний объем надстройки. На прототипе парохода, «Мавритании», на трех ее люксовых палубах с комфортом размещались пять сотен пассажиров.

Лариса открыла неприметную на фоне вычурных панелей дверь, которая, судя по размерам, могла вести в какое-то

подсобное помещение. Однако там Шульгин увидел стену яркой зелени и окунулся в теплый, влажный воздух, пахнущий сырой землей и чем-то странным, даже не понять, приятным или отвратительным.

Они оказались в огромной оранжерее с фонтаном посередине. Лариса увлекла его в глубь тропических дебрей, где с причудливых деревьев свисали огромные жирные цветы. Возможно, это как раз и были пресловутые орхидеи, которые Сашка никогда не видел, и именно они так необычно пахли.

Девушка остановилась возле полукруглой бамбуковой скамейки. Шульгин сел и огляделся. Место было выбрано с умом — увидеть их здесь, тем более застать врасплох, если бы кому-нибудь это потребовалось, было невозможно. Как, впрочем, и в любом другом помещении корабля — рассчитанный на две тысячи пассажиров и две с половиной тысячи человек команды и obsługi, пароход даже просто обойти по всем его палубам, не заходя в каюты, вряд ли можно было и за сутки. А уж найти кого-то специально...

На обливающем фигуру девушки коротком алом платье из тугого эластика карманов, разумеется, не было, и перед началом разговора Лариса попросила у Сашки сигарету. Хотя курила, как он знал, чрезвычайно редко. Выпустила полукруглыми губами дым, откинувшись на выгнутую спинку скамейки, забросила ногу за ногу смелым движением, словно не заботясь о производимом впечатлении. Уж в этой черте ее натуры Шульгин убедился с первого дня знакомства — она никогда не кокетничала с мужчинами, делала всегда только то, что считала для себя нужным и удобным. Например, гуляя вечером с парнем, вполне была способна без стеснения прервать галантную беседу откровенным: «Извини, мне нужно в туалет», а за неимением поблизости такового и просто за ближайшим кустиком присесть. Причем смущаться, отворачиваться и делать вид, что ничего особенного не происходит, предоставляла кавалеру.

Пожалуй, именно этой вызывающей непринужденностью она и покорила робкого в общении с женщинами Левашова.

Ну да он-то сам — не Левашов. Улыбаясь тонкой, в стиле Арамиса, нагловатой улыбкой, Шульгин в упор смотрел на ее демонстративно выставленные напоказ бедра в искрящихся черных колготках и молча ждал, что она скажет.

— Ты для чего приехал? — спросила наконец Лариса,

позволив ему вдосталь налюбоваться, покачивая алой перламутровой туфелькой на десятисантиметровой шпильке.

— Вот пообщаться и приехал, — переводя взгляд сначала с ног на едва прикрытую грудь собеседницы, а уж потом и на лицо, ответил Шульгин. — Не представляешь, как надоедают модные в столице суконные юбки до пят и шнурованные ботинки со сбитыми каблуками. А уж рожи... Так что Олегу можно только посочувствовать.

— Об этом и поговорим. Как он тебе показался при последней встрече?

Последняя встреча у Шульгина с Левашовым была чуть больше недели назад, и нельзя сказать, что настроение Олега ему понравилось.

— Мне показалось, что лучше, если бы ты сейчас тоже была в Москве.

— Еще чего! — фыркнула Лариса. — Я его туда не гнала. Мне ваши дела вообще до... — Она чуть не показала, до какого именно места ей дела Шульгина и товарищей, но отчего-то воздержалась. Хотя это место и так было хорошо видно. — А уж в особенности Олеговы коммунистические завихрения. Взбрело ему с иудушкой Троцким социализм строить — ради бога. Я вашего реального социализма вот так нажралась...

Прошлая жизнь Ларисы, единственной из всех, оставалась для Шульгина загадкой. Он знал, что на момент их знакомства, когда Наталья Андреевна взяла ее с собой на праздник открытия «Валгаллы», Лариса была аспиранткой историко-архивного института. Что в те времена значило жить одинокой двадцатипятилетней девушке на девяносто рублей да еще в Москве, Сашка представлял. Но было в ее биографии еще что-то такое, о чем ни Наташа, ни Лариса не распространялись.

— И в этом вы с господином Новиковым больше всех виноваты. Зачем было его подначивать?

— Знаешь, брось. Со мной-то зачем? Тебе Андрей когда еще предлагал Олега попридержать? Так нет, ты у нас натура загадочная и независимая. Вырву себе глаз, чтобы у тещи зять кривой был. Я сама по себе, я лучше вас всех все знаю! Ну и получай. Вполне могла ему тихонько объяснить, что не его забота мировую справедливость и пролетарский «новый порядок» устанавливать.

— Вам хорошо, — неожиданно жалобным голосом сказала Лариса и капризно надула губки, сразу напомнив Шульгину итальянскую актрису Стефанию Сандрели. — Вам даже мировая война — только повод для очередных ге-

ройств и развлечений, а он все через душу пропускает. За что я вас и терпеть не могу, «звездных мальчиков». Он в вашем прайде один нормальный человек, и честный, и добрый, и талантливый, за это я его и полюбила, вот и решила, что если еще и я на вашу сторону против него встану...

— Ну, не встала, так и что? Я тебя заставляю? Хозяин — барин. Ко мне сейчас какие вопросы?

Темно-ореховые глаза Ларисы полыхнули свирепым пламенем, и она их торопливо прикрыла длинными ресницами.

— Какие уж теперь вопросы! Что мне делать, забирать его оттуда? И если да, что будет дальше?

— Забирать, может, и рановато. А вот тебе в Москву сбегать я бы посоветовал. — Шульгин как бы невзначай положил ей ладонь на гладкое колено. Этакий знак дружеской доверительности. Она неудовольствия не выразила, Сашка сам через полминуты убрал руку. Цель была достигнута.

— А что я там делать буду? Здесь хоть жизнь человеческая...

— Там намного хуже не станет. А то и лучше покажется. Троцкий Левашову особнячок подарил — закачаешься. Только женской руки и не хватает. А я тебя вдобавок наркомом сделаю. Или начальником Мосчека. Применишь на практике свои способности. Глядишь, так понравится, что и возвращаться не захочешь...

— В гробу я видела ваши забавы, — по инерции грубо ответила Лариса, но тут же прикусила язык. Послышалось ей в словах Шульгина что-то интересное. Она подозрительно на него посмотрела. — Ты что-то новенькое придумал? Ну-ка, изложи.

— Ничего такого уж новенького. Обстановка ведь меняется, сама видишь. Андрей то ли появится в ближайшее время, то ли нет, да и надеяться, что вот он появится и снова будет все за нас решать, вряд ли разумно. Вот я и начинаю свои меры на всякий случай принимать. В Москве мне надежный человек нужен — за Олегом присматривать, от опрометчивых шагов его предостерегать, вообще ситуацию отслеживать. Он же парень импульсивный, сама знаешь. А на тебя стопроцентно можно положиться, ты глупостей не допустишь...

— Так-так. Лстить начинаешь, уже интересно. А в позиции что?

— Если неожиданностей не возникнет — что сама выберешь и воплотить сумеешь... Перспективы там сейчас богатейшие.

Лариса промолчала, но слушала с видимым интересом.

— Если же возникнут осложнения, сворачиваем лавочку и уходим в любую приемлемую точку шарика. В любом качестве и с любыми документами. «Валгалла» всегда при нас, и денег на дворец в Провансе или на Гавайских островах всегда хватит. Спокойно заживешь, детей наконец нарожаешь...

— Ну-ну, подумать надо. — В голосе ее звучало сомнение, но Шульгин уже понял, что своей цели он достиг и теперь Лариса какое-то время просто будет держать фасон, возможно, выторговывая для себя какие-то особые преимущества. Но тут уже проблем не было.

— А предводитель наш, — вдруг спросила Лариса, имея в виду Новикова, — действительно в ситуацию попал или просто загулял на стороне? — В ее голосе звучало откровенное ехидство.

— Чего бы вдруг — загулял?

— Почему и нет? Вы же с «генералом» не устояли, попробовали английскую красотку. А он чем вас хуже? Нормальная для мужика реакция на классную бабу...

— Ох ты ж и злая девка, Лариса Юрьевна!.. — Но прозвучали слова Шульгина скорее уважительно.

Когда они возвращались назад, Лариса шла по трапу впереди, покачиваясь на высоких каблуках, Сашка с трудом подавлял в себе желание исполнить свою вековую мечту — взять вдруг и ущипнуть ее. Там, где тонкая ткань соблазнительно обтягивала *musculus gluteus maximus*¹. Интересно бы посмотреть, как она отреагирует. Он не был уверен, что однозначно отрицательно.

Сашка Шульгин был эстетом, то есть относился к тому типу мужчин, что не могут без деликатного вожделения смотреть на каждую более-менее привлекательную даму. Внешние же данные Ларисы к такому взгляду располагали особенно. Кроме сумрачно-загадочного лица, она обладала еще и фигурой, которая поначалу могла показаться тонковатой. Но если присмотреться... Тогда становилось понятно, что все в ней исключительно соразмерно. Более всего она походила на дам с рисунков Бердслея. Кто видел — поймет, о чем речь...

¹ Большая ягодичная мышца (лат.).

Уже перед ведущей на палубу дверь она приостановилась.

— А с Анной советую тебе быть пока посдержаннее. Она девочка хорошая, но до сих пор... неразбуженная. Лучше не гони лошадей.

— Да я... — словно бы растерялся Шульгин, но договорить фразу не успел.

— И я о том же — потерпи. А то, судя, как ты на меня сейчас смотрел, и на нее дуром полезть можешь... А с ней так нельзя, я за две недели убедилась. Ей созреть надо, тогда сама упадет...

— Ну уж если убедилась, не могу не последовать твоим рекомендациям. — Сашке оставалось только сохранять хорошую мину. — Тогда и ты мне поспособствуй. Я сейчас с Ириной должен пообщаться, а ты Аню отвлеки и заодно подготовь ее, что нам с тобой сегодня вечером в Москву ехать надо. Ненадолго и по неотложному делу. Она станет с нами проситься, маму повидать — тактично сними вопрос. Договорились?

— Будь спокоен. — Лариса ободряюще кивнула и одновременно подмигнула особым образом.

«Нет, я в ней не ошибся, — подумал Шульгин. — Нормальная баба».

...С Ириной Шульгин уединился на правом крыле штурманского мостика. Под предлогом того, что им нужно посмотреть в дальномер на мачту дворца Верховного правителя, где должен быть поднят флажный сигнал с секретным сообщением. Предлог вполне дурацкий, но наивной Анне он показался вполне основательным. Подобно мадам Грицацуевой, она очень уважала Александра Ивановича — человека, чуть ли не в одиночку сокрушившего омерзительный большевизм, и не переставала удивляться, что такой человек обратил на нее внимание. Тут надо отдать должное Ларисе — за время, пока она просвещала и образовывала девушку в тонкостях современной жизни, никаких дискредитирующих слов в адрес Шульгина она себе не позволяла. Тут она, историк, специализировавшийся в дипломатических интригах XIX века, все понимала правильно. Преследуя, впрочем, скорее свои личные цели.

Можно было бы и не изобретать подобных доводов и поговорить с Ириной в менее экзотическом месте, но Сашка помнил дни начала борьбы с пришельцами и способы, которыми они пытались обеспечить конфиденциальность своих

бесед. Наиболее эффективной оказалась защита от следящей аппаратуры аггров в полях высокой частоты. Левашов, например, спасся, укрывшись в трансформаторной будке. Вот и сейчас интуиция подсказала ему, что данный разговор стоит заэкранировать. А на мостике можно было включить и гирокомпас, и оба радиолокатора, и УКВ-передатчик на полную мощность. Может, и ерунда, но как-то спокойнее. Дня три уже он чувствовал себя подобно волку, еще не видящему флажков, но уже учуявшему их нехороший запах.

Они сели в вертящиеся кожаные кресла рядом с басовитым гуляющим распределительным щитом. С двадцатиметровой высоты мостика панорама бухты выглядела особенно впечатляюще. Тихая, искрящаяся солнечными бликами морская гладь, кильватерные струи курсирующих между Северной и Южной стороной катеров, треугольные паруса вельботов и баркасов. С такого расстояния проблемы и язвы нынешней жизни казались несуществующими.

— Выпить что-нибудь хочешь? — спросил Шульгин у Ирины. В стенном шкафчике Воронцов держал необходимый для укрепления сил во время ночных вахт запас кофе и соответствующих напитков.

— Спасибо, не хочу. У тебя плохие новости? — Ирина сохраняла удивительное хладнокровие, с самого утра не позволила себе задать этот вполне естественный вопрос.

— Слава богу, нет, — ответил Сашка. — Разговор предстоит чисто теоретический. Поскольку ты единственная, кто сейчас разбирается в космических проблемах.

Ирина вздохнула облегченно. Шульгин познакомился с ней за четыре года до того, как выяснилось, что она не просто красивая девочка и хороший товарищ, а еще и инопланетная разведчица, и до сих пор эмоционально воспринимал ее в первоначальном качестве. С ней не нужно было крикнуть душой и плести изысканные кружева двойных и тройных логических связей.

— И что ты хочешь спросить?

— Насколько высока вероятность, что Сильвия сумеет восстановить связь с вашей резидентурой? На Земле или... там... — Он махнул рукой в сторону зенита.

— Не знаю. Не знаю, и все. Выражаясь доступным языком — она полковник разведки, а я в лучшем случае младший лейтенант. А то и сержант. Я проработала на Земле шесть лет, а она больше ста. Я совсем ничего не могу тебе сказать. Мне казалось, — как утверждал Антон и вы с Андреем, — что эта история закончилась, совсем закончилась. Мы в другой реальности, на другой мировой линии, и о про-

шлом можно забыть. А у тебя что, появились какие-то новые сведения?

— Нет, кажется, нет. Просто сомнения, догадки, предположения. Андрей не должен молчать так долго, в этом я уверен. А так — ничего.

Ирина, глядя невидящим взглядом в лобовое окно мостика, молчала. Шульгин успел достать из шкафчика бутылку коньяку и сделать прямо из горлышка длинный глоток. Ирину он не стеснялся, хотя давно уже старался не проявлять на людях привычку взбадривать себя подобным образом.

— Вообще-то я отношусь к его молчанию спокойнее, — наконец сказала она. — Могут быть всякие обстоятельства. Не тот он человек, чтобы попасть под машину или позволить себя застрелить из-за угла. А уж игры, в которые мы взялись играть... Вспомни, что было с тобой. И с ним, когда его отправили в сталинское тело. Для меня это почти нормально. Такая у меня профессия... — Но улыбка у нее вышла не слишком естественная. — Вдобавок не нужно забывать о парадоксах времени. — И она снова замолчала.

Шульгин решил, что при всем ее мужестве подвергать женщину непосильным нагрузкам просто бесчеловечно. И решил разрядить ситуацию.

— Я с тобой согласен. Более того, из известных нам факторов — Великая сеть и прочее — следует вывод, что Андрей вообще не подвержен опасностям... общего, так сказать, порядка.

— Этого я и боюсь, — прошептала Ирина.

Шульгин, наблюдая за ней последние годы, замечал, как она меняется. В семьдесят шестом году это была (он не знал тогда о ее инопланетном происхождении) спортивная, одновременно элегантная, крайне умная и очень уверенная в себе девушка. С ней можно было целый вечер танцевать до упаду, рискованно острить, ездить на мотоциклах в дальние экскурсии по Золотому кольцу, вообще считать ее «своим парнем в юбке», немного сожалея, что досталась она не ему, а Андрею.

Тремя годами спустя она была уже несколько барственной, «роскошной женщиной», которая, расставшись с Новиковым, в свои двадцать семь успела вкусить максимум от того, что давал своим номенклатурным и увенчанным официальными лаврами деятелям искусства советский режим. (Не ей лично, а как жене секретаря Союза писателей.)

Еще через два года Сашка увидел ее (после развода с сновным мужем), ставшую почти такой, как прежде, и еще сильнее влюбленную в Андрея. Прежнюю и неожиданно

жесткую, даже агрессивную (когда им вчетвером пришлось сражаться против всей инопланетной мощи).

А вот сейчас она выглядела совершенно земной женщиной. Нельзя было и представить, что она способна драться на улице с бандитами, применяя редкостные приемы тэквондо, и когда надо, быть похожей на героиню американского боевика. Перед ним сидела совсем новая Ирина. Но все равно невероятно красивая, даже, может быть, более, чем когда-либо, и, безусловно, отнюдь не утратившая своих способностей.

— В любом случае, Ира, я хотел получить твое согласие — пока Андрей не вернется, ты дашь мне карт-бланш на роль координатора наших действий.

Ирина откровенно удивилась.

— Зачем, Саша, тебе мое согласие? Не понимаю. Я что, вдовствующая императрица?

— Ты лишнего не болтай. А понять меня должна... — Он сделал паузу. — Ситуацию ты чувствуешь острее, чем мы, вместе взятые. По крайней мере я так тебя воспринимаю. И, кроме Андрея, только ты можешь все понять правильно. Я также считаю, что сейчас как-то координировать общие усилия могу лишь я. Я не сверхчеловек и не кандидат в Держатели Мира, но лучше других предчувствую близкое будущее и более свободен в действиях, чем Берестин и Воронцов. Согласна?

— Да, Саша, согласна. Действуй, как находишь нужным сейчас. А когда Андрей вернется, вы в своих ролях разберетесь. Рассчитывай на мою поддержку. Только... Я ведь уже почти ничего не могу. Русалочка, помнишь эту сказку?

С чувством жалости к ней и одновременно преклонения перед ее удивительной самоотверженностью Шульгин наклонился и поцеловал ей руку.

Теперь, чего никогда раньше не было, Сашка ощущал себя сильнее ее.

ГЛАВА 5

...Для отъезда в Москву Шульгин подготовил специальный поезд. Не такой угрожающе-роскошный, как знаменитые эшелоны Троцкого, но вполне подходящий, чтобы проехать из Севастополя в центр Советской республики через одну официальную и много стихийных границ по террито-

риям Махно, батьки Ангела, атаманши Маруси, бело-зеленых и красно-зеленых...

Контрольная площадка, загруженная мешками с песком на случай невзначай подложенной мины, еще одна, с рельсами, шпалами, костылями и прочим инвентарем для ремонтно-восстановительных работ, бронепаровоз мощнейшей тогда серии «Эр», пассажирский вагон, в котором разместилось отделение басмановских рейнджеров с оружием, боеприпасами и месячным (чтобы не зависеть от совдеповских пайков) запасом продовольствия, и бронированный салон-вагон Шульгина. Сашка вез в двух теплушках «Роллс-Ройс» «Серебряный призрак» в подарок Левашову, а для себя как полномочного представителя республики Югороссия — элегантнейшую «Испано-Суизу» с начинкой от джипа «Лендровер».

Салон-вагон, куда они вошли с Ларисой, был невелик, поскольку оборудован на базе стандартного «нормального» пассажирского вагона 1911 года», но вполне удобен и по-старинному уютен.

Два одноместных купе, столовая-гостиная, маленькая, как камбуз на подводной лодке, кухня и рабочий кабинет. Без вычурной ампирной роскоши, шелков и бархатов, как в вагоне у Троцкого, все строго, просто, рационально, но и с неуловимым шармом. Когда-то этот вагон принадлежал великому князю Михаилу Александровичу, формально — последнему русскому царю.

От севастопольского вокзала поезд отошел поздно вечером, без провожающих и даже без гудка. До Харькова дорога считалась почти безопасной, поезда ходили практически регулярно, но расслабляться не стоило. Шульгин, перед тем как приступить к неперемennomу застолью, без которого русский человек железнодорожное движение считает просто невозможным, решил обойти боевые посты.

Двенадцать офицеров, истомившихся нудной гарнизонной службой, почти невыносимой после ставшей образом жизни многолетней войны, были довольны неожиданно выпавшим развлечением. Что может быть лучше неторопливой поездки через половину России в вагоне первого класса для людей, которые уже и забыли, что такие бывают на свете, привыкнув считать удачей, если попадалась теплушка без щелей и дырок в стенах да еще имелось в достатке дров для буржуйки и охапка соломы, брошенная на нары.

Из раскрытых дверей купе густо валил папиросный дым,

мешало ему уговорить остаться на Валгалле свою аспирантку Верочку, которую он привозил туда на торжественное открытие Форта? Лариса тоже оказалась там почти случайно, но вот осталась же, покоренная мгновенно влюбившимся в нее Олегом. Или не покоренная, а сделавшая мгновенный безошибочный расчет. И Альбу зря отпустили в ее XXIII век, она была наверняка согласна, стоило Андрею намекнуть. Впрочем, тогда коллизия еще бы больше обострилась. Альбе нравился лишь Новиков, отнюдь не Сашка, Андрея же устраивала только Ирина, а к ней терзался неразделенной любовью Берестин. Тот еще расклад. Однако, если бы Шульгин начал ухаживать за обаятельной космонавткой настойчиво и агрессивно, устояла бы она или нет — большой вопрос.

Был и еще момент, когда ему показалось, что все наладилось — после лондонской истории у них с Сильвией случилось два месяца вполне нормальной личной жизни, но потом... К Алексею он претензий не имел, Шульгин знал, как агтрианка умеет охмурять мужиков, тем более измученных длительной абстиненцией. Но его личное самолюбие было серьезно уязвлено.

И пусть теперь все вроде бы образовалось, его ждет в Севастополе Анна. Но сейчас-то что делать? Нет сил уже спокойно смотреть на эту ведьму Лариску. И ехать им в замкнутом пространстве вагона целых два дня, если не больше. Или ты этого не знал? Да все ты знал, не надо лицемерить... А она сама? Что делает и думает сейчас Лариса?

Расчетливо соблазняет, сама соскучившись по мужской ласке, или просто провоцирует, чтобы потом устроить безобразную сцену и пожаловаться Олегу? С нее станется — рассорить друзей и далее владеть Левашовым безраздельно...

Все это он успел продумать, пока мыл руки в вагонном туалете с умывальником и душем, встроенном между двумя купе. В круглом зеркале с кое-где облупившейся амальгамой внимательно изучил свое отражение. Поправил и так безупречный гвардейский пробор, маникюрными ножничками подравнивал усы, расчесал их специальной щеточкой, пшикнул несколько раз на волосы и за воротник кителя одеколоном «Черный принц».

Вдруг ему показалось, что точно такая ситуация уже была с ним в прошлой жизни. Или нет, на «дежа вю» это не похоже, он, как психиатр, в таких вещах разбирался, скорее напоминает мгновенный пробой в будущее, картинка ближайших тридцати-сорока минут.

И старорежимный мундир в это близкое будущее не

вписывался, оно было какое-то совсем другое, скорее в стиле романтических шестидесятых.

Сашка бросил на вагонную полку чемодан, порывлся в нем, извлек белые фланелевые брюки, рубашку-апаш, повязал на шею шелковый платок. Нет, ерунда какая!словно он действительно на свидание с собственной девушкой собрался! Ему даже стало на секунду стыдно. Он ведь просто хочет приятно провести время в непринужденной обстановке, и не более. Скомкал платок и бросил его обратно. Надел плетеные бежевые мокасины, подмигнул собственному отражению.

Перед тем как сесть к столу, по сложившейся уже привычке предпринимать возможные меры даже против гипотетических опасностей, Шульгин проверил, заперты ли двери тамбуров, боковые и переходные, а также опустил, перебросив тумблер на распределительном щите, внешние броневые заслонки на окнах. В вагоне сразу стало по-особенному тихо, темно и уютно от сознания, что никто теперь не потревожит их уединения.

Спешить было некуда, они неторопливо закусывали под шампанское, Шульгин пил брют, а Лариса — полусладкое, разговаривали мирно и спокойно. Как-то так пошла беседа (и свою роль в этом сыграли их наряды), что от сегодняшних проблем они сразу уклонились, начали вспоминать навсегда исчезнувшую московскую жизнь. Лариса была на девять лет младше, и опыт от этого у них был разный, да и учились они в слишком разных институтах. Но многое все же совпадало, так что вечер начинал удаваться. Лариса мельком высказала удивление, отчего раньше Шульгин испытывал к ней неприязнь?

— С чего ты взяла? — приподнял бровь Сашка. — Вроде все нормально было. Ни словами, ни помыслами...

— Ладно-ладно, чего уж теперь... Вы все меня недолюбливали. Не нравилось вам, что Олег так мной увлекся. И Ирина на меня, как царь на еврея, всегда смотрела.

Шульгину ее откровения были странны. Он считал, что, наоборот, Лариса сама все время поддерживала незримый барьер между собой и остальной компанией. Только с Натальей отводила душу. Как психоаналитик, он предполагал, что дело здесь не только в характере девушки, но и в тайных подробностях ее биографии. Вплоть до связей с преступным миром. Случайно ли она так решительно порвала с прошлой жизнью, бросила все и кинулась в водоворот абсурдных для нормального человека космических приключений? Причем в компании абсолютно незнакомых ей, впервые, кроме На-

тали, увиденных людей. И даже если допустить беззаветную любовь с первого взгляда, не маловато ли двух дней знакомства, чтобы навсегда забыть о родителях, доме, работе? О том, что это навсегда, она тогда не подозревала.

— А хочешь, я тебе правду скажу? — Лариса наклонилась через стол, и ее слегка уже хмельная улыбка выглядела вызывающе-загадочной. — Дело в том, что ты первый в меня влюбился, в тот же вечер, а сказать боялся или Олегу не хотел мешать, вот и изображал пренебрежение... Спорить будешь? Все равно не поверю...

Шульгин отодвинул бокал, взял толстую турецкую папиросу. После снятия блокады их каждый день везли из Стамбула и Трапезунда фелюгами и парусными шхунами нищие турецкие контрабандисты. Лариса тоже протянула руку к коробке через столик, наклонилась, мелькнуло на секунду в вырезе платья аккуратное смуглое полушарие с ярко-розовой вишенкой соска. Наверняка нарочно две лишние кнопки расстегнула, зараза...

Некоторый резон в словах Ларисы был. Только зря она преувеличивала силу своих чар. В тех условиях любая более-менее симпатичная девушка не могла не вызвать соответствующих эмоций. А Лариса... Конечно, до Ирины ей далеко, но в глаза она бросалась. И по-кошачьи гибкая фигура, и неуловимый флер тайной порочности...

Но почему бы сейчас не польстить девушке? Он вздохнул и развел руками: мол, что уж теперь.

— Вот видишь, от меня не спрячешься. Я вас всех насквозь видела. И почти возненавидела в первый же вечер. Такие все богатые, благополучные, утонченные и рафинированные якобы. Огромная дача, напитки самые заграничные, закуски — из подсобок Елисеевского, японская аппаратура, даже и книги как напоказ — Джойс, Аврелий, Набоков... Стихи — не Асадов с Евтушенко, а Гумилев, Ходасевич, Гиппиус. И женщины ваши штучные... Если бы не Наталья, часа в вашей компании не осталась бы...

— За что уж так? Будто сама не из таких. Аспирантка, а джинсы «Левис» на тебе были, ценой в три твоих стипендии, кроссовки «Адидас» в ту же цену и подружка Наталья тоже из разряда штучных, отнюдь не продавщица овощного магазина...

— В том-то и дело, Саша, в том и дело. Хорошо, что Левашов сразу показался мне другим, простым и честным. Благородным, я бы даже сказала. А про вас подумала... — Она вздрагивающей рукой поднесла папиросу к свече, прикурила. — Подумала, что тоже какие-нибудь «шестерки» партий-

ные, на фарцовщиков и цеховиков вы не походили, а у кого еще тогда такие дачи бывали?

— Ну а чем тебе партийные так уж насолили?

— Да потому, что я была девочкой по вызовам аж в самом горькоме. И брата вашего научилась оценивать профессионально. Объяснять нужно?

— Чего уж тут объяснять...

Видимо, что-то в голосе Шульгина Ларисе не понравилось.

— Не надо так со мной разговаривать! — перешла она почти на крик. — Подумаешь, чистоплюи! Знаю, что ты сказать хочешь: «А кто тебя заставлял?» Хорошо со стороны рассуждать! Я ведь очень приличной девушкой была. Как все до поры до времени. Даже в комитет комсомола института меня выбрали. На четвертом курсе. Как-то послали нас, меня и еще троих таких же, на районной партконференции помогать. Регистрация там и все такое... Пригласилась я кому-то из руководства. После конференции пригласили на «шестой вопрос» — так у них пьянка по случаю избрания на новый срок называлась, — под Москву, на спецдачу. Похожую, кстати, на вашу валгалльскую. Сначала все было как положено — ужин, тосты, речи. А мы с девчонками в качестве гейш и одновременно официанток. А потом... — Лариса махнула рукой, жадно затянулась. — Драться постеснялась, а на слова мои и слезы внимания никто не обращал...

Утром уже, когда нас домой развозили, заворг сказал, что, если болтать станем, и из института вылетим, и родителям неприятностей хватит. А правильно все пойдем — не пожалеет. У меня поначалу настроение было повеситься или таблеток наглотаться. Я ведь считай что девочкой была... Пробовала, конечно, пару раз, но так... почти теоретически. А тут сразу... Но ничего, вовремя одумалась. А дальше пошло... Правда, не обманули. — Она криво улыбнулась. — Отметки всегда были в порядке, каждый месяц в «сотую секцию» ГУМа пускали, все бесплатно, в турпоездки заграничные по «Спутнику» тоже бесплатно ездила... Распределили сразу в аспирантуру... — Она снова махнула рукой. — Да зачем я тебе все рассказываю? Дело прошлое, и ничего в нем особенного нет. Не на Казанском вокзале за пятерку... Считай, что выполняла свой партийный долг.

— Ты и в партии состояла? — непонятно зачем спросил Шульгин.

— А как же! После третьего спецобслуживания приняли. Михаил Николаевич сказал, что не имеет морального права трахать беспартийную...

— А это кто такой? — Разговор казался Сашке глупым и ничемным, но странное любопытство не позволяло его прерывать. Да и девушке лучше дать выговориться. Слишком долго она это в себе держала. Может быть, и Наталье не рассказывала.

— Секретарь горкома по торговле и еще по чему-то... Не вникала. Я ему приглянулась и постоянной у него стала. Ночь с субботы на воскресенье — его. Но зато больше никто не посягал... Он меня даже инструкторшей в свой отдел взять решил, но тут уж я на дыбы. Мне наукой заниматься хотелось. Что ты опять усмехаешься? Думаешь, если блядь партийная, так еще и дура? У меня, к твоему сведению, диссертация почти готова. Еще неизвестно, что хуже — с секретарем горкома четыре раза в месяц на дачку съездить или за каким-нибудь придурком замужем тем же самым каждый день заниматься, тошноту подавляя. Вон как Наталья — назло Воронцову замуж выскочила, а потом не знала, куда деваться... Нет, он вообще-то мужик ничего был, даже симпатичный, если бы не такой толстый, только как напьется, подавай ему всякие изощренности... Какую-нибудь «Эммануэль» на видик поставит и требует, чтобы я то же самое изображала...

Лариса раздавила папиросу в пепельнице, с отвращением посмотрела на бутылку, из которой Шульгин хотел налить ей еще шампанского.

— Да убери ты это! У меня уже под горлом плещется. Лучше коньяку рюмку...

— Не развезет?

— Ну и слава богу, если развезет. Зато выплюсь как следует. И все забудем, договорились? — Могла бы и не спрашивать...

Лариса залпом выпила серебряную царскую чарку грамм на сто, подышала открытым ртом, не закусив.

— Все. Хватит. Засиделись. Пойду к себе. А ты приberi здесь. Терпеть не могу, когда до утра на столе объедки остаются.

Она встала из-за стола, и ее заметно качнуло. Впрочем, возможно, просто вагон дернулся на закруглении.

— Закончишь, загляни ко мне, — сказала Лариса уже на пороге своего купе. — Я тебе еще кое-что скажу...

Что интересно, закончив уборку и поворачивая бронзовую ручку двери ее купе, Шульгин еще ни о чем таком не думал. Возбуждение прошло. Ему скорее казалось, если что и произойдет между ними, то уж не сегодня. Сейчас ночь исповедей, а не любви...

И все же у него частило сердце и пересыхало во рту. Услышанная от Ларисы история (а не придуманная ли для пущей интриги?) подействовала так, как надо. Он замечал за собой подобное и раньше — его влекли женщины с сомнительной репутацией. Оттого он и поддался в свое время чарам будущей жены, что наслушался ходивших по театрам баек о ее бесчисленных, подчеркнуто скандальных романах. И в принципе не слишком жалел о своей женитьбе. Стерва она была первостатейная, но в постели с ней скучать не приходилось.

Задув почти догоревшие свечи в столовой, Шульгин отодвинул дверь Ларисино купе. Она лежала поверх одеяла, высоко подоткнув под голову подушку, опять курила.

Свет ночника за изголовьем делал ее лицо похожим на резную ритуальную маску.

— Что ты хотела мне еще сказать? — спросил он, проглотив комок в горле.

— Садись, — показала Лариса на кресло напротив. Купе в этом вагоне были в полтора раза больше обычных, и по другую сторону откидного столика располагалось глубокое бархатное кресло с дубовыми подлокотниками. — Послезавтра мы уже будем в Москве. Я наконец приму предложение Олега, стану его законной женой. И не знаю, как там дальше сложится. Но в политических интригах я буду твоей верной союзницей. Обожаю всякие авантюры. Согласен, чтобы мы стали настоящими друзьями?

— Какие вопросы! Да мы ведь и так просто обречены ими быть, если хотим что-то значить в этом мире... — Сашка отвел глаза, чтобы не видеть откинутую полу платья и белый треугольник плавков между загорелых бедер. Она нарочно рассчитала позу так, чтобы как раз из кресла он это увидел.

— Не обязательно, совсем не обязательно. История знает столько примеров... Так что, союз и дружба? — И она резко села на диване, протянула Шульгину руку. Платье совсем распахнулось, грудь упруго выскользнула наружу. Она ее не стала заправлять обратно, похоже, даже чуть заметно подмигнула. Или то по щеке метнулась тень?

Что оставалось делать? Он тоже подал руку. Такие тонкие пальцы, а рукопожатие мужское. Сашка вспомнил, она когда-то говорила, будто занималась фехтованием и горными лыжами.

— Только ведь знаешь, Саша, — улыбнулась она по-русалочьи, — мужчина и женщина не могут быть друзьями, если сначала не были любовниками...

— Почему это вдруг? — глупо спросил Сашка.

— Потому что иначе они волей-неволей все равно будут думать прежде всего о том, что у кого в штанах и под юбкой. Закон природы. А вот когда здесь нет вопросов и тайн, можно и более серьезными вещами заниматься. Разве нет?

— Возможно...

— Осталось доказать это экспериментом. Иди ко мне... — Она вскочила, одним рывком стянула через голову платье, бросила его на пол. И стыдливо потупила глаза, делая вид, что ужасно вдруг застеснялась, ожидая, чтобы он сам избавил ее от последней, почти символической детальки туалета.

Будто чего-то испугавшись, Шульгин выключил ночник и только после этого нашел на ощупь напрягшуюся тонкую талию, скользнул по ней ладонями, оттягивая вниз тугую резинку.

Тело у нее было горячее, кожа нежная и гладкая, пахнувшая незнакомыми горьковатыми духами. Диванчик для двоих был явно узковат, и, чтобы не свалиться на пол, Сашка крепко обнимал Ларису. Она прижалась к нему животом и грудью, он чувствовал гулкие удары ее сердца. Несмотря на охватившую обоих нетерпеливую страсть, они согласно не спешили, словно привыкая друг к другу. Или Шульгин невероятным усилием воли все-таки надеялся удержаться от последнего шага, сулящего очередные нравственные проблемы и страдания.

Сдерживая неровное дыхание, Лариса легко касалась губами его лица и шеи, он медленно поглаживал ее спину, крутой изгиб поясницы, напрягшееся сильное бедро.

«Нет, точно горнолыжница», — подумал Сашка. Оба молчали, и никто первым не решался перейти к решительным действиям. Только обменивались осторожными, какими-то пугливыми ласками и легкими поцелуями.

Лариса не выдержала первой.

— Смелее, генерал, со мною можно смелее, я ведь не Аня, — хрипло прошептала она.

Эти слова почему-то разозлили Сашку и отпустили тормоза, что до сих пор его сдерживали.

Лариса и в постели вела себя так же раскованно, с полным пренебрежением к предрассудкам, как и в обычной жизни. Вдобавок она относилась к тому редкому типу женщин, которым процесс доставляет не меньшее наслаждение, чем всем остальным — только самый бурный финал.

Сколько это длилось, Шульгин потом не вспомнил. Он будто вдруг очнулся после глубокого обморока. Горели исцелованные губы, стальное пружинистое тело содрогалось в его объятиях, словно он пытался удержать выброшенную на

палубу только что пойманную акулу, а стук колес перекрывался низкими прерывистыми стонами и всхлипами.

Лариса выгнулась последний раз, что-то бессвязно бормоча и вскрикивая, вонзила ногти в спину партнера и только после этого обмякла. Отодвинулась к стенке, долго лежала молча, приводя в порядок дыхание.

Темнота в вагоне была абсолютная, как в подводной лодке, но за его пределами продолжалась своя железнодорожная жизнь. Лязгали сцепки, неподалеку загудел паровоз, ему ответил другой, звякнул вокзальный колокол, донеслись неразборчивые голоса. Колеса под полом купе постукивали все так же мерно и неторопливо. Похоже, проезжали очередную станцию.

Лариса привсталла, перегнулась через Сашку, долго искала на столике на ощупь бутылку с нарзаном, сделала несколько звучных глотков. Холодные капли упали Шульгину на грудь и щеку.

Потом она села, обхватив колени руками.

— Вот, значит, как... — сказала наконец Лариса. — Оригинально... А теперь что?

Шульгин молчал.

— Эй, ты не заснул, часом? Во мужики!.. Сделал дело — сразу спать...

Сашка не спал. Он медленно приходил в себя после редкостного эксцесса и думал о том же, о чем и Лариса.

Сильвия тоже умела вести себя в постели, но сейчас Шульгин испытал нечто совсем другое. Неужели и с Олегом она всегда такая? И что будет с ними дальше? Сможет он теперь держаться с ней как ни в чем не бывало, вспоминая это?..

Где-то уже под утро, пока Лариса плескалась в душе, он лежал на спине, смотрел в потолок, на который падал луч света из приоткрытой двери, и думал, что получилось что-то не то, не легкое и приятное дорожное приключение, на которое он рассчитывал. Девушка давно влекла его своими формами и непонятным характером. Судя по ее манере поведения и время от времени мелькающей в глазах чертовщинке, в постели она могла оказаться интересной. Но случившегося он не ожидал. Тут какое-то совершенно новое качество. Удастся ли выйти из положения без серьезных проблем? Если она имеет некие связанные с ним планы?.. Да, наконец, если просто вздумает добиваться собственных целей, шантажируя этой ночью, используя и кнут, и пряник? Кнута он боится не слишком, а вот найдутся ли силы долго уклоняться от пряника или даже морковки перед но-

сом? Дверь душевой открылась, Лариса вошла в купе, промокая влажное тело полотенцем. Присела на край полки, сделала глоток остывшего кофе. Сказала, покачивая головой:

— Нет, это круто. Даже не ожидала. Может, мне не за Олега, а за тебя замуж выйти? Здорово мы, выходит, изголодались. Четыре раза за ночь — такого у меня еще не было. Или пять? — Вздохнула, глядя на свою исцелованную грудь. — Совсем у тебя мозгов нет? — спросила она, впрочем, беззлобно. — Как я теперь Олегу покажусь? Ладно, что-нибудь придумаю...

Лариса убрала с лица рассыпавшиеся волосы. Улыбнулась неожиданно открыто, даже растерянно. Потом завернулась в простыню, как римлянин в тогу, поджала ноги. Совершенно другая женщина сидела сейчас перед Сашкой. Он даже и не представлял, что всегда мрачная, сосредоточенная на каких-то тайных мыслях Лариса может вдруг оказаться вот такой — спокойной, расслабленной, умиротворенной. Способной нежно улыбаться. Прав был, выходит, старик Фрейд. Всего одна ночь, и девушка избавилась от годами утешавших ее комплексов. И все его осторожно-опасливые мысли — полная ерунда.

— Мне с тобой хорошо было. Потому и отвязалась по полной... Но на сегодня хватит. Сил больше нет. Иди к себе. До Москвы далеко. Увидимся еще. Но уж там — все. Считай, что мы почти что и незнакомы... В этом смысле... Я собираюсь стать верной и строгой женой...

Шульгин встал, соображая, сразу идти ли ему к себе в купе или все-таки поцеловать девушку на прощание, как вдруг вагон резко дернулся, под полом завизжали тормозные колодки и колесные бандажи по рельсам. Короткими отчаянными гудками закричал паровоз. Почти тут же гулко загредел пулемет с тендера. Залепил первую, наверняка неприцельную очередь на пол-ленты, потом перешел на короткие, по три-пять патронов.

Через секунду-другую со всех сторон посыпалась беспорядочная сухая дробь винтовочных выстрелов, то вразной, то нестройными залпами.

ГЛАВА 6

Сашке хватило двадцати секунд, чтобы метнуться в свое купе, прямо на голое тело натянуть бриджи и свитер, сунуть ноги в сапоги. Он перебросил через плечо ремень с двумя подсумками, схватил с верхней полки автомат.

В тамбуре Шульгин приоткрыл дверь, присев на корточки, выглянул наружу.

В глухой чернильной темноте искрами бенгальских огней вспыхивали винтовочные выстрелы, дугой окружая поезд. Чуть правее, очевидно, целясь в паровоз, алым клочковатым пламенем похлал пулемет, судя по звуку — «максим».

Расстояние метров 200—300, прикинул он. Подвел фосфорную мушку к точке «на палец» левее огня и выпустил четыре очереди по три патрона, аккуратно смещая прицел. Пулемет захлебнулся.

— Во, бля, уметь надо... — злорадно выдохнул Шульгин, спрыгнул на землю и, пригибаясь, побежал к паровозу. Над головой посвистывали, глухо лязгали, попадая в стенки вагонов, пули.

— Стой, кто идет? — донесся голос из-под колес. Даже сейчас его рейнджеры соблюдали устав. Он тоже лег на насыпь, отозвался:

— Генерал Шульгин. Где командир?

— Я здесь, ваше превосходительство.

— В чем дело? Доложите обстановку.

— Караул с тендера заметил завал на путях, дал команду на паровоз и сразу доложил мне. Остановились за полсотни шагов от баррикады. Нападавшие поздно поняли, что дело сорвалось. Стояли открыто. Через ночной прицел — как на ладони. Первой очередью положили человек десять. Остальные укрылись в ложбине, вот — стреляют. Считаю, против нас человек тридцать. Они сейчас растеряны, отпора не ждали. Пулемет вы подавили?

— Вроде я...

— Другого у них нет? Или пулеметчика ищут? Возможно, уже начали отход, а стреляет группа прикрытия? Какие будут приказания?

Капитан говорил торопливо, не очень связно, но головы явно не потерял. В то, что на них налетела случайная степная банда, Шульгин не поверил сразу. Пока — интуитивно.

— Потери есть?

— Пока не знаю. Вроде нет.

— Что у нас с боеприпасами?

— Патронов море. На день боя хватит. Да еще Юрченко с собой «Пламя» прихватил, сейчас в тамбуре устанавливает.

— Тогда так. Стрелять только из пулемета на тендере и одиночными из-под вагонов. Пусть за колесами прячутся и головы не высовывают. Если решат, что нас мало, могут в

атаку пойти. Вот тогда и врежем как следует. И пошлите разведку в обход, с обоих флангов. Нам «языки» нужны.

Вроде, судя по всему, непосредственной опасности не было. Если там даже с полсотни бандитов скопилось в лощине, из двух пулеметов, девяти автоматов и автоматического гранатомета «Пламя» их всех без труда можно уложить на полпути до насыпи.

— Сколько людей в группу захвата планируете? — сообщил спросить Шульгин.

— Четверых пошлю, четверо со мной останутся. Двое на тендере, а тех, что в хвосте, пока не слышно. Или, упаси бог, убиты или скорее просто демаскироваться не хотят, тоже атаки ждут... — ответил капитан.

— Я пятый буду. Ноктовизоры у всех есть?

— Нет, всего три с собой взяли. У меня один остался. Могу разведчикам отдать, могу вам.

— Вот же мать вашу!.. Даже тут няньки требуются. Добра ж этого навалом, кто мешал на всех запасти, да с резервом!.. Ну теперь и страдайте. В обход пошлите две пары, мы вчетвером занимаем круговую оборону, один пусть под вагонами в хвост ползет. Если там дозорные живы, двое остаются в обороне под вагоном, один с ноктовизором пусть поднимается на крышу, оттуда наблюдает по правому флангу и назад, там тоже может оказаться угрожающее направление...

Шульгин, не будучи большим тактиком, понимал, что нападающие уже проиграли. Замысел у них, возможно, был и хороший. Завалив бревнами путь, они могли рассчитывать, что поезд с разгону налетит на препятствие, сойдет с рельсов, опрокинется даже, а там делай что хочешь. Вольные это бандиты или специальная диверсионная группа вроде той, севастопольской, скоро станет ясно. По степени их активности.

Через люк в полу вагона сверху подали ящики с патронами, опустили еще один пулемет Калашникова. Стрелять можно было практически бесконечно.

— Эй, Хилл, это ты там? — крикнул Шульгин, называя поручика его общепринятой кличкой. После того как они вместе сражались на улицах Москвы, он мог себе позволить такую фамильярность.

— Я, ваше превосходительство, — ответил Юрченко по-дозрительно веселым голосом.

— У тебя гранат много?

— Четыре барабана.

— Ну вот и сиди там тихо. Вступишь в дело по моей

команде или когда увидишь, что автоматами толпу уже не сдержать. Понял?

— Та-ак точно, Александр Иванович.

Хоть Шульгин и позволил свободным от вахты офицерам принять «наркомовскую» норму, но поручик явно злоупотребил его снисходительностью. Ну да черт с ним!

— А ракеты осветительные есть?

— Имеем чуток.

— Тогда открой окно и пускай в сторону их позиций, градусов под шестьдесят к горизонту. С интервалом в минуту-две... — Сашка повернулся к капитану. — Устроим мы им сейчас веселую жизнь! На кого, мудаки, хвост подняли... Действуй, начальник, а я в свой вагон пробегу, по левому флангу постреляю. И чтоб «языки» обязательно были, понял?

Строго говоря, Шульгин сейчас мог сам, в одиночку, отправиться в ночную степь, высмотреть там все и вернуться назад с пленным, не подняв ни малейшего шума. Однако ради чистого удализма головой рисковать не стоило. Как бы ни был глуп противник, а шальной пулей стукнуть может, и не генеральское это дело — за «языками» бегать. У него других дел навалом. И здесь, и особенно в Москве.

Шульгин подобрался к подножке своего вагона, прячась за толстыми колесами, от которых винтовочные пули отлетали с разочарованным визгом. Судя по плотности огня со стороны неприятеля, там и больше полусотни стволов могло оказаться.

Он переждал огневой налет, а с поля вдруг начали стрелять удивительно густо, и мгновенным броском заскочил в вагон. И там чуть не наступил на Ларису. Она сидела на полу тамбура, прислонившись спиной к двери переходной площадки.

Сначала ему показалось, что она потеряла голову от страха и выбежала в тамбур вместо того, чтобы спокойно лежать на своей койке под защитой надежной брони. Но, присмотревшись, увидел при свете первой пущенной поручиком ракеты, что девушка держит в руке его штучную винтовку «суперэкспресс», стреляющую специальными ртутными пулями.

— Ты что здесь делаешь? Иди в купе, без тебя обойдемся...

— Но вот это... вряд ли, Александр Иванович, — издевательским тоном протянула Лариса. — Стреляю я не хуже тебя, а уж сейчас особенно. Не люблю, когда мне кайф портят. Покажи лучше, где тут предохранитель, не найду в темноте.

Действительно, на винтовке стоял лазерный прицел с активной подсветкой, и стрелять из нее было проще, чем из воздушки в тире, а Лариса была в свое время не горнолыжницей, как считал Шульгин, а биатлонисткой и едва не выполнила норму кандидата в мастера.

Спорить с ней в его планы не входило.

— Ну-ка, дай... — Он выключил предохранитель, поднял к плечу приклад. В сиреновом поле четырехкратного прицела Шульгин увидел высокую заросшую кустарником грядку метрах в двустах от дороги, то приподнимающиеся над ней, то скрывающиеся контуры фигур, похожих на поясные мишени армейской стрельбища. Судя по направлению их движения, они группировались на флангах, собираясь, видимо, охватить стоящий поезд с головы и хвоста, не рискуя больше идти в лоб на пулемет. Сашка даже посочувствовал неизвестным налетчикам. С их простодушной точки зрения начала века, все было рассчитано здорово — завал из бревен поперек рельсов, хорошо видимый на фоне неба поезд на высокой насыпи, шквальный огонь, чтобы прижать к земле охрану, двухсторонний охватывающий маневр, а потом бросок в штгики, предваренный градом ручных гранат. Подозревать о том, что жертвы нападения в состоянии видеть неприятеля в безлунной ночи как днем, им в голову прийти не могло, будь они хоть честными махновцами, хоть диверсионным отрядом ВЧК.

На самом деле обстановка складывалась для нападающих печально. Запускаемые с тендера ракеты должны были отвлекать внимание и ослепить стрелков. Редкий, но непрерывный огонь охраны заставлял налетчиков прижиматься к земле, позволял выиграть время, пока обходящие их позиции с тыла разведчики не определят местоположение командного пункта и не возмут главарей тепленькими. Остальные же обречены умереть — рейнджеры не имели привычки оставлять живых свидетелей своих тактических приемов.

Шульгин нажал на спуск. Голова привставшего из-за куста бандита в нахлобученной на уши фуражке разлетелась от попадания тонкостенной пули, содержащей в себе двадцать граммов жидкой ртути и летящей со скоростью в две звуковые.

Передавая винтовку, он задел рукой плечо Ларисы и почувствовал, что на ней надета только майка с короткими рукавами.

— Ты чего не оделась? Ну-ка быстро хотя бы свитер накинь, штаны да колготки теплые, на железе сидишь. Нам тут, может, до утра кувиркаться...

— Заботливый... — огрызнулась девушка, но все же послушалась, ушла в вагон. За время ее отсутствия Шульгин выстрелил еще два раза. Теперь он старался целиться не по головам, а в корпус. Тяжелораненные, в отличие от убитых наповал, требуют гораздо больше внимания, отвлекают бойцов для перевязки и эвакуации в тыл, а в крайнем случае хотя бы деморализуют товарищей своими стонами и криками о помощи. Впрочем, после этих пуль долго не живут при попадании в любую точку тела.

Лариса вернулась, не только приодевшись сама, но и Сашке принесла теплую куртку, фляжку с коньяком и гранатную сумку.

— Спасибо. Оставайся здесь, дверь прикрой, наблюдай через щелку. Главное, повнимательнее будь, чтоб не подползли и гранату не сунули. Запасные магазины в ящике под диваном...

— А сам куда?

— Хочу в хвост сбежать, осмотреться. Что-то мне кажется, не все так просто. Люди здесь должны работать серьезные и пакость какую-то приготовить. Простые бандиты давно бы разбежались, если сразу не вышло... — отвечал Шульгин, на ощупь вставляя запалы в гранаты.

— Где мы хоть находимся, знаешь? — спросила Лариса.

— Черт знает... — Шульгин посмотрел на часы. — Без пяти пять. Отправились мы в полдесятого. Значит, если без задержек шли, перешейки уже проехали. Рассветет через полтора часа. За это время все и решится.

Он вставил последний взрыватель, проверил, хорошо ли разведены усики на предохранительных чеках, и соскочил на насыпь с другой стороны вагона, предварительно шлепнув ободрающе Ларису ниже спины.

— Эй, ты, вернись, а одернуть?

— Живой вернусь, тогда и одерну, а пока без женихов обойдешься, — засмеялся Сашка, исчезая в темноте. Здесь пока еще было тихо, что тоже показалось Шульгину странным. Или местность по эту сторону насыпи неудобная для атаки, болотистая, например, или... Надо бы и сюда ракетами подсветить.

Умирать, да еще по-глупому Сашке не хотелось. Не только потому, что жить было приятно и интересно. Он беспокоился, что, если после исчезновения Новикова с Сильвией и его убьют, Воронцову с Берестинным придется туго. Оставлять их одних после всего, что они все вместе учинили, казалось ему похожим на дезертирство.

С тормозной площадки последнего вагона постукивали

короткие очереди, похоже — двух автоматов. Условным свистом он предупредил о своем приближении.

Один офицер стрелял в темноту, присев за колесом, второй лежал на шпалах и бинтовал раненое плечо.

— Давай помогу. — Шульгин взял у него из руки индивидуальный пакет. — Где тебя учили? Надо было рукав разрезать. Сильно задело?

— Не очень. В бицепс навылет.

— А где третий?

Офицер показал вверх кивком головы.

— На площадке остался. Первым залпом убило. Между каской и жилетом... Сейчас пойду патроны у него заберу. У нас два рожка осталось.

— Держи... — Шульгин вытащил из подсумка еще три. — А ноктовизор у кого?

— У меня, — откликнулся второй офицер. — Только ни хрена все равно отсюда не видно. Ихний правый фланг против нас, там за буторком человек шесть прячутся, постреливают иногда, а дальше одна муть... Дальности у прибора не хватает.

— Слева и вдоль путей никакого шевеления?

— Не замечал...

Шульгин взял у подпоручика ночной бинокль, долго вглядывался в зеленеватый, не слишком четкий, как на экране старого телевизора, окружающий пейзаж. Слева действительно, кроме заросшей то ли камышом, то ли стеблями подсолнухов без шляпок низины, не было ничего достойного. А вот посмотрев вдоль железнодорожного полотна, он насторожился. Нападение было подготовлено весьма грамотно — завал из спиленных тут же вдоль путей телеграфных столбов устроили в нижней точке затяжного спуска, сразу за мостиком через глубокую промоину, и, если бы машинист вовремя не остановил поезд, он бы сейчас точно лежал вверх колесами под насыпью. Но дело не только в этом — всего в сотне метров сзади был крутой закрытый поворот, и что за ним сейчас творилось — бог весть...

Что бы сам он предпринял, будучи на стороне нападающих?

— Как, поручик, если из-за того буторка груженую платформу на нас катануть или даже целый паровоз, успеем что-нибудь сделать?

— Боюсь, что вряд ли... Только откуда у них паровоз?

— Когда появится, спрашивать поздно будет. Потому лучше подстраховаться. Вот у меня в сумке пять гранат. Придется вам, поручик, сбегать и устроить метров на десять

ниже поворота небольшой фугас. Согласны с моим решением? Прибор мне оставьте, я буду наблюдать и, если что, огнем прикрою.

— Слушаюсь, господин генерал.

Поручик, присев на рельс, установил три взрывателя на мгновенное нажимное действие, еще два — на удар, проверил, плотно ли сидят гранаты в гнездах, тщательно застегнул кнопки на крышке. Перекинул через плечо ремень автомата, держа перед собой ставшую смертельно опасной сумку, даже не пригибаясь, побежал вдоль едва поблескивающего в свете звезд рельса.

Шульгин так и не понял, пресловутая его способность к предвидению сыграла роль или просто грамотный тактический анализ обстановки. Ну не могли те, кто затеял эту операцию, рассчитывать только на баррикаду. Если поезд не сошел с рельсов, уничтожить его пассажиров и охрану только винтовочным огнем да еще в темноте было малореально. А ставка нападающих была слишком велика, чтобы не просчитать все возможные варианты.

Поручик не добежал до места буквально десятков шагов. Не отрывавший глаз от закрутления дороги, Шульгин увидел яркую вспышку на склоне холма. С шипением и свистом вверх пошла алая сигнальная ракета, и через секунду по всему фронту атаки вспыхнула беспорядочная, но предельно частая стрельба. Длинными очередями застучали три или четыре пулемета, десятки винтовок били без пауз. При таком огне не целятся, только бешено передергивают затворы.

Защитники поезда ответили шквальным огнем из всех стволов. В общем грохоте отчетливо выделялись характерные, звенящие хлопки «суперэкспресса». Лариса стреляла размеренно, судя по темпу — прицельно.

Сашка понял, что правильно разгадал замысел противника. Огневой налет имеет явно отвлекающий характер, причем сосредоточен он как раз на хвосте эшелона..

И действительно, почти тотчас же из-за поворота показалось несколько темных фигур, отчетливо видимых в свете поднявшейся на высшую точку траектории ракеты. Сквозь ночной прицел различались даже светлые пятна лиц. Они толкали перед собой обычную ручную дрезину. На ее площадке угадывался объемистый груз.

Шульгин пустил длинный трассирующий веер над головой поручика. Чтобы предупредить, вдруг не заметил, отвлекая на ракету и стрельбу с фланга. Как его до сих пор не задело, пули летают густо, как комары в тайге. Шульгин дал еще две короткие очереди, но не успел разобрат, попал в

кого-нибудь или нет, потому что одновременно с его выстрелами зеленые призраки шарахнулись в стороны от дрезины, которая уже прошла закругление пути и, ускоряясь, покати-лась вниз.

Это в ноктовизор все было отчетливо видно, а поручик заметил только мелькнувшие в дрожащем мерцающем свете ракеты тени, свистнувшую над головой трассу и накатываю-щееся на него сверху черное, темнее окружающей ночи, пятно.

Не зря тренировал Шульгин на полигоне своих рейндже-ров. В нужные моменты они действовали автоматически, на подсознательном уровне. За те полторы или две секунды, что оставались в распоряжении офицера, он успел, присев, аккуратно положить свой фугас на рельс, сгруппироваться и метнуться вправо вниз, в глубокий кювет.

Сашка все это видел, и ему самому едва хватило реак-ции, чтобы ткнуться с маху лицом в щебенку между шпала-ми и закрыть руками голову.

Горячая ударная волна пронеслась под вагоном, гоня перед собой тучу земли и гравия. Загremели буфера и сцеп-ки. Вскрикнул позади Шульгина раненый офицер.

Посланная капитаном разведгруппа, сильно забрав впра-во, минут через сорок вышла далеко в тыл напавшей на по-езд банде. Четверо рейнджеров были вооружены 5,45-мил-лиметровыми автоматами «АКСУ» с шестью магазинами на ствол, бесшумными пистолетами, десантными ножами и руч-ными гранатами. Жаль только, что прибор ночного видения был только один на всех.

Все они прошли месячную подготовку по программе Шульгина на тренировочном полигоне в Эгейском море, ус-пели повоевать под Каховкой, Одессой и Екатеринославом в завершающих сражениях гражданской войны, а еще раньше захватили и германскую войну, и «Ледяной поход», и ново-российскую катастрофу Деникина. То есть воевать они умели не хуже белых наемников в Конго, Анголе или на Ко-морских островах, когда взводом или ротой те свергали пра-вительства и разгоняли регулярные армии.

С седловины между вершинами крутого двугорбого холма командир группы, молодой, но уже седой штабс-капи-тан с перебитым осколком снаряда носом осмотрел позицию неприятеля. Там успели даже отрыть неглубокие стрелковые ячейки в опасной близости от насыпи, установить в них пять ручных пулеметов на треногах, и еще до сотни бойцов

залегли открыто по склонам лощины, ведя постоянный беспокоряющийся огонь из винтовок.

Виден был и поезд на фоне неба, будто вырезанный из черной бумаги силуэт. Вспышки автоматных очередей в ноктовизоре слепили, как полыхание бенгальских огней на новогодней елке.

— Ты, Кондрашов, с Иловайским перебегайте на правый фланг. Ориентируйтесь на рубежи огня с обеих сторон. Подползите к их позиции шагов на сорок и ждите. Мне нужно найти их КП. За полчаса, думаю, управлюсь. В любом случае, — если только они не предпримут общего штурма раньше, — в пять тридцать начинайте атаку. С тыла в упор расстреливайте их цепь и забрасывайте гранатами до рубежа середины поезда. Никак не дальше. Левее — наша зона. Если нам придется стрелять раньше — поддержите. Отход — к этому холму. Пробивайтесь на соединение с нами и одновременно уничтожайте всех, кто подвернется. Пленных беру на себя. Все ясно?

Сам штабс-капитан, проводив товарищей, еще долго изучал видимую как на ладони позицию противника. Пока наконец не обнаружил искомое.

В совсем неприметной балочке под прикрытием дерева, похожего на старую раскидистую иву, он увидел длинный открытый автомобиль. И три расплывчатые фигуры. Двое курили в рукав, сидя на подножке, а третий смотрел в сторону поезда в какой-то оптический прибор на штативе, стереотрубу или теодолит, отсюда было не понять.

— Саломатин, видишь? — Командир передал ноктовизор своему напарнику. — Запомни азимут. Ползешь за мной. Когда очередная ракета взлетит — замри и наблюдай. Подходи вплотную. Держись от меня на три шага правее. Я беру тех двоих, ты — того, что в машине. Глуши, но не до смерти. Вяжем и волочем сюда. Веревка под рукой?

— На месте. А дотащим троих?

— Дотащим. В крайности — по очереди. Если вдруг чего, тогда кончай своего и отрывайся по способности. Ну, с богом!

Степь здесь была совсем не такая гладкая, как выглядела из окна поезда или даже из седла. Колочие растения, названия которых офицеры не знали, вонзались шипами в ладони, то и дело попадались торчащие из земли острые камни, водомоины и засохшие коровьи лепешки — недалеко, значит, был хутор или село. И полверсты, которые быстрым шагом можно было преодолеть за несколько минут, растянулись словно впятеро. Конечно, можно было идти в рост, их

бы вряд ли заметили. Но командир не хотел рисковать зря. Штабс-капитан часто привставал на колени и корректировал направление.

Все реже взлетавшие ракеты, то белые, то зеленые, то красные, озаряли картину затянувшегося позиционного боя дрожащим химическим светом.

Но вот наконец стали слышны голоса людей и резкий запах плохого бензина.

Подпоручик Саломатин коснулся рукой сапога капитана, сообщая, что он здесь, не отстал и не заблудился.

Тот в последний раз приподнялся. Мизансцена слегка изменилась. Теперь только один человек оставался снаружи, а второй, открыв дверцу и присев на место шофера, похоже, говорил в полевой телефон.

Менять диспозицию было поздно, и, вскочив на ноги, капитан взмахом руки послал напарника вперед.

Приготовления к операции оказались куда более долгими и трудоемкими, чем ее исполнение. Вражеские наблюдатели даже ничего не успели сообразить. Первого капитан свалил традиционным ударом ребром ладони по сонной артерии. Второго рванул на себя из машины и подставил колено, об которое тот с хрустом ударился переносицей и сразу обмяк. Третьего Саломатин просто взял сзади руками за горло и немного сдавил.

— Готово, командир? — спросил он, опуская безжизненное тело на подушки заднего сиденья.

— Готово. — И тут вражеская цепь вдруг взорвалась судорожным, беспорядочным огнем.

— Они что, на штурм собрались? — вскрикнул капитан, срывая с плеча автомат.

— Не похоже, — остановил его порыв подпоручик. — Скорее истерика перед отходом... А знаешь что? На хера нам их с собой тащить? Заводим мотор и поедem с шиком. Все равно за стрельбой никто не заметит...

— А ты умеешь? — с сомнением спросил командир. — Я — нет.

— Разберусь. — Подпоручик полез на водительское место и начал что-то нажимать и дергать. Через минуту мотор вдруг взревел, из выхлопной трубы и из-под капота повалил вонючий дым.

— Поехали, ваше благородие. Вали этих краснюков в кучу и сам сверху садись...

— Сейчас. — Капитан умело обмотал запястья и щико-

лотки пленных длинным капроновым шнуром, грубо, как старый смотритель морга, побросал тела в задний отсек автомобиля.

— Езжай. До холма, как договорились. А я позабавлюсь. Давай мне свои подсумки...

Действительно, уходить, оказавшись в тридцати метрах позади ничего не подозревающей цепи, увлеченной стрельбой по поезду, было бы глупо. Штабс-капитан надвинул на глаза мягкий нарамник ноктовизора и поднял ствол автомата. На его первую очередь тут же отозвались выстрелы и гранатные разрывы с правого фланга.

А посередине поезда вдруг расцвел оранжевый пульсирующий цветок. Так воспринималось через фотоумножитель дульное пламя автоматического гранатомета. Раздался гулкий рокот, и вдоль переднего края неприятеля один за одним с немыслимой скоростью стали вырастать огненно-дымные факелы. Раздражающе яркий свет залил все поле зрения, и капитан, чтобы не ослепнуть надолго, уткнул объектив прибора в сухую траву. И уже не видел, как первый часток разрывов пришелся точно по брустверу, второй — на десять метров дальше, как раз по дну ложбинок и окопов, где укрывались от огневого налета бандиты.

Поручик Юрченко вновь продемонстрировал свой талант.

Через пару минут все было кончено. Штабс-капитан выбросил шестой расстрелянный магазин. Живых перед собой он больше не видел. И там, где работали Кондрашов с Иловайским, тоже утихла стрельба. Он встал во весь рост и поднес к губам командирский свисток.

— Веселое дело, — путаясь ботинками в бурьяне, появился из ложики прапорщик Иловайский. — Намолотили мы их несчетно. Полные придурки! Серега гранату — я очередь по вспышке. Потом наоборот. Как на рыбалке с острогой и факелами...

Договорить прапорщик не успел. Со стороны поезда небо озарила гигантская вспышка, и тяжелый грохот заставил офицеров рефлекторно упасть на землю...

...Сам едва переставляя непослушные от контузии ноги и ведя под руку дважды раненного подпоручика, Шульгин добрался до паровоза.

Только пулеметчики оставались еще на всякий случай у своей турели, все прочие толпились у насыпи. Сашка как-то равнодушно — слишком гудела голова от удара взрывной

волны — отметил, что потери в отряде сравнительно невелики. Правда, почти на каждом офицере белели повязки. И Лариса тут же, с карабином в руке.

Различив в бледном предутреннем свете перемазанного грязью и кровью Шульгина, она бросилась ему на шею, не стесняясь окружающих. Взрыв в конце поезда был такой, что увидеть Сашку живым она уже не надеялась.

— Все в порядке, я целый, это только царапины и ссадины, — успокоил он девушку, осторожно отстраняясь. Поиск глазами командира отделения. Капитан с неаккуратно перебинтованной головой помогал вытаскивать из-под вагонов тела убитых. Этим не повезло: ни толстые колесные диски, ни бронежилеты не спасли их от шальных пуль. Заметив начальника, он подошел, сбивчиво отрапортовал, что нападение отбито, неприятель в большинстве уничтожен. Кому-то, возможно, удалось бежать, это уточняется. Наши потери — двое убитых. Еще убит кочегар, помощник машиниста ранен в голову, неизвестно, выживет ли. Хорошо, машинист цел... Доедем...

— Добавьте еще поручиков Слесарева и Нелидова. Нелидов нас всех и спас. На моих глазах. От него не осталось ничего... Слышали, как рвануло? Пудов десять динамита, не меньше...

Капитан кивнул. Продолжил доклад:

— Наша разведгруппа, как и намечалось, обошла неприятеля с тыла. Четверо взяты живьем... Остальные... Потом посчитаем.

— Приведите. Хочу посмотреть.

Два рейнджера в грязных, висящих клочьями камуфляжах грубыми тычками откидных автоматных прикладов подогнали со стороны паровоза пленных.

Один из них, как сразу понял Шульгин, интереса не представлял. Типичный махновец или григорьевец, в свитке, перетянутой ремнями, грубых сапогах и курпейной папахе. Морда небритая и похмельная. Зато остальные как раз такие, как он и ожидал. И одеты хоть разномастно, но аккуратно, и лица достаточно цивилизованные. С этими можно побеседовать.

— Окажите помощь раненым, капитан, погибших уложите на платформу, в Харькове похороним. И прикажите тщательнейше осмотреть поле боя. Особо обратите внимание на любые нестандартные предметы... — Уловив недоумение в глазах офицера, Сашка пояснил: — Я имею в виду любые предметы, наличие которых маловероятно или невоз-

можно у обычных степных бандитов. Уловили? Оружие собрать, трупы обыскать и прикопать в подходящей яме. Заставьте вот этих поработать. — Он указал на пленных. — Только сначала пусть завал на путях разберут, чтобы в любой момент можно было трогаться. Я приведу себя в порядок, потом поиграем в контрразведку... Да, — вспомнил вдруг он. — Этого Грицка сами допросите, выбейте из него все — откуда взялся, кто командир, когда, как и где собирались, чего им обещали и все прочее. Он, может, и дурак, по глупости кое-что интересное рассказать может. Потом на паровоз поставьте, за кочегара поработает. И вот что еще. — Сашка потер ладонью гудящую и кружащуюся голову. — Ваша фамилия Короткевич? — спросил он неизвестно к чему. — Из тех самых? Почему так вышло — три самые знаменитые польские фамилии, из них Вишневецкие и Радзивиллы — князья и магнаты, а ваши — нетитулованные и бедные? Чем объяснить?

Капитан пожал плечами.

— Думаю, как раз тем самым. Ощущением самодостаточности и шляхетского гонора. Мы — это мы. Стали бы князьями — даже вот вам и спросить не о чем было бы...

Капитан даже после тяжелого боя смотрел на Шульгина задорно и с вызовом.

— Нормально, командир, хороший ответ. Живы будем, еще на эту тему пообщаемся...

Со стороны поля вдруг появился поручик Юрченко. Неизвестно где и когда, но явно добавивший еще. Он залихватски улыбался и тащил в руках какой-то прибор.

Подошел, откозырял.

— Позвольте доложить, господин генерал, лично осмотрел неприятельские позиции. Огнем «Пламени» отправлено в штаб Духонина, как красные выражаются, двадцать две штуки... Их. С пулевыми дырками мои осколки не спутаешь.

Юрченко сообразил, что Шульгин смотрит на него слишком пристально, и прервал тираду.

— И вот такую штуку на поле боя нашел...

Сашка взглянул мельком.

— Отнесите ко мне в вагон. — Он повернулся к капитану. — Нечто в этом роде я и имел в виду. Прочешите еще раз все поле, тщательно обыщите автомобиль.

...Лариса скрылась в своем купе, чтобы умыться и переодеться. Юрченко замер у порога, стараясь незаметно опереться о стенку. Трофеей он по-прежнему держал перед собой в обеих руках.

— Бутылку успел высосать или больше? — Шульгин сам знал в этом деле толк и понимал, что после тяжелого боя меньшая доза была бы просто незаметна.

— Да кто ж считал, Александр Иванович... Стаканчик здесь, стаканчик там...

— А теперь надеешься, что тебе за сегодняшнее дело еще и Георгий положен? Вообще-то положен, конечно, особенно за эту вот штуку. Ладно. Вон налей себе еще стопарь, и чтоб до Харькова я тебя не видел. А там разберемся...

Выпроводив бравого поручика, Шульгин первым делом поднял броневые заслонки с окон. И порадовался, что вовремя догадался их опустить. Хоть стекла целы и можно дальше ехать в тепле. В офицерском вагоне не осталось ни одного, и вообще он стал похож на консервную банку, по которой упражнялись в стрельбе пьяные охотники. Потом Сашка стянул грязную и рваную куртку, разделся до пояса, сел на табурет посреди столовой. Вновь успевшая переодеться в платье, умытая, причесанная и даже слегка надувившаяся «Пуазоном», Лариса тампонами с пережисью водорода смыла с его лица и шеи корку засохшей пополам с пылью крови. Пинцетом долго выковыривала вонзившиеся в кожу осколки гравия и железную окалину, сбитую взрывом с вагонных колес и рамы. Время от времени шипя при особенно неаккуратных ее движениях, Сашка рассказывал не слишком связно, путаясь в словах и повторяясь:

— Килограммов, наверное, двести они на дрезину загрузили. Скорее всего мелинит, уж больно дым ядовитый и вонючий. Воронка здоровенная получилась, целое звено рельсов будто испарилось. Опоздал бы поручик, от нашего поезда только колеса бы остались. Он и сам рассчитывал спастись, грамотно в кювет отвалился, да уж больно заряд был большой.

— Главное, что ты не опоздал. Ты действительно ясновидец? Терпи, терпи, уже заканчиваю. Сейчас клеим замажу — и все. Почему браслет гомеостатный не взял, через полчаса целенький бы ходил. А теперь как папуас две недели будешь...

— Я — ладно. Раненых бы довезти. У Берестина всех вылечим. А браслет бы я где взял? Их всего три. Один у Лешки, один у Андрея с Сильвией, а третий на пароходе. Мало ли что там случиться может, раз пошла такая пьянка. Нам же только сутки ехать было по мирной территории.

— Вот тебе и мирная... Знала бы, лучше бы дома осталась.

— Ври больше. Теперь я знаю — ты баба азартная и

страшная. Сколько сегодня патронов расстреляла? Что касается ясновидения... Честно говорю: не знаю. Вообще-то я просто себя на их место поставил. Раз живьем «объект» захватить сразу не получилось, надо кончать до рассвета. Вот и догадался, исходя из технических возможностей и характера рельефа. А теперь сам думаю... Может, и вправду ясновидение? Ну да бог с ним. Лучше коньяку налей вместо противошокового. И себе тоже... — Он выпил полстакана, подмигнул Ларисе. — Ну, мы теперь с тобой точно братья по оружию.

Она едва заметно улыбнулась и тоже подмигнула. Отнюдь, впрочем, не весело.

— Я сегодня человек десять, наверное, подстрелила. И совершенно никаких эмоций не испытываю. Разве только злораство. Это плохо, наверное...

— А ля гер ком а ля гер. Все нормально. Тебе ж не впервой, на Валгалле тоже по «ракообразным» стреляла. Молодец, вот таких баб я и люблю! Сейчас помоги мне одеться — что-то плечо плохо двигается, — и займемся пыточным делом. Ты тоже приготовься, будешь участвовать.

— Не имею желания.

— Неважно. Психология. Когда на допросе присутствует красивая женщина, да еще зловещего облика, клиент быстрее ломается. Во-первых, страшно, во-вторых, стыдно страх показывать, проще сразу колоться, сохраняя достоинство.

— У меня зловещий облик? Ты так думаешь?

— Постарайся, чтоб был. Приоденься соответственно, подраскрасься. Мне тебя учить?

...Поезд тронулся без гудка, оставив за собой кучи еще воняющих пороховым дымом гильз, наскоро присыпанные землей окопы, куда офицеры свалили трупы бандитов, высокий шест с тревожным красным лоскутом перед разорвавшей насыпь воронкой, и кое-как склепанный из железных полос крест на том месте, где испарился в пламени взрыва «живота не пощадивши за други своя» поручик Нелидов.

Перед тем как приказать ввести первого пленного, Шульгин, уступив настойчивому требованию Ларисы, часа полтора вздремнул, предоставив ей подготовить все необходимое.

Потом надел свежую сорочку и китель с генеральскими погонами, расположился за маленьким, почти игрушечным, письменным столом, на зеленом сукне которого белел оди-

нокий лист бумаги и посверкивала в лучах только что вставшего солнца граненая хрустальная пепельница.

Лариса устроилась на углу диванчика, изображая «фурию белой идеи». В туго перетянутой офицерским ремнем черной лайковой куртке поверх алой водолазки, черных велюровых джинсах в обтяжку, высоких черных сапогах смотрелась она впечатляюще. На рукаве — трехцветный шеврон и корниловский череп с костями. Темно-каштановые волосы распущены по плечам, губы тронуты карминной перламутровой помадой, глаза умело подкрашены в «персидском стиле» — углами до висков, ресницы удлинены махровой тушью.

Облик действительно вызывающий и даже способный напугать непривычного человека. Ведь в эти годы подобным образом выглядели только женщины вполне определенных моральных качеств, пусть и не такие красивые.

Покачивая блестящим сапогом, Лариса задумчиво подкрашивала ногти. По вагону разносился ацетоновый запах лака.

— Знаешь, — говорил Шульгин, с интересом наблюдая за ее действиями, — наше положение по отношению к пленникам куда выигрышнее, чем можно предположить. Даже с учетом разницы в статусе. Дело в том, что для нас все происходящее — интеллектуальная игра, пусть и сопряженная с риском для жизни. Но тем не менее... Для них же это единственная жизнь, и о возможности иной они не подозревают. Потому относятся к ней куда серьезнее, отчего непременно и проиграют. Заведомое отсутствие вариантов очень осложняет жизнь...

Лариса слушала его рассеянно. Понемногу приходя в себя после недавнего стресса, она почти не слышала глубокомысленных сентенций приятеля. Как всякая женщина, она думала о последствиях чересчур уж бурно проведенной ночи. Первой ее половины.

— Как ты себе представляешь дальнейшее? — спросила она наконец, поймав паузу в Сашкиных умопостроениях. — Что будет с тобой, со мной, с Олегом?

— В каком смысле? — недоуменно повернулся к ней Шульгин. — Откуда я знаю, что с нами будет? Может, на следующем километре такой футас рванет... Или...

— Да я не об этом. Если живыми до Москвы доедем. Как с Олегом держать себя будем? Как ни в чем не бывало? Мне придется спать с ним, думая при этом о тебе, а ты будешь нормально с ним общаться, прикидывая, когда и как снова

его обманешь? Как такое соотнести с банальной нравственностью?

— Господи, Ларок, да о чем ты вообще? Какая тебе нравственность, если вся наша теперешняя жизнь по определению безнравственна! Историю и судьбы людей об колено ломаем, руки у всех в крови... — Он сказал эти слова и сам их вроде бы испугался. — В крови... Она, может быть, и настоящая, как в ковбойском фильме, а все равно... Нет, лучше в эти дебри не лезть. И без того на душе муторно. Забудь все... А ты про наши невинные игры вспомнила. Да какая разница — может, тебе все во сне привиделось! Бывали же такие сны, правда? Кайф, переходящий в кошмар.

Лариса не ответила, возможно, нечто такое припоминая.

— Ерунда все это, — подвел Сашка итог. — Вот если бы ты от Олега совсем ушла ко мне, к другому — неважно, ему тяжело бы пришлось, не спору. А то, чего мы не знаем, для нас и не существует. Согласна? Если нет — подумай, время есть. Только в жены я тебя не возьму, и не из-за Олега. Мы с тобой в супруги друг другу не годимся. Пробки быстро перегорят. Дружья — это да. Особенно в широком смысле... — Взглянул на девушку, не обиделась ли? Вроде бы нет, только усмехнулась непонятно.

— Пока же займемся делом грязным, но необходимым, — подвел он черту под разговором и позвонил в серебряный настольный колокольчик.

ГЛАВА 7

Первым к ним в кабинет ввели мужчину лет сорока, одетого в обычный по тем временам полувоенный костюм — френч с большими накладными карманами, широкие галифе и ботинки на толстой тройной подошве с твердыми крагами. Достаточно умное, со вчерашнего утра небритое лицо, начинающий наливаться всеми цветами спектра кровоподтек от переносицы до угла рта. Веревку с запястий у него явно сняли только что, и он шевелил пальцами и массирует затекшие кисти.

Взгляд его Шульгину показался знакомым, не лично, а той куда большей свободой и независимостью, чем у нормальных русских людей, и он обратился к пленнику сразу по-английски. Пробный шар, так сказать, подкрепленный той штукой, что лежала на диване, прикрытая газетой. А, как известно, с помощью Антона Сашка изучил язык на уровне

автора знаменитого вебстеровского словаря. И произношение имел самое что ни на есть оксфордское. На каком уже тогда разговаривали только природные аристократы в собственном узком кругу. И еще, возможно, профессор Хиггинс из «Пигмалиона».

В глазах допрашиваемого метнулось удивление, которого Шульгину было достаточно.

— Садитесь, достопочтенный сэръ, и будьте как дома. Еще несколько минут, и леди Лариса сможет подать нам очень неплохое виски, сигары, а то и ростбиф, если мы ее попросим. Нет-нет, представляться друг другу будем позже, согласитесь, это немедленно к чему-то обязывает. А в среде джентльменов говорить те вещи, что я собираюсь довести до вашего сведения, как-то не принято. Посему останемся пока инкогнито, при том что вы мое имя и так знаете, а я о вашем догадываюсь...

Изобразив эту тираду, Сашка откинулся на спинку кресла, размял очередную папиросу, чисто русским движением заломил ее мундштук, затянулся с чувством собственного достоинства.

Пленник явно колебался. Шульгин отлично понимал, о чем тот думает. Русский язык его наверняка страдает хоть какими-то погрешностями, и выдавать себя за русского — заведомо обречено на неудачу, сопряженную причем с потерей лица. Но и сразу признаться в своей национальной и служебной принадлежности тоже неприемлемо для кадрового разведчика, которым он, несомненно, является.

Сашка решил ему помочь.

— Ну, если ваши принципы того требуют, я могу вам позволить минут пять поизображать из себя глухонемого или, скажем, красного интернационалиста, мадьяра или немца. Чеха не надо, у славян акцент трудный для имитации. Но не больше, свободным временем не располагаю. При недостижении соглашения в отведенный мной отрезок времени оставляю за собой право прибегнуть к нецивилизованным методам. Лариса Юрьевна, продемонстрируйте... — перешел он на русский язык.

У Шульгина имелся небольшой, но успешный опыт следовательской работы с руководителями советской ВЧК, и он решил велосипедов не изобретать.

Лариса сдернула салфетку с откидного столика рядом со своим диваном. Взгляду открылась закопченная паяльная лампа, позаимствованная у машиниста паровоза, и извлеченное из полевого телефона магнето.

— К сожалению, утюга у нас не имеется. Чем богаты, как говорится... Мне жаль использовать столь грубые доводы, но ведь это ваши нынешние друзья первыми решили вернуть Россию к раннему средневековью. Культурным людям, вроде нас с вами, они должны казаться отвратительными...

Лицо Сашкиного собеседника передернула нервная гримаса.

— Что вы от меня хотите? — спросил он по-английски.

— Уже прогресс, — обрадовался Шульгин. — Для начала полные анкетные данные, цель вашей акции, заказчики, организаторы и, по возможности, смысл происходящего. Это пока все, что меня интересует. Если за время дороги до Харькова мы достигнем полного взаимопонимания, могу обещать вам не только жизнь и свободу, но и вполне приличное вознаграждение. Если же нет — задумайтесь о том, чем в данный момент заняты ваши недавние соратники. Нет, не чем они заняты, а кто занят ими? Как медик я уверен, что могильные черви уже учуяли приятный для них запах...

Все это Шульгин говорил с располагающей, абсолютно светской улыбкой, выбирая наиболее вежливые обороты языка, время от времени поглядывая на Ларису как бы за подтверждением своих слов, а она отвечала ему равнодушным, даже сонным взглядом. Сашка подумал, что и ему от этого взгляда делается не по себе. Ночь девушка не спала и пережила сильнейшее нервное напряжение во время боя, но все-таки... Куда понятнее был бы лихорадочный блеск глаз и едва сдерживаемая истерика... Или ей на самом деле нравится такая роль?

Англичанин тоже должен был испугаться. И что-то, конечно, в душе у него шевельнулось, но апломб представителя «владычицы морей» пока заставлял его «держаться понт».

— Я не очень понимаю, о чем вы говорите. Да, я случайно оказался в качестве наблюдателя миссии Красного Креста в расположении одного из отрядов союзной вашему правительству повстанческой армии господина Махно. Однако я и понятия не имел о смысле проводимой ими операции, а уж тем более что она направлена против вооруженных сил Юга России, которым правительство его величества оказывает всестороннюю поддержку. Сожалею о случившемся недоразумении и буду вам благодарен, если вы доставите меня в расположение британской миссии в Харькове или в Москве, на ваше усмотрение...

Шульгин выслушал произнесенную твердым голосом тираду с максимально сочувственным выражением лица. Даже

покивал головой, выражая полное понимание случившегося «мисандстендинг»¹.

Протянул британцу папиросу. Поднес огонек зажигалки, далеко перегнувшись через стол. И лишь потом произнес свистящим шепотом:

— Ты меня понял? Пять минут. Пока папиросу докуришь. Можешь курить медленно, я не тороплю. Лариса, проводи джентльмена в столовую. Пусть посидит и послушает. Даже... ладно, я добрый, дай ему еще одну папиросу и рюмку водки, вдруг у меня со следующим клиентом разговор затянется...

И когда англичанин пошел к двери, Сашка вдруг подскочил, догнал как раз возле спинки дивана, тронул за локоть, приподнял край газеты.

— Заодно не забудь придумать убедительное объяснение, зачем «санитару» такое устройство. — И указал на новенькую киносъемочную камеру, будто только что с завода. К полированному деревянному корпусу снизу была пристроена сильная автомобильная фара с куском оборванного провода. — Доказательства твоим хозяевам требовались? Мой труп крупным планом?..

Со вторым пленником разговор у Шульгина вышел гораздо проще. Этому на вид было не больше тридцати, и внешность его на подозрения об особо мощном интеллекте не наводила. Этаким обычный пролетарий, выслужившийся за годы войн и революций до функционера среднего ранга. Излюбленный типаж авторов идеологически выдержанных фильмов. И тональность беседы сразу установилась доверительная. Как у белого генерала с заведомым коммунистом.

Просто и доходчиво Шульгин объяснил собеседнику суть текущего момента, бессмысленность классовой нетерпимости в их узком кругу, коли уж даже товарищ Троцкий пошел на плодотворное сотрудничество с «черным бароном», то есть незачем холопам чубов лишаться, коли паны помирились. В качестве альтернативы полюбовному соглашению предложил на выбор смерть после некоторых взаимно неприятных процедур.

— Ты же должен сообразить, «товарищ», что никакой пользы мировой революции геройская гибель таких, как ты, в паровозных топках или на виселице отнюдь не принесла.

¹ Недоразумение (англ.).

Думаешь, мне русских людей не жалко, что с вашей стороны, что с нашей? И чем все кончилось в итоге?

— Ты мне зубы не заговаривай, ваше благородие. Сегодня не получилось — завтра получится. Все равно мы вам кадык прижмем. Меня шлепнешь — другие найдутся...

— А, как же, помню, помню... Всех не перевешаешь! Да ведь зачем же всех? Сегодня вот непосредственно тебя. Что завтра будет — уже вроде тебя и не касается. А жизнь-то... у тебя одна и у меня одна. Смотри вон — за окном солнышко встало. День теплый будет, независимо, что ноябрь уже. А я вдобавок насчет мировой революции ничего спрашивать не собираюсь. Ты по мирному времени кем был-то?

То ли от желания перед смертью хоть кому-нибудь рассказать о себе, то ли по непреодоленной привычке отвечать на вопросы старших по положению и возрасту, пленный довольно подробно поведал о своей прошлой жизни. Хотя и говорил вроде бы зло, с презрением к палачу трудового народа.

— Хорошо, все это мне понятно. Обычная судьба русского человека, вообразившего, что можно разом устроить жизнь, которую и за пятьдесят лет не устроишь. Ты вот на Балтийском заводе работал, а не сообразил, что если инженера выгнать, а на его место дворника поставить, так корабли лучше и быстрее получаться не будут.

— Ты, генерал, корабль с устройством жизни не путай. Там наука, а тут главное — справедливость.

— И я о том же. Когда инженер постройкой корабля руководит — это разве не справедливо? А управление государством не наука разве? У тебя какой разряд был?

— Ну, четвертый...

— На твое место ученика поставить, он справится? А тебя на место производителя работ? Вот твои большевички и наруководили, что все три года жрать вам в РСФСРии нечего, а на белой стороне до сих пор никто с голоду не умер — ни мужики, ни рабочие, ни господа... Только я с тобой политграмотой заниматься сейчас не буду, недосуг и скучно. Ты мне сейчас быстро ответишь, кто тебя и зачем сюда прислал, что вместе с тобой, убежденным большевиком, англичанин-эксплуататор делал и кому ты о результатах захвата поезда доложить был должен? Чека московская послала, Агранов, Петерс или кто? Отвечаешь — и жить будешь, слово офицера. Нет — через полчаса тебя уже собаки под насыпью жрать станут. Начинай, я слушаю...

Послушав пару минут скучную, неизобретательную легенду «комиссара», как его назвал про себя Шульгин, специ-

ально не спросив его имени и должности, он хлопком ладони прервал допрос:

— Врать не умеешь. Значит, к неудаче и плену не готовился. Тем лучше. Оставляю тебе последний шанс. Сейчас с третьим поговорю. Потом снова с тобой. А пока хочешь — молись, хочешь — последнюю передовицу в «Правде» вспоминай. Минут десять имеешь.

Третий пленный то молчал, тупо глядя в покрытый ковром пол, то начинал оправдываться, что он только шофер автомобиля, а куда ехал и зачем, знать не знает. Это продолжалось до тех пор, пока Шульгин, посмеиваясь, не разжег паяльную лампу, ждавшую своего часа на столике, старательно отрегулировал ее пламя так, что оно стало синим и свистящим.

После первого эксперимента с допросом чекиста Вадима в московской квартире при помощи утюга он научился изображать палача с непринужденностью, которая особенно пугала его «пациентов».

— Так как, будем дальше разговаривать или приступим к пыткам? — Он стоял, широко расставив ноги, посередине салона. Поезд набрал приличную скорость, и иногда его держало так, что Сашке приходилось пружинить коленями, сохраняя равновесие. Гудящая лампа опасно колебалась в его руке.

— Уберите. Все скажу, черт с ним! Только честно пообещайте: не убьете?

— Да зачем ты мне нужен — убивать тебя? Поживешь...

Все сложилось просто, хотя и интересно. Вообще Шульгин считал, что все популярные легенды о героических большевиках и советских разведчиках, стойко умиривших под пытками, но не выдававших гайдаровских «военных тайн», — полная туфта. Во-первых, ни один человек не в состоянии выдержать по-настоящему качественных пыток, это аксиома, подтвержденная хотя бы тем, что все без исключения герои гражданских войн и революций признались во всем, что им инкриминировали ежово-бериевские следователи, а если кто вдруг и не признался, значит, от них этого не очень и требовали. А если и случались по-настоящему трагические истории, вроде как с Зоей Космодемьянской или Юрием Смирновым, так эти восемнадцатилетние дети умирали под пытками оттого, что никто и ничего у них выяснять и не собирался. На самом-то деле, что такого интересного для немцев мог знать и скрывать младший сержант

Смирнов, чтобы его пытали покруче Джордано Бруно? Просто попал в руки остервеневших садистов и умер бы в любом случае, даже сообщив им все тайны Генерального штаба.

Вот и здесь выстроилась интересная цепочка. Бывший слесарь Балтийского завода, вдохнув полной грудью запах своих усов, задымившихся от слишком близко поднесенной лампы, сообщил Шульгину, что был направлен от Югзапбюро РКП в помощь московскому товарищу, организовал ему связь с местными подпольными партийками и независимыми повстанческими группами для проведения экспроприации «золотого эшелона», на котором якобы беляки перевозят средства в Харьков и дальше, чтобы подкупать обманутый пролетариат.

«Московский товарищ», куда более грамотный и сообразительный, признался, что является агентом Особого отдела ВЧК. Выполняет специальное задание центрального руководства, заключающееся в обеспечении безопасности и оказании полного содействия «сотруднику Коминтерна», ведущему чрезвычайно секретную операцию, смысл и цель которой ему знать не доверили. Однако за минувшие две недели они с «коминтерновцем» побывали в Харькове, Симферополе и Севастополе. «Товарищ Вальтер» больше отсиживался на конспиративных квартирах, где встречался с функционерами коммунистического подполья и советскими разведчиками, с многими — наедине. В частности, много внимания уделялось американскому пароходу. Последнее задание — подобрать исполнителей и организовать теракт на железной дороге, захватить в плен, а в крайнем случае — уничтожить белогвардейского посла, едущего в Москву, чтобы чинить там разложение среди отступившихся от ленинских идей предателей.

И под запал назвал несколько фамилий работников центрального аппарата, ставивших перед ним боевую задачу. На взгляд чекиста — малозначительных. И заодно проговорился, по недомыслию или в стремлении набить себе цену, что за последнее время таких вот «товарищей из Коминтерна» на Лубянке появилось довольно много. Очевидно, по причине резкого падения революционной активности европейского пролетариата.

В мелкие подробности Шульгин поначалу вроде бы не вникал.

Тонкость его тактики заключалась в том, что он все время держал на столе включенный магнитофон, давал своим подследственным получасовые передышки, внимательно прослушивал записи, потом формулировал новые вопросы.

А «пациентов» в это время оставлял под присмотром Ларисы, которая совершенно ничего плохого с ними не делала, только листала модные журналы, подправляла пилочкой ногти и время от времени бросала на очередного поднадзорного внимательные, оценивающие взгляды. Рядом с ней на столике лежал длинновольный пистолет с глушителем.

На них это действовало, пусть и по разным причинам.

Англичанин, который мог быть каким-то аналогом Сиднея Рейли или Локкарта, быстренько сообразил, что, признав перед известным ему генералом Шульгиным, который на самом деле был кем-то совсем другим, свой внешнеполитический статус, он может рассчитывать на применение к нему цивилизованных норм обращения с иностранными представителями, и начал давать информацию, пусть и весьма дозированной для начала.

Тут Шульгин пошел на второй круг. Оставив за кадром подпольщика-пролетария, он основное внимание обратил на москвича-чекиста. В портативном ноутбуке имелось достаточно информации, подготовленной совместно с Берестиным и Левашовым. То есть по двум-трем названным фамилиям сотрудников ВЧК Сашка свободно вычислил всю цепочку, которая, как он и ожидал, замкнулась на Михаиле Трилиссере.

Неожиданности здесь не было. Даже наоборот. Шульгин снова пригласил к столу москвича и на том самом листе чистой бумаги нарисовал ему схему операции. Внизу крестиком обозначил самого пленника, а сверху, через длинную лестницу стрелок и квадратов, большой круг с пресловутой фамилией.

— Вот так вот, парень. Ты еще и на дело не пошел, а нам уже все доложили. С самого верха. Отчего мы вас и приловили. И за кого ты головой рисковал? Под сотню человек ты собрал, и где они все? Под насыпью гниют? Так что начинай вспоминать мелкие подробности. Кто кому что говорил, дословно, с первой секунды, когда тебя в операцию ввели, и до нынешнего момента. Чтобы, когда с тобой настоящие специалисты работать будут, ты не сбивался и не путался. Я-то тебе почти верю, а они добросовестные ошибки могут за хитрую игру принять.

С англичанином Шульгин говорил чуть иначе, но используя ту же схему. Сначала изложил ему очередную порцию полученных фактов плюс некоторые собственные умозаключения, потом задал ряд вопросов, сопроводив их следующими словами:

— Исходя из вашего знания русского языка вы и подробности нашей истории знать должны. Византия, абсолютная Византия, о чем я сам лично глубоко сожалею, являясь поклонником Чаадаева, кстати, если это имя вам о чем-то говорит. Желал бы общаться на европейском уровне со всеми там «Хабеас корпусами» и прочими незыблемыми правами личности. Увы, не могу. Вольно же вам, просвещенным мореплавателям, было лезть в наши варварские дела. Посему так. До Москвы, где вы могли бы рассчитывать на признание самого факта вашего существования, больше тысячи миль. Среднестатистическая же могила занимает... ну... два с половиной ярда. Из этой пропорции можете вычислить свои шансы. Поэтому предлагаю в последний раз — на вот этом чистом листе начинайте рисовать табличку. С самого начала. Когда по России специализироваться начали, какую работу и где выполняли, с чего данная операция началась, с кем ее отработывали в деталях, кто и как обеспечивал, отдельно в РСФСР, отдельно на белой территории... Нарисуйте — может, еще и на сафари съездим, в мое имение под Найроби, там у меня тысячи полторы квадратных миль... Да и заработать можете прилично, на спокойную старость хватит. А уж если нет, так нет, мистер Роулинсон...

Отпустив пленников для короткого отдыха под присмотром весьма к ним не расположенных офицеров, Шульгин пригласил на обед командира конвоя. Капитан пришел, подтвердив свое светское воспитание, то есть переодевшись в царскую форму вместо измазанного и грязного камуфляжа. Одно время он служил старшим адъютантом бывшего наследника престола великого князя Михаила Александровича в бытность его начальником Дикой дивизии. И крайне был поражен, узнав обстановку вагона, в котором ранее бывал неоднократно. Сашка в очередной раз подивился странному пересечению человеческих и вещных судеб.

Выпили, помянув погибших. Без аппетита закусили, налили по второй: «Чтобы пуля не успела пролететь».

Капитан был одним из тех офицеров, что ходили с Шульгиным и Новиковым в Москву еще в сентябре. Поэтому Сашка разговаривал с ним доверительно:

— Валентин Андреевич, мы с тобой вот что сделаем — сочтем меня убитым. Так надо для дальнейшего. К сожалению, не так много осталось людей, которым придется внушить эту мысль. Но внушить нужно отчетливо. Вопрос жиз-

ненный. На вокзал приедем в достаточно убедительном виде. Нас встретят, подготовят гробы и прочее. Торжественные похороны. Ни слова о пленных. Меня вы пока больше не увидите. Поедете на отдых в Крым...

— Простите, Александр Иванович, я все понял. Только без Крыма. По любой легенде, но мы лучше с вами. Сами должны понять, какой нам теперь отдых...

— Хорошо, Валентин. Спасибо. Это мы сообразим. Но в любом случае меня больше не существует. Вот Лариса Юрьевна на похоронах поплачет. А там видно будет... И вот еще что. За пару перегонов до Харькова на удобной платформе вы сгрузите мой автомобиль, и остаток пути я проделаю самостоятельно. Думаю, так будет лучше. А на моем вагоне тоже стекла побейте...

...Наконец они с Ларисой вновь остались одни. Пленных увели для отсидки в специальное купе в офицерском вагоне, причем Шульгин распорядился установить и включить в нем магнитофон. Пусть побеседуют друг с другом на досуге. Глядишь, скажут что-нибудь, что пригодится в дальнейших работах.

— Господи, как я устала! — сказала девушка, проводя рукой по лицу. — Поражаюсь на тебя. Неутомимый какой-то. А у меня все это вызывает жуткое омерзение и желание отключиться. Хотя бы на сутки. Не видеть, не думать, не помнить...

— Нет проблем. Столько мы и будем ехать. Сейчас позвоню капитану, чтобы не превышал скорость сорок и в Борках или Мерефе стал в отстой, пока не прикажу... Кофе приготовить?

— Даже не знаю. Душ, рюмку коньяку и в постель — вот этого хочу безусловно.

Она потянулась, выгибая узкую спину. Шульгин вдруг вновь ощутил острое желание обладать ею. То, что влекло его к Ларисе, проявилось сейчас с еще большей силой. Или возбуждающе действовали пережитый страх смерти и то нервное напряжение, что он испытал во время допросов?

— Хорошо. Иди в душ, а остальное я приготовлю.

— Нет-нет, не надейся, я сразу спать... — поняла она Сашкино настроение.

Шульгин ничего не ответил. Для чего ненужные споры с женщиной? Только вот походочка, которой она пересекала салон, внушила ему некоторые сомнения. Зачем бы так не-

навязчиво демонстрировать умение поигрывать бедрами всего лишь на шести метрах вагонного пространства?

Еще за тонкой стенкой шумели тугие струи воды, а Сашка уже принес кофе в ее купе и торопливо проглотил большую рюмку, чтобы удержаться в бодром состоянии. Тоже ведь вторые сутки на ногах, не считая короткого полусна. Высосал дольку лимона, а покурить вышел в коридор, оставив дверь приоткрытой. В расчете он не ошибся. Лариса выскользнула из душевой, обернутая в махровое полотенце, села на край своей полки. Увидела накрытый стол. И, наверное, подумала, что Шульгин всерьез принял ее слова, а то и просто, обессилев, отправился спать. Тем же торопливым движением, что и сам Сашка, она опрокинула стопку коньяку, глубоко вдохнула носом и выдохнула ртом.

«Умеет пить девочка, а целый год притворялась», — подумал Шульгин, выбрасывая окурочек и входя в купе.

— Ты еще здесь? — наклонила она голову и капризно оттопырила нижнюю губу.

— Где же мне еще быть? — В вагоне снова было почти темно из-за опущенных плотных штор.

— Я же сказала: ничего не хочу, иди к себе...

— Хорошо, пойду, — легко согласился Шульгин. Он и вправду понял, что лучше всего будет поспать в одиночестве.

...Вот обо всем этом, только гораздо короче и без интимных подробностей, естественно, и рассказал Шульгин в кабинете Берестина, когда проводили Слащева и остались своим кругом — Алексей, Шульгин, Басманов и Лариса. Затем Сашка подробно изложил и свои планы на будущее.

— Ты, Леша, завтра организуй во всех подконтрольных тебе газетах заметочки, как гнусные бандиты напали на поезд, в котором следовал в Москву вновь назначенный посол, то есть я. О жутком бое и геройской гибели его защитников. Особо акцентируй внимание на подвиге поручика Нелидова. Следует немедленно наградить его посмертно Георгием, устроить торжественные похороны с участием войск гарнизона. И обо мне некролог набросайте. Мол, боевой офицер и дипломат, горячий сторонник мира на российской земле, павший жертвой бандитов как раз тогда, когда вез в Москву новые предложения о достижении гражданского согласия и взаимовыгодного сотрудничества... Ладно, это я сам распишу. А ты, Михаил Федорович, — обратился он к Басманову, — подготовь мне взвод самых лучших наших бойцов. В основном из московского отряда. Причем поровну класс-

ных боевиков и ребят, пригодных для агентурной работы. Я намереваюсь затеять очень крутую игру. На самом высоком уровне. Главным координатором будет Лариса Юрьевна... — Он указал на нее, и Лариса, совсем такого не ожидавшая, даже подскочила возмущенно со стула, однако тут же опустилась обратно и ухитрилась ничего резкого не сказать в ответ. Сообразила, однако.

Еще минут двадцать Шульгин объяснял друзьям свой замысел. Достаточно грандиозный, охватывающий почти всю правящую верхушку РСФСР и еще половину цивилизованного мира.

— Ты не боишься, Саша, втянуть нас в новую мировую войну? — спросил стратегически мыслящий Берестин.

— Скорее наоборот, только так мы от мировой войны сможем удержаться. Сведя ее к серии молниеносных локальных операций. Да и то если наши оппоненты вовремя не одумаются.

— А вы не позволите мне, Александр Иванович, — вежливо и бесстрастно спросил Басманов, — лично возглавить затребованный вами взвод? Что-то мне хочется с вами вместе заняться большой политикой...

— А как же управление? Я надеялся, что вы в ближайшее время организуете его на манер четвертого управления РСХА.

С тех пор как Басманов зарекомендовал себя человеком умным и абсолютно преданным, Шульгин позволял ему смотреть многие фильмы из видеотеки, в том числе и «Семнадцать мгновений весны». Ничего там, кстати, не было такого, чего не мог понять человек, живший на четверть века раньше. Это вот как наши герои, будучи молодыми, думали в шестидесятом, скажем, году, что в восемьдесят пятом жизнь будет ужасно непохожая, как у Струтацких будущее в «Пути на Амальтею». А дожили и увидели, что ничего особенного. Только товаров в магазинах поменьше и телевизоры чуть лучше качеством. Так и немцы сорок пятого года не показались Басманову чем-то принципиально отличными от таковых же года семнадцатого.

— С этой ролью полковник Суторин куда лучше меня справится. Кадровую структуру нарисует, людей наберет, спецподготовку наладит. Особенно если капитан Воронцов своих инструкторов сюда пришлет. Тогда через месяц и тысячу человек до нужной квалификации подготовить можно. А я лучше практической работой займусь, ей-богу...

На том и сошлись.

— А ты еще, Алексей, радируй Воронцову в Севастополь,

что времена резко посуровели, пусть объявит для себя готовность номер один. Что на меня напали — это просто эпизод. За него возьмутся немедленно и еще круче. Да и сам поостерегись. Нам еще для себя пожить бы надо...

ГЛАВА 8

Снова, как и в сентябре, Шульгину пришлось проникать в Москву нелегально. Хотя совсем недавно он мечтал въехать в нее торжественно, в качестве полномочного посла. Ну, значит, неправильные были у него мысли, ибо все в жизни точно так, как в учебниках химии сказано: процесс идет лишь в пределах существующих законов и никак иначе.

Ставший уже для него привычным образ старичка-интеллигента он дополнил еще окладистой бородой — на случай, если кто-нибудь из уцелевших чекистов запомнил облик земского врача, учинившего жестокое побоище на Николаевском вокзале. И теперь Сашка выглядел скорее похожим на купца-старовера в длинной поддевке и суконном картузе, опирающегося на суковатую лакированную трость, внутри которой скрывался гладкоствольный пятизарядный штуцер, стреляющий картечью.

По ранее отработанной схеме тридцать человек группы Басманова, рассредоточившись по всему поезду, прибыли на Курский вокзал. Половина отправилась на хитровскую квартиру, где их не успели забыть и где на хозяйстве оставался поручик Рудников, еще часть — в Новодевичий монастырь. А Шульгин, Басманов, Лариса и еще четверо человек поехали в Столешников переулок.

Некоторые ухищрения потребовалось предпринять Шульгину, чтобы провести своих людей в квартиру, не существующую в данной реальности. То есть сначала подняться на площадку третьего этажа, освещенную цветными пятнами проходящих через причудливые витражи солнечных лучей, убедиться, что нет поблизости чужих любопытных глаз, вновь не без внутренней нервной дрожи превратить ободранную, с лохмотьями рогожи и торчащей из-под нее пакли дверь в щеголеватую, обитую блестящей натуральной кожей с фарфоровыми гвоздиками и суметь открыть ее и только потом условным свистом позвать своих офицеров.

Никто из них, включая Ларису, здесь еще не был. Коекому просторная пятикомнатная квартира, обставленная со вкусом высокопоставленного партийного чиновника пятиде-

сятых годов, напомнила аналогичные дореволюционные, еще некоторым офицерам скромного происхождения она показала верхом роскоши и комфорта. По привычке удобно устраиваться везде, куда приведет фронтовая судьба, они расположились в указанных Шульгиным комнатах, принялись варить на газовой плите гречневую кашу из прессованных пакетов, кипятить большой шестилитровый чайник и разводить водопроводной водой чистый медицинский спирт, предоставив своим командирам решать вопросы высокой политики.

Пока готовился солдатский ужин, в обширной ванной комнате, неизвестно из какого межвременного континуума снабжаемой горячей водой, офицеры стирали портянки и брызлись сразу второем перед круглым, на полстены, зеркалом.

Лариса уединилась в маленькой спальне, примыкающей к гардеробной комнате, а Шульгин, Басманов и еще один офицер остались в гостиной.

Штаб-ротмистр Кирсанов, предложенный Басмановым на должность руководителя специальной опергруппы, был мужчиной импозантным. Войны и революции украсили его лицо несколькими шрамами, походная жизнь — несходящим темным загаром, на фоне которого особенно ярко выделялись сизо-стальные глаза и почти белые волосы. Еще он имел высокий лоб, тонкие, обычно плотно сжатые губы, гвардейский рост, плечи гимнаста и талию балерины, а вдобавок тихий голос левитановского тембра. Короче, Шульгину Кирсанов был мало симпатичен как раз в силу своих чересчур выразительных внешних данных, но по службе он к нему претензий не имел. Квалификация у ротмистра была тем более подходящая — кадровый жандармский офицер, в мировую войну служил в разведке Генштаба, у Корнилова — начальником личной контрразведки.

Шульгин сидел, посасывая сигару, и смотрел на вторую пуговицу потертого сюртука, в который был одет Кирсанов, а тот словно и не чувствовал этого взгляда. Как будто был в комнате совсем один. Сидел, чуть покачивая носком тяжелого юфтевого сапога, и видно было, что спокойствие его не напускное, что ему вполне серьезно наплевать, каким взглядом рассматривает его генерал по званию и чуть ли не великий князь по положению Александр Иванович Шульгин.

Действительно профессионал, умевший, подобно камышовому коту, сохранять абсолютное безразличие ко всему, что его в данный момент непосредственно не касалось.

— Вы, ротмистр, — решил чуть осадить его Сашка, — не

считите за труд, принесите вон из шкафчика рюмочки и бутылку на ваш вкус. Разговор у нас будет долгий. И пиджачок снимите, жарковато здесь.

Пока Кирсанов невозмутимо и даже с энтузиазмом исполнял поручение, Шульгин с Басмановым обменялись взглядами. Полковник приподнял бровь: мол, зачем вы так? А Сашка кивнул успокаивающе: знаю, что делаю.

Шульгин подождал, пока ротмистр принес заказанное. Выбор его был тонок: из десятка бутылок разнообразных коньяков, виски и ликеров он выбрал самое нейтральное — «Московскую».

— Ваша профессия нам известна, Павел Васильевич, — сказал Шульгин, — и мы возлагаем на вас особые надежды. Так уж обстановка складывается. Политические условия в Москве сейчас сложные. С одной стороны, самые высокопоставленные сотрудники ВЧК и большевистского Центрального Комитета являются как бы нашими завербованными агентами, с другой — кое-кто из них затеял самостоятельную, против нас направленную игру, а кроме того, у меня имеется пленный английский разведчик, представляющий неизвестно чьи интересы.

В глазах жандарма мелькнул огонек заинтересованности.

— Вот мне и желательно, чтобы вы взяли на себя всю техническую сторону этой задачи. То есть я буду сидеть здесь, как паук в центре паутины, и лелеять коварные замыслы, а вы будете организовывать действия нашей агентуры, осуществлять слежку за нужными объектами, устраивать конспиративные квартиры, в случае необходимости производить ликвидации и делать прочую грязную работу. Как, справитесь?

— Особых сложностей не вижу, однако хотелось бы представить задачу более отчетливо...

— В свое время. Отчетливо я ее пока и сам не вижу. Информации не хватает. Поэтому... — Шульгин задумался, вертя в пальцах рюмку, из которой так и не отпил ни капли. — Поэтому вы сегодня отдохнете, впрок, поскольку потом будет много бессонных дней и ночей, утром поедете по указанному мной адресу, с помощью проживающего там человека легализуетесь, а дальше... Я хочу, чтобы вы совершенно независимо от остальных наших дел размотали всю подноготную нашего иностранного «клиента». Там должно открыться очень много интересного. В вашем распоряжении будут любые средства, но очень ограниченное время и небольшое количество верных людей. Человек пять мы вам можем выделить, да, Михаил Федорович?

— Как скажете, Александр Иванович. Для отдельных операций можно и весь взвод подключать, а так...

— Благодарю, господа, — чуть заметно приподнял уголки рта Кирсанов. — Если мне будет позволено, агентурой я себя и сам обеспечу, мне бы исходной информации побольше.

— А вот это я вам и собираюсь рассказать. Завтра все дополнительные сведения вы получите от «языка». Он хоть и служит в «Интеллидженс сервис», но задачи выполняет, явно выходящие за пределы компетенции этой организации. Ночью он должен быть доставлен на квартиру к Рудникову. Если нужно, поручик тоже поступит в ваше распоряжение.

— Приму с удовольствием. Виктор для работы в Москве человек незаменимый.

— Решено. А теперь слушайте, история это длинная и запутанная...

Только около полуночи Сашка отпустил собеседников и тоже решил отдохнуть. Постелил себе на диване, включил тихую музыку и закурил, погасив свет, последнюю в этот день сигарету.

Шульгину заранее нравилось то, чем ему сейчас придется заняться. Все потусторонние проблемы, загадки пришельцев и отношения с Галактическим разумом как бы отступили на второй и третий планы. Возникла конкретная задача — выяснить, какую цель преследует Трилиссер, а может быть, и Агранов, предавая своих благодетелей, насколько их инициатива согласована с Троцким или это самостоятельность, желание, достигнув ключевых постов в ВЧК и правительстве, избавиться от людей, по отношению к которым они оставались наемными агентами. Пока неясно было, на что рассчитывали новые хозяева Лубянки — надеялись, что их роль в организации акции против Шульгина останется неизвестной, или наметили ликвидировать всех «американцев», а может быть, и Врангеля, а то и самого Троцкого почти одновременно. И какую судьбу следует теперь Агранову и его друзьям определить — то ли упразднить его вообще (вместе со всеми причастными к интриге), заменив кем-то более удобным — Вадимом, например, или даже, чем черт не шутит, тем же Кирсановым, если он сумеет себя хорошо зарекомендовать? Более того, необходимо было разобраться, какие подлинные силы все же стоят за всеми бывшими и еще предстоящими покушениями, за самой Антантой, отчего-то действующей вопреки своим историческим и классовым интересам. А также выяснить, как идут дела у Левашова. Окончательно он укрепился в симпатиях к здешнему режиму (большевистскому или уже троцкистско-бухарин-

скому?) или, наоборот, успел пересмотреть свои взгляды? Да и не стал ли он, незаметно для себя, марионеткой в руках куда более опытных политиков, сам того не понимая? Вот тут и пригодится по-настоящему Лариса с ее недюжинными способностями и опытом общения с высокой партийной властью.

Обширнейшее поле для приложения своих умственных способностей и навыков «бойца невидимого фронта».

«Вообще-то нужно позвонить Олегу, — думал он уже в полудреме. — Сообщить о нашем прибытии. Удивительно, как Лариса не сделала этого сразу? На самом деле так устала за дорогу? Или утратила интерес к своему другу? Впрочем, зная ее натуру, можно допустить, что она рассудила чисто рационалистически. Зачем беспокоить человека, заставляя его нервничать, мчаться сюда через половину ночного города, в квартиру, полную чужих людей? Или ехать к нему самой, принимать торопливые ласки соскучившегося мужика... И завтра он свое получит. Ей же нужны эти лишние сутки, чтобы отключиться от того, что было в дороге, как бы забыть об этом, а уже потом обниматься с Олегом, изображая измученную долгой разлукой невесту...

Потому и я звонить сейчас не буду. С утра пораньше, пока он не успеет убежать по своим посольским делам...

Так все и сделали. Еще до солнца, когда обложившие небо тучи только-только стали обретать объемность и цвет, подкрасившись с востока розовыми тонами, подчеркнувшими их громоздкую мрачную многоэтажность, Ястребов сбегал в Самарский переулок, где во дворе его тетюшки хранился оставленный после сентябрьского рейда «Додж». Сашкина «Испано-Суиза» модели 1927 года, один из красивейших по дизайну автомобилей XX века (сам Сальвадор Дали на такой ездил) да еще с двухсотсильным многотопливным двигателем, оказалась, к сожалению, безнадежно побита пулями бандитов. Надо было и для нее бронированный вагон приготовить, а так пришлось оставить машину в Харькове. Ровно в восемь «Додж» стоял у подъезда.

Проживание в удобной квартире имело и негативную сторону. Каждый раз, выходя на лестницу, следовало быть настороже, чтобы не оказаться случайно в одном пространстве с обитателями параллельно существующих здесь же «нормальных» квартир. Или даже рядом. Появление бук-

важно ниоткуда посторонних людей могло вызвать у жильцов совсем ненужный ажиотаж.

Механизма сосуществования базовой квартиры в одном объеме с неизвестным количеством ее аналогов Шульгин так до конца и не понял. Если, как объясняла Ирина, они движутся в потоке времени синфазно, разделенные каким-то постоянным промежутком в N секунд или лет, то все равно ведь наложение должно происходить, только совпадать будут разные точки реальностей. Их утро совпадать с нашим вечером, грубо говоря, или наоборот. А если сдвиг не вдоль, а поперек вектора? Тогда будет иметь место просто другой парадокс — совмещение в одной точке и пространства, и времени двух параллельных реальностей, что тоже невозможно, исходя из утверждений Антона. Именно этим он мотивировал невозможность вернуться в собственный восемьдесят четвертый год, который они так опрометчиво покинули. Если только... Сашка даже не пытался изучать теоретические основы хронофизики, но, руководствуясь здравым смыслом, позволил себе предположить: такое взаимопроникновение миров возможно, если реальности вообразить в виде многожильного, скрученного по оси кабеля. И там, где изоляция повреждена, происходит замыкание. Поток электронов в случае кабеля или людей и предметов в «нормальной жизни» через пробой перетекает в соседний провод и движется по нему до очередной точки замыкания. Всего такая теория тоже не объясняла, но по крайней мере создавала иллюзию понимания.

За этими научными размышлениями он и не заметил, как доехали до места. Ему здешняя Москва была уже не новинку, дорогу он знал и машину вел автоматически, выбирая только более-менее ровные места на исковерканном булыжнике переулков, а Лариса, впервые увидевшая родной город в столь экзотической ипостаси, глядела во все глаза, издавая иногда удивленные восклицания и уподобляясь своими вопросами Алеше-Почемучке из книги Житкова «Что я видел».

Левашову советская власть предоставила двухэтажный особняк в стиле «модерн» на углу Сивцева Вражка и Гоголевского бульвара. Чугунная ограда с растительным орнаментом, массивное каменное крыльцо, асимметрично расположенные окна, прямоугольные, полукруглые и овальные, стены обložены кремовым кафелем, в простенках второго этажа — мозаичные фрески.

— Во, приданое какое тебе Олег приготовил, — съязвил Шульгин, когда они поднялись по ступенькам и Сашка нада-

вил фарфоровую кнопку звонка. — Сейчас нам откроет ливрейный лакей и заявит, что барин нонче не принимают...

Однако открыл сам Левашов, еще небритый, в наброшенной на плечи домашней байковой куртке.

Сначала он увидел Ларису, сделал движение, чтобы тут же заключить ее в объятия, от которых она аккуратно уклонилась, и на первый план выставила Шульгина, при виде которого у Олега натурально отвисла челюсть и округлились глаза.

— Ты... это... живой, да? — Он схватил друга за руку, не то чтобы просто позвать, не то чтобы убедиться в его материальности.

— Что с тобой? — удивился Шульгин и тут же сообразил. Московские газеты наверняка перепечатали сообщение из белогвардейских только вчера или даже сегодня. А связаться с Берестинным или Воронцовым Олег еще не успел.

— Ладно, заходите, заходите... — Левашов втянул их в прихожую и запер дверь. — Везде же написали: погиб при нападении на поезд полномочный посол, направлялся для вступления в должность, торжественные похороны в Харькове...

— Тебе сколько раз нужно Пруткова перечитать, чтобы усвоить: «Не всему написанному верь»? — Лариса в совершенстве владела принятым между друзьями стилем общения.

— Ладно тебе, — остановил ее Шульгин. Состояние Левашова он понимал лучше нее. — Действительно, была там заварушка, пострелять пришлось, и погибшие были, а насчет меня... Для пользы дела. Игра вступает в новую фазу. Веди нас куда-нибудь, где спокойно поговорить можно. Ты здесь один?

— Пока один. А попозже начнут посетители появляться. Я, к собственному удивлению, довольно активно в политическую жизнь вписался...

Внутри особняк был еще шикарнее, чем снаружи. Наверх вела беломраморная спиральная лестница с розоватыми деревянными перилами, вырезанными так, что они казались сделанными из подтаявшего воска. Площадки украшали высокие цветные витражи. Сводчатый потолок холла на втором этаже подпирали цилиндрические колонны бордового лабрадора. Среди пальм в фарфоровых кадках в продуманном беспорядке были расставлены кожаные кресла. Но все равно ощущалось какое-то запустение. Этому способствовали знобкий сыроватый воздух и запах застарелого табачного перегара.

— Недурно, совсем недурно, — приговаривал Шульгин, осматриваясь. — Только у тебя что, совсем не топят? И лавки бы нанять следовало, живешь, как на вокзале. Ну ничего, хозяйка появилась, она у тебя порядок наведет. И охрану немедленно нужно организовать, мало тебе Севастополя?

— И вправду, не топят. У меня в кабинете голландка есть, ею и греюсь, когда работаю, или камин вечером разжигаю. А чтобы все прогреть, машину дров каждый день нужно...

— Все обеспечим. И сейчас же человек пять басмановских ребят сюда вызову. Я с собой аж тридцать орлов привез. И им веселее здесь будет, чем на Хитровке, и нам спокойнее. Удивляюсь, как тебя до сих пор не грохнули, просто от нечего делать. Как Мирбаха...

Пока Левашов повел Ларису показывать комнаты, чтобы выбрала себе подходящую и, как подозревал Сашка, насколько пообниматься всласть, если не более, он разжег небольшой аккуратный камин с давно не чищенными решетками и похожей на древнерусский щит сдвижной бронзовой заслонкой. Связался с операционной базой, расположенной в знаменитом бандитском притоне, и пригласил к рации Рудникова. Поручик газет не читал, хотя до войны сам трудился репортером в «Ведомостях московского градоначальства», но, услышав голос Шульгина, чрезвычайно обрадовался. Несмотря на совершенно уголовную внешность, поручик был человеком сентиментальным и привязчивым.

— Все сделаем сей момент, Александр Иванович. Да я и сам подъеду, это ж сколько мы с вами не виделись... Докладываю, кстати: ребята, что вчера прибыли, размещены, приступили к несению службы. Людишки, ими доставленные, как вы и распорядились, посажены под замок, порознь. Полковник тоже на связь выходил, распоряжений никаких не отдал.

— Хорошо, Виктор Петрович, приезжайте, буду рад. Часа хватит? Вот через час и приезжайте...

Левашов с Ларисой появились минут через двадцать, и по их лицам Шульгин понял, что не ошибся. Губы у девушки припухли и глаза блестели, а Олег выглядел утомленным и совершенно счастливым.

«Ну и слава богу», — подумал Сашка. Больше всего он остерегался возникновения прочного треугольника. Но Лариса, кажется, не обманула, пообещав считать дорожное приключение лишь не стоящим внимания эпизодом.

— Присаживайтесь, голубки, — с отеческой усмешкой сказал Шульгин. — Скоро Рудников с охраной приедет, и я

буду спокоен за вашу безопасность и благополучие, и еще я позвонил Ястребову, чтобы его тетушка у себя на улице подыскала парочку надежных женщин средних лет, — при этом он подмигнул Ларисе, — на должности кухарки и горничной. Такой домик следует содержать *comme il faut*¹. А теперь докладывай общественно-политическую ситуацию. И тащи коньяк, если есть.

Огонь в камине уже пылал вовсю, волны теплого воздуха вытесняли из холла на лестницу промозглую сырость, а алые блики оживляли своей игрой мутный свет пасмурного утра.

Лариса устроилась с ногами в кресле поближе к огню и приготовилась слушать, грея пальцы о фарфоровую кружку со сдобренным доброй порцией коньяка кофе.

Обстановка в столице Советской России, как ее описывал и представлял Олег, внешне выглядела спокойной и даже благополучной. Согласно негласному договору, заключенному с Троцким перед подписанием мирного договора, Левашов получил статус как бы представителя американских внепартийных социалистов, сочувствующих коммунистическому эксперименту в России. Новиков в свое время долго вкручивал новоиспеченному председателю Совнаркома, что они и вообще-то вмешались в ход гражданской войны только оттого, что, будучи убежденными демократами плехановского толка, не могли терпеть жестокой братоубийственной войны между столь близкими по убеждениям политическими группировками, как врангелевская и, условно говоря, троцкистско-бухаринская. Андрею пришлось долго играть словами и понятиями, цитировать то Маркса, то Ленина — дореволюционного, Плеханова, Каутского, Бернштейна и труды самого Троцкого, написанные на десятилетие позже. Без ссылок на автора, разумеется. Не зря он в свое время обучался на спецкурсе при журфаке МГИМО и до одурения конспектировал и заучивал первоисточники наряду с «Критикой буржуазных политических теорий».

В итоге Лев Давыдович согласился (или умело сделал вид), что в обмен на солидную материальную помощь и гарантию ненападения со стороны Югославии можно будет, в параллель с Коминтерном, учредить в Москве представительство «идейно близкого» ревизионистского движения. Вообще-то Новиков подразумевал, что миссия Левашова будет играть роль теневого посольства с функциями, близкими

¹ В соответствии со светскими приличиями (фр.).

к таковым у представительств США в банановых республиках эпохи «холодной войны». Хотя вслух об этом не говорилось. Первый месяц работы Левашова давал основания считать, что свои обязательства Троцкий выполняет. А что ему оставалось делать? Получив в управление разрушенную трехлетней гражданской войной страну с нежизнеспособной экономикой, Красной Армией, не слишком отличающейся (за исключением десятка сравнительно дисциплинированных и боеспособных дивизий) от гигантского скопища силой мобилизованных дезертиров и идейных мародеров, то и дело вспыхивающими крестьянскими бунтами, угрозой массовых забастовок в Петрограде и зловещей тенью готовящегося Кронштадтского восстания, хитрый и куда более реалистичный, чем Ленин, политик, Троцкий понимал, что спасение сейчас в мирной передышке, новой экономической политике и еще не сформулированной стратегии игры на межимпериалистических противоречиях Запада.

Олег бывал у него почти ежедневно. Институтского образования, университета марксизма-ленинизма и постоянной работы с литературой, имеющейся в памяти компьютера, Левашову хватало, чтобы на равных дискутировать с умелым полемистом Троцким о перманентной революции и перспективах конвергенции коммунистической РСФСР и буржуазно-демократической Югославии.

Назначенный председателем Реввоенсовета, Фрунзе быстрыми темпами демобилизовывал армию, уверяя, что намерен оставить в ней не более двухсот тысяч бойцов для равномерного прикрытия южной и польской границ. Однако до Левашова доходили сведения, что где-то между Вологодой и Ярославлем формируется новая, хорошо вооруженная и укомплектованная отборным контингентом армия.

Нэп действительно был объявлен, практически дословно повторяя схему 1921 года прошлой реальности. Только политико-экономическая обстановка сейчас оказалась чуть-чуть другой. Хозяйственное оживление скоро стало заметно. Была разрешена свободная торговля, в Москве открывались частные предприятия. Сокольников готовил денежную реформу. Золота в Гохране хватало, тем более что, в отличие от Югославии, в руках Совнаркома оказались сосредоточены сокровища Эрмитажа и Оружейной палаты. И все равно Троцкий постоянно кланчил деньги. Складывалось впечатление, что он воображает, будто Врангель (то есть, конечно, Новиков) обязан был платить ему своеобразную контрибуцию, замаскированную под «братскую помощь», вроде той,

что КПСС оказывала «дружественным партиям» и «прогрессивным» режимам.

— Так в итоге тебе по-прежнему кажется, что эксперимент имеет смысл и перспективы? — спросил Шульгин.

— Даже более, чем раньше. Я надеюсь, что через год-два здесь удастся построить общество типа югославского или кадаровской Венгрии. Все преимущества социализма без его сталинских деформаций...

— Дай бог, дай бог, — с иронией протянул Шульгин.

— Да почему же нет? — возмутился Олег. — Войну мы прекратили, бессмысленный террор тоже идет на убыль. Я сейчас прорабатываю возможность полного освобождения из тюрем и концлагерей всех политзаключенных и объявления амнистии участникам вооруженной борьбы.

— Смотри, как бы не пришлось новых сажать, — вставила молчавшая до сих пор Лариса.

— Кого это?

— А тех ортодоксов-большевиков, которые начнут вооруженную борьбу против предателей революции, объединившись с таковыми же ортодоксами из белого лагеря и вообще противниками всякого мира и порядка в России...

— Это ты, Ларчик, драматизируешь...

Лариса издевательски рассмеялась.

— Уж тут меня послушай. Я как раз в этих вопросах специалист, диссертацию об антирусской дипломатии XIX века написала...

— Понял, брат? Слушай, что умные люди говорят. И вообще пора тебе штатами обзавестись, а то что за посольство из одного человека? Вообще-то я сюда на роль официального посла ехал, но, раз меня грохнули, придется тебе за двоих потрудиться...

— Так ты не собираешься об «ошибке» заявлять?

— Ни в коем случае. Пусть те, кому я мешал, радуются. Значит, Ларису мы официально назначаем статс-секретарем и твоим главным советником. Оставь возражения, торг здесь неуместен, я сейчас выступаю как официальное лицо, а не твой старый собутыльник. Еще одного человечка ты возьмешь, как это раньше называлось, «советником по культуре». Хороший парень, бывший жандарм. Днем он будет тебя с папочкой под мышкой сопровождать, а по ночам прямыми обязанностями заниматься. И это еще не все — дадим тебе человек пять секретарей и делопроизводителей, главного бухгалтеря, разумеется...

— Да ну, правда, что это вы затеяли? У нас же было приглашение — вы как знаете, а я сам по себе...

— Темпора мутантур, братец... Новые обстоятельства открываются, и шутки посему пока в сторону. Андрей пропал, опасаясь, что надолго. Враги активизируются, и мы даже не знаем, кто они на самом деле. Не исключено, что они так же враждебны твоему предполагаемому «социализму с человеческим лицом», как и нашей буржуазной демократии. Но информация мне в руки попала тревожная. Значит, нам придется работать в одном направлении. Я ведь на полном серьезе любопытствую, можно ли сделать то, что мы затеяли. Два или три процветающих российских государства с разными, но не враждебными общественными устройствами. А в перспективе и создание какой-нибудь конфедерации... Только уцелеть бы сначала... Ты, кстати, деда Удолина давно видел?

— Один раз, вскоре после вашего отъезда, — ответил удивленный напором Шульгина Олег, не нашедший, что возразить по поводу его «предложений». Он, впрочем, и раньше всегда проигрывал интеллектуальные поединки с Сашкой или Новиковым, если только они не касались чисто научных вопросов. — Он возмущался, что Андрей обещал помочь ему перебраться в Крым и ничего не сделал.

— Где вы виделись? — Шульгин насторожился.

— Он ко мне в «Метрополь» приходил... — В гостинице, превращенной во второй Дом Советов и общежитие для крупных партработников, которым не хватило квартир в Кремле, Левашов жил несколько дней, пока Троцкий не выдал ему этот особняк.

— А потом?

— Потом больше не приходил...

— Так... Еще и этим придется заниматься. — Шульгин вздохнул сокрушенно, но выглядел не столько расстроенным, сколько увлеченным масштабом стоящих перед ним задач.

— Короче, у тебя телефон здесь есть?

— Даже два.

— Скажи номера. Моя и Басманова резиденция будет в Столешниковом. Основную связь будем держать по телефону...

Это тоже было одной из загадок агтрианской базы — телефон с автоматическим набором свободно включался в московскую штекерную систему и выходил на нужный номер, минуя телефонных барышень. Парадокс того же типа, что и наличие в квартире горячего водоснабжения, газа и электричества. Каким-то образом коммуникации из шести-

десятих годов (порт, так сказать, постоянной приписки бабы) проникали и в прошлое, и в будущее.

— Я вскоре исчезну, до ночи или до завтра, а Лариса продолжит вводить тебя в курс дела. Надеюсь, скучно не будет...

Внизу затрещал звонок.

— Наверное, Рудников явился. А вообще больше никогда сам дверей не открывай. И оборудуй дом телеметрией по периметру и собачек заведи. Впрочем, это я поручику прикажу сделать... Да, чуть не забыл, сейчас при церемонии присутствуете. Я его в капитаны произведу. Столько мужик геройствовал, а все поручик на четвертом десятке...

— Подожди, — вспомнила о своей новой роли хозяйки Лариса. — Надо ж тогда и позавтракать всем вместе. У тебя вообще что в доме есть?

— Посмотри там, на кухне. Было кое-что. Мне порученец Троцкого на днях привозил...

— Нет, это я поломаю. — Не скрывая раздражения, девушка удалилась. — Черт знает что! «Не знаю», «должно быть»! Ему и килька в томате за еду сойдет...

— Порядок, братец, теперь я за тебя спокоен. Заживешь как человек...

Звонок затрещал снова, длинно и требовательно.

— Да иду, иду... Вот подчиненные пошли! Барин, может, на горшке сидит! Раззвонились... — Шульгин, не торопясь, направился вниз.

ГЛАВА 9

К исходу третьего дня пребывания на Валгалле Новиков закончил приведение дома в порядок. Конечно, восстановить в прежнем великолепии трехэтажный бревенчатый терем в стиле иллюстраций к русским сказкам художника Билибина ему было не под силу. Но сделать его пригодным для жизни он сумел. Сильвия помогала ему в полную силу, и трудно было вообразить, что целую сотню лет она жила в условиях чопорного британского высшего света, где дамы по каждому поводу падали в обморок и изображали из себя хрупкие надломленные лилии. Или, как они называются по-французски, «ненюфары».

По крайней мере, когда он с треском в спине поднимал комель сорокасантиметрового бревна, Сильвия без видимых усилий поддерживала его со своей стороны, а однажды Андрей с удивлением наблюдал, как эта дамочка выполняла

классический жим и положила бревно на место, на высоту вытянутых рук.

В результате к грядущей зиме они подготовились. Если им предстоит здесь остаться, морозы пережить смогут. Хорошо, что и Новиков, и Воронцов были любителями утренней зарядки и нарубили для разминки кубометров двадцать отличных сосновых дров. Месяца на четыре хватит.

Благодарности удостоился и Сашка Шульгин за то, что натаскал в подвалы и крюйт-камеры сотни стволов оружия и тонны всевозможных боеприпасов. В то время как Левашов удивлялся — для чего, тот отвечал: я в твою технику не верю. Вдруг сломается что — проживем, как Сайрес Смит со товарищи на острове Линкольна. Вот и случилось...

Ограда тоже была разрушена во многих местах, чинить ее у Андрея уже не было сил, зато имелось сколько хочешь гранат, и все бреши он заплел колючей проволокой, на которой развесил гирляндами «Ф-1», противотанковые «РПГ-43» и новые «РГ-79».

Еще одна радость случилась, когда утром следующего дня из леса вдруг высыпали стаей соскучившиеся без людей и вынужденные добывать пропитание самостоятельно огромные, как горбатый «Запорожец», псы — помесь ротвейлеров с московской сторожевой. Перепугав Сильвию, они кидались на плечи Новикову, оглушительно лаяли и лизали его щеки длинными красными языками.

Теперь жизнь вообще стала чудесной. Со стыдом Андрей думал, что совсем забыл про завезенных сюда еще щенками собачек, а вот они-то помнили и надеялись на возвращение блудных хозяев. И следов хищных суперкотов в усадьбе потому и не оказалось, что ее охраняли эти жуткого вида ласковые создания.

В охотку они сожрали по килограммовой банке говяжьей тушенки и разлеглись по периметру дома, подремывая, но сторожко шевеля во сне ушами.

Теперь бы только выяснить, для чего конкретно их с Сильвией сюда депортировали. Новиков специально эту тему не затрагивал. Решил понаблюдать, как аггрианка себя будет вести и не затеет ли нужный разговор первой.

Закончив ремонт дома, они начали гулять по окрестностям. С одной стороны, ему просто нравилось показывать гостям собственное необъятное имение, да и вообще нормальному мужику приятно ощущать рядом с собой красивую женщину, рисоваться перед ней лихостью, когда на плече висит двухствольный голланд-голландовский штуцер,

на пояс нож и пистолет и в любую секунду из дебрей может выскочить какой-нибудь тиранозаврус-рекс.

Однако Сильвия тоже исполняла свою сольную партию, политических разговоров не затевала, и так же, как Андрей рисовался мужественностью, она доставала его своей женственностью. Что для нее тоже было несложно. Достаточно по вечерам как бы невзначай появляться из своей комнаты в коротенькой комбинации чуть-чуть ниже пояса или работать на стройке в шортах и завязанной на животе ковбойке, из которой все время норовили выскользнуть тугие груди.

Новиков наблюдал за ее деятельностью, тщательно скрывая усмешку. Знала бы она, насколько все эти ухищрения напрасны. С тем же успехом Сильвия могла соблазнить квалифицированного гаремного зрителя с приличным стажем. Его забавляло, насколько одинаковые приемы используют женщины — хоть московские студентки, хоть английские аристократки инопланетного происхождения. Соответствующий опыт у него имелся. Не считая истории с Ириной. Когда он учился еще на втором курсе, совершенно аналогичными способами его пыталась заманить в свои сети одноклассница, дочка факультетского профессора. Девушка вполне ничего, просто планы у него тогда были другие, а в психологии Андрей и в свои двадцать лет разбирался неплохо. Слишком уж Людочке хотелось замуж, и любой опрометчивый шаг его сработал бы, как прикосновение к сыру в мышеловке. Устоял, слава богу.

Сейчас ему подобные мучения не грозили, препарат действовал надежно, и он просто считал, что проводит над Сильвией эксперимент. Что еще она придумает и как поведет себя, увидев, что клиент не клюет?

Как-то вечером, навкалывавшись, словно строители-шабашники, они сидели перекуривали на крыльце, следя за погружающейся прямо в черно-зеленый лес горбушкой здешнего светила.

— Девчонки и в Замке, и на пароходе не раз вспоминали, какая баня у вас здесь была хорошая... Истинно русская, — будто между прочим сказала Сильвия. Впрочем, мысль была вполне логически мотивированная. О чем же и спросить привыкшей к двум ваннам в день светской даме, которой после трудового дня даже просто умыться приходится из древнего рукомойника со штоком и путовичкой, а воду греть в большой кастрюле.

— А ты на корабле с ними не ходила...

— Пхе... — презрительно фыркнула Сильвия. — Обыч-

ная сауна. Лариса мне говорила про настоящую, паровую и по-черному.

— Насчет черной она малость преувеличила, хлопотное это дело, сопряженное с многими неудобствами. А белую организовать могу.

— Сейчас, — потребовала Сильвия.

— Ну, сейчас... Это топить сколько еще...

— Ничего, я помогу. Действуй...

— Да какая от тебя помощь! Ну, ладно, пойди наверх, найди в шкафах махровые простыни, чистое исподнее, потом принеси в предбанник пива, минеральной воды, чего еще хочешь, а я печкой займусь...

Ему самому тоже вдруг неудержимо захотелось как следует попариться. Удивительно, что без намека Сильвии он о таком развлечении не вспомнил. И тут же всплыла в памяти совсем другая девушка, с которой и началась первая валгалльская эпопея. Космонавтка из XXIII века Альба, будто падающая звезда появившаяся в их жизни и так же быстро исчезнувшая. Интересно, как у нее сложилась дальнейшая жизнь? Отказавшись от собственного времени, они помогли потомкам вернуться домой, хотя Альба изъявляла готовность остаться здесь. В принципе неудивительно, и в прошлом женщины, увлекшись каким-нибудь туземцем, охотно меняли цивилизованную средневековую жизнь на вигвамы американских индейцев или палатки бедуинов, если мужик их устраивал. Но каково было ему, вынужденному разрываться между уже привычной Ириной и агрессивно влюбленной Альбой? Знать бы, конечно, что до конца дней придется оставаться на Валгалле, можно было бы подумать о постепенном внедрении в жизнь цивилизованной полигамии... Девчонка-то была классная. Валькирия! Но и у Ирки тоже все более чем о'кей. Мечта Ефремова — рост 172, вайтлс 95—58—95...

Он растопил каменку, высохшие до звона дрова вспыхнули, словно sprysнутые бензином. В парилке вымел оставшиеся после тогдашних еще сеансов сухие листья. Навел порядок в комнате отдыха. Чтобы все было, как раньше, настраивал гитару. Ностальгия, что поделаешь. Первые дни на Валгалле остались в памяти как одни из лучших в жизни. Что ж, сегодня попробуем что-то из тех времен воспроизвести. Хотя вряд ли получится.

Андрей наполнил два вмурованных в печь котла водой и еще одну двухсотлитровую бочку, чтобы обливаться после парилки. Снега, к сожалению, на улице еще не было. Однако все ползли и ползли с севера низкие тучи, грозящие про-

литься потоками дождя. Под ними тоже неплохо будет освежиться, если поспеют к сроку.

Он догадывался, что его ждет еще одно испытание, только теперь прямо противоположного свойства, и настроился выдержать его с достоинством. Главное — сыграть свою роль убедительно, тогда истина откроется сама собой.

Андрей не жалел дров, тяга тоже была великолепная, и всего через час березовые стены парной уже потрескивали от сухого жара. Термометр своим столбиком подкрашенного фуксином спирта подходил к семидесяти градусам. И вода в котлах начала закипать.

Сильвия появилась в предбаннике в длинном махровом халате, волосы стягивала белая льняная косынка.

— Ну как, готово уже?

— Сейчас, минут пятнадцать-двадцать, и все... — ответил Новиков. — Я уже раз пару поддал, пусть осядет.

— Вот, а ты говорил...

— Мало ли кто чего говорит. Настраивайся...

Нахлобучив войлочный колпак, надев толстые брезентовые рукавицы, Андрей, пригибаясь, проник в жаркий, но пока еще терпимо, объем парилки, деревянным ковшом швырнул в кирпичную, тускло светящуюся нишу каменки пару литров разведенного водой пива. И бросился на пол с проворством старого солдата под внезапным огненным налетом, потому что над головой просвистела струя густого перегретого пара, способного обварить до третьей «А» степени.

Пятясь как рак, он толкнул дверь и вывалился в прохладный предбанник. Электричества у них в доме по-прежнему не было, но две керосиновые лампы с широкими, в ладонь, фитилями давали достаточно света, куда более уютного, чем яркий электрический.

Сильвия, будто не замечая, что он уже здесь, стояла спиной к двери и, не торопясь, стягивала с крутых бедер и так мало что прикрывавшие узенькие красные плавки, соблазнительно изгибая спину. Обернувшись, на секунду изобразила растерянность, улыбнулась смущенно, пожала плечами: мол, что же теперь поделаешь. Бросила скомканный кружевной лоскуток на лавку.

Андрею ничего не оставалось, как тоже раздеться. Смешно было бы не сделать этого, хотя как-то ему было не по себе. Агтрианка, став вполоборота, с недоумением смотрела, как Новиков опоясывается полотенцем.

— Возьми, — протянул он ей другое, — а то на полок не сядешь, горячо...

«Ничего, — думал он, — сейчас я позабавлюсь. Узнаешь, что у нас почем...»

— А ну, вперед! — Андрей распахнул низкую дверь и втолкнул Сильвию в тускло освещенную парную. Но, в последний момент все же пожалев, схватил за плечи и резко прижал к полу.

Раскаленный воздух, пахнувший хлебом и распаренными березовыми вениками, хлынул ей в легкие, она задохнулась и инстинктивно метнулась назад. Новикову пришлось удерживать ее силой.

— Тихо, тихо, терпи, сейчас станет легче. На вот, рукавицей прикройся, дыши через нее ртом, только неглубоко...

Постепенно пар осел, температура стала почти терпимой, и Андрей уговорил гостью подняться вверх, уложил на широкий полок и взялся за веник. Прошелся, сначала легонько, от тонких щиколоток до плеч, то похлопывая, то оглаживая, незаметно усиливая замах и силу удара. Агтрианка терпела, лишь шумно втягивала сквозь зубы горячий воздух. Решив, что ей для начала хватит, позволил спуститься вниз, окатил в предбаннике ледяной артезианской водой. Дал отдышаться, налил высокий стакан пива...

После четвертого захода, измочалив об нее веник до голых прутьев, объявил, что на сегодня достаточно.

Завернувшись в простыни, они расположились в прохладной комнате отдыха. Сильвия то и дело утирала обильно струящийся по лицу пот. Если бы не ее нечеловеческое здоровье, давно бы должна была свалиться в обморок. Это как раз и входило в план Новикова. В серебряные, с чернью чарки он налил граммов по полтораста крепкой, за шестьдесят градусов, травяной настойки. И незаметно высыпал в одну мелкий, как сахарная пудра, мгновенно растворившийся порошок. Тоже из аптечки Шульгина — средство, ускоряющее опьянение, причем без вредных для организма последствий.

— Выпьем. Без этого ритуал завершенным не считается. Еще Суворов говорил: после бани портки продай, а чарку выпей.

— Что такое портки?

— Можно сказать — джинсы или юбку, в вашем случае...

Цели он достиг: после парной и пива настойка подействовала почти мгновенно. Глаза у леди Спенсер подернулись поволокой, и язык стал заплетаться.

Теперь можно и поговорить о главном. Андрей подвинул Сильвии тарелку с тонко нарезанным балыком.

— Закусывай, и повторим...
— А может быть, хватит пока?
— Вот еще по полчарочки — и хватит. Зато спать будешь как младенец и утром встанешь другим человеком...

Вторая, кстати, прошла у нее гораздо лучше. И Андрей начал сложный, спиралеобразный разговор, подводя его сужающиеся круги к нужной теме. Браслета-гомеостата, который считал алкоголь таким же вредным для организма фактором, как стрихнин или пуля в мельхиоровой оболочке, и разлагал его на безвредные фракции в считанные минуты, сейчас, по счастью, на руке Сильвии не было. Андрей надеялся, что принятая ею доза достаточна для откровенной беседы.

Он долго, в истинно русских традициях, жаловался ей на свою бессмысленно загубленную жизнь, ругал Ирину, Сильвию, аггров вообще вкупе с форзейями, отдельно Антона, Левашова за то, что изобрел дурацкую машинку, и Берестина, который, ослепленный прелестями инопланетной бабы, незнамо зачем поперся в прошлое и запустил маховик этой дурацкой истории. Образ он выстраивал достаточно убедительный, зря, что ли, кроме специального образования имел еще и длительный опыт общения с пьяными мужиками всех общественных слоев и групп. В тех же центральноамериканских джунглях наши военные и технические специалисты, врезав текилы или пуэрториканского рома, несли такое... Стукачам не хватало пленок в магнитофонах. Да, кстати, и особысты, допеченные климатом или начальством, тоже нередко теряли самоконтроль.

Особую прелесть срежиссированному им спектаклю придавало присутствие красивой, выпившей и едва-едва прикрытой женщины. В таком случае мужики вообще выскакивают из штанов, с одной стороны, чтобы нарисоваться позффектнее, а с другой — бабам вообще плакаться на жизнь приятнее, чем мужикам. Расчувствовавшись, те и пожалеют, и приласкают... Вот и он наклонялся к ней через стол, не совсем послушной рукой пытался хватать за голые коленки и выше, глуповато хихикал иногда и заворачивал сложные матерные конструкции в духе капитана Кирдяги.

Если только Сильвия не была актрисой на порядок выше его, она вела себя совершенно так, как и полагалось в предложенных обстоятельствах. С поправкой на британскую основу менталитета. Ей бы пришлось очень тщательно следить за собой, чтобы экспромтом сыграть подобную роль.

Наконец он подошел к нужному моменту. Одной рукой

снова наполнил чарки, другой приобнял Сильвию за плечи, передвинув свой стул на ее сторону столика.

— Ой, да у меня и так голова кружится. — Со смехом она попыталась оттолкнуть поднесенную к губам чарку. — Это, конечно, будет уже лишнее, — продолжила она по-английски, и по-английски же Новиков сказал фразу, которая по-русски звучала бы совершенно невинно, а на языке чопорного Альбиона могла показаться верхом фривольности.

Она расхохоталась, словно Элиза Дулитл, и выпила, бросив опорожненную чарку на пол.

— Так вот, они все сволочи, — заплетающимся языком выговорил Андрей, — а ты тоже такая, как они? — И полез рукой под обмотанную вокруг бедер простыню. — Для чего ты меня сюда притащила? Я лучше бы послал к той самой матери все ваши межпланетные дела и уехал на пароходе к далеким Соломоновым островам, вот бы там мы с тобой и... ну, это самое... вволю.

— Там бы и Ирина с нами была. А я ее терпеть не могу. Предательница и тебя у меня отбивает. А как раз здесь нам никто не помешает...

— Там тоже никто бы не помешал. А вы обе были бы моими любимыми женами. И еще таитяночек в компанию бы взяли... Ваши инопланетные правила многоженство допускают? — Андрей икнул и снова захохотал.

— Наши правила вообще ничего такого не допускают, потому нам так на Земле и нравится...

— О, как здорово! Вы все от природы лесбиянки?

— Еще хуже. Как пчелы — вообще бесполые все. Правда, интересно?

— Во даете!.. Бесполые, но все равно женского рода Изыск! Так в натуре, зачем ты меня на Валгаллу затащила? Трахаться? Запросто. А надолго? У меня дела на Земле...

— Если бы... Этим у меня на вилле куда проще было заняться. А почему ты там не захотел? Я неправильно себя вела? Нужно было из себя, наоборот, недотрогу изобразить такую вот? — Сильвия выпрямилась, опираясь на подлокотник, гордым вздергиванием подбородка и жестом римского патриция, запахивающего тогу, попыталась изобразить нечто возвышенно-недоступное, но ее качнуло, и она почти упала на подлокотник плетеного кресла.

— Нормально ты себя вела... Так чего ради потребовалось сюда тащиться?

— А и вправду — зачем? — Она насупила лоб. — Мы с тобой разговаривали... О чем мы разговаривали?

— Да о многом. Об Антоне в том числе и о его хозяевах... Не помню, в общем...

— Вот! — Сильвия многозначительно подняла палец. — Я получила приказ. По суперментальной связи. Мне было велено убедить тебя отправиться со мной на Таорэру, чтобы здесь ты наконец понял свою роль в раскладе мировых сил и начал жить и действовать в соответствии со своим предназначением, а не по правилам случайного для тебя общества... Маугли... Ты про Маугли у Киплинга читал?

— Не-а... Только мультфильм видел. Интере-есный...

— Глупый. — Сильвия погладила его по голове. — Надо прочитать. Но это как-нибудь потом. Нас сюда пригласили такие... такие... — Она зашевелила пальцами в поисках подходящего слова.

— Инстанции? — подсказал Новиков.

— Ну, вроде этого. Как если бы русский царь потребовал к себе сельского урядника для отчета о проделанной работе...

— Круто. А мне, кстати, плевать на любые Инстанции. Они для меня... никто. — И он снова полез к Сильвии за пазуху. Не испытав при этом никакого удовольствия. Гарантированная безопасность имеет и свои недостатки. А вот Сильвия сочла это за долгожданный знак и тут же попыталась на этом прекратить утомительный в ее состоянии разговор и перейти к дальнейшим вытекающим из этого жестам действиям. Сбросила халат, с трудом встала и сделала попытку увлечь Андрея за руку к кушетке. Еле он сумел усадить ее на место.

«Нет, неужели ее действительно так развезло, что не соображает? Или все же играет? Да ну, организм-то у нее человеческий, а с моей дозы и боцман с катушек съедет...»

— Обожди, успеем, давай еще выпьем. Хоть раз посидим, как люди, пока никто не мешает. Хочешь, я тебе шампанского налью?

Наиболее надежным признаком, что Сильвия «хороша», Новиков счел ее медленное соскальзывание с русского языка на более привычный английский. Начали отключаться самые специализированные навыки, не приобретенные устойчивостью инстинктов. Вряд ли она настолько изощрена и так сохраняет самоконтроль, что догадалась симитировать и такую интеллектуальную реакцию на алкоголь.

— Хочу! — заплетающимся языком ответила агтрианка.

Если Андрей правильно понимал, скоро она перейдет в стадию глубокого, а то и патологического опьянения и за-

втра вообще ничего не сможет вспомнить, сегодня, однако, сохраняя способность отвечать на прямо поставленные вопросы.

— Эта вот, Дайяна, она кто? Соблазнительная, кстати, дамочка. С ней бы тоже можно... О, а давай ее тоже позовем? Секс втроем — никогда не пробовала?

Сильвия презрительно рассмеялась.

— Ничего не выйдет. Она... для этого... плохо приспособлена. У нее только вид такой. А там... может, и нет ничего. Автономный эффектор устройства галактической связи.

— Жаль. А она когда к нам придет? Вот бы и проверили...

— Когда захочет, тогда и придет.

— И что мы с ней будем делать?

— Она сама скажет. Да что ты к ней привязался? У нас, может быть, последний вечер, когда мы с тобой остаемся теми, кто есть. А завтра уже ничего... Меня возьмут и... — Она сделала рукой отстраняющий жест. — А ты... пе-ре-йдешь... в иное... со-сто-я-ни-е... Станешь этим... межзвездным ски-тальцем. Читал у Джека Лондона?

Услышанное Новикову совсем не понравилось. Читать-то он читал, и не один раз, но никакое иное состояние, кроме нынешнего, его не устраивало. Да и Сильвия при всех ее отрицательных качествах и не слишком благовидной роли в выпавших на долю Андрея с друзьями приключениях стала уже человеком своим, членом, так сказать, их прайда. Он не хотел бы, чтобы ее... ну, дематериализовали, что ли. Поскольку Ирина говорила, что обратной дороги на родину для них нет. Камикадзе с бензином в один конец. Вообще об этом следовало бы узнать поподробнее. Отчего она так спокойно относится к перспективе своего исчезновения? Программа, что ли, самоуничтожения включилась? Но Сильвия отрубалась на глазах. Может, потому она и пила охотно и неумеренно, что прощалась со своим более чем столетним земным существованием?

Скорее всего, конечно, она мечтала завершить этот вечер классной оргией в древнерусском стиле, почему и напросилась на баньку, только не рассчитала своих сил и коварства партнера. Возможно, в этом был ее последний шанс «оправдать доверие руководства». Если бы ей удалось переманить клиента без лишних усилий... У них, судя по всему, действительно только два способа и есть — секс или пытки, физические и нравственные. Иначе всего происходящего не объяснишь.

Кое-как он довел в стельку пьяную подругу по крытому

бревенчатому переходу до спальни. Уложил в постель. Сильвия еще бормотала что-то и пыталась вешаться ему на шею — в буквальном смысле. Он похлопал ее по щекам, надеясь еще хоть на несколько минут привести в чувство.

— У меня есть шанс выкрутиться? Что сделать, чтобы нам отсюда вырваться?

— Ничего... отсюда не убежишь, — глупо улыбаясь, пролепетала Сильвия. — Клетка захлопнулась, и у нас... У них... есть такие... методы, что инквизиция... Пхе... Раз попалась птичка...

Голова ее свалилась набок. Новиков подложил подушку и накрыл агтрианку одеялом. Широко раскрыл форточку.

«Интересно, телеметрически они ее не отслеживают? Испугаются, что агент в состоянии, близком к коматозному, и направят сюда бригаду «Скорой помощи»...

Андрей убедился, что лежит Сильвия удобно и непосредственной угрозы ее жизни не существует, машинально взглянул на часы — была ровно полночь — и отправился к себе.

...Для него триста граммов водки, да после бани и с закуской — считай что и ничего. Легкость в теле и расторможенность мыслей. Но ситуация выглядела мрачной. А что могут применить к нему такие меры психологического воздействия, по сравнению с которыми участь распятого на обочине Аппиевой дороги раба покажется выговором без занесения, — он не сомневался. Ирина ему рассказывала. Главное — трудно сообразить, в чем выход. Это когда Левашов был здесь со своей установкой, можно было перекинуть пару тумблеров и оказаться в московской мастерской Берестина или в Замке у Антона. Стоп! У Андрея даже сердце зачастило. Когда Воронцов разыграл свою эффектную сцену с идейным разрывом и уходом с Валгаллы навсегда (чтобы дезориентировать аггров и вывести из-под удара Ирину и других девушек), как он уходил? У них состоялся достаточно резкий разговор. Он, Новиков, обвинял капитана в трусости и предательстве, а тот отшучивался и плел околесицу (на случай, как выяснилось, если аггры захватят кого-нибудь из них в плен и будут зондировать психику, что, кстати, и произошло впоследствии), будто он вообще к здешним проблемам отношения не имеет и оказался в их обществе и на Валгалле случайно, чуть ли не против своей воли. Потом они почти помирились, устроили товарищеский прощальный ужин... И Левашов открыл канал внепространственного пе-

рехода. Через него Воронцов с девушками ушел в Замок к Антону...

Андрей от возбуждения даже вскочил, закурил, подошел к окну, выглянул во двор, где наконец разошелся нешуточный дождь. Только бы аггры не обрушились на них именно сейчас. Еще бы хоть час свободного времени!

Значит, Воронцов ушел по каналу Олега. Но ведь у него было собственное устройство прямой связи с Антоном. Взял он его с собой или оставил?

Еще раз тщательно припомнить, как был обставлен переход? Значит, так, застолье, сидели, болтали, пили за полночь. Потом Воронцов сказал что-то вроде: «Ну, нам пора...» Все спустились в подвал, к установке. У девчонок в руках были сумочки со всякой туалетно-косметической мелочью, а у него? Кажется, пусто. Вещей никаких. Сам же он и говорил, что в Замке даже птичье молоко пяти сортов. Трубку он крутил в пальцах. И все?... Разве что в карманах...

Почти бегом Андрей прошел в комнату Воронцова. Там тоже все было, как до его ухода. Только покинул Дмитрий Валгаллу на два месяца раньше, и на мебели и вещах слой пыли лежал потолще. Комната обставлена, как корабельная каюта, ничего лишнего. Деревянная кровать, письменный стол, кресло перед ним и два стула. Небольшой платяной шкаф. На стене над кроватью два карабина: «СКС» с оптическим прицелом и короткий «винчестер» под кольцовский патрон с подствольным магазином.

Андрей начал один за другим выдергивать ящики стола, нервно разбрасывая никому не интересную, кроме хозяина, мелочь. Блокноты, жестяные сигарные коробки, уже здесь сделанные фотографии, несколько трубок... То есть человек уходил отсюда максимум на неделю, собираясь вернуться, и не рассчитывал, что в его ящиках будут производить обыск.

И наконец вот оно... Синяя кожаная коробка размером чуть больше пачки от сигарет «Прима». Дрожащими руками Новиков ее открыл. Точно! Серебристая таблетка, похожая на рублевую монету, только втрое толще. С одной стороны покрытая бархатистым черноватым ворсом. Он знал, как ею пользоваться. Если только она не настроена конкретно на Воронцова.

Новиков вернулся к себе. Задвинул прочный кованый засов на двери. Это у него с детства была такая слабость, даже в мирные и безопасные пятидесятые-шестидесятые годы, — чтобы его личное помещение могло изолироваться от мира максимально герметично. Сел в кресло и приложил таблетку к костному выступу позади ушной раковины.

Как следовало из рассказов Воронцова, контакт происходил мгновенно. Либо он сам оказывался в том месте, которое определял Антон для подобной встречи, либо в нужную точку прибывал форзейль.

Сейчас так не получилось. Поначалу Новикову вообще показалось, что эксперимент не удался. Что, может быть, прибор действительно реагирует на биотоки именно Дмитрия. Однако что-то с ним все-таки происходило. В голове нарастал низкий гул, как в старом ламповом приемнике после включения, и мысли начали слегка терять определенность и стройность. Не мысли даже, как сообразил Андрей, а картина мира, которую он воспринимал своими чувствами. Постепенно стали перед глазами расплываться стены, теряя геометрическую правильность, а потом и сам он начал плавно проваливаться в завертевшуюся вокруг воронку пространства.

Еще через пару секунд в дрожащих, постоянно меняющих очертания декорациях, как на экране плохо настроенного телевизора, из мутноватого тумана выплыл контур человекообразной фигуры. Пока еще лишенной цвета и объема.

Но угадать того, кто был ее прототипом, он уже мог. Словно бы перед Новиковым воплощалась сейчас сцена из сказок Гауфа. Демон, предположим, или джинн возникал по неловкой команде ученика чародея.

Наконец изображение стало четким. Антон в знакомой одежде, похожей на наряд туземного вождя из Центральной Африки, сидел на широкой кушетке с гнутыми подголовниками, стоящей посередине просторной веранды, за которой распахнулась потрясающая панорама горной долины. Ее окружали нефритовые, светящиеся изнутри пики, покрытые бирюзовыми джунглями террасы спускались к овальному озеру, берега которого окружали дымные фонтаны гейзеров. По индиговому небу скользили желто-лимонные облака, и еще казалось, что вот-вот из-за гор появится ослепительно яркое светило.

Новиков отчетливо видел границу, разделяющую их миры. Пол из не слишком тщательно оструганных брусьев, обрезанный в полутора метрах от табуретки, на которую присел Андрей, отделялся от мозаичного пола Антоновой веранды пульсирующей струей голубого огня. Словно бы в прозрачной трубе мчался под давлением поток горящего спирта.

Следовало понимать, что контакт застал бывшего шеф-атташе, а ныне Тайного посла в момент уединенного созерцания.

Антон, судя по его взгляду, был крайне удивлен случившимся. Наверное, с его точки зрения, происшедшее выходило за рамки допустимого. Или возможного.

Единственным способом для Андрея сохранить некоторый дипломатический паритет была одобренная иронией невозмутимость. Которая, нужно признать, давалась ему с трудом.

— Отыхаешь, коллега? Неплохо, пожалуй, устроился. А нам же как быть прикажешь?

Перейти границу скорее всего было невозможно, поэтому Андрей не делал попыток встать и приблизиться к старому знакомому. Однако звук через межпространственный барьер проходил свободно.

— Да, в вашем понимании я устроен неплохо, — ответил после короткой паузы Антон. — А ты, выходит, все же меня не послушал?

— Увы, наверное, да, — согласился Новиков, поняв, что имеет в виду форзейль. Он ведь предупреждал Андрея, чтобы тот больше не участвовал ни в каких авантюрах, вообще избегал «резких движений», в чем бы они ни выражались.

— Во что же ты влетел на этот раз?

Новиков кратко объяснил суть дела. Антон сокрушенно покачал головой.

— Ты не помнишь случайно анекдот про ковбоя и внутренний голос? — спросил он.

— Это какой?

— Где после выстрела в вождя индейцев голос говорит: «А вот теперь действительно амбец!»

— Припоминаю. И мои дела настолько плохи?

— Ты даже не подозреваешь, насколько.

— Мне остается поблагодарить за внимание и идти запасть гробами?

— Ну, вообще так уж спешить не стоит. Как ты сумел на меня выйти?

— А есть и другие способы?

— Ах да, синхронизатор Воронцова... Как он к тебе попал?

Андрей объяснил и это.

— Опрометчиво, крайне опрометчиво. И с его стороны, и с твоей. Мало того, что приборчик мог оказаться во вражеских руках, так и ты, подключившись, имел шанс зале-

теть в такие завихрения псевдореальностей, что и с твоими способностями до конца времен не выкарабкаться...

Новикову такая опасность показалась не слишком ужасной. Вроде как заблудиться в лесу после побега с эшафота.

— Ты можешь что-нибудь придумать, чтобы нам поговорить спокойно? А то меня эта рампа раздражает. Словно в цирке при демонстрации группы дрессированных леопардов. Или ты ко мне, или я к тебе...

— И то и другое, увы, невозможно. Ты в том месте, где нахожусь сейчас я, просто не выживешь физически. Я тоже по ряду причин перейти к тебе не могу. Попробуем нейтральный вариант...

Новикову трудно было представить, что Антон считает таковым. Но тот объяснил. И добавил:

— Сейчас ты успокойся, отдохни от переживаний, но ни в коем случае не снимай больше синхронизатор. Он послужит тебе надежной защитой... от превратностей судьбы. А я в течение ближайших часа-двух, по вашему нынешнему счету, постараюсь что-нибудь придумать. Лучше всего просто ложись спать, если время позволяет, и жди...

Изображение начало расплываться, и через пару секунд картинка исчезла. Снова вокруг были только деревянные стены и глухая тишина первобытного мира за ними...

...Антон достаточно долго сидел неподвижно. Он ведь не был в полном смысле человеком, хотя много лет с достаточным успехом его изображал, и сейчас ему требовалось время, чтобы перестроить психологию и ход своих мыслей. На протяжении десятилетий он исполнял роль своеобразного понижающего трансформатора, контактера, обеспечивающего адекватное взаимодействие земной цивилизации, оперирующих на том же игровом поле аггрианских разведчиков и более сложных, но тоже промежуточных структур Вселенского разума. И в то же время в силу ли генетического дефекта или специально заложенной в него программы он ощущал определенную интеллектуальную и эмоциональную симпатию и склонность к людям, существам довольно примитивным, но способным на удивительные озарения и поступки.

И вот сейчас, когда на связь с ним вышел Новиков, он еще раз испытал... трудно подобрать к этому чувству адекватный аналог на русском языке. И удовлетворение от того, что не ошибся в своем избраннике, и удивление, каким образом столь нехитро организованному существу удалось

самостоятельно вырваться за пределы предопределенных свыше возможностей, и долю страха — неужели действительно Андрею и его друзьям суждено осуществить предсказанное?.. Ну, вот как бы себя почувствовал обычный человек, увидев, что его любимая собака на досуге читает Марка Аврелия или чинит цветной телевизор?

Он до самого конца надеялся, что если и случится то, в чем он с некоторых пор не сомневался, это произойдет не при его жизни. Так истинно верующий не отрицает неизбежности Армагеддона и второго пришествия, но предпочитает скоротать свой век до их наступления.

Но раз уж так случилось, придется исполнять предназначенное... Ближайшим контактером высшего уровня посвящения, к кому Антон мог обратиться, был Бандар-Бегаван, некогда профессор и начальник Департамента активной дипломатии, а сейчас Пожизненный Наставник, владеющий правом самостоятельно выходить в Круги Просветления. Проще говоря — связываться с Галактическими структурами, уже лишенными материального воплощения, но еще способными к общению на индивидуальном, адаптированном к гуманоидному мышлению уровне. Которые в той же системе аналогий являлись очередным каскадом понижающих интеллект трансформаторов.

А сутью обращения было бы обсуждение вопроса, как поступить, если землянин уже попал в сферу притяжения Вечных Оппонентов, но по-прежнему сопротивляется, не желая уступить давлению Врага и утратить от века ему предопределенную роль.

Этика Держателей Мира предписывала в подобном случае предоставить ситуацию на волю свободной игры Ловушек сознания, которые для того и существуют, чтобы выявлять и нейтрализовывать подобные флуктуации.

Короче, форзейлю следует самоустраниться. Если землянин найдет самостоятельный выход из положения, в котором оказался добровольно (роль самого Антона, вовлекшего Новикова и его друзей в означенную игру, вписывалась в вариант Права свободного выбора), то партия продолжится до какого-нибудь еще исхода. Если же ему придется растворить свою свободную волю и потенциал кандидата в Держатели в интеллектуальном поле Оппонентов (проще говоря — второй ипостаси все того же Вселенского разума), значит, и эта попытка Гиперсети выделить из себя самой Третью силу, создать эффективную логику игры, отрицающую принцип «Терцио нон датур», не удалась. Еще на годы или миллионы

летия игра продолжится по старым правилам. На благо Вселенной или во вред — кто знает? '

Но ведь, — и тут уже включилась человеческая (ну пусть просто гуманоидная) составляющая его личности, — раз ему пришла в голову сама возможность такого выбора — поступить согласно установленным для «слуг» Высшего разума законам или сделать иной выбор, значит, это тоже входит в правила игры? И, следовательно, поступить нужно именно так. И не требуется санкция Бандар-Бегавана или кого-нибудь еще. Антон сам, так получается, обладает свободой воли. Ну, в крайнем случае дополнительной степенью позволенной свободы.

...Новиков задул лампу, лег, не раздеваясь, на кровать, накинул на ноги край одеяла, потому что из окна все-таки тянуло холодным сквозняком.

Антону он поверил, потому что больше верить было некому и надеяться тоже не на кого. Если агтры за ними придут раньше, какое-то время он сможет пострелять из автомата или ручного пулемета. Если будет позволено, даже кого-то еще убьет. Только зачем? Чтобы напоследок доказать геройскую сущность человека, не сдающегося даже в безвыходной ситуации? Глупо, наверное, а с другой стороны?.. Слащев тоже мог бы сдать зимой двадцатого года, оказавшись брошенным на крымских перешейках с полутора тысячами измученных войной и деморализованных ожиданием неизбежного поражения офицеров и юнкеров.

Однако не сдался, напряжением воли и таланта отбросил две советские дивизии, дождался сначала перелома, а потом и победы... То есть что из данной посылки следует? Терпение и упорство вознаграждаются? Не слишком оригинальный вывод.

Следя в темноте за огоньком своей сигареты, Андрей вспомнил прочитанную в студенческие годы китайскую притчу, приписываемую Мао Цзэдуну. Называлась она «Юй-гун передвинул горы». Краткая суть: некий Юй-гун решил скрыть гору, которая заслоняла от солнца его огород, и начал с помощью лопаты и корзины переносить ее на другое место. Сколько-то лет он занимался этим перспективным делом с понятным эффектом, пока наконец, тронутые его усердием, не появились демоны (или боги, неважно) и перенесли гору туда, куда хотелось упряму.

Марксистско-ленинские идеологи презрительно комментировали притчу, называя ее очередной апологией волонтера.

ризма, а на самом деле какова ее мораль? Вариация аврелиевского «делай, что должен, случится, чему суждено» или же тут нечто другое?

Они с Берестиным сыграли для Слащева и Врангеля роль тех самых демонов? И ему самому ждать сейчас того же? А что еще остается?

Новиков прикрыл глаза. Попытался сделать усилие, чтобы каким-то образом вновь войти в контакт с Галактической сетью. Если бы это удалось, причем с сохранением собственной воли и памяти, возможно, Мировой разум подсказал бы ему решение... Только вот до сих пор никогда ему это не удавалось по собственной инициативе.

Не удалось и сейчас. Зато на грани сна и яви возникла мысль: надо бы пойти сейчас в комнату Сильвии. Забрать ее сюда или самому остаться там — на случай, если явится Дайяна или кто-то еще... А то ведь... Но, как это обычно и бывает в полусне, сил на волевое усилие уже не было. Мелькала мысль: «Ну вот сейчас, еще минутка, встану и пойду...», а сам он все глубже и глубже проваливался в засасывающую трясину небытия.

И одновременно — ему все еще казалось, что он не спит, — перед закрытыми глазами начал разгораться летний радостный рассвет. Совершенно как в раннем детстве, когда такое голубое небо, на каждой травинке и листе лопуха сверкают крупные капли росы, громко свистят и чирикают птицы, выбеленная известкой стена отсвечивает розовым, сырая земля еще холодит босые ноги, но уже понятно, что через полчаса станет жарко от майского, но уже горячего солнца. И вообще сегодня начинаются первые в жизни летние каникулы...

А он сам сидит посередине необъятного, заросшего далматской ромашкой послевоенного двора на ступеньке итальянского раскуроченного трофейного автобуса, ну а рядом мнет в пальцах папиросу Антон, теперь уже одетый не в экзотический балахон, а по нормальной моде пятьдесят... ну, скажем, шестого года. Словно как в недавнем сне предыдущего уровня.

Новиков при этом чувствовал себя совершенно взрослым человеком, помнящим все, что случилось до самого момента «засыпания», и отлично знал, о чем хочет говорить с форзейлем.

Но сначала он задал чисто технический вопрос:

— Отчего это их контакты начали осуществляться в таком вот странном антураже? Точнее — для чего? Какой в этом психофизический смысл?

— Никакого, — честно ответил Антон. — Просто эти слои твоей памяти наименее загружены предрассудками и стереотипами. Детство — оно и есть детство. Обостренно-эмоциональное восприятие мира, сравнительно мало скепсиса и очень много свободных полей, которые пригодны для наложения новой информации и активной ее переработки. Отчего, кстати, дети так легко изучают иностранные языки. Поэтому и мне так легко создать здесь зону контакта.

— Принимается. Похоже на правду. Дальше. Каким временем мы располагаем для обсуждения наших проблем?

— Сейчас — неограниченным. Для твоего тела там время не движется. Мы пребываем в иных сферах.

— Приятно слышать. Тогда объясняй, не торопясь: во что именно я влип на этот раз?

— Знаешь, как бы тебе сказать... — замялся Антон. — Вообще-то в общепринятом смысле ты уже умер...

Новикову стало жутковато. Потому что поверил он форзейлю как-то сразу. Сам, что ли, уже догадался, и требовалось просто, чтобы кто-то посторонний произнес это вслух.

— Только ты не переживай, — поспешил успокоить его Антон. — В такой ипостаси ты уже бывал...

— Тогда, что ли? В сталинский период?

— Конечно. Ведь что есть смерть? Прекращение телесного существования материальной оболочки и переход духовной составляющей личности во всеобщий информационный континуум...

— Вот хорошо. Услышишь наукообразную формулировку, и сразу становится легче. А как же это все — дом я ремонтировал, с Сильвией общался, тебя вот отыскал с помощью чисто механического устройства? Для покойников это нормально?

— Почему же нет? Это для своей реальности в конкретных четырехмерных координатах ты перестал быть, а в основном...

— Тогда какая разница? В семнадцатом веке человек, отправившийся в Америку или Австралию, тоже переставал быть в тамошней системе координат. И Робинзон точно так же умирал, да и мы все, наконец, относительно своего во семьдесят четвертого...

Антон такая трактовка вопроса едва не поставила в тупик.

— Разница есть, — нашелся он. — Они оставались в той же временной координате и переставали существовать для своих современников только по причине отсутствия средств связи...

— Значит, если я найду способ связаться с ребятами, я уже не буду покойником? — Игра в софизмы служила сейчас Андрею своеобразным психическим демпфером.

— Вот это как раз и невозможно. А «завтра» ты и физически можешь перестать существовать и в этой реальности тоже. Ты уже трижды побывал в Гиперсети?

— Кажется. Или четырежды, я уже запутался...

— Но каждый раз возвращался. А теперь можешь попасть туда уже безвозвратно. С определенной точки зрения ты многое выиграешь, станешь бессмертным, всеведущим и почти всемогущим...

— Удостоюсь ангельского чина... — продолжал по инерции острить Новиков. — Вот только...

— Но, зная твое отношение к жизни, — перебил его Антон, — я почти уверен, что пока ты к такому перевоплощению не готов.

— Да уж...

— И нас это тоже никак не устраивает. Ты еще нужен здесь...

— Кому?

— Я мог бы сказать — Вселенной, но прозвучит это чересчур пагетически. Потому скажу проще: ты нужен Земле и нескольким параллельным реальностям для поддержания статус-кво. Еще довольно значительный период времени. Когда-нибудь, когда ты сам осознаешь свою силу и уготованную... нет, не так, не уготованную, а предназначенную тебе роль, ты сам сделаешь выбор. А пока лучше всего тебе было бы вернуться обратно...

— Так и я хочу того же. — Слова форзейля о «предназначении» он, в отличие от Будды и Магомета, всерьез принимать отказался. Не потому, что не верил, фактов у нег было достаточно, а лишь потому, что не хотел даже рассматривать такую альтернативу. Очевидно, здесь нужен совершенно иной склад личности. Дар свыше достался не тому Христианские святые (или, точнее, те из людей, которые стали святыми), получив знамение свыше, посвящали дальнейшую жизнь молитвам, умерщвлению плоти, иным благочестивым деяниям... Ему подобная перспектива заманчивой не казалась. Даже если наградой за то предлагалась жизнь вечная, без слез и вздыханий...

— Возможно, ты прав, — прочитал его мысли Антон. — Скорее всего твоя миссия как раз в том и заключается чтобы ты продолжал существовать именно в данной сущности и тем самым поддерживал равновесие...

— Флит ин бин, — сказал Новиков.

— Что? — не сразу понял Антон. — Ах да, помню. Теория адмирала Мэхена. Военный флот оказывает воздействие на политику самим фактом своего существования. Скорее всего так и есть, иначе я сам не понимаю... — Он не стал продолжать, да Андрей и так понял дальнейшее: «Иначе я не понимаю, отчего вообще тебе позволено поступать по собственному усмотрению».

— Тогда давай еще немного пообщаемся, пока не перейдем к сути дела. Объясни мне, Христа ради, как такое вообще возможно: Вселенная, Гиперсеть, к которым я кое-как прикоснулся... Настолько грандиозные масштабы, непредставимые во времени и пространстве и тут же — мы, микроскопические даже в пределах Солнечной системы. Как возможно, что упражнения даже тысяч людей, воюющих на одной шестой части суши ради весьма схоластического вопроса, влияют на игры титанов? Что для них я, Врангель, Сталин, если они в состоянии стереть вообще всю историческую линию человечества или даже поменять физические константы в Метагалактике?

— Вопросы же ты ставишь... Прежде всего, понять логику Держателей нам... нет, пожалуй, только мне не дано. Ты еще имеешь шансы. И те жалкие крохи истины, которые доверены мне, всей нашей цивилизации даже, могут иметь такое же отношение к подлинной сути творящихся процессов, как школьный учебник физики к Единой теории поля... Но все же... Чумные палочки тоже исчезающе малы, однако какое-то их число, сотня или миллион, попав в организм одного-единственного человека, оказали заметное влияние на судьбы земной цивилизации. Я имею в виду эпидемию XV века, от которой погибла половина населения Европы.

Новиков, слегка шокированный сравнением, хотел что-то сказать, но Антон продолжал:

— А имей возможность некто, император, папа римский или безвестный лекарь, вовремя дать лекарство первому заболевшему или даже до начала заболевания ввести вакцину... Нет, это я только для примера, чтобы соотнести масштабы причин и следствий...

— Ага, а я в вашем представлении — разумный бактериофаг. Так?

— В какой-то мере и это тоже. Но главное, пожалуй, в другом. Ты пойми вот что: Держатели, они же... — Антону тоже не хватало слов в русском языке. — ...Короче, нужно придумать, как вернуть тебя обратно. Я считаю, это и будет наиболее адекватным выходом из кризиса. Ведь если ты сейчас станешь на сторону Тех... наших Вечных Оппонентов,

играющих на сей раз черными, может случиться непоправимое. Для нас прежде всего. Мы веками парировали все акции аггров, и, раз они заинтересованы в таком варианте, я должен этому воспрепятствовать, не считаясь...

— Ну, пожалуй... — Новиков сам пришел к тому же мнению. Ему вообще аггры были антипатичны с самого начала, а раз других критериев у него не было, оставалось просто довериться своему эстетическому чувству. Однако девушек они умели выращивать классных...

— Путей я вижу два. Или ты сам постарайшься выйти в Гиперсеть усилием воли, ни в коем случае не позволив Дайне загнать тебя туда, и уже из нее вернуться домой...

— А как же с Сильвией?

— Какое тебе до нее дело? Не она ли заманила тебя сюда? Пусть сама разбирается...

Андрей молча посмотрел на Антона, без какого-то специального выражения лица, но тот понял.

— Да, конечно, дворянская честь и прочее... И опять, возможно, ты прав, а я нет... Тогда есть еще один вариант. Я вернусь к себе и постараюсь организовать ваш переход в естественном, материальном виде.

— А как же?.. В смысле, через Гиперсеть я вернулся бы нематериально? Но куда, в какое тело?

Антон пожал плечами.

— В собственное. В тот же квант времени, в котором его покинул...

— А у меня вот, кстати, при перемещении сюда как-то странно получилось. — Новиков рассказал Антону, что с ним происходило. — Три попытки.

— О чем я тебя и предупреждал. Тоже действие Ловушек сознания. Ты еще сильнее, чем я догадывался. Стоило тебе зафиксироваться в одном из предложенных тебе тел, и ты уже окончательно потерялся бы в псевдореальностях. Твоя психоматрица вечно вращалась бы в колесе мнимых воплощений, как электрический заряд в сверхпроводнике. Но твое подсознание тебя вытаскило. Или... что-то еще...

— А в материальном виде ты разве не можешь забрать нас отсюда по старой схеме — через Замок? Раньше это получалось свободно...

— Но я же тебе говорил: Замок законсервирован и включен режим его самоликвидации. — Он вздохнул, словно решаясь на нечто требующее от него непомерных усилий и риска. — Но я попробую. Оставайся здесь и жди...

— Сколько?

— Не знаю, — честно ответил Антон. — Может, сутки

по здешнему времени, а может, неделю. Но бояться не надо. Пока синхронизатор при тебе, агтры бессильны...

— Как крест против нечистой силы?

— Вроде того...

— А и крест не всегда помогал. Хому Брута вон не спас ни крест, ни меловой круг, ни молитвы. У Дайяны свой Вий не найдется?

— Ну ты и настырный мужик, Новиков. Вечно такое придумашь, что и не знаешь, как ответить... Короче, давай надеяться на лучшее. Ни под каким видом не снимай синхронизатор, а Сильвию, если она тебе дорога, не отпускай от себя дальше чем на полсотни метров. Тогда уцелеете и меня дождетесь... Лучше же всего, пожалуй, вам было бы отсюда исчезнуть. Куда угодно, в лесах скрыться, даже к квангам в их город-муравейник. Главное — как можно дальше от Дайяны с ее паладинами... Имел глупость на удочку одной дамочки попасться, так хоть от другой остерегись.

— А стрелять можно, если прижмут по-настоящему? — В иных категориях Новиков мыслить так и не научился, вернее — еще не привык.

Антон пожал плечами.

— Разве что в абсолютно безвыходном положении. Только, я думаю, если таковое наступит, стрельба мало поможет. Час-два, может, и продержишься, а потом по тебе так ударят, что ни вас, ни дома не останется...

— Ладно, значит, от стрельбы воздержимся, — согласился Андрей, — только уж и ты не тяни, ради бога, а то нам здесь как-то одиноко... — И вдруг его лицо осветила внезапно пришедшая мысль: — Слушай, а у меня еще одна идея. Помнишь, как ты нас отвлекающими маячками снабдил? В Москве еще, чтобы агтровскую разведку запутать? Здесь нельзя так? Разбросать по лесу, в самых глухих дебрях, где Сашка с Берестиным охотничьи заимки поставили, а здесь обстановку создать, будто мы спешно уехали...

— А сами куда спрячетесь?

— Можно тоже в леса уйти, только в другую сторону. Или еще лучше!.. — Андрей вдруг замолчал, как обжегшаяся на молоке кошка. Зачем вслух выдавать тайну своего последнего шанса?

— Возможно, это действительно выход, — немного подумав, сказал форзейль. — Маячков только у меня с собой нет. И мы находимся за пределами материального мира, как ты понимаешь. Однако это не проблема. Сейчас я вернусь к себе и по наводке твоего синхронизатора переброшу контейнер с маячками. Прямо сюда.

— Давай. Мы их, гадов, еще погоняем по лесам! Только придумай заодно, как эти маячки разбрасывать. Хорошо бы что-то вроде шаров-зондов и баллон водорода для заправки. Или ракету с парашютиком, дальность полета километров пять хотя бы...

— Договорились. Жди. Я буду спешить... — Антон встал с подножки, чисто человеческим жестом записного франта одернул стрелку на широких чесучовых брюках. — Нет, я в вас сразу не ошибся. Жаль было бы потерять таких союзников... — И исчез. Вместе с ним исчез и окраинный московский двор, голоса играющих в отдалении детей, гудки паровозов и электричек на Окружной дороге, летнее небо в мелких, пухлых, как разрывы шрапнелей, облачках, пересеченное инверсионным следом ввинчивающегося в зенит самолета.

Андрей вновь осознал себя лежащим лицом вниз на кровати. Воспоминание о состоявшейся встрече было куда более ярким, чем о самом реалистическом сне. Будто он действительно разговаривал только что с Антоном, просто закрыл на миг глаза и оказался здесь. Светящиеся стрелки часов показывали половину шестого утра. Непонятно, проспал ли он несколько часов до контакта или после? Знать это имело смысл, чтобы определить, как скоро можно ждать посылки от Антона. Впрочем, если она придет, появление ее наверняка будет обставлено так, что прозевать он не сможет.

Сильвию будить было еще рано — если алкоголь действует на нее так же, как на обычную женщину, очнется она часов в девять, не раньше, да и не в самом лучшем состоянии. Однако против похмелья способ есть. Андрей прошел к ней в комнату. Агтрианка спала на спине, похоже, беспокойно — одеяло было скомкано и сбито ногами к стене, но дышала она ровно. Он вновь укрыл ее, нашел на тумбочке снятый перед походом в баню браслет, вновь защелкнул у Сильвии на запястье. Узенький желтый сектор на циферблате, вздрагивающий, как индикаторный глазок старинного лампового приемника, показал, что состояние ее пока еще не совсем соответствует норме. Но это дело нескольких минут. Проснется она в полном порядке.

ГЛАВА 11

В ближайшие дни Шульгин развернул в Москве бурную деятельность. Ему доставляло искреннее удовольствие ощущать себя пауком, изготовившим огромную ловчую сеть и сидящим в ее центре, чутко прислушиваясь, не задрожит ли

одна из радиальных нитей, сообщая, что очередная жертва готова к употреблению.

Меняя время от времени грим и костюмы, он бродил по улицам, ни с кем не делясь целями этих прогулок, а Басманову, единственному, кто позволял себе задавать вопросы, отвечал, что на ходу ему лучше думается.

Ходить по столице РСФСР и в самом деле было интересно. Нэп, объявленный всего месяц назад, уже начал приносить первые плоды. Заколоченные с семнадцатого года витрины лавок и магазинов вновь открылись, в глубине помещений наблюдалась энергичная деятельность, а некоторые уже и торговали чем придется. Неизвестно где спрятанными от реквизиций еще дореволюционными товарами, продукцией оживившихся ремесленников и кое-какой контрабандой из Прибалтики и Югославии. В садике напротив Большого театра и под Иверскими воротами юркие молодые люди свистящим шепотом спрашивали валюту и врангелевские «колокольчики», на Сухаревке почти свободно продавали кокаин, а по Петровке и Кузнецкому Мосту зашелкали каблучками первые прилично одетые проститутки.

Оттого и Сашке легко теперь было заниматься своими тайными делами. В отличие от сентябрьских дней, улицы сейчас были полны народом, и празднующегося, глазающего на непривычно полные витрины и прилавки ежедневно открывающихся магазинов, и занятого собственными делами.

В Верхних торговых рядах, в Петровском и Лубянском пассажах появилось столько подозрительных людей, что у ВЧК просто не хватало агентов, чтобы отслеживать каждого. С точки зрения партийных и чекистских ортодоксов, подозрительными стали практически все.

Левашов смирился с тем, что Шульгин все активнее и беззастенчивее вовлекает его в свои не совсем понятные игры. Тем более что неожиданно для Олега верной сторонницей Сашкиных авантур оказалась Лариса. Да и сама она проявляла удивительный политический энтузиазм. Заставила Левашова объявить ее представительницей Международного Красного Креста, Комитета Лиги наций по делам беженцев, Нансеновского комитета и еще нескольких благотворительных организаций, вытребовать под это дело соседний с особняком деревянный полуторазэтажный домик, где устроила свой якобы офис и где несколько элегантных, заграничного вида молодых людей и барышень вели с десяти до трех часов прием лиц, желающих репатриироваться в Югославию, выяснить судьбу исчезнувших в годы войны

родственников или просто получить вспомоществование под торопливо выдуманные легенды. В приемной постоянно толпились десятки посетителей, а иногда очередь выстраивалась даже на улице. Причем субсидии выплачивались только тем, кто мог доказать, что пострадал от революции и большевизма либо сам лично, либо его родственники, взятые заложниками, репрессированные или расстрелянные. Это, конечно, не могло вызвать радости у московских властей, когда сотни людей подробно, часто документированно излагали международным наблюдателям тайны «диктатуры пролетариата».

Но любые попытки советских властей препятствовать деятельности миссии или преследовать ее посетителей вызывали очень резкие демарши со стороны Левашова, который хоть и сочувствовал коммунистам, но к нарушениям прав человека относился еще нетерпимее, чем цинично настроенный Шульгин.

Под такой «крышей» Кирсанов мог работать совершенно спокойно — встречаться с агентурой, получать от ничего не подозревающих просителей нужную ему информацию, через Левашова обращаться с запросами о судьбах тех или иных лиц в любое советское учреждение, в том числе и в ЧК.

Кроме того, в глубоких подвалах дома, которые прежний хозяин использовал для хранения скобяного и москательного товара, бывший жандарм оборудовал небольшую частную тюрьму, где по ночам, как требовали обычаи, он вел долгие и, судя по всему, эффективные допросы неизвестно откуда привозимых и неизвестно куда потом исчезающих лиц.

Шульгин понимал, что ротмистр ведет глубокую разработку порученных ему заботам пленников, но до поры о результатах его не спрашивал. Считал, что профессионализма Кирсанову хватит, а когда потребуется, они сумеют согласовать позиции.

И с Аграновым он до поры не встречался, считая, что «воскресать из мертвых» еще не время, лучше вселить в «друзей» уверенность, что все идет согласно их расчетам. Зато он вытребовал у Берестина еще один взвод рейнджеров, которых тоже разместил в Новодевичьем.

Вообще картина получалась забавная — в самом центре столицы пролетарского государства почти в открытую функционировала белогвардейская резидентура, и ВЧК, даже если и догадывалась об этом, ничего поделать не могла. Слишком все странно, но и закономерно в то же время переплелось.

Троцкий, получив всю полноту государственной и пар-

тийной власти в урезанной, но все равно гигантской стране, понимал, что в данный момент следует сохранять лояльность в отношении своих неожиданных союзников. Обладая тонким и изощренным умом, Лев Давыдович догадывался — Врангель здесь играет роль совершенно второстепенную, даже декоративную. И такое положение его устраивало. За ближайшие год-два он рассчитывал навести в РСФСР твердый государственный порядок, окончательно избавиться от политических противников, создать нормально (в его понимании) функционирующую экономику, реорганизовать и перевооружить армию, укрепить международное положение Советской республики. Ему требовалось время, чтобы выяснить наконец, чьи интересы представляют те люди, которые все это устроили. И какие собственные цели они преследуют.

Он разослал своих эмиссаров в Ревель, Ригу, Варшаву, Берлин, Париж, Лондон, Стокгольм и Женеву восстановить старые, утраченные за годы гражданской войны связи, наладить новые и разобраться, что за непонятная сила вышла на авансцену в спектакле, все роли в котором, казалось бы, давно расписаны, как если бы в третьем действии «Гамлета» появился новый персонаж, переворачивающий веками известную интригу.

И по два-три раза в неделю встречаясь с Левашовым, то для обсуждения конкретных проблем внутренней и внешней политики, то как бы просто для свободного обмена мнениями, Троцкий старался невинно звучащими вопросами и тщательно выстроенными, в стиле Платона, застольными беседами извлечь из партнера какие-то крупинцы информации, пригодные для анализа и сочинения гипотез.

Олегу эти беседы тоже доставляли удовольствие. Личность собеседника его занимала и просто потому, что он видел в нем достойного противника (уже не единомышленника), а главное, тем, что живой Троцкий разительно отличался от нарисованной советскими историками карикатуры. Потом Левашов возвращался домой, извлекал из кармана диктофон, и они с Шульгиным и Ларисой внимательно изучали запись, обращая внимание на общую схему разговора, явный и скрытый смысл отдельных фраз, интонации собеседников. Выясняя для себя стратегические цели партнера, додумывали, какие выводы он может сделать из слов Левашова, намечали сценарий дальнейших своих действий.

Вот, например, однажды, встретившись, очередной раз в Кремле, в том самом кабинете, в котором скончался Владимир Ильич и который именно и избрал для себя Лев Давыдович, отнюдь не боясь привидений и даже наслаждаясь

фактом, что злейший его враг (но и союзник в борьбе с прочими «товарищами») уже не существует, а сам он жив-здоров, весел и полон сил, они заговорили за чашкой чая о проблемах, которые Левашов считал важными. И для себя, и для России, и для судеб социализма.

— Лев Давыдович, — сказал Олег, — мы с вами говорим вдвоем и без свидетелей. Я уже не раз подчеркивал, что заинтересован в том, чтобы первое и пока единственное социалистическое государство действительно показало всему миру пример преимуществ, которые дают свобода, народо-властие, диктатура пролетариата, если угодно, и ликвидация частной собственности. Так почему же вы всячески уклоняетесь от воплощения в жизнь этой возвышенной идеи?

— Отчего вы так решили, Олег Николаевич? — спросил Троцкий, мило улыбаясь и посверкивая стеклышками своего пенсне, наверняка приобретенного в Германии, судя по фиолетовому оттенку просветленного покрытия.

— Так как же, Лев Давыдович? Вы же противитесь всем моим демократическим предложениям. Красный террор вы ослабили, но отнюдь не прекратили, ваши сотрудники всячески препятствуют оговоренному свободному обмену людьми — чтобы все желающие уезжали на юг, а сторонники социализма так же свободно от Врангеля к вам, свою тайную полицию вы упорно не хотите избавить от карательно-расстрельных функций. Нехорошо выходит. Тем более для вас. Ведь еще три года назад вы считались самым широко мыслящим и либеральным деятелем российской социал-демократии...

Троцкий посмотрел на Левашова с сожалением и сочувствием, как смотрят на ребенка — инвалида детства.

— Раз уж мы с вами действительно с глазу на глаз разговариваем... Вы где последние годы жили? В Америке?

— Еще дальше...

— Ну вот. Идеализм хорошо исповедовать, когда лично не причастен к практическим решениям. Простите, можно попросить у вас еще одну из тех папиросочек? Смешно, я глава великого государства, а вынужден одалживаться у гостя. Что делать, снабжение у нас еще плохо налажено. Монополия внешней торговли, сами понимаете. А требовать для себя индивидуальных поставок из Турции я не считаю возможным...

— Да ради бога, Лев Давыдович! Завтра же я распоряжусь, чтобы вам доставили хоть ящик для начала. А какие вам больше нравятся?

— Вот те, в черной коробке. Что-то про герцога...

— А, «Герцеговина Флор». Действительно, очень неплохое. И не вы один так думаете. Помните, у Пруткова: «Вы любите ли сыр? — спросили раз ханжу. — Люблю, — он отвечал, — я вкус в нем нахожу...»

Левашов достал из кармана папиросы, положил на зеленое сукно стола. Сам прикурил «Честерфилд».

— Так о чем мы? — спросил Троцкий.

— Да о том же. Давайте вместе с южанами попытаемся создать нормальную демократическую конфедерацию. Как в Швейцарии. Пусть люди свободно перемещаются между Москвой и Харьковом, избирают приемлемый для себя политический строй, способ хозяйствования и тому подобное. Мы готовы финансировать все связанные с этим затраты, способствовать развитию индивидуального и коллективного хозяйства в менее благоприятных природных зонах. Понятно, что Вологда не так привлекательна для крестьянина, как Кубань, но ведь и на Соловках монахи ухитрялись арбузы выращивать. Зато люди наконец впервые в истории смогут действительно осуществить свободный выбор... Я даже не возражаю против идеи придания законодательных функций профсоюзам... и ваших трудовых армий. Отчего бы и нет, если их использование будет добровольным и экономически оправданным...

— М-да-а... — Троцкий не спеша выдохнул дым папиросы, которую курил медленно, не скрывая удовольствия. — Честный разговор — так честный. Вы на самом деле считаете, что в обозначенных вами условиях удастся сочетать равноправное и взаимоприемлемое сосуществование двух таких государств?

— Так почему же нет? — Левашов на полном серьезе говорил с Троцким и действительно был уверен, что огромное число людей, избавленных от принуждения и имеющих свободу выбора, предпочтет социализм царству эксплуатации и неравенства, которое и свергла народная революция семнадцатого года. Он ведь и сам, прослужив больше семи лет инженером на кораблях заграничного плавания, отнюдь не прельстился видимым благополучием «свободного мира» и сохранил уверенность в неоспоримых преимуществах «развитого социализма». Не во всех, конечно, сферах...

— Просто потому, что вначале на юг перебегут все интеллигенты, технические специалисты, царские офицеры, избавленные от страха за свои семьи, находящиеся сейчас под контролем ВЧК... Да, кстати, от одиозного названия необходимо избавиться. Эту безусловно нужную организацию

следует назвать иначе, чтобы не вызывать у людей ненужных ассоциаций.

— ГПУ, — сказал Левашов.

— Как? Почему ГПУ?

— Главное политическое управление. Достаточно нейтрально и вполне в духе возложенных на данный орган задач. А можно и НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности...

Троцкий пожевал губами, глядя в потолок.

— Нет, первое, пожалуй, лучше. Государственная безопасность — это как-то так... Государство и без того аппарат насилия, а подчеркивать лишний раз его особую охрану... Нет, ГПУ лучше. Сегодня же распоряжусь. У вас есть чувство слова. Ценю...

— Да уж... — только и нашел что ответить на этот сомнительный комплимент Левашов.

— Однако продолжим. Царские офицеры, без которых советская армия пока небоеспособна, торгово-купеческий элемент, за ними квалифицированные рабочие, которым покажется более заманчивым работать за хорошую плату и вне государственно необходимого принуждения... С кем же мы, по вашему мнению, останемся? С деревенскими голодранцами, которые не пожелали или не сумели воспользоваться благами столыпинских реформ, с чернорабочими, предпочитающими не работать, а руководить производством, с тем самым «тончайшим слоем сознательных рабочих», на которых уповал Владимир Ильич?

Вот только сейчас до Олега начало доходить, что не так уж не прав был Новиков, когда излагал свои антикоммунистические инвективы.

Троцкий заметил его растерянность и рассмеялся тихо и благодушно. Пожалуй, в этот момент он и поверил окончательно, что Левашов является как раз тем марксистом-идеалистом, за которого себя выдает. Ни один агент мирового империализма не смог бы так естественно изобразить удивление и разочарование.

— Вот в чем ваша коренная ошибка, друг мой. Вы поверили, что каждый пролетарий только и мечтает, как бы ему стать достойным членом социалистического общества. А это ведь сложный и болезненный процесс — формирование гражданина социалистического общества из человеческого материала, оставленного нам капитализмом. И человека нужно гнать к счастью штыками и пулями, пока он не обретет должной сознательности. Вы ведь не станете удивляться, если не слишком образованный больной будет сопротив-

латься врачу, делающему ему экстренную ампутацию по безусловным показаниям? Что важнее — отсечь пораженный гангреной орган или вначале долго объяснять необходимость и «прогрессивность» такого хирургического вмешательства? Не будет ли гораздо печальнее, если пациент-таки поймет причины и неизбежные последствия гангрены, но уже не успеет этими знаниями разумно распорядиться?

Пользуясь случаем, Левашов решил выполнить просьбу Берестина, который, хоть и превратился в профессионального полководца, не забывал и своего призвания к живописи, вообще к изящным искусствам.

— Помнится, как-то вы говорили, Лев Давыдович, что собираетесь предложить к продаже на Западе крупную партию картин и прочих произведений искусства из коллекций Эрмитажа и Русского музея...

— Разве? Когда я вам это говорил? — удивился Троцкий. Память у него была великолепная, и он знал, что подобного разговора именно с Левашовым он не вел, хотя сама идея обсуждалась с Лениным и Зиновьевым. Ленин хоть и ставлял желательность продажи оговорками, что, мол, деньги с буржуев мы получим сейчас, и достаточно большие деньги, а после победы мировой революции все равно сможем проданное вернуть обратно, а малограмотный Зиновьев просто считал глупым держать под спудом никчемные куски холста в рамах, если находятся идиоты, готовые платить за них валютой и золотом.

— Не помню, но мысль такая прозвучала. Так я вам скажу: во-первых, на рынках Европы и Америки вы столкнетесь с большими трудностями. Прежние владельцы, члены царствующего дома Романовых и их заграничные родственники, готовы объявить бойкот аукционерам, и в любом случае шум будет большой и цену вам собьют основательно. Мы же согласны приобрести у вас все что угодно в полной тайне и по любым разумным ценам...

— Интересно, интересно... — задумался Троцкий. — Об этом стоит побеседовать предметно, но не так же вот сразу. Я поручу экспертам подготовить предложения...

Отдельной проблемой для Шульгина была необходимость выйти на руководство ВЧК. Задача эта осложнялась тем, что сам он по-прежнему считался мертвым, Новиков так и не объявился до сих пор, а больше послать на контакт с Аграновым было некогда. Хотя потребность в таком контакте ощущалась с каждым днем все более настоятельно. Пока-

зания пленного чекиста, несмотря на все старания Кирсанова, не позволяли установить с полной достоверностью, чей замысел он выполнял, организуя покушение на поезд Шульгина: самого Агранова, Трилиссера или, допустим, Ягоды. Знать же это было необходимо. Если Агранов чист, а акция задумана и исполнена его коллегами в собственных целях, то можно ввести в действие план прямого выхода на тайную международную организацию, которая, по мнению Шульгина, и осуществляла последнее десятилетие как минимум управление теми загадочными процессами, которые привели и к русско-японской, и к мировой, и к гражданской войнам, а сейчас готовилась нанести удар по врангельской Югоссии, а одновременно, может быть, и по троцкистской РСФСР. Если нет и Агранов вновь переметнулся на ту сторону, придется разрабатывать совершенно новый план.

До последнего момента друзья старались соблюдать правила, ими самими для себя установленные: использовать аппаратуру пространственно-временного совмещения только в самых исключительных случаях. Шульгин подозревал даже, что это морально-техническое ограничение введено им «свыше», неважно — форзейями через Антона или непосредственно Мировым разумом, однако считал его, независимо от источника, справедливым. На самом деле, перейдя к неограниченному использованию установки СВП, они могли закончить войну в течение нескольких часов, вообще установить собственную всемирную диктатуру, хоть явную, хоть тайную... Имея возможность проникнуть в любую точку Земли, в любое самое укрепленное и охраняемое помещение, ничего не стоит физически уничтожить правительство любой страны, дезорганизовать транспорт, связь, управление, финансы, вооруженные силы, предъявить человечеству какой угодно ультиматум и добиться его выполнения. И все это не вставая из мягких кресел перед пультом левашовского аппарата.

Они неоднократно спорили по этому поводу, хотя в принципе были единодушны: соблюдение такого ограничения — пожалуй, единственный способ сохранить свое человеческое естество. Одно дело, если им приходилось пользоваться достижениями инопланетных технологий аггров и форзейлей, причем в ситуациях, ими же созданных и направленных в конце концов на защиту человечества от вмешательства пришельцев, и совсем другое — если в решении чисто земных проблем начать неограниченное применение средств, которые немедленно выведут сообщество друзей за пределы норм «общечеловеческой морали». Конкретный

пример — человек, вызвавший обидчика на дуэль (или принявший вызов), может, конечно, надеть под шюртук бронежилет или вообще нанять убийцу, который пристрелит соперника из снайперской винтовки (как это приписывали и Дантесу, и Мартынову), но сможет ли он после этого оставаться даже в своих собственных глазах благородным человеком? А в глазах общества, если правда станет известна?

Посему и было решено, ввязавшись в разборки начала века, использовать имеющуюся в их распоряжении аппаратуру лишь как средства материального снабжения, транспорта и связи, да и то по возможности реже. Сейчас, в резко изменившихся условиях, когда исчезли Андрей и Сильвия, а против оставшихся группируются и готовятся к окончательной битве силы и местного мирового империализма, и владыки всей обозримой Вселенной, Шульгин не считал разумным жестко соблюдать добровольно взятые на себя обязательства...

Он вышел на связь с Севастополем. Круглосуточно дежурющий у включенной на прием радиации робот пригласил к «прямому проводу» Ирину.

ГЛАВА 12

...Андрей, уже охваченный азартом деятельности и предвкушением предстоящих событий, решил заблаговременно подготовиться к возможным вариантам. Он умолчал в разговоре с Антоном о своем главном резерве, о котором не знал на Валгалле никто. И собрался сразу после пробуждения сбегать вниз, к берегу Реки, где за высокой скальной грядой и плавучим волноломом из стянутых стальными тросами бревен в узкой расселине был спрятан большой мореходный катер «Ермак Тимофеевич», в двадцать пять тонн водоизмещением, с усиленным ледовым поясом, бронированной рубкой и двумя водометными двигателями. По спокойной воде катер легко давал тридцать узлов. На его палубу Новиков не поднимался с прошлой осени, когда они вернулись из экспедиции к верховьям Реки, и теперь испытывал беспокойство, как «Ермак» перезимовал и цел ли вообще? Воронцов, конечно, законсервировал его по всем правилам, но мало ли что могло случиться...

Однако идти туда сейчас, в предрассветном полумраке, по извилистой скальной тропе, кое-как огороженной капроновым леером, было неразумно, да и оставлять Сильвию в

доме одну, памятуя предупреждение Антона, никак не следовало.

И он начал делать то, что можно было сделать сейчас, — собирать необходимое для неизвестно сколько могущего продлиться похода снаряжение, одновременно стараясь создать как можно более убедительную картину торопливого бегства.

Он укладывал в мешки продовольствие, попутно разбрасывая по полу склада оказавшиеся ненужными консервные банки, пакеты с армейскими рационами, палки колбасы и головки сыров. Чтобы видно было, как раздраженный и очень спешащий человек хватается с полка то одно, то другое, мельком взглядывает на этикетки и что-то сует в мешок, а большинство швыряет в сторону, не заботясь о порядке. Такую же инсценировку он устроил и в вещевом, и в оружейном складах.

Когда Сильвия, наконец проснувшись, появилась на веранде, только что умывшаяся, еще не накрашенная, в халате на голое тело — ни дать ни взять нормальная, не один год прожившая с ним вместе жена послепраздничным утром, Новиков уже почти заканчивал сборы, составив у перил чуть не десяток туго набитых мешков.

— Ох и напоил ты меня вчера, — зевнув, сказала Сильвия. — Ничего не помню... Надеюсь, ты вел себя как джентльмен?

— Скорее следовало бы спросить, вела ли ты себя как леди... Никогда не думал, что гордые британские аристократки на халяву ничем не отличаются от того сельского попа...

— Какого попа?

— Спросили как-то прихожане батюшку: «Отче, а сколько православным выпить дозволяется согласно божеским законам?» А отче и отвечает: «Под хорошую закуску, дети мои, да за чужой счет — до бесконечности...»

Сильвия смущенно потупилась и даже покраснела, но по коротко блеснувшему взгляду Андрей догадался, что все помнит прелестная леди Спенсер, но для чего-то в очередной раз валяет ваньку.

— Пришлось тебя слегка переодеть и поддержать, пока не уснула, а то все порывалась куда-то бежать и требовала перед сном еще один стаканчик...

— Ладно, хватит тебе. К женщине нужно быть снисходительным и уж тем более не наливать вровень с собой, раз она к вашим банным забавам непривычна... Скажи лучше, чем ты занимаешься? Уезжать собрался?

— Вот именно. Пока твои земляки-коллеги нами вплотную не занялись.

Сильвия сразу помрачнела. Действительно, вспомнила, наверное, последние слова их ночного разговора.

— Никуда нам от них не убежать. Ты просто не понимаешь...

— Разберемся, кто понимает, а кто не очень. Слава богу, больше года при всех ваших талантах добраться до нас не могли, а когда добрались — чем закончилось, не помнишь? — с веселой злостью огрызнулся Андрей. Он снова был в своей стихии. — Приводи себя в порядок по-быстрому. Перекуси чего, если хочешь, а то потом неизвестно когда придется. И одевайся. Как будто собираешься на сафари по Аляске. Колготки теплые надень, джинсы попрочнее, сапоги или ботинки на толстой подошве, не вчерашние Ларискины, в тех только на московских улицах пижонить, свитер, куртку кожаную на меху, на голову что-нибудь непродуваемое. Поройся там у девчонок в комнатах, у них было... И прочие личные вещи из расчета недели на две автономного плавания. Только быстро, быстро, поняла?

Не задавая больше вопросов, Сильвия повернулась, чтобы уйти в дом. Тут Андрей вспомнил главное.

— И вот что, не забывай ни на секунду — ты от меня не должна отходить дальше чем на тридцать-сорок метров. Ни при каких обстоятельствах. — Названное Антоном расстояние он на всякий случай еще немного сократил.

— А это что за ограничение?

— Надо так, если жить хочешь. По-человечески... То есть в человеческом качестве...

Понять его аттрианка не поняла, но кивнула, соглашаясь. Знала уже, что, если Новиков начинает говорить подобным тоном, спорить с ним и задавать дальнейшие вопросы бессмысленно.

На краю веранды Андрей поставил пулемет «ПК» с продернутой в приемник лентой, на загугулинку резного наличника повесил взведенный автомат, не вчерашний исторический «узи», а серьезный «АКМС», и кобуру со «стечкиным» расстегнул. Чувствовал он некоторую нервную дрожь в организме, как бывает, когда от нескольких минут зависит слишком многое — успеешь ли, к примеру, на отходящий через неизвестное, но короткое время поезд?.. Удастся ли выиграть гонку с аттрами, которые, может быть, как раз сейчас грузятся в свои белые летательные аппараты? И почему Антон настаивал на сохранении максимально допустимой дистанции между ним и Сильвией? Значит ли это, что в пре-

делах пятидесятиметрового круга их будет защищать незримое энергетическое или духовное поле? И будет ли оно проницаемо изнутри, хотя бы для пуль?

Когда Сильвия, одетая именно так, как он ей порекомендовал, вновь появилась на веранде, моросивший с раннего утра дождь перестал, попыталось даже выглянуть из-за туч солнце. Собаки вылезли из-под веранды и амбаров, где они прятались, и ровным полукругом расположились на мокрой траве, молчаливо и внимательно наблюдая за действиями хозяина. Андрею пришлось откупорить для каждой по паре банок тушенки.

Одобрительно осмотрев наряд агтрианки, Новиков сказал:

— Куртку пока можешь снять, сейчас будем тяжести таскать, взопреешь. И пистолет на ремень прицепи. При случае будет хоть из чего застрелиться... — И протянул ей изящную восемнадцатизарядную «беретту» в мягкой открытой кобуре. На что женщина ответила презрительной гримаской, однако пистолет взяла.

Сильвия уже окончательно усвоила характер и привычки Андрея, да и, безусловно, рациональный их смысл в практической жизни. Протянула ему две бутылки «Старопрамена»:

— Откупорь, пожалуйста.

— Начинаешь соображать. После пьянки — первое дело. — Ногтем большого пальца Андрей поддел крышки, одну запенившуюся бутылку подал Сильвии, из другой сделал длинный глоток.

Она, опершись локтями о колени, смотрела на него с прищуром. Ну чисто как симпатичная однокурсница на сельхозработах выглядела сейчас леди Спенсер. Без макияжа на лице, с ненакрашенными губами ей можно было дать от силы лет двадцать пять.

— Скажи мне, Андрей, ты просто любишь в огнестрельные железки играть? Неужели не понимаешь, что в обстоятельствах, в которые мы попали, ни пистолеты, ни автомат твой не помогут? Удивляюсь на тебя. Нам скорее всего жить-то осталось... считанные часы. Я — ладно, заслужила, а тебя мне вправду жалко. И вчера я от души хотела... твои... наши последние минуты скрасить...

Он понял, что говорит Сильвия искренне. И испытал благодарность. Если агтрианка уверена, что пришло время умирать (в общепринятом смысле), то слова доказывают, что она все же остается по нашу сторону баррикад.

Однако ответил он только на первую часть вопроса:

— Совершенно с тобой согласен. Против галактической мощи автомат не поможет. Но ведь возможны ситуации, когда и обыкновенная утяжеленная пуля кое-что значит. И я предпочитаю лучше таскать почти бесполезный автомат ради того, чтобы не было мучительно больно вдруг осознать, что вот сейчас он мог бы и пригодиться, а его нет. Представь себе — Африка, джунгли, маленький жалкий пигмей, неграмотный, но с автоматом. И десяток выпускников Гарварда, каждый из которых знает и умеет столько, что при необходимости может спалить лазерным лучом или напалмом не только означенного пигмея, а всю его Руанду-Бурунди целиком...

Сильвия слушала внимательно, даже без привычной иронии в глазах.

— Вот они прилетают на шикарном «Ирокезе» с локаторами, УРСами и НУРСами, жутко умные и в себе уверенные, а он вдруг из-за кустика р-раз... — Новиков прищурил глаз и изобразил указательным пальцем характерное движение.

— Убедил, сдаюсь... — И Андрею показалось, что она вздохнула, если не с облегчением, то со слабой надеждой.

— Тогда за работу.

Он уже придумал, как облегчить себе задачу. Мешки нужно будет донести только до края обрыва, а там вбить в ствол кедра толстый железный крюк или скобу и спускать груз тросом прямо на причал.

Да и зачем вообще его носить? Сейчас заведем гусеничный вездеход и на нем перебросим все мешки одним разом. Хоть и сотня метров всего. И выигрыш времени десятикратный... Тем более что вездеход все равно использовать придется, хотя первоначально Новиков думал о совсем другом его предназначении.

Пусть и простоял мощный, похожий на доисторического трицератопса «ГТТ» в боксе всю зиму, завелся он сразу. Взревел радостно отвыкший от работы дизель, выбросил через толстую горловину выхлопного патрубка несколько тугих клубов черного дыма и застучал ровно, хотя так громко, что без танкошлема стоять рядом с ним было мучительно.

Он махнул рукой Сильвии, показал пальцем на мешки, потом на кузов транспортера. Все-таки удивительно, как это агтры сумели дать своим стройненьким элегантным агтессам силу одесских портовых грузчиков? Однажды еще в молодости он, валяя дурака, затеял бороться с Ириной во вре-

мя лесной прогулки. И вдруг почувствовал, что не может преодолеть ее сопротивления. Совсем юной тогда еще девочке, едва за двадцать лет, было весело, она хохотала, запрокидывая голову, золотистые волосы разлетались, а он уже всерьез пытался завести ей руки за спину и повалить на траву. Спортсменом Андрей был не последним, кандидатом в мастера по пятиборью, и рукопашным боем они с Сашкой занимались серьезно, а вот поди ж ты... И вдруг Ирина опомнилась, сделала вид, что не выдержала его натиска, упала на колени, потом опрокинулась на спину. Они стали целоваться, и он отвлекся. Как бы оправдываясь, Ирина потом объяснила, что тоже с детства занималась спортивной гимнастикой и фехтованием. А настоящую ее силу он узнал уже позже, когда она призналась в своем инопланетном происхождении. Экспериментально удалось установить, что эффективность мышц у нее, как у кошки, раза в четыре выше человеческой. Сотку она могла пробежать секунд за девять и в то же время толкнуть двухсоткилограммовую штангу.

С такой любовницей ссориться не рекомендуется. А леди Спенсер пусть разомнется, приятно посмотреть, как она трудится.

Пока Сильвия грузила мешки, Новиков готовил дом к встрече гостей. Понавешал везде, где можно, гранаты на растяжках, предварительно заперев входную дверь на висячий замок. Если войдут, сломав его, остерегаться вряд ли станут. Раскрыл для собак ворота продсклада — пусть поедят деликатесов досыта, когда совсем голодуха настанет, сумеют и банки консервные разгрызть, зубы у них как у медведей. А посторонних человекообразных еще и покусают до смерти, если через ограду без спросу полезут. Девять крепких собачек, это не абы что...

Когда опустили последний тюк на пирс, Новиков крикнул Сильвии снизу вверх:

— Посторожи там с автоматиком!.. Вдруг чего — постреляй немного, хотя бы поверх голов, и сыпья вниз. Думаю, обойдется, конечно, но на всякий случай...

Агтры, к их глубокому сожалению, кажется, все-таки опоздали. Новиков успел стянуть с надстроек катера плотный темно-зеленый брезент, отпер вагонного типа ключом двери надстроек. Опустился по трапу в холодное, густо пропахшее запахами солянки и масла машинное отделение. Он не был специалистом морского дела, но перед и во время их

единственного двухнедельного похода Воронцов здорово гонял всех и по материальной части, и по навигации, пока каждый не смог стоять самостоятельные ходовые вахты.

Минут через двадцать ему сначала удалось завести пуск-кач, а потом уже замолотил и главный двигатель, выплевывая за борт горячую воду.

Весь свой багаж Андрей перетащил под широкий навес на корме катера. Разобраться с ним можно будет позже. Поднялся в рубку, потрогал, вспоминая, облитые толстой губчатой резиной рычаги манипуляторов.

Приборов на щитке не так уж много, и большинство понятны — тахометр, репетиры эхолота, лага, часы моторесурса дизеля, указатели горючего в основных и запасных баках, амперметр, креномер, гиро- и магнитный компасы. Конечно, экран радиолокатора.

За спиной штурманский стол и выгородка радиорубки. Осторожно двигая рычаги, самым малым задним Андрей вытянул катер из ковша между берегом и пирсом, реверсом пригласил несущую «Ермака» на камни инерцию, аккуратно подрабатывая винтами враздрай, развернулся, дал малый вперед и, обойдя волнолом, легонько притерся к нему левым бортом, уже на открытой воде. Теперь в случае чего полным газом можно выйти на стрежень реки и поворачивать, исходя из обстановки, вверх или вниз по течению.

Он соскочил на колышущиеся под ногами бревна, обмотал вокруг кнехта швартов.

Свисающий с обрыва трос годился, чтобы Сильвия по нему спустилась драйвом по стене в случае чего, а подниматься Новикову пришлось пешком, по лестнице в двадцать пролетов.

Пока он возился с катером, пришла посылка от Антона. Не обманул форзейль, управился вовремя.

Шагах в трех от крыльца лежал в траве густо-черный обтекаемый ящик размером чуть больше нормального кейса. Звучно попискивал опознавательным сигналом и покачивал над крышкой пружинистой антенной. Когда Андрей приблизился к нему, ящик замолчал. А если бы не он подошел со своим синхронизатором, а успевшие раньше агтры? Рванул бы ящичек парой килотонн, подняв дымно клубящийся гриб до самой тропосферы?

Открылся контейнер сам собой, внутри у него, разделенного на два отсека, не было ничего неожиданного. В одной секции разместились известного вида серебристые шарики с длинными усами, похожие на первый советский спутник 1957 года. Только размером чуть меньше лесного ореха каж-

дый. В другой лежали штук тридцать цилиндрических сигнальных ракет. Без всякой инструкции было понятно, что усатые имитаторы следует заряжать в соответствующие подпружиненные камеры в головной части ракет.

На воющем картоне корпуса каждой тем не менее сообщалось, как с ней обращаться. Андрея интересовала только последняя фраза: «Дальность полета до 40 км при выстреле под углом 45 градусов».

— Молодец, Антончик, хоть тут не сбыхал... — обрадовался Новиков. Армейский аналог такой ракеты летит тысячи на полторы метров максимум, а тут — сорок километров. Ну, побегают господа аггры...

И, не слишком торопясь, он выпустил шесть ракет вдоль линии горизонта, то поднимая пусковое устройство почти в зенит, то посылая маячки-психокопии чуть выше крон окружающих поляну кедров и сосен.

— Вот и ищите, чего вам надо, а мы поплывем по своим делам...

Разлучать собак ему вдруг показалось жалко, привыкли они жить все вместе, стайей, но все-таки двух здоровенных кобелей поманил за собой.

В путешествии по диким краям человеку без них придется трудно.

Теперь оставалось последнее мероприятие в операции прикрытия. Новиков снова завел вездеход, поездил на нем по двору и поляне перед домом, стараясь порезче дергать рычагами, взрыть дерн, оставить как можно более бросающиеся в глаза следы, чтобы отвлечь внимание от и так едва заметной колеи, идущей в сторону обрыва. Тупым скошенным рылом транспортера снес створку ворот, проехался гусеницами по упавшему столбу и, врубив третью скорость и полный газ, пересек поляну, давя кусты и подлесок, вломился в лес.

Здесь еще с дней первых исследовательских походов тянулась пробитая Шульгиным дорога, проходима лишь на тяжелой технике, но все же проходима. А вокруг стояла вообще такая чащоба, что застрял бы и пятидесятитонный «Катерпиллер» с бульдозерным ножом.

Новиков хотел было доехать до водораздела, откуда лесные ручьи, сливаясь в реку, начинали течь на юго-запад, в сторону города-муравейника квангов. И там, включив демультипликатор и постоянный газ, отправить «ГТТ» в самостоятельное путешествие вниз по склону. Пусть Дайяна гадает, не у своих ли товарищей по оружию решил землянин искать убежища и защиты?

Только отъехав километра полтора от Большой Западной поляны, он сообразил, что нарушает категорическое условие Антона и чересчур уже удалился от Сильвии. С трудом развернулся на узкой дороге, чуть не застрял между древесными стволами и погнал обратно, выжимая предельно возможную здесь скорость. И все равно едва не опоздал.

Вывернул на последнюю прямую перед поляной и ткнулся лбом в стекло, слишком резко взяв на себя рычаги фрикционов. В просвете между соснами он увидел заходящий на посадку аггрианский летающий гроб. А еще один плавно кружил выше, покачиваясь в восходящих потоках воздуха, как дирижабль.

Новиков на самых малых оборотах съехал с дороги в заросли колючих кустов, которые укрыли транспортер непроницаемой для глаз завесой, заглушил дизель и выпрыгнул наружу.

Больше всего он опасался, что Сильвия, впад в панику, не выдержит и начнет стрелять. Противоположного, что она окажется предательницей и сдаст его землякам, Новиков как раз не боялся. Хотя почему предательницей? Это сотрудничая с ним, она предает своих. Да и так тоже сказать нельзя. Если они хотят ее «развоплотить», разве нежелание подчиниться уготованной судьбе можно назвать предательством? Только если пользоваться сталинской логикой...

Андрей не знал, делает ли его синхронизатор Антона невидимым в оптическом спектре или лишь для поисковых приборов, а может быть, просто защищает от механического или психического воздействия, но на всякий случай старался не показываться агграм на глаза. Поляна, когда потребовалось обогнуть ее по периметру, прячась за кустами и деревьями, оказалась неожиданно большой. С крыльца дома она такой не воспринималась.

Новиков бежал, уворачиваясь от целящихся в глаза суцьев и веток, спотыкаясь на скрытых травой колдобинах, и ему казалось, что под ногами у него движущаяся в обратную сторону тренировочная дорожка — так медленно он приближался к цели.

А оба летательных аппарата уже приземлились посередине двора. Из первого высадились три фигуры в белых ракообразных скафандрах и Дайяна «о натюрель», то есть в коротком темно-зеленом платье, едва закрывающем колени. Это пристрастие к земной моде настолько поразило Андрея, что он даже остановился посмотреть повнимательнее, да заодно и дух перевести.

Значит ли факт ее умения обходиться без скафандра, что она присутствует здесь нематериально, в виде фантома, или же это какая-то высшая форма адаптации, позволяющая существовать и в прямом, и в обращенном времени? В любом случае интересно, только как теперь вести себя, если придется все же вступать в бой?

Второй аппарат выпустил наружу еще пятерых тяжело-защищенных агтров. Они рассыпались по двору, демонстрируя неплохие армейские навыки. Заняли ключевые точки, позволяющие держать под наблюдением и обстрелом все подходы к ограде. Дайяна в сопровождении двух не слишком проворнодвигающихся «солдат» направилась к крыльцу. За это время Новиков успел пробежать еще сотню метров. Снова остановился, прячась за толстым, покрытым потеками смолы, медно-красным стволом «пицундской» сосны.

Признаки поспешной эвакуации аггрианская «бандерша» наконец заметила. С видимым даже на расстоянии недоумением она осмотрела все, что приготовил для долгожданных гостей Новиков, проследила взглядом следы гусениц на мягкой и сырой земле, потом, осторожно ступая совсем здесь неуместными туфлями на каблуках по ступеням лестницы, поднялась на веранду. Андрею это показалось сценой из военного фильма, в которой немецкие каратели по наводке осведомителя нагрянули на партизанскую базу и застали ее только что покинутой. По логике сценария им бы сейчас с гортанными криками разбежаться по своим мотоциклам и бронетранспортерам и затеять лихую погоню со стрельбой.

Но криков никаких не было. Изображая из себя не эсэсовца, а скорее Шерлока Холмса, Дайяна медленно расхаживала по веранде, высматривая какие-то интересующие ее следы происшедшего. За это время Андрей явно успел бы добраться до берега и воссоединиться с Сильвией, но ему было интересно, а с обрыва веранда была не видна. Попытка же незаметно погрузиться на катер и отплыть заведомо обречена на неудачу — его движки работают слишком громко. Остается либо дожидаться, пока агтры убедятся, что птички улетели, и сами уберутся отсюда, или в крайнем случае попытаться повторить подвиг Шульгина, вступив с противником в открытый бой. Пользуясь внезапностью, Андрей мог рассчитывать перестрелять всех девятерых, пока они поймут, что вообще происходит. Из опыта было известно, что попадание утяжеленной пули в любую точку скафандра вызывает его мгновенную разгерметизацию и аннигиляцию в потоке антивремени.

Пока Новиков размышлял о разумности и своевременности перехода к активным действиям, а также о том, что в пистолете у него всего одна обойма и стрелять в случае чего придется без права на промахи, ситуация внезапно и резко изменилась.

Дайяна замерла, как охотничья собака, делающая стойку, медленно повернулась в сторону ведущей к берегу тропы и выбросила вперед выпрямленные руки с широко расставленными пальцами. Андрею показалось, что при этом ее короткие и пышные волосы, уложенные в аккуратную прическу, выпрямились и встали дыбом, сделав голову аттрианки похожей на спелый одуванчик.

Несколько секунд — и из леса появилась Сильвия. Неестественно клонясь вперед, словно против сильного ветра, она шла, путаясь ногами в высокой траве, лицо ее казалось лицом мраморной статуи. В правой руке она держала ремень автомата, и никчемный «АКМС» волочился за ней, цепляясь стволом за землю. Бросить его она не догадывалась или просто не осознавала, что вообще происходит. Наверное, маячки-имитаторы залетели слишком далеко и не могли перебить своими импульсами подлинный ментальный фон Сильвии.

Вцепившись пальцами в шершавую кору дерева, Новиков зачарованно смотрел на эту жутковатую картину.

ГЛАВА 13

Ирина чувствовала себя плохо. Не оставляла тревога за Новикова. Вроде бы привычная ко всяким превратностям жизни инопланетной разведчицы (кстати, почему разведчицы? Дурной стереотип, разведкой как раз она не занималась никогда. Она была, если так можно выразиться, дипломатом-нелегалом, причем весьма невысокого ранга), зная, как сложна и многовариантна окружающая, искусственно созданная реальность, она должна была спокойнее относиться к возможным эксцессам, подстерегающим людей, рискнувших вмешаться в тайны естества. Всякое ведь уже случилось с ней и с ее друзьями, но всегда самые невероятные коллизии заканчивались благополучно. Берестин, попав в развилку времен, целых четыре месяца прожил в параллельной реальности, пока она с Левашовым не вытащила его оттуда. А эпопея Валгаллы, а сталинский эпизод Андрея... И многое другое тоже. А теперь ведь Новиков не один, с ним Сильвия,

опытный и подготовленный ко всяким превратностям жизни специалист, намного превосходящая по своим умениям и способностям саму Ирину. Бояться вроде бы нечего... А может быть, как раз того, что он связался с Сильвией, чрезмерно доверился ей и переоценил свои собственные возможности...

Надоела Ирине вдобавок однообразно-размеренная жизнь на пароходе. На берег женщинам Воронцов позволял сходить редко, даже в сопровождении роботов-телохранителей, справедливо полагая, что от хорошо подготовленного покушения не спасет никакая охрана. Особенно он ужесточил режим после сообщения Шульгина о нападении на поезд.

— Игра переходит в острый миттельшпиль, — сказал он и объявил на «Валгалле» военное положение со всеми вытекающими из него строгостями службы.

Осмысленного занятия себе Ирина найти не могла — такого, чтобы не оставалось времени на глупые тревожные мысли. Чтение, видеофильмы, болтовня с Натальей давно приелись. Единственной отдушиной было общение с Анной. Двадцатилетняя девушка оказалась более чем умна для своего возраста, легко приспособилась к реалиям конца века, и когда Ирина скорее от нечего делать, чем с дальним прицелом, начала обучать ее некоторым тонкостям своей профессии, та проявила и желание, и недюжинные способности. Бывают такие девушки, что любому занятию и увлечению, будь то балльные танцы, спорт или патологическая анатомия, отдаются с азартом, вызывающим подчас даже оторопь у окружающих. Увидев такое прилежание, Ирина решила подзаяться с Анной всерьез. Мало ли что их ждет впереди.

Начав с общефизической подготовки — бег, плавание, гимнастика, аэробика, Ирина, все время увеличивая нагрузки, перешла к специальным дисциплинам. Удивительно даже, как девушка, понятия не имевшая о спорте как таковом, умевшая, правда, играть в лаун-теннис, крокет и немного ездить верхом, с первых же занятий стала демонстрировать великолепную реакцию, координацию движений, выносливость и весьма приличную физическую силу. Шульгин не ошибся в выборе подруги.

Спортзал парохода был оснащен всеми мыслимыми тренажерами, и девушки занимались на них чуть ли не целые дни напролет. Наталья тоже было за компанию попыталась участвовать в их программе, но очень быстро ей это наскучило.

— В цирке я выступать не собираюсь, — заявила она, и стала приходить в спортзал только на час-другой, отрабаты-

вая комплекс упражнений, способствующих изяществу форм и стройности фигуры.

Анна не подозревала о том, что ее наставница под внешностью красивой, элегантной, пусть и хорошо тренированной женщины скрывает сверхчеловеческие качества и свободно могла бы стать олимпийской чемпионкой во всех женских и большинстве мужских видов спорта, поэтому злилась, когда ей приходилось проигрывать Ирине на беговой дорожке или татами. И тренировалась с еще большим азартом и ожесточением.

Увидел бы кто из ее московских подруг и соучениц, как хрупкая, мечтательная и застенчивая Аня Ставицкая, одетая в совершенно неприличное, обтягивающее трико, размахивая руками и ногами, пронзительно вскрикивая, дерется, словно римский гладиатор, с такой же, но еще более бесстыдно обнаженной дамой, вполне, впрочем, светской внешности.

— Неплохо, совсем неплохо, Аннушка, — говорила Ирина, когда они после контрастного душа сидели в примыкающем к спортзалу маленьком баре и пили душистый травяной чай. — Еще недельки две, и я бы тебя могла выпустить на ринг против юниора-перворазрядника...

Анна презрительно усмехнулась. Ринг ее не интересовал. Ей хотелось изучать по-настоящему боевые приемы и использовать их против настоящих врагов. Такая бескомпромиссная агрессивность даже слегка настораживала мягкую по характеру Ирину.

— Зачем тебе это нужно, девочка? Скоро все эти войны кончатся, мы уедем отсюда в красивые спокойные края, выйдешь замуж, детей заведешь...

— Вот еще! — фыркнула Анна. — Не больно нужно. Выто, Ирина Владимировна, не слишком похожи на образцовую мать семейства. Наталья Андреевна — другое дело, она для семейной жизни создана, а мы с вами — валькирии! Раз уж на «Валгалле» оказались.

И обвела взглядом стены бара, усилиями Шульгина украшенные цветными слайдами-витражами, изображающими в натуральную величину обнаженных и полуобнаженных девиц из западных фантастических боевиков — оседлавших чудовищные «харлеи», пробирающихся с бластерами наперевес по джунглям неведомых планет, поражающих мечами и рогатинами ужасных монстров и не менее ужасных человекообразных негодяев. А также предающихся радостям любви с красавцами-культуристами. Она уже достаточно цивилизовалась, и откровенные сцены не вгоняли ее в краску,

однако по сохраняющейся наивности Анна принимала картинки за подлинные фотографии и надеялась, что для нее столь увлекательные приключения еще впереди.

Да почему бы и нет, разве то, что она уже увидела и узнала, менее невероятно и интересно?

— Чем мы сейчас займемся, фехтованием или стрельбой? — спросила она свою наставницу.

— А не слишком ли? — осторожно спросила Ирина. — Не надорвешься? — Хотя опасаться этого не стоило: постоянный медицинский контроль показывал, что Анна пребывает в отличной физической форме.

— Не бойтесь, Ирина Владимировна... — В ее голосе прозвучала даже некоторая снисходительность. Недавно отметившая свое тридцатилетие, Ирина казалась девушке едва ли не старухой. Хотя и бодренькой.

«Надо будет ее проучить, — подумала та, великолепно понимавшая смысл Аниной интонации и слегка задетая. — Покажу ей парочку ударов и загоняю по дорожке, пока пощады не запросит...»

Фехтовали они на саблях, хоть это и не женское оружие и боевая дорожка длиной двадцать пять метров, а не двенадцать, как для рапиры. А захлесты гибкого клинка бывают такие, что и брезентовая куртка не спасает от болезненных, едва выносимых даже крепкими мужиками ударов, после которых на коже вспухают багровые рубцы.

Мстительные планы Ирины прервал гудок радиодина, настроенного на волну Москвы.

Вышедший на связь Шульгин обратился к ней с неожиданным вопросом: действует ли по-прежнему в здешней реальности та аппаратура, которой Ирина пользовалась еще во времена своей работы на аггров?

В комплект ее снаряжения, как он помнил, входил золотой, инкрустированный бриллиантами и рубинами «портсигар», который, кроме своего прямого назначения, являлся еще и своеобразным видеотелефоном, и устройством, позволяющим в каких-то пределах обеспечивать пространственно-временные перемещения одного или двух человек. Именно этим портсигаром Ирина в самом начале описываемых событий перебросила Берестина из восьмидесяти четвертого в шестьдесят шестой год, а потом вытащила его из трещины во времени, куда он случайно провалился. Мог «универсальный блок» также создавать эффект «растянутого настоящего» (сложный хронофизический парадокс, при котором «миг между прошлым и будущим» удлинялся с доли секунды до нескольких десятков минут, в нем не действовал причинно-

следственный закон и все происшедшие события были абсолютно обратимы) и вдобавок представлял собой весьма мощное оружие ударно-болевого действия.

Почти два года Ирина принципиально не прикасалась к этому и еще кое-каким агтрианским устройствам, подобно бросившему пить алкоголику. И вот вдруг Шульгин напомнил ей о ее почти уже забытом прошлом.

— Думаю, все функционирует по-прежнему. Насколько мне известно, испортить или сломать такие аппараты невозможно. А зачем это тебе?

— Боюсь, Ирок, нам придется вспомнить молодость. Не считая Олега, мы с тобой остались вдвоем, а времена мрачнели на глазах... Можешь найти прямо сейчас свой портсигар и перетащить меня к себе?

— Что-то страшное случилось? — побледнела Ирина. Не зря ее с утра томили особенно тяжелые предчувствия.

— Успокойся, конкретно — ничего. Но может. Сделай это, постарайся...

— Хорошо, я сейчас же побегу в каюту Андрея. Кажется, универблок был там. По крайней мере уже после вашего похода в Москву в его видела. А ты пока с Аней поговори, она рвет у меня трубку...

Не понимая, отчего она так вдруг перепугалась, Ирина торопливо натянула на еще влажное после душа тело джинсы и майку и действительно почти выбежала из бара.

Через полчаса, потребовавшихся на то, чтобы найти портсигар в многочисленных ящиках письменного стола Новикова, забитых всяким, на ее взгляд, хламом, рассчитать необходимую формулу прямого канала и разыскать координатную точку, в которой сейчас находился Шульгин, Сашка наконец материализовался посередине обширного, от пола до потолка уставленного дубовыми книжными стеллажами кабинета.

— Привет, — улыбнулся он Ирине. — Хорошо выглядишь, мать. Получилось, значит. Не потеряла квалификацию?

— Выходит, нет. — Ирина смущенно одернула майку. Обычно она не позволяла себе появляться перед мужчинами в столь затрапезном виде. У каждого должен быть свой стиль, считала она, и то, что позволено Ларисе, ей не подходит.

— Так что все-таки опять случилось?

— Я же тебе сказал — ничего конкретного. Просто моя обострившаяся интуиция подсказывает, что нужно максимально активизироваться. И Андрея требуется разыскать, и

в Москве назревают кое-какие события... Давай вместе думать...

— Ну, думай и мне подскажи, в какую сторону. А пока пойди с Анной поздоровайся. Она уже заждалась. Нельзя молодую девушку так надолго одну оставлять... Потом ко мне приходи, я в своей каюте буду.

Встреча с Анной получилась несколько двусмысленной. Девушка дореволюционного воспитания, она знала, что даже суженому нельзя намекать на свои к нему чувства, а тем более препятствовать мужчине заниматься своими мужскими делами. Тогдашние невесты ждали женихов и по году, и по два, как, например, тех же офицеров полярных экспедиций Толля, Русанова, Колчака, Вилькицкого. Но в то же время, попав под влияние Ирины и Ларисы, она старалась полностью соответствовать нравам и обычаям нового для нее времени, слегка даже перебарщивая по части эмансипации. Кроме уроков, извлеченных из общения со старшими подругами, Анна вдобавок насмотрелась западных видеофильмов, из которых тоже сделала для себя выводы о допустимых здесь нормах поведения. Шульгин же, неоднократно обжигаясь в отношениях с женщинами, изо всех сил старался раньше времени не связывать себя какими-то обязательствами, предпочитая ограничиваться чисто платоническими отношениями с девушкой. Так что и на этот раз ему удалось уклониться от решительного шага, хотя сделать это было не просто.

В ожидании встречи Анна не удосужилась переодеться, решив, что и в коротком тренировочном кимоно на голое тело она выглядит неплохо. Попытки же Шульгина сохранять дистанцию во время объятий и поцелуев она восприняла с неприкрытой обидой. Как отсутствие любви и недооценку ее женских прелестей. И ему пришлось выступить в непривычной роли моралиста, объясняя Анне, что в реальной жизни такие вещи делаются несколько иначе, чем в кино, и что вообще им следует сначала окончательно разобраться с большевиками и Антантой, а потом уже думать о личной жизни. И обставить их предстоящую свадьбу следует по всем правилам. С благословением родителей, венчанием в церкви и так далее.

— В общем, Ирина тебе все лучше объяснит... — А для себя он решил, что нужно будет непременно провести с Ириной и Натальей воспитательную работу, нельзя же, в самом деле, позволять невинной девушке бесконтрольно смотреть всякую пакость. Это как эвенков и чукчей спиртом поить. Русские мужики всю жизнь стаканами пьют, и ниче-

го, а лишенные генетического иммунитета северяне с одного раза становятся алкоголиками. А то получится из нее вторая Лариса, тем более что физические данные у девушки вполне подходящие.

В конце концов Сашка ее убедил и успокоил, пообещал, что вечером они съедут на берег и приятно проведут время в варьете или где угодно еще по ее выбору, и Анна убежала приводить себя в порядок и выбирать наряды. А Шульгин отправился к Ирине.

Теперь она встретила его при полном параде, причесавшись, подкрасив глаза и губы, надев простое, но весьма элегантное платье. Шульгин это заметил.

В Москве ему пришлось в голову, начал он ей рассказывать, что пассивно ждать, пока Новиков объявится сам собой или хотя бы даст о себе знать, уже бессмысленно. Нет, конечно, случиться с ним ничего не могло в принципе, он бы это почувствовал, однако поискать его стоит. Не думает ли Ирина, что если отправиться в Лондон и попытаться на месте во всем разобраться, отследить действия Андрея и Сильвии вплоть до момента их исчезновения, то это будет правильное решение?

Предложение для женщины оказалось неожиданным. За минувший год с ней произошли странные для нее самой изменения. Решив для себя навсегда отказаться от своей роли и превратиться в обычную землянку, она на самом деле начала быстро терять многие прежние черты характера и особые способности. словно той теплой августовской ночью, когда все они впервые перешагнули границу между подмосковным лесом и далекой Валгаллой, у нее в душе сгорели какие-то микросхемы. Ей теперь моментами было даже непонятно, как это она могла жить одна, считать себя инопланетянкой, воспринимать окружающую действительность если и не как враждебную, то, безусловно, для себя чужую, принимать самостоятельные решения, разрабатывать и проводить сложные операции по корректировке реальностей, мечтать о грядущем возвращении «домой» и о «нормальной» жизни на «родине». Все это сейчас казалось Ирине полусном-полубредом, единственно реальным в котором были только ее отношения с Новиковым.

И идея Шульгина сейчас показалось ей нелепой. Ну как если бы обыкновенной советской женщине, сотруднице Института мировой литературы (каковой она по легенде и являлась), незамужней, беспартийной, никогда не выезжавшей за границу, некие компетентные органы вдруг предло-

жили бы отправиться в Англию в качестве разведчика-нелегала.

Ей казалось, что она уже не только утратила все свои сверхчеловеческие способности, но и разучилась жить в обществе обычных людей, больше года проведя то на Валгалле, то в Замке форзейлей, то на пароходе, в тесном и замкнутом кружке близких друзей. Короткая прогулка с Андреем по Москве девяносто первого года ее напугала и надолго выбила из колеи, а теперь предстоит одной отправиться в совершенно чужой многомиллионный город, и ведь не просто в турпоездку... Да она уже забыла, как улицу переходить. Ей бы сидеть в этой уютной каюте, завернувшись в теплый халат, читать толстую книгу, любоваться огнем в камине...

Но разве Андрею, Сашке, Алексею было проще, когда по ее прямой вине им пришлось сражаться с могущественными пришельцами, странствовать в дебрях времен, рисковать головой, навсегда расстаться с привычной жизнью? Как она может сейчас, когда единственный любимый человек исчез, погиб, может быть, а то и хуже (что может быть нечто гораздо худшее, чем смерть, она хорошо знала по долгу службы), заботиться о собственном покое и благополучии? Конечно, она пойдет и в Лондон, и куда там еще потребуется, и сделает все, что от нее зависит.

Ирине показалось, что пауза затянулась до неприличия и Шульгин догадывается о ее недостойных колебаниях, но на самом деле она молчала всего три-четыре секунды.

— Конечно, Саша, если ты считаешь, что через Лондон мы быстрее отыщем Андрея, я пойду... Кое-чему меня все же учили. Давай обсудим, что придется там делать.

— Почему только тебе? Вместе сходим. Я, как говориться, места знаю... Начнем с дома Сильвии. Послушай, а ведь раньше ты умела мгновенно находить человека, где бы он ни был. Помнишь, как тогда в Москве?... И твои «гости», когда за нами гонялись, могли нас отслеживать, пока мы с Андреем им нос не натянули.

— Там совсем другое дело. На Андрея у меня специально «шар» настроен был, на волновые характеристики мозга. А когда Олег свою установку отлаживал, он все регулировки нарушил. Аггриане же, если помнишь, за нами следили по излучению этого самого универблока. — Она показала на лежащий на краю стола портсигар...

— Подожди. — Шульгину пришла в голову новая идея. — Если они нас по портсигару отслеживали и Олега потом тоже, так, может... У Сильвии же был при себе браслет? И такой же блок... Не подойдет для наводки?

— Сашка, ты гений! Если они на Земле, мы их найдем...
— Думаешь, они могут куда-то с Земли исчезнуть?..
— Не знаю, не знаю...
— Или еще в какую-то реальность?..
— Господи, как мне все это надоело! Уехать бы действительно в Новую Зеландию!..

— Ладно, настраивай свою машинку, с утра отправимся.

— Почему не сейчас?

Шульгин будто бы слегка смутился.

— Я тут это... обещал Анну в город сводить, прогуляться. И с Воронцовым кое-какие проблемы обсудить надо. Что там одна ночь. Утром пойдем, к вечеру управимся... Тебе же собраться надо, одежду подходящую найти, не в этом же ты в двадцатом году появиться думаешь? Тем более в ноябре там погода... О, придумал, тебе мужиком нарядиться нужно. Мало ли что случиться может, не будешь же в длинном платье и на каблуках по заборам и крышам прыгать...

Ирина с сомнением посмотрела на свое отражение в зеркале. Пышная прическа, высокая грудь, да и черты лица очень уж женственные. Сашка и тут нашелся:

— Ерунда, сделаем в лучшем виде. Я под Марчелло Мастроянни гримировался, никто отличить не мог. Грудь спрячем, волосы и ресницы подстрижем, усы наклеим... — Увидев ужас на ее лице, он успокаивающе махнул рукой: — Нет, серьезно. Наденешь котелок, волос не видно будет, плащ по сезону фигуру замаскирует, усы и бакенбарды тебе пойдут... Походку потренируй, чтобы поглубже была. Ну, в крайнем случае за гомика сойдешь, их там всегда навалом было, а я за свою репутацию не боюсь...

Попрощавшись с Ириной, Шульгин наконец поднялся на спардек. За время его отсутствия диспозиция кораблей флота на рейде изменилась. «Генерал Алексеев» теперь стал на бочке у входа в Южную бухту, а «Евстафий», «Иоанн Златоуст» и «Пантелеймон» подтянулись вплотную к «Валгалле». На «Евстафий» происходила какая-то оживленная деятельность. Не меньше сотни человек в синей рабочей форме и гражданской одежде копошились на палубе и надстройках. С борта парохода на броненосец тянулись толстые электрические кабели.

— Где капитан Воронцов? — спросил Шульгин подбегавшего с докладом вахтенного штурмана. Для роботов каждый пассажир «Валгаллы» считался прямым и непосредственным начальством.

— На «Евстафии». Прикажете пригласить его на связь? — Штурман тут же потянулся к висевшей на боку радиции.

— Отставить. Подайте шляпку к трапу.

Воронцова он разыскал в кормовом адмиральском салоне, где тот проводил нечто вроде рабочей планерки с техниками морзавода и роботами, исполнявшими в данный момент обязанности судовых инженеров-механиков. И лица у них по этому случаю были гораздо более интеллигентные, чем у строевых матросов, и одеты они были в офицерскую форму русского флота с соответствующими погонами. А сам Дмитрий, ясно было с первого взгляда, чувствовал себя абсолютно в своей тарелке — он давал указания, руководил техническим процессом, строго, но доброжелательно указывал на недоработки, недвусмысленно намекал на возможные взыскания. То есть как бы изображал классический тип советского партийно-хозяйственного начальника, но с легкой степенью пародии.

— Минуточку, ваше превосходительство, — кивнул он Шульгину. Услышавшие это титулование, корабельщики мгновенно вытянулись во фрунт. — Мы сейчас заканчиваем.

— Вольно, вольно, продолжайте, я на балконе пока перекурю...

Вскоре к нему вышел Воронцов.

— С приездом. Опять случилось что? Вчера ты вроде в Москве еще был. Самолетом прилетел?

— Напрямик... Понимаешь, Дим, я сначала просто собрался сходить Андрея поискать, не нравится мне его долгое молчание, а тут Кирсанов из пленного англичанина выбил интереснейшую информацию. Без внимания ее не оставишь.

— Рассказывай.

Кормовой балкон броненосца на шестиметровой высоте нависал над поплескивающей в ржаво-серые наклонные броневеты листы волной. Солнце поздней осени по пологой траектории скатывалось к верхушкам деревьев. Воронцов вынес из салона два совершенно неуместных на броненосце венских стула, сделал приглашающий жест.

— Кирсанов — парень квалифицированный. Я перед ним так, дилетант мягкотелый. И он сумел получить действительно серьезные факты. «Система», о которой до нас доходили только смутные и ничем не подтвержденные слухи, на самом деле существует и активно работает. Все предыдущие хохмочки — в натуре их проиоски...

Воронцов утвердительно кивнул. Это он сразу после торпедной атаки «Валгаллы», а потом и нападения неизвестных

на загородный дом первым высказал предположение, что против них и вообще складывающегося нового миропорядка выступает некая тайная сила почти что планетарного масштаба, сравнимая с агтрианским или форзейлианским «подпольем», но чисто земного происхождения. Нечто вроде тайного ордена розенкрейцеров. На вмешательство неизвестных ему «советников» в деятельность ВЧК намекал и завербованный Новиковым Вадим Самойлов.

— Итак? Оно самое? «Мировая закулиса»? Пресловутые Мудрецы, а?

Сашка беззвучно рассмеялся.

— Вот так же я и Кирсанова спросил. Дескать, не тот ли это «Тайный кагал», который с времен разрушения Храма европейскими делами заправляет? И он на меня как на дурака посмотрел, невзирая на мое высокое звание. Александр Иванович, сказал он мне, эти самые «Протоколы сионских мудрецов», которые вы, безусловно, подразумеваете, мы (то есть российская жандармерия) изучили еще до мировой войны. И признали их безусловной фальшивкой. Даже выяснили, кто их написал, для чего, о чем, и доложили непосредственно государю. Здесь же совсем другая ситуация.

Шульгин сделал паузу. Воронцов молча ждал продолжения.

— Знаешь, этот паренек вызывает у меня серьезные сомнения. Какой-то он слишком умный. Спрашивает меня: вы, господин генерал, с медициной знакомы? Это я-то... А что? — интересуюсь. Нет, ничего, только есть такое понятие — фагоцитоз. Белые, говорит, кровяные тельца, несмотря на цвет, никаких политических взглядов не придерживаются, однако, если в организм вредные микробы проникают, со всех сторон сбегаются и начинают их поедать...

— Так... — кивнул Воронцов.

— И сейчас в стане наших противников аналогичная ситуация складывается. Им глубоко наплевать, какие силы в России власть захватывают и под какими знаменами выступают. Главное — что происходящее затрагивает жизненные интересы очень важных персон. И они тоже сбиваются в стаю...

— Это мне тоже понятно. Дальше.

— И несть, следовательно, ни эллина, ни иудея. Сложился момент, когда в западном мире, если широко это понятие рассматривать, образовался клан частных и государственных лиц, теряющих столько от наших экспериментов, что они готовы на все, чтобы свои интересы отстоять. И высшие круги британской аристократии туда входят, и банкиры

швейцарские, и богатейшие промышленники. Транснациональные корпорации, по-нашему, — для чего-то пояснил Шульгин, как будто Воронцов сам не знал такого термина. — Еврейские магнаты, само собой, только не в национальном виде, а исключительно в финансово-политическом. Вот если французские Ротшильды рассчитывают свой навар поиметь от Донбасса или бакинской нефти, так они в делах «Системы» не участвуют, объективно могут даже нашими союзниками стать, а их швейцарские родственнички, что Ленина финансировали, а сейчас русское золото у себя складывают, так те, сам понимаешь...

— Ты мне политграмоту не читай, про межимпериалистические противоречия не хуже тебя знаю...

— Короче, на своих тайных сходках они решили, что Югосславии быть не должно, должна остаться Россия коммунистическая в качестве источника прежних доходов, а также и пугала для народов мира... Ради этого они пойдут на все.

— На войну тоже? — с неожиданной живостью спросил Воронцов.

— В крайнем варианте — безусловно... Пока же они лихорадочно пытаются выяснить, кто такие мы. Откуда взялись, кого представляем. Это их беспокоит и даже пугает. Тысячи агентов рыщут по шарик, собирают информацию. А нас всех, тебя, меня и прочих, приказано ликвидировать, поскольку считают нас «шестерками»-исполнителями... В дальнейшем намечается, — но это уже мои домыслы, английский майор к таким тайнам не допущен, — свержение Врангеля, может быть, даже и Троцкого, если он не оправдает...

Дмитрий кивнул удовлетворенно и полез в карман за сигаретами.

— Посему я решил, что это дело надо поломать. Наш «клиент», майор Роулинсон, наговорил достаточно в пределах своей компетенции. Я знаю, где в очередной раз соберутся представители названной «Системы». Это некий аналог существовавшего в наше время Бильдербергского клуба... Чтобы обсудить текущее положение дел и наметить следующий шаг. Считаю нужным...

— Ты сказал — представители? — перебил его Воронцов. — Но не хозяева? Тогда какой смысл?

— Хозяева вместе никогда не соберутся. Да это и не нужно. Полнотой информации всегда обладают фигары, а не алмазники... Вообще, давай оставим философию на потом. Ты у нас минер и подрывник, рассчитай мне оптималь-

ные параметры размещения и веса зарядов для предлагаемых обстоятельств...

Дмитрий пожал плечами:

— Запросто. Только снова спрошу: зачем?

— Выиграть время. И заодно поставить противника в абсолютно безальтернативную позицию. Чтобы у них не было иных степеней свободы, кроме тех, которые мы предусмотрели и к которым готовы...

Воронцов отодвинул стул и встал.

— Пойдем наверх...

Катер переправил их обратно на «Валгаллу».

— Пойдем ко мне. Перекусим, по паре рюмок выпьем, а то я здесь как настоятель женского монастыря существую. Скучно.

В служебной капитанской каюте, двухкомнатной секции, примыкающей к ходовой рубке, они сели вдвоем за довольно скромный, только с консервами и холодными закусками стол — Шульгин не хотел перегружаться перед назначенным праздничным ужином, а Воронцову вообще было все равно что есть. Дмитрий, будто забыв, о чем они с Шульгиным разговаривали на броненосце, стал рассказывать о своих нынешних заботах:

— Союзнички перед уходом из Севастополя в прошлом году взорвали машины на всех броненосцах, кроме «Алексеева» и «Победоносца». Отремонтировать их силами морзавода практически невозможно. В Николаеве и то на год работы с нынешними мощностями. Если не больше. Большевики в нашей реальности возились-возились, да так и бросили. В двадцать втором — двадцать четвертом году все пустили на слом. Там ведь надо палубы вскрывать, надстройки практически демонтировать, котлы и прочее заново изготовить, установить и снова весь верх собрать. А я вот придумал, как из положения выйти...

И соскучившийся по общению Воронцов начал увлеченно рисовать прямо на крахмальной салфетке толстым карандашом.

Положение и настроение капитана Шульгин понимал. Во-первых, он сейчас занимался любимым делом, а во-вторых, довольно долго уже был предоставлен самому себе.

Из всей компании Воронцов по-настоящему дружен был только с Левашовым, с которым проплавал на стотысячтонном балкере больше пяти лет, Дмитрий старпомом, а Олег инженером-электронщиком. А с прочими у него были пусть и приятельские, но подспудно напряженные отношения. Человек изощренно-остроумный, Воронцов почти всю созна-

тельную жизнь был вынужден проводить в специфической среде военно-морского и торгового флота, где большая часть его достоинств почиталась недостатками, а более или менее прилично существовать он мог, только культивируя ему самому не слишком приятные черты своего характера. И все равно не смог подняться выше звания капитан-лейтенанта и командира маленького тральщика в ВМФ (хотя и награжденного двумя орденами за абстрактное мужество при разминировании заминированного нашими же минами Суэцкого канала), а потом застрял в утомительной должности старпома без реальных шансов стать капитаном.

По всему этому он, не подавая вида, что это всерьез, шутиливо, но изощренно соперничал с Новиковым за лидерство в их маленькой колонии на планете Валгалла и совсем отошел от активных дел, получив под командование пароход того же названия.

Такой вариант устраивал всех, особенно когда Дмитрий, устранившись от большой политики, добился у Врангеля карт-бланша на восстановление превращенного в металлолом Черноморского флота. Не претендуя на военное руководство им. Просто как подрядчик-любитель вроде англичанина Кокса, для собственного удовольствия и за свой счет поднявшего со дна бухты Скапа-Флоу затопленный там германский «флот открытого моря».

Хотя, конечно, планы у Воронцова были куда более честолюбивые. Подобно Берестину, реализовавшему в двух войнах свои врожденные способности полководца, не менее волевого, но гораздо более здравомыслящего, чем Жуков, и Дмитрию хотелось проверить, основательны ли его претензии на имя флотоводца. Ведь с раннего детства Воронцова возмущали и заставляли страдать столь очевидные просчеты и ошибки людей, увенчанных адмиральскими погонами, но приведших Россию к позору Порт-Артура, Цусимы, Таллинской эвакуации и прочим эпизодам Отечественной войны, в результате которых первоклассная некогда морская держава превратилась в страну, имеющую самый дорогой и самый бессмысленный флот в мире.

Вот и сейчас Воронцов начал объяснять Шульгину собственные технические замыслы, не имеющие, как казалось Сашке, отношения к тому, о чем они только что говорили.

Шульгин в военно-морских делах понимал крайне мало. Те броненосцы, что восстанавливал и надеялся модернизировать Воронцов, были знакомы ему только по иллюстрациям к прочитанной в детстве «Цусиме».

Однако постепенно до него стало доходить. Они ведь де-

лали с Воронцовым одно и то же дело, только с разных сторон. Отчего сейчас Дмитрий и шурился, как сытый и довольный жизнью домашний кот.

— Значит, ты согласен, что этих ребят следует проучить раз и надолго?

— Вот, к чему я и подвожу. Раз уж мы тут оказались, отчего не исправить наконец вопиющую историческую несправедливость?.. Босфор с Дарданеллами и Константинополем, они чьи, в самом-то деле?

— Наконец-то единомышленник нашелся, — довольно окскабился Шульгин. — А что? Сейчас в Турции крутая война идет, греки чуть не треть территории захватили, проливы — якобы международная зона, в оккупации которой мы не участвуем, хотя и имеем полное право... Так вот я и подумал, что, если англичане вдруг на нас нападут?...

— Вполне свободно могут. Они там у себя на острове вообще со странностями. С чего им было «Гебена» с «Бреслау» в проливы пропускать, когда могли их своим флотом только так в Средиземном море раздолбать? А теперь запсихуют вдруг и на нас накатят? Особенно если «Система» того пожелает.

Шульгин вздохнул. Ко многому он уже привык за минувший год, только не отучился удивляться, как все туже закручивается пружина событий, вроде бы независимо от их воли, но и неотвратимо. Но, может быть, так и надо? Чтобы до упора. А там уж как выйдет.

— И что же, ты с тремя старыми броненосцами против всей Антанты воевать вздумал? У немцев, если не ошибаюсь, штук двадцать новых линкоров было, и то им англичане при Ютланде морду начистили...

— Ну вот уж хрен! — Воронцов попал в свою стихию. — Во-первых, до сих пор никто не знает, кто там проиграл, кто выиграл, но чисто технически немцы Гранд-флит отделили. Во-вторых, у англичан восточнее Гибралтара сейчас всего шесть линкоров и несколько легких крейсеров и миноносцев. А в-третьих, моя цель в том и заключается, чтобы они на нас бочку покатали, исходя из нашей абсолютной беззащитности. И вот тут...

— Ну что — тут? — Непонятно почему Шульгин почувствовал неожиданное раздражение и на себя, и на Дмитрия. Совершенно безмотивно, ведь только что они вели вполне конструктивный и взаимно приятный разговор.

Показалось вдруг глупым, ненужным и бессмысленным все, чем они занимались. Дорвавшиеся до бесконтрольной власти провинциалы. Не в географическом, а в интеллекту-

альном, если угодно, смысле. Ему в минуты беспричинных депрессий до сих пор казалось, что мировыми проблемами должны заниматься какие-то другие люди. С иным устройством психики, иным политическим кругозором. Прирожденные вожди и лидеры. Вроде того же Черчилля или Сталина, при всем к нему неуважении как к личности. Да, кое-что у них здесь получается, так не их личная в этом заслуга. Но все равно они больше реагируют на постоянно возникающие ситуации, нежели ведут продуманную, на годы вперед спланированную политику. И, надо заметить, все глубже и глубже погружаются в пучину проблем, не имеющих рационального решения.

Сашка опасался, что скоро количество их начнет возрастать в геометрической прогрессии и у них просто не хватит времени... А теперь вот и Воронцов решил внести свой вклад. Он как бы забыл, что сам первым и начал сегодняшний разговор.

— Ну, сумеешь ты потопить эти линкоры, согласен, особенно если противокорабельные самонаводящиеся ракеты использовать. Тогда и броненосцы ремонтировать незначет. А дальше-то? Новая мировая война? Не выдержим мы ее, вернее, нам как бы и до фонаря, сбежим в крайнем случае, и все, а мечта о великой свободной России? Кишка тонка сейчас со всей Антантой воевать...

Воронцов смотрел на него спокойно, даже иронически.

— В том и хитрость, чтобы без войны обойтись. У нас с Андреем на эту тему консультации были, он и согласился на себя принять всю «вельтполитик». И вдруг пропал. Я и опасаюсь, не с этой ли темой его исчезновение связано... Так что на вас с Ириной вся надежда.

Опять, сделав круг, беседа вернулась на исходную позицию...

— Ты вот что, — сказал Шульгину на прощание Дмитрий, — когда окажетесь в Лондоне, держите со мной постоянную связь. Где находитесь, что узнать успели, какой следующий шаг намечаете. Народу не нужны неизвестные герои... А расчеты я тебе сделаю.

ГЛАВА 14

...Произошло как раз то, от чего предостерегал Антон. Сильвия попала в сферу действия агтрианских чар. Примерно так случилось с Ириной в Москве, в самом начале всей этой истории. Агенты-контролеры, посланные самой Силь-

вией, пытались выманить ее из укрытия и, лишив воли и чувства самосохранения, заставить прийти в указанное место и сдаться. Спасли слишком большое для имевшейся в распоряжении «чистильщиков» аппаратуры расстояние, недостаточная их квалификация и решительные действия Шульгина и Новикова. Сейчас сама бывшая резидентша столкнулась с аналогичным, но неизмеримо более мощным действием деморализующей силы.

И как теперь поступить Андрею? Можно рискнуть, положить на силу антоновского приборчика, выскочить на поляну и принять Сильвию в «сферу безопасности». До нее отсюда около полусотни метров. Зона действия синхронизатора — тоже пятьдесят. Значит, нужно минимум две-три секунды. В его одежде и по такой местности быстрее никак не успеть. Можно и не добежать, особенно если защита ненадежна. Вдруг она только и именно от ментального воздействия прикрывает, а выстрел из гравимета размажет Новикова по земле? Да хотя бы просто создаст непроходимый гравитационный барьер? Во время битвы на перевале башенные гравигенераторы аггровских бронеходов давали поле в полсотни G, если не больше. А ему и пяти будет достаточно.

И зачем ему, в конце-то концов, эта Сильвия? Без нее он не обойдется, что ли? Ради чего рисковать головой? Враг она, если реально рассуждать, все, что могла, делала, чтобы их уничтожить, а уж когда проиграла, согласилась снисходительно присоединиться к команде победителей. Вот и пусть решает свои проблемы с земляками. Договорятся как-нибудь. Или потом Антон придумает, как ее выручить, если есть в ее присутствии какая-то необходимость

Думая так, он одновременно то ползком, то на четвереньках подбирался все ближе. И сжимал в руке неизвестно когда выскочивший из кобуры «стечкин». Ему казалось, что и сухие сучья трещат под ногами слишком громко, и ветки кустов качаются так выразительно, что не заметить его приближения просто невозможно. Уж он сам-то непременно бы засек такого неосторожного противника. Жаль, что Сашки Шульгина с ним нет. Вот быгодились его японские навыки. Вдвоем они вообще составляли идеальную боевую пару и по согласованности действий, и по взаимодополняемости способностей. Ну, делать нечего, надо исходить из того, что имеем.

А обстановка в очередной раз резко изменилась. Один из аггров в скафандре (Андрей по привычке думал о них в мужском роде, хотя уже знал, что имеет дело с бесполоыми

особями), продолжая выполнять свою программу или ранее отданную команду предводительницы, поднялся на веранду, постоял у запертой двери, коротким импульсом гравитации сбил замок вместе с засовом и вошел в дом.

Андрей как-то мельком отметил, что могучие собаки, способные вдвоем затравить медведя, сейчас забились под амбар и лишь поскуливали там от страха.

Не прошло и трех секунд, как белая неуклюжая фигура скрылась в темном проеме двери, когда оттуда гулко ударил двоянный взрыв. Лопнули и вылетели стекла ближайших к тамбуру комнат первого этажа.

Сработала первая растяжка, поставленная Андреем сразу за порогом.

«Одним меньше», — отметил Новиков машинально. Дайяна резко обернулась на звук. И тут же Андрей, оттолкнувшись от земли, как спринтер на низком старте, отчаянно крича Сильвии: «Ложись!», пальнул навскидку в сторону предводительницы аггров, один раз над головой, второй — под ноги.

Бросок получился стремительный, не зря он, лежа, успел проковырять носком сапога удобную ямку для упора ноги.

Наверное, ему сейчас удалось, как это умел делать Шульгин, перевести себя в другой масштаб времени. Пока он летел вперед, Сильвия продолжала пребывать в трансе, а Дайяна не успела повернуться в сторону нового звукового раздражителя.

Стремительной футбольной подсечкой и одновременным толчком в плечо он сшиб агтрианку наземь и сам повалился следом, подмял ее под себя.

«Настоящая!» — мелькнула мысль, когда он ударился подбородком о ее затылок. А то до последнего боялся, что Дайяна окажется лишь фантомом или голографическим изображением.

Помня о физических возможностях инопланетянок, он, не давая ей опомниться, безжалостно заломил левую руку далеко за спину, наступил коленом между лопаток.

— Сюда, скорее, помогай! — заорал он только начавшей приходить в себя Сильвии.

Дайяна забилась у него в руках с упругой нечеловеческой мощью. Испугавшись, что не удержит ее, тем более что Сильвия отчего-то медлила, Андрей перехватил пистолет плашмя и с маху припечатал килограммовую полированную железку к затылку агтрианки.

Она дернулась и обмякла. Новиков знал, что ненадолго. Шульгин в драке с пришельцами вообще бил насмерть, а че-

рез пять минут те снова были бодрые и активные, как ни в чем не бывало.

А вот наконец и Сильвия подобралась к нему на четвереньках.

— Снимай ремень, вяжи ей руки, потом ноги... — И только сейчас он с удивлением понял, что остальные агтры не замечают происходящего посередине поляны. Продолжают привычные действия. Двое или трое заторопились к дому, где исчез их напарник, и Новиков злобно подумал, что в суматохе еще кто-нибудь зацепит очередную проволочку. Остальные продолжали «охранять территорию», только, как показалось Андрею, активнее завертели по сторонам рогами и шипастыми шлемами, пытаясь понять, куда исчезла вдруг «хозяйка». Или действительно это просто роботы с примитивной программой и дистанционным управлением?

Только Сильвия успела стянуть поясом щиколотки Дайяны, как та действительно очнулась, снова забилась, заорала что-то хрипло, явно адресуясь к Сильвии, а та, отвернувшись, отрицательно качала головой, не соглашаясь или вообще отказываясь слушать.

А Андрей окончательно убедился, что защита действует, их под ее прикрытием не видно и не слышно.

— Потащили ее к катеру, — скомандовал он Сильвии и тут увидел забытый им кейс с ракетами. Как он оставил его возле крыльца, так тот там и лежал, не успев привлечь внимание агтров. Кейс был в зоне досягаемости. Новиков, даже не слишком торопясь, забрал его, перед тем как закрыть, зарядил еще один маячок и выстрелил горизонтально, целясь в сторону брошенного транспортера.

Трассер ракеты исчез в зарослях, сразу два скафандра развернули свои локаторы в ту сторону. Поколебались немного и вперевалку направились к лесу. Похоже, имитатор активизировался только после выстрела, ведь целая куча их в открытом кейсе внимания агтров не привлекала. А теперь он включился, и испускаемый им сигнал был достаточно силен, чтобы побудить «ракообразных» к действию.

Опять пригрозив извивающейся на траве Дайяне рукояткой пистолета, цыкнув на нее матерно, Новиков взвалил увесистую дамочку на плечо.

— За ноги поддерживай, — приказал он Сильвии и понес свою добычу к обрыву. — Ты успокоишься или нет? — прорычал он прямо в ухо никак не желающей смириться с позорным пленом агтрианки. — А то надрываться не буду, брошу на хрен с обрыва, а внизу подберу, что останется...

Когда они уже начали опускать Дайяну вниз на своей самодельной лебедке, со стороны дома шарахнул еще один гранатный взрыв.

Прикрутив концом шестипрядного линия Дайяну к поручням ведущего на мостик трапа, Новиков запустил двигатели и дал катеру «малый вперед». Стометровая стена розового гранита, поверху скрытая чащей непроходимого леса, плавно отодвинулась, вдоль бортов зажурчала и захлюпала короткая речная волна. Корму начало ощутимо заносить быстрым течением, и Андрей прибавил обороты.

«Ермак Тимофеевич» выгреб на главный фарватер. Турбины загудели ровнее, репетир лага показал сначала десять узлов, потом стрелка подошла к пятнадцати. Как помнил Новиков, ближайшие километры русло реки не имело крутых изгибов, выступающих мысов и мелей. Генеральный курс следует держать по стрежню, не отклоняясь более чем на пять градусов в каждую сторону. Он решил идти против течения, по уже изученному прошлой экспедицией маршруту. Глубины до самого истока реки были приличные, и никаких навигационных неожиданностей не предвиделось.

Утес с домом на вершине медленно растворялся на фоне безбрежного лесного моря, и Андрей с печалью подумал, что теперь, наверное, уже навсегда. А они ведь мечтали прожить здесь несколько счастливых лет, и так поначалу все и складывалось... Однако, значит, не судьба. Не успели даже дать собственных имен исследованной ими реке и другим географическим объектам в ближних окрестностях — поляне и дому.

Ну, в конце концов, нигде и не сказано, что жизнь у них должна быть тихой и спокойной...

Новиков решил, что теперь можно заняться пленницей. По громкой трансляции пригласил на мостик Сильвию, которая через открытый световой люк опускала в кают-компанию катера тюки и узлы с припасами.

— Давай-ка сюда нашу гостью. Пора обменяться мнениями... Только автомат возьми и близко не стой, мало ли... Э, нет, подожди! — крикнул он, увидев, что Сильвия собралась, забросив за плечо ремень «АКМС», развязывать Дайяне руки. — Ты бы еще ей дала автомат подержать.

И представил, как могли бы в таком случае развиваться дальнейшие события. Задача для курсанта разведшколы первого месяца обучения. Сильвия освобождает пленницу, та, как бы разминая затекшие кисти, делает резкий выпад,

одной рукой хватает автомат за цевье, другой бьет бывшую коллегу ребром ладони снизу под подбородок или просто сильно толкает в грудь.

Сильвия спиной вниз летит на палубу или за борт, а Дайяна навскидку стреляет в него, Новикова. Да и не стреляет даже, просто, прицелившись, спокойно предлагает поднять руки...

— Брось автомат сюда, я пока подержу ее на прицеле, а ты веди...

Дайяна, сопровождаемая и поддерживаемая под локоть Сильвией, поднялась по трапу. Андрей пропустил ее в рубку, закрыл массивную стальную дверь.

С утра бродившие по небу тучи буквально за последние десять-пятнадцать минут сплотились, низко нависли лохматой серо-сизой пеленой, вдоль реки задул знобящий ветер, волны стали круче и злее. Катер рассекал их по-прежнему легко, но появилась ощутимая килевая качка, а от ударов волн под правую скулу он стал заметно рыскать на курсе. Теперь уже Новиков не выпускал манипуляторов из рук. Река-то она река, но при такой ширине штормы на ней бывают не хуже морских, а по причине близости берегов и опаснее даже. И, судя по падающему барометру, шквал был не исключен.

А вскоре к тому же опустился холодный моросящий туман. Дайяна в своем не по погоде легком платье должна была уже порядочно замерзнуть, если ей свойственны нормальные человеческие реакции. Глядя на ее посиневшие щеки и вздрагивающие губы, усомниться в этом было трудно.

Однако, не доверяя внешней покорности, Андрей велел Сильвии усадить ее на откидной стульчик рядом с радиостанцией, а самой встать с автоматом напротив и подстраховывать переговорный процесс.

Новиков также предупредил агтрианку, что, если даже ей удастся как-то обмануть их бдительность и выбраться из рубки, прыгать в воду и спастись вплавь он не советует. Слишком вода холодная, до ближайшего берега не меньше километра, а стрелять он умеет прилично. Если же Дайяна в состоянии плыть под водой или даже ходить по дну, то на корме катера имеется бомбомет «хеджеhog», бьющий сериями от пяти до пятнадцати глубинных бомб. Раз подводным лодкам их мощности хватает, то ей, наверное, тоже... Он допускает, что использование такого оружия против слабой женщины негуманно, но пусть и она войдет в его положение...

— Перестаньте паясничать, — резко ответила Дайя-

на, вполне естественным жестом продолжая массировать запястья.

Новиков виновато улыбнулся и развел руками, заодно расстегнув кобуру «стечкина». Он слишком хорошо усвоил за последнее время, что только постоянная бдительность и готовность в любой момент нажать на спуск гарантируют в этом мире жизнь и безопасность. Вздумай Сильвия все же перейти на сторону своей землячки и кинься на него эти барышни обе сразу, неизвестно, сильно ли поможет ему пистолет? Как бы невзначай он переместился левее. Теперь между ним и агтрианками, пленницей и ее конвоиром, находились два намертво принаитовленных к палубе вертящихся кресла и колонка компаса. Он наконец позволил себе расслабиться и закурить сигару. Сочувственно осмотрел грязное платье агтрианки, разорванное по боковому шву почти до пояса, разползшиеся на коленях чулки. Туфли она потеряла еще на берегу.

Интересно, как легко во время рукопашных схваток рвется самая, казалось бы, прочная одежда. Андрей и раньше это замечал. Руками попробуй разорви пиджак или пальто, а даже в школьных, почти беззлых драках рукава и полы отрывались запросто...

— Переодеться во что-нибудь мы найдем, не уверен только, что по размеру. Поесть, выпить, закурить желаете?

Дайяна отказалась презрительным движением головы.

— Ну, вольному воля. А я бы выпил. Сильвия, сходи, пожалуйста, вниз. Вон в тот тамбур, третья слева дверь по коридору — камбуз. Там электропечь, в шкафчике чайник, заварка и прочее. Сделай чай или кофе покрепче. Сахару пару кусочков. И заодно подбери из своих запасов подходящую экипировку для коллеги. Воспитание не позволяет мне смущать ее своими откровенными взглядами, а отвернуться не могу, исходя из требований устава караульной службы.

Сильвия кивнула и не слишком уверенно стала спускаться по узкому, почти отвесному трапу, вдобавок все время норовящему выскользнуть из-под ног.

Андрей снова повернулся к пленнице.

— Ну... Я не хочу, чтобы вы расценивали происшедшее как недружественный акт или агрессию. Это лишь действия в состоянии крайней необходимости. Можно сказать — самооборона.

— Это у вас так называется?

— А у вас разве нет? — искренне удивился Новиков. — Вы нагрянули в сопровождении вооруженных... гм, скажем, лиц на территорию, которая является частным владением,

в отсутствие хозяев взломали запертую дверь, с помощью каких-то психотропных средств попытались захватить в плен леди Спенсер... Я верно излагаю картину происшедшего?

Похоже, Дайяна оправилась от некоторого нервного потрясения, вызванного непредвиденным для нее развитием событий, усмехнулась скептически.

— С моей точки зрения, все выглядит совершенно иначе. Я прибыла в место, которое вы называете своим частным владением, в полном согласии с ранее достигнутой договоренностью. Никаких агрессивных действий не предпринимала. А то, каким образом пригласила для беседы свою... гм, ну, скажем, сотрудницу, — передразнила она Андрея, — вас совершенно не касается.

— Кем она приходится вам, я не знаю. Для меня это леди Спенсер, моя гостя в загородном доме. И только. По земным обычаям противозаконное вторжение на территорию частного владения применение огнестрельного оружия вполне оправдывает... И, во всяком случае, я обязан любыми доступными средствами защищать доверившуюся мне даму.

— Может быть, достаточно? Прекратим валить дурака? — абсолютно спокойным, деловым тоном спросила Дайяна.

— Готов. Но что вы можете предложить взамен?

— Прежде я бы хотела узнать, каковы ваши планы в отношении меня?

— Самые мирные. Я уже сказал. Если вы дадите слово, что будете вести себя прилично, гарантирую достойное вашего ранга обращение, относительную свободу в пределах катера, сухую чистую одежду, пищу, если вы в ней нуждаетесь. А после того, как мы обсудим все актуальные проблемы, я вас освобожу окончательно. Да, кстати, как вам удастся обходиться без скафандра и там, и здесь? Вы разумное гуманоидное существо или... э-э... нечто вроде робота?

— Безусловно, разумное и достаточно человекообразное. Аналогичное той, кого вы продолжаете называть леди Спенсер. Что касается скафандра или его отсутствия... Я же не спрашиваю вас, откуда у вас то устройство, с помощью которого вы сумели взять меня в плен, оставаясь невидимым для моей охраны? И удивительно только, зачем оружие, вы ведь знаете, что я сейчас ничего не могу вам сделать.

— Да так, дурная привычка, — ответил Новиков, не желая показать, что слова Дайяны для него звучат откровением. До сих пор он воспринимал обещания Антона не более чем гипотезу. Но выходит, это правда. Однако пистолетную кобуру застегивать не стал, просто отвернул в сторону

ствол лежавшего на столе и направленного в грудь агтрианки автомата.

Постепенно разговор у них стал налаживаться. Поскольку все равно не было другого выхода. Для Дайяны ситуация сложилась явно проигрышно, а Андрей усиленно демонстрировал дружелюбие и готовность к переговорам.

Рано или поздно они подошли к сути вопроса. Ради чего Дайяне потребовалось приглашать (или «заманивать», как специально выразился Новиков) их с Сильвией на Валгаллу, какого конечного результата она ждет от общения с ними и что за участь могла бы ожидать их при благоприятном исходе переговоров и наоборот?

В ходе беседы Дайяна незаметно изменила манеру поведения и в какой-то мере внешность. Очевидно, подобный механизм в ее организме имелся. Она стала выглядеть проще, деловитее и будто даже симпатичнее. Обычным женщинам для такой трансформации требуются специальные усилия, косметика, услуги парикмахеров и визажистов, она же обошлась внутренними ресурсами. Хотя для представительницы высокой договаривающейся стороны ее испачканные землей и травяной зеленью колени, рваные чулки и выглядывающие из прорехи в платье бежевые кружевные панталончики не слишком соответствовали высокому дипломатическому статусу. Ее это, впрочем, волновало очень мало, что Новиков объяснил недостаточным вхождением в образ.

Ни Ирина, ни Сильвия ни за что не позволили бы себе столь равнодушно выставлять напоказ грязные ноги и прочее.

Смысл предложений Дайяны сводился к следующему. Новикову предлагалось, учитывая его выдающиеся, хотя и потенциальные пока еще способности, принять окончательное решение и немедленно перейти на сторону того клана Держателей Мира, который здесь представляют аггры, чья цивилизация является материальным воплощением (эффектором) одной из систем их мыслеобразов.

Андрей уже достаточно освоился в круте понятий, описывающих данную космогоническую гипотезу, и, не вдаваясь в технические детали, просто спросил Дайяну:

— А зачем?

Агтрианку такая постановка вопроса удивила, если не поставила в тупик.

Новиков уточнил:

— Нет, на самом деле, зачем это мне и зачем это им? Только не нужно всяких разглагольствований о благе приобщения к нирване, безграничным возможностям познания

при проникновении в Гиперсеть и тому подобное... Мне уже предлагалось такое, и я не нашел данную идею слишком для себя привлекательной...

Он нащупал правильный, на его взгляд, стиль поведения. Если ты заранее сообщаем партнеру, что предлагаемая им цена тебя не интересует, ему следует или сразу сворачивать разговор, мол, не хочешь — и не надо, или начинать импровизировать в поисках каких-то более веских доводов и заманчивых перспектив.

Это, конечно, в случае, если партнер руководствуется одной с тобой системой логики. На это Новиков и рассчитывал, имея уже некоторый опыт общения и с агтрами в лице Ирины, Сильвии и той же Дайяны, и с форзейями, представленными Антоном.

Расчет оказался верным. Дайяне пришлось раскрывать карты в тех пределах, которые ей были известны или определены.

В рубке появилась Сильвия. Она поставила перед Андреем на штурманский столик металлический термос и большую фаянсовую кружку. Налила до половины дымящегося кофе и снова скромно устроилась на откидной скамейке, давая понять, что обращать внимание на ее присутствие не стоит.

Дайяна, качнув головой, еще раз отказалась от протянутой кружки и после короткой паузы начала популярно ему объяснять, что Держатели Мира — это иное название для существующего у всех гуманоидных цивилизаций Метагалактики понятия Мирового разума. Мировой разум существует вечно, в том числе и до возникновения Вселенной вообще, так как является не материальной субстанцией, а неким «информационным континуумом» и пережил уже несколько Больших взрывов прямого и обратного знаков. Поскольку он равновелик себе, то включает в себя всю существующую информацию, в том числе и постоянно возникающую вновь, мгновенно ее воспринимает, усваивает и перерабатывает. Сюда относится и информация, создаваемая и осмысляемая каждым сравнительно разумным обитателем Вселенной. Для чего существует бесчисленное количество специализированных программ и подпрограмм, образующих ту самую межгалактическую Гиперсеть. Контакты любого мыслящего индивидуума с Гиперсетью осуществляются непрерывно и постоянно, но в девяносто девяти и девяти в периоде процентах случаев являются односторонними. Остальная часть контактов варьируется от случайных соприкосновений с приемом каких-то пакетов информации на подсознательном уровне

до тотальных и с осознаваемой обратной связью. Вот как раз Новиков и подошел вплотную к этому рубежу...

— И что из этого проистекает? — прикинулся до сих пор ничего не понимающим простаком Андрей. — Действительно, какие-то странные выходы в ирреальность со мной случались, однако ни пользы, ни удовольствия я от них не получил...

— Ну как же? — почти возмутилась от тупости собеседника Дайяна, а Сильвия, которая, конечно, лучше знала Новикова, по-прежнему молчала, опустив глаза. Андрею приходилось все время мельком поглядывать на нее, она его смущала, как преферансиста, собравшегося объявить мизер, смущает одна из карт прикупа. Она может оказаться и тузом, но от своей длинной масти, или хоть и восьмеркой, но чужой. И тогда нарываешься на ха-ароший паровоз! Штук на пять взятков.

— Вы же должны понимать, основой всего является дуализм. Не может Мировой разум существовать в одном лице. Это неминуемо привело бы к полной энтропии. Даже ваши древние философы это понимали, додумавшись до диалектики. А Держатели Мира задолго до возникновения нынешней Вселенной разделились на кланы, чтобы сохранять равновесие. Вся система мира выстроена подобным образом. Материя — антиматерия, время — антивремя, аттры — форзейли... Все эти структуры не враждебны друг другу, как Бог и дьявол в ваших мифологиях, они партнеры и вечные оппоненты, чтобы не допустить нарастания энтропии.

— Довольно понятно, — кивнул Новиков. — Как на семинаре по марксистской философии...

— А вот человек выбился из этого ряда. У него нет природного антипода...

— Зато он раздвоен сам в себе, — возразил Андрей. — Его психика балансирует между шизофренией и циклотимией. Шизофрения, в свою очередь, означает расщепление сознания, а циклотимия двухполюсна — маниакальная фаза и депрессивная. Очень вписывается. Впрочем, это вам Шулгин лучше смог бы объяснить, он психиатр профессиональный...

— Не совсем удачный пример, — отмахнулась Дайяна. — Человечество все равно едино по определению и вдобавок обладает потенциалом, позволяющим ему претендовать на вхождение в сообщество Держателей на правах отдельного клана. Поэтому и пришлось Держателям обратить на вас особое внимание. На нас и на форзейлей была возло-

жена миссия сохранения баланса на Земле. Путем противопоставления друг другу не тех или иных рас, а групп и блоков, представляющих взаимоисключающие интересы...

— Разумно, — кивнул Андрей с выражением экзаменатора, оценившего остроумное решение студентом логической задачи. — То есть сумевшее бы добиться единомыслия и солидарности человечество представляет смертельную опасность для Вселенной?

— На определенном этапе, — уточнила агтрианка. — Добившись единства, но не успев осознать своей истинной роли и ответственности...

— Толково... — снова повторил Новиков. — Отчего и недопустимыми были бы возникновение, скажем, подлинно всемирной религии или победа мировой революции по Марксу — Ленину...

— Совершенно верно.

— И в чем, по-вашему, должна заключаться моя роль? Как Христу, принять на себя ответственность за грехи нашего мира, условно говоря? Стать агентом «ваших» Держателей против «ихних», — он указал большим пальцем вверх и назад, как бы подразумевая форзейлей, — и не допустить объединения человечества ныне и присно?..

— Не стоит так резко формулировать, — улыбнулась Дайяна, которой показалось, что взаимопонимание начинает налаживаться. — Но вообще-то, если бы вы согласились достаточно определенно занять позиции, близкие к нашим, перспективы дальнейшего сохранения статус-кво стали бы более определенными...

Перед тем как дать какой-то ответ, Новиков решил, пользуясь случаем, узнать еще кое-какие интересующие его детали мироустройства в трактовке агтрианки.

— А вот что вы мне скажите: каким образом при таком объеме непрерывно поступающей информации ваши Держатели в состоянии контролировать мысли и поступки каждого отдельного индивида? Меня учили, что бесконечное количество информации требует бесконечного времени для ее обработки, даже при бесконечной скорости этого процесса...

— Остроумный вопрос. Но вряд ли я смогу дать на него исчерпывающий ответ. Как это ни обидно, я вынуждена признаться, что обладаю довольно ограниченными знаниями по столь серьезным проблемам... Видимо, правильным будет примерно такое толкование — Держатели (а я даже не знаю, имеют ли они какой-нибудь физический облик или существуют лишь в виде идеи), естественно, не могут или не

★ жаают снисходить до конкретностей, даже в масштабах звездных систем. Они выстраивают цепочки вертикальных сопряженных реальностей и связей внутри и между ними. Наша с вами Вселенная — разновидность реальности, в которой основные константы допускают существование разумной гуманоидной жизни. Она контролируется соответствующей структурой Гиперсети. И так далее, ступенями вниз вплоть до суперцивилизаций, обитаемых планет, рас и народов, их составляющих. Снизу вверх значимая информация фильтруется, поступает в нужные секторы Сети, которые и осуществляют корректировку в случае необходимости. Самый наглядный пример — человеческий организм. В нем много чего происходит и на биохимическом, и на клеточном уровнях. Однако до сознания доходит только то, что без его вмешательства сделано быть не может.

— Уловил. Могу предложить еще более наглядный пример — человеческое общество. Простые граждане могут делать все, что им заблагорассудится, но, когда они выходят за рамки, меры принимаются сначала участковым, потом райотделом милиции, а до главы государства информация доводится только в особо экстраординарных ситуациях... Или случайно...

— Да, совершенно верно. Вот мы как раз и играем роль того самого участкового, который узнал важный, на его взгляд, факт и доложил вверх по начальству...

— И начальник распорядился принять субъекта данного явления в разработку и завербовать его в негласные осведомители?.. Или сразу в штат зачислить?

Дайяна предпочла на этот провокационный вопрос не отвечать. Тогда Новиков задал следующий:

— Мне кажется, говорили мы много и утомительно даже. Кое-что новое для себя я услышал. Однако остается неясным — чем, по вашему замыслу, должна закончиться наша встреча? Какой-то конкретный результат вы для себя наметили достигнуть, когда приглашали сюда, за полсотни парсеков, или?.. Потому что примерно все то же самое, только чуть-чуть другими словами уже излагала мне ваш агент Ирина Седова несколько лет назад. Тогда мы с ней не достигли соглашения...

— Ну, если вы уже готовы к принятию решения, я скажу. Желательно, чтобы вы, осознав истинное положение дел и свои возможности, согласились присоединиться к Мировому разуму...

— В каком качестве? — настойчиво прикидываясь непо-

нимающим, повторил Новиков. Он видел, что его манера раздражает Дайяну, а ему это и требовалось. — Или вы хотите, чтобы я согласился вообще, без предварительных условий? Так не бывает, дьявол и тот сначала предлагает всевозможные блага, а уж потом протягивает свиток и перо...

— Мне кажется, что вы слишком несерьезно относитесь к вопросу, который жизненно важен...

— Считайте, что это у меня такой стиль поведения. Имею я на это право, будучи Очень Важной Персоной? А вы, как я догадываюсь, не более чем курьер, вся функция которого сводится к передаче мне некоей информации... Так что заканчивайте.

Очевидно, Дайяна вела какую-то свою сольную партию и Новиков портил ей игру. Однако не ответить на его прямой вопрос она не могла. Тут, очевидно, сказывалось то, что она находилась в плену, а не диктовала условия в более выигрышной для себя позиции, и наличие форзейлианского прибора...

— В случае вашего согласия вам, очевидно, будет предложена роль посредника-координатора в нашем секторе реальности. Вы получите возможность непосредственной и устойчивой связи с Держателями и станете...

— Вроде как бы наместником нашего варианта Вселенной? Заманчиво. При должной степени самомнения могу себя вообразить как бы даже богом... Ведь правильно? Для вас, например, не лично для вас, мадам, а для вашей цивилизации в целом, мои волевые решения станут обязательными? А если захочу, так возьму и отменю закон всемирного тяготения в вашей области Галактики? Это предполагается?

Он вдруг снова ощутил в себе прилив неких душевных сил, вроде как в Москве, когда сумел вызвать из будущего или из параллельной реальности агтрианскую межвременную квартиру-базу. Но сейчас он знал или догадывался, что способен подавить волю Дайяны, заставить ее сказать правду. Вроде бы как загипнотизировать ее.

— А теперь отвечайте честно: для чего вам это? Вы действительно лишь передатчик или у вас есть свой план? Говорите!

Дайяна примерно с таким же выражением лица, какое было утром у Сильвии, послушно ответила:

— Мы рассчитываем, что, если вы примете это предложение и согласитесь занять предлагаемую вам должность, мы, наша раса, получим свободу. Нам не нужно будет больше играть навязанную нам роль. Мы, не все, конечно, но принадлежащие к высшим сословиям, давным-давно все

знаем и тяготимся этим. Примерно как это было в вашей истории — изоциренная древняя цивилизация Китая под властью маньчжурских варваров... Или в личном плане — философ и мудрец Эзоп, одновременно раб малограмотного патриция...

— Хорошо подготовилась, молодец, — похвалил Дайяну Новиков.

Она словно не услышала.

— У нас даже хуже — мощная цивилизация, с древней историей, с невероятными по вашим меркам научными и техническими достижениями, могущая играть в Галактике самостоятельную и достойную роль, вынуждена на протяжении тысячелетий служить в качестве надсмотрщиков, пастухов для примитивной, почти первобытной расы, все достоинство которой заключается лишь в том, что когда-то кто-то из ее представителей сможет сравниться силой разума с Держателями...

Новиков подумал, что такое знание вполне может быть причиной страшнейшего комплекса неполноценности, а то и вообще национальной шизофрении.

Но одновременно показалось, что у него появляется интересная перспектива.

Он повернулся к Сильвии, которая по-прежнему молча сидела на своем диванчике в углу и с отсутствующим видом смотрела в темное стекло, за которым непроницаемой стеной стояла ночь. Хотя кто ее знает, может быть, ее зрение позволяло ей там что-нибудь видеть?

— Все слышала?

— Конечно, — дернула женщина плечом.

— Тогда забирай свою подругу, отведи ее в каюту и уложи спать. Можно надеяться, что никаких эксцессов до утра не произойдет? — Он говорил так, будто Дайяны здесь вообще не было, да и она сама то ли из вежливости, то ли из гордости делала вид, что разговор ее не касается.

— Думаю, что да. Зачем ей эксцессы?

— Хорошо, если так. Но все же на всякий случай ты осмотри каюту, чтобы никакого оружия и инструментов там не оказалось, запри снаружи дверь и возвращайся... И перодень ты ее наконец! А вас, мадам, — вновь обратился он к аггрианке, — я настоятельно попрошу не предпринимать опрометчивых шагов. Мы ведь еще не закончили разговор. Вполне возможно, что его итоги будут благоприятны для нас обоих. Вашему честному слову можно верить или у вас, как у правоверных евреев-талмудистов, обещание, данное гою, юридической силы не имеет?

Дайяна высокомерно усмехнулась.

— Ну, бог с вами, не буду от вас никаких клятв требовать. Отдыхайте.

Сильвия вернулась минут через пять.

— Все в порядке. Заперла и каюту, и тамбур на палубу, а иллюминаторы здесь маленькие, не пролезть.

— Молодец, ваша светлость. Делаете успехи. Так что, стоит ее слова принимать всерьез или что-то она темнит?

— Мне трудно судить. Так глубоко моя информированность не простирается. Я ведь только дипломат, специалист по земной истории и политике. Однако какие-то резоны в ее теории имеются.

— И как же я должен ей ответить?

Сильвия снова пожала плечами, теперь уже обоими сразу.

— Это опять же за пределами моей компетенции...

— Но все-таки? Ты лично какой предпочла бы исход?

— Разве сам не догадываешься?

— Хорошо. В общем, буду думать. Следующий вопрос, надеюсь, окажется для тебя полегче. Можно ждать репрессий со стороны оставшихся на главной базе ребят, то есть девчат? Не шарахнут они какой-нибудь супербомбой, так что и сюда достанет?

Сильвия, не отвечая, открыла брошенный в углу рубки кейс с имитаторами, взяла один, положила на край штурманского столика. Вытащила из заднего кармана джинсов блок-портсигар, нажала рубиновую кнопку. Очевидно, информацию от прибора она получала telepатически или через биотоки, потому что никаких воспринимаемых обычными чувствами сигналов Новиков не заметил.

— Сильное излучение. Думаю, что уцелевшие «солдаты» доложат на главную базу о случившемся, дождутся подкрепления с соответствующим оборудованием и начнут поиск. Сутки это у них займет, если ты разбросал маячки на достаточно сложной местности. Убедятся, что их обманули, а дальше не знаю. Бомбить по площадям вряд ли станут. Придумают что-то более остроумное, а вот что? Ты все время забываешь, я оказалась здесь впервые в жизни и никакого понятия об оснащении базы, ее гарнизоне, планах и инструкциях на случай чрезвычайных ситуаций не имею.

— Опять, что ли, Дайяну допрашивать? Надоело! Ну а если нас они не найдут, а сразу ее вычислять станут?

Сильвия направила портсигар теперь уже на Новикова.

— Ничего не получается. Экран абсолютный. Откуда у тебя эта штука? Раньше ведь ее не было, иначе и переход с Земли на Таорэру не получился бы...

— Секрет фирмы. Так, значит, под этим экраном ни катер, ни Дайяну не видно?

— Получается, что так. Известной мне аппаратурой экран преодолеть нельзя. От Антона подарочек?

— Если скажу, что в сельпо купил, все равно ведь не поверишь. Короче, иди тоже отдыхать в ее каюту. Пообщайся с ней, если еще не спит, может, узнаешь что интересное. А я выберу подходящую бухточку и стану до утра на якорь. Там и разберемся на свежую голову...

ГЛАВА 15

Ирине пришлось прибегнуть к помощи Воронцова, чтобы открыть проход из каюты прямо в один из холлов второго этажа лондонского дома леди Спенсер. В этом состояло главное неудобство установки пространственно-временного совмещения — кто-то должен был контролировать режим поля на станции отправления. Все хорошо помнили, как едва не закончились катастрофой экспедиции Берестина в шестьдесят шестой год и Ирины с Новиковым в девяносто первый.

Шульгин включил маленький, размером с авторучку, аккумуляторный фонарь, убедился, что шторы на окнах задернуты, после чего разыскал у двери круглый медный выключатель с увенчанным фарфоровым шариком рычажком. Вспыхнула многорожковая люстра, заискрившаяся водопадом хрустальных подвесок.

Хотя они собирались отправиться на поиски Новикова лишь утром, Ирина убедила Сашку изменить планы. Ей просто не хватило терпения, однако она мотивировала свою настойчивость тем, что ночь — более подходящее время. Если Андрей с Сильвией все еще в Лондоне, чем бы они там ни занимались, ночью окажутся скорее всего дома. А если их там нет, так прислуга будет спать, и они смогут беспрепятственно все осмотреть, поискать какие-то следы и улики, могущие намекнуть на судьбу исчезнувших друзей.

Все здесь было точно так, как при его первом посещении. Темные стенные панели резного дуба, а может быть, и ореха украшали африканские щиты и копыя, индийские сабли, головы антилоп, бегемотов и носорогов — память о колониальных походах и грандиозных сафари многочисленных предков леди Спенсер. Каминную полку и подвесные застекленные витрины заполняли бронзовые и нефритовые статуэтки из Китая, причудливые раковины Индийского

океана и Аравийского моря, непристойные деревянные божки Мадагаскара.

— Вот, Ирок, — негромко сказал Шульгин, — как настоящие-то агенты устраивались. А тебя твои начальнички засунули к нам под маской бедной студентки, едва на однокомнатную «хрущевку» денег выделили...

— В противном случае пришлось бы придумывать мне легенду внезапно осиротевшей маршальской дочки, а они у вас все наперечет, подходящей по возрасту и характеру не нашлось, — так же тихо ответила Ирина.

Шульгин потрудился над ней на славу, доказал, что не зря хвалился своими способностями гримера. Она и вправду выглядела рафинированным, может, немного женственным, но вполне убедительным молодым человеком лет двадцати — двадцати двух, безусловно, аристократом, с загорелым лицом, украшенным аккуратными каштановыми усами.

Оделась Ирина в стиле спортсмена-автомобилиста: большое клетчатое кепи с наушниками, блестящая кожаная куртка, клетчатые бриджи и ботинки-бульдоги с крагами.

Сам Шульгин нарядился в достаточно обычный, удобный и неброский твидовый костюм и прорезиненный плащ-реглан, на голове котелок, в руке массивная трость со спрятанным внутри мощным дробовиком.

На всякий случай — внизу могли быть слуги — Сашка задвинул засов двери, выходящей на просторную лестничную площадку.

Сравнительно быстро, часа за полтора, они осмотрели весь обширный этаж, двадцать пять или тридцать комнат, и жилых, и, так сказать, представительского назначения, соединенных многочисленными коридорами и коридорчиками в сложный, разветвленный и запутанный лабиринт, каким и должно быть родовое гнездо природной аристократки, обеспечивающее ощущение защищенности, комфорта и связи с теряющейся во временах норманнского вторжения вереницей почтенных и именитых предков.

Шульгину было немного странно вновь видеть дом, в котором он был совсем недавно, месяца два-три назад по собственному счету, входить в комнаты, ничуть с тех пор не изменившиеся, и в другие, которые прошлый раз были обставлены функциональной мебелью восьмидесятих годов, а сейчас загромождены тяжелыми диванами, креслами, стульями и столами стиля «модерн», какими-то никчемными бамбуковыми этажерками, расписными шелковыми ширмами, многочисленными цветочными кадками и горшками.

Но следов пребывания здесь Сильвии и Андрея они не

находили. Все было в идеальном порядке, пыль вытерта и цветы недавно политы, но не похоже, чтобы тут нормальным образом жили.

Ирина почувствовала разочарование и одновременно облегчение. Стараясь не признаваться себе в этом, она больше всего боялась застать Новикова с хозяйкой, например, в постели или просто весело проводящим время в компании здешних ее друзей, забывшим, что Ирина ждет его и волнуется...

Но этого не случилось, и с новой силой вспыхнула тревога другого рода. Куда они исчезли, если, возможно, вообще не появлялись в этом доме?

Шульгин и Ирина вернулись в каминный зал, из которого начали осмотр дома. Присели в кресла, немного расслабились. Сашка нашел в богатом домашнем баре Сильвии бутылку с незнакомым ему сортом ирландского виски и совсем уже собрался его продегустировать, как вдруг внизу, в глубине дома раздался далекий собачий лай. Он стремительно приблизился, и вот уже на лестничной площадке хрипели и задыхались от ярости два, а то и больше пса, кидаясь на двухстворчатую дверь так, что она вздрагивала, несмотря на толщину и прочность петель и засовов.

— Пара минут — и появятся слуги и охрана, — отметил Сашка, отставляя так и неналитый бокал. — Еще немного поспорят, что делать, и вызовут полицию. Или сразу начнут ломать, как думаешь?

Ирина, впервые в жизни оказавшись в положении застигнутого на месте преступления грабителя, испугалась. Вскочила с кресла, побледнела, что было видно даже сквозь грим, растерянно завертела головой, не зная, как поступить. Шульгин наблюдал за ней с улыбкой, ожидая, скоро ли она опомнится, поймет, что никакой опасности для них не существует.

Ей потребовалось на это секунд десять — недопустимо много для профессионалки.

— «Стар стал папаша, рука не та, глаз не тот...» — процитировал он персонажа давнишнего милицейского романа «Дело пестрых», бестселлера шестидесятых годов.

Виновато потупившись, Ирина вытащила из кармана свой портсигар. Шульгин кивнул одобрительно.

— Так. И куда же мы пойдем?

— Домой, наверное. — Она откинула украшенную алмазной монограммой крышку и стала набирать нужную комбинацию на клавиатуре, прикрытой фильтрами сигарет.

Слуги наконец добрались до двери, возбужденно перего-

вариваясь и обсуждая стратегию наиболее правильных действий. Голоса сквозь толстые полотнища дверей доносились глухо.

Шульгин отрицательно покачал ладонью.

— Не домой. В ближайший темный переулок... — прошептал он.

Открылось квадратное, два на два метра, окно перехода, окруженное по периметру фосфоресцирующей бледно-фиолетовой рамкой, за которой видна была перспектива ночной лондонской улицы. В сыром тумане тусклыми ореолами светились газовые фонари. Ирина что-то регулировала, время от времени невольно оглядываясь на двери, шум за которыми усиливался. Там, наверное, собрались уже все обитатели дома.

Риск состоял в том, что, согласно принципу неопределенности, не подстрахованное стационарной установкой поле могло забросить их или не в ту точку пространства, которая требовалась, или в другое время. Плюс-минус несколько часов, месяцев, а в худшем случае и лет.

Рамка, ограничивающая межпространственный канал, скользила вдоль темных фасадов домов, пока слева не обозначился вдруг узкий, совсем уже не освещенный переулок, почти щель между глухими кирпичными цоколями.

— Стоп!

Нижний край рамки уравнился с поверхностью мокрой вымощенной каменными плитами панели, и Шульгин, не забыв погасить свет в холле, шагнул в сырую мглу. Ирина — за ним. И тут же закрыла проход.

— Так. Конец первой серии. Начинаем вторую... — Шульгин вновь ощутил себя в своей стихии. — Пойдем.

— Куда теперь?

— А вот как раз туда, откуда ушли... — И, на ходу объясняя свой план, он повлек Ирину на улицу, в сторону парадного подъезда дома леди Спенсер.

Они успели как раз вовремя. Распахнулась входная дверь, и из ярко освещенного вестибюля на крыльцо выбежал полуодетый мужчина средних лет. Пока он озирался, сообщая, в какую сторону бежать, Шульгин преградил ему дорогу.

— Что здесь происходит? Я инспектор Скотленд-Ярда Лестрейд! — Никакая другая фамилия просто не пришла ему в голову. Да и вряд ли слуга был внимательным читателем Конан Дойла. Одновременно Сашка сунул руку в карман, то ли за оружием, то ли за полицейским жетоном. Он не знал, какие доказательства своей служебной принадлеж-

ности предъявляли в то время инспектора, но был уверен, что требовать таковых перепутанный, едва проснувшийся слуга не станет. Старая добрая Англия, здесь люди не допускают мысли, что кто-то назовет себя полицейским, не будучи таковым.

Обрадованный, что не придется бегать по улицам в поисках констебля, человек начал сбивчиво объяснять суть происходящего в доме.

— Пойдемте. И прекратите размахивать руками. — Шульгин извлек из-под плаща пистолет, который рассеивал всякие сомнения, если бы они вдруг и возникли.

По возможности точно копируя манеры британских полицейских, как он запомнил их по многочисленным в свое время фильмам, Шульгин отправился осматривать место преступления.

— А вы, инспектор Джонсон, останьтесь здесь и наблюдайте. Если злоумышленники попытаются бежать через окна — стреляйте без колебаний.

Он решил, что, несмотря на хороший грим, Ирине не стоит появляться в доме, где ее при ярком свете станут жадно рассматривать множество любопытных и, как обычно у людей этой профессии, наблюдательных глаз.

Поднимаясь вверх по знакомой лестнице, Шульгин спросил у дворецкого, представительного, вполне соответствующего стереотипным представлениям мужчины лет под пятьдесят, отчего тот послал человека на улицу, а не просто позвонил по телефону.

— Телефон в доме только в гостиной леди, как раз там, где заперлись воры...

— Уберите собак, — распорядился Шульгин.

Двух свирепых мастифов в кованых стальных ошейниках, которые при появлении Шульгина вновь залились наводящим страх лаем, согнали вниз по лестнице пинками и руганью. Количество столпившихся на площадке слуг обоего пола подтверждало высокое общественное положение здешнего аналога Сильвии и то, что в ее доме двадцатый век наступил только календарно, а жила она, соблюдая все традиции века предыдущего, с дворецкими, поварами, горничными, грумами, псарями и какие там еще существовали категории обслуживающего персонала. У «настоящей» Сильвии слуг, как заметил во время своего предыдущего визита Шульгин, в доме не было вообще.

Изображая хрестоматийного сыщика, Сашка тщательно (только вот лупы у него не было) осмотрел двери и пол вокруг, припав к замочной скважине ухом, долго прислушивался,

потом резким рывком — чуть от себя, а потом к себе — распахнул дверь. Когда они уходили, он не только погасил в холле свет, но и отодвинул засов так, чтобы он входил в гнездо всего одним-двумя миллиметрами. Шульгин выставил вперед руку с пистолетом и угрожающе крикнул:

— Стоять! Руки вверх! Полиция! — Подождал немного и пропустил вперед дворецкого. — Включите электричество...

После тщательного осмотра, который не выявил никаких следов присутствия в доме посторонних, Шульгин отправил всех по своим комнатам, а с дворецким, которого звали мистер Сноу, уединился якобы для составления протокола.

Протокол, собственно, занял всего несколько строчек. Бедный Сноу выглядел растерянным и обескураженным. Шульгину пришлось его успокаивать, высказать гипотезу, что собак вывели из себя обычные крысы, а засов могла нечаянно закрыть и хозяйка.

— У вас ведь наверняка есть еще хоть один выход со второго этажа?

— Конечно, есть, сэр. Но он только для слуг, ведет на задний двор. Леди Спенсер им никогда не пользуется.

— Как мы можем это знать? А если ей вдруг потребовалось бы уйти так, чтобы этого никто не заметил? У аристократов ведь свои причуды. Вы хотите сказать, что леди никогда не исчезала внезапно? А, кстати, где она сейчас?

Дворецкий задумался. Объяснение, предложенное инспектором, его устраивало. Больше всего он не любил непонятное и необъяснимое.

— Боюсь, вы правы, сэр. Леди действительно могла захотеть уйти по задней лестнице, а парадную дверь закрыть. Если бы горничная обнаружила запертую дверь днем, она бы не стала поднимать шума. А тут ночь да еще собаки... Да-да. А как раз недавно что-то подобное уже случалось. Леди Спенсер, никого не предупредив, уехала в свое имение неподалеку от Ньюсхэйвена... Отсутствовала почти месяц. Мы уже начали беспокоиться, хотели обращаться в полицию.

— Она у вас эксцентричная женщина?

— Леди Спенсер очень достойная дама. К слугам внимательна и добра... — не захотел поддержать затронутую тему дворецкий.

— Я так и думал. А как лорд Спенсер?

— Леди уже десять лет как овдовела...

Шульгин сочувственно покивал головой, но решил, что соболезнования высказывать поздно.

— Так вы не ответили, где сейчас находится ваша хозяйка?

— Позавчера она снова уехала в Танбридж-хаус. Но на этот раз предупредила и велела переправлять туда адресованную ей почту.

— Ну, значит, все в порядке. Думаю, уголовное дело возбуждать по случаю сегодняшнего инцидента нет необходимости.

Шульгин поднялся и надел котелок.

— Не желаете ли чего-нибудь выпить, сэр?

— Не отказался бы от стаканчика виски...

И, уже уходя, как бы между прочим спросил:

— Как, вы сказали, называется имение леди? Танбридж-хаус? Это по дороге на Бирмингем?

— Нет, совсем в другую сторону. На берегу Канала. Между Брайтоном и Истборном...

— Ты понимаешь, что это значит? — спросил Шульгин, когда они медленно шли по тихой туманной улице. — Си уехала позавчера. А Андрей ушел с ней две недели назад и подтвердил прибытие. Или слуга врет, или Андрей, что ли?

— Все куда тревожнее, Саша. По-моему, время раскачалось настолько, что парадоксы пошли косяком... Или Андрей потерял две недели во время перехода, или мы сейчас в прошлом... Надо бы узнать, какое сегодня число...

— А что для нас хуже?

— Вообще-то первый вариант был бы предпочтительней... Если мы оказались в прошлом, я даже не представляю, как из такого положения выпутываться...

— Тогда до выяснения считаем, что имеет место первый... Ну а если нет...

— Сейчас что будем делать? — Ирина как бы молчаливо согласилась с Шульгиным. — Поедем к Сильвии в имение?

— Обязательно, но сначала еще дельце имеется. Хорошо бы снова твоей машинкой воспользоваться, но рискованно. Не будем умножать парадоксы. По старинке придется...

Вдалеке зацокали по камням копыта лошади, и из тумана показался медленно движущийся кэб. С вокзала, наверное, возвращается, что ему еще глубокой ночью на улице делать?

Сашка свистнул и взмахнул рукой.

Они проехали мимо темной громады «Хантер-клуба», свернули на поперечную улицу, где и вышли у подъезда не слишком солидного отеля «Мансинг». Шульгин дал кэбмену на шиллинг больше, чем требовалось, и тот, довольный, щелкнул кнутом, посылая лошадь рысью.

— Так, Ирок, теперь ты меня подождешь вон в том скве-

рике. Надеюсь, грабители здесь по ночам не бродят. А если полиция — совершь что-нибудь. Только говори погромче.

Он быстро разделся. Под плащом и костюмом на нем был тонкий, облегающий, как резиновая перчатка, комбинезон. Угольно-черный, поглощающий свет так, что уже в двух шагах его практически невозможно было рассмотреть. И вдобавок покрытый, как шкура жабы бородавками, крошечными капсулами, заполненными сверхскользящей смазкой. При достаточно сильном сжатии они лопались, и тогда удержать Шульгина было бы труднее, чем обмылок в бане.

Сашка опустил на лицо маску с ноктовизором, застегнул пряжку пояса со всякими нужными предметами.

Большинство окон клуба были темными, только в двух или трех пробивался сквозь шторы слабый свет. Известно, что некоторые «хантеры» остаются и ночевать в комфортабельных гостевых комнатах.

С заднего двора Шульгин вышел к двери черного хода. Она была заперта, конечно, но Сашка на нее и не рассчитывал. Его интересовали окна. Почти сразу же он увидел приоткрытую фрамугу на третьем этаже.

Подняться по водосточной трубе и пройти пять метров по карнизу труда не составило.

Он бесшумно протиснулся в форточку, прыгнул на пол. План здания был ему известен, инфракрасная подсветка позволяла видеть в глухой темноте, как в ранних сумерках. Но все же нужную комнату он искал долго — не слишком умелый чертеж, сделанный Роулинсоном, и реальная сложная планировка старинного здания различались довольно сильно.

Майор утверждал, что функционеры «Системы» собираются всегда в одном и том же кабинете. Традиции, никуда не денешься.

Еще из Москвы пленник дал в Лондон кодированную телеграмму, в которой сообщил, что располагает информацией предельной важности и срочно выезжает. Встреча всего «Большого круга» была назначена на завтрашний вечер.

Дверь кабинета была незаперта. Да и с чего бы вдруг? Клуб столь респектабелен, что слуги даже антикварные фунтовые серебряные ложки после ужина не пересчитывали.

Шульгин убедился, что не совершил ошибки и попал именно в нужное место. Все точно так, как описывал майор. И стол, и трофеи на стенах, и таблички с именами постоянных членов на спинках кресел.

За десять минут он установил в укромных местах два радиомикрофона, закрепил под массивной тумбой стола, за стенными панелями, у основания многопудовой бронзовой

люстры дюжину стограммовых шашек мощного пластита с настроенными на общую волну взрывателями. Ошибки полковника Штауфенберга он повторять не собирался.

Сначала Шульгин хотел угнать какой-нибудь автомобиль, оставленный на улице без присмотра, но потом сообразил, что есть более простое решение.

Им ведь не нужно опасаться полиции или контрразведки, они вполне уважаемые господа и ничего противозаконного делать не собираются.

Дождавшись утра, он сначала снял номер в том самом отеле, из окон которого виден «Хантер-клуб», а потом разыскал контору по прокату автомобилей и нанял очень приличный сорокасильный «Остин Кабриолет» с шофером.

Через три часа, когда солнце подходило к полудню, они с Ириной подъезжали к воротам Танбридж-хауса, что в Восточном Сассексе.

Места здесь были красивые. Холмистая равнина с разбросанными по ней рощами и старинными усадьбами ленд-лордов, среди которых двухэтажный дом Сильвии из серого дикого камня, с остроконечной черепичной крышей, увитый плющом и окруженный парком, выглядел настоящим средневековым замком.

Перед крутой аркой ворот он велел шоферу остановить машину и несколько раз нажать резиновую грушу сигнала.

Не слишком торопясь и позевывая, из калитки появился слуга, гораздо менее почтительный, чем лондонский дворецкий Сильвии. Сообщил, что хозяйка уехала, куда и надолго ли — неизвестно, и собрался вновь исчезнуть в примыкающей к воротам караульной будке.

— Минутку, любезнейший, — окликнул его Сашка и, словно веером, помахал перед собой десятифунтовой бумажкой. Весьма солидная по тем временам сумма. Побольше месячного жалованья этого лакея.

Не теряя достоинства, он деньги взял и медленно, словно говорить ему было либо непривычно, либо противно, поведал, что леди Спенсер да, была здесь, но вчера вечером уехала. Нет, куда и на сколько — не сообщила. Не их, слуг, дело интересоваться господскими поездками. О том, что кто-то должен был приехать к ней в гости, она тоже не предупреждала. Шульгину пришлось использовать все свои дипломатические способности и еще десять фунтов.

— Гнать таких жлобов со службы надо, — пробурчал он себе под нос по-русски.

Однако вредный лакей все же признался, что Сильвия приехала сюда три дня назад, вела себя почти обыкновенно, может быть, больше, чем обычно, ездила верхом и была как бы слишком молчалива и задумчива...

«И неудивительно, — про себя отметил Сашка, — будешь тут молчаливым. Попробуй изображать саму себя шестидесятилетней давности, да так, чтобы досконально знающие тебя слуги не заметили подмены...»

— А позавчера к ней приехал в гости какой-то джентльмен...

Услышав это, Ирина вскинула голову.

Позавчера? Но позавчера Сильвия еще была в своем доме в Лондоне, а Новиков две недели неизвестно где...

— И каков он из себя? — небрежно спросил Шульгин. — Наверное, это наш друг, с которым мы договорились здесь встретиться.

Описание, данное слугой, полностью соответствовало внешности Андрея.

Упомянул он и о двух больших чемоданах, которые имел при себе гость.

— Днем они ездили верхом, потом вместе ужинали...

Слова из лакея приходилось тянуть чуть не клещами. Наконец стало понятно, что ночью Сильвия и ее гость уехали. Она оставила записку, вот только никто из слуг не видел, когда и как это произошло... Возможно, вызвали кэб или автомобиль со станции?

— То есть временные сбои усиливаются? — спросил Шульгин, когда они с Ириной остановились в первой же придорожной роще на холме, откуда хорошо было видно поместье.

— Трудно сказать. Слуги тоже могут врать или исполнять приказ хозяйки... Вдруг ей приходится сбивать кого-то со следа? А вот мы, если бы сразу сюда кинулись, могли их застать... — Видно было, что Ирина затосковала.

— Успокойся. Радуйся, что они живы-здоровы. Куда хуже, если бы на самом деле Андрей попал сюда две недели назад, после чего исчез бесследно...

— Я радуюсь, — слабо улыбнулась Ирина. — Так что мы имеем? Они ушли отсюда вчера вечером или ночью. И наверняка тоже внепространственным способом. Куда же они могли направиться? И зачем?

— Раз мы не знаем, о чем они говорили и что задумали, угадать сие невозможно, — с ноткой фатализма ответил Сашка. — Они вполне могут сейчас уже вернуться в Сева-

стополь или оказаться в Москве, а то и в Париже... Что делать-то будем?

— Знаешь, давай попробуем все же заглянуть на виллу. Вдруг там что-то нам подскажет...

— Разумно. Настраивай машинку... — Они отошли подалее, чтобы шофер ничего не заметил, и Ирина включила универблок. Только теперь они не стали перешагивать границы рамки, а осмотрели виллу как бы через окно, оставаясь в роще.

Следы пребывания в доме Сильвии и Андрея были уже устранены утренней уборкой. Хотя нет, в гостевой комнате они увидели аккуратно развешанный на плечиках костюм Новикова, в котором он ушел с «Валгаллы». Значит, здесь он с какой-то целью переоделся. Но во что? А в спальне Сильвии, в платяном шкафу, стояли привезенные Андреем чемоданы с золотыми гинейями, соверенами и бриллиантами.

— Надеюсь, здесь нет собак?

— Собак, пожалуй, нет, а вот нечто другое...

Ирина полуприкрыла глаза, крылья носа у нее вздрагивали, будто вдруг почувствовали незнакомый, едва уловимый запах. Она медленно поднесла ко лбу свой портсигар, стала совершать им какие-то плавные пассы. Такой ее Шульгин еще не видел. Она сейчас напомнила ему Сильвию во время сеанса заклинания генерала Врангеля.

Он не вмешивался, тихо стоял у нее за спиной, поглядывая в сторону двери, чтобы не появились оттуда неожиданно здешние слуги. Впрочем, чего здесь бояться? Ну, увидят висящие в воздухе цветные фигуры. Привидения как бы... Но большинство слуг, наверное, пользуясь отсутствием хозяйки, все еще спали или занимались какими-то тихими личными делами, а привратнику, внезапно разбогатевшему, в господских покоях вообще появляться не полагалось.

Наконец Ирина закончила свою «медитацию», закрыла «окно». И обессиленно опустилась прямо на подсыхающую осеннюю траву.

— Что с тобой случилось? — Обеспокоенный Сашка присел рядом, коснулся ее вздрагивающей руки.

— Они ушли... Туда... — Ирина указала пальцем в зенит.

— На Валгаллу, что ли? — догадался Шульгин.

— Наверное. Я уловила изменение напряженности хронополя. Так бывает, когда происходит мощный пробой пространства-времени. А другие каналы, кроме как на Валгаллу, Сильвия вряд ли могла организовать. Ей просто некуда больше...

Шульгин впервые за это долгое утро закурил, нервно за-

тягиваясь. Правильно он говорил Воронцову: спираль закручивается все туже. Хотят они этого или нет.

Ирина, которая последнее время курила крайне редко, протянула руку, и Сашка выщелкнул ударом ногтя под дно пачки длинную сигарету «Данхилл», поднес огонек зажигалки.

— А не в пределах Земли переход?

— Нет. Тут деформация на три порядка больше...

Еще помолчали.

— Так и что? Вернемся домой и будем ждать? Или движемся следом?

— Отсюда я не смогу. У моего блока мощности не хватит. Только если подключить к установке Левашова.

— Как прошлый раз? Но ведь Антон сказал, что путь туда закрыт навсегда.

— Откуда я знаю, — устало ответила Ирина. — Это все вне моего понимания и возможностей. Пошли домой, у Олега спросим...

Оторванный сообщением Шульгина от политической деятельности, Левашов прибыл на «Валгаллу», оставив Ларису на хозяйстве в Москве, тем более что она освоилась в мире победившего социализма гораздо естественнее его. Возможно, как раз в силу своего «партийного прошлого». Нравы МГК восьмидесятых годов не намного отличались от таких в году двадцатом. И даже более того, она ориентировалась в нынешней жизни примерно так, как вор со стажем в зоне для малолетних преступников. Каждый из них по отдельности мог выглядеть достаточно круто, но вся организация в целом — лишь слабое подобие настоящей. А самое главное, девушке нравилась ее новая роль, и, похоже, уже продумывался ею план, каким образом оттеснить Олега на вторые роли не только де-факто, но и де-юре тоже.

Левашов внимательно выслушал отчет Шульгина об их лондонской экспедиции. Гипотеза, которую предложила Ирина, удивила его так же, как недавно самого Сашку. При чем он, как первооткрыватель способа внепространственных перемещений (до путешествий по времени он, пока не пообщался с Ириной, своим умом дойти не успел), выразил сомнение в принципиальной возможности фиксации имевшего место перехода постфактум. В его экспериментах такой феномен не возникал. Зато Воронцов принял такую возможность сразу.

— Еще во время Отечественной войны нашими катерниками практиковался похожий способ поиска вражеских конвоев. Следуя большими ходами поперек предполагаемого

курса неприятеля, удавалось засечь стоячую волну кильватерного следа через несколько часов, когда зрительно море было абсолютно гладким. А тонкое днище торпедного катера воспринимало и усиливало удар. Слово колесом машины в выбоину попадаешь... И здесь, наверное, то же самое?

— Примерно так, — согласилась с ним Ирина, а Олег тут же начал производить какие-то никому не понятные построения на экране главного судового компьютера.

— Бросил бы ты пока свои теории, — посоветовал ему Шульгин. — Мы вроде бы всегда в острые моменты голый эмпирикой обходились. Включай свою машинку — и вперед. По той же программе, что самый первый раз...

— Хорошо быть умным раньше, Саша, как моя жена потом, — дружелюбно ответил Левашов. — Если помнишь наш первый день на Валгалле, так уважаемый капитан уже почти ответил на твой вопрос в свойственной ему образной форме...

— Совершенно не помню, — растерянно сказал Шульгин, а Воронцов улыбнулся. Тогда он, подчиняясь неожиданному озарению, спросил, вроде бы ни к кому конкретно не обращаясь: — Почему это по железной дороге, куда ни ежай, всегда приедешь на станцию, и, как правило, с буфетом?

— Все дело в том, друг мой, что наш переход с Земли на Валгаллу и был возможен лишь потому, что мы сумели поймать постоянно действующий несущий канал аггров, а отнюдь не по причине невероятнейшего стечения обстоятельств, позволившего с одного раза попасть на единственную, может быть, в Галактике стопроцентно землеподобную планету. А вот получится такой фокус второй раз или же нет...

Фокус не получился. Ни с помощью настроенной по прежней схеме стационарной установки, ни даже после того, как Олег с Ириной включили в основной контур ее универблок. Гудели трансформаторы, прыгали стрелки и мигали все положенные индикаторы на пульте, но всем знакомая светящаяся рамка, за которой должен был бы распахнуться зеленый и солнечный мир успевшей стать им почти родной Валгаллы, упорно возникать не хотела.

— Мотор был очень похож на настоящий, но не работал, — подвел итог своим усилиям Левашов и сбросил напряжение.

— И что из данного факта следует? — стараясь не показывать разочарования, спросил Шульгин. Как человек, из всей земной техники разбирающийся только в устройстве авто-

мобиля, катушечного магнитофона и автомата Калашникова, он свято верил во всемогущество Олега.

— Пожалуй, лишь то, что Сильвия придумала какой-то неведомый нам способ нуль-транспортировки. Причем крайне простой. Ее и твой универблоки однотипны? — обратился он к Ирине.

— Думаю, что да. По крайней мере о существовании каких-то других моделей я ничего не знаю. Я уже говорила, что, по моим сведениям, аггрианская техника за последние тысячелетия не претерпела никаких изменений. Понятие прогресса вообще чисто земное изобретение...

— Значит, она действительно просто лучше знает возможности своего снаряжения...

— Или канал открывали с той стороны, — закончил фразу Олега Воронцов.

Наступила неприятная тишина. То, о чем многие уже и так догадывались, было наконец сказано вслух. И, значит, можно было считать, что свою партию они проиграли вчистую.

Они доверились Антону, приняли предложенные им условия, сделали все, что он от них хотел, а теперь оказалось, что гарантии форзейля не стоили ничего. Отданная в их полное распоряжение реальность, якобы абсолютно «чистая», свободная от присутствия аггров, превратилась в ловушку. И к чему все их усилия, почти выигранная гражданская война, если враг обошел их с тыла, как танковые дивизии Гудериана линию Мажино?

— Мы, значит, вернулись к ситуации августа восемьдесят четвертого, только в еще худших условиях, — меланхолично заметил Левашов.

— А вот это ты зря, — не желал сдаваться Шульгин. — Положение у нас все-таки лучше... Если не считать, конечно, что мы пока не знаем, что с Андреем...

— Меткое наблюдение, — горько усмехнулась Ирина.

— Нет, в самом деле! Что с Андреем ничего не случилось, я убежден стопроцентно. Просто глупо было бы... После всего, что мы успели узнать, после его контактов с Держателями... Не может быть, чтобы вот так просто взяли, похитили и держат в узилище. Там, наверное, начинается новый виток вселенской игры. Эх, вот как бы опять на Антона выйти! Что ни говори, а он все же на нашей стороне, и информации у него куда побольше...

— Лампы Аладдина не хватает. Потер — и вот он перед нами...

— Как с лампой — не знаю... — Сашка прикрыл глаза, пытаясь поймать промелькнувшее где-то по самому краю сознания нечто. словно ветерок какой подул из-под «покрывала Майи». Что-то подобное он уже чувствовал однажды. В Замке. Когда некая потусторонняя, но дружественная сила пыталась достучаться до его сознания через теоретически непроницаемый блок. Похоже, будто аккуратные коготки тихонько поскребывали по черепной крышке...

— Есть! Сообразил!.. — воскликнул он на манер Архимеда. — Надо снова гнать в Москву, найти там старика Удолина. Он знает формулу выхода в астрал. Андрей попробовал и нашел там Антона. При мне все было. И вот еще что... Антон ведь предупреждал, чтобы не попасться в Ловушки сознания...

— Так то Андрей, у него... предрасположенность, — с сомнением выпятил нижнюю губу Воронцов. Ему не хотелось употреблять более сильный термин, обозначающий сверхчувственные способности Новикова. — А из нас таких вроде больше ни у кого нет.

— Потом будем выяснять, есть или нет. Но шанс это, на мой взгляд, пока единственный. Если, конечно, не предоставить все воле обстоятельств. Рано или поздно Андрей объявится, один или с Сильвией, да и Антон наверняка поблизости крутится, может быть, слушает нас сейчас.

— Нет, ждать нельзя!

Естественно, самой горячей сторонницей идеи Шульгина оказалась Ирина.

— Он-то появится, а у нас десять лет до этого пройдет. Сам видел, парадоксы уже начались. Надо немедленно отправляться...

ГЛАВА 16

То, что парадоксы действительно начались, отметила не только Ирина. Когда Левашов не возвратился через сутки, хотя рассчитывал, что совещание, на которое его пригласили, займет всего пару-тройку часов, Лариса забеспокоилась. Попыталась связаться с «Валгаллой» по радио. Безуспешно. Складывалось впечатление, что между Москвой и Крымом проходит сильнейшая магнитная буря, из динамиков раздавались лишь фоновый гул и треск разрядов. Подождав еще сутки — мало ли что могло задержать Олега, — она начала вызывать Харьков, штаб Берестина. Дежурный по штабу ответил, что генерал еще позавчера выехал в Севастополь, на

совещание к Верховному правителю. Это ее успокоило — наверное, большая политика требует присутствия в Крыму всех руководителей белой борьбы. Но ведь какой-то способ сообщить о задержке Левашов мог бы придумать? На третий день ожидания она решила использовать еще один вариант — послала офицера охраны в представительство Югославии на Кузнецком Мосту, где, как она знала, имелся телеграфный аппарат прямого провода, по которому можно было добиться разговора со ставкой Врангеля или штабом Черноморского флота. А сама начала готовиться к тому, что назревающие в Москве события ей придется встречать самостоятельно.

Уже несколько дней обстановка в городе начала, по непонятным пока причинам, накаляться.

На улицах резко увеличилось количество празднующейся и агрессивно настроенной публики. По слухам — других источников информации пока не было, — в Кремле срочно собрался не то внеочередной Пленум ЦК, не то расширенное заседание Совнаркома, сейчас уже трудно было провести четкую границу между этими органами, в обоих всем заправлял Троцкий, и подчас только он сам и знал, чье именно заседание в данный момент проводится. Информаторы Кирсанова сообщали, что возникла опасность мятежа части московского гарнизона: его командование не согласно с нынешней политической линией, которая расценивается как предательская по отношению к идеалам Октября. Ходят слухи о каком-то «завещании Ленина», якобы скрытом от партии, где названы имена главных врагов революции, длительное время травивших Ильича какими-то восточными ядами. Зная об этом Крупская скрывается чуть ли не в ярославских или вологодских лесах, откуда и шлет разоблачительные письма в Москву и Питер. На нее развернута настоящая охота. Пока безуспешная.

Впрочем, имелись слухи прямо противоположного содержания. Что как раз Троцкий с верными товарищами спасает революцию от заговора сторонников реставрации монархии. Особо упорно распространялась мысль о том, что вместо Николая был расстрелян совсем другой человек, а сам он давно служит в Красной Армии под видом военспеца, сбросив бороду и перекрасив волосы, и нынешние беспорядки им и инспирированы.

Значительный резонанс получила легенда, почти в шутку запущенная Новиковым, что воскрес якобы умерший четверть века назад истинный наследник престола — великий

князь Георгий, все эти годы тайно правивший империей руками слабого и безвольного Николая, а после расстрела царя он наконец объявился и вот-вот торжественно коронуется на престол...

Попытки Ларисы узнать что-нибудь похожее на правду от сотрудников советских учреждений, с которыми у нее были отлажены деловые контакты, особым успехом не увенчалась. Кое-кто просто уклонился от встречи, другие, более ей обязанные, отделялись туманными фразами о готовящейся «общепартийной дискуссии», которая и должна разрядить напряжение, или повторяли все те же надоевшие и глупо выглядевшие слухи.

Короче, исходя из ее знания истории и закономерностей политической борьбы, назревал очередной передел власти. Оставалось в соответствии с марксистской теорией выяснить цели и движущие силы начавшихся в обеих столицах беспорядков.

Самой Ларисе после продолжительных прогулок по городу представлялось, что обстановка в Москве до чрезвычайности напоминает последние дни перед Будапештским восстанием 1956 года, историю которого она, несмотря на все фальсификации, из закрытых источников знала довольно прилично.

Охрана особняка во главе с Рудниковым на всякий случай готовилась к обороне. Известно, что во время политических беспорядков первым делом подвергаются опасности всякого рода иностранные представительства, не имеющие тем более дипломатического статуса. Да и имеющие таковой тоже. Лариса помнила и о «заговоре Локкарта», и о «левоэсеровском мятеже», да и последующий исторический опыт XX века давал почву для размышлений.

— Лариса Юрьевна, — обратился к ней штабс-капитан, возвратившийся с короткой рекогносцировки прилегающих к дому кварталов, — прошу прощения, но я бы посоветовал немедленно вызвать сюда полковника Басманова со всем отрядом.

Постоянно мрачный, больше напоминающий профессионального налетчика из Марьиной Рощи, чем боевого офицера и способного деникинского контрразведчика, по довоенной профессии — газетного репортера, Рудников относился к Ларисе с подчеркнутым уважением, словно признавая ее право руководить не только Левашовым, но и офицерами его отряда. Ей даже казалось, что он в нее тайно влюблен, хотя внешне это ничем не проявлялось.

— Вы думаете, Виктор Петрович, что на нас действительно могут напасть? — Она сидела на подоконнике выходящей на Гоголевский бульвар комнаты, покачивала обутой в высокий кавалерийский сапог ногой, смотрела на едва различимую в тумане линию голых черных деревьев. — Но вот кто? Вы этого не выяснили? И стоит ли нам затевать сражение в центре города? Может быть, они только этого и ждут? Спровоцировать с нашей стороны сопротивление, под этой маркой интернировать все наши представительства, разорвать дипломатические отношения, вновь начать войну... И хотела бы я знать, что происходит в Севастополе и Харькове...

— Это мы скоро узнаем. Поляков вернется через час-полтора, я надеюсь.

— Если вернется...

— Обязательно. Он хорошо тренирован, вооружен и весьма осторожен. Москву знает. Пробрется дворами и туда, и обратно в случае чего...

— Вашими бы устами... А чем занимается господин Кирсанов? Я надеялась, что он давно уже добился от своих пленников показаний в полном объеме. И вообще, какой смысл держать в доме профессионального разведчика, если он не может даже узнать, что в городе творится! — Лариса соскочила с подоконника, легко прошла через комнату, поигрывая обтянутыми черным вельветом бедрами и как бы не замечая взгляда, которым сопровождал ее Рудников, остановилась перед большой, на полстены, картой города, провела пальцем линию от их особняка до Новодевичьего монастыря.

— А не лучше ли нам сюда переместиться, под защиту стен, башен и отряда Басманова? Здесь и настоящий штурм можно выдержать. Тем более, как я помню, у вас была договоренность с чекистами об экстерриториальности монастыря?

— Была. Только ведь мы с вами не знаем, чья сторона сейчас верх берет. Я походил, посмотрел, так на улицах черт знает что творится. Митингует всякая сволочь, власть нынешнюю ругает, кто требует труп Ленина на всеобщее обозрение выставить, кто, наоборот, немедленно на Крым наступать, винтовками размахивают, семечками плюются... Только что открывшиеся лавки да пивные хозяева снова заперли, окна деревянными щитами заколачивают. И это правильно, в уличных заварушках первым делом витрины бьют, знаем по семнадцатому году...

— А вот вы и выясните, это, кажется, входит в ваши обязанности! — резко сказала Лариса. — И вообще, сами решайте, я, в конце концов, всего лишь слабая женщина, в ваших военных делах не разбираюсь...

— Да уж кому говорить, — пробормотал себе под нос Рудников, выходя. — Наши бы офицеры так разбирались... — Уважая знания и характер Ларисы, он заодно в душе считал ее немножко шлюхой. Подобно тому, как арабские и иранские мужики относились к европейским и собственным эмансипированным женщинам, позволявшим себе щеголять в мини-юбках и с открытыми лицами. Ну не могла, с точки зрения Рудникова, приличная женщина ходить в таком виде. На фронтах он встречал баб в мужской одежде, так там они носили широченные галифе и шинели, а эта обтянула ноги, как циркачка, и полы кожаной куртки едва прикрывают круглую задницу... Сил нет терпеть.

ГЛАВА 17

Схема заговора верхушки ВЧК и примыкающих к ним некоторых руководителей второго эшелона ЦК и Совнаркома была проста до примитивности и любому нормальному человеку, отягощенному опытом второй половины XX века, была бы ясна как на ладони, стоило только получить о нем самую поверхностную, но достоверную информацию...

...Агранов в своем кабинете на шестом этаже лубянского дома бросил на рычаг трубку одного из трех телефонов. Ситуация раскручивалась стремительнее, чем он успевал ею овладеть. Значит, для него — пока неблагоприятно. Он даже не совсем понимал, почему так вдруг случилось. Казалось, «второй октябрьский переворот» удался полностью и окончательно. Больше половины «ленинцев» из состава ЦК были арестованы и обезврежены в одночасье, командование Московского военного округа во главе с Мураловым относилось к «твердым троцкистам» и полностью контролировало настраивание в частях, власть в ВЧК тоже была поделена «справедливо», без каких-либо серьезных разногласий, народ получил наконец то, из-за чего упорно, то исподтишка, то с оружием в руках сопротивлялся советской власти, — свободу торговли и продналог взамен продразверстки, война, черт возьми, закончилась, и вот на тебе!

Неужели он чего-то не предусмотрел? Ему казалось, что

по крайней мере на ближайший год никаких серьезных разборок в стане победителей не будет. Исторический опыт всех уже случившихся в мире революций и переворотов об этом свидетельствовал.

Он взглянул на изрисованный красным и синим карандашами лист бумаги. Бывший начальник секретно-политического отдела, а теперь первый заместитель председателя и неперменный член коллегии ГПУ Яков Агранов не умел размышлять без графического сопровождения полета своей фантазии. Беда была и в том, что он потерял ориентировку, как пароход в тумане, и не знал, кому сегодня можно доверять, а кому — нет, кто из бывших соратников остается верен, а кто затеял собственную игру с непонятными целями. Поэтому слишком много пришлось изобразить вопросительных знаков, больших и маленьких.

На данный час картина, по сообщениям информаторов, вырисовывалась следующая. Ряд секретарей крупных парт-организаций Москвы и Петрограда, сумевших каким-то образом сговориться, заявил о несогласии с нынешним курсом ЦК, поддержавшего бонапартистский переворот Троцкого, и призвал рядовых коммунистов выходить на улицы. Похоже, со дня на день состоится экстренный, «ленинский» съезд партии в Питере.

Заговорщики, по агентурным данным, собираются объявить об исключении Троцкого и его фракции из РКП, сформировать новое правительство. Их поддерживают Кронштадт и Балтийский флот. А уж этим-то какого дьявола надо? Человек из штаба флота передал, что в крепости идут бурные споры о каких-то «Советах без коммунистов», образовании независимой Северной республики в составе Петрограда с губернией, Кронштадта, балтийских фортов, Либавы и Ревеля и, наконец, о создании унии с Финляндией! Полный бред, казалось бы, но если что-нибудь подобное все-таки начнется...

Имелись данные из заслуживающих доверия источников, что Фрунзе каким-то образом сговорился со Сталиным, Бухариным, Рудзутаком, Рыковым, Томским, Калининым, Молотовым (ни одного еврея, что примечательно), еще кое с кем из бывших приятелей Дзержинского и они создали так называемый «параллельный центр», который и намеревается объявить себя высшим исполнительным органом партии. При поддержке верных фронтовых частей, которые не сегодня-завтра двинутся на Москву с юга. Причем пока непонятно, как они собираются решать стратегическую коллизию на фронте. Оголять фронт можно лишь в том случае,

если уверен, что белые не начнут, воспользовавшись случаем, очередного наступления.

Ведь если власть Троцкого рухнет, кто им помешает денонсировать «Предварительный протокол о мире и взаимопомощи».

Тогда вообще все может рассыпаться в одночасье. Впрочем, не исключена возможность блефа, стратегической дезинформации, распространяемой какой-то третьей или четвертой силой.

— Николай Иванович, — кричал он, вновь сдернув трубку скверно работающего телефона, — сегодня с утра в Москве черт знает что творится! Студенты митингуют прямо на Моховой, в двух шагах от Кремля. Собирища и на Скобелевской площади, и возле Страстного монастыря. Анархисты с черными флагами затеяли демонстрацию на Садовой. У трех вокзалов вообще бардак. Толпами бродят какие-то вооруженные люди, выдают себя за фронтовиков и орут, что жида советскую власть продали. Нет, меня это лично не задевает, я крещеный, но ты-то куда смотришь? Ты что, не можешь выслать в город три-четыре надежных батальона? Нет, я не говорю, что нужно стрелять в своих, но какой-то порядок в столице должен быть? Хотят митинговать, черт с ними, пусть митингуют, но где-нибудь подальше, на Ходынке, что ли...

Ответ Муралова ему не понравился, и он раздраженно крутнул ручку индуктора, дав отбой. Тоже мне Иисусик, не может он без достаточных оснований начинать карательные операции. Мол, демобилизованные красноармейцы просто пар выпускают, из тех, кто призывался в отошедших к белым губерниях. Ехать им некуда, здесь землю получить не светит, местным и то не хватает, вот и бузят... А начини их разгонять, они организуются, и вот тогда действительно беспорядков не избежать! Идиот, забыл, с чего семнадцатый год начинался...

По второму телефону Агранов говорил с курировавшим фронтовые особые отделы и Наркомат иностранных дел Петерсом. Этот вроде был абсолютно надежен.

— Яков Христофорович (откуда, интересно, у чистокровного латыша такое имя-отчество?), я знаю, у тебя есть свои, лично тебе подчиненные конвойные части. Не пора их ввести в дело? — Он вкратце пересказал коллеге смысл разговора с Мураловым, которого Петерс сильно недолюбливал.

Удовлетворившись обещанием привести в полную боевую готовность пять укомплектованных и вооруженных рот, Агранов стал накручивать ручку очередного аппарата.

Чрезвычайная активность, которую развернул в этот туманный и тревожный ноябрьский день именно он, а не председатель ГПУ Менжинский, объяснялась просто. Всю свою ставку Яков Саулович сделал на Троцкого, был наиболее последовательным исполнителем и координатором «октябрьского переворота», и в случае победы оппозиции рассчитывать ему было не на что. Кроме как бежать в Белую Россию...

Он начал складывать бумаги в папку. Через десять минут совещание у Менжинского. Наверняка такое же бессмысленное, как два предыдущих... И вдруг в голове Агранова что-то начало проясняться. А не прав ли, на самом деле, профессор Удолин? Буквально до нынешнего момента Яков не воспринимал всерьез его слишком заумные, шаманистые высказывания... Заставил себя поверить, что повредился в уме старик от пьянства и одиночества. Или просто цену себе набивал, наподобие всех прочих оракулов, чьи предсказания обретают смысл только задним числом. Словно затмение нашло, в самом деле. Или... Или напустили на него это затмение, что ли?

Вчера под вечер, когда от сомнений и противоречивых сведений шла крутом голова и курить уже было не вмоготу, Агранов вдруг решительно отодвинул бумаги, вызвал автомобиль и приказал водителю ехать, не слишком спеша, по Владимирке в сторону Измайлова.

После того как профессора, мистика и ясновидца, похитил из хорошо охраняемого дома, точнее, маленькой надежной индивидуальной тюрьмы странный полковник Шульгин и после того как, перевербовав самого Агранова с непонятной до сих пор целью, вновь исчез, предоставив их обоим своей дальнейшей судьбе, Агранов переселил Константина Васильевича в укромную сторожку на лесном кордоне. Здесь Удолин уже не считал себя заключенным, тем более бежать ему было некуда и незачем, он просто жил вдали от городской суеты и опасностей переходного периода на попечении пожилого егеря. Они коротали время в прогулках по лесу, долгих неспешных разговорах о природе и звериных повадках, профессор от скуки писал длинные, не совсем понятные даже ему самому трактаты о дзен-буддизме, а ненастными вечерами у русской печи со стаканом самогона в одной руке и козьей ножкой в другой разъяснял собеседнику разницу между гвельфами и гибеллинами. И каждый находил в этом свое удовольствие и интерес.

Агранов, как всегда, привез профессору большой пакет с деликатесами и несколько заказанных им книг. Из вежли-

восте поговорили минут двадцать об обычных при встрече столичного жителя с провинциалом вещах, как-то: о последних декретах власти, о ценах на хлеб и ливерную колбасу в системе свободной торговли, о слухах насчет предстоящей отмены «сухого закона» и о том, что в театре Вахтангова готовится какая-то невероятно новая постановка... Затем егерь деликатно прокашлялся после третьей рюмочки чистого медицинского и, закинув на плечо ремень старой берданки, отправился пройтись по участку, посмотреть, не рубят ли окончательно потерявшие стыд и страх перовские мужики мачтовые сосны.

— Что значит привычка, — кивнул ему вслед Удолин, — вся жизнь в тартарары укатилась, а ему сосны... — И, не меняя интонации, обратился к чекисту: — А на сей раз что привело тебя в мою скудную обитель? Проверить, не сбежал ли я в Белую Россию, или опять появились сложности в твоих жандармских делах? Однако тут-то у тебя вроде все более чем в порядке, насколько мне известно.

— Второе, Константин Васильевич, как это ни прискорбно. Я и сам считал, что теперь тревожиться почти что и не о чем, за исключением самых обычных практических вопросов, а вот нет... И снова тайны и интриги такого рода, что без вас и разобраться затруднительно...

Агранов, один из наиболее могущественных людей советского режима, имевший право и возможности арестовать и без суда расстрелять любого находящегося на территории республики человека, независимо от его подданства и социального положения, за исключением, может быть, двух-трех десятков представителей высшей номенклатуры и членов ЦК, в присутствии профессора всегда чувствовал себя первокурсником, да еще и не слишком успевающим. Он верил и неоднократно имел возможность убедиться, что вздорный, неряшливого вида и склонный к малопонятным умствованиям старик обладает потусторонними способностями вплоть до непосредственного общения с так называемыми «воображаемыми мирами», откуда и получает сведения о прошлом и будущем.

Доведенный до отчаяния неспособностью самостоятельно найти ответ на странные, не имеющие логического объяснения события последних дней, Агранов стал излагать сомнительной с политической точки зрения личности такие сведения, за разглашение которых любой другой подлежал бы немедленному заточению в самой глухой камере внутренней тюрьмы. С последующим расстрелом, разумеется.

Как водится, Удолин выслушал его внимательно и молча,

только задал в самом конце несколько уточняющих вопросов. Поскреб пятерней длинные седоватые волосы.

— Сиди здесь. Я пойду к себе, немного думать буду. Только без меня больше не пей...

Зная, что размышления профессора могут продлиться и час, и больше, Агранов накинул шинель и вышел во двор. Здесь было темно. Не по-городскому, а глухо, безнадежно, будто в подземелье. Новолуние, да еще и небо затянуто плотными тучами. Как там, интересно, егерь Петр Лукич ухитряется ходить по лесу, выслеживать порубщиков? А может, и не ходит вовсе, а только вид сделал, сам же забился в кособокую баньку позади сеновала, да и потягивает там свой самогон в одиночку...

Агранов на всякий случай расстегнул коробку «маузер», попробовал, легко ли взводится курок. Хотя как раз тут бояться вроде и нечего. Остро захотелось больше не возвращаться в Москву, отсидеться, пока обстановка не прояснится.

Он выкурил папиросу, пряча в рукав огонек, подошел к машине, приказал шоферу, пригревшемуся в теплой каретке, пересесть на открытое водительское сиденье и отнюдь не спать, а достать из кобуры «наган» и прислушиваться. Мало ли что.

Вернулся в сторожку, и как раз вовремя. Из глубины дома послышалось покашливание и шарканье ног, заплесали тени по бревенчатым стенам, прикрывая ладонью от сквозняков огонек толстой церковной свечи, появился профессор. Сел на лавку, астматически дыша.

— Знал бы ты, Яков, сколько сил мне стоят твои загадки. Умру вот от паралича сердца, не выходя из транса, и что ты тогда будешь делать? Пропадешь ведь...

— Знаю, Константин Васильевич, оттого и прибегаю к вашей помощи только в самой крайности, оттого и подкармливаю вас по двойной академической норме...

— Ноги протянуть с твоей академической, — привычно брюзжал профессор, наливая себе доверху зеленую граненую рюмку. — При старом режиме я без всякой нормы шел к Кюба или Донону, заказывал... — И махнул рукой, не желая терзать себе душу воспоминаниями. Плеснул в рот спирту со сноровкой питерского извозчика.

— Наше счастье, Яша, что случай сегодня легкий. Не пришлось мне даже в высшие мыслесферы воспарять. Мог и не беспокоить меня, откровенно говоря. Хватило бы и банальной цыганки... — Как уважающий себя пророк, Удолин слегка кокетничал. — Ты вот думал, что, ежели «маузер» не-

сишь, шинель генеральскую и в какой-то там хамской коллегии числишься, так от превратностей жизни застрахован и черт тебе, само собой, уже не брат. Однако получается совсем даже наоборот. Умным ты себя считаешь, и я тебя за такого считал, а нашлись вот куда умнее, получается...

— Опять, что ли, наши друзья-полковники? — не выдержал витиеватой преамбулы Агранов.

— О полковниках особый разговор, — поднял коричневый от никотина палец Удолин. — Поближе нашлись люди, тем не чета, зато хитростью и подлостью наделенные в избытке... Я всех ваших тонкостей не знаю, в умах и душах читать как по-писаному не навострился еще, однако узнал я вот что... — Он снова потянулся к бутылке, но Агранов аккуратным движением успел снять ее со стола.

— Чуть позже, Константин Васильевич, сперва с делом покончим.

— Так, значит, так, — вздохнул профессор и продолжил: — Обманывают тебя, Яша, в этом все дело. Люди, которые тебя окружают, с которыми ты сейчас ближе всего общаешься, строят грандиозную интригу, исторических, можно сказать, масштабов. Заговор, если угодно, способный весь мир еще раз с ног на голову поставить...

— Это я знаю. Сам, так сказать, один из строителей, — насмешливо оттопырил нижнюю губу Агранов.

— Дурак! — вдруг сорвался на крик Удолин. — Не знаю, что там ты надеешься построить, а пока тебя как строительный материал используют... Несколько человек... Один, два, три... пять... — Прикрыв глаза, он словно пересчитывал сейчас тех, кого видел внутренним взглядом. — Да, пять человек составили план, в котором ты... не пойму, то ли приманка, то ли главная жертва. Не хватает ясности. В тумане все как будто. Или меня астральное зрение подводит, или их защищает что-то... Думай сам, Яков, догадайся, на чем тебя подловить могут те, кому ты доверяешь полностью, в чьих руках судьба твоя, как Кощеево яйцо. В какой игре и для каких целей за болвана подставят... Ибо ждет тебя, Яков (хотел бы я ошибиться), смерть скорая и лютая, если не догадаешься, кто и зачем тебя погубить хочет.

Но мысли Агранова были сейчас направлены только в одном направлении.

— Подумайте, Константин Васильевич, подумайте, как это может быть связано с теми полковниками? После нашей последней встречи они исчезли. Мы с ними заключили соглашение. Какую-то его часть выполнили они, какую-то я. Войну вот закончили, сами видите. Ну а теперь? Они как

раз и могут меня за болвана посчитать и в совсем большой игре моей головой расплатиться...

— Да что ты споришь, шлемазл! — От возмущения Удолин перешел на идиш. — Уж тех-то господ я никогда и ни с кем не спутаю. Вот кто нам с тобой сейчас и нужен! Найти бы их, может быть, и спасешься еще. Только далеко они сейчас. Чувствую я их присутствие еле-еле, но чувствую, а вот в нашем мире или в надмирных сферах — понять пока не могу...

— Скорее уж в надмирных, — стараясь сохранять привычный самоуверенно-насмешливый тон, ответил Агранов, хотя стало ему как-то не по себе. Угадал и это старец. — Один из них, Александр Иванович который, убит недельки две назад. А вот про Андрея Дмитриевича, действительно, сведений не имеется...

— Убит? Быть такого не может. Что я, по-твоему, ауру живого человека от некробиотической не отличаю? Живы оба, и надо их искать... Твои же здешние друзья — враги тебе, все до одного. Не вижу среди них верных тебе. И кровопролитие ждет Москву и Россию совершенно чудовищное. Хуже, чем в восемнадцатом году. Думай, Яша, думай... А то давай прямо сейчас с тобой сбежим! Есть у меня под Осташковом место тайное, там отсидимся...

— Подождем еще, Константин Васильевич. Совсем плохо станет — сбежим. Я вас не брошу. Только Агранова так просто не съешь. Зубы обломают...

А вот теперь, когда прошел еще один отвратительный, сумбурный день, как-то отстоялось в голове все сказанное профессором и несказанное, а только обозначенное намеком, всерьез подумалось Агранову, а не затеяли и вправду товарищи по заговору свою собственную игру? Лучше всего сейчас пробиться на прием к самому Троцкому и изложить все свои соображения. Но удастся ли? Он не знает ничего сверх того, что ему было доложено перед смертью Дзержинского, он с удовольствием воспользовался поводом избавиться от политических противников и просто недостаточно лояльных к нему соратников, а уж скоропостижная смерть Ильича вообще была яичком к Христову дню. Теперь он занят вопросами государственного строительства и внешней политикой, вполне доверяет (или делает вид?) своей ВЧК, буквально на днях переименованной в ГПУ. Впрочем, правильно, новая власть нуждается в новых названиях, симво-

лизирующих дальнейший прогресс и разрыв с непопулярной в массах политикой...

Агранов жадно докурил папиросу, раздавил начавший тлеть мундштук в пепельнице из снарядной гильзы, снова поднял трубку, вызвал сменившего его на посту начальника секретно-политического отдела Вадима Самойлова.

Уже целый час тянулась раздражающая Агранова тягостная, какая-то невсамделишная беседа, когда стороны то начинают спорить по пустяковым вопросам, уточнять и сравнивать поступившую из разных источников информацию, то дружно соглашаются, что делать надо немедленно, только непонятно что... Якову Сауловичу все больше начинало казаться, что совещание это — просто устроенная для него лично инсценировка, все остальные на самом деле знают нечто остающееся для него тайной и просто тянут время до назревающих важных событий. И Агранов, мрачно глядя в стол, изображая такую же, как у других, озабоченность, размышлял, не пора ли действительно смыться? А то, чего доброго, сам окажешься в хорошо знакомых подвалах, куда отправил очень и очень многих. Единственное спасение — как можно дольше прикидываться ничего не понимающим дураком, готовым втемную выполнять чужие замыслы.

ГЛАВА 18

Распахнулась дверь, и в кабинет стремительным шагом, бесшумно ступая по ковровой дорожке мягкими шевровыми сапогами с высокими, почти дамскими каблуками, вбежал Лев Давыдович, «демократический диктатор», как он сам себя начал называть в узком кругу. Ошую и одесную от него, отстав на шаг, в ногу шли непременные и неразлучные адъютанты-близнецы: бывший поручик кавалергардского полка Роман Гурский и Лев Остерман (кажется, так; представляясь, он говорил невнятно, а написанной его фамилию никто и никогда не видел), числившийся раньше по цензурному ведомству. Гурский звенел антикварными шпорами, рефлекторно прижимал к бедру левую руку, как бы придерживая отсутствующий по причине неудобства в канцелярской жизни палаш, который когда-то носил ежедневно и длинных никелированных ножнах, куда для шика был бро-

шен серебряный двугривенный. Чтобы мелодично побрякивало.

Его близнец, Остерман, чавкал по паркету литыми каучковыми подошвами малиновых американских ботинок, а в правой руке нес кожаную папку, вызывавшую у посвященных мистический ужас. Ибо в ней хранились бумаги только двух сортов — с приказами по ведомству о поощрении и повышении в должности или расстрельные списки. Систему в их оглашении уловить было невозможно, нередко облаканные в первых упоминались и во вторых также.

На френче цвета маренго Гурского и на буклированном с искрой пиджаке Остермана одинаково мерцали кровавым рубином ордена Красного Знамени. Недоброжелатели зло-словили, что и номера орденов одинаковы, то ли 666, то ли 0690. Но это вряд ли.

Обиженные реалиями классовой борьбы люди поговаривали, что близнецы, кроме адъютантских, исполняли при Троцком и иные функции. Хотя зачем бы это Льву Давыдовичу, имевшему двух или трех жен и массу детей, впоследствии методично и целенаправленно истребленных Сталиным не только вместе с чадами и домочадцами, но даже и с самыми отдаленными единомышленниками? Разве что товарищ Троцкий — банальный ситуационный бисексуал?

Один из «братьев» был высок и белокур, другой, напротив, коренаст, присадист, скорее брюнет, чем блондин, и носил маленькие круглые очки.

Считалось, что Остерман — барон, потомок того самого канцлера Российской империи при Анне Иоанновне, сосланного в 1741 году Елизаветой Петровной в Березов. Другие выводили его от Остерман-Толстого Александра Ивановича, графа и генерала от инфантерии, отличившегося при Бородино и Кульме. Но если это так, то становилось непонятным, отчего бароном или графом не называли Гурского?

А если нет, то каким образом Гурский мог попасть в Пажеский корпус и прослужить вплоть до октябрьского переворота в полку, наиболее приближенном к особе государя? Однако если все-таки нет и генеалогия там другая, то понятнее становится, как он (они) сумели укрепиться в окружении Льва Давыдовича.

На фоне столь колоритных фигур Троцкий совершенно терялся, но это входило в его замысел. Так Борис Савинков, в бытность свою террористом, всегда носил черные ботинки и рыжие краги, чтобы все смотрели, изумляясь, на ноги и не забывали лица...

А сзади валила беспорядочная толпа охранников и порученцев, как на подбор длинных и тонких, не иначе как носящих под кителями (исключительно дореволюционного пошива) корсеты, с безупречными проборами и вечными издевательски-почтительными улыбочками, за которыми Агранов отчетливо различал тщательно спрятанную ненависть к коммунистам и прочему быдлу, вдруг дорвавшемуся до власти. Все они прославились своей безграничной жестокостью при расправах с теми бойцами и командирами, на которых обрушивался гнев «вождя и организатора» Красной Армии. Агранов был уверен, что таким образом абсолютно безнаказанно они проявляли свою контрреволюционную сущность. Куда ведь проще и приятнее убивать коммунистов по приказу главного коммуниста в подвалах и у железнодорожных насыпей, чем рискуя жизнью в колчаковских и деникинских пехотных цепях.

Адъютанты сноровисто рассыпались по кабинету, замерли у каждого окна, у высокой входной и двух маленьких, ведущих в комнату отдыха и на черную лестницу, дверей.

Это никого не удивило и не насторожило, таков был отработанный за два года ритуал.

— Ну, что, товарищи, какие решения приняты? Кто на этот раз мутит воду и пытается дезорганизовать положение в республике? Левые, правые, эсеры, монархисты? Кто? Надеюсь, у вас уже готов план действий и составлены проскрипционные списки? Я ждал три дня, думал, что и без моего вмешательства порядок будет наведен. У нас что, февраль семнадцатого года? Я считаю, что каждый должен отвечать за порученное дело. Или вы, Вячеслав Рудольфович, по-прежнему надеетесь, что все вопросы должны решаться на заседаниях ЦК? Отвечайте, я жду, ну...

Менжинский начал сбивчиво объясняться, ссылаясь на действительно сложное положение, в котором оказалась ВЧК. С одной стороны, право парторганизаций на свободу дискуссий не позволяет применить силу для пресечения собраний и митингов, может быть, действительно слишком бурно проходящих, с другой — пока еще выясняется связь с этими собраниями стихийных беспорядков, имеющих место на улицах и вокзалах, пока еще, к счастью, бескровных. Вот как раз сейчас коллегия почти в полном составе и собралась, чтобы обменяться имеющейся информацией и окончательно согласовать позиции для доклада председателю СНК... И Муралов должен подъехать с планом введения в Москве чрезвычайного положения...

Агранов смотрел на своего непосредственного начальни-

ка и удивлялся. Неужели и он так талантливо косит под дурака? Ведь известно, что при необходимости Вячеслав Рудольфович умеет быть решительным, жестоким до садизма, бесстрашным настолько, что в лицо называл Ленина «политическим иезуитом» и «партийным конокрадом», и уж во всяком случае достаточно способным аналитиком, чтобы за три дня понять, что творится в сфере ответственности вверенной ему организации.

Троцкий, похоже, думал так же. Издевательски сверкнув стеклами пенсне, растянул губы в улыбке.

— Понимаю вас, товарищ Менжинский, великолепно понимаю. Сочувствую даже. Очень трудно отказаться от въевшихся привычек, тем более сразу научиться самостоятельно принимать политические решения. Вину мы вам это не поставим, но и рисковать не будем. Нельзя же позволить студенту сразу делать резекцию желудка, если он еще нарывы вскрывать не научился... Я, как более опытный хирург, вам поассистирую. Вы заканчивайте свое совещание, принимайте хоть какое-нибудь решение, а потом, через полтора часа, скажем, всей коллегией приезжайте в Совнарком. Там и обсудим...

Изобразив рукой общий привет, Троцкий так же стремительно вышел из кабинета. Подражая своему шефу, адъютанты, сурово озираясь и подчеркнуто гремя сапогами, заспешили следом. Последним, приостановившись у двери и словно бы посчитав в уме всех остающихся, многозначительно хмыкнув и приподняв бровь, удалился Остерман. И аккуратно притворил за собой створки. Как будто боясь потревожить тяжелобольного пациента.

С минуту все напряженно вслушивались в затихающий топот.

— Всем все понятно? — нарушил молчание Менжинский. — Тогда продолжим.

Вернувшись в свой кабинет, Агранов запер дверь, сел за стол и задумался. Дела даже хуже, чем он предполагал. Вот разве что... Он хлопнул себя ладонью по лбу. Как же это он? Вся вчерашняя и сегодняшняя суматоха так на него подействовала? Слишком вжился в избранную роль и забыл условия своего «союза» с Новиковым? Точнее, заставил себя забыть, надеясь, что и «заклятый друг» его забудет? Благо почти месяц ни он, ни кто другой из его сотрудников не давал о себе знать. А когда поступило сообщение о гибели в бою Шульгина, не испытал ли он даже облегчения? Профессор

утверждает, что «полковник» жив? А сообщение агента из Харькова, а вырезка из газеты? Выходит, рано радовался? Или и здесь Удолин прав — в них сейчас его единственная надежда... Только как связаться? Телефонного номера у него нет. Разве только инструкция, что в случае крайней нужды послать человека в Новодевичий монастырь и спросить Князя. Только действительна ли она еще? Столько всякого успело с тех пор произойти! Агранов выругался матерно и вслух. Так его закрутили новые обязанности, такие неожиданные и непривычные перед ним одна за другой возникали задачи, что даже в голову не пришло проверить, остался ли в монастыре отряд Басманова или ушел после того, как закончился октябрьский переворот. Для чего бы им было еще оставаться? Значит, что? Позвонить в МЧК Мессингу, попросить выяснить, раз это его территория и сфера ответственности, или послать своего человека?

Нет. Слишком многое сейчас стоит на карте, и неизвестно, кому вообще можно верить. Да и время, время поджимает. Лучше сразу самому поехать. Вот бы действительно там оказался полковник Басманов, с ним во время X съезда партии наладилось взаимопонимание.

Только сначала нужно сделать еще одно дело.

Агранов в своих предположениях был недалеко от истины. Ситуацию в Москве сегодня регулировал и направлял занимающий аналогичный пост зампреда ГПУ Трилиссер. На одном из своих последних совещаний заговорщики, тогда еще единые в своих целях и замыслах, договорились воздерживаться от стремления к высоким постам и заметному общественному положению, оставить за собой достаточно теневые должности, но позволяющие держать в руках все нити управления страной. И это было разумно, позволяло, по крайней мере вначале, избежать соперничества, добиться укрепления «новой власти», чтобы потом спокойно делить должности, титулы и привилегии. Им тогда искренне казалось, что они смогут уподобиться «отцам-основателям» Соединенных Штатов, создавшим великую державу и избавившим ее от внутренних разборок и потрясений на двести следующих лет.

И, может быть, без вмешательства извне идея оригинального общественного устройства РСФСР, которое можно было бы назвать «криптократией», имела шанс на реализацию. Однако не вышло. Приехал человек из Лондона, и, как писал в каком-то рассказе Аверченко, все завертелось...

От Менжинского вышли порознь, договорившись через сорок минут встретиться внизу, возле автомобилей. В огромном, как спортзал, кабинете Трилиссера остались трое из членов коллегии — он сам, Ягода и Артузов. И появился из маленькой двери четвертый — человек невзрачной наружности, похожий на гимназического надзирателя рыжеватыми усами, дешевым пенсне и кислым выражением лица. По крайней мере так выглядел надзиратель в гимназии, где учился Артузов. Крайне неприятный был тип.

— Он действительно думает, что готовится очередной мятеж, — удовлетворенно сказал Трилиссер. — И запаниковал, потому что не понимает, кому и для чего он нужен.

— О ком ты, о Троцком или Менжинском? — спросил Артузов.

— Конечно, о Менжинском, — усмехнулся Трилиссер. — Лев Давыдович паниковать не умеет, что для нас крайне неприятно. Поэтому придется срочно активизировать действия. Пока мы будем там трепаться, пусть все подключенные к операции «Фокус» начинают действовать в полном объеме.

— Объясните мне, — потребовал глуповатый Ягода, — что происходит на самом деле? Мы всерьез начинаем брать власть или только пугаем Троцкого?

— На самом деле не происходит ничего. — Начальник заграничной разведки хитровато хихикнул. — То есть некоторое брожение в кругах товарищей имеет место, кое-кому кажется, что их обманули, бузят сдуру не знающие, чем им теперь заняться, красноармейцы. Среди обывателей распространяются дурацкие слухи, к которым мы имеем некоторое отношение. Разве плохо придумано — готов, мол, декрет об отмене высшего образования, закрытии университета и призыве всех сотрудников в армию. Я бы и то бунтовать начал... И еще, пользуясь тем, что у нас с Артуром, — Трилиссер живнул в сторону сидящего с невозмутимым лицом Артузова, — имеются выходы на агентуру Агранова, мы снабжаем его выгодной нам дезинформацией...

— Но зачем все это? — по-прежнему не понимал Ягода, известный своей чрезмерной амбициозностью, бескультурьем и одновременно тупым упорством в достижении поставленной цели. — Раз мы не собираемся как-то радикально менять власть, раскачивать сейчас положение крайне рискованно. Беспорядки могут выйти из-под контроля, на улицах в самом деле завяжутся уличные бои. А мы от этого ничего не выгадаем...

— Именно для этого, — скрипучим, весьма подходящим к его скучной внешности голосом сказал незнакомец.

— Простите, не имею чести быть знакомым? — спросил Артузов, игнорировавший человечка, пока тот молчал. Мало ли кто и зачем мог находиться в кабинете Трилиссера. Но раз он вмешался в серьезную беседу, следует уточнить позиции.

— Господин Подгурский, — представил гостя хозяин кабинета. — В прошлом — товарищ начальника департамента царского министерства иностранных дел. Сегодня — руководитель нашей резидентуры в Англии. Тот человек, о котором я вам уже говорил. Осуществляет связь с зарубежными друзьями.

Артузов молча кивнул.

— Ни правительство, ни военное командование, ни ваш друг Агранов не имеют представления, какими силами располагают «заговорщики» и какие цели преследуют, — продолжил свою речь Подгурский. — Умело подогревая беспорядки, мы дождемся, пока у кого-нибудь не выдержат нервы. Прольется кровь. Властям придется действовать решительно. Беспорядки вдобавок вызовут раскол и раздоры в ближайшем окружении Троцкого. Там нет единого мнения в оценке событий. Когда начнутся уличные бои, несогласованность и глупое соперничество среди партийного и военного руководства достигнут предела... В подобном положении тот, кто проявит больше хладнокровия, решительности и твердости, справится с беспорядками и может рассчитывать на крупный куш.

— И все же — что дальше? Вы хотите только попугать нынешнюю власть бесчинствами толпы? Или заставить Троцкого собственными руками разогнать своих не справившихся с делом сторонников? А кто от этого выиграет? — Артузов вдруг увидел, что его слова не очень нравятся собеседникам, и уточнил: — Я не вдаюсь сейчас в идейные и моральные тонкости акции, меня интересует только техническая сторона.

— Нет. Нынешняя власть нас вполне устраивает. Нам нужны именно беспорядки. Погромы. Убийства иностранных представителей, в первую очередь врангелевских...

Артузов, кажется, понял.

— Вы что, хотите спровоцировать возобновление войны с белыми? Но для чего? Республика сейчас воевать не может. Разве следующим летом... И вообще, что значит — мы? Это кто? Мы, в моем понимании, это Михаил, Генрих, я, Агранов тоже... Со мной лично никто ничего не обсуждал. Объяснись, пожалуйста, — обратился Артузов к Трилиссеру.

— Объяснимся позже. Положись на меня, не прогада-

ешь. Сейчас нужно довести дело до конца. А чтобы ты не переживал слишком, скажу, что войны не будет. Как только белые предъявят республике ультиматум, хоть какой-нибудь, вмешаются наши друзья.

— Тебе что, жалко белых? — вмешался Ягода.

Трилиссер жестом велел ему молчать.

— Это будет нечто вроде повторения августа четырнадцатого года... Улавливаешь?

— Мне помнится, август четырнадцатого года закончился плохо и для Сербии, и для России, и для Австрии с Германией...

— Кроме названных вами, там были и другие участники... — почти без интонаций сказал Подгурский.

— Ну, если так... — развел руками Артузов.

ГЛАВА 19

...Со своим предложением вызвать из монастыря дополнительные силы Рудников опоздал буквально на полчаса. Он успел переговорить по радиции с дежурным офицером (сам Басманов был где-то в городе), передал ему распоряжение немедленно выслать на Гоголевский два отделения с полным боевым снаряжением и спустился на первый этаж. Двое офицеров дежурили у парадной двери изнутри, еще один наблюдал с чердака за двором и прилегающими кварталами, а четвертого он послал на улицу — следить за обстановкой от Волхонки до Арбата.

Штабс-капитан не сумел объяснить Ларисе причину своей тревоги, просто он воспринимал нынешнюю Москву как глубокий вражеский тыл и, несмотря на то, что недавно его группа действовала вместе с чекистами Агранова, поверить в перерождение большевиков не мог. Постоянно ждал от них какой-нибудь пакости. Слишком специфический опыт приобрел он в годы гражданской войны и не допускал для себя возможности мирного сосуществования в ближайшие годы. Может быть, когда-нибудь позже...

Рудников вышел на крыльцо, с удовольствием вдохнул холодный сырой воздух. Температура на улице быстро падала, может быть, скоро пойдет снег. Пора бы, неестественно долго тянется то дождливая, то сухая и солнечная осень...

Где-то в центре хлопнуло несколько винтовочных выстрелов. Вразнобой и, кажется, в разных местах. Штабс-капитан насторожился.

Далеко справа в перспективе бульвара, со стороны храма Христа Спасителя, появился грузовик. За ним еще один. Рейнджеры Басманова? Рудников прищурился, козырьком поднес ладонь ко лбу.

Рановато вроде бы. Даже если немедленно бросились выполнять приказ, за пятнадцать минут не успеть... На всякий случай штабс-капитан сделал отмашку своему офицеру, не спеша идущему по противоположной стороне бульвара от памятника Гоголю. Тот заметил сигнал, понял, присел на скамейку, начал прикуривать, не сводя глаз с командира. Жестом Рудников приказал ему наблюдать и без крайней необходимости не вмешиваться. А сам отодвинулся в глубину крыльца, прячась за массивным опорным столбом.

Машины остановились, с первой начали спрыгивать на мостовую разномастно одетые люди, вооруженные по преимуществу короткими винтовками без штыков. Издали Рудников не разобрал, австрийскими или японскими. Их оказалось довольно много — десятка полтора. Еще пару секунд он надеялся, что это не по их душу, может, просто, сбор по тревоге какого-нибудь рабочего отряда. В соседнем квартале располагался клуб профсоюза типографских рабочих.

Однако тут же все стало ясно. Люди развернулись в цепь, часть заняла позицию за деревьями и фонарными столбами, а человек семь медленно двинулись к дому.

Рудников вытащил «кольт». В обойме всего семь патронов, зато убойное действие изумительное. Теперь главное — выиграть время. Минут десять.

— Эй, там, стоять! — крикнул он из своего укрытия. — Здесь официальное представительство. Под защитой мандата Совнаркома. Кто такие и что вам нужно?

Люди на мгновение замешкались. Скорее просто от неожиданности, а не потому, что слова показались им убедительными.

— У нас ордер на обыск здания, — отозвался наконец кто-то из заднего ряда.

— Один с ордером и без оружия — ко мне. Остальные — на месте. — Рудников надеялся, что Лариса Юрьевна из своей комнаты услышит его голос и поторопит подмогу. Или позвонит по телефону своим приятелям в ЧК или в ЦК. Капитан каблуком ударил в дверь за спиной. Она мгновенно приоткрылась.

Его маневр заметили, из-за деревьев ударил нестройный залп. В полотнище двери с глухим чмоканьем вонзилось несколько пуль, одна срикошетила от мраморной облицовки крыльца с тоскливым воем. Все стало ясно. Началось...

Рудников присел, трижды выстрелил навскидку и с удивительным для его массивного тела проворством отпрыгнул в вестибюль. Еще несколько пуль ударило в дверь, но толстые дубовые плахи выдержали.

— Наверх! — скомандовал капитан охранникам. — И беглый огонь! На поражение!

Вчетвером в особняке с толстыми каменными стенами продержаться можно довольно долго, если нападающие не подберутся вплотную к окнам и не забросают защитников гранатами.

Сам Рудников решил на этот случай остаться внизу. Кроме пистолета с четырьмя патронами и еще одной запасной обоймой, он мог рассчитывать на оставленный дежурным офицером «АКСУ» с двойным обмотанным черной изоляционной лентой магазином. Боеприпасов в доме было много, но в подвале. Запоздало обругав себя за непредусмотрительность, капитан перебежал к угловому окну, осторожно выглянул. Серия коротких автоматных очередей со второго этажа заставила нападающих залечь. Пули высекали из булыжника тусклые синие искры. Трое или четверо были убиты сразу, остальные торопливо отползали, прячась за деревьями и гранитным бордюром, отвечали торопливыми, почти неприцельными выстрелами.

Бой начинал приобретать затяжной характер. Очевидно, эти люди рассчитывали на полную внезапность и численное превосходство, не догадались сначала выяснить силы и огневые средства защитников особняка.

«Какие кретины! — подумал Рудников. — Да я же вас перещелкаю, как вальдшнепов на тяге».

— Эй, ребята, через минуту — шквальный огонь из всех стволов!.. — скомандовал он на второй этаж и тут же увидел, что Лариса Юрьевна с тяжелой винтовкой непривычных очертаний сбегает вниз по лестнице.

— Да вы что это выдумали! — закричал он, представив, что достаточно шальной пули в окно — и все. Ни бронежилета, ни каски на женщине не было. — На пол, немедленно, стреляют же!

— Не видала я, как стреляют, — презрительно фыркнула Лариса, останавливаясь в простенке.

— Может, и видела, — отозвался Рудников, злясь оттого, что вынужден препираться с дамочкой вместо того, чтобы заниматься делом. — Только я за вашу жизнь головой отвечаю, и нет сейчас необходимости еще и вам подставляться. Сядьте на пол хотя бы, Лариса Юрьевна, — перешел он на просительный тон. Лариса послушалась. — А если хотите

помочь, поднимитесь наверх и наблюдайте через окошко чулана за задним двором. Могут они оттуда зайти. Пожалуйста, Лариса Юрьевна, я вас очень прошу, а то мне сейчас вылазку делать, а тыл у нас открыт...

Рудников взглянул на ручные часы, кошкой, а вернее, разъяренным медведем-гризли метнулся к дальнему окну вестибюля.

С крыши в точно назначенный срок загремели автоматы, и тут же капитан распахнул створки, перекатился через подоконник и, никем не замеченный, распластался в овальном бетонном водостоке.

...Агранов мчался на своем автомобиле по Плющихе. Он только что успел доложить по телефону Троцкому, что не сможет прибыть к нему вместе с остальными членами коллегии, намекнул, что располагает крайне важной информацией, которая расходуется с той, которую ему будет докладывать Менжинский. И попросил санкций на самостоятельные действия.

— Хорошо, Яков, — после короткой паузы ответил Троцкий. — Мне кажется, я понимаю. Действуй. Помнишь, с чего началась политическая карьера Наполеона в Париже? Возможно, твои шансы не хуже.

— Только я очень прошу вас, Лев Давыдович, немедленно прикажите Муралову выслать хотя бы две роты во главе с абсолютно верными лично ему командирами к заднему фасаду Манежа. Пусть станут там, допустим, через час, ждут только меня и будут готовы исполнять исключительно мои команды. Пароль — Бонапарт.

В трубке коротко хохотнули.

— Думаешь, двух рот хватит?

— На первый случай, Лев Давыдович, если это будут полностью укомплектованные и штатно вооруженные роты. А вы усильте охрану Кремля, закройте все ворота и вышлите караул на стены. Как будто нашествия Батыя ждете, — позволил он себе слегка пошутить. — Если будет нужно, я запрошу дополнительной помощи. И имейте в виду, не доверяйте сегодня больше никому... Из наших.

— А тебе, Яков?

Агранов помешкал с ответом. Наконец нашелся:

— Пока я по эту сторону кремлевских стен, наверное, можно. Что дальше — обстановка покажет...

Агранов сделал свой выбор. После короткой встречи с Вадимом он, как ему казалось, понял главное: вся эта за-

варушка затеяна затем, чтобы окончательно завершить предел оказавшихся в руках ВЧК гигантских финансовых средств, накопленных в тайных хранилищах на территории России и в зарубежных банках. Несколько сотен миллионов золотых рублей были изъяты за три года у «эксплуататоров», и большая их часть контролировалась лишь несколькими лицами: самим Дзержинским, Менжинским, Трилисесом, Бокием, может быть, еще и Артузовым. Ягода к святым тайнам вряд ли был допущен. И сейчас выходило так — товарищи разуверились в возможности спокойно жить и пользоваться этими деньгами здесь. Боятся, что либо найдутся другие, которые сумеют отнять, либо просто события пойдут таким образом, что придется уносить ноги, не думая о чемоданах. Вот они и решили опередить события. Агранов допускал, что во главе всего стоит Глеб Бокий, что он и решил избавиться от коллег, имеющих собственные хранилища или свои счета в западных банках.

Троцкий, безусловно, не в их лагере. Добившись высшей власти, он думает не о том, как «схватить и сбежать», а о своем месте в новейшей истории. Но так или иначе драка начинается жестокая.

И у него появляется свой шанс. До сих пор он занимался другими делами, непосредственно не связанными с финансами, но кое-какая информация есть и у него. По крайней мере он знает, с кого можно спросить. А уж там...

Автомобиль остановился у ворот монастыря. Шофер по команде Агранова часто и требовательно засигналил.

Рудников не зря проходил почти два месяца изнурительные тренировки на полигоне под руководством Шульгина и сержантов-инструкторов, а во время короткого отдыха смотрел великолепные цветные фильмы о схватках рейнджеров и «зеленых беретов» с вьетнамскими партизанами и арабскими террористами.

Он знал, что ему делать сейчас. Прежде всего — не спешить. Машины с десантной группой наверняка уже мчатся сюда и будут на месте максимум через пятнадцать-двадцать минут. Значит, главное — не торопиться. Его маневра никто не заметил, все внимание нападающих отвлечено экономным, но непрерывным огнем четырех стволов с чердака из верхних окон. Короткие очереди вряд ли могут поразить противника, укрывшегося за деревьями, каменным парапетом бульвара, афишными тумбами. Однако свою задачу они выполняют: несколькоtrupов, темными горами лежащих

на мостовой, и бессвязно что-то выкрикивающий, надсадно стонущий раненый, которого никто не рискует вытащить, наверняка отобьют охоту вскоре повторить атаку.

Отдаленная стрельба доносилась из центра и, судя по звукам, распространялась от Арбатской площади к Кремлю и дальше в Замоскворечье. Похоже, заварушка в городе разворачивалась всерьез. Рудникова это радовало. Раз в Москве почти нет наших, значит, красные бьют друг друга.

Он по-пластунски отполз метров на тридцать назад, приподнял голову, убедился, что нападающим его уже не увидеть, стремительно перекатился на другую сторону бульвара. Теперь он оказался в тылу у неприятеля. Оставалось выяснить, где сейчас находится и что делает поручик Татаров. В туманных сумерках сигнала ему, конечно, подать не удастся, но капитан надеялся, что, когда он начнет действовать, тот поддержит его огнем. Так где же Басманов и его люди, однако?

Басманова, к сожалению, в монастыре не оказалось. Но дежурный офицер помнил Агранова по октябрьским событиям, когда они вместе захватывали Большой театр, да и пароль гость назвал правильный. Чекист появился не в самый подходящий момент, штурмовая группа как раз начинала посадку в три открытых «Доджа» — других машин у них не имелось, — поэтому с оружием, в тяжелых бронежилетах, обвешанные снаряжением, в каждый автомобиль могло поместиться едва по семь-восемь человек. Дежурный по тону Рудникова не понял, какова срочность вызова, поэтому офицеры рассаживались по машинам, не слишком торопясь, с шуточками, как при выезде на обычное патрулирование.

Агранов, не сообщая главного, да он пока и сам не знал, в чем это главное заключается, попытался объяснить офицеру в пятнистой серо-черной куртке, весьма удобной для действий в вечернем городе, что ожидаются серьезные беспорядки, способные в результате привести к очередной смене власти и возобновлению гражданской войны, и что искренние сторонники мира и согласия крайне нуждаются в помощи господ офицеров, которые уже внесли определенный вклад...

Офицер слушал чекиста без особого интереса. Ему, как и Рудникову, чужды были проблемы большой политики, и он тоже с интересом понаблюдав бы за разборками в стане врага. Из гимназического курса он кое-что помнил о Французской революции и считал, что, когда революционеры на-

чинают убивать друг друга, это быстрее приводит к восстановлению нормального государственного порядка.

— Знаете, товарищ, — ответил наконец он, растирая подошвой окуроч, — зря вы мне все это рассказываете. Я имею сейчас другой приказ и буду выполнять именно его. А о таких материях вы с полковником побеседуете...

— Да где же я его буду сейчас искать? — чуть не в отчаянии воскликнул Агранов.

Офицер пожал плечами. И, уже садясь в машину, бросил через плечо:

— Если хотите, езжайте за нами. Там есть кому вас выслушать...

Рудников еще раз взглянул на часы, выругался беззвучно и поднял автомат. Сколько можно ждать, в конце-то концов? Глядишь, к красным подкрепление раньше подоспеет.

Темнеющие в тумане фигуры виднелись расплывчато, зато позиция у капитана была замечательная. Он откинул металлический приклад, вжал его затыльник в плечо и выпустил первую прицельную очередь. Рудников любил убивать. Вернее, он любил стрелять и попадать во врагов, как другим нравится стендовая стрельба или утиная охота. Чувство это пришло к нему постепенно.

До конца пятнадцатого года тогдашний Рудников, способный и в меру настырный молодой человек, удовлетворял свою любовь к сильным ощущениям, работая репортером уголовной хроники, а когда подошло время и ему призваться в действующую армию, решил, что кормить вшей в окопах наравне с деревенскими ваньками и митьками ему, человеку образованному, как бы и не пристало. И он подал прошение о зачислении в Отдельные гардемаринские классы. Все-таки учиться два года, а после выпуска надеть белый китель с золотыми погонами, а не грубую рыжую шинель.

С классами что-то не заладилось: или морских офицеров на тот момент имелся избыток, или просто не понравился Виктор Рудников своим обликом воинскому начальнику. Однако и вольноопределяющимся он тоже не стал, а направился в школу прапорщиков обучаться премудростям кавалерийской науки. Через полгода приколол по звездочке на каждый погон и отбыл с маршевым эскадроном на Кавказский фронт.

Попал он в конную разведку драгунского полка, только вместо лихих атак и рейдов служба ему выпала совсем другая. Во время осады Карса, где коннице негде было разгу-

ляться, двадцатитрехлетний прапорщик нашел себя совсем в другом качестве. Любившие его за простоту нрава и умение рассказывать занимательные истории из жизни воровского мира, драгуны как-то подарили ему трофейную винтовку «ли-энфильд» с оптическим прицелом.

За первый десяток турок Рудников получил «Анну» четвертой степени и красный темляк на шашку, за второй — «Владимира» и звездочки подпоручика. Стрелял он аккуратно и точно, убедившись в своем мастерстве, не столько даже убивал, как старался грамотно ранить — в живот, в бедро, в колено. И греха на душу не брал, и возни противнику в зимних горах с раненым в десять раз больше, чем с убитым.

Летом семнадцатого, уже в Трапезунде, он стал поручиком, и главнокомандующий Кавказской армией великий князь Николай Николаевич приколот ему на китель заветный георгиевский крестик с белой эмалью.

Впереди мерещились скалы Босфора и капитанские погоны. Почему и воспринял он октябрьский переворот как личное оскорбление.

Дальше понятно — в поезде со своими драгунами до Ростова, Первый Кубанский поход с Корниловым и Алексеевым. Его профессия снайпера здесь не годилась, потому что маневренная гражданская война значительно отличается от позиционной и не дает времени тщательно целиться. Рудникову пришлось перейти на службу в контрразведку, где он два года в меру сил отвечал на красный террор белым террором, пока не оказался как-то совсем неожиданно в Стамбуле в качестве эмигранта. Еще через три месяца его взял к себе в отряд капитан Басманов.

«АКСУ» не «ли-энфильд», но и расстояние до цели здесь было не верста, а два десятка метров. Не расстреляв даже первого магазина, Рудников положил насмерть человека пять-шесть, а возможно, и больше. Ему немножко смешно было наблюдать, как неуклюжие вояки, двигаясь, словно водолазы на глубине, пытались повернуть в его сторону свои никчемные винтовки. За время, что требовалось красноармейцу, чтобы просто передернуть затвор, он успевал короткими бросками то отскочить за дерево, то через тротуар, в глубокую нишу калитки, врезанную в желтый каменный забор, выстрелить от бедра навскидку, стремительно сменить рожок и дать еще пару убийственных очередей. Да тут и поручик Татаров сообразил наконец, что пришло его время, из грамотно выбранного укрытия открыл редкий, но точный огонь из своего «стечкина». Разгром, что называется, был полный.

Не забыв за азартной огневой работой и о других своих обязанностях, капитан увидел, как метнулся, пригибаясь, к своему грузовику человек в блестящей от туманной мороси кожанке, с наганом в руке. Начальник, значит. Над ухом Рудникова свистнуло несколько пуль сразу, но он не обратил внимания. Оттолкнулся плечом от решетчатого телеграфного столба, возник внезапно на пути бегущего, отбил прикладом вскинувшийся навстречу револьверный ствол и со всей классовой ненавистью ударил противника тяжелым, как кистень, кулаком в ухо. Попросту, без всяких экзотических изысков. Перехватил падающего за руку, резко рванул с поворотом. Отчетливо хрустнул плечевой сустав. И только уже подмяв под себя «языка», услышал характерный звук ревуших на предельных оборотах «доджевских» моторов.

Агранову с трудом удалось убедить Рудникова пока не выходить со своими людьми за пределы Арбатской площади. Распаленный боем капитан рвался немедленно пройти по центру города «огненной метлой», как он выразился, и показать, кто здесь настоящий хозяин. Ему это определено бы удалось, чекист уже видел белых рейнджеров в деле. Но такая акция могла спутать все его далеко идущие планы.

— Мы вас сделаем комендантом Москвы, господин капитан, — уговаривал он Рудникова, — только нужно подождать, совсем немного. И разыщите наконец своего полковника, как без его приказа принимать столь ответственные решения?..

В итоге сошлись на том, что офицерские патрули перекроют пока лишь входы на бульвар с обоих его концов и через ближайшие переулки.

Убитых побросали в кузова грузовиков, на которых они приехали, немногочисленных пленных загнали в подвал. Пока внизу наводили порядок, заколачивали листами фанеры и досками выбитые зеркальные стекла, на втором этаже в столовой Агранов с Рудниковым приступили к допросу пленного командира.

Он уже пришел в себя после нокаута, сидел, скособочившись, на диване, шипел и постанывал, придерживал левой рукой сломанное правое плечо. Лариса вколола ему шприц-тюбик промедола, и искаженное болевым шоком лицо чекиста медленно порозовело.

— О, так тут все свои! — воскликнул Агранов, присмотревшись. Он напряг память и вспомнил фамилию комиссара оперполка ВЧК. — Товарищ Аболиньш! Какого черта вы

устроили этот цирк? Дожили — зампреда коллегии пытаются арестовать будто какого-то бандита! Вы что, вообразили себя вторым Поповым? Лезовсеровский мятеж повторить вздумали?

Аболиньш смотрел на Агранова в полном обалдении. Момента его приезда он помнить не мог, потеряв сознание, и вообразил, будто тот находился в особняке с самого начала. А репутация первого заместителя Менжинского была известна всем и то, что ссориться с ним весьма опасно, — тоже.

— Товарищ Агранов! — попытался он вскочить с дивана. — Откуда мне было знать? Я получил приказ непосредственно товарища Ягоды. Занять этот дом, задержать и доставить к нам всех лиц, здесь находящихся. Мы даже не успели войти, как по нам стали стрелять из пулеметов...

— Покажите ордер. Кем он подписан?

— Нет ордера, — сник комиссар. — Товарищ Ягода сказал, что некогда бумажки писать, судьба революции решается.

— Да, Генрих Григорьевич всегда прежде всего о судьбах революции думает, — с почтением в голосе согласился Агранов. — Как рука, успокаивается?

— Меньше болит, — кивнул Аболиньш. — Мне бы в госпиталь надо...

— Прямо сейчас и поедem, только ты сначала мне все по минутам расскажешь. Так с чего у вас там началось? Когда и какими словами, дословно, товарищ Ягода завел с тобой разговор?..

Если вдруг начинает везти, так во всем. Не прошло и десяти минут после начала допроса, как появился Басманов. Возбужденно-энергичный, в расстегнутой красноармейской шинели, фуражке со звездочкой и пистолетом в руке. С ним Кирсанов и еще два офицера личной охраны.

— Что, повоевали уже? Слава богу, обошлось, — обратился он к Ларисе, праздно расхаживающей по окружающей вестибюль галерее. Происшедшее в кратком изложении он успел узнать от патрульных на Арбатской площади. — А в городе что творится! Натурально, второй семнадцатый год. Главное, непонятно, в чем смысл. По делу — взять пару батальонов надежных войск, и к полуночи будет порядок, как на кладбище... — Он засмеялся. — А из Крыма никаких вестей?

— Никаких, — ответила Лариса. — Мы послали человека на телеграф, а он до сих пор не вернулся...

— Вернется, если живой. А там что? — Сквозь открытую дверь Басманов увидел Агранова с Рудниковым. — Гости у вас?

Лариса объяснила, что происходит.

— Удачно. Может, наконец пойдем что-нибудь. А Яша молодец, не забывает старых друзей... — Полковник и в самом деле был доволен. Иметь в такой момент при себе высокопоставленного большевика представлялось ему полезным. Хотя в качестве союзника, хоть заложником.

— Только я к ним не пойду. Физиономия у меня слишком старорежимная, несмотря на маскарад, — улыбнулся полковник, потирая замерзшие руки. На улице вдруг начало резко холодать, даже снег понемногу срывался. Да и пора, ноябрь за половину перевалил.

— Пусть уж со своим беседует, да и у Виктора Петровича обличье самое пролетарское. А вы мне пока в чашечке чаю не откажете, Лариса Юрьевна?

Басманов еще только примеривался, как отхлебнуть первый глоток поданного Ларисой огненного чая, а тут вдруг прямо у него за спиной возник прямоугольник черноты, более густой, чем лучшая китайская тушь, засветилась фиолетовая пульсирующая рамка, и тьма мгновенно исчезла, сжалась в ослепительно яркую точку. По ту сторону межпространственного порога Лариса увидела Шульгина, за его спиной — Левашова. Лариса стала приподниматься на стуле, но Шульгин резким движением руки велел ей: сиди. Она только успела заметить состыковавшуюся на доли секунды с холлом кают-компания «Валгаллы», блеск закатных солнечных лучей в больших иллюминаторах, контуры фигур Воронцова и, кажется, Ирины, как Левашов отключил канал. Остались здесь Сашка с Олегом, материализовавшиеся, будто призраки из пустоты.

Басманов ничего не успел заметить. Перехватил взгляд расширившихся глаз Ларисы, обернулся.

— О, господа, и вы здесь! Как вы бесшумно появляетесь! И удивительно вовремя...

Тайна межпространственных переходов оставалась, пожалуй, последней, которую они тщательно хранили от своего друга и соратника. Отчего-то им казалось, что, если и это станет известно, мир изменится окончательно, а пока оставалась иллюзия... В чем ее смысл — ответить они не могли и самим себе. Наверное, в глазах окружающих им хотелось

выглядеть пусть и таинственными, могущественными, но все же нормальными людьми.

Ларисе в присутствии Шульгина было неудобно проявлять эмоции по случаю возвращения Олега, поэтому она только улыбнулась и кивнула, решив отложить на потом расспросы о причинах столь долгого отсутствия и странного молчания.

Она действительно была рада, а то, что было с Шульгиным... Ну, может же женщина позволить себе маленькое дорожное приключение, которое наутро полагается забыть, как будто ничего и не было.

Быстро введенный в курс дела, Шульгин присоединился к Рудникову с Аграновым. Те допрос уже практически закончили. Агранов отозвал Шульгина в дальний эркер, достал папиросы.

— Получается, вы были правы, Александр Иванович. В условиях безграничной власти самые идейные люди быстро превращаются в банальных уголовников...

— Дошло, что называется, — фыркнул Сашка, присаживаясь на низкий подоконник. — Только я ведь *такого*, — он выделил интонацией последнее слово, — вам никогда не говорил. Я говорил нечто принципиальное иное: что ваши коллеги, выдавая себя за идейных борцов против самодержавия и капитализма, на самом деле являются банальными уголовниками. А это совсем другая разница. Вот ежели мы с моими друзьями имеем некоторую идейность, неважно какую, то при ней и остаемся. Рад буду, если из вашего нынешнего озарения последуют практические выводы...

— Об этом я и собираюсь с вами поговорить...

По телефону Агранов дозвонился Троцкому только через час.

— Успешно ли прошла ваша встреча с коллегией, Лев Давыдович? — спросил он с некоторой развязностью.

— Достаточно успешно. Думаю, ваши подозрения подтверждаются, товарищ Агранов.

Что-то в тоне Троцкого Якову не понравилось. Не готовится ли теперь ловушка и ему?

— Тогда, если позволите, я начну осуществление нашего плана. — И в нескольких словах Агранов передал то, что узнал из допроса Аболиньша. Не так много фактического материала, но позволяет сделать определенные выводы о целях заговорщиков. Имелась серьезная опасность, что их разговор подслушивается. В те годы это могла сделать любая те-

лефонная барышня и, если она состояла на службе, тут же передать своему начальству. Успокаивало, что большинство сексоток проходили по линии секретно-политического отдела и информация прежде всего попала бы к Вадиму. А Агранов собирался действовать быстро.

— Прикажите Муралову и Мессингу (начальник МЧК) немедленно перекрыть весь город военными и милицескими патрулями, беспощадно, вплоть до расстрелов на месте, пресекать любые политические и уголовные беспорядки, очистить улицы от бездельников и любопытных. — Он взглянул на часы. — С семи вечера осуществлять фактический режим комендантского часа. А я с теми бойцами, что ждут меня у Манежа, прямо сейчас займу Лубянку. Через два часа вы будете иметь абсолютно убедительные доказательства...

Троцкий какое-то время раздумывал. В предложении Агранова была политическая целесообразность. Полезно, взяв всю полноту власти, избавиться от наиболее сильных и одиозных фигур прежнего режима, от руководителей тайной полиции, во всяком случае. Заменить их своими, абсолютно надежными людьми. Кстати, вся грязная работа за три года уже сделана. Теперь следует создать новый, цивилизованный аппарат, привлечь туда, как раньше в армию, специалистов царской жандармерии и полиции, криминалистов и правоведов. А сам Агранов? Пусть потрудится. Он знает все тайные пружины. Когда потребуется, найдем управу и на него.

— Действуйте, товарищ Агранов. Только доказательства и улики должны быть впечатляющими. А то знаю я ваши методы...

— Можете быть спокойны, Лев Давыдович. Об одном попрошу: с войсковыми частями мне договариваться нет возможности, так вы сами передайте, пожалуйста, через начальника гарнизона всем включенным в операцию, чтобы недоразумений не случилось, что мои люди будут иметь опознавательный знак — белую повязку на рукаве.

...Распределили обязанности. Левашов, как всегда, оставался на месте для обеспечения взаимодействия и связи. Лариса — с ним. Просто из чувства приличия, хотя ей и хотелось самой поучаствовать в боевых действиях, она приобрела к ним определенный вкус. Недогуляла, получается, в молодости, подумал Шульгин, недодралась и недовоевала, а уж с кем и как — неважно. Такие девчонки, как она, ну не такие, помладше лет на десять, еще на исходе пятидесятых

лихо стреляли из рогаток по лампочкам и по воробьям, дрались не хуже пацанов, если приходилось, а потом как-то совершенно неожиданно сошли на нет. Словно их и не было на свете.

Басманову досталось с двумя десятками рейнджеров прикрывать подходы к Лубянке и, если что, сковывать неприятеля боем до последнего... Своего или чужого. Что-то сегодня Сашке в голову лезли совершенно никчемные мысли. Хорошо, что он их оставлял при себе, вслух не произносил, не желая удивлять и деморализовывать товарищей.

Агранов должен был теми двумя ротами, которые, как он надеялся, продолжали ждать его у Манежа, оцепить здание ВЧК и обеспечить свободный проход туда Шульгина и Рудникова с ударной группой. А внутри их ждал Вадим Самойлов со своими сотрудниками. Тогда и произойдут все прочие запланированные и согласованные мероприятия.

Снег на улице пошел густо, грязные булыжные мостовые на глазах покрывались мягким пушистым ковром. От него стало светлее, хотя лампочки под жестяными абажурами висели редко, не освещая улицу, а только обозначая ее направление. Усиливающийся ветер раскачивал их, завихрял внутри желтых электрических конусов вереницы снежинок, по стенам затихших в предвидении новых исторических потрясений домов металась исковерканные тени.

Мураловские роты оказались на месте. Не зная, чего и сколько им тут ждать, бойцы по усвоенной в годы гражданской войны привычке развели костры из добытых на развалинах охотнорядских ларьков и лабазов дров, разбились вокруг высоких жарких огней повзводно и поотделенно, грелись, составив винтовки в козлы.

Четыреста с лишним человек при шести пулеметах. Одну роту Агранов повел переулком через Большую Дмитровку и Кузнецкий Мост, чтобы выйти к Лубянке с тыла, а вторую возглавил сам Шульгин. Мимо старого здания университета, мимо совсем такого, как и в прошлой жизни, «Националя», а потом мимо невзрачных двухэтажных зданий, ничем не напоминающих титанический Госплан и гостиницу «Москва». Только старый, сломанный лет двадцать назад «Гранд-отель» стоял на месте. Сашка шел рядом с Кирсановым, сдерживая желание рассказать бывшему жандарму, как красиво здесь вокруг было (или будет?), вместо того, чтобы готовиться к предстоящему, отмечал, как странно вдруг выделяются привычные, сохранившие свой облик до конца века дома вроде ЦУМа (здешнего Мюра и Мерили-

за) на фоне совсем чуждой, как бы и не московской вообще застройки.

Капитан заговорил первым:

— Удивительно мне, Александр Иванович. Вот идем мы сейчас туда, не знаю, в какой по номеру круг большевистского ада. Столько я об этом вертепе слышал и размышлял, уверен был, что если и судьба там оказаться, то только в единственном качестве. Так, как сейчас, — не мечтал. Но чем ближе подходим, тем сильнее у меня чувство, что я там, внутри, раньше бывал...

— Почему же не мечтали? — перебил его Шульгин. — Не уверены были в победе, значит? А когда Деникин Орел взял, а Колчак — Казань и Самару?

— Как хотите — не верил. Я своим ощущениям больше доверяю, не было у меня предчувствия близкой победы. И сам дожить не надеялся. И вдруг у меня такое странное состояние... Будто вспоминается что-то... Словно здесь, где мы идем, — широкий такой проспект, залитый ослепительным светом, я по нему еду... Нет, меня везут в длинном автомобиле, потом ведут по лестнице, по длинному-длинному коридору, и с обеих сторон двери, сотни дверей, обитых кожей... Из них то и дело появляются люди, смотрят на меня... Прямо какое-то раздвоение личности. После контузии, что ли?

Шульгин почти и не удивился. Спросил только:

— Отчетливо видите? А если сосредоточиться, не вспомните, как они одеты? Те люди?

Кирсанов послушно прикрыл глаза и сразу споткнулся на выбоине в булыжной мостовой. С губ его привычно сорвалось короткое матерное слово.

— Пропала картинка! А вроде как начал различать... Похоже, обычная военная форма, без погон, на воротнике значки какие-то...

— Я на врача в свое время учился, медицине такие явления известны. Конфабуляция называется, ложные воспоминания то есть. Нормальный сон, только наяву... Ничего страшного, Павел Васильевич, выспаться хорошенько — всего и делов. Ну, валерьяночки еще прописать можно...

— Благодарствуйте, я лучше водочки...

Снова замолчали, вслушиваясь в хруст сотен сапог по свежему снегу и брякание плохо пригнанного снаряжения идущих за ними бойцов. Шульгин подумал, что продолжают странности изломанного и перекрученного времени. Наверняка Кирсанов получил сигнал из своего непрожитого будущего. Короткое замыкание слишком близко сдвинутых

реальностей. Подобное, по словам Берестина, он наблюдал при общении с генералом Рычаговым, который тоже вспомнил свою смерть в бериевских застенках. Куда они сейчас идут. И звали генерал-лейтенанта Павлом, как Кирсанова... Может быть, сама Лубянка виновата в подобном эффекте? Невероятная концентрация предсмертных человеческих эмоций деформирует информационное поле Вселенной?

Большой Дом на Лубянской площади сиял освещенными окнами, несравнимо, конечно, с тем, как будут они гореть через полсотни лет, но весьма ярко на фоне окружающей ночной и снежной мглы.

Автомобили огневой поддержки с пулеметами «ДШК» на турелях по плану должны были занять позиции на Кузнецком Мосту, Мясницкой, возле Политехнического музея, у проезда Китайгородской башни.

С точки зрения Шульгина, если нынешние деятели ВЧК—ГПУ затевали серьезный мятеж, то действовали они крайне бездарно. Вправду они дураки или не мятеж здесь происходит, а нечто совсем другое? Но это неважно. У него сейчас свои цели, и он их должен достичь. Не взирая...

По Лубянскому проезду поднялись в открытую, не таясь, колонной по четыре, по самой середине мостовой.

Перед началом операции Левашов распечатал на принтере десяток экземпляров подробной схемы всех этажей здания страхового общества «Россия», а Агранов, удивившись предусмотрительности своих бывших врагов, обозначил на ней расположение кабинетов руководства, постов охраны, действующие и заколоченные внутренние лестницы и переходы.

В подворотне двухэтажного дома напротив бокового входа в здание ВЧК (здесь когда-то, до того, как дом снесли, в семидесятом, кажется, году, Сашка с подружкой переживал внезапно хлынувший июльский ливень) их уже ждал Агранов.

— Готово, — нервно затягиваясь папиросой, сказал он. По плану его рота оцепляла подходы к площади с севера, а шульгинская — с юга. Сотня заблаговременно отобранных и проинструктированных красноармейцев, которым предстояло занять дом, получила задание блокировать вестибюли, лестницы, лифты, разоружить охрану, в случае необходимости перекрывать огнем бесконечные коридоры и конвоировать задержанных.

Еще пятьдесят человек под руководством Кирсанова сра-

зу поднимались на седьмой этаж и начинали прочесывать здание сверху вниз.

Самому Агранову, Шульгину и двум группам рейнджеров, которыми командовали Басманов и его заместитель подполковник Мальцев, предстояло главное — арестовать всю коллегия ВЧК, изъять из сейфов документацию, пользуясь психологическим шоком, немедленно начать допросы по заранее разработанной схеме. Всех одновременно.

Час назад комиссар Аболиньш по телефону доложил лично Ягоде, что захват «белогвардейского гнезда» прошел успешно, почти без потерь, арестованы очень интересные люди, в том числе какая-то странная дамочка, взяты многочисленные документы и склад оружия. Дезинформация была убедительна именно потому, что войсковой чекист не знал и не мог знать, какого рода объект ему поручен и что за люди в нем должны были оказаться.

Ягода, не скрывая радости, приказал немедленно доставить к нему задержанных.

Десятью минутами позже Агранов позвонил Трилиссеру, стараясь, чтобы его голос звучал взволнованно. Оставил без внимания как несущественный вопрос, отчего он не явился на доклад к «Леве», и сообщил, что недавно увидел проезжавшего в открытом автомобиле по Арбату того самого «полковника», организовал преследование, установил дом и подъезд, в который он вошел.

— Вызываю своих людей, постараюсь накрыть всю их явку...

Трилиссер обрадовался, но велел не спешить, обеспечить надежное наблюдение, а самому сначала заехать в контору, чтобы обсудить дальнейшие действия.

Поэтому все главные персонажи должны сейчас быть на месте. Огневого противодействия Шульгин в Доме встретить не опасался. Помнил, как в одиночку разделался с пятью чекистами, пришедшими его арестовывать в одном из вариантов предложенных ему Сильвией реальностей, да и история свидетельствовала, что ни один из тысяч ежовских сотрудников не оказал сопротивления, когда после воцарения Берии их сажали и расстреливали целыми отделами и управлениями.

Даже из-за границы приезжали по вызову на расправу. Орлов не явился только, Кривицкий, ну, может, еще двое...

Так и получилось. В двери вошли вдвоем, Агранов и Шульгин. Сашка быстро охватил взглядом вестибюль с высоченным потолком, загородку дежурного справа от входа,

длинный пустой коридор. Метрах в двадцати впереди, перед боковой лестницей, стоял часовой с винтовкой.

Совсем не похоже на боевой штаб восстания, не то что Смольный в семнадцатом.

По-свойски Агранов облокотился о барьер, потянулся к телефону, спросил дежурного, на месте ли Трилиссер. Тот едва успел кивнуть, как Сашка легко, не поворачивая даже головы, ткнул его выпрямленными пальцами в подключичную ямку. Дежурный, не охнув, обмяк на стуле, стал заваливаться на бок.

Бросать ножи Шульгин не любил — пошло и кроваво. Любимым метательным средством у него были шарики от подшипника, которыми он умел заколачивать в стены гвозди-сотки, но сейчас он ими не запаса, пришлось обойтись мраморной чернильницей. Постовой упал, ничего не поняв, уронил глухо лязгнувшую винтовку.

Движением руки Шульгин велел остановиться начавшим протискиваться в приоткрытую дверь рейнджерам, пока Агранов переговаривает по телефону.

Тот назвал телефонистке внутренний номер Трилессера.

— Михаил, я уже здесь. Да, успешно. Сейчас поднимаюсь, зови остальных... Ах, собрались? Отлично. У меня такие новости...

Опустил трубку на рычаг.

— Вперед! — дал отмашку Шульгин своим офицерам.

В приемной Трилессера Шульгин поставил двух десантников с сакраментальным приказом: «Всех впускать, никого не выпускать». И только потом сообразил, что, раз этажи уже заняты, возможность появления здесь кого-нибудь, кроме тех, кто успел прийти раньше, исключается.

Агранов открыл трехметровую дверь размашистым движением своего здесь человека. У стола сидели лишь трое — сам хозяин кабинета, Артузов и третий, незнакомый ему человек. А он надеялся, что соберутся все посвященные в заговор. Надо было специально этого потребовать.

— Со свиданьем, товарищи... — Эта глуповатая фраза вырвалась у Агранова от чрезмерного волнения. Брови у Трилессера поползли вверх. Шульгин, держась за левым плечом Агранова, поднес ладонь к козырьку фуражки. — Позвольте представить — тот самый полковник, — указал на него Яков. — Их высокоблагородие изволили сами явиться. Чтобы нас, значит, не затруднять...

С этими словами Шульгин и Агранов успели пройти

ровно половину бесконечной ковровой дорожки от двери до стола Трилиссера. Потом тот начал приподниматься с резного, красного дерева кресла прежнего председателя правления страхового общества. После смерти Дзержинского Михаил Абрамович забрал это кресло себе, пока Менжинский не опомнился. Рука его дернулась к слишком далеко назад сдвинутой кобуре.

«Ну вот уж хрен, товарищ генерал-лейтенант», — мелькнула в голове Сашки любимая фраза Берестина. Миг спустя Трилиссер уже уткнулся в настольное стекло, слегка треснувшее от встречи со лбом начальника заграничной разведки. «Наган» будто сам собой вылетел из щегольской, апельсиновой кожи кобуры и остановил черный зрачок на веселеньком, в горошек, галстуке Артузова.

— Сидим спокойно, товарищи, — тоном провинциально-го фотографа предложил Шульгин. — Яков Саулович, поверьте, как у них с огневой мощью...

Артузов, по-прежнему молча, от неожиданности или из гордости, сам выложил на стол плоский «браунинг» номер два (девятисотого года), а третий из присутствующих, рыжеватый, с залысым лбом и в пенсне, странным образом похожий одновременно на Ленина и на Троцкого, только без бороды, развел руками. Но Агранов все равно охлопал его по всем местам, где обычно прячут оружие.

— Яков, что это значит? — севшим голосом спросил наконец Трилиссер, одновременно потирая лоб и затылок.

— Это значит, что штандартенфюрер тоже, но Хунта успел раньше, — изрек загадочную фразу Шульгин. Не по смыслу, а по тональности все удивительно легко сообразили, что он имел в виду.

— Да-да, вот именно, — подтвердил Агранов, садясь в бархатное кресло возле круглого столика с графином.

Шульгин коротко свистнул, вызывая одного из охраняющих приемную рейнджеров.

— Этого заберите к себе, пусть там посидит, — указал он на рыжего, — этого пристегните наручниками к трубе, подальше от тяжелых предметов и окон, а с оным товарищем мы побеседуем приватно. Откройте дверь, Яков Саулович...

В комнате для отдыха, обставленной достаточно просто, но удобно, Агранов наконец расслабился. Потянулся было к начатой бутылке водки, призывно голубеющей дореволюционной этикеткой, однако Шульгин кашлянул предостерегающе. Он и сам был весьма не прочь, только не на задании же...

— Объяснись наконец, Яков, — с вызовом потребовал

пришедший в себя Трилиссер. — Для чего здесь этот человек? Ты на самом деле не понимаешь, чем рискуешь?

— Спокойно, Михаил Абрамович, спокойно. — Сашка обошел комнату, бегло заглядывая в тумбочку, ящики секретера, даже под оттоманку с разбросанными круглыми подушками. — Вы мне сначала ключ от сейфа отдайте, а потом я сам на все ваши вопросы отвечу. Яков Саулович тут тоже человек подневольный.

Трилиссер, подчиняясь силе убеждения, исходящей от непонятного ему человека, вытащил из кармана тяжелый, с двумя хитрыми бородками ключ.

— Не этот... — коротко бросил Агранов.

Трилиссер посмотрел на него с ненавистью.

— Другого нет...

— И сейфа другого нет? — с наивным удивлением спросил Шульгин. Остановился перед чекистом, положил руку ему на плечо. — Ты бы не валял дурака, дядя... — Они с Трилиссером были почти ровесниками, но выглядел тот значительно старше. — Я сам ведь пачкаться не буду, твоих же дружков попрошу, чтобы убедили тебя быть поговорчивее. А они это умеют, тем более когда своя шкура дымит...

Трилиссер оглянулся, затравленно. Агранов, глядя вниз, сосредоточенно чистил ногти.

Шульгин слегка сжал пальцы. От пронзительной боли начальник ИНО глухо взвыл и присел.

Сашка убрал руку. Смотрел в глаза «пациенту», усмехался презрительно.

Трилиссер переступил непослушными ногами, опустился на край оттоманки. Шульгину вдруг показалось, что он сейчас, как шпион в старом фильме, вопьется зубами в свой воротник. И приготовился такой исход предотвратить.

Вместо этого чекист долго задирал край длинной, чуть не до колен, гимнастерки («У Лариски юбка куда короче», — мелькнула неуместная мысль), возился пальцами в тесном часовом карманчике, добыл наконец изящный витой ключик.

— И куда мы его засунем? — поинтересовался Сашка с двусмысленной интонацией, рассматривая вещицу, больше подходящую для бабушкиной шкатулки, чем для сейфа чекистского начальника. Хотя нет, изделие хоть и мелкое, но с многими хитростями.

— Давай, Миша, показывай, чего уж теперь... — Агранов старался держаться так, чтобы коллеге не понять было, жертва он сам или все-таки сообщник врангелевского полковника.

Но Трилиссер провести себя не дал.

— Ох и пожалеешь ты, сука, ох и пожалеешь! — прохрипел он в бессильной злобе и открыл еще одну дверь в углу. Там помещались розовый унитаз в стиле «модерн» и раковина с двумя бронзовыми кранами.

Чекист нажал что-то под раковиной, овальное зеркало со щелчком отошло от стены. За ним и скрывалась дверца сейфа.

— Отпирай, — протянул ему ключ Шульгин.

Десяток разной толщины папок, кожаных и картонных, скрывал в себе столько секретнейших тайн, что Шульгин даже удивился самообладанию Трилиссера. Другой на его месте с воем катался бы по ковру, рыдая и колотя ножками, а этот ничего... Одни листки с длинными колонками названий банков, номеров счетов и кодов сейфов стоили... И даже не в конкретных суммах фунтов и франков их ценности.

— Дай ему закурить, — бросил через плечо Шульгин, топливо пролистывая бумаги. — И водки чуть плесни.

Он открыл очередную папку, и ему показалось, что это мистификация. Просто вот для смеху кто-то составил сводки, рапорты, отчеты, подшил телеграммы, отпечатанные крупными литерами аппарата «Бодо».

«Ну и ни... себе!» — захотелось ему воскликнуть. Шульгин захлопнул папку, не подавая виду, будто она его заинтересовала.

— Хорошо, товарищ Агранов. На сегодня все пока. Я поехал, а вы тут сами продолжайте. — И он направился к двери, осенев Трилиссера внезапно вспыхнувшей надеждой: «полковник», мол, уедет, а уж с Яшкой я знаю, как договориться. Но в приемной Шульгин остановился. — Того, что в дальней комнате с Аграновым, — в наручники и за мной, — приказал он одному из офицеров. — А ты моментом разыщи капитана Кирсанова, тут ему работенка подвернулась...

ГЛАВА 20

Шульгин с захваченными документами поехал не на Гоголевский бульвар и не куда-нибудь еще, а в Столешников, чтобы просмотреть их в помещении, защищенном от окружающего мира абсолютно, в котором, заперев за собой тяжелую дубовую дверь, можно быть уверенным, что она тебя отделила не просто от лестничной площадки, выходящей в нестабильно-бессмысленный мир двадцатого года, а вообще

★ изолировала от любой человеческой реальности. Точка. Ничего нет за бортом, кроме абстрактной Вселенной и тебя. В таких условиях можно, сбросив на пол в прихожей куртку и сапоги, переодевшись в нагретую на батарее в ванной фланелевую пижаму, сесть у стола в глубокое кресло, завести на магнитофоне Шестую сонату Паганини для скрипки и гитары, закурить толстую трещащую сигару и начать наконец внимательно изучать бумаги крутейших шефов ВЧК.

Часа на два этого интересного занятия ему хватило. Потом он позвонил в приемную Трилиссера и поручил дежурному офицеру передать Басманову, чтобы тот доставил ему Агранова по известному адресу. Полковник один из всего отряда знал местоположение тайного логова аггров и открывающий двери пароль.

— Яков Саулович, — сказал Шульгин чекисту, когда тот наконец появился в гостиной, с которой у него были связаны, наверное, не самые лучшие воспоминания, — здесь у меня достаточно материалов, чтобы сделать тебя начальником ГПУ, если ты захочешь, или даже председателем Совнаркома, но сейчас, пожалуйста, привези мне своего профессора. Полковник Басманов обеспечит транспорт и охрану. Договорились? Часа вам хватит?

— Лучше два, — ответил Агранов. — Ехать далеко, и старик капризный...

В благоустроенной, теплой, освещенной ярким электрическим светом квартире, так похожей на довоенные московские и петербургские, да еще и с богатейшим баром, профессор Удолин вновь почувствовал себя цивилизованным человеком.

Засаленное тряпье, изображавшее его одежду и сравнительно прилично выглядевшее в убежище, которое предоставил ему Агранов, здесь смотрелось ну если не мерзко, то некрасиво. Шульгин это понял и прежде всего проводил «гостя» в ванную, а потом предоставил ему на выбор богатый гардероб прежнего хозяина.

Распаренный, переодевшийся в светло-коричневый лавсановый костюм венгерского производства (все здешнее имущество представляло собой наилучший ассортимент соевой секции ГУМа года этак 65-го), с бокалом едва разбавленного виски, Удолин распростерся в кресле, улыбаясь слегка растерянно, не совсем понимая, что сулит ему очередная встреча с Александром Ивановичем. Предыдущая оставила у него сложные впечатления.

Шульгин, словно бы посторонний здесь человек, сидел в сторонке, рядом со стереофоническим комбайном (было когда-то такое наименование для сочетания лампового приемника, катушечного магнитофона и электрограммофона в одном полированном ящике), с задумчивой улыбкой слушал виртуозные скрипичные пассажи кого-то из великих исполнителей, ждал, когда клиент созреет.

— Константин Васильевич... — Голос Шульгина прозвучал для профессора несколько неожиданно, он и сам увлекся прелестной музыкой, так чудесно накладывающейся на первую, самую приятную волну алкогольной эйфории. — Если вы хотите, мы завтра же можем переправить вас в Крым или любую точку цивилизованного мира по вашему выбору...

— А зачем, любезнейший? — спросил профессор, делая следующий длинный глоток. — Зачем? *Ubi bene, ibi patria*... Мне здесь хорошо, *ergo*...

— Ну, дело хозяйское. Я думал... Ладно. Тогда перейдем непосредственно к делу. Вы прошлый раз помогли моему другу Андрею выйти в астрал и порешать там кое-какие наши проблемы. Сейчас ситуация сложилась таким образом, что в оный астрал необходимо прогуляться мне. Ненадолго, но немедленно. Можете организовать?

— Да как же, Александр Иванович? Андрей Дмитриевич был человеком настолько подготовленным, больше меня знающим... Да что я вам рассказываю... А вы? Нет, я вас тоже уважаю, но как я смогу? Философия высших уровней постижения реальности, алмазная сутра, этого же нельзя передать за минуты, да что там минуты, за дни даже... — Выглядел при этом профессор примерно так, как благовоспитанная тетушка, которой в лоб предложили продать любимую племянницу в бордель...

Шульгин выслушал его со спокойным выражением лица, немножко насмешливым, может быть. Или даже удивленным — о чем, мол, ты говоришь?

— Константин Васильевич! Я вас о чем спросил? А вопросы уровня моей образованности как бы и не входят в данную проблему. Считайте, что я подготовлен не хуже, а может, и лучше, неважно. Дайте мне формулу, по которой Андрей сумел сходить в астрал, а когда я вернусь, мы с вами найдем время и возможность поговорить на темы чистой мистики...

— Хорошо, Александр Иванович. Слушайте, только я еще раз вынужден вас предупредить...

— Не надо меня предупреждать. Чтобы вам легче было

ориентироваться, скажу: я изучал практику дзен-буддизма лет пять. Овладел всеми основными канонами, коанами и сутрами. Умею входить в абсолютное самадхи. Знаю формулу: «О мусе дзю ни се го син» («Не пребывая ни в чем, дай уму действовать»). Этого достаточно? Сообщите мне мантры, которые помогли Андрею, а я уж постараюсь использовать их по назначению...

Похоже, осведомленность Шульгина произвела на профессора впечатление. Ему, очевидно, до сих пор трудно было поверить, что молодые по его меркам парни, фронтовые белогвардейские офицеры так легко и просто оперируют понятиями, к которым сам он шел годы и годы, привык относиться к достигнутой мудрости трепетно и почтительно. Ну, как бы Пири или Амундсен отнеслись к нынешним спортсменам, от нечего делать сбегавшим на лыжах к полюсу, чтобы оставить там вымпел, посвященный XXVI съезду КПСС?

— Будь по-вашему. Не забудьте только, что не следует слишком полагаться на свои силы и возможности. Есть такая поговорка: «Умеешь считать до десяти — остановись на семи...» А то можете не успеть вернуться.

Из лихости или из более сложного побуждения Сашка перед тем, как окончательно погрузиться в благорастворение, успел еще произнести в уме историческую фразу: «Поехали...», что никак не соответствовало требованию отрешиться от всего суетного.

Может быть, именно поэтому его переход в астрал мало соответствовал тому ощущению, что они с Андреем испытали в последние минуты пребывания в Замке Антона.

Сейчас его как бы выстрелило самолетной катапульты. Сотрясший тело удар, почти потеря сознания, темнота, физическая, да и психическая перегрузка, потом вдруг охватившая его со всех сторон картина открытого глубокого космоса, увиденного будто из межгалактического пространства, когда не звезды вокруг, а спиральные галактики и туманности, в таком же количестве заполняющие черную сферу, внутри которой он парил. Но вместо запомнившегося по первому контакту с Мировым разумом ощущения включенности в Галактическую ноосферу Шульгин услышал только нечто похожее на пробивающуюся сквозь треск помех морзянку. Сигнал, который ловит радист во время трех минут молчания от тонущего на другом краю света судна. Ни координат, ни названия, только прерывистые, едва различимые три точки, три тире, три точки... И тут же понял, что контакт

этот не с кем иным, как с Новиковым. Просто не было во Вселенной другого адресата, который смог бы так быстро настроиться в резонанс с его рецепторами.

Однако понять смысл передачи и запеленговать ее источник у него не получилось. Да просто не хватило времени.

Достигнув высшей точки баллистической траектории, Шульгин стремительно стал проваливаться обратно, в плотные слои атмосферы. То же чувство невесомости и стремительного падения с окружившей его короной холодного пламени. Попытка еще хоть на мгновение остаться там, где он надеялся постичь истину, успехом не увенчалась. Либо не хватило умения, либо его там не хотели «видеть».

И никакого парашюта, никакого плавного спуска. Вновь сотрясший все тело удар, хотя и не такой, после которого остается только мешок кровавой слизи, перемешанной с обломками костей.

«Прав старик, — успел подумать Сашка, — не для меня эти игры. Рожденный ползать...»

Он открыл сплюснутые жесткой посадкой глаза и увидел окружившие его со всех сторон заснеженные ели, опустившие едва выдерживающие тяжесть снега лапы до верхушек рыхлых сутрбов, пляшущие языки пламени таежного костра из трех кондовых бревен, закопченный медный котел над ним, расплывчатую фигуру человека по ту сторону огня.

Андрей во время своего похода в астрал оказался в собственном детстве, так он рассказывал, а Шульгина вот куда, значит, забросило. Именно эта зона памяти оказалась у него наиболее открытой для контакта.

После окончания института он работал по распределению в Хабаровском крае на станции «Скорой помощи» района, превосходящего по территории, наверное, целую Францию. И там ему приходилось не только ездить на белой «Волге» с цифрами «03» на борту, но и летать на вертолетах по затерянным в тайге стойбищам. Однажды довелось прямо в походном чуме вскрывать флегмону старому тунгусу, оказавшемуся одним из последних профессиональных шаманов. Потом у них установились своеобразные дружеские отношения на почве взаимного интереса. Шульгин пытался выведать у шамана некоторые специфические приемы воздействия на психику и первобытные рецепты бубнолечения, старику, в свою очередь, чем-то был забавен русский доктор, владевший японским языком. С японцами у него были какие-то свои счета еще с гражданской войны.

И вот сейчас тот самый выходец из каменного века с нормальными русскими именем и фамилией — Сергей Забелин сидел напротив, курил медную китайскую трубку и смотрел на Шульгина в упор пронзительными черными щелочками на морщинистом как печеное яблоко лице. При том что редкий его соплеменник доживал до пятидесяти, шаману и тогда уже было лет под сто. Хотя нет, сейчас он выглядел вроде бы даже помоложе, чем в семьдесят третьем году.

На всякий случай, не совсем даже осознанно, Шульгин несколько раз сильно сжал пальцы, проверяя, повинуется ли тело нервным импульсам, ударил себя кулаком по колену. Нет, вроде бы он присутствует здесь в своей физической оболочке, а не в виде фантома или мыслеобраза.

— Ты вернулся, доктор Саша? — спросил тунгус тихим ласковым голосом. — А я думал, не свидимся больше... Нужда какая привела или просто соскучился?

Шаман разговаривал на хорошем русском языке, без всяких там «однако», «твоя — моя не понимай» и «олешка тундра пошла». Иногда Шульгину даже приходила в голову дикая мысль, что его приятель никакой не тунгус, а полковник японского генштаба, оставшийся здесь со времен интервенции.

— Выходит, что соскучился, — усмехнулся Сашка. А что еще ответишь? — Это сколько же мы с тобой не виделись?

— Лет двенадцать, думаю. Ты совсем взрослый стал. В Москве живешь?

— Теперь уже и не знаю, где я живу. Но вообще-то да, сюда я попал прямо из Москвы.

— Давай чаю попьем, потом рассказывать будешь... — Шаман разлил из закипевшего котла в деревянные чашки остро пахнущий китайским лимонником чай.

— Говорил я тебе, Саша, — сделав несколько шумных глотков, продолжил разговор шаман, — не нужно русскому человеку нашим колдовством интересоваться. У вас свой бог, свои духи, у нас свои. Таежным людям нельзя русскую водку пить, вам наши грибы жевать не полезно.

— Так какая здесь связь? — не понял Шульгин. — Мы вон еще когда с тобой расстались, я и не вспоминал, считай, про те камлания, что ты показывал, и занесло меня к тебе в гости по совсем другой причине, я думаю...

— Ты думаешь... Русские люди все думать любят. А я ничего не думаю, я знаю — ты у меня в чуме сидел, мои песни слушал, духи в чум приходили, тебя видели, запомнили, сейчас у тебя что-то случилось, в загробный мир пойти захотел,

друга там искал, духи тебя узнали, вспомнили, сюда привели... Я правильно все угадал?

От Забелина веяло непробиваемой уверенностью в собственной правоте, и одновременно в его тихом голосе без интонаций Шульгин улавливал едва заметный намек на иронию. Будто сидел перед ним не настоящий шаман, а играющий роль шамана, некогда очень популярный артист Лев Свердлин, специализировавшийся на ролях разных восточных персонажей начиная с Ходжи Насреддина.

— Угадал-то правильно, по крайней мере больше половины. А делать что будем? Я рад тебя видеть и вправду не надеялся больше встретиться, только какое имеют отношение твои духи к тем, с которыми я сейчас воюю? Я ведь друга своего ищу, который не в вашей тайге потерялся, а там где-то... — Шульгин указал пальцем в низкое мглистое небо, в котором едва просматривался диск полной луны.

— Я и сказал: в загробном мире, где же еще? Раз ты ко мне сам пришел, помогать будем. Думаешь, я забыл, как ты меня спасал? Духи тогда тоже шибко обиделись, что ты им помешал меня к себе забрать... — И вдруг тональность слабого шелестящего голоса старого шамана неожиданно и резко изменилась. Он приобрел звучность и напористость, как у одного хорошо знакомого Шульгину человека. Даже слышком хорошо.

— Ты, что ли, это, Антон? Опять дурака валяешь?

— Как всегда, восхищен твоим самообладанием. Быстро соображаешь. Только не дурака мы здесь с тобой валяем. Говорил же я вам: оставьте свою страсть к авантюрам. Мало того, что уже случилось? Отвели вам резервацию размером в целую планету, ну и сидите там тихонько, решайте свои человеческие проблемы, зачем было опять в галактические игры ввязываться?

— А кто в них ввязывался? — удивился Сашка. — Мы себе жили-поживали, гражданские конфликты утихомиривали, а тут раз — Андрей с Сильвией исчезают, два — их уже и на Земле, оказывается, нету, три — меня сюда вот закидывает, а тут и ты сразу нарисовался... Кто же и в чем виноват? Да, кстати, ты-то от кого прячешься? Раньше вроде собственной личиной обходился, а сейчас?

— Вы же и виноваты. Совсем недавно я Андрея категорически предостерег, чтобы никаких резких движений не делал. Вы сейчас как альпинисты на снежном мосту. Неверный шаг, громкий звук — и «прощайте, скалистые горы». До скончания веков не найдут. Ловушки сознания — это же не моя выдумка, это непреложный закон природы...

— Да что ты все повторяешь — ловушки, ловушки... Вроде как Хока из детских страшилок. Объяснил бы сразу, может, мы бы к ним и близко не подошли.

— Как будто у меня была такая возможность. В результате вашей же, к слову сказать, деятельности меня отстранили от всяких контактов и связей с нынешней земной реальностью. Если угодно, я сейчас просто выполняю свой нравственный долг перед вами, преступая долг формальный...

Шульгин слушал, кивал и не верил форзейлю. Нет, в общих чертах он не врал, так оно, наверное, и было, только скрывалась за этой поверхностной правдой какая-то другая, более глубокая, если не отменяющая первую, то серьезно ее корректирующая. И не из чистого альтруизма продолжал встречаться с землянами могущественный Тайный посол, заботам которого сейчас поручена, может быть, целая Метагалактика.

— Ну а все же? В двух словах. Чтобы больше к этому не возвращаться...

Вселившийся в тело старика инопланетянин совершенно не свойственным шаману, но сразу напомнившим бывшего Антона жестом изобразил, что ладно, черт с ним, пропадай, мол, моя телега...

— В самом общем смысле Ловушки сознания — это циркулирующие в Гиперсети информационные структуры, предназначенные для выявления и устранения любой проникшей в нее посторонней системы мыслеобразов. Вроде как антивирусные программы в ваших компьютерах.

Эти Ловушки могут, в зависимости от ситуации и масштабов возмущения в Сети, предпринимать любые необходимые меры для их нейтрализации, в том числе материализовываться в самые разнообразные реальности и сущности — от псевдоцивилизаций типа агтрианской до красивой женщины, посланной, чтобы отвлечь нужного человека от вредной для Гиперсети деятельности...

— Ничего себе! — поразился Шульгин. — Это что ж за механика? Я еще представлял себе, когда ты, как могущественный, но все же индивидуум, вмешивался в наши человеческие делишки... Дед Мазай и зайцы, скажем. А вот вселенская Гиперсеть, которая разменивается на... — Он даже не сумел подобрать подходящего слова.

— Ты забыл, что ли? Я же уже пытался вам эту механику объяснить. Система нисходящей шкалы масштабов. От Метагалактики до планетной системы и еще ниже, до отдельного человека. Вся цепочка прозывается в автомати-

ческом режиме. Ваши инженеры в состоянии ведь при сбое в работе гигантского вычислительного центра добраться до сгоревшей микросхемы и даже отдельного ее элемента? Так примерно и здесь...

— Ладно, понял. Дальше что?

— Да и все практически. Как только ваши действия стали представлять опасность для функционирования Системы, она начала защищаться. Что-то вы совершили такое... непредусмотренное. Я ведь Андрея при последней встрече специально предупреждал.

— Странно. Ничего мы вроде не делали, кроме с тобой же оговоренного. Ну да бог с ними, с Ловушками. Скажи лучше, где Андрей и как нам его вытащить? Для этого я в астрал и отправился...

— Ну вот тебе один из ответов. Вам предложено было на Земле сидеть и земными проблемами заниматься. Вы же снова в Гиперсеть полезли. Причем в своей обычной манере — напролом. По ковру из розовых лепестков — в грязных кирзовых сапогах... Вот хозяева этого ковра и решили вас несколько... э-э... окоротить...

— Ты еще и поэт у нас. Прямо тебе Басе. Про Андрея я тебя спросил. Вот по делу и отвечай.

— Не знаю даже, отчего я терплю почти целый год все твои грубости? Тебе не приходило в голову, что демонстративное пренебрежение элементарными приличиями отнюдь не показатель твоего нравственного превосходства?

Увлеченный разговором, Шульгин пропустил момент, когда, незаметно меняясь, старик шаман окончательно превратился в Антона, крупного, вальяжного, но мускулистого мужчину лет 35—37 на вид, загорелого и светловолосого, похожего на какого-то американского актера, игравшего мужественных шерифов и римских легатов. Или на советского партийного функционера из молодых, спортивных, прогрессивно мыслящих. Немножко нарочитый облик, по мнению Шульгина. Инопланетный агент мог бы выглядеть и поскромнее. Может, за внешность Сашка его и недолюбливал с самого начала знакомства.

— Не приходило. Да и тебя, как носителя высшего разума, не должны бы волновать такие пустяки. Подумаешь, ди-карь самоутверждается... Лучше скажи, к чему вот этот цирк с переодеваниями? Почему бы нам не встретиться, как раньше? Странно как-то — цивилизованный пришелец прикидывается шаманом, декорации вот эти... Иначе нельзя?

— А ты думаешь, от меня это зависит?

— От кого же еще? Я такого не придумывал...

Антон словно бы с сожалением покачал головой.

— Это тоже свойства Гиперсети. Мы ведь сейчас внутри нее находимся. В виде не знаю даже какого пакета импульсов — электромагнитных, гравитонных или нейтринных. Не знаю. В своем физическом облике я на Землю попасть возможности не имею. Ты меня сейчас, как Аладдин джинна, вызвал. Или нас обоих вызвали...

Шульгин без особого удивления еще раз ощупал свое тело. Вроде настоящее. Поднес руку поближе к огню, почувствовал сначала жар, а потом и боль. Отдернул. Антон наблюдал за его экспериментом сочувственно.

— Напрасно. Разницы все равно не заметишь. Иллюзия здесь стопроцентная. Это тоже разновидность реальности, только существующей в единственном экземпляре, лично для тебя.

— Но зачем? — Имея привычку анализировать собственные эмоции и мысли, Шульгин отметил, что реальность все же не стопроцентна. Психическая реакция в норме должна бы быть несколько иной. А сейчас он как будто наглотался транквилизатора — абсолютное спокойствие и безразличие к собственной судьбе. Рассудочная составляющая в норме и даже обострена, а эмоциональная почти стерта.

— Иначе у нас просто не получилось бы войти в контакт. Частотная и амплитудная несовместимость. А может быть, «кто-то» просто решил тебя подстраховать, чтобы не рассеялась твоя матрица в бесконечности Сети. Воздух в баллоне акваланга — это воздух, а открой под водой вентиль, во что он превратится? Хотя каждая его молекула таковой и останется, а как их обратно собрать?

— Ты прямо Перельман, великий популяризатор. Очень доходчиво объясняешь. Но хватит, может быть, ходить вокруг да около? До сути мы доберемся, нет?

— Да, тебя трудно вывести из равновесия. Еще одно подтверждение вашей с Андреем... избранности. В общем дела обстоят так: наш друг по свойственной ему неосторожности, чтобы не сказать — глупости, поддался на хорошо спланированную провокацию. Нет, Сильвия здесь ни при чем, — полная форзейль промелькнувшую у Шульгина мысль. — Она лишь инструмент. Не думал я, правда, что и в новой реальности ее сумеют достать с таорэровской базы, уверен был — барьер поставлен непроходимый, так что не считай меня лжецом и предателем. Здесь опять вмешались «высшие силы». Воплощенные, возможно, в Ловушку высшего порядка.

То есть и сама Валгалла, и аггры, ее населяющие, — тоже иллюзия, которую Андрей не в состоянии отличить от реальности. Мы с ним не так давно имели краткий контакт... Я как раз и размышлял, пока ты меня не потревожил, как его выручить оттуда... Он ведь сейчас словно бы и не существует «на свете».

— А я думал, они просто ушли туда тем же путем, что мы прошлый раз...

— Если бы... Он сейчас почти в таком же положении, как тогда, в сталинском варианте...

— Но кому все это нужно? И ты ведь прошлый раз сумел их с Берестины вытащить?

— Я думаю, дела обстоят так: условно говоря, Держатели, играющие «черными», решили пойти ва-банк. Партия зашла в тупик, и потребовались нестандартные решения. Со Сталиным, кстати, тоже был оригинальный ход. Если бы мне не приказали вмешаться, Новиков так и остался бы в той роли и в той реальности. Проблема снималась радикально. Однако...

Шульгин понял, что Антон снова начинает торговаться. По своей инициативе или выполняя очередной приказ.

— Что от нас требуется? Мы готовы договориться. Есть возможность сделать что-то, чтобы от нас отстали, хотя бы на срок нашей не слишком долгой жизни? А там мы спокойно умрем, и ваши проблемы разрешатся сами собой...

— Наверное, это возможно, — словно размышляя над предложением, ответил Антон. — Иначе вряд ли нам позволили бы встретиться.

— Позволили? Я считал, что в астрал вышел своей волей. И Андрей это делал несколько раз самостоятельно. Да ты ведь сам нам говорил...

— Я сказал: «позволили нам встретиться». Поскольку с моей стороны инициативы не было...

— Ну а раз позволили... Доложи, где следует, что мы согласны на их условия.

— Вот и хорошо. — Антон, кажется, испытал облегчение от благополучного завершения своей миссии. Если она действительно была.

— Возвращайся домой. Надеюсь, все будет хорошо. Что бы ты обо мне ни думал, я действительно считаю вас своими друзьями и готов помогать...

— Знаешь, как у нас определяют порядочного человека? Это тот, кто никогда не делает подлости по собственной инициативе. А уж если по приказу, то без удовольствия...

Андрей просидел на крыле мостика, наверное, полчаса, а то и больше. Курил почти непрерывно, сплевывал в черную, едва заметную — только по отражению звезд — воду за бортом, слушал ровный шум окружающих бухточку сосен. Положение представлялось ему крайне запутанным, но пока еще не безвыходным. Из слов Антона и Дайяны следовало, что Держатели (которых ему все время хотелось представить в каком-то материальном облике, но не получалось) сильно встревожены, если не сказать растеряны. Хотя, независимо от всего услышанного, ему такая ситуация казалась смешной. Как если бы члены Политбюро, забросив все остальные дела, решали, как поступить с пацаном, повадившимся терроризировать учителей регулярным подбрасыванием карбида в чернильницы. Да, смешно, если речь идет о пацане... А вот по поводу Солженицына и Сахарова они собирались, и не раз... Так что не нужно заниматься самоуничижением и принижать собственную роль во вселенских играх.

Дождаться бы поскорее Антона, а то ведь долго он в компании дамочек-агтрианочек не выдержит. Слишком большая нагрузка на психику — все время быть начеку, держать пистолет на боевом взводе и одновременно подавлять естественные инстинкты.

Они, возможно, на такой исход и рассчитывают. А что может произойти, если у него не хватит терпения противостоять непрерывной сексапильной агрессии? Он всего лишь любитель, а они-то крутые профессионалки, судя по всему.

Новиков по привитой Воронцовым привычке проверил, хорошо ли натянуты и закреплены швартовы, в каком положении якорная цепь. Потом спустился вниз.

Отдраил дверь каюты, в которой находилась Дайяна. Агтрианка лежала на койке, заложив руки за голову. Теперь она была одета в узковатые для ее роскошных форм джинсы и черный свитер крупной вязки. Под подолоком горел синий ночной плафон.

Каюта, конечно, не то что на «Валгалле». Голая функциональность. Две металлические койки одна над другой, металлический же откидной столик под иллюминатором, узкий стенной шкафчик и обтянутое коричневым пластиком кресло между столиком и переборкой. Не разгуляешься. Только чтобы поспать пару часов между вахтами.

С появлением Андрея Дайяна не изменила позы. Но дви-

жение глаз показало, что она его увидела. Новиков сел в кресло. Потянул носом воздух. Терпковато пахло незнакомыми духами. Откуда, интересно? Допустить, что она их с собой принесла? Настолько старается соответствовать образу? Скорее кто-то из девчонок после похода оставил. Ну да бог с ними, с духами.

— Я еще над твоим предложением думал, — сказал Андрей, глядя на висящий над дверью эстамп в тонкой черной рамке. — Заманчиво, конечно. Только вот испорченный телефон получается, видишь, какое дело. Договариваться — так лучше бы напрямую, без посредников. Сможешь организовать непосредственный контакт?

Дайяна села рывком на койке, показав, что пресс у нее хороший, обхватила колени руками.

— Чтобы это выяснить, мне нужно на базу вернуться. Я сама такие вопросы не решаю. И о чем же ты стал бы говорить с Держателями?

— Не знаю, — честно ответил Новиков. — Сначала послушал бы предложения и доводы из первых уст, а уж тогда...

Он почувствовал, что голова у него вдруг закружилась, подкатила тошнота и фигура Дайяны расплылась, потеряла четкость. Как будто он на карусели перекатался.

Андрей не то услышал, не то ощутил в глубине мозга жужжание и вибрацию. Похоже, как сверхскоростной бор-машиной зуб сверлят.

И там же, в мозгу, точнее — на внутренней стороне лобных костей словно высветилась картинка. Сашки Шульгина изображение. Губы шевелятся, а слов не слышно. Андрей напрягся так, что даже лицо у него исказилось, как от приступа мигрени. Показалось, что шум на мгновение стих, прорвались осмысленные звуки. Или по губам удалось разобрать?

— Я тебя чувствую. Все будет в порядке. Антона жди. Держись... — Он не мог поручиться, что разобрал именно это, однако смысл был такой.

И сразу все исчезло. Головокружение прекратилось. Интересно, успела агтрианка заметить этот краткий сеанс межпланетной связи? Да и был ли он вообще, не галлюцинация ли это от бессонных ночей и нервно-физических перегрузок?

Правда, раньше он за собой такого не помнил, с психикой проблем не было, и предыдущие контакты с Высшими мирами он воспринимал адекватно.

Дайяна эксцесс заметила.

— У тебя с головой что-то? Или?.. — Она подалась впе-

ред, коснулась пальцами его лба, словно температуру захотела проверить.

— Нет, порядок. В ухе вдруг стрельнуло. Неприятно. На палубе продолу, что ли...

Поверила она или нет, Андрея не интересовало. Главное — Сашка его нашел даже здесь. Сумел пробиться через сорок парсек пространства или ухитрился напрямую включиться в Гиперсеть. Прогрессирует, раньше у него такого не получалось. Вместе с радостью Новиков испытал смутную тревогу. Как бы там ни было, а оставался он в глубине души слишком нормальным человеком и не мог заставить себя принять как должное неизвестно кем и для чего врученные им сверхъестественные способности. Пользовался ими почти что вопреки собственным желаниям и все время опасался, что постепенно перестает быть человеком. Умом понимал, что ничего здесь от него не зависит и если уж уродился с такими талантами, то нужно принимать их как должное. Другой человек на его месте был бы счастлив, более того — и за меньшее люди дьяволу душу продавали, а вот все равно... Дед его в подобных случаях говаривал: «Не к нашему рылу крыльцо».

Усилием воли он прогнал неуместные сейчас мысли. Нужно думать, как отсюда выбираться, а о душе как-нибудь в другой раз побеспокоимся.

Раз Сашка вступил в контакт с Антоном и тот велел ждать, наверное, вскорости воспоследует с его стороны какая-то акция. Значит, нужно продолжать тянуть время.

— На базу я бы тебя отпустил, если ты имеешь возможность туда самостоятельно добраться. Только ты же меня сразу выдашь? Пока твои коллеги нас потеряли, и найти в пределах всего Северного полушария им нас будет трудно. А с твоей помощью... Излучения мозга они, может, и не засекают, а катер в любом случае найдут. Река — что трамвайные рельсы. И тогда уже все козыри ваши...

— Да, если ты так к этому относишься, отпускать меня нельзя, — согласилась Дайяна. — Какой-нибудь еще вариант видишь или тупик?

— Подумать надо. Какой-нибудь всегда найдется. По обычному радио с вашей базой связаться можно?

— Про радио мы забыли раньше, чем у вас появились египетские пирамиды, — без насмешки, просто констатируя факт, ответила агтрианка.

— А через универблок Сильвии? — предположил Андрей и тут же сам отмел эту идею. Блок — достаточно мощ-

ное оружие, чтобы его передать в руки отнюдь не миролюбиво настроенной инопланетянки.

— Тогда остается последнее средство — попробовать самому выйти на контакт с вашей половиной Держателей. Выйдет или нет — пока не знаю, но попытка ведь не пытка?

— Само собой, — легко согласилась Дайяна. Пожалуй, что и слишком легко. — У тебя уже неплохо стало получаться взаимодействие с Сетью. Если не заблудишься, конечно, проще будет договориться, чем через посредника.

— На этом и поладим. Я сейчас уединюсь в кают-компании и поищу выход в астрал. Найду — хорошо. Тогда и за тебя словечко замолвлю, отмечу твою роль в дипломатической миссии. Ну а если соглашения достичь не удастся или вправду заблужусь, тогда вы сами отсюда выбирайтесь. Можете катером спуститься вниз примерно на полторы тысячи миль, а там до вашей базы совсём недалеко, за сутки пешком дойти можно...

Дайяна, показывая, что такое решение ее вполне устраивает, снова вытянулась на узкой койке, прикрыла рукой глаза от света лампочки.

Новиков вышел из каюты, запер дверь. Что-то здесь не то. Ведет себя аггрианка неадекватно. Слишком подчеркивает свою незаинтересованность в исходе дела. Хочет тем самым заставить его поступить определенным образом? Каким? Если очень хорошо разбирается в людской психологии, в логических связях высших порядков, то угадать ее истинные интересы практически невозможно, любое решение будет равно справедливым или ложным, поскольку как догадаться, на каком уровне следует остановиться? Но если она мыслит стандартно, то искать контакта с Держателями нельзя ни в коем случае.

Успокоиться и просто ждать «спасательную экспедицию»? А сколько ее придется ждать? Хорошо, если сутки-двое, а то ведь можно опять оказаться во власти парадоксов. Весь проведенный на Валгалле первый год их «эмиграции» уложился в несколько московских дней, да и то потому, что несколько раз они включали установку и тем невольно корректировали разницу в скорости течения времени. А вообще-то по отношению к Валгалле время на Земле просто стояло. Что вначале им очень понравилось — здесь они могли жить сколько угодно, практически не старея, а потом вернуться домой чуть ли не в день и час отправления.

Андрей заглянул в каюту Сильвии. Леди Спенсер спокойно спала, демонстрируя завидное самообладание или просто фатализм.

Он прошел в тесную по меркам прогулочной яхты, но вполне просторную для военного корабля такого класса кают-компанию. Целых двенадцать квадратных метров, и можно стоять, не нагибаясь, даже при его росте.

От нечего делать, чтобы время шло быстрее, разболтал в чашке две полные ложки растворимого кофе, взял с полки рукописный журнал последнего путешествия на «Ермаке» к истокам Большой реки, развернул тщательно вычерченную Воронцовым карту.

Если Антон не появится в ближайшее время, то есть к утру, надо будет заводить движки и двигаться на север, к Штормовому озеру. Хотя будет занятие, интересное само по себе и отвлекающее от грустных мыслей. А если вдруг придется подзадержаться? Вот здесь, в трехстах примерно милях вверх по течению, они открыли глубокий, окруженный скалами фьорд, где и зазимовать в случае чего гораздо удобнее, чем у берегов главного русла. Только даже думать о зимовке на маленьком катере в обществе двух инопланетянок не хотелось. Был, конечно, и другой вариант. Через несколько дней агтриане, обыскав все окрестности Форты, наверняка оттуда уберутся, и можно вернуться обратно, очередной раз оставив их в дураках. А зимовать дома гораздо лучше, чем во льдах...

Ничего другого ему в голову не приходило. Исчерпал он, наверное, запасы сообразительности и предприимчивости, тем более что играть на чужом поле у него привычки не было. Главное, он не знал правил такой игры.

И непередаваемым счастьем казалось ему сейчас вернуться в Москву или Севастополь, забыть о своих чудесных способностях и «долге перед Вселенной». Он готов был подписать любое обязательство, вроде как в прошлом веке пленные офицеры взамен освобождения давали честное слово не участвовать больше в данной войне... Или диссиденты признавали свои заблуждения, чтобы не садиться (неизвестно зачем) на пять-семь лет в тюрьму.

Несколько позже он вспоминал о своих малодушных мыслях с удивлением и даже склонен был отнести их на счет постороннего психического воздействия — со стороны Дайяны, ее соотечественников или самих Держателей.

Потому что в момент охватившей его глубокой депрессии, когда Андрей разрывался между желаниями идти к Дайяне и соглашаться на любой вариант, который позволит ему вернуться на Землю, включить «синхронизатор» и потребовать у Антона немедленно забрать его отсюда или же просто напиться так, чтобы ни о чем не помнить, на проти-

воположной переборке раскрылся знакомый межпространственный экран, за которым Новиков увидел гостиную московской квартиры в Столешниковом и ухмыляющуюся физиономию Сашки Шульгина. Фасон-то он держал, стараясь соответствовать избранному имиджу, однако Андрей видел, что дается ему это предельным напряжением воли.

— Шагай сюда, быстро. А то неизвестно, сколько канал продержится...

— Но пару минут продержится? Я сейчас... — Не слушая, что еще говорил ему вслед Шульгин, он выскочил в узкий коридор, распахнул дверь каюты Сильвии, схватил ее за руку, не тратя времени даже на то, чтобы разбудить, протацил через кают-компанию, не обращая внимания, как она ударяется плечами и коленями о переборки, стулья, край стола. Только вскрикивает испуганно в полусне...

Толкнул в проем окруженного фиолетовой рамкой экрана.

— Держи!

Чуть было не шагнул следом и в последний момент вспомнил еще одно. Снова вернулся в коридор и отпер замок каюты Дайяны.

Когда межпространственный тоннель схлопнулся, отделив теперь уж, наверное, навсегда Землю от Валгаллы, и Сашка, не выбирая выражений, матерился, сообщая, что он думает по поводу всяких там альтруистов, Новиков, доставая дрожащими пальцами сигарету из пачки, смог ответить только:

— Но как же... Там переборки стальные почти десять миллиметров и инструментов в каюте никаких... Собаку и то на тонущем корабле не бросают...

— Ну Иисусик прямо! Без тебя бы там разобрались... — дернул щекой Шульгин, однако видно было, что побуждения друга он понял.

Зато Сильвия, потирая ушибленные части тела, прошипела зло:

— Так то же собаку. А эта вообще к живым существам мало отношения имеет. Она бы тебя не пожалела, дай ей волю...

Потом Шульгин рассказал, как Антон появился здесь час или полтора назад, какой-то растрепанный и страшно нервный, он его таким не видел даже во время эвакуации Замка, сообщил, что очередной раз ставит на кон свою карьеру, если не голову, что сумел каким-то образом деформировать предписанную реальность и пробить пространство-время в

физическом смысле, а это отчего-то запрещено законами то ли природы, то ли самой Гиперсети.

— Если сделал, значит, не совсем запрещено, — глубоко-мысленно ответил Новиков, сознавая, что переживает сейчас, пожалуй, так редко выпадающий в жизни момент абсолютного счастья.

А Сильвия ничего не сказала. Глядя на нее, Андрей не мог понять, довольна ли она таким разрешением ситуации или предпочла бы остаться на Валгалле? Но спрашивать об этом сейчас не стал.

Сашка продолжал рассказывать:

— Без всякой аппаратуры, хотя, может быть, она и была, только не здесь, Антон начал настраивать режим перехода. И все время попадал не туда. Бормотал что-то по-русски и по-своему, дергался, только что не озирался испуганно... Со стороны это выглядело, будто взломщик сейфа открывает и все время ждет, когда сигнализация сработает. Или даже больше походило, как минер фугас с часовым механизмом обезвреживает, не зная, на сколько взрыватель поставлен. Наконец у него получилось. Сначала он на Дом наш настроился, мне аж тоскливо стало, как он теперь жалко выглядит... Убедились, что тебя там нет, тогда уже на катер перенстроились. Антон вздохнул облегченно, даже пот со лба вытер и говорит: «Ну все, удалось, значит». Ему теперь надо исчезать, а я и сам справлюсь. Канал откроется, я тебя забираю, и на том все. Я спрашиваю: «А вдруг не откроется?» — «За это не бойся, — отвечает, — но уже в последний раз. Все свои лимиты вы исчерпали. Теперь лучше всего забудьте про Держателей, аггров, форзейлей и прочие тайны Вселенной. Послушались бы меня тогда, всем лучше было бы. А сейчас... Может быть, но не уверен, кто-нибудь еще сам на вас выйдет, тогда уж как знаете, так и выкручивайтесь. А на меня не рассчитывайте. Точка. Считайте, меня больше нет».

Сказал он это — и исчез. Точно как с парохода в прошлый раз. Я и не заметил, как он растворялся. Бжик — и все. Тем более что в тот же момент экранная картинка в проход превратилась. Смотрю — ты сидишь, печалуешься, словно Меньшиков в Березове...

Андрей задумчиво молчал. Через некоторое время, словно отвечая своим мыслям, наконец заговорил:

— Так, наверное, даже и лучше. Да только не верится. Не оставят они нас в покое. Правда, если предположить, что

они там друг с другом за нашей спиной договорились и решили объявить Землю демилитаризованной зоной да еще и карантин ввели... Я об этом с Антоном рассуждал, кстати. Оставьте нас в покое лет на пятьдесят, а там делайте что хотите.

— Я то же самое по сути говорил. Глядишь, они и снизошли. Да хватит нам про это. Вернулись — и ладно. Давай лучше встречу отметим.

— Давай. — Новиков попытался вспомнить, когда он ел последний раз. Выходило, что больше суток назад. А по нынешнему времени?

— Слушай, сегодня какое число? — спросил он Сашку, помогая ему накрывать стол на кухне.

— Двадцатое ноября...

— Так это что, больше двух недель прошло?

— Выходит, так. А по твоему счету?

Андрей задумался, только что пальцы не загибал, считая:

— Ну, если от момента, как у Сильвии ужинали, — четвертый день...

— Вот. А ты говоришь — павлины... Тут за твое отсутствие столько всего случилось. Давай по первой и мадаму нашу зови, она там не утонула в ванне? Я тебе сейчас порассказываю...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД»

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

Н. Гумилев

ГЛАВА 1

Новиков поднялся по трапу на палубу броненосца «Иоанн Златоуст», грязную, заваленную ржавыми металлическими деталями, бухтами тросов, всяким сопутствующим ремонтно-строительным работам мусором. Сотни людей, и в матросской форме, и в штатской рабочей одежде, беспорядочно на непосвященный глаз перемещались по палубам и надстройкам, занятые, однако, каждый своим определенным делом. Густо висел сопровождающий всякую осмысленную деятельность русского человека флотский мат.

О появлении Андрея на корабле никто не был предупрежден, и никто его не встречал подобающим его чину и положению образом.

Он долго искал Ирину, лавируя между башен, труб и кильблоков, пока наконец нашел ее на шканцах, только что поднявшуюся по трапу из внутренних помещений броненосца. В синем офицерском кителе с серебряными однопросветными погонами без звездочек, что означало в царском флоте чин старшего помощника судостроителя (Воронцов и тут оставался верен себе: на подчиненных ему кораблях каждый должен был соответствовать уставу и своему служебному положению), в кокетливо заломленном берете, хоть и с испачканным ржавчиной и машинным маслом лицом, она все равно была поразительно красива. Только ее сотрудники — заводские мастера и матросы машинной команды, — похоже, этого не замечали, вполне свободно с ней спорили, что-то доказывали, размахивая руками и тыча пальцами в замусоленные листы чертежей. И она разговаривала с ними

в подходящей тональности, хотя и без выражений, усиливающих усвояемость инструкций и распоряжений.

Но вдруг увидела Андрея, потеряла на секунду дар речи и кураж, потом кинулась к нему, чуть не споткнувшись о грудку спутанных тросов, и повисла у него на шее. Моряки молча отворачивались из врожденной деликатности.

— Чем это ты теперь занимаешься? — спросил он после того, как они отошли к борту, укрылись от посторонних глаз за раструбом трюмного вентилятора и обменялись всеми положенными в данной ситуации словами и поцелуями.

— О, ты и не поверишь! Дмитрий решил сделать из меня корабельного инженера! Оказывается, это очень интересно...

— Корабельный инженер с филологическим образованием? Оригинально...

— Ты забываешь, что у меня и еще кое-какие образования есть. Твой друг Левашов, в частности, ко мне обращался за помощью при создании своей машины...

Тут она говорила правду. В качестве агента-координатора аггров по европейской части СССР, абсолютно автономного и не могущего рассчитывать на поддержку и помощь метрополии, Ирина обладала обширнейшими познаниями в самых разных областях науки и техники, особенно в радиоэлектронике, чтобы суметь изготовить из подручных материалов все необходимые ей приборы и устройства. И сейчас Воронцов для ускорения ремонтных работ, да и чтобы отвлечь Наталью от скуки и праздности, а Ирину от тревоги за судьбу Андрея, привлек их к практической деятельности. Наталья Андреевна, архитектор и инженер-строитель, уже успела получить соответствующую практику при разработке дизайна и оборудовании внутренних помещений «Валгаллы» и сейчас, имея богатый опыт общения с советским рабочим классом, руководила четырьмя бригадами, занятыми модернизацией систем жизнеобеспечения и управления броненосца, а Ирине досталось самое трудное — машинно-механическая часть.

На всех пяти боеспособных броненосцах Черноморского флота англичане, уходя из Севастополя в девятнадцатом году, взорвали цилиндры паровых машин.

Даже в нормальных, довоенных условиях с использованием полной мощности николаевских и петербургских судостроительных заводов, квалифицированных инженеров и мастеровых, ремонт занял бы не меньше года. А советская промышленность в предыдущей исторической реальности с восстановлением поврежденных в ходе гражданской войны

крупных кораблей не справилась вообще. Все черноморские броненосцы, оставшиеся в Севастополе, балтийские «Андрей Первозванный», «Император Павел I», «Цесаревич», броненосные крейсера «Рюрик», «Громобой», «Россия», «Баян», «Адмирал Макаров» были проданы на слом. Хотя, учитывая характер Великой Отечественной войны на море, вполне могли бы принести немалую пользу при обороне и Крыма, и Ленинграда.

Воронцов долго ломал голову, каким образом выйти из положения и обеспечить своему искалеченному флоту хоть какую-нибудь способность к передвижению. Командующий действующим отрядом адмирал Бубнов, сменивший недавно умершего Саблина, сразу отнесся к идее заезжего «варяга» резко отрицательно. Он считал, что в ближайшие годы воевать на Черном море не с кем, и дай бог, чтобы хватило сил и средств привести в порядок предельно изношенные за годы войны линкор «Генерал Алексеев», крейсер «Генерал Корнилов» и несколько эсминцев-«новиков». В перспективе же следует думать о достройке готового на семьдесят процентов линкора «Демократия» («Император Николай I») и крейсеров типа «Адмирал Лазарев». Однако Воронцов имел на этот счет свое мнение. Он добился личного разрешения Врангеля попытаться восстановить броненосцы за свой счет и своими силами.

Консультации с флотскими инженерами, в том числе и с вышедшим в отставку строителем «Златоуста» контр-адмиралом Шотгом, оптимизма не прибавили. В качестве единственного более-менее реального варианта тот предложил попытаться заказать новые механизмы в Англии или Франции, а на крайний случай — начать переговоры с Германией о покупке машин с законсервированных по Версальскому миру их старых броненосцев типа «Брауншвейг» и «Дойчланд». Но даже и в случае осуществления этих весьма утопических планов установка новых механизмов потребует вскрытия броневой палубы, демонтажа надстроек и казематов и затянется минимум до двадцать второго года.

Собственные биороботы, даже перепрограммированные в механиков и кораблестроителей, тоже не смогли предложить чего-то дельного. Да и неудивительно, имеющаяся в памяти главного компьютера информация базировалась на тех же учебниках и монографиях, по которым обучались живые инженеры, а способность к гениальным озарениям у роботов отсутствовала по определению.

Дмитрий от бессильного отчаяния начал изобретать совершенно дикие варианты, вроде гигантских подвесных мо-

торов или пристыкованных к корме броненосцев полуподводных буксиров-толкачей.

Самое смешное, что с рациональной точки зрения его идея о воссоздании на Черном море сильного броненосного флота была изначально бессмысленна. Для уничтожения любого гипотетического противника ему хватило бы десятка обыкновенных крылатых противокорабельных ракет. Но это уже был бы, выражаясь словами О. Бендера, «низкий класс, нечистая работа».

Ему не хотелось раньше времени вносить в этот мир новые сущности. Гораздо правильнее, считал Воронцов, как можно дольше сохранять у человечества иллюзию, что никаких кардинальных изменений в способах ведения войны не происходит, а просто нашлись в России новые, талантливые и даже гениальные военачальники и флотоводцы. Да и психологический эффект от победы куда сильнее, если достигнута она традиционным оружием. Вряд ли на русскую армию и флот произвела бы такое шокирующее впечатление Цусима, выставь Япония против тихоокеанской эскадры громадный дредноутный флот. Поражение осталось бы поражением, но не было бы чувства унижительной национальной катастрофы. Сила солому ломит...

И все-таки он нашел выход. Что преисполнило его самоуважения и гордости. Решение было простым и гениальным. А подсказало его воспоминание о том, как аггры, охотясь за Ириной, запеленговали исходящее из квартиры Левашова излучение оставленных ею там приборов и каким-то образом вырезали из дома всю квартиру целиком, хорошо еще, что сам Олег успел выскочить без потерь.

Вспомнил он об этом давнем уже эпизоде почти случайно, и тут в мозгах словно стопора с торпедных рулей соскочили — решение представилось очевидным и простым до примитивности.

Он сразу отправился к Ирине и изложил ей свой замысел.

— Странно, — удивилась она. — О таком использовании блока я никогда не задумывалась. Но давай попробуем. Обычно внепространственный переход происходит немного по другой схеме. Я создаю канал, перемещаюсь в нужную точку и отключаю его уже с той стороны. Это значит, придется каждый раз вместе со срезанной деталью куда-то уходить, а потом нормальным путем снова на корабль возвращаться?

— Не понял, — в свою очередь, изобразил недоумение Воронцов. — А почему нельзя из той же точки внепространственно и вернуться?

— Снова принцип неопределенности. Как у нас с Берестиным вышло. Если пытаться точно сохранить географическую координату, плюс-минус несколько метров, получишь временной сбой от часов до суток в любую сторону...

— Как же тогда мы на Валгаллу и обратно сто раз ходили?

— Так у Олега совсем другой принцип. И его установка была по месту фиксирована, переходили только мы при постоянно включенном канале...

— Ну, давай попробуем. Включишь канал, захватишь им часть машины и тут же выключишь. Глянем, что выйдет... Пошли со мной, прямо сейчас. Главное — идею проверить... Только переодеться тебе надо, — с сомнением посмотрел он на ее зеленое шерстяное платье, никак не подходящее для того, чтобы карабкаться по трапам и пробираться сквозь завалы рваного железа. — Я к тебе сейчас вестового пришлю с рабочим костюмом.

Надев китель и брюки из плотной синей ткани, Ирина осмотрела себя в зеркале. Новый облик ей понравился. Похожа на юного дореволюционного мичмана. Особенно если спрятать волосы под берет. Только вот тяжелые флотские ботинки не годятся. Но их можно заменить кроссовками. В остальном — очень даже ничего.

По узким железным трапам Воронцов долго вел ее в самые недра корабля, освещая путь сильным аккумуляторным фонарем. Глухую давящую тишину не рассеивал звук шагов, он скорее ее лишь подчеркивал.

Где-то далеко журчала вода в проржавевших магистралах, сами собой потрескивали шпангоуты и бимсы, пахло мокрым железом, золой и угольной пылью. Было страшновато при мысли, что заклинится какая-нибудь из многочисленных дверей или упадет вдруг на горловину тяжеленная броневая крышка люка и они останутся тут навсегда. Как кочегары и машинисты стремительно затонувшего в Цусимском бою броненосца «Ослябя». Ирина понимала, что думать так глупо, Дмитрий полжизни провел в таких стальных катакомбах, и ничего с ним не случилось, и выходов наверх много, и через кочегарки, и через башенные колодцы, однако подавить приступ клаустрофобии было нелегко.

Да еще волновали мысли о корабельных крысах. Панического ужаса, свойственного большинству женщин, она от вида грызунов не испытывала, но все равно приятного мало, если кинется вдруг под ноги стоя отвратительно пищащих, омерзительных голохвостых хищников.

Наконец бесконечный спуск кончился. Они стояли на узкой решетчатой площадке, огражденной прутиками ржавых перил, между толстыми пучками горизонтально и верти-

кально протянутых труб, а внизу громоздилось то, что еще недавно было могучими паровыми машинами, — развороченные корпуса цилиндров, криво торчащие шатуны, громадные маховики, вскрытые золотниковые коробки, разорванные паропроводы высокого и низкого давления... Ей показалось невозможным разобраться в этих горах металла, даже просто понять назначение каждой детали, а не то чтобы как-то все это отремонтировать. По сравнению с гекатомбой растерзанных тротилом механизмов устройство даже ламповой ЭВМ представлялось простым и логичным.

— Да, — согласился Воронцов, обводя машинное отделение лучом фонаря, — постарались, сволочи. Главное, назло ведь сделали, никакого смысла в подобной акции не было. Черное море — театр закрытый, увести отсюда флот некуда, Босфор они контролируют... А вот взяли и взорвали, чтобы у России, хоть белой, хоть красной, даже мысли, что она морская держава, не было. То же потом и в Бизерте... Ну ничего, мы еще посмотрим...

И он начал объяснять Ирине, что и как, по его мнению, следует делать.

Спустившись на палубный настил из ребристых стальных плит, она обошла машину высотой и размерами с трехэтажный многоквартирный дом, прикидывая, откуда лучше начать.

— Куда обрезки сбрасывать будем, ты тоже придумал?

— В принципе все равно. Можно на берег, в какой-нибудь овраг, а можно и на баржу. Так даже лучше. Подгоним к борту землеотвозную шаланду, для вида, чтобы дурацких вопросов ни у кого не возникало, развернем на палубе ацетиленовую станцию, двух-трех наших роботов заставим котлы понемножку резать и краном металл через горловины утольных ям выгружать. Вроде как нормальный процесс демонтажа идет.

Вражеские шпионы посмотрят, своим сообщат, что мартишкин труд в самом разгаре. Кто там реальную производительность труда измерять будет? А потом вдруг окажется, что наши мастера — предшественники стахановцев... Вот когда корпуса внутри полностью очистим, тогда и про остальное думать станем...

Ирина вынула из кармана кителя универблок. Откинув крышку, отрегулировала на панели, похожей на клавиатуру калькулятора, режим работы.

— Только ты аккуратней, Ира, — предупредил ее Воронцов. — Трубопроводы не трогай, они еще пригодятся, убей только металлолом. Давай вот с этого края начнем...

— Сейчас, посмотрим, как вообще получится будет. А по-

том ты мне консультанта выделишь, который в этом деле понимает.

В угольной черноте трюма вдруг засиял ослепительным светом квадрат экрана. Снаружи был серенький, пасмурный день, но здесь он резал привыкшие к мраку глаза. Ирина вывела межпространственный канал в какую-то глубокую ложбину на берегу, огражденную крутыми заросшими кустарником склонами. Сделала несколько шагов назад, так, что угол паровой машины и верхняя крышка цилиндра погрузились внутрь экрана, совместила поверхность земли с нижним краем фундамента и выключила поле. Вновь стало темно, а когда Воронцов поднял фонарь, в его луче блеснул гладкий, словно сделанный гигантской дисковой пилой срез двадцатисантиметровой чугуновой отливки.

— Пойдет? — спросила Ирина.

— Изумительно! Молодцы мы с тобой. Тут и вручную за пару суток можно все убрать, а если проем сделать хотя бы пять на пять, так и кран установим... Сумеем?

Дмитрий не скрывал восторга, хотя именно на такой эффект и рассчитывал. Но лучше один раз увидеть...

На следующий день Ирина уже занималась монтажом в машинном отделении «Златоуста» установки СВП с рабочим контуром по габариту паровой машины. Тогда и вручил ей Воронцов в знак признания и заслуг серебряные погоны, дал под начало четырех роботов с квалификацией инженеров-механиков парового флота, и дело пошло.

Четыре дня уже Ирина резала железо, сталь, чугун и бронзу, тщательно регулируя углы раствора внепространственного экрана и выверяя по уровню положение его кромок, чтобы не прихватить невзначай часть палубного настила или элементы судового набора, с миллиметровой точностью подсекала пудовые болты креплений механизмов, с неожиданно открывшейся у нее сноровкой руководила действиями такелажников, поднимавших на таях детали, еще пригодные для использования, и чувствовала себя счастливой. Впервые, наверное, за последние годы. С удивлением она сообразила, что занимается полезным, созидательным делом, несмотря на то, что внешне оно выглядело разрушительным.

— Ну и двужильная баба, — уважительно цокали языком мастеровые с морзавода, наблюдая, как «инженерша» по десять часов без отдыха мотается вверх и вниз по трапам, успевает, кроме своего прямого дела, еще и поспорить с Воронцовым и тут же, прервавшись на полуслове, учинить разнос матросам с баржи и машинисту плавкрана, недостаточ-

но аккуратно поднимающим на горденьях полированные двудные валы. — Откуда только такие берутся... Да еще и в офицерских чинах!

— Вот бы тебе жену такую, Семеныч, — подмигнул своему боцману длинноусый шкипер чумазого портового буксира, пришвартованного к борту броненосца, наблюдая за Ириной.

— Оборони боже, загоняет хуже Осип Карлыча, — шутиливо перекрестился тот, вспомнив довоенного еще капитана над портом. — Опять же, стати никакой, одни мослы. Баба должна быть гладкая и с мужиком обходительная...

— Насчет стати ты зря. По господским понятиям — самый смак. Длинненькая и фигуристая. Глян-ка, кителек на грудях только что не лопается...

Воронцов с крыла мостика услышал эти слова и погрозил шкиперу кулаком. Тот смущенно крикнул и враскорячку полез в низы своего одышливо пыхтящего судна.

А по вечерам, отмыв под душем ржавчину, тавот и угольную пыль, Ирина еще и листала по два-три часа толстые корабельные справочники, разбираясь в чертежах и схемах. При ее абсолютной памяти через пару месяцев она вполне могла бы держать экзамен на соответствие авансом присвоенному ей чину.

...Все это Ирина рассказала Новикову и даже повела его вниз, продемонстрировав плоды своего труда. Огромное машинное отделение, очищенное от механизмов, напоминало сейчас внутренность ангара для цеппелинов.

— Мы и все котлы тоже убрали. Теперь корабль внутри практически пустой, остались только жилые помещения, артиллерийские погреба и подбашенные отделения... — Ирина на самом деле настолько вошла в роль, что сыпала морскими терминами, на память называла цифры сэкономленного водоизмещения и т. д. Андрей пропускал все это мимо ушей, он просто любовался подругой, радуясь за нее и за себя тоже. Слишком много сил отняли у него последние события, хотелось несколько дней отдохнуть, не отвлекаясь ни на что, кроме Ирины. Тем более что действие Сашкиного препарата наконец закончилось.

— Ну и дальше что? — спросил он скорее из вежливости. — Выскоблили вы броненосец изнутри, а зачем? Новые машины даже через самый большой туннель не протаскишь.

— В чем и хитрость. Ничего протаскивать не надо. Мы с Воронцовым решили установить дизели. Такого типа, как

будут на немецких «карманных линкорах». Чертежи и все спецификации на них имеются. Смонтируем прямо внизу дубликатор и воспроизведем всю двигательную установку сразу по месту. Останется только подсоединить дейдвудные валы через турбозубчатый агрегат, и все. Мощность двигателей получится вдвое больше, а вес в три раза меньше. Свободное от котлов пространство можно использовать под топливные цистерны. Запас хода получится тысяч на пятнадцать миль. Боезапас вдвое увеличим. А главное, скорость по расчетам узлов до двадцати трех поднимется, а то и чуть выше. Превзойдем большинство английских линкоров, кроме «Куин Элизабет», конечно...

— А чего же так — мощность двигателей вдвое, а скорость только на четыре узла больше?

— Обводы, — с сожалением вздохнула Ирина. — Тут ничего не сделаешь, корпуса слишком широкие. А вообще-то немецкие «Шееры» с этими движками двадцать восемь давали...

— Нет, ты у меня просто прелесть! Еще про метацентрическую высоту расскажи и про расход нефти на условную лошадиную силу...

Он обнял Ирину за плечи, снова поцеловал в пахнущую ржавчиной и мазутом щеку.

— Пошли лучше наверх, у меня тоже есть кое-какие новости...

А на палубе их встретила Наталья, успевшая узнать о возвращении Новикова, которого в душе уже похоронила. Она тоже была одета в офицерскую спецовку, только гораздо более чистую, чем у Ирины, потому что занималась более цивилизованной работой — руководила монтажом централизованной системы наведения и управления артиллерийским огнем. На боевом фор-марсе — двенадцатидюймовых пушек, а на грот-марсе — стопятидесятидвухмиллиметровых. Антенны радиолокаторов она уже установила, а теперь надзирала за прокладкой бронированных кабелей к баллистическим вычислителям в центральном посту. Она была румяна, весела и энергична. После года, проведенного в качестве капитанской жены — птички в золотой клетке, она даже несколько утрированно наслаждалась властью над полусотней мужиков, вспоминая давние времена своего прорабства на строительстве Олимпийского стадиона. Там ей тоже пришлось повозиться со всякими коммунициями.

За обедом, поданным в лучших традициях старого флота на фарфоровых тарелках с двуглавыми орлами и андреевскими флагами, с вестовыми в белых перчатках и ледяной

водкой, наливаемой не из пошлых бутылок, а из хрустальных графинов в такие же рюмки, Воронцов, продолжая тему, убеждал Новикова, что максимум к марту все три броненосца будут готовы к войне.

— Да еще и «Алексеева» в порядок приведем, есть соображения. Так что эскадра для моих планов вполне боеспособная получится...

— Далась вам эта война. Лучше бы как-нибудь обойтись... — Андрей вздохнул, повертел вилку в пальцах. — Но ведь вряд ли. После лондонской и московской Сашкиных акций сейчас такие дела заворачиваются... Это я вам отдельно все доложу. Думаю, зря вы все-таки, — обратился он к Ирине, — взрыв в клубе устроили. Враг только злее от этого стал...

— Зато у них вся оперативная информация утрачена, — не согласилась та. — Пока теперь они все цепочки восстановят. А начнут действовать в аффекте, да в условиях дефицита информации, им же хуже...

— Ладно, — не стал с первых часов после встречи затевать спор Андрей. — Ты вот как думаешь, Дмитрий Сергеевич, если действительно с Англией или всей Антантой воевать придется, ты на комфлота потянешь? — спросил он Воронцова.

— Да я-то, может, и потяну, в чисто стратегическом плане проблем нет. Плюс берестинский компьютер поможет. Только посторонних забот и хлопот знаешь сколько появится? Хозяйственных, кадровых и так далее. Главное же — не воспримут меня в этом качестве. Кастовость, сам знаешь. Это в пехоте за войну офицерский состав пять раз успел смениться. Генералы из поручиков и капитанов никого не удивляют, вроде того же Слащева или Скоблина. А здесь... Каждый про каждого все знает, включая училищную кличку и средний бал успеваемости при выпуске. Один Морской корпус на всю Россию, а в него принимали детей особ не ниже пятого класса по табели о рангах. Полковников то есть и им равных. Потомственных дворян. А разночинцев, если для доукомплектования в офицеры и производили, так только в прапорщики по адмиралтейству, чтобы кадровый состав не разбавлять. Я для них никто. Пока с хламом этим железным ковыряюсь да кое-что из снаряжения подкидываю, я хорош. А вздумай Врангель меня не то чтобы комфлота назначить, а просто в адмиральский чин произвести, знаешь что поднимется? Я тут уже со всеми перезнакомился, все знают, что я капитан торгфлота, а в военных делах разбираюсь, потому что в американском флоте лейтенантом был.

А американский флот не котируется, он с испанцами только и воевал, двадцать лет назад. У нас здесь любой мичман себя выше штатовских адмиралов ставит...

Воронцов с некоторой даже печалью медленно выщедил сквозь зубы рюмку водки, словно слабенький ликер.

«Научился у коллег, — подумал Новиков. — Раньше так не пил».

— И, наверное, правильно делает, — продолжил Дмитрий. — Они-то здесь грамотно воевали. В отличие от славного советского РККФ, обеспечили полное господство на море и практически без потерь, если не считать несчастья с «Марией». А наши в ту войну и все базы потеряли, и почти весь флот, при том что у немцев и кораблей серьезных вообще не было... — Он махнул рукой.

— Ну а кого из белых адмиралов в роли комфлота видишь? — продолжал неизвестно чего добиваться Новиков. Женщинам уже надоели их бесконечные разговоры. Слишком они вошли в роль вершителей истории. Мог бы Андрей, кажется, хоть сегодня отвлечься, по нормальному выпить-закусить в честь возвращения и уделить побольше внимания любимой женщине, а не пустой болтовне.

— Затрудняюсь ответить. Всех толковых адмиралов красные еще в семнадцатом году перебили. Бубнов, к примеру, человек грамотный, но чистый теоретик, всю войну в царской ставке просидел... И остальные... Герои — да, командиры кораблей приличные, но не флотоводцы...

— За стул держись, чтобы не упасть, — странно улыбаясь, посоветовал ему Новиков.

— Чего ради?

— Так, на всякий случай. Есть у меня на примете кандидатура. Должна тебя по всем статьям устроить...

— Что, в Москве кого-то из бывших завербовал? А кого? Щастного по приказу Троцкого расстреляли за то, что Балтфлот от немцев спас, Альтфаттер умер, Развозов, кажется, тоже. Не знаю, кто там еще остался. Беренс, Галлер?

Новиков продолжал скептически улыбаться. Наконец ему надоело мучить товарища.

— Колчак тебе подойдет? У него вроде раньше неплохо получалось...

Воронцов уставился на него, словно привидение внезапно увидел.

— Ты о чем? Какой Колчак?

— Александр Васильевич, какой же еще? Бывший командующий Черноморским флотом, бывший Верховный правитель, полный адмирал...

Воронцов повертел пальцем у виска. Приехали, мол. Но тут же осекся. Жизнь научила его не удивляться самым невероятным поворотам сюжета. Если уж сам Новиков полугода Сталиным «работал»...

— Что, опять материализация духов или еще одна параллельная?

— Куда проще. Шульгин расстарался и выяснил, что большевики его зимой не расстреляли, а спрятали на манер Железной Маски. Политические игрища и интриги. Кое-кому показалось, что живой он им полезнее будет. Или в качестве советника на будущее, или как предмет торга с союзниками, а скорее всего надеялись через него тайну золотого запаса выведать. В наших учебниках про это не писали, а ведь шестнадцать вагонов золота бесследно исчезли. В Омске еще были, а в Иркутске уже не оказалось. То ли его Семенов украл, то ли чехи тайком вывезли, но есть мнение, что сам адмирал успел и от тех, и от других спрятать...

— Вот это новость! Колчак — это фигура. Правитель из него не вышел, а как флотоводец... И где же он сейчас? В Москве?

— Если бы! Где-то там же, в районе Иркутска, Сашка сейчас спасательную экспедицию готовит. Просил, чтобы ты здесь нашел несколько подходящих офицеров, которых адмирал лично знает... Собирается на бронепоезде ехать, в компании басмановцев и надежных чекистов.

— На бронепоезде! — возмутился Воронцов. — Да туда надо немедленно, прямо через внепространство!

— Ну уж нет. Хватит, напутешествовались. Поездом он за неделю доберется и без риска...

Ирина поддержала Новикова:

— Я тоже не советую. Какие-то странные вещи стали происходить. Деформация времени, парадоксы... Мы когда с Шульгиным в Лондон ходили, то в прошлом, то в будущем оказывались. Причем как раз с учетом реально необходимых на дорогу затрат. Шагнули через порог и промахнулись на трое суток. И ты сам с Сильвией... У нас две недели прошли, а в Лондоне — один день. Наверное, мы своими вмешательствами так реальности раскачали... Прекращать это надо, пока не поздно...

— Пусть так, — сказал Воронцов после долгого молчания. — Пусть едет. Лишь бы привез. Я даже не знаю, что это будет, если адмирал вернется. Только как ты его убедишь? Был Верховный — и снова в просто комфлоты, в подчинение Врангелю? Не знаю...

— Брось, Дима. Ты правильно сказал, лишь бы живым

★ был, а уж убедим как-нибудь. Если для него личные амбиции — не главное. Да если и главное — все равно что-нибудь придумаем. Как говорил генерал Корнилов, другого выхода нет...

После ужина они поднялись на палубу. Холодный ветер близкого декабря дул резко и порывисто, даже в плотном шерстяном кителе терпеть его порывы больше нескольких минут было неприятно. А женщины стояли в тонких колготках и открытых платьях...

— Вы, девчата, спускайтесь к себе, мы подойдем, — тронул Ирину за локоть Новиков. — Парой слов еще перекинемся — и все.

Остались вдвоем, прячась от летящих из-за Мекензиевых гор клочьев холодного тумана, отошли за теплую трубу машинного вентилятора. Присели на деревянное ограждение светового люка.

— Я о чем порассуждать хотел, — сказал Воронцов. — Не о практических вопросах, их было до хрена и будет, а так... Вообще. Ты «Капитальный ремонт» Соболева читал?

— А как же! Раз десять, до сих пор жалею, что до конца не дописан...

— Что автор здесь живет, красным служит и пока, наверное, о писательстве не помышляет, тоже знаешь?

Новиков удивился самой постановке вопроса. Еще бы не знать! Много исторических личностей сейчас живет, не помышляя о своей будущей судьбе. Причем неизвестно, каждый ли станет таковой в нынешних обстоятельствах. Хотя Соболев может остаться писателем и здесь, только слегка изменит ориентиры. А еще и Исаков сейчас у красных служит, на Каспийском море, и Колбасьев...

— Ну не здесь, наверное, в Питере. В чем смысл вопроса?

— Да ни в чем особенном. О флотах и людях заговорили, вот на ум и пришло. Давно меня мысль мучила: почему он за сорок лет так и не сумел три-четыре сотни страниц написать о вопросе, который так хорошо знал? Первой частью до сих пор зачитываемся, а других не дождались, хотя тот же автор шеститомник всякого мусора в итоге изваял — «Зеленый луч», рассказы конъюнктурные, статьи и очерки...

— Ну? — повторил Новиков. Сам он к Соболеву, Герою Социалистического Труда, депутату Верховного Совета, секретарю Союза писателей и активному участнику всяческих партийных кампаний по борьбе с писательским вольномыслием, относился отрицательно. Заведомо отделяя талантливого роман от личности его автора. Не первый случай в истории. Доходили до него слухи о слишком уж подчеркнутой

ортодоксальности Леонида Сергеевича. Хотя были и другие слухи, что многим помогал, невзирая на провинности. Как в том анекдоте: «Добрый дядя, конфетку дал. А мог бы и зарезать».

— Он просто понял, что совесть не позволяет дальше писать. Пока верил в правоту красного дела — сумел кое-что выразить и изобразить. А с течением времени осознал, что правды не напишешь, а врать — противно. Взял и просто бросил...

— Странно. Катаев, к примеру, когда врать уж очень сильно не захотел, переключился на «Белеет парус одинокий». Тоже брехня, но для детей как бы и можно. Пересидел смутное время и опять самовыражаться начал: «Кубик», «Трава забвения» и прочее...

Внезапно возникший литературный разговор явно обоим понравился. Совсем другое дело, чем все время о войне да о большой политике.

— Катаев, во-первых, на шесть лет раньше родился, умнее был, наверное, или характер другой, во-вторых, прожил почти на двадцать лет дольше. То есть совсем другой запас прочности. Или здорового цинизма. А этот сломался. Писать что хочу нельзя, вариантов в жизни не предвидится, так и пушусь во все тяжкие. Вместо романов — верноподданнические рассказы, вместо писательского стола — председательский. Опять же происхождение — из дворян, морской офицер. Однокашника его, Колбасьева, ведь шлепнули.

— Так что, по-твоему, получается, посочувствовать ему надо?

— Ему лично, может, и нет, а таланту загубленному — стоит. У них со старшим братом, который в романе Николаем Ливитиным назван, судьба в чем-то похожая. Тот, вынужденный артиллерией «Первозванного» командовать при подавлении Красной горки, стрелять-то стрелял, а потом спустился в каюту — и пулю в лоб. А младший брат этот же процесс на пятьдесят лет растянул...

— Я понял, к чему ты сейчас именно о «Капремонте» вспомнил, — сказал Новиков. — Ассоциативно. Обстановка сейчас у нас очень на ту похожа. И войны пока нет, но тень ее неумолимо надвигается, и с кем воевать — пока неизвестно, хотя знаем, что против любого возможного противника сил маловато и флотоводцев достойных на примете нет. Там — один Эссен, у нас — только Колчак, да и то под вопросом. Так зачем это все, а, Дима? Может, бросим, пока не поздно? Уедем, как собирались, и гори все огнем! Как-нибудь без нас разберутся...

Воронцов поежился от крепчающего ветра. Из вечерней мглы на «Валгаллу» равномерно накатывались белопенные волны, разбивались о борт, брызги доставали уже до верхней палубы.

— Не нравишься ты мне, братец, — сказал он после затянувшейся паузы. — Переутомился, вопросы странные задаешь. Про «зачем» мы давно уже разобрались. Иди-ка ты лучше вниз, кофейку с ликерчиком выпей, с Ириной на совсем посторонние темы пообщайся. Глядишь, в мозгах и прояснится. А потом уже к проклятым вопросам вернемся. Я тебе увлекательную работенку хотел предложить, не связанную с галактическими проблемами.

Он легонько подтолкнул Андрея к двери надстройки.

— И я пойду сосну минут двести. Боюсь, как бы к утру настоящий шторм не разыгрался, барометр плохо стоит... Да и с Сашкой попробую по радио связаться. Заинтриговал ты меня.

...Дмитрий Воронцов не сразу пошел в свою капитанскую каюту, проводив отдыхать Новикова. Как всякий нормальный командир судна, он обошел палубу, лично проверил состояние швартовых, на месте ли вахтенные офицеры и верно ли они несут предписанную уставом службу, в штурманской рубке долго всматривался в экран радиолокатора — не появятся ли вдруг на пределе видимости засечки вражеских кораблей, и лишь потом позволил себе хоть на пару часов перестать быть капитаном.

Наташа ждала его, не будучи уверенной, что он придет. С одной стороны, по-своему печалась, что снова придется проводить ночь в постели соломенной вдовы при живом и находящемся всего лишь в какой-то сотне метров от нее муже, и одновременно радуясь, что он все-таки здесь, рядом и занят не пьянками, не чужими женщинами, а службой.

Один раз она его уже почти потеряла, предпочтя флотскому лейтенанту многообещающего дипломата. Но обещания остались обещаниями, и развод показался ей счастьем, а потом три года «свободной» жизни вместо удовлетворения принесли только новые трудности и проблемы. Потому внезапное возвращение Алексея сделало Наталью Андреевну фаталисткой. Спасибо судьбе и богам за то, что есть сейчас, и не следует желать большего.

Воронцов, стряхивая с волос и погон соленые брызги, вошел в тамбур Наташиной каюты. Через две открытые двери, большой гостиной и примыкающей к ее спальне картин-

ной галереи, она увидела отраженное в зеркалах движение и выбежала навстречу. Нет, выбежала она только в мыслях, а вообще-то, не торопясь, вышла на середину картинной галереи, один к одному скопированной с залов Русского музея. Встретила утомленного службой мужа, как и подобает любящей жене — готовая в случае необходимости и грязные сапоги стянуть, и на плечах до койки донести, а ежели что — и подходящий к случаю разгончик устроить. По ситуации, одним словом.

ГЛАВА 2

В это время Шульгин с Левашовым как раз выходили на крыльцо Большого Кремлевского дворца.

Беседа с Троцким получилась конструктивная. Лев Давыдович одобрил все предпринятые для подавления «мятежа ВЧК» меры. Сам факт заговора его не удивил. Начиная с восемнадцатого года трения между создававшим Красную Армию с опорой на военспецов Троцким и группировкой Сталина — Ворошилова, поддерживаемой чекистами и наиболее косной частью партии, всячески этих же бывших царских офицеров и генералов третировавшими, непрерывно нарастали, кое-как смягчаемые только авторитетом Ленина, обычно становившегося на сторону своего предреввоенсовета. Он даже по собственной инициативе вручил Троцкому чистый бланк, своего рода мандат, в который тот мог вписывать любое решение, которое считал нужным, а Ленин заранее утверждал его, о чем гласил текст ниже собственноручной подписи: «Товарищи! Я абсолютно убежден в правильности, целесообразности и необходимости даваемого тов. Троцким распоряжения и поддерживаю его всецело. Предсовнаркома В.Ульянов (Ленин)». Широкую чистку рядов Лев Давыдович планировал провести позже, разобравшись сначала с более неотложными вопросами, но, раз враг начал первым, показал свое истинное лицо, спасибо ему за это. Никто больше не посмеет упрекнуть Льва Троцкого в бонапартизме.

Договорились и о том, чтобы реорганизацию тайной полиции, переименованной в ГПУ, поручить товарищу Агранову, убедительно продемонстрировавшему свою преданность и решительность в критические для республики дни. Пожалуй, он заслужил вдобавок к должности начальника Госполитуправления еще и орден Красного Знамени. А первым замом к нему Сашка окончательно решил поставить Кирса-

нова. Этот врагам (особенно из числа ортодоксальных коммунистов) спуска не даст.

Перед тем как перейти к главному, Шульгин выложил на стол Троцкого добытые у Трилиссера списки банков, в которых размещалось золото партии. Конечно, не всех. Кое-что он решил оставить себе. Не потому, что Сашку интересовали несколько сот миллионов долларов и франков. Ему нужны были именно налаженные, законные связи, открытые легальные счета, через которые можно перегонять любые средства, не привлекая внимания спецслужб и финансовых кругов, наверняка начавших отслеживать движение денежных потоков Югославии.

У Троцкого даже задрожали руки, когда он понял, что именно ему передается. Он знал о том, что значительные суммы переправлялись из России на Запад с первых дней Октября для поддержки мировой революции, обеспечения тылов в случае поражения и расчетов с теми неназываемыми лицами, которые способствовали созданию благоприятного для РСФСР международного климата. Но масштабы, масштабы! Занятый в основном военными делами, Лев Давыдович и представить не мог, что уже девяносто процентов всего имевшегося в стране золота и драгоценностей ушло за рубеж, а Гохран и Госбанк давно являются не хранилищами государственных сокровищ, а лишь перевалочными базами и распределителями награбленного.

— Это поразительно! Поразительно и чудовищно! Тут есть и личные счета? — спрашивал он, растерянно перебирая бумаги немыслимой ценности.

— Совершенно верно. Большинство ваших соратников имеют по сто и более миллионов на персональных счетах. Узнать, кто именно и сколько, — почти минутное дело. Я распоряжусь, чтобы надежные люди произвели соответствующее расследование. Ваших чекистов привлекать не будем... — Шульгину нравилась роль, которую он сейчас играл, эдакого элегантного европеизированного барина в дорогом шерстяном костюме с жилеткой, на манжетах сорочки — бриллиантовые запонки, на пальцах — перстни с камнями и печатками. Вальяжно откинувшись в кресле, он попыхивал длинной коллекционной сигарой, вертел носком шеврового ботинка с гетрами и вообще держался так, будто не на аудиенции у главы великой, несмотря на временные трудности, державы он находится, а в кабинете ресторана обсуждает с партнерами коммерческие дела. Левашов даже слегка удивлялся его раскованности. Сам он до сих пор не привык к тому, что волею судьбы допущен к участию в со-

бытиях мирового масштаба и люди, знакомые ему только по учебникам да историческим романам, составляют теперь круг его повседневного общения.

— Потому что не следует, уважаемый Лев Давыдович, даже кристально честных и без лести преданных сотрудников посвящать в... не совсем соответствующие нормам коммунистической нравственности тайны верховной власти. Вы согласны со мной?

Троцкий почесал бородку. Пожевал губами, подбирая ответ поддипломатичнее. Потом вдруг тряхнул пышной гривой своих черных волос. Да что, мол, тут ходить вокруг да около!

— Пожалуй, в такой постановке вопроса есть резон. Сделайте это, если вам не составит большого труда. Реестрик небольшой: страна, название банка, сумма вклада и фамилия лица, на которое открыт счет. На благодарность со стороны советского правительства можете твердо рассчитывать...

— Да уж не без этого, — усмехнулся Сашка.

— Только вот объясните мне, ради бога, дорогой Александр Иванович, что вас, собственно, заставляет поступать означенным образом? В горячих симпатиях к идее мировой революции я вас заподозрить не могу. Не логичнее, если бы вы просто оставили данные бумаги у себя? Миллиардером бы стали в одночасье... Не могу я понять смысла ваших поступков, отчего и испытываю законное беспокойство.

— Объяснять подробно, Лев Давыдович, слишком долго. Тем более что многое вы и так знаете из предварительных бесед с Олегом Николаевичем. — Он изобразил полупоклон в сторону Левашова. — Мы с ним не во всем единомышленники, но тем не менее... Во-первых, деньги нам не нужны. То есть не вообще, ваши конкретно не нужны, потому что своих вполне достаточно.

— А так разве бывает, — перебил его Троцкий, — чтобы денег — и вполне достаточно? У Ротшильдов и Вандербильдов их куда как много, однако не отходят они от дел, а приумножают капитал, не останавливаясь ни перед какими преступлениями...

— Слишком усердное изучение одной доктрины в ущерб альтернативным сужает кругозор. Я имею в виду Маркса и его теорию прибавочной стоимости. В реальной жизни нетрудно встретить бескорыстного капиталиста и алчного пролетария. Да зачем далеко ходить? Столь презируемые вами русские аристократы, за редчайшим исключением, национальное достояние не разграбляли. Можете себе предста-

вить гвардейского генерала, ночью выковыривающего бриллианты из царской короны, чтобы на рассвете бежать с ними за границу? А ваши товарищи, которые авангард рабочего класса и трудового крестьянства... — Движением руки он остановил желавшего что-то возразить Троцкого. — Это я просто для примера, дискуссии затевать не будем. Я сейчас закончу. Так вот. Как для вас высший интерес состоит в осуществлении мировой революции на благо всего человечества независимо от его, человечества, желания и не заботясь о цене «всемирного счастья», так для меня он противоположен. Мне хочется удостовериться, возможно ли мирное сосуществование двух противоположных экономических и политических систем в одной отдельно взятой стране и, более того, достижение на этой базе нового мирового порядка, основанного на балансе сил и общечеловеческих интересов...

«Во завернул! — восхитился про себя Левашов. — Не Сашка, а чистый Дизраэли».

На Троцкого шульгинский пассаж тоже произвел определенное впечатление. А тот заливался дальше:

— В ближайшее время можно ожидать начала скоординированного и массированного давления со стороны Запада. И против РСФСР, и против Югославии. Вплоть до военной интервенции. Имеющиеся у нас разведданные это подтверждают. Поэтому мы предлагаем вам заключить сверхсекретный трехсторонний договор...

— Трехсторонний? — все же сумел вклиниться в поток Сашкиного красноречия Троцкий. — Между кем, кем и кем?

— РСФСР, Югославией и той третьей силой, которую я сейчас имею честь представлять. Условно назовем ее «Союз пяти»...

— Чего «пяти»? Государств, финансовых корпораций, церквей?

— Пока это неважно. Суть договора: обе имеющие быть на территории бывшей Российской империи независимые республики заключают тайный военно-политический союз. Публично они продолжают идейное, экономическое, какое угодно еще соперничество, вплоть до взаимных угроз применения военной силы, проводя на самом деле скоординированную внешнюю и внутреннюю политику, оказывая друг другу необходимую помощь в достижении национальных интересов каждого из государств. То есть они помогают вам строить здесь социализм, а вы им — буржуазно-демократическое общество всеобщего благоденствия. «Союз пяти» берет на себя обязательство выступать в качестве гаранта и арбитра означенного договора, предоставляет сторонам тай-

ную дипломатическую поддержку в проведении их внешней политики, а также финансовую и научно-техническую — во внутренней...

— Знаете, Александр Иванович, все, что вы сказали, крайне интересно, однако такие документы на слух никто из серьезных политиков обсуждать не станет... Представьте текст документа, создайте авторитетную комиссию. Мы все это обсудим, подумаем, поспорим скорее всего, а уж потом...

Тут наконец вмешался и Левашов:

— Лев Давыдович, процедурные вопросы мы, конечно, обсудим, но прошу вас учесть заранее: и вы, и мы выжить сумеем только в предложенных обстоятельствах. Хотите изображать из себя непреклонного борца за коммунизм — пожалуйста. Но когда вас станут ставить к стенке или ледорубом по голове мочить, не говорите, что вас не предупреждали...

Троцкому, наверное, такой намек из будущего по душе не пришелся, но в то же время он его правильно и не понял.

Шульгин, выждав минутку, вернулся к прежней теме:

— Дипломатические процедуры мы отложим на будущее. Товарищ Левашов для этих целей здесь и присутствует, облечен всеми соответствующими полномочиями, и новых представителей пришлем, создадим необходимые комиссии. Можете подготовить встречные предложения. Главное, чтобы у нас была пусть устная, но серьезная договоренность решать предстоящие проблемы не во вред друг другу и только на базе взаимных консультаций. Вот так. А сейчас мне от вас требуется разрешение на поездку в район границы с ДВР, бронепоезд с экипажем, к которому я прицеплю два-три своих вагона для меня и моего штаба, надежный мандат ко всем советским властям по маршруту...

— А цель этой поездки, извините?..

— Ознакомительная, если угодно. У нас есть некоторые интересы в Сибири и на Дальнем Востоке. Взаимная польза, в случае если мои гипотезы подтвердятся, будет не меньше этой... — Шульгин вновь указал движением головы на лежащие перед Троцким бумаги. Тот понял намек.

— Когда вы намереваетесь выехать?

— В ближайшие дни. По крайней мере я бы хотел, чтобы вполне боеспособный, снабженный всем необходимым, с абсолютно надежной командой бронепоезд был готов послезавтра. И мандат тоже. О деталях же мы договоримся с товарищем Аграновым...

— Хорошо. Все необходимое будет сделано. — Троцкий

встал и протянул, прощаясь, мягкую ладонь с ухоженными ногтями.

Шульгин с Левашовым дошли уже до двери, и Сашка, как бы вспомнив, приостановился.

— Да вот еще, Лев Давыдович, есть небольшой вопрос. Вы к флоту вообще, как мне кажется, отрицательно относитесь?

— Что вы имеете в виду?..

— Ну, Балтийский флот в его нынешнем виде вам же не нужен? — Шульгин хотел было напомнить о тайном договоре с немцами по передаче им запертого льдами в Гельсингфорсе флота, о расстреле адмирала Щастного, который организовал беспрецедентный Ледовый переход более полусотни боевых кораблей в Кронштадт, чем страшно обидел вождей Октября, о приказе Ленина утопить в Новороссийске флот Черноморский, о планах продажи на слом еще уцелевших линкоров и крейсеров, о продолжающихся уже три года арестах и бессудных убийствах морских офицеров, но решил, что это будет не совсем дипломатично. Троцкий и так должен понять ход мыслей собеседника. — Вот давайте еще и об этом договоримся. Ни один корабль вы немцам или шведам на слом пока не продаете. До лучших времен. Возможно, мы найдем кораблям более подходящее применение. Готовы оплатить вам расходы по консервации и обслуживанию боеспособных судов. А чтобы освободить Петроград и Кронштадт от «неблагонадежных элементов», разрешите нашим представителям пригласить всех желающих офицеров и сверхсрочнослужащих старого флота на службу к Врангелю. В том числе и тех, кто сейчас находится в концлагерях и тюрьмах. Опасности для РСФСР они не составят, поскольку вряд ли в обозримом будущем возможна морская война между двумя Россиями. А вы избавляйтесь от двух-трех сотен непримиримых противников вашей власти, получив взамен полтора миллиарда золотом... Вижу, что вы согласны, Лев Давыдович, и высоко ценю вашу добрую волю. За тем, чтобы с данного момента ни один моряк больше не был расстрелян, я от вашего имени попрошу проследить Агранова. Знаете, низовые работники иногда склонны проявлять совершенно неуместную инициативу...

...После ухода Шульгина с Левашовым Троцкий минут десять сидел молча, подперев руками голову. Агрессивный напор представителя загадочного «Союза пяти» ему даже чем-то импонировал. В данный исторический момент иметь

такого союзника, тем более тайного, крайне полезно. Появляется простор для политических комбинаций. Выяснить бы только поскорее, какие силы прячутся под маркой этого «Союза»? Безусловно, могущественные, раз бросили вызов не только Антанте, но и финансовой империи Парвуса и К°. Бумаги Трилисера, безусловно, подлинные, а это такой щелчок по носу... Да нет, где там по носу. Это сокрушительный удар сапогом по яйцам! И все эти бесчисленные миллионы теперь в полном распоряжении его, Льва Троцкого. Призрак политической катастрофы и военного поражения, три года преследовавший советское руководство, заставлявший идти на любые авантюры и одновременно готовиться к бегству за границу, кажется, пока скрылся из виду. Так, может, действительно принять предложение любезнейшего Александра Ивановича, попытаться забыть на время о мировой революции и начать строить нормальное государство на доставшемся куске России?

А вот интересно, куда это он собрался ехать? Нет, куда — понятно, дальше рельсов не уедет, но вот зачем? Бронепоезд, конечно, дадим, укомплектуем самыми надежными и проверенными людьми из тех, кто два года ездил на знаменитых, наводивших на страну ужас «поездах Троцкого». И помогут Александру Ивановичу, и защитят, если что, и ни одного шага без внимания не оставят. И за аграновскими ребятами тоже присмотрят. Главное же — заодно можно использовать Шульгина как беспристрастного ревизора. От его хитрого глаза ничего не укроется, привезет совершенно объективную картину — чем дышат и кого поддерживают партийные и чекистские кадры вдоль всей Сибирской магистрали.

И моряков ему можно отдать. Нам в ближайшие годы флот и вправду не нужен. А когда потребуется — обеспечим собственными кадрами, объявим комсомольский призыв... Только вот... не аграновское это дело, тут нужно через другие инстанции решать. Отдать белым всех, кто сам захочет к ним перейти, а заодно десяток-другой абсолютно надежных партийных товарищей вроде Раскольников-Ильина и ему подобных царских мичманов и лейтенантов. Покаются, мол, виноваты, служили из страха за судьбы семей, а сами только и ждали подходящего момента. Выдадут кое-какие важные тайны, испугают вину, а там постепенно достигнут высоких должностей и чинов. Жизнь не сегодня кончается, и лет через пятнадцать свой человек на посту комфлота или морского министра вражеского государства может оказаться позарез необходим...

Троцкий не обманул, и в условленное время в депо станции Москва-Ярославская Шульгина ждал поезд, готовый к путешествию через всю Россию, к границе с Дальневосточной республикой, а при необходимости — хоть до самого Тихого океана. Как раз на днях Конференция областных правительств Амура, Приморья и Забайкалья в Чите приняла решение об объединении и сформировала правительство ДВР на основе широкой многопартийности и признания незыблемости частной собственности. Японские войска эвакуировались из Забайкалья, Семенов отступил в Маньчжурию, и формально независимая «буферная республика» фактически превратилась в вассальное государство, руководимое директивами ЦК РКП и Наркоминдела РСФСР.

Экспедиция Шульгина официально считалась секретной, но все, кого это хоть в малой степени интересовало, знали, что Народно-революционная армия ДВР организационно является Отдельной армией Советской России, и для оказания ей практической помощи Реввоенсовет направляет в Читу группу советников и военспецов.

Двое суток ушло на сборы, формирование эшелона, погрузку припасов на долгий, неизвестно что сулящий путь. Шульгин догадывался, что предстоит отнюдь не легкая прогулка — пять суток туда, столько же обратно и пару дней на решение всех вопросов с иркутскими товарищами.

Это вам не мирное советское время и не знаменитый, всегда ходящий строго по графику экспресс «Россия». Поэтому он положил себе срок — месяц. Только что закончившаяся война, разруха, изношенная до предела нитка единственного железнодорожного пути, нехватка чего угодно, начиная от угля и какого-нибудь нехвата лопнувшего подшипника. Но он имел вкус именно к таким вещам — сборам в долгие путешествия, составлению списков снаряжения и припасов, моделированию самых невероятных ситуаций, могущих сложиться в пути.

Да и помощники у него были подходящие. Он взял с собой боевую группу из тридцати офицеров во главе с подполковником Мальцевым, великолепно зарекомендовавшим себя во всех делах от Стамбула и до последней операции в Москве, жандарма Кирсанова, с которым последнее время как-то странно сдружился — оба чувствовали взаимную симпатию, видимо, из-за сходства характеров, и одновременно глубоко скрытанное недоверие. Кирсанов, возможно, оттого,

что не мог до конца понять смысл деятельности Шульгина с товарищами, а Сашка ощущал в капитане пока неясное ему психологическое несоответствие между внешностью, биографией и манерой поведения.

Кроме того, Воронцов подобрал ему группу из пяти флотских офицеров, лично знакомых с адмиралом, причем капитан первого ранга Кетлинский в шестнадцатом году служил у Колчака флаг-офицером, а двое — в Сибирской бригаде морских стрелков контр-адмирала Старка, которая готовилась оказать сопротивление и большевикам, и чехам накануне гнусного предательства, но сам Колчак запретил, не желая лишнего кровопролития.

После ареста адмирала офицеры сумели пробраться через Красноводск и Баку в Крым. Маршрут их нынешнего путешествия не мог не вызвать у моряков, столь тесно связанных с трагическими событиями прошлого года декабря, естественных ассоциаций, и Шульгину пришлось поддерживать предложенную Воронцовым легенду о Владивостоке как конечной цели экспедиции и планах организовать оттуда эвакуацию офицеров, а по возможности и части кораблей Сибирской флотилии на Черное море.

Выехали ранним метельным и морозным утром. Впереди двигался, густо дымя трубами сразу двух паровозов, бронепоезд. Бронеплощадки с четырьмя горными стосемимиллиметровыми орудиями и десятью пулеметами, классные вагоны для штаба и команды, двухосные теплушки с боеприпасами и двухнедельным запасом продовольствия. Шульгин, конечно, мог бы обернуться только на своем поезде, но «броненосец железных дорог», несущий на борту имя «Роза Люксембург», описанный революционными лозунгами и призывами, в том числе почему-то: «Смерть палачам за казнь лейтенанта Шмидта» (логичнее было бы требовать смерти палачам той самой Розы, имя которой носил бронепоезд), сам по себе внушал уважение окружающим и служил достаточным гарантом от повторения недавнего инцидента с нападением на поезд Шульгина англо-советского диверсионного отряда. Несмотря на принятые меры, агрессивность зарубежных друзей в ближайшее время должна была только возрасти. Просто потому, что логика исторического процесса не оставляла его участникам другого выхода. Вопрос только в том, в какие формы выльется их активность на этот раз.

Поезд Шульгина из бронированного салона, двух пассажирских вагонов первого класса, пулеметной бронеплощадки и теплушки с припасами, влекомый новейшим, только

что доставленным из Швеции магистральным паровозом, следовал за бронепоездом на отдалении полутора верст.

Сашка стоял у окна и смотрел на скользящие мимо заснеженные сосны, открывающуюся между ними всхолмленную русскую равнину, уходящую к мутному горизонту, подступающие вплотную к полосе отчуждения бревенчатые деревеньки в десяток дворов, вспоминал, как он много-много раз проезжал по этой же дороге на пригородных электричках. Только пейзаж тогда был вокруг совсем другой.

На душе было не то что тревожно, а как-то непонятно-грустно. Не перед кем позировать и рисоваться, в салоне он ехал один, а то, что он затеял, словно бы выходило за отведенные судьбой рамки. Почему ему так казалось, он не совсем понимал. Слово до этого просто играл роль в спектакле студенческой самодеятельности, а сейчас вдруг предстояло без подготовки выйти на сцену МХАТа. Или судьбы на фехтовальной дорожке вдруг объявили, что бой будет на настоящих шпагах и до решительного исхода.

Может быть, поэтому он не взял с собой в поездку Анну, как она ни настаивала. А ей очень хотелось прокатиться в поезде через всю страну и поучаствовать в настоящем деле. Чем такие дела иногда кончаются, она не знала по молодости лет или просто не хотела знать. Вот Ларису бы он взял. Да не в его власти...

Колеса ровно стучали под настилом пола, скорость едва ли превышала тридцать, ну сорок километров. Вспомнив, что расстояние между телеграфными столбами составляет пятьдесят метров, он решил посчитать. Двадцать столбов в минуту — шестьдесят километров в час. Пока секундная стрелка обежала круг, за окном их проплыло четырнадцать. Это ж сколько ехать еще!.. Позвать, что ли, из соседнего вагона Кирсанова с Мальцевым и того каперанга, пульку до Ярославля расписать?

...Андрею сейчас, наверное, веселее.

...Новикову действительно было не скучно. Первые три дня после возвращения он провел то в постели Ирины, то в прогулках с ней по Севастополю и Южному берегу Крыма. Им было чем заняться и о чем поговорить. Особенно Ирину интересовали обстоятельства, при которых Андрею с Сильвией удалось вырваться с Валгаллы.

Она испытывала естественное, вполне объяснимое недоверие и неприязнь к Сильвии и к Антону тоже. Хотя тща-

тельно их маскировала. Они оба слишком напоминали ей о прошлом и таили угрозу в будущем.

— Судя не только по словам Антона, но и по данным других источников, получилось вот что, — рассказывал Андрей, когда они, словно в молодости, сидели у костерка, разожженного просто для настроения на краю плоского треугольного утеса, повисшего над кипящим далеко внизу прибоем. — Сам Антон решить нашу проблему не мог, поскольку не имел больше доступа к аппаратуре Замка и вообще операциям, связанным с внутригалактическими делами. Чиннов-то он достиг в своей иерархии высочайших, а возможности... Как в анекдоте про прапорщика, который приказы на присвоение воинских званий оформлял.

...Примерно так все оно и было. После контакта с Шульгиным Антон возвратился к себе, на ту самую Административную планету в центре Галактики, где размещались главные органы и учреждения легального правительства Конфедерации Ста миров. Профессор Бандар-Бегаван, не так давно возведенный в сан Пожизненного Наставника, принял его незамедлительно.

Следует отметить, что лишь немногие должностные лица Конфедерации, от Тайного посла и выше, да и то не все, а с разбором, были допущены к Знанию о существовании Держателей, Мирового разума и Гиперсети. Большинство из них вступали с ней в контакт только принудительно, когда от них требовалось сбросить в Сеть накопленную информацию и получить то или иное задание. Гораздо меньшее число сановников имело право и возможность контактировать с Держателями произвольно, грубо говоря — получили доступ к аналогу кремлевской «вертушки» в сталинские времена, но и то лишь в специально отведенное и ограниченное время. И только самые значительные персонажи форзейлианской иерархии, которых называли Облеченные доверием, могли входить в Гиперсеть в любое время, получать советы и знакомиться с глубинными банками информации. Допущенные в Спецхран и к особым папкам ЦК КПСС — так можно сказать. Бандар-Бегаван входил в этот круг.

Внешне Наставник изменился мало, но постоянная причастность к тайнам Вселенной наложила на него печать мудрости, отрешенности и даже некоей надмирности. Однако выслушал он Антона доброжелательно и с пониманием.

— Вину за очередной просчет я готов отнести и на свой счет тоже. Эйфория от «победы» оказалась слишком велика,

а мы с тобой вдобавок слишком много внимания уделили нашим новым обязанностям и упустили почти очевидную альтернативу... Если нас принудят за это к покаянию, я возражать не стану.

— Наставник, при чем здесь покаяние! — возмутился Антон. Как всегда, мудрое смирение Бандар-Бегавана вызывало у него раздражение. И невысказанные вслух упреки в ханжестве. Конечно, скрыть свое отношение к Наставнику от Сети было невозможно, как и то, что Антон регулярно уклонялся от процедур рекондиционирования. Сохраняя в своей личности многие психические и интеллектуальные качества, приобретенные за полтора столетия работы на Земле, он ко многим установлениям и традициям метрополии относился без пиетета. Был своего рода диссидентом. Однако раз Держатели его не карали за это, а, напротив, позволяли продвигаться по службе, значит, им угоден такой сотрудник? Посему Антон не считал нужным упражняться в освященных авторитетом Держателей торжественных периодах.

— Смотрите на проблему просто и конкретно. Если Новикова и... (здесь он произнес подлинное, аггрианское имя Сильвии, под которым она числилась в реестрах Департамента активной дипломатии. Транскрипции на русский не поддается) вынудят согласиться на сделанное им предложение, с таким трудом достигнутое равновесие можете считать... — После мучительных поисков наиболее приемлемого, эмоционально окрашенного определения Антон сказал просто: — разрушенным. И не о покаянии тогда пойдет речь, а о существовании Конфедерации не только как политического, но и физического объекта. Кому мы тогда будем нужны?

— Драматизируете? — склонил голову Наставник.

Если бы они общались по-русски, каковой язык Бандар-Бегаван знал по должности, Антон загнул бы сейчас добротную матерную конструкцию, одну из тех, до которых был большой охотник великий князь Александр Александрович, впоследствии император Александр III.

Короче, после двух часов деликатнейших переговоров Антон выторговал себе право на проведение еще одной активной операции, по смыслу аналогичной той, что О. Бендер проделал в отношении одноглазого предводителя шахматного клуба. Исходя из принципа: победителей не судят. То есть прекратить изящное интеллектуальное противостояние; силой вырвать у агтров (а значит, у их хозяев) Новикова и Сильвию, как ключевые фигуры партии; окончательно, двумя

полностью непроходимыми барьерами, заблокировать и Тарэру, и Землю в их нынешних реальностях.

— Гарантии и ответственность за поведение землян я беру на себя. Они прекратят всякое вмешательство в деятельность Гиперсети. Более того, они забудут о ее существовании на век или два. Пока не придет в равновесие вся раскачанная Игрой микроструктура Галактики. Вы же, Наставник, должны поставить перед Держателями условие невмешательства в качестве категорического императива... Иначе...

— Что — иначе? — как бы даже с любопытством спросил Бандар-Бегаван.

— Я вам, кажется, не сообщал, что сейчас, кроме Новикова, на Земле имеются еще как минимум пять кандидатов в Держатели сравнимой с ним силы...

— Ну и что? Мы знаем века, когда их бывало и десять.

— Так не бывало, уважаемый Наставник. Раньше подобные люди обнаруживались в разных государствах, отличались крайне неодинаковым уровнем культуры и интеллекта, а главное — не имели представления о Гиперсети в адекватных ее философскому смыслу понятиях. Эти же близки знают друг друга, весьма умны, а самое страшное — абсолютно синтонны. То есть могут в любой момент объединить мощь своей психики и нанести скоординированный удар в самое ядро Сети...

Он не стал добавлять, что такая ситуация сложилась при его непосредственном участии. Кому нужно — узнают сами.

— Они, я должен добавить, в силу особенностей своих натур пока не помышляют о равноправном вхождении в Гиперсеть, им достаточно, чтобы их оставили в покое на Земле. Что тоже весьма необычно. Амбиции всех предыдущих медиумов и пророков были гораздо серьезнее. Мы можем согласиться на это сейчас и добровольно или придем к аналогичному результату, но ценой тяжелых потрясений. Наша с вами судьба в таком случае окажется более чем печальной...

— Вот на таких примерно условиях Антон и вытаскивал меня с «того света», — сказал Новиков. — Буквально. Я был уже во всех смыслах в загробном мире...

А через три безмятежно счастливых и радостных для Ирины дня все сразу кончилось. Андрею пришлось выдерживать вполне тривиальную семейную сцену, которую она ему устроила, узнав о намерении опять отправиться в Лондон и Париж и снова в обществе Сильвии. Ирина не то что-

бы ревновала, она просто очень опасалась, что «соотечественница» устроит Андрею очередную пакость, может быть, даже и невольно.

Но выхода у Новикова не было. То, что они задумали с Берестиным и Воронцовым, больше поручить было просто некому.

Договорились только, что Андрей будет как можно чаще связываться с «Валгаллой» по радио или хотя бы давать нормальные телеграммы, если не будет другой возможности.

...Сильвия после возвращения сильно изменилась. Наверное, для нее потрясение от встречи с «землячками» было сильнее, чем для Новикова. Понять это он мог, хотя и не без удивления. Ему до сих пор казалось, что возраст, опыт земной жизни и достаточно тренированная психика должны были сделать агтрианку более устойчивой к не столь уж тяжелому, даже и по человеческим понятиям, стрессу.

Тем не менее в Лондоне у них началась напряженная светская жизнь. Легенду Андрей, чтобы не привлечь к себе раньше времени внимание вездесущих и могущественных врагов, взял, с некоторыми диктуемыми временем коррективами, практически ту, что разработал в свое время Шульгин для знакомства с Сильвией в восемьдесят четвертом году. И его же имя — сэр Ричард Мэллони, землевладелец из Новой Зеландии, неслужащий аристократ, охотник и путешественник, большую часть жизни прошедший в экспедициях по Африке и Южной Америке, настолько далекий от политики, что даже о мировой войне знает понаслышке.

Это могло бы показаться диким везде, кроме доброй старой Англии. Там чудаков ценят, особенно если они принадлежат к обществу и достаточно богаты. Никого же не удивлял старый лорд Вудхолл, настолько презиравший гнусный XX век, что, уединившись в своем поместье, не только никуда не выезжал и не пользовался предметами, изобретенными позже 1870 года, но и требовал подавать ему к завтраку «Time» и «Punch», вышедшие в этот же день, но ровно пятьдесят лет назад. Напротив, к его изыску многие относились с пониманием и чуть ли не с завистью. Только вполне самодостаточная личность может позволить себе столь эlegantные причуды.

Представленный леди Спенсер как сын ее бомбейского дядюшки, то есть попросту кузен, что, впрочем, вызвало смехи и перешептывание среди некоторой части дам, хо-

рошо знающей склонность Сильвии к оригинальным связям, сэр Ричард поселился в гостевых комнатах ее дома в Бельгравиа, открыл текущий счет на весьма приличную сумму в солидном банке братьев Бэринг и стал вести рассеянный образ жизни, коротая время между светскими приемами и покером в «Хантер-клубе», куда его приняли кандидатом по рекомендации двух весьма уважаемых членов.

А знаменитый клуб переживал не лучшие времена. Чудовищный необъяснимый взрыв, случившийся в одном из самых роскошных кабинетов, унесший жизни сразу одиннадцати уважаемых членов и их гостей, немедленно окружил почтенное заведение тягостной атмосферой... Тщательно проведенное следствие признало причиной трагедии взрыв светильного газа, и страховая компания выплатила солидное возмещение и клубу, и семьям погибших, но на клуб легла черная тень... Поэтому желание сэра Ричарда Мэллони стать его членом, невзирая на «осложнения», было воспринято как добрый знак.

Манеры и стиль поведения Новикова странным образом напоминали сразу двух литературных героев — Филеаса Фогга и лорда Джона Рокстона. Его даже забавляло, что никому из окружающих такое сходство не приходило в голову. Впрочем, даже сообразив, ни один настоящий джентльмен не подал бы виду. Человек, имеющий на счету (на одном из счетов?) сотню тысяч фунтов, может позволить себе и не такое.

Конечно, кроме слегка карикатурного поведения, за душой Новикова было и еще кое-что. Готовясь к своей миссии, он загрузил свою память таким количеством всевозможных сведений, бытовых, политических и финансовых, что свободно мог поддерживать разговор на любую возникающую тему, а изысканностью языка готов был поспорить и с пресловутым профессором Хиггинсом. Они с Шульгиным приняли персонажа Бернарда Шоу за образец не потому, что других подходящих объектов для подражания взять было негде, а просто пьеса и тем более мюзикл очень им понравились в студенческие годы. Они еще в молодости любили, по мере появления, подражать манерам становящихся популярными в среде их друзей и подруг кинематографических героев. Однако сейчас, в Англии, главная заслуга в том, что у Новикова роль получалась, принадлежала Антону, в числе прочих подарков снабдившему друзей обучающей

приставкой к главному компьютеру «Валгаллы», которая позволяла напрямую вводить в мозг сотни килобайт нужной информации.

Не прошло и двух недель, как сэр Роберт стал весьма популярен в свете и приобрел обширные знакомства, ненавязчиво отдавая предпочтение депутатам парламента, банкирам и высшим офицерам армии, а тем более флота.

Возвращаясь за полночь, но чаще под утро в особняк Сильвии, он делился с ней добытыми за день сведениями, намечал планы предстоящего дня, просто за бокалом сухого вина болтал на служебные и отвлеченные темы. Вот и на этот раз, побрившись второй раз за день и переодевшись, он прошел из гостевого крыла дома в малый каминный зал второго этажа, где Сильвия уже ждала его и служанка сервировала стол для чая. Андрей подвинул кресло поближе к камину. Начав рассказывать о состоявшихся сегодня встречах, он не скрывал удивления.

— Из литературы я представлял, что работа шпиона гораздо труднее. В наше время мне тоже приходилось охотиться за достаточно конфиденциальными материалами. Журналист, пусть и не состоящий в штате Комитета, должен время от времени выполнять деликатные поручения. Но даже в Манагуа получить что-нибудь действительно серьезное было посложнее...

— Что же ты путаешь совсем разные вещи? Что такое советский журналист в свободном мире? Враг по определению, заведомый агент КГБ. Да еще и общая атмосфера тридцатилетней «холодной войны». А здесь времена патриархальные, англичане не успели понять, как изменился мир, да и ты сейчас относишься к кругу людей, которые, как жена Цезаря, вне подозрений. От тебя могут скрыть сведения о предстоящем повышении курса акций, но свободно, за бокалом хереса, поделаться мнением об итогах заседания Комитета по вооружениям...

— Это меня устраивает. Мне как раз и надо знать как можно больше о вопросах, которые рассматривают Комитет по вооружениям, Министерство иностранных дел на своих закрытых собраниях, Генеральный штаб или что тут его замечает, о чем стовариваются лорды адмиралтейства... Ты тоже встречайся, плати любые деньги, спи с ними, если потребуется, но мне нужна информация...

Сильвия сидела, переплетя вытянутые на середину ковра тонкие стройные голени, вертела в пальцах ножку венецианского бокала. Она тоже сильно изменилась. Печальная

какая-то, будто все время вслушивающаяся в то, что ей нашептывает внутренний голос. И ни разу она больше не пыталась агрессивно охмурять Новикова, словно завод в ней кончился. При этом стала более привлекательной, чем раньше. Человечнее, что ли?

Электрическая лампа под шелковым абажуром цвета опавших листьев освещала только столик, накрытый для файф-о-клока, и часть пушистого ковра. Снаружи к оконным стеклам плотно прижался, заглядывая в комнату, тяжелый как кисель смог. Даже сквозь двойные рамы ощущался его терпко-кислый каменноугольный запах.

«Жаль, что здесь еще нет кондиционеров», — мельком подумал Андрей.

— Мы с тобой помногу разговаривали практически об одном и том же, — тихо сказала Сильвия. Отчего-то они продолжали наедине пользоваться русским языком, хотя Новиков теперь мог не только говорить, но и свободно думать по-английски. Даже стихи писать, если бы потребовалось. — И ты так ни разу не ответил прямо: для чего нам и дальше участвовать в совершенно бессмысленных противостояниях на Земле и за ее пределами? Ответ, Андрей, после того как мы выбрались живыми с Таорэры, зачем все это? Вообще?

— Что — это? Наша нынешняя операция? Гражданская война? Аггро-форзейлианский конфликт, в который мы влезли? Или... — Новиков давно ждал подобного разговора. Не могло без него обойтись. Никто ведь не заставляет теперь Сильвию оставаться в их компании. Свободно может послать их по любому принятому в Великобритании адресу и продолжить легкое, ни к чему не обязывающее существование последней и окончательной леди Спенсер. Пока не исчерпает отпущенный ей для жизни в человеческом облике моторесурс. А вот не получается, наверное. Привыкла чувствовать себя женщиной конца века, и начало оно для нее уже скучно? Пройденный этап? Или хочет ощущать свою принадлежность к самому сильному сейчас на Земле клану? Влюбилась, неважно, в кого, в Сашку, в Алексея, непосредственно в него, Андрея Новикова? Одним словом — натуральная Валгалла, Вагнер, «Закливание огня», превращение очередной валькирии в смертную женщину...

— И это тоже. Но я еще шире беру. Ты не захотел принять предложение Дайяны. И Антона тоже, как я понимаю. Ты не желаешь занять отведенное тебе Держателями место в иерархии Мира. Отказываешься от бессмертия, от власти

над многими реальностями Галактики, от того, чтобы стать значимой частью Вселенского разума... О долях процента такой власти и таких возможностей тщетно мечтали сотни поколений мудрецов, и не только земных...

— Ну вот. С этого начинались наши дискуссии с Ириной почти десять лет назад, этим и заканчивается. Только она мне поменьше предлагала. Ставки растут? — Андрей давным-давно задавал себе такие точно вопросы, такие и из них вытекающие и знал взаимоисключающие ответы на них. Хорошо, она тоже хочет включиться в эту карусель антиномий? Пожалуйста, пусть слушает, а потом сама делает и выводы, и выбор.

— Богом, говоришь, мне предложено стать? Пожалуй, если верить рекламным проспектам, даже побольше получается. Бог, по человеческим представлениям, в правах гораздо сильнее ограничен. Впрочем, что мы знаем о богах в их повседневной жизни и кто сейчас верит рекламным проспектам? Однако пусть даже все так, как говорят... Ну зачем оно мне, леди Спенсер? Зачем? — Новиков подался вперед, возбужденно ударил себя кулаком по колену. — Я ничего не знаю о Том Море и Том Свете. Не знаю, не могу знать и, следовательно, не могу этого хотеть. Ирина в начале нашего знакомства очень любила к наглядным сравнениям прибегать, понимая, что истина в чистом виде мне недоступна. Так вот тебе и сравнения: представим, что я молодой, здоровый, красивый (улыбнулся виновато) полинезийский парень века этак из шестнадцатого. Когда никакие Магелланы и Куки еще по райским островам не шлялись, из ружей не стреляли и сифилис не экспортировали. Бананов и кокосов навалом, все девушки вокруг — мои, каноэ у меня самое быстрое и плавательная доска самая эргономичная. Живи и радуйся. Тут приезжает экспедиция антропологов из XX века. Изучают они мой IQ, выясняют, что он равен 200 или 300, приходят в дикий восторг, начинают меня уговаривать ехать завтра же с ними в Нью-Йорк, обещая в перспективе, что, слегка подучившись, я смогу запросто стать президентом «Дженерал моторс» или даже Генеральным секретарем ООН! На пальцах при этом объясняя, насколько это будет здорово для меня и полезно для мира...

— Вот ты каким образом положение дел представляешь...

— А каким еще образом это можно представить? Так мое сравнение еще весьма антропоморфно. Там хоть не предла-

гают перезаписать личность на дискету, а тело выбросить за ненадобностью...

Сильвия помолчала, совсем забыв, что в бокале плещется, теряя последние пузырьки, недопитое «Клико».

— Да. Теперь я понимаю. Можно поспорить, можно и принять. Раз ты все видишь именно так, то конечно... Только извини, сразу же следующий вопрос. Если ты не приемлешь перемен, более всего ценишь покой и скромные радости человеческой жизни, зачем тогда остальное? Вы получили для себя все, о чем осмелились подумать и чего пожелать. И вдруг ввязываетесь в постороннюю для вас войну, даже, согласимся, выигрываете ее. И теперь неожиданно затеваете новую авантюру с непредсказуемыми последствиями. Почему не хотите жить спокойно? Может быть, мечтаете, не подавая вида, о власти над миром? Пусть только человеческим миром, но все же...

Андрей хмыкнул неопределенно, посмотрел с сожалением на выдохшееся вино, взял бокал из руки Сильвии, выплеснул остаток в фарфоровую кадку с огромным, на полкомнаты, рододендронам.

— Только добро переводишь. Для такого разговора, как у нас, водку надо пить под сало и луковицу. А по вашей бедности и коньяк сойдет. Так вот насчет власти... Означенный в предыдущем абзаце полинезиец, если он не совсем дурак, должен бы послать тех цивилизаторов подальше и заняться, особенно если есть надежда, что они более не вернуться, дальнейшим благоустройством своей единственной и неповторимой жизни. Что я сейчас в меру сил и делаю. Прозит! — Он подмигнул собеседнице и залпом опрокинул рюмку, не тратя времени на растирание продукта языком по небу и смакование образовавшейся вкусовой гаммы.

— Мы получили от Антона «в подарок» данную реальность. Не самую лучшую из возможных, но вполне приемлемую. Средневековье было бы куда неудобнее для жизни. Но и ты, и мы знаем, что должно последовать в истории нашего любезного века в интервале ближайших шестидесяти лет. А я вдобавок заглянул еще и на семь лет глубже в наше гипотетическое будущее... — Андрей чувствовал, что говорит как-то не совсем так, как следует. Все же о серьезных вещах принято и беседовать серьезно, без навязшего в зубах ерничества эпохи «поздней оттепели». Но по-другому он уже не умел. Или интуитивно смягчал непомерную тяжесть реальных проблем несерьезностью их изложения.

Это вообще было бедой их поколения. Научившись бо-

лее-менее остроумно переводить мысли в слова и фразы, на- всегда усвоив ироничное, с оттенком незлого цинизма отношение к понятиям, которые официальная идеология требовала считать святыми, они в конце концов почти потеряли способность переживать что-либо действительно всерьез. За исключением, может быть, самых элементарных вещей — собственной любви, смерти близких, того, что в их круге принято было считать честью и совестью. А в остальном — в полном соответствии с учением Марка Аврелия: «Никогда не расценивай как полезное тебе что-нибудь такое, что вынудит тебя нарушить верность, забыть стыд, возненавидеть кого-нибудь, заподозрить, проклясть, притворствоваться, возжелать чего-нибудь, что нуждается в стенах и завесах...» И так далее...

— Так вот, все это нам крайне не нравится. А в то же время знание подробностей будущего, исторического материализма и теории цивилизаций А.Тойнби дает основание надеяться, что в наших силах избавить мир от малопривлекательных перспектив. Миллионов десять людей уже погибло в мировой и гражданской войнах, но еще миллионов полтораста ныне живущих и еще не родившихся ждет такая же участь. Сама знаешь — войны, революции, коллективизации, атомные бомбы. И к концу века тупик — политический, военный, демографический и экологический.

— Уверен, что удастся вам все это переделать? И как же? Нам, к примеру, за сто лет не удалось изменить земную жизнь к лучшему...

Он заколебался. Говорить ли ей все до конца? А почему бы и нет? Если даже захочет кому-то разболтать, так кто в такое поверит? Рассчитывать же на ее добросовестное сотрудничество, по-прежнему оскорбляя недоверием, которого она не может не чувствовать...

— Хорошо. Если ты свой выбор сделала и готова идти с нами до конца... Как?

Сильвия молча кивнула. Колебаний в ее глазах Андрей не заметил.

— Аллес гут. Каждый солдат должен знать свой маневр. Суть нашего замысла столь же гениальна, как и примитивна. Все беды XX века оттого, что мир оказался разделен на два непримиримых блока, примерно равных по силам. Отсюда и гонка вооружений, и вторая мировая, экспорт революции и контрреволюций, бессмысленное разрушение экологии... Много чего. Значит, этого нужно избежать. Первый этап мы выполнили. Вместо устрашающего СССР, прямо заявившего о своих глобальных аппетитах, получились две России.

Одна будет отрабатывать на своей территории (под негласным контролем) методику достижения социальной справедливости. Вдруг да получится что-нибудь толковое, вроде «свободного труда свободно объединившихся людей». Тогда это будет действительно положительный пример, вроде израильских кибуцев.

Вторая Россия станет развиваться как классическая европейская демократия с национальным колоритом. Вроде Швеции или Исландии. Приличная территория, промышленность, благоприятный климат, весьма образованный средний класс, кулацки настроенное, работающее крестьянство. Почти оптимум. Вдобавок — отсутствие общих границ с сильными потенциальными врагами. И самое главное — никаких геополитических амбиций. То есть наплевать на все, кроме собственной души. Экзистенциализм Камю как национальная идея. В перспективе возможна и третья Россия. На базе Дальневосточной республики. Это уже будет аналог США начала прошлого века. В итоге интересная складывается геополитика: одна нация — три социально-политические системы. Готовые в случае общей опасности сплотиться для самозащиты, но не представляющие остальному миру агрессивным монстром...

Сильвия хотела что-то спросить, но, увлеченный собственной лекцией, Новиков ее остановил.

— Остается внешний мир. Каким образом заставить его сохранить в ближайшие годы нейтралитет, более того, исключить возможность нарушения мирового равновесия путем создания блоков типа Антанты, НАТО и т. п.? Вот этим мы сейчас с тобой и занимаемся. Читала Эренбурга? Нет? Зря. В романе «Хулио Хуренито» главный герой имеет кличку «Великий провокатор». Я решил исполнить здесь его функцию. Наша первая задача — сделать нечто такое, чтобы на много лет перессорить друг с другом всех возможных наших противников. Прежде всего это Англия и Франция. Германия надолго выбита из «Европейского концерта», тем более что наметились пути ее сближения именно с Россией. Хотя с одной, хоть с другой. А то и с обеими сразу, на базе разделения труда. Турцию мы можем сделать своим союзником, оказав ей помощь против Греции и той же Антанты. США далеко, причем есть способ переключить их интересы с европейского театра на Дальний Восток. США, Китай, Япония и ДВР — узелок там можно завязать на десятилетия. Остаются Англия и Франция. И тебе предстоит немного поиграть против твоей исторической родины...

— Ты что, собираешься спровоцировать войну между Англией и Францией?

— Как ты могла подумать! Наша цель как раз предотвратить любые крупные войны в обозримом будущем. Мы с Воронцовым собираемся спровоцировать вооруженный конфликт между Англией и Югославией...

Его слова вызвали у Сильвии почти что шок.

— Это уж совсем из разряда бреда! Сильнейшая мировая держава, только что выигравшая большую войну — и обрубок изнуренной России. Вы только что кое-как сумели удержаться на грани полного разгрома и вдруг... Да Гранд-Флит только пошевелит стволами своих пятнадцатидюймовок, и Врангель капитулирует без всяких условий... — В Сильвии вдруг прорезался агрессивный патриотизм британской аристократки.

— А вот это вряд ли, как говорил товарищ Сухов. Сухопутной армии у вас нет. А если бы и была — нет подходящего театра, чтобы ее использовать. Пешком через десять европейских границ?

— Не забывай уроки Крымской войны. Из Босфора до Севастополя двое суток ходу...

Новиков весело рассмеялся. Цель была достигнута. Если Сильвии пришла в голову именно эта мысль, значит, и всем остальным, кто имеет право решать, она тоже придет.

— Отлично. Вот тебе и конкретное задание. Разжечь общественное мнение, прежде всего в верхах, таким образом, чтобы после некоторых демаршей врангелевского правительства возникло единодушное мнение — наказать наглецов, устроить очень наглядную демонстрацию британской мощи, то есть послать в Черное море флот и предъявить ультиматум.

— И что это даст?

— Скажу чуть позже. Одновременно поручаю тебе купить редакторов и обозревателей нескольких авторитетных оппозиционных газет, десятков-другой членов парламента, чтобы они резко осуждали предлагаемую акцию, кричали о предательстве верного союзника — России, правопреемником которой является Югославия. Чтобы требовали отставки правительства и выполнения обязательств перед спасшей мир от большевистской угрозы маленькой, но гордой части русского народа. В таком примерно духе. Причем дозировать кампанию, чтобы она не помешала интервенции, но достаточно запомнилась, и когда Британия получит по соплям... — От грубого слова Сильвия непроизвольно поморщи-

лась. — Ай бэг ё пардн... Когда она получит не смертельный, но крайне серьезный и оскорбительный урок, гнев нации должен обратиться не на Россию, а на собственное правительство и бездарных адмиралов...

— Сделать все это можно, однако в чем же будет заключаться урок?

— О деталях — позже. Ты усвоила свою задачу? А я завтра выезжаю в Париж. Там у нас тоже есть свои люди, и мы развернем кампанию прямо противоположного плана. Объявим, что Югороссия в полном объеме принимает на себя обязательства царской России и немедленно начинает выплату процентов по всем облигациям русских займов начиная с четырнадцатого года.

— Дороговато будет... Они не захлебнутся? Такая масса свободных средств сразу...

— Пусть реинвестируют. Зато после этого любой, кто посягнет на золотую курицу, сразу станет кем? Вот именно. При том, что русских французы традиционно уважают, а твоих соотечественников — наоборот... — Новиков решил заканчивать столь затянувшуюся беседу. Сказано достаточно.

— Срок нам с тобой на все — месяц. Каждые три-четыре дня я буду наезжать сюда, информацией обмениваться, позиции согласовывать... Если все выйдет так, как я надеюсь, лет за двадцать-тридцать мы настолько развернем векторы мировой политики... Уж Гитлера и Сталина здесь точно не появится...

— Новые могут возникнуть...

— Это уже другой разговор. На то есть дипломатия и спецназ ГРУ...

Новиков встал и посмотрел на часы в прорезке.

— Ого! Действительно, заболтались мы. Надо ехать в клуб. Сэр Ричард никогда не опаздывает к робберу, даже на десять секунд.

ГЛАВА 4

...Дорога выдалась долгая, как и рассчитывал Шульгин, и настолько же скучная. Однажды он уже проехал по ней из любопытства, когда после окончания института решил добираться до Хабаровска поездом. Рельеф местности, открывающейся из вагонного окна, с тех пор практически не изменился. Но признаков цивилизации стало меньше. Теперь они ограничивались паровозами, в большинстве ржавеющими

на узловых станциях, и электрическим освещением на некоторых крупных вокзалах.

Время от времени он приглашал к себе в салон офицеров, по двое, по трое, и сам ходил к ним в вагоны. Разговаривали, пили чай, играли в карты, обсуждали нынешние перспективы военного и политического положения России, иногда, на особенно длинных перегонах, понемногу и выпивали, но Шульгин никогда не позволял переходить некую грань. Как только глаза участников застолья начинали чересчур блестеть и тональность разговоров меняться в нежелательном направлении, вестовой как бы невзначай убирал со стола бутылки, приносил самовар или кофейник.

Долгими часами Сашка просто лежал на верхней полке своего двойного купе, читал справочники, подборки документов, иногда местные, получаемые на узловых станциях газеты. Никакие книги, изданные после нынешнего года, если только это не были воспоминания участников гражданской войны с той или другой стороны либо написанные в эмиграции ностальгические романы и эссе о прошлой жизни, он читать не мог. Да и действительно, для чего? Что мог ему сообщить даже самый прославленный автор, творивший во времена, которых никогда не будет? Печально усмехаться от понимания, что прогнозы не осуществились, страсти героев ходульны и бессмысленны, якобы великие свершения, которым люди посвящают жизнь, — чепуха и тлен?

Бывало, выпив рюмочку водки под купленные на перроне какого-нибудь Глазова или Кунгура соленые огурцы и грузди, Сашка долго смотрел на мелькающие за окном деревни и села, то богатые, с каменными домами и двухэтажными рублеными избами, то поразительно нищие, разрушенные войной, общероссийской или местной, между соперничающими уездными отрядами и бандами. Видел толпы голодающих, собирающихся у станций и разъездов. Одни хотели уехать в иные, предположительно сытые края, другие просто просили милостыню или, потеряв последнюю надежду, покорно умирали, прячась от порывов ледяного ветра за стенами станционных пакгаузов.

Видел он и поезда, составленные из разбитых, раздрозганных пассажирских вагонов пополам с теплушками, месяцами ползущие по Сибири от станции до станции, люди в которых ехали настолько туго спрессованными, что не имели возможности выйти по нужде или даже выгрузить трупы умерших от голода, тифа, сердечного приступа, или, наоборот, висели на площадках, буферах и крышах, замерзая от ледяного встречного ветра, засыпая и падая под колеса. Мно-

гих просто сбрасывали под откос, предварительно обобрав и раздев...

По отдельности он их жалел, особенно замотанных в грязное тряпье детей, и раздавал бы им все скромные в масштабах общероссийской трагедии запасы имеющегося в поезде продовольствия. Только что бы это изменило? Вечная, можно сказать, проблема абстрактных гуманистов. Они могли облагодетельствовать несколько сотен людей на ближайшей станции. Но, раздав все на очередном полустанке, увидели бы новые сотни и тысячи голодающих, неотличимо похожих на только что накормленных шестью часами раньше. И тоже тянущих к зеркальным окнам вагонов дрожащие грязные руки.

Но Шульгин, отказывая в милостыне, не позволял себе малодушно отворачиваться, стоял в коридоре, курил, может быть, чаще, чем обычно. Или даже спускался подышать воздухом на утопанный снег платформы.

И видел, что рядом с умирающими от голода торгуют вареными курами, печеными в золе русских печей яйцами, горячей картошкой, соленьями и салом такие же точно русские тетки и старухи, а коренастые бородастые мужики в нагольных полушубках и суконных поддевах предлагают проезжающим четверти, литровки и полбутылки крепчайшего самогона.

Ну и кто во всем этом виноват? Расстрелянный царь, при котором если и голодали, то умеренно и с твердой надеждой на казенную или благотворительную помощь, большевики, пообещавшие всем все и сразу, но расстреливавшие за спрятанный от реквизиции пуд муки, или отступавшие вдоль Великой Сибирской магистрали измученные непрерывными боями, тоже голодные и поголовно больные тифом и испанкой колчаковские дивизии?

Ответить на эти вопросы Шульгин не мог, по гудку паровоза возвращался в вагон и либо снова наливал себе полстакана водки, либо приглашал для очередного разговора капитана Кирсанова.

С этим жандармским офицером, весьма далеким от карикатурного образа своих коллег, семьдесят лет изображавшегося литературой соцреализма, Шульгину было интересно беседовать. Что удивляло — Кирсанов совершенно не пил. По крайней мере любое предложение на эту тему он деликатно, но твердо отклонял. Не ссылаясь ни на болезнь, ни на службу. Просто: «Благодарю, ваше превосходительство (или Александр Иванович — смотря по обстоятельствам), сейчас не хочется».

В его присутствии и Шульгину приходилось воздерживаться. Чтобы не ставить себя в неравное положение.

— А вы обратили внимание, господин генерал, — начал очередные посиделки Кирсанов, — что тон большевистской прессы, чем дальше от Москвы, тем отчетливее начинает меняться. Здесь о нововведениях господина Троцкого пишут глухо. Многие предпочитают обойти новую экономическую политику молчанием, да и перестановок в системе власти открыто не поддерживают.

— Да и неудивительно. Инерция. Здешние губсекретари все больше ленинского призыва, и привычки к безусловному «чего изволите» пока не выработалось. А вас это отчего волнует?

— Думаю, помешает это нашей миссии или нет?

О целях поездки Шульгин пока еще не говорил никому и ничего. Однако решил, что постепенно уже пора и начинать готовить соратников к предстоящему. Вначале — по одному и дозированно.

— А как вы ее себе представляете?

— Мне представлять незачем, я получу приказ и вот тогда стану думать, как его наилучшим образом исполнить.

Нет, было в этом худощавом голубоглазом человеке, выглядящем значительно моложе своих тридцати трех лет, нечто тревожащее. Если бы не сами они с Новиковым завербовали его в свой отряд в Стамбуле, когда никто еще в мире и помыслить не мог, кто они и для чего беседуют с безработными офицерами-эвакуантами, Шульгин мог бы заподозрить, что капитан им подставлен чужой спецслужбой.

— Хорошее правило. Можно только приветствовать...

Поскольку разговор у них был приватный, как бы и ни о чем, Кирсанов держался свободно, с интересом осматривался, изучая обстановку салон-вагона, курил шульгинские папиросы (вот курил он часто и жадно, затягиваясь почти без пауз, пока огонь не добегал до картонного мундштука), отхлебывал крепко заваренный чай с сахаром внакладку.

Сашка заметил его взгляд, несколько раз зацепившийся за ореховый корпус блютнеровского пианино.

— Играете, Павел Васильевич?

— Совершенно по-школярски.

— Однако же... Я вот никак не умею, хотя и мечтал. Исполните что-нибудь.

— Я и не знаю, право... Давно не упражнялся. Ну извольте, только что? Может быть, Моцарта?

— Ради бога. На ваше усмотрение...

Играл Кирсанов хорошо. Не слишком, может быть, технично, но эмоционально. Пока он, наклонив голову, стремительно бросал тонкие пальцы по клавишам, Шульгин за его спиной рюмочку все же выпил. Разговор без этого шел как-то вяло.

Да он и не знал толком, что именно ждет от встречи с Кирсановым. Надеялся на интуицию и случай.

Такой наконец представился. Капитан закончил играть — что именно, Сашка не понял, в классике он разбирался слабо, еще «Турецкий марш» сумел бы узнать, а в остальном... Снова вернулся к столу. Глаза у него сохраняли несколько отсутствующее выражение. Тут Шульгин и спросил небрежно:

— А за что вы меня недолюбливаете, Павел Васильевич? Я вам что-нибудь неприятное сделал? Задел, может быть, чем? Если так — простите великодушно...

Жандарм смотрел на него ясным и легким взглядом, в котором Шульгин уловил что-то похожее на пренебрежение. Понятно, генерал, который извиняется перед капитаном, немногого стоит.

— Нет, что вы, Александр Иванович, против вас лично я ничего иметь не могу. Напротив, крайне благодарен. Гнил бы сейчас в стамбульских доках или... не знаю, в Иностранном легионе, может быть.

— Так что? Не бойтесь, за откровенность я еще никого не утеснял. — Архаичное слово само собой сорвалось с его губ. Откуда оно? Кажется, в школе учили: «...погибель ждет того, кто первый восстает на утеснителей народа...» Лермонтов? Или Некрасов?

— Политика мне ваша не нравится. Не для того мы воевали, чтобы в трех переходах от Москвы остановиться и жиды патлатого на кремлевский стол сажать... Вы нам кое-что другое обещали.

— Ну-у, капитан!.. — Шульгин картинно всплеснул руками. — Уж от человека вашей профессии я такой наивности не ждал. Каждый необходимо приносит пользу, будучи употреблен на своем месте. Кто так сказал?

— Козьма Прутков, разумеется.

— Так вот и приносите, в дозволенных пределах. Вы в шахматы играете?

— Слегка, — состорожничал на всякий случай Кирсанов.

— Если противник на четвертом ходу ферзя в поле выводит и подставляется, сразу бить будете или обождете слегка? Вот то-то... Дела нам с вами еще ой-ой какие предстоят! Не далее чем через неделю, а то и раньше. Давайте в сооб-

разительность поиграем. Организуем этакий клуб веселых и находчивых. Тридцать секунд вам на размышление — предлагайте гипотезу, что нам в Сибири вдруг потребовалось? Время пошло...

...Как-то, уже в Омске, Шульгин вышел прогуляться на привокзальную площадь, пока паровозы принимали уголь и воду, а смазчики ковырялись в брусках. После многодневного стука колес, дергающегося и раскачивающегося вагонного пола под ногами пройти по твердой и неподвижной земле было приятно. Компанию ему составил каперанг Кетлинский. Готовясь к предстоящему, Сашка словно бы невзначай стал расспрашивать капитана о прошлой службе, о личных качествах, характере и привычках адмирала. Цель операции он до сих пор никому еще не раскрывал, допуская, хотя и как весьма маловероятную, возможность присутствия в поезде вражеского лазутчика. А ведь достаточно одного, пусть просто неосторожного слова, чтобы полетел по телеграфным проводам в Иркутск зашифрованный сигнал — и все. Тщательно разработанные стратегические планы пойдут прахом. Последнее совещание и постановку боевой задачи он решил провести уже после Нижнеудинска и более не позволять никому из посвященных покидать вагоны и общаться с посторонними.

Особый интерес у Шульгина вызвали воспоминания Кетлинского о последних месяцах шестнадцатого года:

— Флот тогда был в высочайшей стадии боеспособности. Даже гибель «Марии» на ней мало отразилась. Хотя, конечно, эта катастрофа всех потрясла. Новейший линкор, в собственной гавани, огромные жертвы... Но поведение адмирала! Уже через шесть минут после взрыва он прибыл на палубу «Императрицы», ни секунды растерянности, никаких разносов. Когда стало ясно, что корабль спасти не удастся, приказал спокойно начать посадку в шлюпки. За исключением погибших непосредственно от взрывов, не допустил ни одной лишней жертвы. За одно это ему можно памятник ставить...

«Уж это точно, — подумал Шульгин. — Когда «Новороссийск» взорвался, десять адмиралов собралось, три часа друг перед другом руками размахивали и в итоге шестьсот человек утопили в ста метрах от берега».

Хотя гибель линкора «Новороссийск» считалась одной из страшных военных тайн советской власти, вся страна о ней знала, а наиболее колоритные подробности Шульгину

еще лет пять назад пересказывал служивший в Черноморском пароходстве судовым инженером Левашов.

Причиной взрыва называли и невытраленную мину, и итальянских диверсантов, но наиболее абсурдную, а с точки зрения Шульгина, вполне убедительную версию изложил не понаслышке знавший минное дело Воронцов.

«Никакая мина пятнадцать лет под водой не пролежит, чтобы неконтактный взрыватель исправным остался. И насчет итальянских диверсантов полный бред. «Джулио Чезаре» четыре года у стенки ржавел, пока его нам не передали, а потом еще восемь лет плавал. И вот вдруг у старого князя Боргезе оскорбленный патриотизм разыграл! Собрал своих старичков-подрывников и отправился за три моря историческую справедливость восстанавливать! С точки зрения логики страшно убедительно! Вроде бы как царский Генмор послал людей в шестнадцатом году в Сасебо крейсер «Варяг» взрывать, чтоб под японским флагом больше не ходил. Других дел у итальянцев к тому времени не было! Мне знающие ребята говорили: вся причина — в обычном бардаке. На общefлотских учениях отрабатывали минирование крупного корабля в неприятельском порту, ну и сдуру вместо учебного заряда боевой прицепили. Только и делов. Оттого из всего флотского начальства одного адмирала Кузнецова и наказали, который в то время в Москве в больнице лежал и к гибели линкора ни малейшего отношения не имел».

А вот за взрыв «Марии» Колчак никого наказывать вообще не стал, сочтя его «неизбежной в условиях войны случайностью». Наоборот, многих наградили за мужество и героизм.

«Что за черт! — продолжал думать Шульгин. — Какой темы ни коснешься, обязательно ей параллели в советской жизни находятся. И всегда не в пользу последней».

А капитан продолжал рассказывать, успев перейти уже к тому, как Колчак за неделю и навсегда запер «Гебен» и «Бреслау» в Босфоре.

— До этого мы за ними два года гонялись, и без толку. Всегда им ускользнуть удавалось. Адмирала Эбергарда даже «Гебенгардом» прозвали...¹ А Колчак вывел флот в море, две тысячи глубоководных мин в устье Босфора поставил, постоянный дозор возле заграждения учредил — и все. Как отрезало...

Морозец был градусов около пятнадцати, впервые за три

¹ Игра слов. «Гебенгард» — защитник «Гебена». (Прим. автора.)

дня прекратился снегопад и показалось солнце. Хотя пронзительный ветер с востока продувал даже Сашкину меховую куртку. А капитану было как бы и не холодно, в своей потрепанной черной шинели он держался прямо и даже не прятал руки в карманы. Привычка, наверное, стоять на мостике во время зимних штормов. Однако Воронцов всегда говорил, что к холоду привыкнуть невозможно.

Они обошли по периметру большую пустынную площадь, заваленную всяким мусором. Поезда, значит, скоро не предвидится. А те несчастные, кому деваться некуда, туго спрессовались в зале ожидания, коридорах и бывшем ресторанном зале вокзала, все входы и выходы из которого перекрыли стрелки НКПС по случаю прибытия поездов спецназначения.

Вдоль глухого кирпичного забора станции тянулся ряд неровно срезанных пней — память о пущенной на дрова березовой аллее. Слева от длинного серого здания вокзала приплясывали возле своих саней, хлопали рукавицами по бокам и хрипло зазывали немногочисленных возможных пассажиров извозчики. Два милиционера в мохнатых забайкальских папахах, закинув за спину японские винтовки, разводили костер из старых шпал. Внимание Шульгина привлек согнувшийся крючком парень, донельзя замерзший. Ему не хватало терпения ждать, пока огонь разгорится по-настоящему, и он совал ладони прямо в вялую струю сизого дыма.

Одет страдалец был в растоптанные юфтевые сапоги, штаны домотканого сукна и совсем не подходящий к погоде короткий флотский бушлат. На голове — грязно-белый треух. Но вот лицо у него... не совсем подходило к наряду.

Сашка указал на него Кетлинскому:

— Взгляните, Казимир Филиппович, не из ваших? Бушлатик форменный, а на «революционного матроса» не слишком похож.

— Сейчас любой одет во что придется. Мог и на толкучке купить, и с убитого снять, — ответил каперанг, однако изменил свой курс и, поравнявшись с парнем, негромко, но резко скомандовал по-английски:

— Гардемарин, ко мне!

«Правильно, — одобрил капитана Шульгин. — Скорее всего именно гардемарин. Лет ему двадцать, от силы двадцать один, мичманом стать не успел бы...»

Парень непроизвольно дернулся и тут же снова сник, еще ближе придвигаясь к костру, так, что один из милиционеров даже слегка его оттолкнул.

— Ну куда, куда лезешь? Щас разгорится, тады и погремси...

— Подойдите, подойдите к нам, — уже мягче сказал, остановившись, Кетлинский. — Сейчас вам бояться нечего.

Они пошли рядом, о чем-то негромко переговариваясь, а Шульгин слегка приотстал, обернулся. Эта мимолетная сценка не привлекла ничьего внимания. Да, собственно, чего им было опасаться? Со своим мандатом Сашка мог без суда расстрелять начальника станции, если бы ему это пришло в голову, и никто бы не стал спорить, а тут всего-то захотелось большим московским начальникам переговорить с замерзающим бродяжкой. Может, просто документы проверить в целях бдительности.

У входа на перрон Кетлинский придержал шаг. О чем он расспрашивал бывшего гардемарина, Шульгин не слышал, но глаза парня светились отчаянной надеждой, смешанной со страхом.

— Вот, Александр Иванович, позвольте представить — старший гардемарин Морского корпуса Белли Владимир Александрович, потомок известного в истории русского флота капитана Белли. В семнадцатом году застрел во Владивостоке, где проходил морскую практику на вспомогательном крейсере «Орел». После открытия железнодорожного сообщения через Читу пробирается домой, в Петербург. Денег нет, есть нечего, на поезд не может сесть пятье сутки...

Шульгин сразу понял, что за мысли скачут сейчас в давно не мытой голове гардемарина. Эти двое, конечно, большевики. Кто еще может находиться здесь и сейчас? В немалых чинах, судя по одежде и возрасту. Разгадали его сразу. До сих пор ему удавалось прикидываться демобилизованным матросом, затертая справка об этом от штаба Сибирской флотилии годилась для малограмотных заградотрядников, а тут попался. Пока не спросили, что он делал три года в белом, оккупированном американцами и японцами Владивостоке, но наверняка спросят. Удастся выкрутиться или сдадут в ЧК? Этот, в офицерской шинели, выглядит доброжелательным, прадеда вспомнил. Бывший старший лейтенант, наверное, или кавторанг. Но все равно ведь служит большевиком. Одна надежда на остатки дворянской чести и человеческое сочувствие... Теперь все будет зависеть от второго. Непонятный тип, наверное, комиссар...

Шульгин снова ощутил возбуждающее чувство власти над чужой судьбой. И удивление перед могуществом случая. Вот захотелось им размять ноги — и встретили погибающего гардемарина. Остались бы в вагоне чай пить или вышли

на полчаса позже — пропал бы парень без следа. До Питера ему точно не доехать. И сейчас все в моих руках. Могу вернуться и пройти мимо. На секунду Владимир почувствует облегчение, благодарность судьбе за спасение. Которое на самом деле окажется чуть отложенным смертным приговором. Могу выдать ему действительно надежный мандат с приказом всем властям оказывать подателю всяческое содействие и обеспечить проезд в литерном поезде. А могу сейчас пригласить в свой вагон... Что сулит гардемарину в будущем адмиральские погоны, но с тем же успехом и смерть в бою через неделю или год. Так что выберем, о всемогущий Гарун-аль-Рашид?

— Сильно оголодали, юноша? — задал он наиболее бессмысленный в данной ситуации вопрос. — И вши, наверное, имеются? Тогда распорядитесь, пожалуйста, господин капитан первого ранга, чтобы старшего гардемарина помыли в бане (в поезде имелся хорошо оборудованный вагон-баня), переодели подобающим образом, а затем я приглашаю вас обоих на ужин. — Говорил это и наслаждался сменой выражения лица Владимира Белли. — Считайте себя снова на службе. От присяги вы, надеюсь, не отрекались?

— От какой присяги? — пробормотал непослушными, и не только из-за мороза, губами юноша.

— Казимир Филиппович, разве гардемарины Морского корпуса не принимали присягу до октября семнадцатого?

— Так точно, ваше превосходительство, — включился в игру и Кетлинский, — принимали, как все военнослужащие...

— Какие же могут быть еще вопросы? Не смею вас более задерживать. А в семнадцать часов жду...

Вагон снова надоедливо и уныло громыхал колесами по разболтанному, давно уже не отвечающим никаким ГОСТам и требованиям техники безопасности рельсам. Но Владимиру этот звук казался торжественным маршем. Было тепло, угля для отопления не жалели, горели электрические бра на полированных, хотя и изрядно поцарапанных стенах, под ногами в удобных мягких сапогах пружинил текинский ковер, скатерть на столе крахмальная, на тарелках дымился настоящий бефстроганов с гарниром из картофельной соломки, каперанг в ките со свежайшим воротничком подливал гардемарину водку в серебряную с черной стопку. словно все происходило в кают-компании крейсера, еще до того, как власть и во Владивостоке захватили большевики.

Невозможно даже поверить своему счастью. А всего три

часа.назад... Нет-нет, лучше и не вспоминать, ну как рассеется дымом дивное видение? С ним уже было подобное, когда в тифозном бреде представлялась петербургская квартира, освещенные утренним солнцем квадраты навощенного паркета и мать, подающая чашку с клюквенным морсом...

Генерал напротив, хотя и нет на его мундире золотых погон, но все равно настоящий генерал, благожелательно щурится, смотрит, как гардемарин ест, стараясь правильно держать вилку и нож, не глотать слишком быстро и жадно. Владимиру хотелось немедленно начать задавать вопросы: что происходит, как возможно, что настоящие царские офицеры свободно путешествуют по красной России? У него вначале мелькнуло подозрение, что это чудовищная, иезуитская провокация чекистов, только зачем, кто он такой, чтобы ради него... И те люди, которых он увидел в соседнем вагоне, — самые настоящие офицеры, вряд ли ЧК сумела бы набрать столько талантливых статистов. Белли знал, что большевики не сумели разбить Врангеля и подписали мир, но какая связь?

— Вы в каких дисциплинах чувствуете себя лучше подготовленным? — спросил гардемарина каперанг.

— Вообще-то штурманское дело мне больше нравится. Но и по артиллерийской подготовке у меня полные двенадцать.

— Это хорошо. Артиллеристы нам пригодятся. Я и сам артиллерист. Кто у вас практикой руководил?

— Капитан первого ранга Китицын.

— Михаил Александрович? Были знакомы, еще по Балтике. Хороший моряк. Где он сейчас?

— Знаю только, что весной он увел отряд из трех кораблей в Японию, намереваясь идти в Севастополь, — ответил гардемарин, проглатывая кусок.

— Дошел, могу вам сообщить. На пароходе «Якут». С ним сто двадцать гардемарин и команда. А вы почему остались? Сейчас бы уже мичманом были...

— Я тяжело болел. Тиф. Думали — не выживу.

— Ну, судьбе виднее. Даст бог, вскоре повидаетесь с одноклассниками, — кивнул Кетлинский, со вкусом выпил. Ему тоже нравилось ехать в поезде Шульгина. Порядки совершенно как на старом флоте. Он промокнул губы салфеткой. — Только у них были в боях тяжелые потери. Во время десанта в Одессу чуть не половина...

— Оставим пока печальную тему, — включился в разговор Шульгин. — Вы через Иркутск когда проехали?

— Дней десять, наверное. У меня как-то дни перепутались. Я, и какое сегодня число, нетвердо знаю.

— Там долго были?

— Неделю. Дрова для паровозов на станции пилил, потом на тендере меня до Омска довели.

— О Колчаке что-нибудь слышали?

— Да что же там можно услышать? Уже и забыли о нем все. Я бы хотел сходить, посмотреть, где его расстреляли, да расспрашивать не рискнул...

— Город хоть немного знаете?

— Центральную часть только...

Шульгин, словно потеряв интерес к этой теме, начал выяснять у гардемарина подробности жизни во Владивостоке при красных и во время интервенции союзников, о настроениях на Амурской и Сибирской флотилиях, их корабельном составе и об участии в боях против красных.

— Вот что интересно, Казимир Филиппович, на Балтике и Черном море матросы оказались главной разрушительной силой и ударным отрядом революции, а на Дальнем Востоке — наоборот. Матросские команды до последнего сохранили верность законной власти. Влияния над ними большевики так и не получили... Вы это чем-нибудь можете объяснить, гардемарин?

— Не могу, ваше превосходительство. Наверное, потому, что агитаторов не хватило и боевых действий там не велось. Вот и не было причины бунтовать.

— Скорее всего дело непосредственно в людях. Сибирская флотилия комплектовалась призывниками из Сибири же и Приморья. А там народ зажиточный, спокойный, им революция ничего особо привлекательного посулить не могла, — высказал свое мнение Кетлинский. — И лозунг «Штык в землю» популярности не имел. Войны и так нет, кормежка лучше, чем в деревне, большой город под боком, винную порцию выдают без задержки. Если хотите, Александр Иванович, вообще вся революция прежде всего из-за глупости верховной власти и несовершенства наших уставов произошла. С первых дней войны кадровых офицеров в атаку впереди пехотных цепей посылали, вот и осталась армия без настоящего офицерства. Уже в шестнадцатом году девяносто процентов полуротных и ротных командиров из мещан с четырехклассным образованием и шестимесячной школой прапорщиков состояли. Вот и некому оказалось солдатскую массу, где две трети рядовых были сорока лет и старше, в руках удержать. Далее. Гвардию с первых дней во встреч-

ные бои бросили. Дурак только такое мог придумать. Надеялись за два месяца немцев победить. А оставалась бы кадровая гвардия в Петрограде, никому в голову не пришло бунтовать, а и вздумали бы — одними ногами палашей любую демонстрацию разогнали бы. Как в Москве в девятьсот пятом. С флотом то же самое. Четыре года линейный флот у стенки простоял, можете себе представить — ни разу в море не вышел. Вообразить только — чуть не десять тысяч молодых здоровенных мужиков четыре года на железных коробках сидели и большевистских агитаторов слушали! В таких условиях даже Иоанна Кронштадтского уговорить можно в бордель сходить.

— А вот Черноморский флот из боев и походов не вылезал, а итог тот же, — подначил Шульгин каперанга.

— Ну, то вы не путайте, Александр Иванович. На нашем флоте беспорядки начались, когда уже всю Россию большевики захватили. И тем не менее больше половины матросов не поддались. Кто вообще в Новороссийск не пошел, кто одумался и обратно вернулся. И сейчас на кораблях много рядовых и унтеров служит... Если бы командующий немного жестче себя вел, агитаторов с первых дней приказал арестовать и военно-полевым судом судить, сейчас бы жив был, наверное... Вечная ему память.

Гардемарин, разморившись в тепле и выпив три большие рюмки, олошел и отчетливо клевал носом.

— Отведите его в купе, — попросил Шульгин Кетлинского.

— Спит, — сообщил, вернувшись, кавторанг. — А для чего он вам вообще нужен, позвольте полюбопытствовать?

— Да так. Жалко стало. Возьмете его к себе, глядишь, хороший офицер получится. А если даже и не очень, все лучше, чем если бы под забором умер или у стенки... И еще кое-какие соображения имеются.

ГЛАВА 5

...«Колчак расстрелян был Чека, вздохнули интервенты тяжело. Остался пшик от Колчака и адмиральская фуражка».

«Глуп Демьян Бедный», — подумал Шульгин, сбрасывая на пол купе тяжелый, отпечатанный на грубой оберточной бумаге лист газеты «Известия Совета рабочих и крестьянских депутатов», где были напечатаны эти пошлые стишки. Мало что смысл крайне похабный, так в них и фактически все неверно. Во-первых, по идее, расстреливал Колчака Ир-

кутский ревком, отнюдь не ЧК, которой там не было и не могло быть. Во-вторых, интервенты вряд ли тяжело вздыхали, поскольку Колчака большевикам и выдали, чтобы спастись самим и утянуть пресловутый «золотой эшелон» — шестнадцать вагонов со спасенным от красных при их бегстве из Казани золотым запасом Российской империи. И про фуражку тоже бред, мороз тогда был за тридцать градусов, и адмирала на расстрел вели в папаше. Пшик же остался не от Колчака, который при любых поворотах сюжета остается одним из крупнейших политических деятелей России, ее же прославленным флотоводцем и вдобавок полярным исследователем, лауреатом Большой Константиновской золотой медали Русского Географического общества, именем которого назван остров в Карском море, а от самого Ефима Придворова, Демьяна Бедного тож, кое-как прожившего свою лакейскую жизнь и умершего в полной безвестности.

И еще ему думалось накануне решающего дня — так ли оно случилось на самом деле или начались уже очередные исторические aberrации? Был ли на самом деле расстрелян Колчак 7 февраля 1920 года даже и в прошлой реальности, или Сибревком все же последовал приказу Москвы: «В случае опасности вывезти Колчака на север от Иркутска...» Могло ли случиться, что факт изменения реальности в июле двадцатого года ретроградно повлиял на нее же в феврале? Гадать не будем, потому что все равно бесполезно. Постаремся сделать так, чтобы завтра все вышло как надо.

Шульгин все продумал с наивозможнейшей тщательностью. На ближайшем к Иркутску со стороны Москвы разъезде оставил паровоз с одним вагоном и десятью офицерами охраны. Бронепоезд продвинул по главному пути прямо к пассажирскому перрону. В случае необходимости он будет прикрывать отход. Его 4,2-дюймовые пушки, если потребуются, разнесут половину города. Свой поезд он загнал на боковую ветку сразу за выходным семафором. Приказал загрузиться углем и водой под завязку и держать пар на марке. Поставил боевую задачу непосредственным исполнителям.

О подлинной цели их прибытия сюда знали только Кетлинский, Мальцев, Кирсанов и еще трое. Остальные офицеры-рейнджеры получили более-менее убедительные легенды и подробную диспозицию.

Командиру бронепоезда, убежденному троцкисту и тоже военному моряку, хотя и не офицеру, а бывшему гальванеру с линкора «Полтава», было сказано, что в местном Совете

окопались предатели, возможно, кое-кого придется «изъять». Это не расходилось с инструкциями, которые тот имел непосредственно из Центроброни, и Шульгин был спокоен. Выделенный для сопровождения экспедиции сотрудник Агранова должен был нейтрализовать местное отделение Трансчека. Там же Шульгин, предъявив свой мандат, получил для выполнения специального инспекционного задания два автомобиля.

Согласно хранившимся в сейфе Трилиссера документам, имитация расстрела и дальнейшее содержание Колчака в заключении поручались лично председателю Сибревкома Смирнову, члену Иркутского ВРК Чудновскому и председателю ЧК Васильеву. Во избежание утечки информации каких-либо иных лиц, независимо от занимаемой должности, ставить в известность о дальнейшем существовании в природе «объекта № 27» категорически запрещалось.

С Васильева, учитывая его анкетные данные, и решили начать операцию.

На работе товарища Васильева не оказалось. Утомился он, поехал отдыхать домой. Адрес дежурный сказал не сразу.

— Не положено. На месте начальники оперативного и секретно-политического отделов, а также комендант. К ним и обращайтесь.

Пришло Шульгину, кроме удостоверения московской ЧК, предъявить и здесь специальный мандат, подписанный лично новым начальником ОГПУ Аграновым.

— Ты понимаешь, товарищ, у нас крайне важное дело непосредственно к Васильеву. О нем не должен знать больше никто. И о нашем приезде ты тоже должен молчать. Иначе — сам знаешь...

Дежурный подтянулся, проникся серьезностью момента (слух о последних событиях в столице дошел и сюда), подробно объяснил и даже коряво нарисовал, как проехать.

Этот чекист, немолодой уже мужчина с внешностью культурного мастерового, в крутых маленьких очках, когда Шульгин с сопровождающими вошел в комнату, пил чай из большой фарфоровой кружки. Пока с ним говорили, все время на нее поглядывал, боялся, что остынет. Да и то, буржуйка грела плохо, в окно сквозил ледяной ветер. Дождавшись, когда дежурный на секунду отвернется, Сашка неуловимым со стороны движением опустил в чай крупинку чуть больше спичечной головки. Поблагодарил товарища, мягко улыбнулся и вышел. Только за дверью задержался ненадолго, проследил, не вздумает ли чекист позвонить куда-нибудь

по телефону. Нет, желание согреть живот и руки оказалось сильнее бдительности.

Значит, все в порядке. Через несколько минут у «пациента» вдруг возникнет сильное головокружение, и он потеряет сознание. Ненадолго. Очнется с симптомами, похожими на тиф или малярию, а заодно и потеряет память. На неделю, может, на две. Если сильно не повезет — совсем. Зато никому не расскажет, что приезжие товарищи интересовались секретным адресом.

Из обильно читанной в свое время шпионской литературы, Юлиана Семенова в особенности, Сашка знал, что прокальваются обычно на мелочах. Как, например, непродуманный контакт с особо охраняемым эсэсовцем Либо в «Майоре Вихре» чуть не провалил всю операцию по спасению Кракова.

Товарищ Васильев жил в кирпичном двухкомнатном домике, целый квартал которых тянулся позади закопченных корпусов какой-то фабрики. Задолго до революции их построил для своих рабочих хозяин. Лицемерная забота коварных капиталистов о «рабочей аристократии», имеющая целью внести раскол в борьбу пролетариата за свои права.

Очень удобное место для намеченной акции — стены толстые, окошки маленькие, улица безлюдная, депо неподалеку, паровозы то и дело гудят.

Главный чекист только что проснулся. До того двое суток не спал — совещание с сотрудниками, совещание в губкоме, заседание продкомиссии, выезд в Хомутово, где имели место выступления несознательных элементов на почве неправильного понимания новой экономической политики, да несколько важных допросов, да ночной расстрел кулаков, подозреваемых в пособничестве белым партизанам... На стук в дверь вышел в натальной рубашке и синих галифе, заправленных в толстые шерстяные носки, крашенные фуксином.

— Вы ко мне, товарищи? Откуда, по какому делу? Почему в комиссии не подождали? Я предупредил, что к обеду буду...

Вежливо, но с уверенностью, не позволившей хозяину закрыть дверь перед носом нежданных гостей, Шульгин и Кирсанов, обмахнув веником рыхлый снег с сапог (чтобы не насторожить раньше времени — люди, пришедшие не с добром, такой ерундой себя не затрудняют), вошли в холодные сени. Вдоль стен кадки с домашними соленьями. Семейный, выходит, человек и хозяйственный, даром что из интеллигентов.

Еще трое офицеров и гардемарин Белли, которого Шульгин специально взял с собой, имея на него особые планы, одетые разномастно, но так, что видно было — это люди, причастные к власти, причем к ее военизированным структурам, остались ждать в длинном сером «ганомате» с поднятым верхом.

— Пригласил бы в дом, товарищ, неудобно тут разговаривать, и подзамерзли мы, — по-свойски сказал Шульгин, роясь во внутреннем кармане бекеши. — А мандатик наш вот...

Сели в кухне, рядом с большой теплой печью. Раздеваться не стали, только расстегнули пуговицы и сняли шапки. Из комнат, отделенных узким коридором, доносились детские голоса. Кажется, две девочки. Или три.

Васильев внимательно, даже, кажется, дважды прочитал короткие машинописные строчки. Встал, плотно притянул дверь. Кирсанов тут же достал папиросы, не спрашивая, закурил. Хозяин посмотрел на него неодобрительно, однако замечания не сделал.

— Так. Понятно. Что требуется от меня? — Голос его едва заметно дрогнул.

«Опасается, — подумал Шульгин. — Должен понимать, что хранители грязных тайн все время под богом ходят. Или не уверен, сочтет ли его новая власть по-прежнему достойным доверия и надежности...»

— Объект двадцать семь. Имеем приказ забрать и этапировать в Москву.

На этот раз щеточка усов не дрогнула, и глаза остались безразлично-пустыми.

— О чем это вы, товарищ? Не понял.

— Не понял? — с интересом протянул Кирсанов. — Как же ты, такой непонятливый, в Чека работаешь?

Классовым чутьем и опытом большевика с дореволюционным стажем Васильев сразу угадал в жандарме его бывшую профессию. Но в окружении Троцкого таких персонажей всегда хватало. За что и ненавидели предреволюционного, а ныне диктатора истинные «бойцы ленинской гвардии». За что и освистывали его выступления в период острейшей внутрипартийной борьбы 24—27 годов, дружно выслали его сначала в Алма-Ату, а потом за границу. Предпочли бы расстрелять, конечно, да тогда еще такие формы борьбы между «своими» не практиковались.

— Оставьте этот тон, товарищ! Я действительно не знаю, о чем вы говорите. Никаких номерных объектов в моем ве-

дении не было и нет. Возможно, вам следует обратиться непосредственно к товарищу Смирнову?

Шульгин молчал. По распределению ролей главная сей-час принадлежала Кирсанову.

— Вот ты и спекся, Иван Яковлевич! — Кирсанов сиял от удовольствия. Как рыбак, выхвативший из воды полупудовую щуку на катышек хлеба. — Зачем ты Смирнова назвал? При чем тут Смирнов? Когда это предревкома информированнее чекистов был? Стал бы просто отнекиваться, я бы задумался: а вдруг и вправду ничего не знает? А так все как на ладошке: Васильев, Смирнов... — Жандарм потянул паузу. — И Чудновский. Скажешь, ничего такую вот троицу не связывает?

Наконец Васильев побледнел. Слабоват оказался. И неудивительно. Люди, профессионально занимающиеся палачеством, вольно или нет, часто или изредка, но ставят себя на место своих жертв. Оттого и ломаются так быстро, попадая в собственные застенки. Парадокс вроде бы, а бесчисленные руководящие товарищи, оказавшись в лапах ежовско-бериевских костоломов, сдавались куда быстрее, чем они же или их коллеги в царской жандармерии, белогвардейской контрразведке и даже в пресловутом гестапо. У своих, они знали, надеяться не на что и упорство только продлит мучения, а спасения не принесет. Так же случилось и с советскими генералами Отечественной войны, оказавшимися в немецком плену. Три года многие из них стойко выносили «бухенвальды» и «моабиты», но к немцам служить не пошли, попав же после победы на Лубянку, с ходу признали себя предателями и шпионами.

— Не валяй дурака, Васильев, — включился наконец в разговор и Шульгин. — Допускаю, что для полной откровенности тебе требуется еще какой-нибудь пароль или предваряющая наш приезд шифровка, так у нас их нет. И людей, которые могли бы их дать, тоже нет. В курсе того, что в Москве случилось? А вот объект № 27 есть, и ты нам его отдашь.

— Пожелаешь же упорствовать, цену себе набить или, если ты такой беззаветно преданный, приказ до доньшка соблазности, тогда не обессудь. Нам к следующим по списку товарищам обратиться придется. — Кирсанов говорил ласково, курил следующую папиросу, пепел аккуратно стряхивал в горшок с геранью на окне. — Зная, что с тобой случилось, второй сговорчивее окажется. А уж третий...

— Убьете? — обреченно спросил Васильев.

— Не только и не сразу... — Кирсанов указал большим пальцем себе через плечо, на ведущую в коридорчик дверь.

— А... А их-то... Их за что? Дети ведь...

Шульгин отвернулся, а Кирсанов разулыбался еще шире.

— Как же ты не понимаешь? Если белобандиты, враги, потерявшие человеческий облик, нападают на дом верного бойца революции, — а именно так все будет обставлено, — они что, семью его пощадят? Какие же они после того бандиты и выродки будут?

Уронив руки на колени, Васильев смотрел на него обреченным взглядом. Жалко его Шульгину не было, а вот участвовать в психологическом этюде Кирсанова — стыдно. Однако какой выход? Не из высших же убеждений чекист не хочет выдавать Колчака. Бойтся нарушить инструкцию, зная, что за это бывает. Мечется сейчас его мысль: а вдруг это всего лишь проверка на лояльность? Где грань, до каких пор следует упорствовать? Или есть у него и личный интерес? Надеются все же выколотить у адмирала тайну эшелона, куда делись шестнадцать вагонов с золотом из сорока?

Так он ему и сказал, выждав нужное время.

— Повторяю, сообрази — Дзержинского нет, Трилиссе-ра нет. От кого тебе теперь приказ нужен?

— Поехали к Смирнову. Чудновского вызовем. Втроем все и решим. — Васильев придумал наконец, как ему казалось, выход.

— Учить он нас будет, — хмыкнул Кирсанов.

— Или прямо сейчас едем за адмиралом, или едем, но без тебя.

— Ну а если... Какие гарантии?

— Гарантии... Тоже вопрос, между прочим. Я вот думаю-думаю и ничего, кроме своего честного слова, придумать не могу. Но поверить тебе все равно в него придется. — Шульгин тоже закурил, протянул портсигар Васильеву. Тот мотнул головой, отказываясь. — Так, по логике, ты нам больше ни для чего не нужен. Убивать тебя — лишнее внимание привлечь. Да и за что убивать-то? Вообразил черт-те что! Мы тут все товарищи по партии и по службе. Приехали к тебе с конкретным приказом. Ты его исполняешь, и все, разошлись. А что слегка тебя путнули, так извини, нечего было ваньку валять.

Уже в машине, успокоившись немного, Васильев стал задавать вопросы практические. О том, что ему делать и как объясняться с остальными двумя хранителями тайны. Попробуй им все объясни.

— Не вижу проблемы. Мы даем тебе расписку на бланке

ГПУ, что объект получен для использования по назначению, плюс распоряжение на том же бланке хранить факт передачи в тайне *от всех* до особого распоряжения. Надеюсь, те двое не слишком часто интересуются состоянием здоровья «пациента» и наносят ему визиты?

— Когда как. Чудновский прошлым месяцем заезжал, а Смирнов с самого февраля ни разу не был.

— Вот и весь сказ. Сделай так, чтобы недели две никто ничего не знал, а там по обстоятельствам. Можем из Москвы на имя Сибревкома телеграмму прислать: «Объект доставлен в целости, благодарим за образцовое выполнение задания».

...Ехали недалеко, но долго. Дорога была сильно переметена снегом, и автомобиль часто буксовал. Хорошо еще, что водитель догадался надеть цепи на задние колеса. Верстах в сорока от Иркутска в сторону Усолья на холме, окруженном густым сосновым бором, стоял совсем небольшой монастырь.

Монахов в нем давно уже не было, населяли его два десятка латышей и мадьяр из Интернационального полка и человек шесть штатской обслуги. Еще четверо пожилых, ко всему равнодушных надзирателей, лет по двадцать пять прослуживших в знаменитом Иркутском центре, которым давно было все равно, кого охранять. Да они и не знали, кто содержится в одиночке, под которую приспособили две смежные сводчатые кельи. Телевидения в то время не было, кинохроники практически тоже, а если попадались кому из них года полтора назад газеты с портретом Колчака, так узнать в нынешнем узнике бывшего Верховного правителя с тремя черными орлами на широких погонах было бы затруднительно даже хорошо знавшим его людям.

Самому же адмиралу было строжайше приказано своего имени не называть. И вообще не вступать с надзирателями в разговоры, за исключением чисто бытовых и необходимых.

— Вы бы еще железную маску на меня надели, — сказал он иронически Чудновскому. Еще весной.

— Надо будет — наденем. И не только на вас.

Колчак догадался, что чекист (все они для него были чекисты), говорит о Тимиревой, об Анне Васильевне. И замолчал.

...Сегодняшний день начался, как обычно, как любой из прошедших в бессудном и бессрочном заключении трехсот предыдущих. Тянулись они то быстро — летом, когда разре-

шалось гулять без ограничений по выходящей в сторону Ангара крытой галерее, то удручающе медленно. Физическую форму адмирал поддерживал лишь колкой дров и многочасовым кружением по камере. Остальное время читал — исключительно церковные книги, других в монастыре не имелось, а газет не давали, или, лежа на спине и закутавшись в шубу, вспоминал. Недолгие дни своего правления — изредка, предвоенные и военные годы — постоянно.

Он не знал, для чего его здесь держат, предполагал, что в ожидании суда. Не знал и о том, когда таковой состоится. Может быть, после окончания гражданской войны. В исходе ее адмирал не сомневался. Что происходило в Сибири, он видел сам, последняя дошедшая до него сводка с денкинского фронта (в январе двадцатого) говорила о начавшейся и там катастрофе.

Допрашивали его после перевода в монастырь всего три-четыре раза. Спрашивали только о золоте, другое чекиста Васильева не интересовало. С удручающей обоим монотонностью повторялись те же самые вопросы и ответы адмирала:

— Нет, не знаю, после Нижнеудинска лично вагонов не видел. Обращайтесь к Жанену и Сыровому.

Они с Васильевым, кажется, разобрали по метрам весь маршрут от станции Татарской, где после столкновения поездов «золотой эшелон» был реформирован, до Иннокентьевской, где Колчака арестовали чехи.

— Союзники сопровождали эшелон, с них и спрашивайте. — На этой позиции Колчак стоял твердо.

...В камере было холодно. В окне, забранном толстыми, в руку, прутьями решетки, косо летели крупные снежинки, дымоходы от ветра стонали тоскливо и нудно. Колчака познabливало. Ему казалось, что он заболевает. Ну и черт с ним, какая разница!..

Вдалеке, на узкой, «архиерейской», как здесь ее называли, дороге, связывающей монастырь с Сибирским трактом, слышался забытый звук. Похожий на завывание автомобильного мотора.

Адмирал прижал ладонь к нижней части оконного стекла, протаивая смотровой глазок. Увидел в перспективе просеки черного жука, барахтающегося в снегу, как в тарелке со сметаной. Опять, наверное, будет допрос. Провизию для узника и охраны, а также смену наружной охраны привозили раз в месяц на лошадах.

...В коридоре загремели шаги. Стук промерзших кожаных подошв по лиственничным полам гулко отдавался под сводами. Чудновский, Васильев, когда приезжали, входили тихо, даже вкрадчиво, а сейчас идут грубо, решительно, можно сказать — нагло. Сердце на мгновение охватила обморочная слабость. Или конец, или какие-то перемены в жизни. Возможно, повезут на суд. Или в другую тюрьму. Как царя из Тобольска в Екатеринбург. Что бы там ни было, нынешняя жизнь, постылая, мучительная своей бессмысленной неопределенностью, вдруг показавшаяся даже милой, кончилась.

Завозился ключ в скважине. Вошли, нет — ввалились, кучей, сразу заполнив первую комнату. Впереди он, инквизитор, палач Васильев. Остальные незнакомы. В бекешах, полушубках, один в короткой кожанке на меху. Но что это? Знакомое, безусловно знакомое лицо! И не из этих, не из большевиков, совсем из другой, забытой жизни. Что это значит? Очная ставка?

Высокий человек с сухощавым, гладко выбритым лицом, надвинувший на глаза лисью ушанку, будто прячущийся за спиной главного чекиста, поднес на долю секунды, словно незначай, ладонь к губам. Кивнул чуть заметно и отвернулся.

Колчак пошатнулся на вдруг ослабевших ногах, нащупал за спиной табурет. Сел, скривил тонкие побелевшие губы. «Господи, укрепи душу раба твоего...»

— Извините, господа, нездоровится мне. Вынужден быть невежливым...

Васильев тоже выглядел непонятно растерянным. Словно не знал, зачем он здесь.

«Неужели все-таки расстрел? Без суда? — неожиданно спокойно подумал адмирал. — Иначе отчего он так... тушется?»

— Гражданин Колчак, — произнес стоявший слева от чекиста человек в кожанке, в не по погоде легких сапогах, ногтем большого пальца пригладил короткие светлые усы, — мне поручено сообщить вам, что по распоряжению Совета Народных Комиссаров... — «Вот оно... Приговор. Все-таки без суда», — понял адмирал, — вы будете этапированы в Москву для определения вашей дальнейшей участи. Соберайтесь.

Колчак непроизвольно судорожно вздохнул. В бронхах вдруг остро кольнула боль. Он собрался с силами и встал.

— Хорошо. Мне понятно. Если можно, подождите в коридоре. Я хочу переодеться.

Когда люди выходили из камеры, тот, знакомый, подзадержался и снова кивнул. Ободряюще.

«Кто он? Не могу вспомнить. Владивосток, Петербург, Гельсингфорс? Севастополь, конечно же, Севастополь! Но как, откуда здесь, зачем?»

...На площадке лестницы, ведущей в братскую трапезную, Шульгин остановился. Один из сопровождавших офицеров остался у двери камеры. Кирсанов тут же полез в карман за портсигаром. Всю дорогу от города он не курил, не имел привычки делать это на морозе, и сейчас затягивался жадно, глотая дым, словно добравшийся до колодца в оазисе путник — воду.

— Пока все идет удачно, Павел Васильевич?

— Более чем. Правда, до Москвы дорога длинная, всякое еще может случиться...

— Бог с вами, накаркаете еще...

Васильев вдруг начал ощущать смутное беспокойство. Что-то вокруг было не так. Он еще не понял, откуда исходит тревога, но не зря ведь два года уже занимался своей работой.

— Я вот что думаю, — продолжил Шульгин. — С товарищем Васильевым надо определиться окончательно. Помог он нам и правильно сделал. Расписочку я ему сейчас напишу... Только вдруг он решит, как оно говорится, и рыбку съесть, и все остальное тоже?

«Они говорят между собой так, словно меня здесь нет. Или я уже... — осенило чекиста. — И вообще они совсем не те... Не наши... А что делать? Выхватить «наган», поднять стрельбу, бежать к казарме охраны?»

— Может, — лениво согласился Кирсанов и вдруг стальным зажимом перехватил запястье Васильева. — А ну, не балуй! Ишь, глазенки забегали. — Другой рукой он опустошил кобуру чекиста.

— Нервный какой. Тебе чего, дурак, померещилось? У нас нервных не любят. Стой и молчи, если жить собираешься.

Шульгин сунул в карман поданный Кирсановым револьвер.

— Этого я и боялся. С таким импульсивным характером он свободно мог тут же кинуться к своим поделщикам и начать каяться, плакать, что он не хотел, что его заставили...

— Я ж говорю — дурак, — кивнул Кирсанов.

— Поэтому во избежание, когда адмирал соберется, посадите его туда же, Павел Васильевич. Пусть хоть сутки себя

в его шкуре поощущает. А надзирателям скажите, чтобы до послезавтра к дверям и не подходили. Хоть головой в дверь колотить будет. Иначе... Потом можно выпустить... — И снова обратился к Васильеву: — Но когда доберешься до Иркутска, болтать не советуем. А лучше всего втихаря соберай манатки и рви куда глаза глядят. Можешь даже в Китай. А то вдруг из Москвы телеграмма вовремя не дойдет...

Шульгин сейчас явно говорил лишнее. Вполне можно было довести партию до конца чисто, чтобы ни у кого не возникло и малейших сомнений, но уж больно захотелось ему позабавиться. Убивать чекиста он не собирался, так пускай тот хоть испытает муки уязвленного самолюбия, страх перед соучастниками, посидит в одиночке, не зная, чем все для него закончится. А если его все-таки пристрелят свои, туда ему и дорога. Главное, помешать он уже не сможет.

Васильева втолкнули в камеру адмирала, и после скрипа ключа он успел услышать:

— Ваше высокопревосходительство! Капитан первого ранга Кетлинский в ваше распоряжение прибыл!

Чекист ударил бессильными кулаками в стену, прижался к ним лбом. Белые, ведь это белые! Обманули, выручили своего адмирала, а он не сумел его сохранить для справедливого революционного суда! Уж лучше бы действительно расстреляли тогда на берегу Ангары, как и собирались...

Накричался Васильев, наплакался бессильными слезами, потом наконец — ведь жить-то все равно надо — подошел к грубо струганному деревянному столу, налил себе воды в стакан из глиняного кувшина, жадно выпил. Пока не догадываясь, что через несколько минут ему станет легко и просто. Шульгин, уходя, в последний момент передумал и, не желая рисковать даже на долю процента, бросил в этот кувшин свою гомеопатическую таблетку для коррекции памяти.

ГЛАВА 6

Короткой дорогой выехали к разъезду Тельма, куда Шульгин по радио вызвал паровоз с единственным прицепленным к нему бронированным вагоном. Основной поезд должен был выйти следом через три часа, а бронепоезд по специальной команде — через шесть. Опасаться было в принципе нечего, ни один человек в Иркутске не знал и не мог знать о проведенной операции, однако Сашка предпочел подстраховаться по максимуму. И если бы даже вдруг, во-

преки всем предположениям (таблетка бы вдруг не подействовала, чекист сумел из монастыря выбраться и добежать пешком сорок верст до города), кто-нибудь из иркутских властей захотел организовать преследование, шансов у них все равно не было. Путь однокольный, автомобильных дорог, по которым можно былобы обогнать идущий «зеленой улицей» поезд, не существовало в природе, а телеграфом приказать транспортным чекистам задержать спецпоезд Троцкого — невозможно по определению.

Что по-настоящему удивило Шульгина, так это, что адмирал, оказавшись во вполне соответствующем его привычкам и рангу вагоне, хорошо натопленном, выдраенном, с застеленной свежайшими простынями постелью в отдельном купе первого класса, с накрытым в салоне по всем правилам ресторанного искусства столом, отнюдь не пришел в состояние эйфории, а, напротив того, как бы впал в меланхолию.

Сашка все-таки обладал великолепно сбалансированной нервной системой, отчего всегда удивлялся, если реакция других людей не совпадала с той, какую сам он считал естественной в предлагаемых обстоятельствах.

Тем более, как уже неоднократно упоминалось, его любимой книгой был «Граф Монте-Кристо».

Адмирал же, поднявшись по ступенькам салона, сбросив с плеч надоевшую шубу, под которой оказался заношенный и пропотевший английский китель со следами сорванных иркутскими ревкомовцами в порыве пролетарского гнева погон, синие бриджи и растоптанные валенки, совсем ему не идущие, сел на диванчик, откинулся на спинку и устало прикрыл веки.

Коротким жестом Шульгин отправил за дверь сопровождающих офицеров, а Кетлинскому указал рукой на кресло в углу. Сейчас, пожалуй, придется не врангелевского представителя изображать, а вспомнить свою основную специальность.

Однако первым делом он заскочил в купе, набросил, не застегивая пуговиц, форменный китель российской армии с настоящими, дореволюционными погонами, а также и генерал-адъютантскими аксельбантами и успел сесть за стол напротив Колчака за секунду до того, как адмирал открыл глаза.

— Я вас не знаю, генерал, — сказал Колчак. Взгляд у него был острый и внимательный. Он повернулся к каперангу: — Капитан Кетлинский, вы можете сказать, что происходит?

Сашка малозаметным жестом предложил капитану промолчать и сам ответил на вопрос:

— Тогда давайте познакомимся. Я генерал-майор Шульгин, Александр Иванович, специальный представитель нынешнего Верховного правителя свободной России генерала Врангеля Петра Николаевича. После того как стало известно, что большевики лишь имитировали ваш расстрел, оповестив об этом мир, я получил приказ освободить вас из плена, который, как теперь уже очевидно, и исполнил. В данный момент мы движемся в моем поезде по Сибирской магистрали в сторону Харькова, который сегодня является столицей независимой республики Югороссия... — Говоря это, он налил адмиралу полный стакан любимого им французского коньяка «Ласточка», протянул, привстав, с полупоклоном.

Колчак машинально взял стакан и медленно выпил, будто там было сидро, а не крепкий ароматный напиток.

— Так. За спасение благодарю. Но, очевидно, я чего-то не понимаю. Если генерал Врангель, которого я, признаться, плохо помню, является Верховным правителем, то где, простите, в таком случае генерал Деникин, принявший от меня титул Верховного? И каков вообще государственный строй в России? Что такое Югороссия? Следует ли понимать, что с большевиками заключен мир и лозунг единой и неделимой России потерял свое значение? Либо я несколько повредился в уме, либо происходит нечто мне непонятное.

«Хороший симптом, — подумал Шульгин, — «пациент» сохраняет критический стиль мышления. Понятно, что все им пережитое — катастрофа на фронте, предательство союзников, допросы в Чека, почти целый год в одиночке с еженощным ожиданием смерти, — отнюдь не способствует душевному равновесию, но все же радость от чудесного спасения должна бы перевесить...»

— Александр Васильевич, — сказал он, — может быть, не будем именно сейчас вдаваться в скучные подробности жизни? Разве мало вам того, что есть в данную секунду? Могли ли вы вообразить подобное еще шесть часов назад? Эрго — бибамус¹.

¹ Следовательно — выпьем (лат.).

Адмирал послушно выпил еще. Кетлинский, до этого не участвовавший в застолье, по сигналу Шульгина подвинул свой стул к торцу стола и тоже взял протянутый стакан.

— Папиросу, сигару, ваше высокопревосходительство?

Колчак взял сигару. Прикурил от поданной Шульгиным зажигалки. Жадно и глубоко, словно это была не сигара, а легкая папироса, затянулся. Не смог замаскировать естественного для соскучившегося по настоящему табаку курильщика дрожания руки.

— Генерал, — спросил он после соответствующей моменту паузы, — вы серьезно считаете, что я потерял над собой контроль? Напрасно. Момент переживания, конечно, был сильный, но тем не менее... Я действительно не понимаю смысла происходящего, но и всего лишь. Казимир Филиппович, здесь присутствующий, является для меня достаточным доказательством, что случившееся не бред и не провокация. Иначе это было бы слишком сложно. Ни мое большое воображение такого не придумало бы, ни тем более красные... Да и в чем смысл подобной мистификации?

«Слава Богу, пронесло, — подумал Сашка. — Противошоковое дано вовремя, и реактивный психоз не успел развиваться... А главный мой преферанс, что я именно Кетлинского с собой взял. Знакомое лицо человека, которому он доверяет абсолютно, и в самый критический момент. Сам я ему и за два часа ничего не сумел бы доказать...»

— Александр Васильевич, я восхищен вашей выдержкой и силой духа. Именно поэтому предлагаю вам сегодня не задавать никаких вопросов. Ешьте, пейте, курите, вспоминайте с капитаном минувшие битвы, да, господа, просто в окно посмотрите...

Шульгин отдернул занавеску. За окном летела параллельно вагону огромная желтая луна, мелькали покрытые оползающими снеговыми шапками сосны, черное на первый взгляд небо отливало ружейной сталью. И пусто было вокруг, пусто и тихо. Будто ни войны в мире, ни смуты, ничего...

— Занесло тебя снегом, Россия,
Запуржило седою пургой,
Лишь печальные ветры степные
Панихиду поют над тобой! —

не совсем к месту продекламировал Кетлинский. Адмирал от двух стаканов после годичного воздержания стремительно хмелел. Чего и требовалось добиться Шульгину. Это гораздо лучше, чем накачивать человека транквилизаторами.

— Кофе, чаю, Александр Васильевич?

— Спасибо, ничего. Если вы позволите мне прилечь, будет достаточно... Только один вопрос я вам все-таки задам: вы что-нибудь знаете о судьбе госпожи Тимиревой?

— Она жива, это совершенно достоверно. После вашего «расстрела» отправлена в ссылку. Куда — пока неизвестно. Но мы ее обязательно найдем, даю вам слово офицера.

— Спасибо, генерал. Пока мне достаточно и этого.

На весь следующий день Шульгин устранился от происходящего, предоставив Кетлинскому знакомить адмирала с последними газетами, советскими и белогвардейскими, с картой фронтов и всеми вообще событиями, протекшими за год после случившейся с Колчаком катастрофы. Гораздо более личной, чем исторической. А когда на станции Черемхово их догнал специальный поезд и Шульгин с представителем Агранова просмотрели в здешнем отделении трансчека копии всех прошедших за истекшие сутки телеграмм, стало ясно, что первый этап операции удался стопроцентно.

Адмирал, переодевшийся в темный штатский костюм, в новом романовском полушубке и надвинутой на глаза шапке прогуливался в это время по перрону, никем не узнаваемый. Да если бы даже кто-то и заподозрил нечто знакомое в бледном лице этого пассажира литерного поезда, похожего на высокопоставленного столичного «спеца», то уж ни в коем случае не соотнес бы его с расстрелянным год назад Верховным правителем.

В тяжелом морозном воздухе глухо брякнул станционный колокол, ему ответил короткий гудок паровоза. Вагон плавно тронулся, Колчак легко вскочил на подножку. За ним Шульгин, готовый его подстраховать, если адмирал вдруг подскользнется. Он сейчас видел в Колчаке не боевого адмирала, полярного исследователя, привыкшего к длительным физическим и нервным нагрузкам, а обычного «пациента», нуждающегося в постоянном присмотре и помощи. Да вдобавок он испытывал почти иррациональный страх, что после предшествовавших удач случится какое-нибудь совершенно нелепое несчастье.

В салон они вошли вдвоем. Кетлинского Шульгин попросил пока задержаться в вагоне охраны.

Разделись, сели напротив друг друга за курительный столик. На нем, как это было принято в кают-компаниях кораблей российского императорского флота, стоял графин марочного хереса.

— Да, Александр Иванович, — сказал адмирал, обрезая кончик сигары, — теперь я более-менее ориентируюсь в обстановке. Не могу сказать, что происшедшее устраивает меня полностью, однако морального права кого-либо осуждать не имею тем более. Допускаю, что принятое генералом Врангелем решение заключить мир с большевиками — наилучшее в данный момент.

— Особенно если вспомнить положение на фронте еще в июле и представить, что случилось бы, проиграй Славцев Каховское сражение, — кивнул Сашка.

— Очевидно, Россия испила чашу страданий до конца и Господь Бог даровал ей прощение... — Ежедневное чтение Евангелия и Святоотческих поучений не прошло для адмирала напрасно. — А вот на моем фронте столь талантливых полководцев, как Врангель и Славцев, к сожалению, не нашлось.

— Но я сейчас хотел обсудить с вами более практические вопросы, — мягко сказал Шульгин, разливая по бокалам темно-золотое терпко пахнущее вино. — У вас, я понял, больше нет сомнений в том, что мы с капитаном Кетлинским представляем законное правительство России и конечный пункт нашего маршрута — Харьков или Севастополь?

— Не совсем понимаю смысл вашего вопроса. Я не имею оснований сомневаться в честном слове моего бывшего флаг-офицера. Другой информацией в настоящий момент не располагаю.

— М-да... Я также не могу подтвердить своих полномочий ничем, кроме офицерского слова и вот этого документа. — Он протянул Колчаку лист бумаги с личным грифом Верховного правителя и большой гербовой печатью, скреплявшей его подпись.

— Ну и к чему эти преамбулы? — едва заметно пожал плечами Колчак, возвращая бумагу.

— Александр Васильевич, перед тем как мы очень надолго покинем красную Сибирь — вторая подобная операция в обозримое время вряд ли возможна, — прошу мне ответить: знаете ли вы что-нибудь о судьбе тех шестнадцати вагонов с частью золотого запаса России, которые не смогли обнаружить большевики и союзники после вашего ареста? Сейчас мы еще имеем возможность, если они сохранились, доставить их в Югорию, являющуюся законной правопреимницей Российской империи. Если нет... — Шульгин развел руками.

Колчак молчал долго. Даже слишком долго. Сашка ему не мешал. Отхлебывал понемногу херес, пускал дым в пото-

лок, поглядывал в окно. Он мог бы воспроизвести сейчас ход мыслей и сомнений адмирала. Слишком это золото интересовало иркутских чекистов. Из-за него ему и сохраняли жизнь так долго. А что, если, не сумев добиться признания на допросах, они придумали такой вот невероятно изощренный ход? Не так ведь сложно было его осуществить. В конце концов, операция «Трест», которую ВЧК проводила более двух лет, или «Синдикат», позволивший выманить из-за границы Савинкова (пусть именно о них Колчак не знает и знать не может), требовали гораздо больше трудов, времени, талантливых исполнителей. А тут единственной сложностью было найти такого вот Кетлинского, офицера, лично известного адмиралу и не способного, на его взгляд, на предательство.

Заставить этого офицера сыграть нужную роль чекисты сумели бы. Шантаж, угроза убийства семьи, искренняя вера в правильность своего поступка добровольно перешедшего на сторону красных человека. Мало ли их было таких, искренне поверивших? И во имя этой веры совершавших поступки, немалые для нормального человека. Да, может, и не искренне, а по причине «здорового прагматизма». Будущий маршал, полковник Генштаба Шапошников, генерал граф Игнатьев, полковники Каменев, Егоров, поручик Тухачевский, кавторанг Галлер, каперанг Альтфаттер эт сетера...

Остальное вообще не проблема. Правда, вот напечатать такое количество красных и белых газет, безупречно выдержав стиль и логику абсолютно всех статей, заметок и информации в тех и других да вдобавок изобрести совершенно сумасшедшую «альтернативную историю гражданской войны» и никому еще в мире в голову не приходивший, ставший популярным только после второй мировой вариант разделенных по идеологическому признаку государств....

Однако как раз этой тонкости Колчак мог и не заметить.

— Ничем не могу вам помочь, — ответил наконец Колчак. — Если даже какое-то количество вагонов и исчезло, я к этому не причастен.

«Кривит душой адмирал, — подумал Сашка. — Не знал бы — сразу ответил».

— Ну нет, так нет, — беспечно сказал он. — Хотя и жаль. Нам бы эти деньги сейчас очень пригодились. Тогда сразу перейдем ко второму вопросу. Как вы себе представляете свою будущую судьбу? — И, не желая снова подвергать адмирала новым мукам поиска подходящего ответа или, в случае ответа слишком категорического, ставить себя и его в безвыходное положение, сам же и продолжил: — Мне

поручено предложить вам вновь возглавить Черноморский флот. В предвидении возможной босфорской операции, которую судьба не позволила вам провести прошлый раз.

Осенью 1916 года, после того, как полной неудачей закончилась грандиозная операция англо-французской эскадры по штурму Дарданелл, начатая торопливо, в единственном стремлении не допустить занятия проливов Черноморским флотом, адмирал Колчак начал готовить собственный детальный план. Овладение Босфором и Дарданеллами должно было состояться летом семнадцатого года, в разгар намеченного на этот срок генерального наступления русской армии и войск союзников на всех фронтах.

Овладение Босфором Колчак замыслил начать с высадки большого, в составе двух-трех специально подготовленных дивизий, десанта, согласованного с наступлением Кавказской армии от Трапезунда. После захвата пехотой береговых батарей с тыла флот должен был начать прорыв в Мраморное море... Более тщательно проработанной и подготовленной операции такого масштаба военно-морская история еще не знала. Но увы...

Поэтому слова молодого генерала Колчака ошеломили.

— Это глубочайшая тайна, Александр Васильевич, даже о самом факте разработки операции знают всего два-три человека, а уж о деталях... Поэтому до получения от вас согласия принять командование флотом и нашего прибытия в Севастополь никаких подробностей я сообщать не имею права. Если же вы отнесетесь к моим словам с пониманием, то по пути я вам кое-что расскажу. Эдак в виде фантастического романа...

— Более чем фантастика, ваши слова — чистый бред, прошу меня извинить. Такое могло быть возможно при наличии боеспособной армии и флота, когда проливами владели турки... Сегодня же?! Черноморский флот практически уничтожен, армия Юга России... Возможно, она сильна, раз принудила большевиков к миру, но воевать против всей Антанты?! Вы понимаете, я не могу испытывать добрых чувств в отношении столь подло нас предавших союзников, но соотношение сил я в состоянии оценивать здраво!

— Не волнуйтесь, ваше превосходительство. Я похож на человека, способного шутить подобным образом, а тем более на сумасшедшего? Да и, к примеру, сочли бы вы воз-

★ можной хотя бы эту нашу операцию, которая, даст бог, завершится вполне благополучно? Даже беспримерной отваги предводительствуемых вашим покорным слугой офицеров вряд ли хватило бы... Потребовалось кое-что еще.

— Что же, позвольте вас спросить?

— А вот это, ваше высокопревосходительство, тема нашей следующей беседы. Сейчас же, с вашего позволения, я хотел бы пригласить капитана Кетлинского и еще нескольких участвовавших в вашем освобождении офицеров на торжественный по этому случаю ужин...

... Ровно через двое суток, когда декабрьская пурга за окнами набрала настоящую силу, идущий впереди бронепоезд растопил и третий свой паровоз, бронированный «Э-р», обычно используемый только во время выхода на боевые позиции, прицепив вдобавок к нему косой пятитонный щит снегоочистителя, скорость движения снизилась, но эшелон продвигался на запад, не выбиваясь пока из графика. Шульгин то читал, то подремывал под вой метели и не сразу слышал деликатный стук в дверь. Сашка, отложив томик Монтеня (как уже было сказано, «современных» книжек он здесь читать не мог), сбросил ноги с дивана.

Гардемарин Белли, которого Кетлинский пока использовал в качестве вестового, подчеркнуто вежливо сообщил, что господин адмирал просит господина генерала к себе.

«Однако, — подумал Шульгин, — выздоровление «пациента» идет хорошими темпами».

Судя по расчету времени, они подъезжали к Тайшету.

Колчак был собран и мрачен. В купе густо висел табачный дым. Два патрубка вентилятора в потолке не успевали очищать воздух. На столике, обратил Шульгин внимание, лежала книга Николсона «Как делался мир в 1919 году» на английском языке, изданная в Лондоне, которую он сам же и дал почитать адмиралу. В ней подробно описывался процесс подготовки и заключения Версальского и сопутствующих договоров, подводивших итоги Первой мировой войны (без участия России в каком угодно качестве).

— Генерал, вы знаете, я долго думал над вашим вопросом, — сказал Колчак, чуть наклонив безупречно, насколько позволяла корявая стрижка тюремного парикмахера, причесанную голову. — Особого выбора у меня нет. Прав я или ошибаюсь, но часть «золотого эшелона» совсем недалеко от нас. От станции Тайшет начинается ветка строившейся перед войной железной дороги. Она должна была идти на Брат-

ский острог и далее к северу. Успели построить не более сотни верст. Предчувствуя, что до Владивостока нам доехать не удастся, мы, в предвидении будущей борьбы и в надежде, что кому-то еще удастся вернуться, решили укрыть часть золотого запаса там, где его искать не будут и найти незнающим практически невозможно. Мы отогнали те самые шестнадцать вагонов с наиболее ценной частью груза по этой ветке, замаскировали их в недостроенном тоннеле, после чего разобрали рельсовый путь и взорвали небольшой мост. Очевидно, мои офицеры оказались верны слову, раз судьба вагонов до сих пор остается тайной...

— Или некому больше эту тайну разгласить. Не слишком многим вашим соратникам удалось добраться до конца пути. Некоторые ушли в тайгу, некоторые в Монголию и Китай, большинство же... Вы можете показать точное место?

— Я покажу, где находилось ответвление Амурской дороги, дальше ошибиться невозможно...

Сашке пришла в голову новая мысль.

— А как же местные жители? Они ведь могли видеть что-то. Целый поезд ушел по ведущей в никуда ветке, потом исчезли рельсы... Естественное любопытство, соответствующие разговоры...

— Местных жителей там не было. Был заброшенный полустанок и остатки барачников строителей... И разве не отменяет ваших сомнений факт, что эшелон до сих пор не найден?

Шульгин решил не задавать больше вопросов, которые могли поставить адмирала в неловкое положение.

Все остальное составляло не слишком сложную техническую проблему.

Дождавшись, пока пурга несколько утихнет, ремонтная группа бронепоезда за сутки восстановила четыреста с небольшим метров пути, тем более что отвинченные рельсы валялись тут же, по сторонам насыпи, в глубоком снегу.

И вот наконец из черного портала тоннеля медленно выполз тендер паровоза, а за ним потянулись покрытые льдом грязно-бурые двухосные товарные вагоны, в просторечии — те самые теплушки. Летом и осенью со сводов недостроенного тоннеля обильно просачивались грунтовые воды, а с наступлением морозов вода замерзла, покрыв вагоны где гладкой ледяной коркой, а где причудливыми наростами сталактитов и сталагмитов.

Адмирал смотрел на эту картину, не скрывая волнения. Губы его вздрагивали. То ли он хотел что-то сказать, но сдер-

живался, то ли шептал про себя молитву. Закончился один, страшный и трагический, этап жизни, начинался другой. Неизвестный. А эти вагоны с золотом, стоившие России столько крови с обеих сторон, словно бы связывали воедино обрывки его судьбы.

Подошел поручик Лучников, знакомый Шульгину еще по тренировочному лагерю на острове, улыбающийся, в измазанном копотью и ржавчиной бушлате, в красных от мороза руках он держал пучок покрытых пятнами зелени медных детонаторов.

— Едва на тот свет нас кто-то не отправил, Александр Иванович, — блеснул поручик оскалом великолепных зубов. — Всех разом. Четыре задних вагона были довольно грамотно заминированы. Пудов десять динамита, видно, от проходчиков остался, целая куча гранат Новицкого для подрыва проволочных заграждений, натяжного действия, и вдобавок все ящики оснащены запалами и соединены детонирующим шнуром. Расчет точный. В темноте углядеть было трудновато... Ох и жажнуло бы! Тоннель скальный, весь сноп взрыва — на нас. Вместе с кусками вагонов и грузом. На полверсты никого в живых не оставило бы... Ну да и мы кое-что соображаем.

Ощущение только что миновавшей опасности и удовлетворение от хорошо сделанной работы, от того, что он оказался умнее неизвестных ему минеров, прорывалось в возбужденном, чуть срывающемся голосе офицера.

— Спасибо за службу, поручик. Считайте, «Геоorgia» вы уже заработали, — сказал Шульгин и внимательно посмотрел на Колчака. Тот отрицательно качнул головой.

— Нет, об этом я не знал. Сюрпризец, значит, кто-то решил большевикам приготовить. Придется за вашего поручика свечку Николаю Угоднику поставить...

А Шульгин подумал, что не зря он опасался глупых случайностей. Висели бы сейчас их мелкие фрагменты по окрестным соснам. Рука судьбы, однако. Второй раз за месяц избежать смерти, и снова от взрывчатки, вдобавок именно на железной дороге. Случайность или тенденция?..

Отослав подальше охрану, он предложил поручику еще раз, теперь уже при дневном свете, внимательно осмотреть каждый вагон, особенно сцепки, буксы, приводы механических тормозов и замки дверей. Похоже, был среди тех, кто прятал поезд, остроумный, с фантазией минер, возможно, из флотских.

Но больше никаких сюрпризов не обнаружилось. Откатали дверь наугад выбранного вагона. В прочно сколочен-

ных ящиках блестели светлым серебром невероятно тяжелые платиновые слитки. Адмирал размашисто перекрестился.

— Здесь должно быть 217 тонн золота и платины в слитках и монетах. Приблизительно на сумму 350 миллионов рублей...

— По довоенным ценам считаете, Александр Васильевич. После всех инфляций и изменения цен на мировом рынке тут куда больше миллиарда выйдет. Впрочем, я не финансист. Остается только довести.

Медленно, без гудка тронулся поезд. Золото Российской империи вновь возвращалось в мир, чтобы продолжить свое бесконечное круговращение, воплощаясь в хрустящие бумажки банковских билетов, пароходы с продовольствием для голодающих, винтовки, пулеметы и пушки, танки и аэропланы для новых войн, подписи государственных деятелей на договорах и трактатах... Мало ли на что еще могут пригодиться десятки тонн драгоценного металла, то принимая вид монет с государственными гербами и профилями царствующих особ, то вновь обращаясь в слитки для удобства хранения и транспортировки. Знающие люди говорят, что более половины всего мирового запаса желтого металла добыто еще во времена строительства египетских пирамид, успев побывать в обличье всевозможных дирхемов, солидов, статеров, кентинариев, талеров, ефимков и империялов, украшений античных красавиц, корон средневековых императоров, священных сосудов инков и окладов православных икон... Только какое это имеет значение, господа? Все равно в итоге только дым и тлен...

Шульгин сам удивился неожиданно пришедшим в голову философическим мыслям. Наверное, так подействовала истощаемая тысячами пудов драгоценного металла эманация чувств и страстей бесчисленных поколений людей, добывавших его, чеканивших из него монеты, а главное — за него умиравших и ради него убивавших.

А без этого что ж — элемент как элемент, Augum, с каким-то там порядковым номером и удельным весом 19,3. Довести бы только, не слишком много добавив в его историю увлекательных страниц.

ГЛАВА 7

Новикову вновь пришлось хорошенько вспомнить все, что знал и умел делать величайший, как его по сю пору любят называть некоторые, политик всех времен и народов или уж хотя бы XX века Иосиф Виссарионович. Андрей

13 - 9039 Звягинцев

жалел только об одном — перевоплотившись по воле агтров в Сталина, он слишком много внимания и времени уделял собственным чувствам и эмоциям, увлеченный решением практической задачи — успеть за два месяца подготовиться к войне после всего, что Сталин с соратниками натворили в стране и армии, а потом эту войну за пару лет без особых потерь выиграть. И кроме того, он почти панически боялся раствориться в личности своего «альтер эго». Соответственно очень многие черты и качества вождя остались для него закрытыми или просто не понятыми. Берестин в этом смысле распорядился полученными возможностями куда лучше — взял у командарма Маркова весь его стратегический талант и двадцатилетний опыт командования дивизиями и армиями, отчего и смог возглавить белую борьбу и победить Красную Армию. Тут, впрочем, сыграло свою роль и большое психологическое сходство натур «донора» и «реципиента», себя же Новиков ощущал полным антиподом Сталина.

Но теперь жалеть было поздно, приходилось пользоваться тем немногим, что у него осталось.

Да и интересовали сейчас Андрея в сталинской личности только дипломатические способности, политическая хитрость и коварство. Нет, еще, конечно, абсолютная непреклонность в достижении цели, умение абстрагироваться от кажущихся непреодолимыми препятствий, ощущение сверхценности каждой собственной мысли и каждого замысла. Под должным контролем все эти качества незаменимы для политического деятеля, которым Новиков сейчас вынужден был стать.

Оставив Сильвию в Лондоне выполнять возложенную на нее часть общего плана, он экспрессом выехал в Париж. Явился в бывшее российское, ныне врангелевское посольство на авеню дю Гренель, предъявил послу Маклакову свои полномочия.

Опытнейший дипломат, действительный статский советник, занимавший этот пост уже четыре года, посол после октября семнадцатого влачил довольно жалкое, двусмысленное существование. Огромный трехэтажный особняк был практически пуст, средств на его содержание не имелось, пришлось уволить в бессрочный отпуск две трети сотрудников. Французы скорее терпели этот «обломок империи», чем принимали его всерьез. Утомлял и нервировал затянувшийся конфликт с военным атташе графом Игнатьевым, который, выжидая, чем закончится гражданская война, отказывался выделить из лежащих на его личном счете астрономических сумм на оплату вооружений для царской армии какие-то

жалкие тысячи франков на содержание посольства и жалование дипломатам. Лишь последний месяц жизнь здесь начала оживать. Франция еще не признала Югории как новое независимое государство, но сигналы из Елисейского дворца были обнадеживающие.

После того как Новиков небрежно вручил Маклакову чек на миллион франков и дал понять, что отчета в расходовании этих средств с него требовать не будут, однако порекомендовал при этом придать посольству блеск, соответствующий положению Югории как правопреемницы Российской империи, разговор приобрел совершенно конструктивный характер. Посол сообщил Андрею, что Клемансо крайне недоволен Версальским миром, который не дал Франции того, на что она рассчитывала. Не удалось раздробить Германию на несколько слабых государств и тем навсегда устранить германскую угрозу, не удалось создать Рейнскую республику под протекторатом Франции, сумма репараций с Германии вылилась в совершенно смехотворную сумму, вдобавок без твердых гарантий их получения, и так далее. В случае возникновения опасности новой европейской или мировой войны Франция рисковала остаться без сильного союзника, поэтому сближение с новой Россией было бы для нее весьма желательно.

— Итак, мы можем считать, что предложение о немедленном признании Францией Югории в обмен на выплату процентов по долгам и заключение, вернее, возобновление франко-русского союза с включением в него ряда секретных протоколов будет встречено благожелательно? — спросил Новиков за ужином, который устроил для него посол.

— Безусловно. А уж если начало платежей будет предшествовать подписанию договора, реакция населения и прессы будет не просто благожелательной, она будет восторженной. Французы это скрывают, но они панически боятся Германии после поражения, может быть, больше, чем до войны.

— Отчего бы это? — спросил Новиков, хотя ответ был почти очевиден. Не зря он изучал историю дипломатии по невероятной толщине серому трехтомнику. И знал, в отличие от Маклакова, все предстоящие события на шесть десятилетий вперед, в том числе и личные судьбы нынешних хозяев Европы и мира.

Посол подробно и доходчиво объяснил коллизии и перипетии межгосударственных отношений за последнее время.

— Каждый хоть немного мыслящий француз понимает, что население Германии 60 миллионов, а Франции — 40, что

немецкая промышленность сохранилась в целости, что немцы унижены и жаждут реванша. Франция спаслась на этот раз только потому, что боролась в коалиции с Англией, Россией и САСШ. Все понимают, что такая коалиция — исключительный случай и в будущем вряд ли еще сложится. При любом другом раскладе европейских сил поражение неизбежно. Что в случае нейтралитета России или Англии, что в случае перехода любой из них на сторону Германии. Она же, Германия, остается врагом постоянным и неизбежным.

— Отлично, Василий Алексеевич! В таком случае примите поручение Верховного правителя. Зондаж настроений в Елисейском дворце начать немедленно. При условии немедленного подписания договора можете соглашаться практически на любые условия: выплата долгов, предоставление концессий, обязанности по взаимной обороне...

— На любые? — удивился посол.

— Я не совсем точно выразился. На любые, но не выходящие в своей политической части за рамки прежнего франко-русского договора. В финансовых вопросах мы имеем возможность пойти на более значительные уступки, тем более что как раз по ним можно торговаться и после подписания основного соглашения. Так, пожалуй, будет даже лучше. Но неременным нашим условием будет согласие Франции признать все, я подчеркиваю — все заключенные между нашими странами в ходе войны тайные договоры.

Посол приподнял бровь, но не стал из врожденной сдержанности уточнять смысла этого категорического высказывания.

Уже в конце ужина спросил как бы к слову, не сам ли Андрей Дмитриевич является ближайшим кандидатом на пост министра иностранных дел? Причем не поинтересовался, чего Новиков все время ждал, откуда он вообще возник на дипломатическом поприще, абсолютно новый в этом деле человек. Югороссия все же не совдепия, где полпредами и наркомаами назначают чуть ли не бывших дворников и аптекарских учеников.

— Это маловероятно, Василий Алексеевич. А вот то, что в случае успеха на этом посту можете оказаться вы, вероятно в гораздо большей степени.

Кроме официальной части, визит Новикова в Париж включал и неофициальную. Не зря прошлым летом в Стамбуле он занимался не только вербовкой офицеров в батальон спецназа. Тогда он встретился с многими представителями

российского посольства и чинами международного дипломатического корпуса, просто опытными, авторитетными и пребывающими в стесненных финансовых обстоятельствах людьми. Многих из них он снабдил значительными средствами, посоветовал сменить не слишком здоровый малоазиатский климат на гораздо более подходящий европейцам парижский, заручившись в обмен на добрый совет обещаниями дружеской помощи в дальнейшем. Сейчас пришло время предъявить векселя к оплате.

Утром следующего дня Новиков имел продолжительную беседу с графом Игнатьевым, еще не написавшим свой знаменитый труд «50 лет в строю». В реальной жизни генерал выглядел не столь хрестоматийным «рыцарем идеи без страха и упрека», но человеком воспитанным и в своем деле компетентным — вполне. Речь шла о том, что хватит графу колебаться и ждать, какая из противоборствующих сил победит и легитимизирует свое право выступать от имени русского народа, служить каковому генерал считал своим нравственным долгом. К месту вставленные цитаты из еще не существующей, но несколько раз читанной Андреем книги поразили Алексея Алексеевича. Сколь же умен и тонок, оказывается, его собеседник, раз он так четко формулирует, а главное — полностью разделяет волнующие его мысли, причем в большинстве своем никому пока не высказывавшиеся вслух.

— Так что вопрос, на чьей стороне «народ», можно считать более не имеющим смысла. Скажем так: математически он отныне некорректен. И на его месте возникает другой: на стороне какой части этого народа вы видите себя? Той, которая ради осуществления сомнительного с экономической точки зрения лозунга: «все отнять да поделить» готова уничтожить всех с ним несогласных, что и делала старательно три минувших года, или той, которая своей героической борьбой не допустила этого на большей части европейской России? Или, выражаясь еще проще, кто из революционеров вам ближе — те, которые хотят, чтобы в России не было богатых, или те, которые желают, чтобы в ней не было бедных? Интересная дилемма, да, Алексей Алексеевич?

— Допустим. Допустим, вопрос стоит именно так и не иначе, — отвечал Игнатьев, пощипывая чуть тронутые седой усы. — Остается только убедиться в окончательности его решения. То есть насколько устойчивым является ны-

нешнее положение вещей и не изменится ли оно в ближайшее время кардинальным образом?

— Заключение мирного договора между Советской Россией и Югославией для вас не есть показатель окончательности?

— В какой-то мере. Да, лишь в какой-то.

— А признание данного «модус вивенди» великими державами, в частности Францией?

— Это было бы гораздо более серьезным подтверждением...

Новиков не совсем понимал ход мыслей графа. Даже не смотря на знание его книги. На самом ли деле он так озабочен проблемой законности власти в своей стране? А чем еще в таком случае? Денег, которыми он вправе распоряжаться бесконтрольно, у него достаточно. Желание получить генеральское звание теперь уже от советской власти? Так он его получит только в тридцать седьмом году и знать об этом сейчас никак не может. В отдельных источниках Новикову попадалась информация, что Игнатьев был завербован ГПУ. Так ведь тоже могло это случиться гораздо позже, и по-прежнему непонятно, для чего это понадобилось блестящему аристократу и весьма неглупому человеку? Загадка, которая лучше всего объяснялась гипотезой русского национализма, безотносительно к политике. Какая власть обеспечивает России былую мощь и статус великой державы, ту и примем. Тоже цинизм своего рода.

А сам он, кстати, для чего в таком случае старается привлечь графа на свою сторону? Тоже желает максимально легитимизировать тот строй, который устанавливается, обеспечив ему как можно более широкое признание? Забавно, если трезво рассудить. Или сейчас вдруг как раз и прорезалась сталинская составляющая? Сталин старался, сделал все, чтобы перетянуть Игнатьева к себе, дал ему звание генерал-лейтенанта в то самое время, когда сотнями расстреливал куда более лояльных к нему полководцев, вот и он, Новиков, занимается тем же.

Осознав это, Андрей быстро свернул разговор.

— Спасибо за беседу, Алексей Алексеевич. Раз ваша позиция именно такова, не могу ее не уважать. Решайте сами. Ваши деньги нам, если разобраться, не особенно и нужны. Вот связи — да, могли бы оказаться полезными. Одним словом, надумаете определяться — милости просим. Нет... — Новиков пожал плечами. — На нет и суда нет. Хотя есть, как любят говорить некоторые, особое совещание.

...Из Парижа восточным экспрессом Андрей выехал в Стамбул. Обстановка там сейчас была сложная. Что и требовалось. Вскоре после начала кемалистского восстания за национальное возрождение английские войска оккупировали Стамбул. Греция объявила Турции войну, вступила на территорию Восточной Фракии и высадила десанты на побережье Мраморного моря. К осени двадцатого года греческие войска продвинулись на 200—300 километров к востоку, отесняя верные Кемаль-паше (будущему Ататюрку) отряды самообороны. Однако Новиков знал, что летом следующего, двадцать первого года вновь созданная при поддержке и помощи Советской России турецкая армия перейдет в наступление и в двадцать втором закончит войну полным разгромом греков.

Отчего же не воспользоваться ситуацией уже сейчас?

Значит, через своих агентов, которых в Стамбуле у Андрея было достаточно, необходимо встретиться с представителями Кемалю, а то и найти способ повидаться с ним лично.

Сидя в просторном кабинете своего номера с великолепным видом на штурмовое Мраморное море, он стал набрасывать проект очередного секретного договора.

Сейчас Новиков ощущал себя настоящим Держателем Мира. Пусть всего лишь в масштабах планеты Земля. Но ему этого достаточно. Да вдобавок он не только Вершитель судеб, но и непосредственный исполнитель собственных планов. Джеймс Бонд и Лоуренс Аравийский в одном лице.

— Не мания ли величия обуревают тебя, братец? — спросил он вслух. И сам же ответил: — Да вроде и нет. Просто делаю то, что у меня пока получается. Что дальше будет — посмотрим. Жалко, Сашки рядом нет. Вдвоем было бы куда как веселее.

Он отложил толстую эбонитовую самопишущую ручку с золотым пером. Новомодное пока еще здесь изобретение. Признак солидности и богатства. Особенно хорошо им подписывать банковские чеки.

Отхлебнул слегка уже остывший кофе. Вот кофе здесь изумительный, несмотря на войну.

«А все-таки какого дьявола ты этим занимаешься, Андрей Дмитриевич? Дождешься ведь рано или поздно пули в затылок. Хотя бы уже сегодня вечером. Выследили тебя, допустим, агенты Интеллидженс Сервис или какой-нибудь тайной спецслужбы, которой окончательно надоели нынешние безобразия. Шлеп из браунинга в темной подворотне, а то и прямо посередине Токатлиана — вот и конец. Никакие темные и светлые силы не помогут... — Неожиданно при-

шедшие в голову мысли насторожили. Он уже привык, что ничего не случается просто так. Опять интуиция или подсказка свыше? Да и действительно, бежим, бежим, как дрессированный медведь по катящейся бочке... Зачем? Можно сесть завтра на пароход и вернуться в Севастополь. Только что это изменит? Независимо от всяких Держателей, подлинных и мнимых, ситуация складывается как бы сама собой. С первого нашего шага в этой реальности. Вот тот, первый, еще определялся свободной волей, но все равно вытекал из глубинной сути личности сделавшего этот шаг человека. А любой последующий уже становится единственно возможным. И нельзя остановиться, потому что иначе — катастрофа. Или с тобой лично, или с окружающими тебя людьми.

Неважно, физическая она будет или нравственная. И, значит, уже почти ничего не зависит от твоей воли. Пусть ты уйдешь, скроешься, бросишь все, но машина-то уже запущена. Продолжает готовить к грядущим боям пехоту Берестин, реставрирует флот Воронцов, везет по Сибирской магистрали Колчака Шульгин, плетет интриги в Москве Олег... И еще тысячи и сотни тысяч людей, сами этого не понимая, трудятся, рискуют жизнями, а то и отдают их ради осуществления словно бы так, для забавы придуманных тобой планов. Так куда же ты теперь денешься, Андрей Дмитриевич?

— Вот же ерунда какая, — стряхнул наваждение Новиков. — Что-то и в самом деле с головой неладное. Впору начинать лечиться от невроза навязчивых состояний, как сказал бы Сашка.

Он зажег спиртовку под причудливой медной кофеваркой, потянулся, откинувшись на плюшевую спинку кресла. Этот аляповато-пышно убранный номер вдруг напомнил что-то похожее из раннего детства. Вроде бы они с отцом жили в похожем номере люкс. В Сочи или в Ялте. Ему тогда было лет пять, наверное.

Андрей открыл свежий номер издающегося здесь на английском журнала «Обозреватель». На цветной, в полный разворот карте нанесена линия фронта на позавчерашний день. Греки заняли уже две трети европейской и чуть не половину азиатской Турции. Ближайшим к Ангоре свободным портом на Черном море был Зонгулдак. Если направить туда пароходы с артиллерией, танками, боеприпасами, военными советниками и «добровольцами», как в Испанию в тридцать шестом, да поручить руководить действиями «интербригад» Берестину, нанести фланговый удар по грекам в направлении Измит-Бурса, то... То получается очень интересно.

Он дописал «меморандум», заклеил конверт и спрятал его во внутренний карман, туда, где уже лежало рекомендательное письмо Черчилля к верховному комиссару Великобритании в зоне проливов.

Сегодня предстоит нанести еще несколько визитов. О пуле в затылок он больше не вспоминал.

ГЛАВА 8

...Самым сложным моментом на заключительном этапе своей операции Шульгин считал организацию отрыва от сопровождающего эшелон бронепоезда и троцкистско-агровских согладатаев, которые наверняка должны были догадаться о содержимом извлеченного из «глубины сибирских руд» состава. Если же нет, если предположить, что они не настолько проницательны (в принципе и такое было возможно, не столь уж высокого интеллектуального уровня люди их сопровождали, да и об исчезновении части «золотого эшелона» были осведомлены далеко не все), то и в этом случае уйти на юг незамеченными было очень и очень трудно. При очередной встрече с командиром бронепоезда на прямой вопрос, что такого интересного может быть в вагонах, за которыми пришлось ехать с вооруженной силой через пол-России, Шульгин с загадочным видом и как бы под большим секретом сообщил, что в них находятся крайне необходимые для республики полевые дизельные электростанции, закупленные царизмом еще в начале войны и предназначенные для строившейся тогда дороги.

— Каждая из них может целый уезд освещать, а в поезде их аж десять. Помнишь, что товарищ Ленин сказал? Коммунизм — это Советская власть плюс электрификация всей страны!

Командиру, бывшему флотскому гальванеру, такое объяснение было понятно и убедительно. Он даже подтвердил:

— Верно рассуждаешь, товарищ Шульгин. Угольные станции строить или там на дровах, это сколько ж времени и денег надо! А тут раз-два, поездом или на грузовиках, куда надо, подвез, в любом сарае поставил, и пожалуйста. По уму таких станций не десять бы надо, а тысячи, чтобы в каждой деревне крутились.

— Будет и в каждой деревне, дай срок, — успокоил матроса Шульгин.

После Казани у Шульгина уже все было готово. Отпустив бронепоезд вперед на два перегона, на маленькой, почти

безжизненной станции, имеющей, однако, нужное для маневров количество путей и стрелок, он переформировал свой эшелон. Разделил его на два. Вперед поставил паровоз «ОВ» с вагонами охраны и восемь «золотых» теплушек. Начальником поезда назначил Кирсанова. К скоростному шведскому паровозу прицепил свой салон, в котором одно купе занимал он сам, а второе — Колчак, еще один пассажирский вагон первого класса, куда поместил сопровождающих морских офицеров, и остальные товарные, груженные по преимуществу платиной и антикварными ювелирными изделиями. Эти сокровища ему, откровенно говоря, не были особенно нужны, вполне можно отдать весь поезд Троцкому (чтобы стал еще покладистее), да не хотелось слишком уж его обогащать. Тем более что Шульгин вовремя догадался — следует несколько разнообразить выбрасываемый на мировой рынок драгоценный металл, нельзя бесконечно тиражировать одни и те же южноафриканские слитки.

На станции Канааш, где железнодорожный путь раздваивался, он приказал бронепоезду идти «зеленой улицей» на Москву через Арзамас — Муром. Вместе с командиром и личным представителем Агранова дали соответствующую телеграмму по линии. А когда хвост «Розы Люксембург» скрылся из виду, Шульгин распорядился перевести стрелку на левую ветку, ведущую к Саранску и дальше, к Пензе, куда и свернул поезд, увозящий адмирала.

Перед входным семафором станции Шумерля длинными гудками паровоза Шульгин остановил пыхтящий вперед бронепоезд. Соскочил с подножки на посыпанную шлаком дорожку вдоль платформы, долго ждал, когда откроется дверь штабного вагона. Наконец оттуда появилась коренастая фигура Прыгунова, начальника артиллерии. Сашка махнул ему рукой, подзывая.

— Что-то третий состав отстает, — сказал он, глядя в красное, распаренное лицо и ускользающие глаза артиллериста. — А Мокрецов где?

— Отдыхает командир. Обошел бронеплощадки, проверил матчасть и соснуть прилег, минут на триста...

— И пусть отдыхает. Главное, чтобы до Москвы отдохнул, — понимающе усмехнулся Шульгин, уклоняясь от густого запаха только что употребленного самогона. — Слушай меня. Давай сюда кого-то из путейцев, пусть отцепят один ваш паровоз, и двигайтесь вперед помаленьку. А я на нем сбегаю посмотрю, что там у них случилось.

— Да зачем бежать-то? Сейчас со станции по телеграфу запросим, где там они и что... — Прыгунов сделал судорожное глотательное движение. Похоже, он выпил, а закусить не успел, и самогон жег ему глотку.

— Какой телеграф? Вдруг они посреди перегона стоят? Езжайте без остановок до Сергача или уж до Арзамаса вместе с литерным «А» (так обозначался поезд Кирсанова), а я разберусь с отставшими и вас там догоню. А может, и раньше, если они недалеко застряли. Слушай, — заговорщицки понизил голос Сашка, — у вас там еще есть? — щелкнул себя по горлу, уточняя.

— Свободно. Давай за мной...

Шульгин несколько раз для налаживания отношений выпивал с командиром, начартом и комиссаром, причем держал себя как простецкий, не шибко образованный и весьма склонный к «этому делу» парень. Оттого его вопрос удивления не вызвал. Да и в состоянии, в каком пребывал Прыгунов, желание товарища присоединиться к гулянке всегда воспринимается с энтузиазмом.

В штабном вагоне бронепоезда было адски накурено, стол накрыт просто, но основательно, командир Мокрецов не вязал лыка, а комиссар с начальником штаба если и сохраняли пока ясность рассудка, то вряд ли надолго.

Сашка выпил для приличия полстакана, проследив, чтобы остальные приняли по полному, рассказал подходящий к случаю анекдот, махнул рукой — ладно, отдыхайте дальше... — и откланялся, убежденный, что начарт немедленно забудет о состоявшемся деловом разговоре.

Он сам проследил, как перецепляют классные и броневые вагоны, сначала задвинув лучший из двух паровозов в боковую ветку, а потом, пропустив вперед литерный, вновь вывел его на главный ход. Дежурному по поезду приказал начальство без крайней нужды не тревожить, заглянул в будку машиниста и распорядился гнать бронепоезд «во всю ивановскую», пока хватит угля и воды.

— До Арзамаса должно хватить, — ответил машинист, которому тоже хотелось поскорее добраться до дома.

— Вот и вперед. В Арзамасе забункеруетесь — и дальше...

Шульгин дождался, когда и дымы скрылись за лесом, поднялся по лесенке на свой паровоз.

— Планы меняются, товарищ механик, — сообщил он разбитному, похожему на цыгана машинисту. — Срочное задание. На Москву пойдем через Пензу и Тулу.

— Да мне что так, что так. Лишь бы харчей да угля вволю было.

— Никаких вопросов. Пусть вас не беспокоят эти глюпости...

...Поезд с Колчаком Шульгин нагнал уже в Алатыре, в полутора сотнях верст за развилкой. По его расчетам, на бронепоезде спохватятся и начнут искать отставших часов через пять-шесть. Еще столько же сумеет морочить им голову Кирсанов. А там, как говорится, пусть ловят конский топот. На всякий случай, дав предварительно телеграмму по линии о пропуске без задержек литерного «Б», Шульгин распорядился через каждые тридцать-сорок верст, в самых глухих и труднодоступных местах, рвать телеграфную линию, причем снимая по сотне и больше метров провода. За Кирсанова он не боялся. Со своими рейнджерами и очередным мандатом Троцкого, выписанным теперь уже на его имя, как-нибудь разберется с «матросом». А что делать непосредственно в Москве, как успокаивать Агранова и чем пригасить возможный гнев Троцкого, они обсудили подробно.

Шли на предельной, какую только позволяли тяга паровозов и состояние пути, иногда разгоняясь до семидесяти верст в час. Пересев в свой вагон, Сашка любовался мелькающими за окнами шишкинскими пейзажами и безуспешно пытался выбросить из головы неизвестно где подцепленную строчку из дурацких куплетов, удивительно четко ложась на грохот колес по стыкам: «Хи-хи талончик, ха-ха талон, на миллиончик, на миллион...»

«Хорошее здесь все-таки время, — думал он. — Совершенно дикие авантюры удаются без особых усилий. У нас бы такая штука не прошла. Через два часа отловили бы. Как там блатные выражаются? Побег на рывок».

И вот наконец граница. Никак специально не обозначенная. Поезда ведь даже в разгар гражданской войны ходили почти беспрепятственно через все фронты и неизвестно кем контролируемые территории. Бывали, конечно, и грабежи, и проверки документов, но в целом действовало неписаное соглашение об экстерриториальности железной дороги и неприкосновенности поездных бригад.

Просто сразу за въездным семафором, на перекинутом через пути переходном мостике, висел щит с не слишком умело нарисованным зеленой (другой, наверное, не на-

шлось) краской двуглавым орлом, на перроне станции поездов встречали солдаты уже в погонах да в разрисованной черными и белыми полосками будке помещался погранично-таможенный пост.

Колчак размашисто перекрестился. Шульгину показалось, что глаза у него увлажнились.

— Добрались, ваше высокопревосходительство, — широко улыбнулся Сашка. — Вот теперь можно и банкетец заказать...

— Блестящая операция, генерал, совершенно блестящая, никогда бы не поверил, что такое возможно!

— Ну как вам сказать. Скорцени в свое время еще более блестящую провернул, хотя, конечно, наша тоже...

Дальше ехали, уже не слишком торопясь, а главное — не нервничая. Шульгин связался по радио с Берестиным, который в Харькове издергался, больше двух недель не имея никаких сообщений о судьбе экспедиции. Теперь он имел возможность доложить Врангелю о том, что адмирал жив и не далее как через сутки они смогут увидеться.

Для нынешнего Верховного правителя сообщение, что жив его предшественник, оказалось гораздо более шокирующим, чем для Шульгина, когда тот узнал об этом из документов Трилиссера. Прежде всего он не имел соответствующей привычки к невероятным событиям, а во-вторых, как опытный политик и интриган, сразу же озаботился просчетом вариантов, могущих возникнуть от столь чудесного воскрешения адмирала из мертвых. С одной стороны, конечно, хорошо, что Колчак жив. Врангель с искренней скорбью встретил весть о его расстреле. Но с другой...

— Петр Николаевич, — сказал ему Берестин, понимая состояние генерала, — вам не о чем беспокоиться. Адмирал еще в октябре девятнадцатого года официально заявил, что слагает с себя титул Верховного правителя и передает все полномочия Деникину. Кроме того, господин Шульгин проинформировал меня, а тем самым и вас, что Колчак публично и, если угодно, в письменной форме готов подтвердить отказ от какой-либо политической деятельности отныне и навсегда...

— Так. Я понимаю состояние и чувства адмирала. Но, как мне кажется, вы что-то недоговариваете?

— Я просто не успел закончить мысль. Адмирал признает все политические реалии текущего момента и готов вновь возглавить Черноморский флот...

Врангель помрачнел. Даже такой поворот событий его не слишком устраивал.

— Вы не считаете, Алексей Петрович, что после перенесенных страданий Александру Васильевичу следовало бы предоставить отпуск для лечения? В Крыму или за границей... Мы могли бы выделить ему любые необходимые средства, передать, наконец, в знак признания его заслуг в пожизненное владение дворец в Гурзуфе, Ялте, Ливадии.

— Безусловно, Петр Николаевич. Все необходимое лечение и отдых мы адмиралу обеспечим. Но я считаю, назначение Колчака на должность комфлота абсолютно необходимо... — И Берестин негромко произнес кодовое слово, еще раз подтверждающее и усиливающее внушенную Врангелю Сильвией программу. Она заставляла правителя не только соглашаться с любыми политическими и военными рекомендациями каждого из их компании, но и воспринимать их как собственное, глубоко обдуманное и взвешенное решение.

Верховный посидел секунду-другую, словно вслушиваясь в нечто доступное ему одному, потом поднял глаза на своего советника.

— Да, Алексей Петрович, я прошу вас организовать адмиралу достойную встречу. Заготовьте указ о награждении Александра Васильевича орденом Святителя Николая первой степени, а генерала Шульгина и остальных участников беспримерного подвига — орденами Святого Георгия. И, я считаю, мы просто обязаны предложить адмиралу вновь занять пост, которого он был лишен узурпаторами. Если у него не будет других пожеланий.

— Слушаюсь, ваше высокопревосходительство. Все будет сделано «*ин леге артис*»¹, только пока — лучше конфиденциально. Еще не время широко оповещать мир о возвращении адмирала.

А вот Шульгину убедить Колчака вновь принять флот было гораздо труднее, поскольку он не обладал даром внушения Сильвии и мог полагаться только на собственные силы, логику и глубокую, стойкую ненависть адмирала к бывшим союзникам. Не слишком отличающуюся от той, что испытывал к своим врагам Эдмон Дантес.

И когда он сказал, что в ближайшее время возможна новая интервенция «*владычицы морей*», теперь уже против Югославии, Колчак не смог устоять.

¹ По всем правилам искусства (*лат.*).

— Но только простите, Александр Иванович, чем же мне командовать? Легкобронированный линкор, я бы даже назвал его тихоходным линейным крейсером, абсолютно небоеспособные старые броненосцы, несколько эсминцев? Против одной-единственной бригады английских линкоров мы не продержимся и часа.

— Если бы это было так, Александр Васильевич, я не стал бы и затевать подобного разговора. Смею вас уверить, у нас есть силы и возможности не только противостоять возможному противнику, но и нанести ему убедительное поражение...

После своего чудесного спасения и того, что Сашка рассказал ему за долгую дорогу о событиях, приведших к победе над Красной Армией, Колчак относился к Шульгину с редкостным доверием. Правда, в отличие от Врангеля, он гораздо лучше разбирался в военно-технических вопросах, и легенду о затерянных в дебрях Африки тайных заводах, производящих сверхсовершенное оружие, пришлось значительно подкорректировать.

— Возможно, вы рассчитываете на мины? Однажды мне удалось доказать их эффективность. — Воспоминание о том, как он завалил в шестнадцатом году устье Босфора тысячами мин и до конца войны запер там «Гебен» и «Бреслау», привело адмирала в хорошее расположение духа. — Однако минная позиция требует постоянного артиллерийского прикрытия, иначе будет протралена в считанные часы. Ирбенская позиция, например, прикрывалась береговыми батареями и флотом, и то...

— Мины мы тоже используем, но главное будет в другом... Вы позволите сообщить вам все подробности непосредственно в Севастополе? Так оно будет... ну, просто убедительнее.

Шульгин надеялся, что к моменту их прибытия Воронцов закончит «стратегическое развертывание» возрожденного флота.

ГЛАВА 9

...Штабс-капитан Губанов, один из самых знаменитых пилотов белой армии, более известный в авиационных кругах под кличкой Кот, вместе с пятнадцатью наиболее подготовленными и лично им отобранными летчиками прибыл,

согласно приказу, на Херсонесский мыс. Здесь уже были намечены и выровнены тяжелыми бульдозерами взлетно-посадочные и рулежные полосы, у дальнего конца строящегося аэродрома собраны из металлических и деревянных панелей самолетные ангары и жилые бараки. За резко обрывающимся в море скалистым краем площадки плескались далеко внизу зеленовато-черные с белой окантовкой волны.

— Отдохнем от войны, господа! — выкрикнул кто-то, сминая сапогами охваченную морозом полынь у обрыва. — Рыбалкой займемся, жаль, что купаться сейчас нельзя...

Действительно, большинство пилотов без отдыха и перерыва воевали кто третий, а кто и пятый уже год. С немцами, с австрийцами, с русскими. Кстати, со своими русскими коллегами по ту сторону фронта сражаться было куда как легче, толковых воздушных бойцов у красных оказалось мало. Но и самолетов у тех и других оставалось совсем чуть-чуть. Если сам командир авиагруппы на германском фронте сбил пятнадцать самолетов, то в гражданской войне — едва восемь. А остальную боевую работу составляли разведка и штурмовка пехотных позиций. Но здесь, кажется, намечалось что-то новенькое. Зря ли собирали лучших бойцов со всего фронта?

Только пока неясно, для чего именно, война ведь закончилась. Или пришла пора готовиться к новой?

Незнакомый моряк в кожаном реглане и высоких сапогах с бронзовыми застежками под коленями, в каких хорошо стоять на заливаемом штормовой волной мостике эсминца, подошел к наскоро подравнявшемуся строю пилотов и первым отдал честь.

— Вы командир группы? — спросил он Губанова, который не спеша соображал, полагается рапортовать незнакомцу или тот обойдется?

— Так точно, господин... — Не видя знаков различия, он сделал паузу, понимая, что по возрасту и манере держаться этот человек явно относится к штаб-офицерам.

— Капитан первого ранга Воронцов, — пояснил тот. — Своих людей разместили?

— Так точно. Претензий нет.

— Тогда сразу и приступим, капитан. (По традициям царской армии старший по званию отбрасывал приставки «под» и «штабс», отчего подхорунжий, подпоручики, подъесаулы и подполковники, а также штабс-капитаны и штаб-ротмистры в личном общении становились на чин выше.) У нас возникла острая необходимость подготовить отряд

летчиков, профессионально умеющих работать над морем и по морским целям...

— А разве у вас нет пилотов гидроавиации? Насколько я знаю...

— Сейчас речь идет о другом, — перебил Губанова каперанг. Лицо у него было суровое, не располагающее к долгим спорам, к которым капитан привык в своей фронтовой жизни. Там пехотные командиры, включая и полковников, воспринимали прославленного аса с уважением, приличествующим его боевой славе.

— Морские пилоты летают на гидроаэропланах, там своя специфика. А вам подготовлены другие машины, и задачи вам предстоит решать особые.

Из ближайшего ангара в это время аэродромные техники уже выкатывали предназначенный для Губанова самолет.

Окрашенный флотской шаровой краской, аэроплан издавна напоминал истребители «Ньюпор-17» или «Спад». Такой же короткий лобастый биплан с двухлопастным винтом. Однако, когда капитан присмотрелся, он заметил и отличия. Прежде всего этот самолет был куда массивнее обычных. И сразу чувствовалась в нем скрытая сила. Возможно, это ощущение возникало от непривычных пропорций фюзеляжа, удлинённого верхнего крыла V-образной формы, странного горба позади пилотской кабины, плавно переходящего в высокий киль. Заинтересованный, Губанов подошел к аппарату ближе. Действительно, он тяжелее и, очевидно, мощнее привычных машин раза в два. Хвостовое оперение окрашено в цвета андреевского флага, на боку изображен черный флотский двуглавый орел, окруженный венком из георгиевской ленты. По краю венка — выведенная славянским полууставом надпись: «Морские силы России».

— Ого! А самолетик-то непростой! — удивленно воскликнул Губанов.

На самом деле самолет был более чем прост. Обыкновенная, стандартная «Чайка И-153» конструкции 1938 года. Последняя в истории маневренный истребитель бипланной схемы, блестяще зарекомендовавший себя в боях над Халхин-Голом, но мгновенно устаревший к 1941 году. Почти три с половиной тысячи этих изящных и легких в управлении самолетов бесмысленно сгорели в первые месяцы войны, хотя при грамотном использовании могли бы успешно служить и до сорок пятого года, и позже. Как немецкие «Рамы», «ФВ-189» и «Физелер-Шторхи» или американские штурмовики «А-20», с успехом применявшиеся даже и во Вьетнаме.

Но кто же и когда в России грамотно использовал боевую технику?

Конечно, данный экземпляр «Чайки» несколько отличался от серийного. Согласованный с дубликатором сверхмощный компьютер «Валгаллы» умел делать многое. Например, когда Воронцов ввел в него всю проектную документацию истребителя, а потом указал, какие элементы, как и на что следует заменить, то в монтажной камере возникло изделие, внешне абсолютно подобное прототипу. Однако вместо пятисотсильного двигателя «М-22» на нем стоял восьмисотсильный вдвое меньшего веса и настолько же более экономичный, деревянный набор фюзеляжа оказался заменен на титано-пластиковый, нервюры и лонжероны крыльев выполнены из профильного дюрала, а полотняно-перкалевая обшивка превратилась в пятислойную кевларовую. И без того уникально легкий, полуторатонный самолет стал весить на четыреста килограммов меньше, его скорость возросла с трехсот восьмидесяти до пятисот (а на форсаже и больше) километров, причем время виража осталось непревзойденным — восемь секунд. Радиус действия истребителя составлял теперь почти тысячу километров (с подвесными баками), а бомбовая нагрузка превысила семьсот килограммов. То же касалось и стрелкового вооружения. Вместо четырех пулеметов «ПВ-1» калибром 7,62 стало четыре «БС-12,7» плюс двадцатимиллиметровая пушка, стреляющая через вал мотора.

«И-153» и в своем исходном качестве был бы здесь сильнейшим истребителем мира, но Воронцов считал, что если уж делать что-то, так делать.

Губанов сразу запрыгнул на крыло и стал рассматривать непривычно перегруженный приборный щиток. Две трети циферблатов показались ему непонятными и явно лишними.

— Испытать в воздухе разрешите, господин капитан первого ранга?

— Рановато будет, — усмехнулся Воронцов. — Для начала с инструктором слетайте...

— Я?! — Штабс-капитан почувствовал себя оскорбленным. — Да я на любой машине без подготовки, хоть на бомбардировщике, хоть на истребителе! Я «Илью Муромца» с новыми моторами первый испытывал и на Москву на нем летал... — И словно непроизвольно покосился на белый Георгиевский крестик, приколотый над левым нагрудным карманом кожанки.

— Капитан! После посадки ставлю вам ящик коньяку. Или вы мне. Но полетите с инструктором.

Действительно, этот экземпляр самолета имел вторую кабину, то есть был учебно-тренировочной «спаркой».

Инструктор, очередной биоробот «Валгаллы», на сей раз принявший облик простоватого, чисто русского парня с короткими рыжеватыми усиками, одетый в замасленный летный комбинезон, козырнул Губанову и легко запрыгнул на крыло, оттуда — в заднюю кабину.

Несколько раз стрельнув выхлопом и лениво крутнув алым двухлопастным винтом, истребитель вдруг взревел совершенно непереносимо, так, что привычные к мягкому тарактению восьмидесятисильных «Гном-Ронов» пилоты пригнулись от бешеной воздушной струи, зажимая уши ладонями.

«Чайка» медленно покатила по полосе, виляя рулем поворота, за считанные секунды набрала огромную по здешним временам скорость — сто пятьдесят километров в час, слегка подпрыгнув, оторвалась от земли, будто подброшенная катапульты, и тут же устремила в небо под практически прямым углом.

Оставшиеся на земле офицеры только недоуменно крутили головами, слатывали воздух, чтобы прочистить заложенные уши, искали в небе мгновенно превратившийся в едва заметный крестик самолет.

— Ну ни... чего себе, господа! Как же на такой штуке можно летать?

— Кто-то же ведь летает, вон мой мичман, например, — резонно заметил Воронцов, утешая пилотов папиросами.

Губанов выбрался из кабины, спрыгнул на землю, растерянно улыбаясь. Его пошатывало. На бледном лице ярко выступили веснушки. Инструктор по приказу Воронцова специально продемонстрировал чересчур самонадеянному асу взлет на форсаже, подъем свечкой до шести тысяч метров, стремительный каскад полного комплекта фигур высшего пилотажа, о которых здесь еще и понятия не имели, отвесное пики до высоты в сотню метров, вывод из него с восьмикратной перегрузкой у самой воды и бреющий полет над морем.

— Итак, господин капитан, прямо сейчас полетите или лучше в город за коньяком?

— Простите, господин капитан первого ранга. Позвольте за коньяком отправить младшего по званию... А я бы хотел с инструктором побеседовать и машину внимательнее осмотреть.

Через пять дней Губанов впервые взлетел самостоятельно — все-таки он действительно был асом и имел больше двух тысяч часов налета. Неделями позже залетали и остальные. Подготовку летчики особого штурмового полка проходили по полной программе — фигуры высшего пилотажа, индивидуальный и групповой воздушный бой, дальняя разведка, стрельба из бортового оружия и бомбометание по движущейся морской цели, парашютные прыжки в море из падающего истребителя. Кроме этого, впервые в русской авиации для летчиков была введена физическая подготовка на уровне почти что отряда космонавтов, включая вращение на центрифуге с одновременным решением в уме навигационных задач и расчетом упреждения при атаке идущего полным ходом и маневрирующего эсминца.

Параллельно изучали материальную часть, аэродинамику, теорию устойчивости и управляемости, радиодело — все самолеты были оборудованы мощными радиостанциями и радиокompасами, а на очереди была еще и радиолокация.

Трех человек из отряда пришлось списать по непригодности — вполне нормальные для полетов на скоростях 100—150 километров организмы не выдерживали перегрузок или не хватало реакции. Им на смену взяли других. Уже через месяц, как это раньше было с офицерами-рейнджерами, у пилотов изменились и внешность, и повадки, и стиль поведения. Чем-то каждый из них стал напоминать Воронцову образ Чкалова в одноименном фильме. Что и неудивительно — совершенно другие физические и эмоциональные нагрузки плюс ощущение принадлежности не просто к элите авиации, а будто бы даже к иной популяции человечества. Так отличается от спортсмена-перворазрядника мастер спорта международного класса или летавший космонавт от лейтенанта строевого авиаполка.

...Утром одного из февральских дней двадцать первого года, еще холодным и ветреным, но уже по-весеннему солнечным, Воронцов решил продемонстрировать комфлота успехи своих питомцев.

Вышли в море на двух наиболее быстроходных эсминцев типа «Новик» — «Пылком» и «Дерзком». В десяти милях от берега Воронцов с позволения Колчака дал команду «Самый полный».

Завибрировал под ногами настил мостика. Вырывающиеся из труб столбы черного дыма, сбиваемые встречным ветром, вытянулись за кормой длинными, быстро рассеиваю-

щимися шлейфами. Густая, издали темно-синяя вода, вспарываемая узкими форштевнями, вставала у бортов крутыми стеклянно-бутылочными на просвет валами. За кормой вспухла кипящая пеной кильватерная струя, перечеркнувшая почти штилевую гладь моря. Щурясь от брызг, долетающих до затянутого парусиновым обвесом крыла мостика, Воронцов с наслаждением подставлял лицо режущему соленому ветру. Как давно он не ходил вот так, тридцатиузловым ходом, на стремительном, узком, как клинок курсантского парадного палаша, кораблике! С мостика «Валгаллы», вознесенного выше клотика этого миноносца, скорость воспринималась совсем иначе. Разница почти такая же, как между гоночным мотоциклом и туристским автобусом.

Колчак, тоже, видимо, вспоминая свою флотскую молодость, а может быть, наоборот, вонючую тюремную камеру, стоял молча, вцепившись длинными пальцами в планширь.

Воронцов посмотрел на часы. Время... Он тронул адмирала за плечо и указал рукой на север, в сторону едва видного берега. Сквозь стекла сильного бинокля вдали блеснуло — солнечный луч отразился от лакированных крыльев. Колчак еще в бытность свою командующим Императорским Черноморским флотом, много внимания уделял авиации, лично разрабатывал планы совместных действий кораблей и летающих лодок «М-5» и «М-9» в блокаде Босфора, но то, что он увидел сейчас, его поразило.

Шесть пар «Чаек», повторяя отработанный следующим поколением летчиков прием, испытанный в боях над Халхин-Голом, подходили к цели с выпущенными шасси. Тогда это делалось, чтобы ввести в заблуждение японцев, изображая тихоходные, namного уступавшие в скорости японским «Зеро» «И-15», сейчас — чтобы «неприятель» до последнего принимал их за привычные «Ньюпоры». Приблизившись, они одновременно, по радиокоманде ведущего, поджали под нижнее крыло растопыренные колесные стойки и, сразу чуть не вдвое увеличив скорость, рванулись вверх. С километровой высоты эсминцы, развившие предельный, тридцатичетырехузловый ход, казались стоящими на месте, несмотря на пенные усы бурунов под форштевнями и стелющиеся над водой дымовые хвосты.

Истребители разделились на две группы и разом сорвались в пике, атакуя флагманский «Пылкий» одновременно с обоих бортов. Сухой треск холостых пулеметных очередей был едва слышен, перекрываемый ревом моторов. Выровнявшись почти на уровне мачт, истребители зашли с кормы и пронесли над палубой, продолжая стрелять. В реальном

бою, представил себе Воронцов, сейчас хлестнули бы по палубе, мостику, орудийным площадкам тугие струи разрывных и бронебойно-зажигательных пуль. Калибр 12,7 мм пробивает верхние листы танковой брони, а уж тонкую сталь эсминца располосует, как консервный нож банку с килькой. Тем более — снаряды двадцатимиллиметровых пушек.

«Чайки» промчались далеко вперед по курсу, дружно сделали иммельман и, подобно злобной стае потревоженных ос, бросились на «Дерзкий», теперь уже с передних курсовых углов. С мостика «Пылкого» атака выглядела еще более эффективной и впечатляющей.

— По идее, у них на мостике и палубе живых уже не осталось, — сообщил Воронцов адмиралу, когда последний истребитель отстрелялся по эсминцу. — Двадцать четыре пулемета и двенадцать пушек практически в упор...

Отработка противовоздушной обороны в этом показательном учении не планировалась, да и что могли бы противопоставить маневрирующим на четырехсоткилометровой скорости «Чайкам» миноносцы? Противоаэропланные пушки Лендера, по одной на корабль, и два «максима» на кормовом мостике еще годились для стрельбы по неуклюжим, медлительным «летающим лодкам» или бомбящим с высокой горизонтали немецким «Готам», а до использования главного калибра для постановки заградительного огня додумаются только через двадцать лет.

Колчак едва успевал вертеть головой, следя за маневрами «Чаек».

Имитировать бомбардировку кораблей даже учебными боеприпасами Воронцов счел рискованным делом, и для этого в море был выведен большой, десять на десять метров, сколоченный из бревен и окрашенный суриком плот. Притащивший его сюда буксир дымил высокой трубой на безопасном отдалении. Отштурмовав эсминцы, истребители, кто боевым разворотом, кто с крутой горизонтальной «бочки», а некоторые полого планируя со стороны солнца, одновременно бросились на цель. Постороннему наблюдателю смотреть на это было непривычно и страшно. Казалось, верткие, злобно завывающие моторами машины непременно столкнутся в воздухе, так опасно близко пересекались их траектории, обозначенные белыми шнурами срывающегося с консолей взвихренного воздуха. Посыпались вниз с подкрыльевых зажимов легкие, двадцатикилограммовые фугасные бомбы. В цель с первого захода попали три. Смешанные с водой, белой пеной, бурым дымом сгоревшей взрывчатки, взлетели в воздух обломки багровых бревен. Остальные

бомбы легли близким накрытием, добавив к общей картине десяток высоких фонтанов. Наблюдая за плавным полетом расщепленных страшной силой тротила десятивершковых стволов, Колчак коротко бросил:

— Жуткие времена наступают, Дмитрий Сергеевич. Флот теряет свой смысл. Это ведь только начало. А если вообразить себе налет больших, как «Илья Муромец», бомбардировщиков, мчащихся с такой же скоростью?

— Вообразить можно все, Александр Васильевич, — ответил Воронцов, представив, что сказал бы адмирал, посмотрев кадры атаки камикадзе на американские авианосцы в документальном фильме «Япония в войнах». — Однако у нас говорили: на каждый газ есть противогаз. — Он хотел привести более грубый аналог этой же поговорки, но воздержался. — Достаточная противовоздушная оборона, соответствующая тактика и система управления огнем позволят кораблям вполне успешно отражать воздушные налеты. Главное — сейчас мы с вами имеем преимущество в воздухе над вероятным противником, а что уж там дальше будет... — И процитировал известные каждому советскому дошкольнику слова: — Нам бы только день простоять да ночь продержаться.

В этот момент от уходивших в сторону берега истребителей отделился один самолет и, почти цепляясь за гребни волн, пошел в атаку на начинающий поворот миноносец. С мостика были видны только сверкающий, стремительно приближающийся диск винта перед капотом и тонкие черточки крыльев.

Буквально в полусотне метров от борта, когда казалось, что самолет неизбежно врежется в корабль, «Чайка» встала на дыбы и сумасшедшей горкой, выставив вперед округлое, как у осетра, брюхо, пронеслась над мостиком, едва не сорвав хвостовым колесом натянутую между мачтами антенну.

Сброшенный вместо бомбы пластиковый мешок, наполненный густой масляной краской, продолжая заданную самолетом траекторию, ударил на огромной скорости в борт «Пылкого», лопнул, разбиваясь «в мелкие дребезги». Напряженная сталь корпуса загудела, как шаманский бубен. Между второй и третьей трубами возникла громадная кровавая клякса. Тяжелые брызги долетели даже до мостика...

— Вот мерзавец! — искренне выругался Воронцов, пытаясь перчаткой стереть каплю сурика с адмиральского орла на погоне Колчака. — Фокусы он нам показывает! Однако лихо. Такая штука, ваше высокопревосходительство, называется топмачтовым бомбометанием. Если бы сейчас была

сброшена полутонная или даже двухсоткилограммовая бомба, то неизвестно, сохранил бы боеспособность даже какой-нибудь солидный крейсер, а при особенной удаче и «Айрон Дюк» можно уничтожить. Были прецеденты...

С затихающим гулом моторов истребители ушли в сторону аэродрома.

Командир эсминца кавторанг Кублицкий перебросил ручки машинного телеграфа на «средний ход» и вышел из рубки, чтобы тоже принять участие в разговоре.

— И вот ведь, Александр Васильевич, — продолжил Воронцов. — Когда вы служили в Порт-Артуре, никаких аэропланов вообще в природе не было, а в мировую войну их летали уже сотни. Что же вас удивляет сейчас? Не слишком значительное улучшение тактико-технических данных и только. Была скорость сто пятьдесят километров в час, здесь у нас четыреста... Ничего особенного.

— Мне кажется, господин Воронцов, вы не правы. Перемены наступают качественные. По крайней мере начиная с момента моего освобождения. Хотите — верьте, хотите — нет, но у меня сложилось впечатление, что живем мы с вами в каком-то другом мире. Мои офицеры собирались дать вооруженный отпор чехословакам генерала Сырового, и тысяча закаленных бойцов против пяти тысяч бывших военнопленных, вообразивших себя решающей силой на территории нашей несчастной родины, ничего не сумела сделать...

— Почему не сумела, Александр Васильевич? — в искреннем удивлении воскликнул Воронцов. — Там же и делать-то нечего было! Они бы все сделали и до Владивостока с боем дошли бы. Я прошу у вас прощения, но это вы не дали им «добро» на решительные действия...

Адмирал, неожиданно сторбившись, отвернулся и пошел вниз по трапу.

Крошечная кают-компания миноносца, размерами чуть больше пятнадцати квадратных метров, с двумя узкими диванчиками вдоль обеденного стола, с приобретенным стараниями еще тех, царского времени, офицеров ореховым пианино фирмы «Юлиус Блютнер», с деревянными панелями переборки, которые безвестный мичман украсил выжженными собственноручно и раскрашенными цветными лаками панно в древнерусском стиле, внезапно оказалась местом, где Колчак сумел на равных разговаривать с капитаном Воронцовым.

— Вы хотите сказать, что я трус, Дмитрий Сергеевич? — не снимая шинели, только положив рядом фуражку, усталым голосом спросил адмирал.

— Нет, Александр Васильевич. Но вы принадлежите к тому типу людей, которым проще умереть, чем предпринять по-настоящему решительные действия... в нестандартной ситуации. Что вы и продемонстрировали между октябрём и декабрём девятнадцатого года. В нормальной обстановке мировой войны вы умели проявлять и мужество, и твердость, и незаурядный талант флотоводца. Этим вы, кстати, удивительно похожи на покойного императора. В марте семнадцатого с тремя надёжными полками можно было смуту в неделю подавить...

Воронцов намеренно был жёсток (или жёсто́к). Если не думать о «нравственных нормах» и не слушаться преследующих свой интерес придворных...

— Возможно, очень возможно, господин капитан первого ранга. Однако я думаю, особенно последнее время, что мне действительно лучше было умереть. Они объявили, что я расстрелян в январе прошлого года. Кто знает, а вдруг они правы?

— Александр Васильевич! Мы все умрем, в худшем случае — умрем немного раньше. Однако считайте мои слова голосом судьбы — вы еще не сделали того, для чего предназначены, поэтому любое иное ваше решение, кроме непреклонной борьбы с внешним врагом (сражаться с внутренним — и вправду не ваше призвание), будет дезертирством. Побегом от своего долга. А то, что вы думаете... Это от нас не уйдет...

Дмитрий навалился грудью на стол, когда эсминец вдруг резко переложил руль. Чертыхнулся, выпрямляясь. Поплотнее устроился в кресле.

— Что же касается ваших тщательно скрываемых сомнений относительно меня и моих друзей, а также некоторого избытка «технических чудес» и труднообъяснимого везения, которое сопровождает наши предприятия, так в них нет ничего сверхъестественного. Просто мы достаточно долго жили вне пределов этой России. — Воронцов сделал едва заметный акцент на слове «этой». — И сознательно развили в себе несколько иной стиль и способ мышления. Мы идем непосредственно от цели, которую считаем нужным достичь, а не от возможностей ее достижения. «Вулюар сет пувар», как говорят французы, что означает: «хотеть — значит, мочь». Ближайший пример: наш анализ минувшей войны показал, что для достижения абсолютного и безусловного превосходства в воздухе необходима скорость самолета не менее четырехсот километров в час. Соответственно все силы были брошены на решение технической задачи, а не

на дискуссии о принципиальной невозможности подобных скоростей. Результат перед вами. Кстати, господин адмирал, вы сами тоже умеете так поступать. Ваш предшественник Эбергард потратил три года на обоснование невозможности того, что вы сделали за неделю — обеспечение полного господства русского флота в Черном море. Да и вот, — он постучал ладонью по столешнице, — могли вы поверить в Порт-Артуре, что всего через четыре года будет начата постройка первого «новика», а через шесть лет он вступит в строй?

— Над вашими словами стоит подумать, Дмитрий Сергеевич, — неожиданно улыбнулся Колчак. — Хотя не могу сказать, что вы разом рассеяли все мои сомнения...

— Сомнения — дело хорошее. Пока они не начинают мешать конкретному делу. Я знаю, что еще сильнее, чем боевые возможности наших самолетов, вас удивил мой успех в ремонте и модернизации броненосцев. Вы и это техническое мероприятие склонны отнести к разряду сверхъестественных. А известно ли вам, что на американских верфях уже отработана методика массового строительства кораблей за два месяца от закладки до выхода в море?

— Я был в Америке, но ни о чем подобном не слышал. И, вы правы, считают это невероятным.

— И тем не менее. Англичане построили свой «Дредноут» за год, в то время как наши линкоры строились пять лет. Прогресс не стоит на месте... — Воронцов имел в виду серию «Либерти», которую во вторую мировую американцы поставили на поток и клепали (вернее, сваривали) транспорты в двенадцать тысяч тонн со скоростью фордовских автомобилей. В десятки раз быстрее, чем подводники Деница и летчики Геринга успевали их топить.

...Вновь почти вся компания собралась вместе на «Валгалле». Только Левашов с Ларисой пока оставались в Москве, там политическая обстановка опять осложнилась. К Троцкому зачастили официальные представители британского правительства и неофициальные эмиссары известных финансово-политических кругов, настойчиво склоняя советского диктатора к активным действиям против Югославии. Прямые предложения и деликатно завуалированные намеки охватывали самый широкий спектр возможных мер, от дипломатического давления и шантажа до обещания развязать с наступлением весны полномасштабную войну, теперь уже не гражданскую, а как бы «нормальную», межгосударственную. Тем более что предпосылки к ней имелись. По-прежнему

му запертая на Кавказе Одиннадцатая армия, ранее нацеленная на свержение существующих правительств Армении и Грузии и установление там «власти трудящихся», теперь перегруппировывалась, разворачиваясь фронтом на север. Анклав, состоящий из части Азербайджана, Ставрополя, Кубани и горских республик Северного Кавказа, уже полгода существовал автономно от РСФСР, связанный с ней только морским путем через Гурьев, и дальнейшая его судьба требовала решения. У советского правительства было два варианта — договориться о передаче ему Астрахани и коридора вдоль Волги до Саратова или воевать. Врангелевские же дипломаты предлагали иное — обмен территории Северного Кавказа на равноценную в непосредственно прилегающих к совдепии областях. У них сильным козырем была постоянная угроза казачьего восстания, которое, несомненно, имело бы успех при одновременном наступлении Слащева от Ростова и десантах на Тамань, Новороссийск, Туапсе. Короче, ситуация складывалась взрывоопасная, и Левашов прилагал титанические усилия и чудеса макиавеллизма, чтобы не допустить такого развития событий. Он обещал Троцкому все что угодно — возврат в дополнение к первым восьми вагонам остальной части «золотого эшелона», военную помощь против туркестанских сепаратистов, неограниченные поставки продовольствия и ширпотреба в голодающие, раздетые и разутые советские губернии и другие не менее заманчивые льготы и преференции. Пока Троцкий колебался, яростно торгуясь и пытаясь шантажировать и Запад, и Юг.

Олегу однажды даже пришлось как бы вскользь упомянуть, что напрасно Лев Давыдович столь внимательно прислушивается к посланцам «загнивающего капитализма». Пусть лучше вспомнит уроки не столь еще далекой мировой войны. Обещать Запад умеет, но готов ли он, а главное, в состоянии ли помочь Советской республике, если отмобилизованные и отдохнувшие дивизии Слащева вздумают вдруг ударить по кратчайшему направлению на Москву?

— От Лондона до Москвы гораздо дальше, чем от Курска и Тамбова. А Москва в качестве вашей столицы, думаю, не в пример более удобна, чем Архангельск или Вятка...

Иногда, если удавалось, они собирались вчетвером: Нои-ков, Шульгин, Берестин и Воронцов — хорошая мужская компания — и приглашали к себе на пароход Врангеля. Петр Николаевич уже обжился и свyksя с ними, одновременно как с друзьями и покровителями. Разница в возрасте у них

была небольшая — Верховному правителю недавно исполнилось сорок два, каждому из них — ненамного меньше. В эти годы разница в четыре-пять лет уже не воспринимается как существенная.

Генералу отвели роскошные апартаменты в ярусе кают суперлюкс, где он нередко оставался ночевать, радуясь возможности хоть один вечер не чувствовать себя государственным деятелем.

Играли в преферанс, выпивали понемногу, по заведенной традиции — рюмку за каждый сыгранный мизер, ну и разговаривали, конечно. Любой претендующий на роль диктатора правитель страдает (если он умный и нормальный человек) от невозможности иметь близких друзей. Здесь у Врангеля была великолепная возможность — ни один из претендующих на его дружбу людей ни в малой степени от него не зависел и, в свою очередь, не пытался навязывать ему какие-то неприемлемые требования (в его понимании).

Разговоры обычно складывались следующим образом.

— Ты, Петр Николаевич (на «ты» они по гвардейской традиции перешли почти сразу), — конечно, самодержавный правитель и диктатор, мы это одобряем и приветствуем. В твои дела лезть не собираемся. Но давай так — есть у тебя хорошая идея, излагай, в деньгах отказа не будет. Есть у нас интересная мысль — выслушай. Подумай, если хочешь, посоветуйся, с кем нужно. Не будет возражений — прими и помогай исполнить. Финансирование опять же наше. И учти, мы тебе плохого не посоветуем. Сами заинтересованы.

И согласие, как правило, достигалось. Например, Новиков, когда уже была сыграна хорошая «сочинка» — до ста двадцати, по доллару за вист, и Верховный правитель отчего-то опять был в большом выигрыше, сидя в глубоких креслах у открытой двери кормового балкона, раскуривая сигару и подливая всем под чашечку самолично сваренного геджасского кофе бенедиктинский ликер, вдруг проговорил:

— А вот отчего бы нам, ваше высокопревосходительство, не установить в твоей Югороссии совершенно оригинальный политический режим? Сочетание древнеафинской демократии с идеалами господина Великого Новгорода. Мы ведь убедились уже, — а если ты еще не убедился, то будешь иметь такое удовольствие, — что на российской территории никакие логически устроенные системы не приживаются...

— Поясни, что ты подразумеваешь, — спрашивал Врангель, после успешного курса лечения позволявший себе и

выпить, и покурить, как во времена своего студенческого и офицерского прошлого.

— Лишь только то, что европейского типа демократия с выборным парламентом и принципом: один человек — один голос у нас не работает и работать не будет. Так не лучше ли создать нам своеобразное государство с формально полным равенством, выборным органом типа Думы или Земского собора, но устроенное сословно-корпоративно. То есть имеют место сословия — дворяне, ремесленники, крестьяне, купцы, казаки, лица наемного умственного труда, если угодно, объединенные по средневековому цеховому признаку. Детализировать не буду, можешь сам литературу полистать. Однако все свои проблемы, от социальной защиты престарелых и инвалидов до любых юридических вопросов, внутри корпорации они решают самостоятельно и независимо от государственной власти. В сенате заседают представители сословий с равными же правами. Государство, поскольку оно достаточно богато, обеспечивает финансирование всех общенациональных программ и выступает арбитром и гарантом равноправия граждан на общенациональном уровне, одновременно снимая с себя всякие проблемы, могущие вызвать именно антиправительственные выступления в каком угодно виде...

— А лично ты, Петр Николаевич, — добавлял Шульгин или Воронцов, — исполняешь обязанности того же новгородского князя плюс доброго царя-батюшки, который всех любит и всех рассудит, оставаясь вне критики...

— Хорошо бы, — отвечал разморенный сладким, но зверски крепким ликером в сочетании с чудовищной концентрацией густого, как сметана, кофе. — А средства на такой проект будут?

— Уж об этом не переживай, чего-чего, а это найдем.

И как бы невзначай у кого-то из друзей появлялось настроение сделать дорогому барону очередной подарок, ни в коей мере не ущемляющий его достоинство, например, японский меч XII века, рассекающий по ручью плывущий опавший лист, или инкрустированную изумрудами зажигалку «Ронсон», а то и панкратический бинокль с регулировкой фокусного расстояния от 6 до 30, оправленный в противоударный полиуретан...

Еще одной плодотворной идеей, доведенной до правителя, например, на рыбалке с выездом в открытое море, могло быть предложение о создании на базе махновских и антоновских отрядов двух новых казачьих войск с соответстующим

цими привилегиями и выкупом у нынешних владельцев расположенных на территории этих войск земель.

На следующий день обычно такие неформальные соглашения оформлялись решением правительства, которое возглавлял умный прагматик Кривошеин. Он и самостоятельно в предыдущей истории принял ряд законов, долженствовавших придать врангелевскому режиму необходимую респектабельность и привлекательность, но не успел претворить их в жизнь. А ведь их реализация сулила русскому народу совсем неплохое будущее, несравнимое с ленинско-сталинской перспективой.

Таким же примерно путем Берестин выговорил в свое время у Врангеля право на осуществление всеобъемлющей военной реформы с назначением Слащева командующим главкомом, а Воронцов — специальных полномочий по возрождению Черноморского флота.

В итоге все стороны оставались довольны друг другом. Врангель еще не понимал этого, но постепенно он становился главой государства типа Саудовской Аравии или Арабских Эмиратов, то есть самодержцем, чьи политические амбиции не встречали препятствия в виде финансовых проблем, но серьезно ограничивались тщательно завуалированной волей «визирей». В данном случае — умных и бескорыстных.

* * *

Берестин, используя карт-бланш от Врангеля, принял решение разделить территорию Югороссии на четыре военных округа: Одесский, Харьковский, Ростовский и Таврический. Крым в данном раскладе превращался в некое подобие феодального владения — особо защищенной территории, которая не только играла роль военно-административного центра, но и могла в случае самых неблагоприятных условий самостоятельно обороняться длительное время, предоставить убежище жителям «слободы» и «предполья», ну а в самом крайнем случае, как в 1920 году советской эры, — послужить плацдармом для эвакуации. Только на более, разумеется, организованном уровне, чем в прошлый раз.

Здесь Алексей, благодарный агграм за то, что они дали ему возможность повоевать, совместившись с личностью командарма Маркова, целых полгода на фронтах Отечественной войны, полностью использовал богатый военный опыт и незаурядные стратегические способности своего «альтер эго». Сергей Петрович Марков, в реальной истории погиб-

ший в сталинских лагерях, своими полководческими дарованиями, а главное, человеческими качествами намного превосходил Жукова и был близок к таким фигурам, как Рокоссовский и Черняховский.

Вместе с Воронцовым они, используя вряд ли предусмотренные Левашовым возможности его установки пространственно-временного совмещения, подняли с морского дна трехорудийные двенадцатидюймовые башни затонувшей в Севастополе «Императрицы Марии» и потопленной в Новороссийске «Императрицы Екатерины Великой». Для двух из них спешно готовились бетонные казематы на Перекопе, для одной — на Чонгаре, еще двух — в Керчи и Феодосии, а три усиливали береговую оборону Севастопольского района. Исходя из опыта обороны Севастополя в 1942 году, до истощения боезапаса зона обстрела двенадцатидюймовых стационарных батарей оставалась для войск Манштейна неприступной даже без пехотного прикрытия. И это при наличии танков и авиации, которых в двадцатом году у предполагаемого противника быть не могло в принципе. Согласно планам, оборудование артиллерийских позиций, а точнее, фортов, превосходящих по огневой мощи линию Маннергейма, должно было закончиться к февралю двадцать первого года.

Леди Спенсер, полностью освоившись в Лондоне за последние три месяца, восстановила все свои связи и считалась сейчас лидером самой агрессивной части истеблишмента — сиречь высшего света, призывавшей к предельно жесткой политике в отношениях с Югославией, объявленной гораздо более опасной для Англии, чем слабое, погрязшее во внутренних проблемах царство большевиков.

Именно Сильвия распространила в прессе «секретный меморандум Врангеля» по вопросам восточной политики. Нечто вроде известного письма Зиновьева о подготовке пролетарской революции в Англии. А теперь она же инициировала принятие документа, аналогичного столь известному «ультиматуму Керзона».

Старая добрая Англия кипела. И бушевала. Свободная пресса — и лейбористская, и консервативная, и даже либеральная — исходила гневом и возмущением. Как же это так, неблагодарная Россия, и не Российская империя даже, к которой можно было относиться с неприязнью, но все-таки и

с некоторым уважением, а жалкий ее обрубок, врангелевская Югороссия, неизвестно откуда появившаяся и неизвестно почему победившая в гражданской войне, вдруг заявила, что она является правопреемницей той, старой России в полном объеме и требует соблюдения тайного соглашения 1915 года о передаче ей Константинополя, Босфора и Дарданелл!

Публикации в газетах, в зависимости от их направленности, несколько различались тональностью, но в принципе были едины. Таких требований Великой Британской империи предъявлять не в праве никто.

Да, предположим, в разгар мировой войны можно было пообещать союзнику, от которого зависела судьба европейского фронта, удовлетворение каких-то его пожеланий, но ведь все относилось для окончательного решения на послевоенные времена, когда обстановка не раз и не два могла измениться.

И разве не английская это поговорка: «Настоящий джентльмен — хозяин своего слова. Он может его дать, и он же может взять его обратно»?

Что такое вообще этот так называемый союзник? За всю писаную историю Россия и Англия вынужденно поддерживали друг друга лишь дважды — в эпоху наполеоновских войн и в эту, слава богу, закончившуюся мировую. И все. Остальные двести лет они были непримиримыми противниками.

И вот сейчас, когда не осталось у Великой Британии достойных соперников на морях, неизвестно кто требует передать ему контроль над проливами, над границей Европы и Азии, над Ближним Востоком и над входом в Суэцкий канал, наконец!

Да такая наглость требует немедленного и достойного возмездия! Разве правительство и адмиралтейство не могут завтра же послать в Крым пять-шесть линкоров, которые только дымом своих труб и залпом непревзойденных пятнадцатидюймовок покажут потерявшим чувство реальности русским медведям, кто сегодня вершит мировую политику?

Причем что интересно — этот хорошо сдиржированный хор поддерживали и те общественные силы, которые до последнего времени весьма сочувственно относились и к царской России, и к борьбе Врангеля с большевиками, которые критиковали решение королевского двора отказать в убежище семье несчастного императора Николая.

Буквально единицы независимых то ли от поддержки правительства, то ли от чьих-то «высших» интересов газет

позволили себе публикации, хоть как-то если не оправдывающие, то с пониманием относящиеся к позиции Югороссии.

И очень громко звучали голоса и в печати, и в парламенте, что гораздо правильнее будет сейчас поддержать большевистскую РСФСР, чтобы ее реорганизованная и даже пополненная европейскими волонтерами, недавно победоносная Красная Армия вновь развернула наступление на Юг и продолжила столь благотворную для мирового равновесия тенденцию русского взаимоистребления.

Однако отчего-то европейские союзники «владычицы морей» по коалиции в этом стремительно вызревающем новом кризисе отнюдь не спешили ее поддержать.

Франция выражалась туманно: мол, соглашения соглашениями, но не стоит ли прежде вновь собрать Лигу Наций и обсудить справедливость российских претензий и возможность достижения компромисса?

Германия осторожно зондировала точку зрения Врангеля на возобновление строительства железной дороги Берлин — Стамбул — Багдад и форму участия Югороссии в промышленном возрождении Турции в случае денонсации условий Севрского договора.

САСШ вообще делали вид, что данный эпизод их не слишком касается, но по некоторым признакам чувствовалось, что затруднение Англии доставляет им удовольствие. Вдруг да и вправду она вяжется в противостояние с Россией, и тогда можно будет еще сколько-то времени поманеврировать, изнуряя партнеров сомнениями по поводу своей истинной позиции.

Новиков, возвратившийся из тайного визита в Ангору, приехавший из Харькова Берестин, Шульгин, Воронцов и Ирина обсуждали в штабном кабинете на «Валгалле» свои ближайшие планы.

Как говорится, последняя пуговица к мундиру последнего солдата была пришита, силы на театре расставлены, пора было переходить к действиям.

ГЛАВА 10

Берестин и Новиков стояли на плоской вершине горы в одном из отрогов Понтийского хребта, неподалеку от порта Зонгулдак, расположенного на южном берегу Черного моря примерно на полпути между знаменитым Синопом и проли-

14 - 9039 Звягинцев

вом Босфор. С километровой высоты видны были облепившие склоны холмов белые кубики средневековых домов с плоскими крышами, с десяток европейского типа зданий в центре города, пирсы угольных причалов, несколько приткнувшихся к ним фелюг и каботажных пароходов.

Недавно поднявшееся апрельское солнце освещало голубовато-мглистый вогнутый щит моря, у горизонта круто загибавшийся вверх и неошутимо сливавшийся с таким же голубым, по-утреннему дымчатым небом.

Среди грязно-черных пароходов времен чуть ли не Крымской кампании и закопченных припортовых пакгаузов белоснежный корпус «Валгаллы» выглядел странно и чужеродно. Даже на расстоянии нескольких километров размеры корабля производили впечатление. Вряд ли еще когда-нибудь в этот захолустный порт заходили трансатлантические лайнеры такого класса.

В бинокль можно было различить бесконечную вереницу запряженных ослами, мулами, даже верблюдами одно- и двухосных, тяжело нагруженных повозок, тянувшихся из порта в город, и такую же вереницу пустых, направлявшихся к причалу.

Они везли тысячи ящиков с винтовками, пулеметами, патронами и орудийными снарядами. Изредка в поле зрения попадали конные запряжки в два уноса, тянущие по пыльной грунтовой дороге знаменитые русские трехдюймовки 1902/27 года с передками и зарядными ящиками и 122-миллиметровые гаубицы образца 1938 года.

К апрелю 1921 года греческая армия, насчитывающая около ста тысяч человек при шести тысячах пулеметов и четырехстах орудиях, продолжая наступление, вышла на линию Измит — Денизли, глубоко вклинившись на контролируемое Кемаль-пашой Анатолийское плоскогорье. До Ангоры, временной столицы независимой Турции, по прямой оставалось едва полтысячи километров.

Армия Мустафы Кемаля имела в своем составе 51 тысячу штыков, 440 пулеметов и едва 150 старых немецких пушек с расстрелянными стволами и мизерным запасом снарядов.

Тем не менее в сражении у Иненю турки благодаря куда более серьезному, чем у греков, боевому опыту (большинство солдат Кемаля три года сражались на Кавказском фронте с русской армией) нанесли интервентам серьезное поражение, заставили их остановиться, чем выиграли необходимое себе время.

В середине марта после предварительного визита Новикова в качестве посла с особыми полномочиями в ставку Кемалья прилетел Берестин.

Они сразу понравились друг другу — тридцатидевятилетний турецкий генерал, еще в мировую войну прославившийся тем, что под его командованием славная 19-я дивизия сбросила в море англо-французский десант на Галлиполийском полуострове, и тридцатисемилетний русский, выигравший (Кемаль это знал) гражданскую войну.

Берестин в качестве принятых на Востоке подарков преподнес Кемалю белый «Леңдровер» с двумя бочками дизтоплива, винтовку «СВД» и пистолет Стечкина в пластмассовой кобуре-прикладе, а генерал отдал ему белым же конем с отделанными серебром сбруей и седлом и саблей XV века, осыпанной драгоценными камнями.

Лидер турецкой революции принимал коллегу в старом купеческом доме на одной из кривых, узких, как трамвайный вагон, улочек Ангоры, круто спускающейся с обожженного библейским солнцем холма.

На второй этаж вела скрипучая, натертая воском деревянная лестница. Большая, совершенно пустая комната была застелена и завешана драгоценными коврами, на полу — только низкий резной столик, уставленный вазочками с сахаренными фруктами, миндалем, кувшином шербета и бутылкой французского коньяка, да десяток шелковых подушек-мутаки.

Кемаль в синей турецкой и Берестин в русской тропической форме сидели у стола без сапог и яростно спорили. Хорошо знающий немецкий и прилично — английский, Мустафа Кемаль-паша приготовил для переговоров двух драгоманов. Каково же было его изумление, когда высокий гость заговорил на цветистом, старомодном, но совершенно безупречном турецком языке! Это сразу переломило его несколько предубежденное к бывшему историческому врагу отношение.

За ночь они, не прикасаясь к спиртному, выпили бесчисленное количество чашек жгучего, как иприт, с чесноком и корицей кофе, выкурили не менее фунта трапезундского табака, торгуясь, как советские туристки на стамбульском базаре.

Здесь Берестин сразу взял верный тон. Эсэсэсэровские правители и дипломаты вечно проигрывали в отношениях с лидерами «третьего мира» оттого, что предлагали все и сразу в обмен на ничего не значащие обещания «идти по некапиталистическому пути». Алексей же, первый час посвя-

тив восхвалениям героической борьбы турецкого народа против империалистов, дав высокую оценку боевым качествам аскеров и рассыпавшись в славословиях стратегическому и политическому таланту самого Кемаль-паши, в дальнейшем начал брать быка за рога.

— Вы же понимаете, эфенди, что Россия сейчас имеет полное право потребовать от союзников своей доли оттоманского наследства. Кто может помешать нам, а тем более осудить, если мы поддержим единовенную Грецию против своего давнего противника?

Мустафа напрягся, сдвинул изломанные брови, тронул пальцами вильгельмовский ус.

— Только зачем нам это? Нет благородства в том, чтобы присоединяться к стае шакалов, терзающих раненого льва. Мы были врагами, но врагами честными. Русский народ благодарен турецкому за гостеприимство, оказанное нашим беженцам в дни поражений. В Стамбуле русские эмигранты чувствовали себя лучше, чем в Париже и Берлине...

Кемаль уважительно наклонил голову, едва заметно улыбаясь.

— И не считает ли достопочтенный Ататюрк (тут Берестин первым произнес слово, ставшее впоследствии официальным титулом генерала), что геополитические и исторические интересы наших народов требуют заключения невиданного ранее союза? Югороссия и Турция вместе смогут на века установить в Средиземноморье и на Ближнем Востоке новый порядок, исходя только из собственных целей и потребностей.

К утру соглашение по всему блоку военных, политических и экономических вопросов было практически достигнуто.

— Вот занимается заря новой истории, — растроганно сказал Кемаль, когда они вышли на балкон вдохнуть свежего воздуха. Он положил правую руку на плечо русского гостя, а левой указал в сторону густо зарозовевшего неба.

Стратегический план Берестина, получившего в штабе Кемаля новое имя Алек-паша, предполагал перевооружить турецкие войска автоматическими винтовками, сформировать три новые ударные мобильные бригады пятибатальонного состава, усилить существующие дивизии отрядами русских добровольцев, создать мощный артиллерийский кулак из нескольких гаубичных и пушечных полков и после отвлекающей операции на Центральном фронте нанести стремительный удар на левом фланге.

И только после того, как грекам и поддерживающим их англичанам станут окончательно ясны замысел турецкого командующего и цель его наступления — главный плацдарм греческой армии и база ее снабжения город Измир, специально сформированным моторизованным ударным корпусом осуществить внезапный прорыв вдоль северного берега Мраморного моря и взять Стамбул.

Главная же изюминка и коварство замысла заключались в том, что Берестин и Новиков совершенно точно знали из предыдущей истории, что разгром кемалистами греческой армии, последовавший, правда, лишь осенью следующего, двадцать второго года, не вызвал каких-либо согласованных международных противодействий. Франция и Италия признали итоги войны, в 1923 году был заключен Лозаннский мирный договор. Поражение Греции привело к народному восстанию, король Константин отрекся от престола, правительство во главе с премьером Гунарисом, а заодно и главнокомандующий армией Хаджианестис были расстреляны по приговору чрезвычайного трибунала.

Так что сейчас они историю не насиловали, просто использовали ее более приличным и рациональным образом.

И еще одна новация планировалась на заключительном этапе наступления. После заключения между Турецкой республикой и Югославией договора о дружбе и братстве Кемаль-паша должен был обратиться к новому союзнику с просьбой о военной помощи и предоставить ему в аренду военно-морские базы у входа в Дарданеллы в Седдюльбахице и Чанаккале, на Босфоре в Ускударе и на островах Мраморного моря Мрамор, Имброс и Тенедос. Это было гораздо выгоднее для Турции, чем выполнение в полном объеме тайного договора между Англией, Францией и Россией, по которому последняя получала Константинополь, западный берег Босфора, Мраморное море и Дарданеллы, часть Западной Анатолии с Трапезундом и все Армянское нагорье с Карсом, Эрзерумом, Ардаганом и озером Ван.

За последние две недели Воронцов на «Валгалле» пришел в Зонгулдак уже третий раз. На берег было выгружено около ста тысяч винтовок для турецкой армии, три тысячи ручных и станковых пулеметов с достаточным запасом патронов, четыреста орудий, двадцать пять самолетов, полсотни «Виллисов» и «Доджей», сто «ГАЗ-66» и «Уралов». Эти цифры поставок (за исключением автомобилей) взяли не с потолка, именно такое количество боевого снаряжения пере-

дало прошлый раз Ататюрку советское правительство, и его хватило для полной победы в войне. Заодно Новиков в виде долгосрочных беспроцентных кредитов выделил Кемальпаше сто миллионов золотых рублей.

Оставалось добиться главной цели — спровоцировать Англию на «неспровоцированную агрессию». Поэтому помощь туркам оказывалась в демонстративной, несколько даже вызывающей форме, которая, однако, крайне неуклюже маскировалась под инициативу частных лиц. Для чего и «Валгалла» беззастенчиво курсировала из Севастополя в Зонгулдак и обратно, хотя в случае необходимости могла и в недоступном для английских шпионов месте выгрузить все необходимое за один прием.

И это кажется наконец удалось. Вначале врангелевскому послу в Лондоне Гирсу была вручена нота, в которой правительство его величества доводило до сведения русского правительства, что Великобритания с серьезной озабоченностью наблюдает за развитием событий в Турции и предупреждает о недопустимости вмешательства Югороссии в сферу английских жизненных интересов. «Однако если бы генерал Врангель почел возможным продолжить оказание военной помощи мятежникам, не признающим положений Версальского и Севрского договоров и являющимся в настоящее время единственными силами, препятствующими установлению прочного мира в Европе и Малой Азии, то в этом случае британское правительство сочло бы себя обязанным отказаться от какой бы то ни было ответственности за последствия, могущие возникнуть в результате столь недружественной позиции возглавляемого Вами правительства».

Этот демарш поначалу встревожил Верховного правителя, поскольку его министр иностранных дел П.Б. Струве, англоман и вообще не слишком решительный человек, настойчиво предостерегал Врангеля от обострения отношений с Великобританией, а уж тем более от становящегося все более вероятным вооруженного конфликта.

Пришлось настойчиво порекомендовать Врангелю заменить Струве на П.Н. Милюкова, авторитетнейшего руководителя кадетской партии, министра иностранных дел при Керенском, а главное — фанатичного сторонника присоединения к России Константинополя и проливов. Бывший профессор истории прославился еще в царское время своими талантливыми статьями и пламенными выступлениями в Думе по этому вопросу. В итоге получилось так, что Новикову пришлось даже сдерживать чересчур экстремистски на-

строенного министра. Зато Милюков сумел убедить Врангеля подписать составленную в достаточно резких тонах ответную ноту.

В ней сообщалось, что хотя российское правительство в настоящее время и не осуществляет каких-либо действий, направленных на оказание военной помощи вооруженным силам Великого национального собрания Турции, но относится с полным пониманием к проводимой им в настоящее время политике, направленной на восстановление пограничного действиями интервентов суверенитета турецкого народа на его собственной территории. В силу чего не препятствует частным лицам и общественным организациям оказывать возглавляемому Мустафой Кемаль-пашой правительству посильную гуманитарную помощь и не запрещает добровольцам участвовать в боевых действиях на согласованных с турецким правительством условиях. Явственно же содержащаяся в ноте правительства его величества угроза не может быть расценена иначе как недопустимое вмешательство во внутренние дела России и по этой причине категорически отвергается.

Не имея оснований прямо обвинить Югососсию во враждебных действиях, поскольку и участие самой Англии в войне на стороне Греции с точки зрения международного права выглядело сомнительно, Ллойд-Джордж дал указание британскому верховному комиссару в Константинополе адмиралу де Робеку объявить о введении вдоль берегов Турции тридцатимильной зоны безопасности, в которой английский флот имеет право проводить досмотр всех иностранных судов на предмет обнаружения военной контрабанды, применяя в случае необходимости вооруженную силу.

Что и требовалось доказать.

ГЛАВА 11

...На краю обращенного к западу обрывистого склона горы плавно двигалась решетчатая антенна радиолокатора, наблюдающего за морем. Поднять его сюда стоило больших трудов, поскольку дорог, пригодных для автомобильного транспорта, в Понтийских горах не существовало с сотворения мира. Пришлось доставить из Севастополя вертолет, который Воронцов изготовил для вновь созданной спасательной службы флота. В грядущей войне вполне могла сложиться ситуация, что летчикам пришлось бы прыгать с парашютом в море из поврежденного шальным снарядом или из-

расходовавшего горючее самолета. При полетах на полный радиус не всегда возможно учесть каждую случайность — слишком сильный встречный ветер или необходимость повторных заходов на цель.

На рассвете, чтобы не привлекать излишнего внимания местных жителей к невиданному аппарату, за три рейса забросили на внешней подвеске на полуторакилометровую высоту вагончик станции, антенну и походный генератор с пятью тоннами солярки. Теперь подходы к порту просматривались более чем на полсотни миль.

Наблюдательный пост организовали вовремя, в самый последний момент. Едва в очередной раз сменившие квалификацию биороботы закончили настройку и отладку станции, как агентурная разведка из Стамбула сообщила, что для поиска и перехвата «Валгаллы» из Босфора вышли три британских эсминца типа «Виттори».

Получив это сообщение и лично убедившись, что аппаратура работает нормально, Берестин решил поехать в порт. Присмотреть, чтобы успели сгрузить все что нужно и вывезли оружие и снаряжение с причалов, которые тоже могут подвергнуться обстрелу с моря, а то и десант англичане вздумают высадить. С Дмитрием также требовалось кое о чем переговорить напоследок.

— Поглядывай здесь, — сказал он Новикову и свистком подозвал коноводов.

Воронцов с Берестиным поднялись в ходовую рубку «Валгаллы». Дмитрий достал с полки справочник Джена.

— «Виттори», эскадренный миноносец, год постройки 1918-й, водоизмещение 1107 тонн, скорость до 34 узлов, вооружение — четыре 102-миллиметровые пушки, одна зенитная 76-миллиметровая, пять пулеметов, два трехтрубных торпедных аппарата.

На фотографии был изображен миноносец, своим силуэтом сильно напоминающий русские эсминцы типа «Керчь», только с двумя трубами вместо трех.

— Ничего особенного, — сказал Воронцов Берестину, протянув ему книгу. — С опозданием в шесть лет англичане кое-как повторили наш прототип, только и по мореходности, и по вооружению все равно получилось хуже. И в боях они себя проявили не слишком. Англичане вообще моряки хорошие, а вояки так себе.

— Ну, тебе-то в любом случае опасаться нечего, — пожал плечами Берестин. — Ты их раскатаешь с предельной

дистанции, как в тире... Можно даже от пирса не отходить, изобразишь турецкую береговую батарею.

— А вот это нет. Я хочу, чтобы все было по правилам. С соблюдением всех законов и конвенций. Не следует позволить противнику обвинить нас в некультурности. Когда с локатора засекут цель, тогда и начнем.

Три почти сливающиеся воедино фосфоресцирующие отметки появились на экране около девяти утра. Эсминцы шли в плотном кильватерном строю экономичным двадцати-узловым ходом, близко прижимаясь к берегу.

Воронцов снял трубку радиотелефона. Выслушал сообщение дежурного оператора:

— Цель обнаружена. Дистанция тридцать миль.

— Нормально. Сейчас закончим разгрузку и будем помаленьку трогаться. Продолжайте наблюдение.

— Что, капитан, решил в войну поиграться? Эскадренный бой в открытом море? Не дают покоя неотреагированные в детстве эмоции? — спросил Берестин Дмитрия с едва уловимой иронией в голосе. Несмотря на дружеские отношения, с первого дня знакомства Воронцов с Алексеем испытывали взаимное чувство ревнивого соперничества. Оба были природно умны, хотя и по-разному, оба считали себя прирожденными войками, пусть в разных сферах этой деятельности, и каждый добивался успеха собственными средствами. Уважая достоинства друг друга, они не упускали случая изящно попикироваться, необходимо, но ощутимо подколоть товарища.

— Нет, тут немножко другое. Попробуем вставить классный фитиль «владычице морей» в чисто британском духе. Впрочем, посмотрим.

Двумя грузовыми стрелами из трюмов «Валгаллы» все в том же быстром, но не суетливом темпе на черный от угольной пыли причал выгружались последние ящики с разобранными бомбардировщиками «Буазен». Полученные Врангелем в начале прошлого года из Франции и сохранившие довольно приличный моторесурс, они должны были составить основу новой турецкой авиации.

Воронцов все рассчитал точно. Полчаса на то, чтобы закончить разгрузку, еще полчаса — чтобы задрать люки и окатить из шлангов палубу. Одновременно раскрутить турбины и начинать вытягиваться на внешний рейд. К тому времени англичане приблизятся настолько, что их захватят локаторы парохода. Если отрядом командует грамотный моряк, то милях в пятнадцати от Зонгулдака он развернет свой отряд строем фронта и начнет заходить с норд-веста. Чтобы

перехватить «Валгаллу», если она вдруг решит идти на проыв блокады.

Перед этим последним походом, который почти наверняка должен был закончиться стычкой с англичанами, Воронцову пришлось отозвать на пароход всех своих роботов. Первоначально предназначенные только для службы в качестве команды «Валгаллы», они давно уже использовались универсально — и на ремонте броненосцев, и в качестве пилотов-инструкторов, и как адъютанты-телохранители женщин при выездах в город. Это, строго говоря, нарушало условие, на котором Антон согласился изготовить Дмитрию квазиживых помощников. Но это уж его личная проблема. Форзейль ведь не брал с Воронцова обещания не пытаться перепрограммировать роботов, он только сказал, что они не смогут функционировать за пределами корабля. А те же англичане (или американцы?) любят говорить: «Кто сумел, тот и прав».

Из нормальных живых людей с ним был только Владимир Белли, недавно наконец произведенный в мичманы да вдобавок еще с полученным за участие в спасении Колчака белым Георгиевским орденом на кителе. Шульгин рекомендовал юношу очень хорошо, заметив, что если уж готовить себе смену, то как раз из таких ребят, достаточно образованных и способных, не комплексуя, усвоить достижения «европейской цивилизации». Тем более что на три года оторванный от нормальной жизни мичман вряд ли способен с ходу разобраться, что есть естественный продукт прогресса, а что — анахронизм и артефакт. И Воронцов согласился взять его к себе стажером на должность вахтенного начальника.

Мичман легко сошелся с экипажем своего первого корабля, только удивляясь некоторой холодности и заторможенности «офицеров» во внеслужебном общении.

Боцманские дудки отсвистели сигнал: «К походу и бою приготовиться!»

Берестин сошел на берег, рассчитывая понаблюдать за ходом сражения с локаторного поста. Да вдобавок ему требовалось лично руководить срочной транспортировкой выгруженного снаряжения в тыл, на турецких помощников, даже и полковников, он полагаться в этом деле не хотел.

В последний почти момент, когда винты начали проворачиваться, отводя корму парохода от причала, на пирс галопом вылетел Новиков. Копыта породистого гнедого жеребца

загрели по настилу. Со стороны могло показаться, что сейчас высокий «ференги» (европеец) в турецком военном мундире пошлет своего коня прямо на узкий, приготовленный к подъему на борт трап. Однако Андрей резко осадил жеребца, спрыгнул наземь, отдал повод первому попавшемуся на глаза аскеру. Поднялся на палубу, четко, но как бы и шутиливо козырнул Воронцову:

— Разрешите, ваше высокоблагородие, с вами прокатиться. Страх как хотелось всю жизнь в морской баталии поучаствовать...

— Не смею отказать, ваше превосходительство. Однако, ежели что, похороны за ваш счет. Страховка на случай геройской кончины для волонтеров Ллойдом не предусмотрена...

— Шуточки у вас, господин капитан! Ну да бог с вами, «моритури те салютант»! Только не забудьте подсказать, когда пригнуться потребуется...

По шестнадцати узким трапам друзья поднялись на открытую площадку верхнего мостика. Отсюда вогнутая парабола радиолокатора на фоне густо засиневшего неба казалась чуть больше папиросной коробки, а фигурку Берестина, провожающего взглядом осторожно скользящий вдоль брекватера пароход, едва можно было различить невооруженным взглядом на фоне припортовых пакгаузов и среди суматошно снующих вдоль причалов грузчиков-муши.

— «Как давно я не ходил в атаку», — вспомнил Новиков к случаю строчку из стихотворения поэта и танкиста Сергея Орлова.

— Я — тем более, — деликатно ответил Воронцов, который прекрасно знал, что Новиков в роли Сталина руководил войной только по крупномасштабным картам, а лично участвовал лишь в бою с агтрианскими бронеколоннами на Валгалле. — Мины боевые в Суэце потралить пришлось, это да, а стрелял я только по щитам на учениях.

То, что почти месяц он повоевал и в Великой Отечественной, Дмитрий как бы проигнорировал, поскольку до сих пор не был уверен, наяву это было или в «виртуальной реальности».

Вода за бортом была настолько прозрачная, что с двадцатиметровой высоты мостика на дне отчетливо различались крупные белые камни.

— Лево десять, малый вперед! — скомандовал Воронцов в ходовую рубку.

Если бы ему потребовалось обмануть английского коммодора и проскочить в Севастополь, он сделал бы это с легкостью. Лечь на курс норд-ост, дать ход тридцать узлов (а «Валгалла», подобно последнему обладателю «Голубой ленты Атлантики» — лайнеру «Юнайтед Стейтс», могла на форсировке развить и сорок), и гордые британцы не увидели бы его кормы даже в свои отличные дальномеры «Барра и Струда».

Но смысл-то намеченной акции был совсем в другом.

Они спустились в рубку.

— Вон, идут орелики... — Воронцов указал Новикову отметки на круглом экране локатора. Перебросил на панели несколько тумблеров, включая компьютерную систему распознавания цели. Наведенные по радиолучу оптические датчики, установленные на кlotenках мачт, захватили объект, передали сигнал компьютеру, который его обработал, усилил и дорисовал неразличимые с дистанции в двадцать пять километров подробности.

Цветной пятидесятидюймовый экран изобразил отчетливо, словно в записи на лицензионной кассете, картину эффектно режущих штилевое море эсминцев. Они шли строем пеленга, с трехкабельтовыми интервалами, и действительно намеревались зайти на Зонгулдак с северо-запада, перекрывая пароходу прямой путь в Крым. Если жертва рискнет и успеет выйти в открытое море, то прижать ее к обрывистому, далеко выступающему на северо-восток берегу.

— Минут через десять-пятнадцать они нас заметят, — продолжил капитан и скомандовал вахтенному штурману: — Курс NNW-триста десять. Скорость двадцать пять.

Нос парохода покотился влево, под острым углом к курсу эсминцев.

— Сейчас мы покажем им свои мачты и трубы и поглядим, что ребята станут делать, — комментировал Воронцов происходящее малосведущему в морской тактике Новикову. — Включить дымоимитаторы! — приказал он на вахту.

Из трех колоссальных труб «Валгаллы» повалил густой угольный дым. Вообще-то ее парогазовые турбины даже на самом полном ходу давали о себе знать лишь дрожанием горячего воздуха над раstrубами вентиляторов, но сейчас требовалось показать англичанам, что кочегары, надрываясь, швыряют лопатами в топки скверный турецкий антрацит.

— Готово, засекали...

На экране было отчетливо видно, как на левофланговом эсминце замигал ратьеровский фонарь.

— Дистанция — десять миль, — вслух прочитал Воронцов показание дальномера, словно Андрей был неграмот-

ный. — Это они пока только дым увидели. Согласовывают тактику...

В следующие минуты по команде командира отряда эсминцы резко прибавили скорость. Под косыми форштевнями вспухли белые буруны. Два корабля стали забирать влево, на перехват, третий остался на прежнем курсе, чтобы отрезать цель от берега.

— Так, года два они машин точно не перебирали, обречение в Средиземном море тоже приличное, значит, парадный ход у них в лучшем случае тридцать. А то и меньше. Давай пока двадцать восемь дадим, — по-свойски обратился Воронцов к штурману. — Играть боевую тревогу!

Это уже была игра, роботам совсем не требовался высокий и пронзительный крик горна, чтобы переключиться на новую программу, хватило бы и электрического импульса, однако Воронцов старался для себя и Новикова, а еще больше — для мичмана Белли, единственных на корабле людей, в ком старинный сигнал вызвал запечатленный на генетическом уровне душевный подъем, и легкий мороз по коже, и выброс солидной порции адреналина в кровь. Такой же, может быть, или очень похожий сигнал посылал их далеких предков в седло на берегу Калки или со штыком наперевес на стены Измаила.

Еще в Замке у Антона, когда «Валгалла» существовала только в чертежах и макетах, Воронцов, не зная, где им придется оказаться, в каких временах и на каких широтах, во избежание неприятных случайностей решил вооружить свой пароход так, чтобы он мог выдержать бой с парой линкоров или линейных крейсеров. Конечно, против ударного авианосного соединения «Валгалла» не выстояла бы, но такой вариант и не рассматривался.

Предусмотрительность Дмитрия уже оправдала себя в момент сумасшедшей торпедной атаки французского миноносца на севастопольском рейде. Теперь предстоял второй акт.

Опустились вниз декоративные панели по углам центральной надстройки. Выдвинулись до того оттянутые по-походному и закрепленные внутри полусферических казематов стволы четырех 254-миллиметровых пушек. В распоряжении Воронцова имелось еще и двенадцать скорострельных сотридцаток, но он сегодня не собирался принимать ближний бой.

Чуть отворачивая вправо и приводя англичан на левую раковину парохода, Дмитрий продолжал внимательно наблюдать за экраном. Чуть выравнившийся вперед эсmineц,

очевидно, флагманский, приблизился уже на сорок кабельтовых. Для десятидюймовок «Валгаллы» — дистанция почти прямого выстрела. Для стомиллиметровок «Виттори» — далековато. Стрелять-то можно, вот попасть вряд ли удастся. Хотя пароход — цель обширная, сдуру могут и вмазать.

Воронцов приказал еще чуть увеличить ход. Англичанин и так идет на пределе. Повторяется ситуация из турецкой войны 1877 года, когда броненосец «Фетхи Буленд» пять часов преследовал русский пароход «Веста», осыпая его градом тяжелых снарядов, но не имея какого-то лишнего узла скорости, чтобы догнать, и, получив пару ответных попаданий из русских мортир, прекратил погоню. За тот бой, кстати, адмирал (тогда лейтенант) Рожественский был награжден орденом Святого Георгия четвертой степени.

Эсминец бешено мигал «ратьером»: «Требую показать флаг, остановиться. Вы находитесь в пределах запретной зоны. В случае отказа подвергнуться досмотру имею приказ применить оружие. Коммандер Вудворт».

— Пхе! — изобразил презрение Воронцов. — Всего-то коммандер (капитан третьего ранга). Я думал, кого постарше пошлют. Ответить: «Здесь американский пароход. О состоянии войны с Англией ничего не знаю. Прошу сообщить дату ее начала». — И повернулся к мичману, внимательно прислушивавшемуся к разговору, но не забывавшему и о своих служебных обязанностях. — Сколько от нас до берега?

— Двадцать одна миля, господин капитан первого ранга, — ответил тот, взглянув на жирную синюю линию, которую чертил на карте автоматический курсограф.

— Отлично. Еще минут пятнадцать дурака поваляем. Тут им не Фолкленды!

Со времен англо-аргентинской войны 1882 года за Фолклендские (Мальвинские) острова Воронцов относился к англичанам плохо. Он вообще поддерживал аргентинцев из чисто эстетических соображений, а уж когда атомная подводная лодка «Конкерор» потопила торпедой антикварный крейсер «Генерал Бельграно» за пределами зоны боевых действий, испытал искреннее возмущение военного человека этой бессмысленной акцией. На крейсере ни за что погибло больше трехсот моряков, в большинстве новобранцев 18 и 19 лет от роду.

Коммандер Вудворт раздраженно писал сигнальным фонарем: «Суда нейтральных стран по закону о военной контрабанде подлежат досмотру в запретной зоне. Требую застопорить ход. В противном случае применю оружие!»

С боевых постов пришло сообщение: «Цель захвачена. Готовы к открытию огня».

Пушки «Валгаллы», оснащенные лазерными прицелами и управляемые специальной программой компьютера, для которой изображающие артиллеристов роботы были всего лишь сервоприводами к механизмам наводки и перезаряжания, могли поражать цель с эффективностью 85—90 процентов против 3—4 процентов у орудий эсминцев и развивали темп огня до 10 выстрелов в минуту. Такие артиллерийские комплексы обозначались остроумным термином: «выстрелил — забыл». В том смысле, что нет необходимости сомневаться в результате.

Третий вражеский корабль, заходивший с кормы, отстал почти безнадежно. Для него. Воронцов, в случае необходимости, мог догнать его без труда.

«Считаю ваши действия актом пиратства в открытом море. До согласования вопроса с моим правительством прошу оставить в покое. При попытке захвата окажу сопротивление. Считайте себя предупрежденным».

— Вот они сейчас там задержаются, — довольным тоном сказал Андрею Воронцов.

А Новиков, наблюдая за происходящим, снова терзался противоречивыми мыслями. В принципе он не имел ничего против того, чтобы как следует проучить надменных сынов Альбиона. Присвоили себе право устанавливать порядки на всех широтах и долготах Мирового океана, а чего ради? Кто они такие? Подумаешь, успели настроить броневых коробок больше всех в мире! Тем более что в отношении России всегда проводили самую паскудную и коварную политику. И в Крымскую войну, и в Турецкую, и в эту мировую тоже. Как, впрочем, и в следующую. А за Цусиму и Порт-Артур не пора ли им ответить?

Но в то же время... Долбанет сейчас Воронцов из своих калибров, и отправятся ничего не понимающие моряки, всего лишь выполняющие приказ, кормить черноморских скумбрий и кефалей. Это как если бы противник погрозил тебе кулаком, а ты его без предупреждения из дробового обреза в живот...

Так он и спросил Воронцова.

— Вот, еще один толстовец выискался. А была б здесь не «Валгалла», а обычный пароход Доброфлота? Воздержались бы твои ягнятки? Оч-чень сомневаюсь. И ты думаешь, зря я сейчас дурака валяю? Хочешь пари? Если через пять минут господа британцы изобразят фонарем: «Извините за беспокойство, желаю счастливого плавания», я их трогать не

стану. Если нет — пусть не обижаются... Но они ведь не отстанут.

— Почему именно через пять? — не понял Новиков.

— А вот почему. Мичманец, расстояние до берега?

— Двадцать девять миль два кабельтовых.

— Теперь понял? Для чего же я гнал пароход? Через три минуты мы выходим из их запретки, хоть я и плевать на нее хотел.

Подтверждая его слова, над баковым орудием «Виттори» вспухло белое облачко. По курсу парохода, но с недолетом поднялся окрашенный бурым дымом фонтан.

— Вишь, специальные пристрелочные снаряды у них. Как у японцев в Цусиме.

Донесся приглушенный расстоянием короткий гром.

— Это, наверное, у японцев были их снаряды, — счел нужным уточнить Андрей.

— Не один ли хрен! Все, вышли мы из запретной зоны. Радист, давай!

Это тоже Воронцов придумал заранее. С антенны мощной радиостанции, на волне, отведенной для сигнала «SOS», и по другим волнам тоже пошел в эфир отчаянный крик: «Всем, всем, всем! В открытом море атакован неизвестными кораблями. Повторяю, в Черном море оперируют пиратские корабли неизвестной принадлежности. Веду неравный бой. Прошу помощи! Пароход САСШ «Валгалла». И координаты. И снова этот же призыв, который принимали, наверное, и радиостанции Эйфелевой башни, и уж наверняка на английских дредноутах в Мраморном море, и в штабе Верховного комиссара. Передав записанный на магнитофон сигнал бедствия раз десять, автомат в рубке переключил всю мощь корабельных передатчиков на создание помех, перекрывающих весь радиодиапазон.

А командор Вудворт, занятый своим делом, этого не слышал и, если даже знал, что вышел из тридцатимильной зоны, счел возможным сей факт проигнорировать. Снова выплеснула огненный факел баковая пушка, пошел сверлить пространство второй снаряд. Этот лег точнее, на полкабельтова перед носом «Валгаллы».

— Ну а я что говорил? — словно сожалея, развел руками Воронцов. — Кормовой плутонг — залп!

Новикову никогда раньше не приходилось слышать, как стреляют корабельные пушки большого калибра. Впечатление куда более сильное, чем от танковой стомиллиметровки. Хотя и там в ушах долго стоит мучительный звон. Десятидюймовки шарахнули так, что Андрей присел и, ошеломлен-

ный, долго мотал головой, в пустой след глотая открытым ртом воздух, тошнотворно и остро завонявший сгоревшим кордитом.

Мостик под ногами дернулся. Воронцов вскинул к глазам бинокль. Первый фонтан взметнулся выше мачт эсминца и обрушился на его палубу тоннами бурлящей воды, а второй снаряд лег точно между трубами. Идущий полным ходом корабль дернулся и вроде бы даже подпрыгнул на мгновение над волной, хотя по идее должен был, наоборот, просесть от удара.

Очевидно, снаряд перебил штуртросы или заклинил руль, потому что эсминец вдруг понесло на циркуляцию. Из лопнувшей палубы хлестали струи белого пара. Быстро теряя ход, он стал лагом к волне, начал заметно крениться.

— Видал? Ювелирная работа. А я специально болванкой стрелял. Так что ничего страшного. Турбина, наверное, вдребезги да дырка в борту или днище. Как говорят доктора: жить будет. Если у них аварийный дивизион знает, что делать. Пробить водяную тревогу, задраить переборки, пластырь завести... — Он говорил, спокойно, специально для Андрея.

— А убитых сколько? — спросил для чего-то Новиков.

— Это как повезет. Бывает, что и ни одного. Наоборот тоже бывает. А если бы они нам сейчас в рубку залепили? Нам их сотки вот так вот хватило бы... — Воронцов чиркнул себя большим пальцем по горлу. И тут же воскликнул удивленно: — Ты погляди, второй-то что делает! Крутой, мать его!..

Второй эсминец, вместо того чтобы правильно среагировать на намек, выйти из боя и заняться оказанием помощи терпящему бедствие флагману, отказавшись от явно опасной агрессии, то ли сдуру, то ли в припадке оскорбленного британского достоинства дал своим машинам полный форсаж и рванулся в отчаянную торпедную атаку. Иначе расценить его намерения кое-что понимающий в военно-морских делах Воронцов не мог.

Набрав выходящую даже за пределы проектной скорость, узлов тридцать пять, не меньше, бритвенно узкий миноносец, подняв выше полубака пенный бурун, стал догонять «Валгаллу». В двадцать раз превосходящий его водоизмещением пароход так резко разгоняться не умел. Расстояние между ними начало опасно сокращаться.

Отчетливо было видно, как разворачиваются на своих вертлюгах трехтрубные торпедные аппараты.

Вдобавок «Виттори» (как он назывался на самом деле, Воронцов не знал, видел только белые цифры «15» посере-

дине борта) открыл беглый огонь из обеих своих баковых пушек.

На верхней кромке первой трубы «Валгаллы» возникла дыра с рваными краями. Еще один снаряд с журчанием прошел над кормой.

— Этак он в натуре может нам парой торпед засветить... Ну, я тоже не Христос! — Даже сейчас Дмитрий не удержался от обычного флотского трепа. У них в дивизионе трагедия острить в моменты опасности считалось хорошим тоном. Изящно выходило или нет — второй вопрос.

— Залп!

Двухсоткилограммовая болванка, летящая со скоростью восемьсот метров в секунду (энергию удара желающие могут посчитать сами), вонзилась в форштевень эсминца прямо под гюйсштоком. Такого эффекта от попадания не ожидали ни Воронцов с Новиковым, ни тем более мичман Белли, жадно следящий за перипетиями первого в его жизни боя.

Прочная сталь палубы мгновенно собралась в гармошку, плюща между складками орудийные площадки вместе с расчетами, многотонный комок мятого металла накрыл мостик и боевую рубку. Полетела в сторону опутанная вантами мачта, повалилась набок дымовая труба.

Полубак эсминца раскрылся, как сардиночная продолговатая банка, вывернув наружу начинку офицерских кают. Впрочем, наблюдать эту жуткую в своей театральности картину пришлось не больше двух-трех секунд. Второй снаряд двухорудийного зала ударил в борт ниже ватерлинии, очевидно, достал до киля, и перенапряженный корпус корабля не выдержал. Обшивка лопнула точно по мидельшпангоуту. Эсминец стал складываться пополам, словно перочинный нож. Набежавшая волна завершила дело. Исковерканный полубак, мелькнув суриком днища, ушел под воду почти мгновенно, а кормовая часть корпуса попыталась задержаться на поверхности и могла бы остаться на плаву, как это не раз случалось с кораблями, подрывавшимися на минах. Несколько черноморских и балтийских эсминцев и крейсеров в Отечественную войну теряли нос или корму и не только сохраняли плавучесть, но добирались до родных портов и вновь вступали в строй после ремонта.

Но английские моряки были настолько самонадеянны или отвыкли за два мирных года от настоящей службы, что пошли в бой с незадраенными водонепроницаемыми дверями в переборках. И море тут же захлестнуло раскаленные бешеным пламенем форсунок котлы.

Взрыв был такой, будто сдетонировали все шесть приготовленных к выстрелу торпед.

Через минуту на бурлящей поверхности остались только обломки рангоута, шлюпок и пробковые матросские койки. Живых же людей на месте гибели миноносца не осталось. Ни одного человека.

Точно так же в четырнадцатом году, раньше, чем успел опасть полукилометровый столб воды, дыма и пара, исчез в балтийской глубине русский крейсер «Паллада» с экипажем в восемьсот офицеров и матросов.

— Боевым постам — дробь! — скомандовал Воронцов. — Вернуть стволы в диаметральную плоскость. Пробанить орудия.

Не снижая хода, «Валгалла» продолжила свой путь по маршруту, слегка уклоняясь к весту, чтобы четко выйти на створ херсонесского маяка.

На экране и в бинокли было видно, как последний уцелевший эсминец, переложив руль, пошел к месту гибели своего «систер-шипа» и бессильно болтающемуся лагом к волне, окутанному облаком пара из разбитых машин флагману.

Мичман Белли хлопал глазами в полном обалдении от этой блистательной виктории. Душу его переполнял восторг, который только из-за воспитания и присутствия рядом неизмеримо старших по возрасту и положению особ не мог вылиться наружу наиболее естественным образом.

Это надо же, как повезло! В первом его офицерском выходе в море, да еще на обыкновенном, пусть и очень большом, коммерческом пароходе оказаться участником такого сражения! Кто бы поверил — четыре выстрела, и один новейший британский эсминец утоплен, второй поврежден почти безнадежно! Нет, годы позора позади, возвращаются славные времена российского флота! Не зря он верил в свою судьбу. Прадед, капитан-лейтенант Белли, взявший со своим десантным отрядом в 1799 году Неаполь и получивший за это от императора Павла I орден Андрея Первозванного, по статуту положенный только генералам и коронованным особам, может быть им доволен.

В историю вошли слова императора, сказанные при возложении на скромные обер-офицерские эполеты голубой орденой ленты: «Капитан-лейтенант Белли, ты меня удивил, так вот и я тебя удивлю!» Вот и он сам, получив за участие в

спасении Колчака орден, недостижимую мечту многих и многих, наверняка может теперь рассчитывать еще и на «Владимира» или хоть «Станислава», а с ним и на третью, лейтенантскую звездочку...

Воронцов словно бы прочитал мысли мичмана. Да и труда в том особого не было.

— Вот так вот, мичманец! — хлопнул он его тяжелой ладонью по погону. — А то ли еще будет...

Новиков же, отойдя к крылу мостика, закурил, испытывая странное ощущение, что все это уже было точно так или почти так, как только что случилось, хотя и знал абсолютно точно, что впервые в жизни участвовал в морском сражении. Тогда откуда же это яркое воспоминание — вспененная кильватерными струями вода, грохот орудийных выстрелов, свист снарядных осколков, уходящие под воду корабли? Из бредового видения, явленного ему внутри Гиперсети?

Одновременно Андрея мучила совсем другая, совершенно практическая забота — а что, если английский адмирал, напуганный или хотя бы насторожившийся от такого капитального разгрома, не рискнет продолжать столь удачно завязавшийся конфликт и потребует от своего начальства решить дело миром? Это ломает весь тщательно спланированный и подготовленный план летней кампании...

...Но сомневался Новиков зря. Во-первых, адмирал Сеймур не принадлежал к типу людей, склонных делать здравые выводы из критических ситуаций. Встречая сопротивление своим планам и действиям, он приходил в сильнейшее раздражение и начинал ломиться к цели с утроенной энергией.

Такие люди составили славу Британии в восемнадцатом-девятнадцатом веках, и они же привели ее к историческому краху в веке двадцатом, когда соотношение сил в мире перестало соответствовать пропорции между уровнем имперских притязаний и реальными возможностями.

А во-вторых, адмирал не сумел сделать выводов и чисто военных. Он вообразил, что имела место роковая случайность, помноженная на личную нераспорядительность командира группы эсминцев. Встретился с неплохо вооруженным пароходом, неправильно оценил обстановку, подставил свои корабли под неприятельский огонь, не организовал должным образом спасательных операций.

Сыграла свою роль и иезуитская предусмотрительность Воронцова.

Когда «Виттори» передал радиограмму с просьбой о помощи, по тревоге высланные в море буксиры дотащили лишенный хода эсминец до стамбульских причалов. Спустившиеся в исковерканное машинное отделение механики довольно быстро обнаружили застрявший в междудонном пространстве пятидесятифунтовый обломок расколовшейся на части чугунной болванки. Уцелевшая донная часть снаряда имела отчетливо читаемое клеймо: «Обуховский з-д, СПб, 1889 г.».

— Вы идиот, командор! — кричал с побагровевшим лицом, особенно ярким на фоне снежно-белой бороды, адмирал Сеймур. — Что вы несете насчет сверхмощных скорострельных пушек?! Любуйтесь сами! — Он сдернул салфетку с глыбы искрящегося на изломах чугуна. — Русские воткнули на эту американскую лайбу старые десятидюймовки с севастопольских фортов. Не знаю, правда, в чем тут дело. Наверное, все приличные пушки ушли на сухопутный фронт. Если бы у них нашлось с десятков великолепных стотридцатимиллиметровок с «Императрицы Марии», ваша жена уже получила бы соболезнование от адмиралтейства. С двадцати кабельтовых, на которые вы им подставились, в вас наделали бы дырок больше, чем в головке голландского сыра. Идите, командор. — И уже в спину уходящего нетвердой походкой офицера бросил: — И подумайте, что вас больше устроит — капитанский мостик речной канонерки в Правади, где вас заживо сожрут москиты, или должность начальника десантной партии, когда мы пойдем наводить порядок в этом поганом Севастополе. Там вы, возможно, сумеете вернуть себе серебряные шевроны.

Слова адмирала означали, что он переводит Вудворта из комсостава флота в морскую пехоту. И одновременно что считает вопрос об акции возмездия решенным. Согласие же верховного комиссара де Робека и первого лорда адмиралтейства представлялось ему пустой формальностью. Флот его величества таких оскорблений не прощает никогда и никому.

ГЛАВА 12

Крымская весна в этом году выдалась на удивление ранняя и дружная. К концу апреля все, что могло распуститься, распустилось и даже бурно цвело — сирень, каштаны, миндаль, белая и розовая акации, прочие представители южной флоры, в которой Шульгин разбирался постыдно плохо, по-

сколько вся его жизнь прошла в средней полосе или районах, приравненных к Крайнему Северу. А на юг если и удавалось выбираться, то отчего-то исключительно в бархатный сезон, когда все нормальные люди интересуются ботаникой только в виде уже спелых плодов съедобных растений, а главное — продуктов переработки одного из них, составляющего законную славу Черноморского побережья Крыма и Кавказа.

И температура устойчиво держалась вторую неделю вполне летняя, так что узкий песчаный пляж на берегу бухты, где базировалась «Валгалла», отнюдь не пустовал. Правда, прелестями зеленовато-хрустальной воды, безоблачного неба и в самую меру жаркого солнца по-настоящему наслаждались только Наталья Андреевна и Аня. Иногда к ним присоединялась Ирина, выкроив два-три часа в своем напряженном графике пусконаладочных работ на броненосцах.

Пользуясь полным уединением, они загорали топлес, включая и совершенно уже натурализовавшуюся в их компании Анну.

Щурясь от бьющего в глаза полуденного солнца, Ирина вдруг спросила:

— А ну, девчата, кто лучше русский язык знает? Как правильнее сказать: «Высокий борт парохода надежно защищал их от нескромных матросских взглядов с брандвахтенного «Три святителя» или же с «брандвахтенных «Трех святителей»?

Завязался веселый филологический спор, напомнивший Ирине студенческие дискуссии на филфаке МГУ, вроде той, где долго обсуждалась проблема ударения в слове «ложить».

С подъездной дороги послышался чавкающий звук работающего на малых оборотах четырехтактного мотоциклетного двигателя. Анна испуганно набросила на плечи махровую купальную простыню, а Ирина с Наташей просто не спеша вновь перевернулись со спины на живот.

— Нам нечего скрывать от своего народа, — с легкой подначкой в адрес засмущавшейся юной подруги сказала Наташа.

Из рощи выкатился на пирс тяжелый «БМВ»-одиночка, ведомый Шульгиным в пропыленном и выцветшем камуфляже, с закатанными до локтей рукавами и с нарочитой небрежностью положенным поперек бака автоматом.

— Приветствую прелестных наяд... Или русалок? — Сашка был не слишком силен в мифологии и сразу же получил от Ирины легкий щелчок.

— Спасибо, хоть хватило деликатности прямо утопленниками не назвать. А вообще-то мы nereиды здесь все...

— Тем более, девочки, тем более. Дозволите изнуренному воину омыть организм в водах Понта Эвксинского? — поинтересовался он, расстегивая рубашку.

— А чего ж? Мы даже и отвернуться можем, — скромно опустила глаза Наташа, одновременно поворачиваясь так, что ее не успевшие загореть груди не увидел бы только следпой. Каковым Сашка Шульгин отродясь не был.

Проплыв метров сто в прохладной, но удивительно легкой и приятной воде, Шульгин лег на спину, чтобы видеть только высокий обрывистый берег, освещенный перешедшим зенит солнцем, и начал думать о простом и вечном — что вот наступил и длится еще один момент в жизни, когда он ощущает себя свободным, ни от кого не зависимым человеком, почти растворившимся в море и небе, и это хорошо, это похоже на счастье, жаль только, что нельзя забыть — это все слишком ненадолго, на десять-пятнадцать минут, а потом все вернется на круги своя, и снова придется жить и действовать в предложенных, хотя и не Станиславским, обстоятельствах.

В это же время Наталья, смахивая прилипшие к груди песчинки, сказала Анне, которая торопливо собирала разбросанные рядом детали туалета и затягивала на талии узкий поясok халата:

— Не суетись. Пойди на пароход и оденься как следует. «Господин генерал» наверняка собирается пригласить тебя покататься. Потом поужинаете в каком-нибудь подходящем месте...

— Мне что, надеть вечернее платье? — Девушка руками изобразила вокруг себя нечто воздушное и летящее.

Наташа вздохнула, состроила удивленно-разочарованную гримаску. Мол, что возьмешь с дурочки...

— Ты в вечернем платье собираешься садиться на мотоцикл? Брюки надень или платье джинсовое, если боком ездить не боишься, но главное, чтобы белье у тебя было широкое...

— ?! — Анна даже не нашла, что ответить, но выражение лица у нее отразило такое возмущенное удивление... Мол, о чем ты говоришь, я не такая!

— Ира, объясни девочке, что она может сохранять любую степень целомудрия почти до бесконечности, но в жизни случается всякое, и тогда рваные колготки и панталоны с

начесом могут очень повредить ее имиджу... — Похоже, Наташа вспомнила нечто подобное из собственной биографии.

— Ирина Владимировна!

— Да правда, Аня, что ты так вдруг вспыхнула? Женщины всегда должна быть во всеоружии...

Им обоим доставляло удовольствие подтрунивать над младшей подругой, одновременно слегка завидуя ей.

— И вообще никогда не забывай главного правила — сама мужчине на шею не вешайся, но и не сопротивляйся слишком яростно, если чувствуешь, что у него серьезные намерения...

— А вы что, думаете, они у него не серьезные? — испугалась Анна.

— Да куда он не денется, — успокоила ее Наташа. — Вот закончится все, и мы вас обвенчаем...

Тут Наталья Андреевна была права. Сашка для себя уже окончательно решил, преодолев иррациональный страх, жениться на Анне. Впервые в жизни ему встретилась девушка, полностью соответствующая его внутреннему идеалу — и внешностью, и умом, и характером. Шульгину даже не верилось, что может быть такое точное совпадение придуманного образа с реально существующим объектом. Он иногда ловил себя на мысли, что случайно так получиться не могло. Но это допущение тянуло за собой такую длинную цепь вопросов, что Сашка предпочитал ее не разматывать.

Более того, сегодня он собирался сделать Анне официальное предложение, но, боясь показаться смешным, тщательно срежиссировал предстоящее объяснение. Саму же свадьбу он намеревался устроить лишь после победы и венчаться хотел не иначе как в Царьграде, в храме Святой Софии, когда над ее куполами вновь вознесутся православные кресты.

А пока он по двенадцать часов в день тренировал на секретном полигоне рейнджеров, предназначенных для проведения абсолютно сумасшедшей, никогда и никому еще не приходившей в голову операции.

Из батальона Басманова он отобрал группу офицеров, выделявшихся даже среди своих товарищей физическими данными, быстрой реакцией, а главное — совсем уже за предельной отчаянностью и отвагой. Цель операции Шульгин пока держал в тайне, но то, что он заставлял проделывать на тренировках, наводило на размышления.

После строжайшего медицинского и психологического

отбора из первоначально намеченных им сорока с лишним самых-самых кандидатов осталось двадцать пять. Сашке нужно было только двадцать, пятеро составляли резерв на случай каких-либо неожиданностей, неизбежных в таких делах.

Для начала каждый офицер совершил по пятнадцать парашютных прыжков. Первые три нормальные спортивные, с «Ильи Муромца» и с километровой высоты, а остальные уже боевые. Из кабины истребителя, с вертолета, затяжные и со сверхмалых высот. Отрабатывалась и стрельба из-под купола по мишеням, стационарным и движущимся.

Кроме того, ежедневно Шульгин устраивал кроссы с полной выкладкой на десять, потом и двадцать километров. Гонял своих людей по штурмовой полосе сначала в полевой форме, а потом и в бронежилетах и касках.

Вывозил на берег моря и заставлял плавать на скорость и дальность, нырять на десятиметровую глубину.

И постоянные тренировки в стрельбе, рукопашном бое, подрывном деле.

Самые опытные и сообразительные из рейнджеров не могли понять, к какому конкретному делу они готовятся. На коротких привалах и по вечерам по этому поводу высказывалось немало предположений — от логичных до совершенно абсурдных. Слишком разнообразные, подчас взаимоисключающие упражнения они отрабатывали. Самое главное — не наблюдалось в ближней перспективе войны, на которой могли бы пригодиться их умения и навыки.

Добровольцы из линейных полков русской армии, отправившиеся в Турцию, участвовали в обычных, не слишком даже напряженных боях против греков, чьи воинские таланты вызывали у прошедших германскую и гражданскую войны бойцов лишь пренебрежительный смех. О возможном полномасштабном вмешательстве в боевые действия пока не говорилось, но и в таком случае вряд ли и суперэлитный, но всего лишь взвод сможет оказать решающее воздействие на исход кампании.

— Может быть, нас собираются отправить в Стамбул султана живьем захватить? — предположил кто-то во время последнего перед сном перекура.

— Кому он сейчас нужен? Вроде нашего Николая в семнадцатом.

— Значит, просто по тылам погулять, штабы громить и связь резать...

— Это мы и так давно умеем, без всякой дополнительной учебы, всем батальоном.

— Опять в Москву, еще раз Кремль брать?

Такую мысль отвергли без обсуждений, в силу полной ее бессмысленности. Еще через две недели Шульгин придумал нечто новенькое, но на фоне прочих упражнений специального интереса не вызвавшее. Группами по пять человек офицеры грузились в вертолет, который стремительно снижался над нарисованным посередине аэродрома кругом диаметром в десять шагов, зависал на двадцатиметровой высоте, и десантники, пристегнувшись к тонкому капроновому тросу, должны были бро саться в пустоту, целясь в центр мишени. Барабан лебедки плавно тормозил в заданный момент, и удар об землю выходил не сильнее, чем при обычном парашютном прыжке. Отстегнутая подвесная система взлетала вверх, где в проеме двери уже ждал ее следующий рейнджер.

Шульгин с секундомером руководил прыжками, добиваясь, чтобы десантирование занимало не более трех минут.

Главная трудность и опасность операции заключалась в том, что при слишком быстром снижении или «просадке» зависшего вертолета тормоз не успеет сработать, и рейнджер в лучшем случае переломает ноги. Поэтому в пилотском кресле сидел за штурвалом робот, способный выдержать режим до секунды и миллиметра, а в случае чего успеть «поддернуть» вертолет.

Когда точность и скорость прыжков удовлетворила Шульгина, он усложнил задачу. Теперь высаживаться нужно было не на землю, а на площадку десятиметровой вышики.

Это вызвало новый поток гипотез. Большинство аналитиков сходились на том, что командир готовит их к захвату какой-нибудь скалы, а еще вероятнее — к десанту на крышу небоскреба.

— Так, может, все-таки действительно султан?..

— А если Эйфелева башня? Или Вестминстер?

Впервые за три недели тренировок Шульгин предоставил своему отряду выходной. Что совпало с возвращением «Валгаллы» и распространившимся по городу слухом о сражении с английскими эсминцами.

При том, что население и флот почти единодушно одобряли решительность и смелость Воронцова, мнения о последствиях полярно разделились. Многие считали, что британцам придется утереться, никто ведь не отменял закон о свободе мореплавания. Но те, кто лучше знал неукротимые амбиции сынов туманного Альбиона, предостерегающе поднимали палец: «Они этого так не оставят. Войны начина-

лись и по меньшим поводам» — и ссылались на исторические прецеденты, от Фашоды до Агадира. В собственно российской истории примеров злобного коварства и «обидчивости» англичан тоже имелось достаточно. Да вот хотя бы и Синоп...

По всем этим причинам Шульгин и решил устроить Анне маленький праздник. А то ведь кто его знает, даже ниндзя смертны, а в грядущей войне шансов поймать свою пулю или осколок снаряда будет предостаточно.

Пока он нежился в волнах, а потом обсыхал под солнцем и легким теплым бризом, Анна успела привести себя в порядок. Она шла по берегу, переодевшись в голубенькие, чуть расклешенные джинсы, белую рубашку-апаш и короткую лайковую курточку, со спортивной сумкой на плече. Ее вполне можно было принять за обычную московскую студентку, на днях вернувшуюся из турпоездки за бугор по путевке «Спутника». Неужели всего полгода назад это была худая бледная барышня с настороженным взглядом, одетая в ужасное грязно-серое платье почти до пят и немыслимые шнурованные ботинки?

— Я готова, мон генераль. Куда мы едем? — И как-то эдак повела плечами, словно предлагая полюбоваться и оценить ее фигуру и наряд.

— Немного покатаемся по городу, ну а потом... Сюрприз.

Пока Анна усаживалась на высокое пружинящее заднее седло, а Шульгин, упираясь каблуками в песок, поигрывал манжеткой газа, Ирина успела ему подмигнуть с многозначительной улыбкой и сделала рукой неуловимый жест. Мол, все будет в порядке, только не зевай.

Сашка резко газанул. Анна взвизгнула, вцепившись в круглую обтянутую гофрированной резиной ручку, мотоцикл выбросил струю дыма и веер песка, взревел и через минуту уже скрылся в лесу.

— Может, наконец что-нибудь у них получится, — с надеждой сказала Ирина, глядя на опустевшую дорогу. — А то я заметила, последнее время наш новый мичман Володя уж больно внимательно на нее засматривается...

— Не знаю даже, что тут лучше, а что хуже. Вдруг как раз с ровесником и современником Аньке больше повезло бы, — ответила Наташа, помня собственный печальный опыт, когда она предпочла двадцатитрехлетнему лейтенанту Воронцову гораздо более «перспективного» дипломата.

— Нет, — тряхнула головой Ирина, — со своими ей уже лучше не будет, она нашей цивилизацией и образом жизни успела отравиться. Это как тебе сейчас за бывшего одно-

классника, который в колхозе трактористом работает, замуж выйти... Может, и любовь будет, а жить не сможешь.

— Не знаю, не знаю, — вновь с сомнением повторила Наташа.

Севастополь весны двадцать первого года удивительным образом отличался от того города, каким он был в двадцатом, когда Шульгин с друзьями впервые ступили на его набережную восемь месяцев назад. И дело совсем не в том, что тогда это была столица крошечного остатка русской земли, заполненная десятками тысяч испуганных, теряющих последнюю надежду беженцев и толпами деморализованных, не желающих больше воевать солдат и офицеров, а сейчас — нормальный портовый город, военно-морская база огромного по европейским меркам, площадью и населением вдвое большего, чем Франция, уверенного в своем будущем государства.

И даже не в том, что изменилась психологическая атмосфера и люди теперь выглядели спокойными, сытыми и довольными жизнью. Это вообще был какой-то другой город. Пролившийся на Югороссию золотой дождь, превышающий своей стоимостью довоенный бюджет всей Российской империи, превратил Севастополь в странный гибрид Венеции эпохи дождей, Одессы времен порто-франко и Кувейта или Сингапура конца XX века.

Многие беженцы разъехались по домам — в Киев, Харьков, Курск, Ростов, Царицын, Полтаву. Люди, чьи родные места остались под большевиками, но склонные к более спокойной и размеренной жизни, тоже предпочли перебраться в губернские и уездные города материковой части новой России, а сюда нахлынул народ активный и склонный к коммерции и авантюрам. Нюхом и инстинктом очень многие чувствовали, где бьет золотой фонтан, и спешили урвать от него свои несколько капель. И богатые крестьяне ближних губерний везли и везли поездами и гужевыми обозами свою продукцию: хлеб, мясо, колбасы и сало, битую птицу, овощи и фрукты на пропитание стотысячного города и возрождающегося флота.

Клондайк не Клондайк, но что-то вроде этого. Невзирая на греко-турецкую войну, проливы были открыты, и в Крым шли пароходы с товарами из всего Средиземноморья, из Англии и даже из Америки. Югороссия покупала все: мануфактуру, обувь, заморские деликатесы, коньяки и вина, мебель, стройматериалы, станки и машины. Премьер Криво-

шеин уже подумывал, не пора ли вводить защитительные таможенные тарифы, чтобы потоки импорта не утопили только начинающую отходить от четырехлетнего шока отечественную промышленность. А главным коммерческим портом вновь сделать Одессу, вернув Севастополю его историческую роль.

А еще одной приметой нового Севастополя было стремительное распространение невиданных, взявшихся как бы ниоткуда мод, обычаев и нравов. Они шли и от ближе всех прикоснувшихся к «цивилизации» басмановских офицеров, от дам местного полусвета, хватавших на лету все, что исходило от щедро соривших деньгами, раскованных и мужественных рейнджеров, от довольно часто появлявшихся в обществе женщин с «Валгаллы». Чтобы ускорить модернизацию вновь формируемого общества, Новиков даже наладил в типографии парохода выпуск стилизованных под парижские и лондонские светских журналов.

И теперь офицеры врангелевской армии все чаще щеголяли в камуфляжной форме, подчас самых диких расцветок, которую наладились шить здешние портные, девушки и женщины помоложе и порешительнее, хоть и не созрели еще до мини-юбок, но колени открывать почти не стеснялись, стали входить в моду джинсы, ткань для которых красили несколько частных заводиков. В бесчисленных трактирах и ресторанах оркестры исполняли танго, фокстроты и блюзы, лет на пять, а то и тридцать пять опережая грядущую европейскую моду. Появились первые барды, поющие под гитару «белогвардейские» песни Звездинского, Новикова и Розенбаума, кое-где звучали уже и Высоцкий с Галичем. Шульгин тщательно отбирал и запускал в обращение соответствующий месту и времени репертуар.

На следующем этапе своего «прогрессорства» друзья планировали открыть круглосуточную радиостанцию навряд ли «Маяка» и запустить в продажу бытовые радиоприемники, хотя бы класса трехлампового «Рекорда» поначалу.

А где-то во Франции жил эмигрировавший в девятнадцатом году инженер Зворыкин, который через два года изобретет первый телевизор. Неплохо бы разыскать его, вернуть на родину и кое-чем помочь.

Югороссия стремительно вступала в эпоху модернизации, похожей на ту, что пережили в следующий исторический период Эмираты или шахский Иран.

И никого не интересовало, откуда что берется. Уставшие за бесконечные военные годы, жители Севастополя и всего Крыма просто радовались, что кончились скудость и нище-

та, что снова, как «при царе», все есть и все можно купить. Бумажных денег и золота здесь обращалось столько, что при малейшей деловой смекалке за пару месяцев можно было сколотить приличное состояние. Практически ни на чем, кроме сообразительности и легкого коммерческого риска. Что же касается ранее невиданных предметов обихода, так за первые два десятилетия века на человечество обрушилось столько новшеств, от самолетов, радио и ядовитых газов до безопасной бритвы «Жиллет» и граммофона без трубы, что оно по привычке естественным образом воспринимало все что угодно.

Потому и тяжелый мотоцикл с сидящей за спиной Шульгина Анной никого особенно не удивил. Цеплялись за них взгляды в основном завистливые, точно такие же, что провожали бы на улицах брежневской Москвы парочку на «Хонде» или «Судзуки», упакованную в крутую фирму.

Покрутившись по улицам, показав себя и посмотрев на людей, Сашка остановился возле известного ему уютного приморского ресторана.

Кухня там была очень приличная. На эстраде играл оркестрик из двух скрипок и виолончели, далеко внизу синело море, посетителей по причине отдаленности от центра было ровно столько, сколько требовалось, чтобы заведение не выглядело прогорающим. Девушка много смеялась, оживленно поддерживала беседу, но Сашка чувствовал в ней внутреннюю напряженность. Он не знал, о чем разговаривали с младшей подружкой опытные и оттого немного циничные дамы. Просто ощущал, как Анна нервничает. Догадывается, что он собирается с ней объясниться? Или, наоборот, боится, что этого не произойдет?

Да и самому Шульгину было немного не по себе. Слишком давно не приходилось испытывать серьезные чувства к красивой и одновременно наивной девочке. Пожалуй, со старших классов школы.

Он даже не совсем уже помнил, как с такой следует себя вести. Может быть, поэтому и старался при каждом удобном случае уехать от Анны подальше для выполнения очередного «особо важного задания».

Обед закончили мороженым, кофе и рюмочкой коньяку. (Слава богу, что ГАИ здесь еще не существовало.) Шульгин подозвал официанта, типично ярославская внешность и ухватки которого говорили, что в прошлые времена он наверняка трудился половым в одном из московских трактиров. Расплатился хрустящей десятирублевкой с портретом гене

рала Маркова (новые, свободно конвертируемые банкноты Югороссии, номиналами и цветом соответствующие дореволюционным, несли на себе изображения павших в боях героев белого движения).

Выехали на приморское шоссе, вместо будущего асфальта покрытое кое-как прикатанным щебнем. Разогнаться на нем было невозможно, да оно и к лучшему. Виды вокруг открывались настолько красивые, что на тридцатикилометровой скорости ими только любоваться, не опасаясь на крутом серпантине улететь вниз и не жмурясь от встречного ветра. Справа — море, слева — покрытые густым синева-зеленым лесом склоны гор. Редко-редко встретится на пути телега или пароконный экипаж. И вдруг — как вестник прогресса — дымит навстречу открытый двадцатиместный автобус из Ялты. Пассажиры — как марсиане в круглых очках-консервах, выдаваемых фирмой вместе с билетом.

Руль упруго толкался в обтянутые черной кожей ладони, напоминая Сашке совсем другие времена, когда они с друзьями гоняли к морю на единственно доступных любителям двухколесной езды классных мотоциклах — двухцилиндровых «Явах».

Не доезжая Симеиза, Шульгин повернул налево по не приметной просеке в дремучем буковом лесу.

Сразу стало прохладно, густо запахло прелыми прошлогодними листьями. У подножия высоченных, двух- и трехобхватных деревьев затаился зеленоватый полумрак, хотя солнце только еще собиралось садиться за ближний хребет.

Он решил провести уик-энд (не последний ли в жизни?) на даче не слишком знаменитого, но вполне состоятельного петербургского писателя, не разграбленной во время недолгого правления коммунистов в девятнадцатом году по причине удаленности и от Ялты, и от Севастополя, а сейчас находящейся в доверительном управлении зависимого от Шульгина по некоторым причинам ялтинского градоначальника.

Дорога пошла по узкому скальному карнизу, шириной едва-едва достаточной, чтобы могли разъехаться два экипажа, слева склон уходил вниз отвесно на сотню и больше метров, крутизна подъема моментами становилась такая, что даже мощный мотор тянул только на второй скорости, а частые повороты серпантина стали нервировать и Шульгина.

Анна же постоянно закрывала глаза и тихонько взвизгивала на особенно крутых виражах.

«Богатый мужик был, однако, — думал Сашка. — Не

считая самой дороги, сколько нужно было за одну перевозку стройматериалов заплатить...»

Он заранее предупредил о своем приезде, и, когда «БМВ» остановился у крыльца, навстречу вышел пожилой мужчина в выцветшем мундире чиновника лесного ведомства.

— Александр Иванович? Давно жду. Дом в полном порядке, насколько это сейчас возможно. Отдыхайте. Я вернусь в понедельник утром. Пожелаете уехать раньше, запирайте двери на висячий замок, а ключик соизвольте положить под крыльцо. — Он показал, куда именно. — Провизию ваши люди привезли, сложили в чулане возле кухни и в леднике, дрова напилены и наколоты. Если уютно, печку могу растопить. А в гостиной камин-с...

— Благодарю, мы сами. — И протянул полусотенную. Сторож или, возможно, даже и лесничий с достоинством, но проворно сунул ее в карман. Не передумал бы пускающий девчонке пыль в глаза богатей. За такие услуги и трешки за глаза довольно.

Смотритель забрался в запряженные грустной соловой лошадью беговые дрожки, чмокнул губами, встряхнул вожжи и, сопровождаемый тихим клацаньем подков по кремнистой гальке, удалился под сень начинающего зеленеть леса.

Внутри высокой ограды из дикого камня, на участке примерно в тридцать, выражаясь по-современному, соток, стоял аккуратный белый двухэтажный домик с широкой деревянной верандой по фасаду, двумя балконами по торцам и ведущими на них деревянными лестницами с резными перилами.

И глухая тишина, нарушаемая лишь шумом ветра в кронах разлапистых реликтовых сосен, араукарий и ливанских кедров.

Между тяжелыми стволами деревьев затаилась мгла, такая, как на картинах Васнецова и Шишкина, тем более что солнце почти село, ощутимо потянуло холодом с гор, и не понять сразу, озноб пробежал по коже от естественного понижения температуры или от сказочного пейзажа вокруг.

В высокой траве угадывались следы бывшей здесь, наверное, еще до четырнадцатого года крокетной площадки, на серых покосившихся столбах поскрипывали под ветром никому давно не нужные качели и «гигантские шаги» с оборванными веревками.

— Вот, Аня, целые сутки мы здесь одни. Море мне, признаться, надоело. Подышим горным воздухом, погуляем в чаще, поохотимся, если придется... — С этими словами Шульгин отстегнул от мотоцикла твердые кожаные пеналы, где,

кроме пятизарядки «браунинга» с патронами, имелся и модернизированный «ППС», и еще кое-что, нужное в хозяйстве в это беспокойное время. — Пойдем посмотрим, что тут для нас приготовлено...

Шульгин понимал, что с психикой у него, как и у всех вообще друзей, давно беспорядок, однако проще было уступить явным проявлениям невравствения, нежели бороться с ней дополнительными усилиями воли. Поэтому он обошел по периметру территорию усадьбы, внимательно отмечая все места, откуда возможно внезапное вторжение неприятеля. Вряд ли в Крыму имеются сейчас специалисты, которые способны были засечь его внезапный отъезд и проследить маршрут, но чем черт не шутит?

Сашка достал из седельных сумок моток тонкой проволоки, изготовил несколько растяжек поперек ведущей к даче дороги и повесил к ним фотоимпульсные гранаты. Такие же ловушки он устроил на наиболее пологих выходах с обрыва. Если кто-нибудь ночью попытается проникнуть на террасу, ослепляющий и оглушающий шок ему обеспечен.

С некоторым даже самоуважением Шульгин подумал, что у него хватает здравомыслия ограничиться только этим, а не окружить виллу настоящими боевыми фугасами.

Но все же... Разве можно так жить, постоянно готовясь убивать или быть убитым? То ли дело безмятежные годы до начала космической заварушки. Пришел бы он сейчас домой из своего института, выпив по дороге пару кружек пива, а там... Ну, в самом лучшем случае сел к телевизору, надел старые тренировочные штаны, и принял бы посмотреть программу «Время» или «Ленинский университет миллионов». Соседские мужики могли позвать чинить застучавший клапанами «Запорожец» и в гараже еще вмазать по стаканчику. А если бы жена вернулась из театра не в духе...

И вот это была вся его жизнь? И такой бы тянулась до пенсии и до могилы?

Шульгин вдруг вспомнил, как в новогоднюю ночь 1980 года они с Андреем решили записать свой прогноз на пять лет вперед. С обычными у футурологов разделами: «Внешняя политика», «Внутреннее положение в стране», «Техника» вообще и «Военная техника», «Научный прогресс», «Личная жизнь»... Написали, заклеили в конверты и спрятали, договорившись вскрыть на встрече восемьдесят пятого. Не успели немного... А что он там предсказывал? Медленное экспоненциальное движение, никаких открытий, никаких проры-

вов, осложнения на Ближнем Востоке и в Иране, серое растительное существование без надежд и озарений... А про них самих? Он не предвидел ничего, кроме возможного продвижения по службе на одну-две ступеньки... Ну, еще, кажется, собирался засесть за докторскую. Так все и было, пока за полгода до назначенного срока не покатилося так стремительно, что, действительно, ни в сказке сказать, ни гонораром оплатить...

Он вернулся к веранде, где оживленная и энергичная Анна уже сложила костер из валяющихся вокруг в изобилии сухих до звона сосновых сучьев. По мере того как гигантские реликтовые деревья продолжали, обгоняя друг друга, стремиться к небу, нижние ярусы ветвей отмирали и сами собой падали вниз, на покрытую полуметровым слоем хвои землю.

Только яркие языки пламени дали понять, как незаметно и быстро вокруг потемнело. Все же апрель — не июль.

Смешно, но Шульгин боялся того, что сегодня, по всем расчетам, должно было случиться. Он привык к совсем другой, безответственной, только ему принадлежащей жизни, и связать сейчас себя чем-то вполне конкретным по отношению к этой наивной девочке...

Стоит ли? Он начал, чтобы отвлечься и дать себе время для размышлений, собирать дрова в пределах освещенного дрожащим оранжевым пламенем костра круга. Натаскал целую кучу, достаточную, чтобы поддерживать огонь до утра. Сел на обрубок бревна, прикурил от головешки. Анна тут же пристроилась рядом, привалилась спиной к его плечу.

Словно на танцах в девятом классе, он сделал инстинктивную попытку отстраниться.

— Шашлык будем жарить? — спросил Сашка, чтобы о чем-то говорить.

— Если хочешь, — ответила Анна. Ей было хорошо. С замиранием сердца она тоже ждала неизбежного. Только, в отличие от Шульгина, связывала с этим неизбежным какое-то немислимое счастье.

— Значит, будем.

Пока на шампурах трещала молодая замаринованная в сухом вине баранина, спереди лица обжигал сухой жар костра, а спины холодил выползающий из леса сырой туман, они сидели обнявшись, и Шульгин неизвестно зачем расска-

зывал, как в семьдесят четвертом году чуть не замерз в тайге, заблудившись в поисках далекого леспромхоза. Он тогда работал на «Скорой помощи». Поступил вызов. Пять человек тяжело пострадали от взрыва самогонного аппарата. Шофер Серега Слесарев тоже был навеселе и свернул не на ту просеку...

Вряд ли девушка понимала смысл долгого занудного рассказа с ничего не значащими для нее реалиями неизвестной жизни. Да и не вслушивалась скорее всего. После двух рюмочек коньяку она развеселилась, шашлык, которого в предыдущей жизни ей есть не приходилось, тоже был восхитителен, о коммунистической Москве, где они с матерью голодали два года, совсем не вспоминалось.

Главным было твердое мужское плечо рядом, стиснувшая поляну ночь, пляшущие языки пламени над голубоватыми раскаленными углями и смутно белеющая стена дачи напротив, где в уютной спальне на втором этаже должно случиться «то самое»...

Выскользнув из-под Сашкиной руки, Анна вроде бы по неотложному делу убежала в дом, с электрофонариком поднялась по винтовой лестнице в спальню и разобрала постель. Чтобы, когда придет время, не отвлекаться.

Хотела было вернуться обратно, а потом вспомнила уроки Натальи Андреевны и подумала: «Зачем?»

Быстро сняла так и не ставшую по-настоящему привычной одежду, достала из сумки длинную шелковую ночную рубашку.

Легла в просторную мягкую постель, придвинула к изголовью табуретку с керосиновой лампой и стала ждать, закинув руки за голову и глядя в высокий дощатый потолок.

Должен же он догадаться... Если придет в ближайшие десять минут — все будет хорошо.

ГЛАВА 13

Ситуация с «Валгаллой» парадоксальным образом зеркально отражала то, что произошло в четырнадцатом году с «Гебеном» и «Бреслау». Английский флот пропустил тогда из Средиземного моря в турецкие проливы два германских крейсера исключительно с целью осложнить военное положение России и не позволить ей в первые же месяцы войны захватить Босфор и Константинополь. Это было названо британским адмиралтейством «стратегической ошибкой», в

результате которой Черноморский флот вместо активных операций был вынужден два с лишним года тратить все свои силы на защиту внутренних коммуникаций и безуспешные попытки перехватить «Гебен», который один по огневой мощи был равен всей русской бригаде линкоров, а по скорости превосходил любой из них почти вдвое. Оставаясь под немецким командованием, крейсера формально были проданы Турции. «Валгалла» же, находясь в Черном море, наоборот, считалась собственностью Воронцова и плавала под флагом САСШ, так что и Колчак, и врангелевский МИД имели полное право отвергать любые претензии британского верховного комиссара в Стамбуле. Да, некоторые российские учреждения и частные лица фрахтуют означенный пароход для перевозки тех или иных грузов, однако никакое ответственности за поведение его капитана и владельца в открытом море не несут и нести не могут. Вот если он нарушит законы Югороссии, находясь на ее территории, то, безусловно, будет нести определенную, означенную законами ответственность. Но ни в каком ином случае. Все, возможно, и справедливые, претензии следует адресовать только и исключительно госдепартаменту Северо-Американских Соединенных Штатов.

На всякий случай нота, впрочем, довольно мягкая (правительство его величества прекрасно понимало реальный расклад сил на мировой арене), была вручена британским послом госсекретарю САСШ, на что последовал незамедлительный ответ: «Америка — свободная страна, и ее законы не предполагают ответственности правительства, президента или конгресса за действия граждан, хотя бы они и ущемляли интересы третьих стран или частных лиц. Все спорные вопросы могут и должны решаться в суде в порядке частного обвинения. В том случае, если действия граждан САСШ на территории Соединенного королевства (и только там) будут признаны судом преступными и указанные лица скроются после вынесения приговора на американской территории, то может быть рассмотрен вопрос об их экстрадиции». (Каковых прецедентов, впрочем, до сих пор не наблюдалось.)

Таким образом, круг замкнулся. Как бы вне связи с вопросом о судьбе «Валгаллы» Югороссия довела до сведения Лиги Наций и всех морских держав, что в связи с окончанием гражданской войны и нормализацией международной обстановки ширина территориальных вод Югороссии устанавливается в двенадцать морских миль, что соответствует закону Российской империи от 10 декабря 1909 года.

Ответом на это была довольно резкая нота Англии о том, что она никоим образом не может признать никакой границы территориальных вод, превышающей три морские мили.

На следующий день последовала новая, заранее заготовленная нота Югороссии, в которой доводилось до сведения правительства его величества, что русское правительство «исходит из того основного положения международного права, что прибрежное государство всегда имеет право объявить находящейся под ее контролем ту полосу береговых вод, которую оно способно защищать с берега. Применение югоросским правительством в настоящее время двенадцатимильной зоны, с одной стороны, отнюдь не противоречит международному праву, а с другой — вполне обосновано современным состоянием военно-морской техники».

Обе стороны прекрасно понимали, что спор имеет чисто схоластический характер и не может быть разрешен даже международным судом в Гааге, однако практически он давал Воронцову и Колчаку возможность достичь наконец цели, к которой они стремились.

Через свою агентуру в адмиралтействе Сильвия получила информацию, что адмирал де Робек намерен предъявить Врангелю ультиматум с требованием выдачи скрывающегося в Севастополе парохода «Валгалла», который обвиняется в предательском потоплении одного и тяжелом повреждении другого эсминца, выполнявшего приказ о блокаде турецкого побережья. Следствием этого беспрецедентного нарушения законов о войне на море явилась гибель ста тридцати девяти британских моряков и не поддающийся учету материальный и моральный ущерб. В случае отказа русского правительства выдать пиратов захват парохода может быть произведен с применением силы, независимо от его местонахождения.

В нормальных условиях такой ультиматум мог означать объявление войны.

Леди Спенсер сообщила также, что после известных событий, когда главные координаторы организации погибли при взрыве в «Хантер-клубе», а вся агентурная сеть в РСФСР и Югороссии арестована или ликвидирована совместными усилиями ГПУ и врангелевской контрразведки, «Система» основательно выбита из колеи, потеряла чувство реальности и движима сейчас слепой жадой мести, а не холодным расчетом. Поэтому считает интервенцию полностью оправданной и всеми силами подталкивает к ней правительство и парламент.

Экстренное заседание военного совета в Харькове приняло решение на ультиматум в случае его получения не отвечать и привести армию в предмобилизационное состояние.

На Черноморском флоте была объявлена готовность номер два.

Колчак, впервые познакомившись с результатами модернизации броненосцев, был более чем удивлен. Прежде всего ему даже не могло прийти в голову, что возможна установка на кораблях такого класса дизельных двигателей. До сих пор они использовались только на подводных лодках и катерах-испытателях. Не менее поражали и сроки.

— Вот это, ваше высокопревосходительство, и есть американский способ организации производства, — сообщил ему Воронцов. — Главная заслуга в успехе нашего предприятия принадлежит госпоже Седовой, выдающемуся корабельному инженеру, много и плодотворно работавшей на верфях фирмы «Вильям Крамп и сыновья», и госпоже Воронцовой, специалисту по артиллерийским и радиоэлектронным системам. Считаю, что их труды заслуживают поощрения.

— Женщины — корабельные инженеры? Никогда не слышал о подобном.

— Отчего же нет, Александр Васильевич? Эмансипация. Математик Ковалевская, физик Склодовская-Кюри... Наверное, можно вспомнить и другие имена. Кавалерист-девица Дурова, наконец. Не думаю, что кораблестроение намного сложнее, скажем, медицины, в которой женщины работают давно и успешно.

— Для меня так медицина куда сложнее, — вздохнул адмирал. — И как же вы предлагаете наградить этих выдающихся дам? Хотел бы с ними лично познакомиться.

— Думаю, равнодушным вы не останетесь. Орден Владимира с мечами?

— Почему с мечами, он ведь дается только за подвиг на поле боя?

— После сражений, которые мы, надеюсь, выиграем, их заслуга будет не меньшей, чем у тех, кто пойдет на восстановление и перевооруженных броненосцах в бой...

— Посмотрим, посмотрим. Представьте мне этих женщин.

— Сегодня же, Александр Васильевич. Они сейчас заканчивают наладку системы управления огнем на «Иоанне».

Перед тем как знакомиться с Ириной и Натальей, Колчак пожелал испытать на ходу «Евстафий».

Этот сравнительно новый по срокам вступления в строй (1910 год) броненосец преддредноутного типа безнадежно устарел морально еще к началу мировой войны. Вооруженный четырьмя двенадцатидюймовыми пушками главного калибра, четырьмя восьми- и двенадцатью шестидюймовками, он мог бы достойно проявить себя в русско-японской войне, на которую опоздал, и был достаточно хорош против еще более старых турецких броненосцев «Торгут Рейс» и «Хайреддин Барбаросса», однако при встрече с «Гебеном» был обречен на поражение и гибель. Только соединенный отряд из пяти русских линкоров (по классификации 1907 года) смог в бою у мыса Сарыч обратить в бегство германо-турецкий линейный крейсер. Однако шестнадцатиузловый ход не позволял ни преследовать противника, ни уклониться от следующей опасной встречи.

«Евстафий» оставил по правому борту Константиновскую батарею и неторопливо двинулся в открытое море, как делал это сотни раз за годы своей напряженной боевой службы. Колчаку на нем в свою первую бытность комфлотом ходить не доводилось, обычно флаг он держал на штабном «Георгии Победоносце», а для боя предпочитал новейшие «Марию» или «Екатерину».

Со стороны могло показаться странным лишь одно — броненосец шел совершенно без дыма, хотя раньше высокие черные султаны над трубами позволяли противнику обнаруживать корабль за много миль.

На малом ходу гул дизелей и вибрация корпуса почти не ощущались, хотя даже и тогда броненосец звуковым фоном, слышимым на мостике, напоминал идущий на подъем тяжелый грузовик.

Лишенный двадцати громадных котлов, колоссальных машин тройного расширения, угольных ям, опреснителей забортной воды и холодильников, «Евстафий» стал легче почти на пять тысяч тонн и сидел в море на полтора метра выше проектной ватерлинии. Для улучшения ходовых качеств и остойчивости Воронцов приказал заполнить кормовые междудонные отсеки, и броненосец приподнялся над водой массивный кованный таран — пережиток австро-итальянской войны 1866 года. После эффектного потопления в Лисском сражении таранным ударом флагмана итальянцев «Ре д'Италия» весь цивилизованный мир пятьдесят лет осна-

★

щал свои корабли этим бессмысленным приспособлением, так никому больше и не пригодившимся, но исправно отнимавшим львиную долю скорости и мощности судовых машин на образование огромного буруна перед форштевнем.

Вышли на мерную милю, и с позволения адмирала Воронцов передвинул ручки машинного телеграфа на «Полный». Вахтенный штурман, уже ходивший на подобные испытания, взял пеленг на створный знак и включил секундомер.

Только тот, кому приходилось сидеть в боевом отделении танка, может представить состояние Колчака, впервые услышавшего звук разгоняющихся на максимальные обороты трех дизелей по пятнадцать тысяч лошадиных сил каждый.

Сам рев моторов был не особенно и силен, но вибрация корпуса и низкочастотный резонанс организма создавали ощущение почти невыносимое. Однако скорость броненосец набирал уверенно, и вскоре адмиралу начало казаться, что он стоит на мостике не неуклюжего грузного корабля, а по крайней мере минного крейсера. Высоко поднятый нос легко всходил на волну, а когда опускался с гулким ударом, то брызги доставали до боевого марса.

Со стороны могло показаться, что громадный корпус броненосца сейчас выйдет на редан, как торпедный катер.

От проникающего под черепную коробку звенящего гула начинали ныть даже корни зубов. Говорят, что на немецких дизельных «карманных линкорах» при полных оборотах вылетали заклепки из корпуса, а у механиков в машинном отделении шла кровь из ушей. Вахтенные же офицеры на мостике обменивались записками, поскольку нормально разговаривать там было невозможно.

Штурман отмахнул рукой с зажатым в ней секундомером. Воронцов тут же дернул ручку телеграфа на «Малый». Гул и грохот почти тотчас же стихли. Стал слышен звук обтекающей корпус волны.

— Двадцать три с половиной узла, господин адмирал, — доложил лейтенант, наскоро произведя в уме вычисления.

— Потрясающе. На семь узлов больше проектной. Но это же совершенно невозможно. Даже получаса такого хода невозможно вытерпеть... Да просто набор корпуса не выдержит, не говоря о барабанных перепонках. — Колчак выглядел более раздраженным, чем обрадованным. Так старые парусные адмиралы не могли смириться с дымящими, пылящими, шлепающими плицами по воде первыми парохрами-фрегатами. Невзирая на все их тактические преимущества.

Воронцов и сам особого удовольствия не испытывал, хоть и имел большой опыт службы именно на дизельных кораблях. Однако вежливо возразил:

— Это ведь был форсаж. При скорости семнадцать-восемнадцать узлов шум двигателей вполне терпимый. А если в бою потребуется дать «Полный», так немного и потерпеть можно. Все-таки лучше грохот дизелей, чем рвущихся на палубе снарядов. И еще, Александр Васильевич, строго говоря, эти старички нам потребуются для одного-единственного выхода в море...

— Вы все-таки настаиваете?.. — как-то обреченно спросил адмирал, хотя все давно было обсуждено и решено. И он не был трусом, подтвердил это своей жизнью и смертью, однако тяжкий опыт трех подряд проигранных войн (японской, мировой и гражданской) ощутимо давил на психику. И ему, начитавшемуся в одиночке Святоотческих откровений, больше всего хотелось сейчас воскликнуть: «Да минет меня чаша сия!»

— Другого выхода нет, Александр Васильевич. Могут только в успокоение вам добавить, что вы видели еще далеко не все приготовленные вашим бывшим союзникам скорпризы.

Адмирал молча махнул рукой в тугой перчатке и отвернулся. Долго, минут десять, молча наблюдал кильватерную струю за кормой броненосца, смотрел на загроможденные шлюпбалками, катерами и вельботами, раструбами вентиляторов, скорострельными пушками шканцы и спардек броненосца. Может быть, представлял, какой здесь начнется крошечный ад после попадания нескольких пятнадцатидюймовых снарядов. Видел уже подобное в Порт-Артуре. И думал, не отказать ли, пока еще есть возможность, от навязываемой ему авантюры.

Потом снова обратился к Воронцову:

— Ну, я все понимаю. Вы решили в очередной раз изменить ход истории. Скорее всего это у вас получится. Но на благо ли это будет?

— Не совсем понял вашу мысль. Любое целенаправленное действие меняет ход истории. Николай II в июле четырнадцатого, когда принял решение о мобилизации, да и вы сами, согласившись возглавить белое движение, изменили ее очень основательно, — прикинулся простаком Дмитрий. — Только удалившись в скит и полностью порвав связь с миром, можно ухитриться никак не влиять на исторические процессы. Да и то... Разве Александр I, превратившись в старца Федора Кузьмича, не повлиял на судьбу России фак-

том своего в ней отсутствия, а также сложившимися вокруг этого легендами? Я говорю, конечно, не об обывателях вроде Акакия Акакиевича, роль которых в мире исчезающе мала, а о людях должного уровня и способностей. И вообще, Александр Васильевич, вы предполагаете, что существует абсолютно детерминированное, как чугун в форму отлитое будущее, которое обязано наступить с непереносимостью восхода солнца, а мы неразумными действиями способны такому помешать? Но если оно предопределено непреложно, так тем более...

— Вы понимаете, о чем я говорю, — отмахнулся Колчак. — Вам трудно это представить, но год одиночества очень способствует прояснению мыслей. Не зря монахи всех вероисповеданий считали уединение и молчание непереносимым условием обретения святости... — Он грустно улыбнулся. — Или хотя бы мудрости. Что касается вашего упрека... Я действительно принял власть, уповав, что такой шаг может помочь спасти Россию... Еще ничего не было решено... Вы же... Вы довольно успешно меняете уже осуществившееся... — Слов у адмирала явно не хватало, прежде ему не приходилось рассуждать о таких предметах, и он нервно комкал в руке перчатку, пытаясь выразить то, что существовало пока лишь в виде смутных ощущений. — Мне кажется, история уже свершила свой суд. Я считаю, что все действительно важное случается не тогда, когда становится очевидным фактом, а намного раньше, когда в жизнь входит непосредственная причина этого. Гражданская война была нами проиграна летом девятнадцатого года. Остальное — лишь затянувшаяся агония. Я исполнил свою партию и... сошел со сцены. Так же и Врангель. На картах все видно. В той обстановке, что сложилась в июле двадцатого, победить он не мог. Однако же... А сейчас...

Воронцов давно знал, что рано или поздно такой умный человек, как адмирал, догадается, осознает невозможность происходящего в России и мире с точки зрения нормальной логики. Но поверить в это не сможет. И будет мучиться, искать разумные объяснения тому, чего объяснить не в силах.

— ...Сейчас, — повторил Колчак, — мы начали какую-то другую историю. Как мало, однако, для такого поворота нужно! Почему людей, подобных вам, не оказалось в России шесть лет назад?

— Они наверняка были, Александр Васильевич. Только вот... Помните, у Прутова: «Каждый человек необходимо приносит пользу, будучи употреблен на своем месте». И мы тоже. Нам пришлось реализовывать свои способности в дру-

гих местах, пока не представилась наконец возможность применить их здесь. Да вот хотя бы и вас взять. Уверен, что за пятнадцать лет вы не особенно поумнели... — Воронцов уловил метнувшееся в глазах адмирала возмущение (в то время в таком стиле говорить с особами его ранга было недопустимо) и тут же поправился: — Я имею в виду, что интеллектуальные способности человека вполне определяются годам к двадцати, а далее идет только накопление жизненного опыта. Так вот, если бы вам довелось оказаться в Порт-Артуре на должности Макарова или Витгефта? Да еще и иметь в составе эскадры хотя бы «Первозванного», «Павла I», да пусть и «Евстафия» с «Иоанном»? Они ведь еще в 1903 году были заложены, с английскими темпами постройки вполне могли к началу войны поспеть...

Колчак задумался лишь на мгновение, потом лицо его просветлело. Словно он решил наконец мучившую его математическую задачу.

— Ну, если таким образом рассуждать... «Янки при дворе короля Артура», сочинение господина Марка Твена. Приходилось почитать. Забавно, забавно. А почему бы и нет, в конце концов?

— Разве что в переносном смысле, — делая вид, что принимает слова адмирала за тонкую шутку, улыбнулся Воронцов. — Человек действует в обществе, уровень развития которого ниже его умственных способностей. Например, испанцы в Америке XVI века. Однако, продолжая литературную тему, гораздо правильнее будет счесть меня и моих друзей некими гибридами из графа Монте-Кристо и профессора Саразена, описанного Жюлем Верном в романе «Пятьсот миллионов бегумы». Не в пример больше сходства, чем с означенным «янки».

Когда броненосец уже входил в Северную бухту, Колчак вдруг спросил Воронцова, как бы возвращаясь к началу разговора:

— А вот что вы мне на такой вопрос ответите? Допустим, меня predetermined ход событий, мы (Дмитрий сразу же отметил это «мы») исправляем историю к лучшему. Прекратив гражданскую войну, спасаем тысячи людей, которые в противном случае обречены были на гибель. Освободив от англичан Константинополь и проливы, предотвращаем большую европейскую, а то и новую мировую войну. Но... — адмирал поднял палец, — ведь при этом мы обрека-

ем на смерть тысячи других людей, которым погибнуть отнюдь не было предназначено. Скажем, тех английских, да и наших моряков, которые пережили минувшую войну, готовятся к увольнению в запас, а по нашей с вами воле снова окажутся в бою. Так нравственно или нет обрекать на гибель одних людей во имя жизни других, которые как бы уже были обречены смерти волею providения?..

И тут Воронцов подумал, а не повредился ли в уме адмирал слегка, сам проведя триста с лишним дней в ожидании казни, читая при этом исключительно духовные писания, причем созданные и двести, и триста лет назад? Религиозная литература иногда может быть полезной, считал он, сам оставаясь убежденным атеистом, хотя бы как болеутоляющее средство, но нельзя же есть анальгин или мепробамат ежедневно и горстями.

— На эту тему вам бы лучше с господином Новиковым поговорить. Он у нас психолог и философ. Я же простой шкипер. Но на войне бывал. Разве там постоянно не приходится делать аналогичный выбор? Когда вы размышляли над картой, какой эсминец и какую лодку послать к Босфору на перехват «Гебена», вы не решали тем самым судьбу конкретных людей? Погибнет экипаж «Жаркого» (а почему не «Жуткого»?) ради того, чтобы немец не потопил на переходе транспорт с войсками, идущий в Батум. Военной целесообразностью вы руководствовались, ваше высокопревосходительство, или соображениями чересчур уж высокой морали?

— Ах! — вздохнул Колчак. — Не поняли вы меня. Я ведь совсем о другом говорил...

ГЛАВА 14

Воронцов специально спланировал предстоящий бой так, чтобы он начался на траверзе мыса Сарыч. Виделся здесь какой-то тайный смысл. Если уж ему не пришлось переиграть Цусимское, а еще лучше сражение в Желтом море 28 июля 1904 года, так хоть здесь взять реванш, в том числе и за бой, который произошел именно в этом месте 18 ноября четырнадцатого года и мог бы увенчаться блестящей победой русского оружия, изменившей весь дальнейший ход войны, но по обычаю последнего полувека судьба оказалась неблагоприятной. Победа уплыла из рук адмирала Эбергарда из-за глупейшего стечения обстоятельств. Дмитрий был с детства склонен к всевозможным историческим аллюзиям.

А адмирал Сеймур, надменный и самоуверенный, как и

большинство британских адмиралов начала XX века, вообщем, что некоторое техническое и гигантское численное превосходство их флотов делает как бы автоматически англичан лучшей морской нацией мира и любой бросающий им вызов обречен не просто на поражение, он должен быть сокрушен, как святотатец.

Причем, что самое забавное, реальность мировой войны на море отнюдь не подтвердила амбиций сынов «владычицы морей». Скорее наоборот, при столкновении с достаточно серьезным противником англичане всегда терпели поражение, иногда условное, как в Ютландском сражении, а иногда и абсолютное, как в Дарданельской операции. И тем не менее скромнее британские флотоводцы не стали.

Впрочем, уж сейчас-то вышедшая из Босфора линейная эскадра, которую Сеймур лично вел к берегам Крыма, могла рассчитывать на великолепную, блистательную победу.

Пять линкоров, островов плавающей стали, без всякой иронии — воплощение технического гения кораблестроителя Уатса и стратегического — адмирала Фишера, окрашенные блестящей оливково-серой краской, имевшие по десять колоссальных 343-миллиметровых орудий, густо дымя угольными котлами, шли на север. «Айрон Дюк», «Мальборо», «Бенбоу», «Эмперор оф Индия» и слегка уступающий им в вооружении и водоизмещении «Центурион».

Их младшие «систер-шипсы», куда более мощные сверхдредноуты средиземноморской эскадры «Куин Элизабет», «Уорспайт», «Бархем» и прочие, вооруженные вообще уже чудовищными пятнадцатидюймовыми пушками, нахватавшись снарядов с Дарданельских береговых батарей и торпед старых турецких миноносцев, два года назад распознались по своим Скапа-Флоу, Сингапурам и прочим разбросанным по миру базам, а эти остались обозначать величие империи в средиземноморских и черноморских водах.

Адмирал Сеймур привык входить во главе своих броненосных эскадр в русские и турецкие порты так, будто никаких международных законов и суверенитетов для него не существовало. Да так оно и было.

Поэтому и сейчас он шел на север, не представляя, что кто-то может бросить ему вызов.

В девятнадцатом и начале двадцатого года британские линкоры вели себя в Черном море отнюдь не как союзники. Они четко ощущали себя оккупантами, арбитрами в споре мелкопоместных князьков. Когда хотели — обстреливали красные войска, подходящие к Севастополю и Новороссийску (но стараясь не наносить им существенного вреда из со-

ображений большой политики), когда начинали изображать нейтралитет — взрывали и топили жалкие остатки белого флота, уводили в Босфор понравившиеся им гражданские пароходы. Снова возвращались, чтобы не оставлять без присмотра набирающего силу Врангеля, и в конце концов бросили его и армию на произвол судьбы, отказавшись принять доведенных до отчаяния людей на свои просторные палубы и подписав тем самым смертный приговор десяткам тысяч.

Та гигантская боевая мощь, что представляли собой пять сверхредноутов, была в этой экспедиции совершенно не нужна. Каждый из линкоров был намного сильнее единственного боеспособного корабля Черноморского флота, легкобронированного и до предела изношенного в походах и боях «Генерала Алексеева» (он же — «Императрица Екатерина Великая»). Но Сеймур решил еще раз показать всему миру, что с Британией не шутят. Окончательно унижить возомнивших о себе русских, под дулами пушек увести из Севастополя «Валгаллу», если потребуется — разоружить последний черноморский линкор и береговые батареи. А на обратном пути в отместку Мустафе Кемалю разгромить Зонгулдакский порт. Ну и заодно потренировать в приближенных к боевым условиям экипажи. За последнее время на флот пришло слишком много не заставшей войну молодежи.

Воронцов вышел в море на «Валгалле». Бестактно было бы мешать Колчаку своим присутствием на мостике и в боевой рубке «Алексеева». Тем более что у него была и своя задача. А план предстоящего боя они отработали со всей возможной тщательностью. Дмитрий буквально заклинал адмирала не поддаваться эмоциям, не отступать от диспозиции ни на шаг, сколь бы заманчивыми ни казались могущие возникнуть по ходу дела варианты. Ну и еще он полагался на постоянную связь, которую должен был поддерживать по радио откомандированный на эскадру мичман Белли.

Подробнейший инструктаж получили командиры и старшие артиллеристы линкора и трех броненосцев, с которыми Воронцов лично провел два десятка занятий на тренажерах и несколько учений с боевой стрельбой. Конечно, невозможно исключить форсмажоры и неизбежные на море случайности, но в целом Воронцов считал, что большего сделать уже невозможно.

Локаторы «Валгаллы» показали, что британская эскадра в строю кильватера идет пятнадцатиузловым экономичным ходом и, сохраняя прежний курс, через полтора часа окажется в расчетной точке.

Отряд Колчака крейсировал на две мили южнее границы

двенадцатимильной зоны. Головным — «Генерал Алексеев», за ним «Евстафий», «Иоанн», «Пантелеймон». Эсминцы «Гневный», «Пылкий», «Дерзкий», «Беспокойный» держались в десяти кабельтовых мористее.

Сама «Валгалла», слегка подрабатывая машинами, лежала в дрейфе пятью милями к осту. Компьютерный планшет в реальном масштабе времени воспроизводил всю оперативную обстановку. На четырех полутораметровых экранах последовательно, слева направо, крупным планом Воронцов и Шульгин могли видеть отдельно русскую и английскую эскадры, картину, передаваемую телекамерами кругового обзора с клотика флагманского линкора Колчака, и внутренний вид боевой рубки «Алексеева». В случае чего можно будет вовремя заметить, если что пойдет не так, и успеть вмешаться.

— Как в народной сказочке, — усмехнулся Шульгин, впрочем, несколько нервно: — «Высоко сажу, далеко гляжу, не садись на пенек, не ешь пирожок...»

— Я бы предпочел, чтобы такая же картинка шла и из сеймуровской рубки, — не поддержал шутки Воронцов.

— Знал бы прикуп, жил бы в Сочи...

— Как там твои орлы, не мандражат? — сменил тему Дмитрий, не отрывая глаз от левого экрана и пристально вглядываясь в изображение идущего головным «Эмперора». Что-то ему там не нравилось. — Видишь? — ткнул он пальцем в район единственной трехной матчи линкора.

— Вижу. И раньше видел. Ничего страшного. Я специально Губанова инструктировал, чтобы как минимум парочку футасок именно сюда положил.

— Хорошо, если так. А то, может, передумаешь? И так справимся.

— Передумать никогда не поздно. По обстановке решать будем. А орлы нормально, в полном порядке. Знают, на что идут...

— Они-то знают, а тебе зачем? Шансов в лучшем случае пятьдесят на пятьдесят. И было бы ради чего...

Шульгин, презрительно скривив губы, раскурил сигару.

— Я как Раскольников. Страсть мне выяснить хочется, тварь я дрожащая или право имею?

— Взрослый мужик, а дурак дураком. Возьми вон лучше, в рулетку сыграй, — кивнул он на Сашкину пистолетную кобурку. — И быстрее будет, и дешевле.

— Слушай, Дим, не дергай ты меня понапрасну. Вот сделаю я это, и тогда все. Никаких вопросов не останется вроде

тех, что Колчак тебе и мы сами друг другу сто раз задавали. Пойду я лучше переодеться...

— Дело хозяйское. Только поверь мне — ничего ты этим не прояснишь и не докажешь. Ни себе, ни другим. И Наполеон, и Гитлер сколько раз на фронте жизнью рисковали, и что из этого?..

Сегодня адмирал Сеймур, сам не подозревая об этом, собирался внедрить в международное право совершенно новый и плодотворный принцип — война без ее объявления таковой. Принцип, получивший развитие в следующие десятилетия и обретший новое имя — вооруженный конфликт. Удачное изобретение. Можно утробить в боях сотни тысяч человек, а потом объявить это недоразумением или провокацией. Сколько их потом было: КВЖД, Хасан, Халхин-Гол, испанские события 1936—1939 годов и бесчисленные операции второй половины века, Ливан, например, или Фолкленды... Но адмирал Сеймур вздумал быть первым.

И вот наконец он увидел в стереотрубу, окуляры которой любезно повернул к нему командир «Эмперора», бледно-голубые на фоне синего неба силуэты русских кораблей.

Адмирал наизусть знал боевой состав любого флота мира, тут он был профессионалом, и обернулся к своим штабистам с несколько даже удивленным видом. В английском языке отсутствуют аналоги русской ненормативной лексики, но если бы удалось адекватно переложить тон и смысл слов Сеймура, то получилось бы примерно то же самое.

— Вы только посмотрите, джентльмены, позади «Екатерины» тащатся их старые жестянки, «Евстафий» и прочие. Он их что, на буксире за собой ведет?

— Очень похоже, ваше lordство. Обратите внимание, над трубами нет дыма... — почтительно согласился ближайший флаг-офицер.

— Я ожидал чего угодно. Что они по опыту Крымской войны вздумают загородить фарватер старыми кораблями, что под прикрытием минных полей попытаются затеять переговоры. Но выходить в море... Флотом у них командует сумасшедший. Если это действительно воскресший из мертвых Колчак, лучше бы ему оставаться покойником...

— Какие будут приказания, адмирал?

— Какие теперь могут быть приказания! Мы входим на севастопольский рейд и посылаем на берег парламентаря...

Вахтенный лейтенант почтительно повернулся к Сеймуру, отводя от глаз бинокль.

— К нам приближается русский дестройер (по тогдашней классификации, эскадренный миноносец, у которого артиллерийское вооружение преобладает над торпедным).

Вахтенному, как всякому нормальному лейтенанту, было интересно все. Он не успел к прошлой войне и сожалел об этом, но сейчас ему посчастливилось попасть в самое начало новой. Он видел вокруг чужое море и чужие корабли, зная при этом, что никто на всем свете не в состоянии противостоять британской морской мощи. Ну что вот этот миноносец, на что он рассчитывает, сигнала своим фонарем сильнейшей сегодня эскадре в мире?

Вспышки «рагьера» были отчетливо видны даже на фоне сверкающего под весенним солнцем неба.

— «Вы приближаетесь к территориальным водам России. Прошу сообщить ваши намерения и имеете ли вы согласие соответствующих властей на посещение Севастополя и иных русских портов?» — прочитал сигнал лейтенант.

— Не отвечать, — коротко бросил Сеймур в окружающую его почтительную пустоту.

— Он пишет еще: «В случае неподтверждения разрешения на посещение русских территориальных вод и портов имею сообщить, что морские силы России примут меры к пресечению нарушения суверенных прав».

— Не отвечать, — повторил лорд Сеймур.

«Беспокойный», сблизившись с головным линкором Британии на десять кабельтовых, переложил руль на правый борт и начал подрезать нос «Эмперору». С верхнего мостика было хорошо видно, что его трехтрубные торпедные аппараты расчехлены и возле них шевелятся матросы, очевидно, готовясь к залпу.

— Боюсь, господин адмирал, что если они сейчас веером сбросят свои девять торпед, то мы не успеем увернуться, — стараясь быть невозмутимо вежливым, сказал командир линкора. Он, в отличие от своего лейтенанта, повоевать успел, причем боевое крещение принял на «Галатее», командуя вторым отрядом легких сил Гарвича, столь блестяще проявившим себя в бою у Доггер-банка.

— Чепуха. Они на это никогда не решатся. Наблюдайте за их броненосцами. Что они думают делать, по-вашему?

— Головной линкор русских ложится на курс сближения. Дистанция семьдесят кабельтовых. В случае торпедной атаки он может поддержать свой эсминец достаточно прицельным огнем. А русские стрелять умеют... — Капитан не добавил: «намного лучше нас», хотя опыт войны показал,

что эффективность стрельбы английских кораблей при Доггер-банке составила один процент попаданий, в Ютландском сражении — немногим более двух процентов, а броненосного отряда Черноморского флота в бою у мыса Сарыч — более двадцати процентов.

— Чепуха! То, о чем вы говорили, было семь лет назад. Сейчас там просто некому уметь... Дайте предупредительный выстрел из носового каземата по курсу дестройера.

В это время «Генерал Алексеев» начал поворот к норду, одновременно обозначая намерение возвращаться в Севастополь и выходя на пересечение курса британского отряда.

152-миллиметровый снаряд левого бакового орудия «Эмперора», сопровождаемый верещанием сорванных направляющих поясков, пошел к «Беспокойному».

Первый выстрел сражения, знаменующего наступление новой эры, был сделан. Вообще двадцатый век прославился отчего-то именно выстрелами, которые резко меняли ход истории. Торпедные выстрелы японских эсминцев на рейде Порт-Артура, выстрел Гаврилы Принципа, выстрел «Авроры», выстрелы эсэсовцев Науйока в Гляйвице, выстрел неизвестной пушки в Майниле, начавший советско-финскую войну... Можно вспомнить и другие. Но вот этот был по-своему особенный.

«Беспокойный», своевременно (движение ствола боковой шестидюймовки) увидев сорвавшееся с левого среза английского линкора белое облачко, резко положил руль влево и включил машины враздрай: правая — полный вперед, левая — полный назад. Поэтому снаряд вспенил высокий фонтан далеко в стороне.

«Ваш курс ведет к опасности!» — мигнул на прощание англичанам его сигнальный фонарь.

— Вот и все, — удовлетворенно буркнул в снежно-белую бороду адмирал Сеймур. — Наполеон был прав: бог на стороне больших батальонов. Сейчас они начнут отход под прикрытие береговых батарей. Однако я все равно не понимаю, зачем они вытащили в море свои никчемные старые броненосцы?

«Не понимаешь — остерегись», — хотел ответить на его вопрос командир линкора, но промолчал. Пока старший начальник на мостике и руководит операций, с ним спорить не стоит. Конечно, по уставу можно потребовать разъяснений о границах полномочий, только зачем?

Сеймур тоже, как оказалось, испытывал смутные опасения.

— Примите левее, — приказал он командиру. — Пристройтесь в кильватер русским. Вдруг они наводят нас на минные поля?

В этот момент кормовая башня «Пантелеймона» окуталась облаком дыма.

Был бы адмирал Сеймур русским флотоводцем, он непременно воскликнул бы нечто более подходящее для изображения на заборе, чем в исторических хрониках.

Два двенадцатидюймовых снаряда легли перед носом «Эмперора» очень близким накрытием. Строго говоря, при тогдашних несовершенных дальномерах и прицелах это можно было считать и попаданием. Теперь тактика требовала перехода на поражение беглым огнем из всех стволов эскадры.

— Боевая тревога, сэр? — спросил командир линкора. До сего момента отряд шел по-походному: башни в диаметральной плоскости, пушки не заряжены и даже не задраены водонепроницаемые переборки.

— Да, черт возьми! Боевая тревога! И пусть начинают молиться своему богу.

Адмирал Сеймур упустил свой единственный шанс. Еще только что он мог бы остаться в истории как заслуженный английский флотоводец, пусть и допустивший небольшую тактическую или политическую ошибку, не сумевший довести до конца определенное предприятие. Но это сохранилось бы только в адмиралтейских рапортах и малотиражных исторических трудах, не интересных никому, кроме специалистов.

Однако адмирал решил иначе. Не поняв, что противник специально вынуждает его на безусловный акт агрессии, Сеймур скомандовал:

— Залп!

Положение английского отряда для открытия огня было самое невыгодное. Действительно великолепные, рационально-красивые английские линкоры с пятью расположенными линейно-возвышенно башнями 343-миллиметровых орудий, с двадцатиметровой пирамидой боевых и штурманских рубок в основании титанической трехногой мачты, на которой размещались самые в то время совершенные командно-дальномерные посты и приборы управления огнем, при таком построении, имея на эскадре пятьдесят орудий главного калибра, смогли ответить на залп «Пантелеймона» всего лишь из четырех стволов двух баковых орудий «Эмперора». А броненосная бригада Черноморского флота могла стрелять по англичанам из двадцати четырех стволов только две-

наддвдцатидюймовых плюс из более чем сорока пушек калибром 203, 152, 130 миллиметров.

Даже один из восьмисоткилограммовых снарядов «Эмперора» при удачном попадании мог вывести из строя старый броненосец (Ленин назвал его когда-то «непобежденной территорией революции»).

Однако легли все четыре снаряда с огромным недолетом. Таблицы стрельбы всегда учитывают три фактора: расстояние до цели, угол, под которым она перемещается, и ее предполагаемую скорость. Вот в третьем параметре англичане и ошиблись. Скорость отряда была определена как четырнадцатидюймовая, на самом же деле русские линкоры уже шли на двадцати.

И в результате громадные всплески поднялись на гофрированной черно-синей поверхности моря совершенно напрасно.

Вот тут адмирал Сеймур и произнес историческую фразу: «Я не намерен связывать себя движением в ту сторону, куда меня будет приглашать противник». Резон в этом, несомненно, был. Сохраняя прежний курс, всего через двадцать минут британская эскадра оказалась бы в зоне действительного огня севастопольских береговых батарей. Кроме того, Сеймур опасался подводных лодок. И хоть было их в составе Черноморского флота всего две после мгновенной гибели «Абукира», «Хога» и «Кресси» от торпед немецкой «U-9», англичане относились к подводной опасности очень серьезно.

— И все равно я не понимаю, на что рассчитывает их командующий... — цедил адмирал сквозь зубы, прижимаясь лбом к каучуковому нарамнику стереотрубы. Он знал, что непонятным образом вернувшийся на свой пост русский флотоводец крайне умен, если судить по его деятельности в мировую войну, и никогда бы не вывел свой жалкий отряд в море на бессмысленный расстрел. Разве только его ослепляет ненависть к предавшим его в Иркутске бывшим союзникам.

— Что вы по этому поводу скажете, коммодор? — обратился он к командиру линкора.

Коммодор Гуденевф был опытным и отважным моряком, командуя отрядом крейсеров в Ютландском сражении, заслужил крест Виктории, но с фантазией у него было не очень. Он не смог подсказать своему флагману единственно верного в этой ситуации решения, потому что тоже не видел других опасностей, кроме мин и подводных лодок. Однако в

разгар дня на глади почти штилевого моря перископ атакующей лодки виден за несколько миль. И он ответил то, что считал наиболее вероятным:

— Крепостное минное поле. Они собираются пройти через него, а потом замкнуть электрическую цепь.

— И я так думаю. Поэтому полный ход. Кроссинг зе «Т».

Сеймур решил предпринять никому, кроме адмирала Того, так больше и не удавшуюся операцию по охвату головы неприятельской эскадры. То есть, имея превосходство в огне и скорости, обойти отряд Колчака со стороны берега, отжимая его в открытое море, где расстрелять сосредоточенным огнем своих лучших в мире орудий сначала «Алексеев», а потом и остальные броненосцы. Впрочем, он благодарен, Колчака он даже уважает и после нескольких хороших попаданий предложит ему спустить флаг.

Форсируя машины, английские линкоры развили предельный для их давно не ремонтируемых машин ход — двадцать узлов. Но расстояние между ними и русскими кораблями сокращалось слишком медленно. Дальномерщикам, вращающим кремальеры своих труб на боевом марсе линкора, показалось, что оно даже увеличивается. Вот когда Сеймур впервые пожалел, что в его распоряжении не оказалось линейных крейсеров. «Дикие кошки» с их почти тридцатиузловой скоростью растерзали бы эти утюги в мгновение ока.

Сеймур еще не замечал, что «Генерал Алексеев» уже переложил руль на зюйд-вест и следующие за ним в кильватер броненосцы сами начали делать то, к чему британский адмирал собирался их принудить.

ГЛАВА 15

«Дерзкий» и «Беспокойный», развернувшись на шестнадцать румбов, дали полный ход, пересекая курс англичан. Вместо мин или глубинных бомб на кормовых рельсовых дорожках миноносцев выстроились большие, как двухсотлитровые бочки, зеленые цилиндры дымовых шашек.

Через несколько минут стена сизо-бурого дыма тридцатиметровой высоты и длиной в две мили перечеркнула море. Поставленная вплотную за кормой «Пантелеймона» завеса как минимум на двадцать минут скрыла от англичан русскую эскадру, поскольку расстояние между отрядами, по дальномерам «Эмперора», составляло в этот момент восемьдесят кабельтовых.

Причем ослепла только британская оптика, а радиолока-

торы русских кораблей продолжали рисовать неприятельские линкоры на экранах баллистических вычислителей.

Штатскому человеку трудно это представить, но громада тридцатитысячетонного корабля от удара снаряда весом едва в шестьсот килограммов содрогается и гудит, как задевшая пальцем басовая струна семиструнной гитары.

А таких снарядов в «Эмперор оф Индия» попало сразу три, с двадцатисекундными интервалами.

У адмирала вдруг задрожали вцепившиеся в поворотный рычаг бесполезной стереотрубы руки. Не только потому, что вибрация корпуса передалась ему через рифленую стальную палубу боевой рубки, но и от нехорошего предчувствия. Он начал догадываться, что процесс пошел неуправляемо.

Воронцов увидел на цветном экране, как вокруг английских линкоров мгновенно выросла целая роща гигантских водяных деревьев с белопенными, подсвеченными оранжевым огнем кронами, а на палубах кораблей блеснули бледные в ярком солнечном свете вспышки.

Он повернул верньер трансфокатора, все поле зрения заполнило изображение «Эмперор оф Индия». Три снаряда с «Алексеева» легли между второй трубой и кормовой башней линкора. Из огромной пробоины в палубе валил густой дым, пронзаемый языками пламени. Ствол левого орудия третьей башни оторвало по самую амбразуру, правое, очевидно, сорванное взрывом с люльки, уставилось в небо под нелепым углом, на месте бортового каземата зияла дыра размером с ворота локомотивного депо.

Анличане сейчас оказались в том же положении, что и корабли эскадры Рождественского. Японцы стреляли по ним английскими снарядами, начиненными мелинитом (шимоза), который по фугасному действию в несколько раз превосходил применяемый русскими артиллеристами пироксилин.

Теперь же Воронцов лично подобрал композитивную пластическую взрывчатку, в несколько раз более сильную, чем гексоген или пентолит, и начинил ею обычные снаряды. В результате снаряд двенадцатидюймовой пушки оказался гораздо мощнее в полтора раза более тяжелых вражеских.

Дмитрий двинул картинку на экране вправо. Горел пораженный двумя попаданиями в центральную надстройку «Мальборо». На «Айрон Дюке» рухнула передняя труба, и густой черный дым расплзался над кораблем. У «Бенбоу» вода заплескивала в огромную пробоину у ватерлинии. Только концевой «Центурион» не имел видимых повреждений.

Он включил рацию и передал на «Алексеев» результат первых залпов.

Под прикрытием дымовой завесы Колчак закончил поворот и уводил свой отряд в открытое море, увеличив ход до предела. Когда дым рассеется, Сеймур будет весьма удивлен маневром русской эскадры.

Напрасно Воронцов опасался, что адмирал в бою потеряет голову и станет совершать вызванные эмоциями ошибки. Колчак был абсолютно, даже неестественно спокоен. Слово воспринимал происходящее как что-то вроде командно-штабной игры. Шульгин был в определенной степени прав, предположив, что его психика повреждена и деформирована не только годичным ожиданием смерти в одиночке, но и всем, что ему довелось пережить начиная с лета семнадцатого года. Но если Колчака и тронула тень безумия, то такого, какое овладело капитаном Гаттерасом: «На Север, на Север, и пусть все катится в ад!»

На штурманском столе лежала карта с нанесенной схемой предстоящего боя. Воронцов спрогнозировал развитие событий на компьютере, исходящее из психологических характеристик Сеймура, его личного военного опыта и стратегических доктрин британского главморштаба, даже с учетом советов, которые ему могут дать ближайшие помощники.

Колчак участвовал в классическом эскадренном сражении всего один раз в жизни, в Желтом море, когда служил артиллерийским офицером на «Аскольде». И помнил бесильное отчаяние при виде бездарных действий адмирала Витгефта. Судьба тогда послала робкому (не в смысле личного мужества, а в способности принимать адекватные обстановке решения) адмиралу уникальный, единственный за всю несчастную войну шанс разгромить японский флот. И он им не смог воспользоваться, предпочел бессмысленно погибнуть.

В распоряжении Колчака сейчас было четыре корабля с двадцатью четырьмя орудиями главного калибра. Их дальность до недавнего времени составляла девяносто кабельтовых против ста двадцати у английских линкоров. Однако после модернизации, при которой Воронцов заменил подъемные механизмы и удлинил амбразуры башен, а также на пятнадцать процентов увеличил пороховой заряд, русские двенадцатидюймовки могли стрелять на те же сто двадцать кабельтовых (21 километр).

И план боя предполагал маневрирование по синусоиде как раз на этой дистанции. Войти в зону действительного огня, дать пару бортовых залпов с интервалом в сорок се-

кунд и тут же удалиться на недоступное английским пушкам расстояние. До следующего зигзага.

Причем штурманам не требовалось в горячке боя производить ювелирной точности расчеты. В поле зрения установленных на командно-дальномерных постах лазерных прицелов при выходе на дистанцию действительного огня вспыхивала малиновая точка. В боевой рубке вскрикивал ревун, старший артиллерист нажимал кнопку «Залп». Воронцов потратил достаточно времени, чтобы отработать процедуру до автоматизма.

Следующий залп Колчак положил со смещением вправо, целясь по замыкающим «Центуриону» и «Айрон Дюку». И добился еще трех попаданий.

Англичане тоже стреляли частыми десятиорудийными залпами через двадцать секунд, окутываясь огромными синевато-белыми облаками. Порох только называется бездымным, на самом деле десятки тонн одновременно сгорающего кордита образуют сотни кубометров дыма, правда, рассеивающегося почти мгновенно.

Но стреляли они наобум, в том направлении, где последний раз видели русские корабли, и снаряды ложились граду-сов на тридцать в сторону и с большими недолетами.

Однако еще несколько минут — и дымовая завеса рассеется, она и так уже стала истончаться, поднимаясь вверх, разрываемая на части посвежевшим ветром. И тогда Сеймур получит шанс на реванш. Его эскадра способна производить сто выстрелов в минуту. Просто по закону больших чисел в ближайшее время в русские корабли может попасть от пяти до десяти чудовищных фугасных «чемоданов».

Так и получилось. На циркуляции один снаряд разорвался на шканцах «Евстафия», второй снес кормовой мостик «Пантелеймона», но взрыватель его не сработал, слишком легким оказалось препятствие. Подсвеченный огнем гейзер встал в сотне метров за правым бортом ветерана.

Воронцов вызвал берег.

Не обращая внимания на протесты офицеров своего штаба, адмирал Сеймур приказал отдраить почти полуметровую броневую дверь рубки и, цепляясь руками за нагретые солнцем поручни, поднялся по трапу на открытую площадку мостика.

Взглянул назад вдоль палубы линкора, и у него сжалось сердце. Подобные разрушения он видел второй раз в жизни.

Примерно так же выглядел линейный крейсер «Лайон» после боя с немецкими кораблями у Доггер-банки. Но там немцам досталось больше, а сейчас игра шла в одни ворота. Сеймур был уверен, что русский флот навсегда прекратил свое существование в качестве полноценного боевого организма, лишившись за годы войны и большинства своих кораблей, а главное — подготовленного личного состава, однако сейчас он так уже не думал.

Конечно, Колчаку несказанно повезло: все три залпа его броненосцев попали в цель. Такого просто не могло быть по теории вероятности, однако вот случилось. Ведь и при игре в рулетку иногда несколько раз подряд выпадает одна и та же цифра...

Сеймур наконец-то ощутил желание плюнуть на все, включая честь британского флага, и выйти из боя. Но тут же представил, какое впечатление произведет на верховного комиссара, офицеров и команды оставшихся в Мраморном море кораблей да и вообще на весь цивилизованный мир вид его избитых, обгоревших кораблей, вернувшихся с «легкой прогулки» к крымским берегам. Такого позора на старости лет ему не пережить.

Сейчас дымовая завеса рассеется, и он бросит линкоры в сокрушительную атаку, расстреляет беглым огнем в упор жалкие русские калоши, дерзнувшие сразиться с лучшим в мире флотом. А если Колчак начнет спускать флаг, адмирал, подобно Нельсону, этого не заметит.

— С норда приближается группа самолетов! — прокричал с компасной площадки сигнальщик.

Капитан Губанов увидел с километровой высоты ломаный строй огромных даже на таком расстоянии линкоров. Он получил команду Воронцова — атаковать четыре вражеских корабля, не трогая пока головного. Смысл такого приказа был ему неясен, обычно основной удар принято наносить по флагману, но, как говорится, начальству виднее.

Вдали, почти у горизонта, виднелась и своя эскадра, направляющаяся к югу. О том, что она движется, можно было судить только по вытянувшемуся за кормой «Генерала Алексеева» шлейфу дыма. Артиллерийский огонь со стороны русских кораблей прекратился, только английские линкоры продолжали регулярно выбрасывать длинные языки пламени из развернутых на левый борт пушек.

— Заходим по порядку бортовых номеров, — скомандо-

вал капитан в ларингофон. — Первая тройка на второй с головы эскадры корабль, вторая на третий и так далее. Бомбим с одного захода, возвращение домой по способности. Над целью не задерживаемся.

Летающие с выпущенными шасси «Чайки», перестраиваясь для атаки, описывали над эскадрой плавную дугу. С высоты было видно, что башни главного калибра прекратили огонь, по мостикам разбегаются расчеты зенитных орудий. После минувшей войны флот научился опасаться воздушного противника, хотя что, казалось бы, значат сравнительно легкие бомбы против колоссальных пушечных снарядов? Впрочем, уже проводились опыты и со сбрасыванием с воздуха торпед.

Губанов выровнял свой истребитель на трехсотметровой высоте, убрал колеса и чуть двинул ручку управления, устанавливая алое кольцо прицела строго по диаметральной плоскости идущего вторым «Мальборо». Навстречу ему захлопали с крыльев кормового мостика и палубы надстройки 76-миллиметровые пушки. Оснащенные примитивными прицелами зенитки стреляли шрапнелью, надеясь не столько попасть в атакующие самолеты, сколько сбить их с курса и заставить сбросить бомбы в море.

Под крыльями каждой «Чайки» было подвешено по десять кассет, снаряженных пятикилограммовыми шариковыми бомбами.

Как только в поле зрения прицела вошел высокий форштень линкора, капитан плавно нажал большую, как донышко стакана, красную кнопку в центре приборного щитка.

Самолет подпрыгнул, освобождаясь от груза, Губанов взял ручку на себя и оглянулся через плечо.

На длинной, как два футбольных поля, палубе «Мальборо» словно розарий внезапно расцвел. На белом деревянном настиле, на серо-стальных мостиках и крышах башен, между трубами, тамбурами люков и шлюпками раскрылись десятки желто-алых пышных бутонов. Они вспыхивали с интервалами в две-три секунды и тут же гасли, оставляя после себя черные пятна копоти. Лишь несколько бомб упало в море, остальные с исключительной точностью поразили цель.

Но так красиво это смотрелось только с воздуха. На самом корабле оценить эстетическую сторону зрелища было уже некому. Тем, кто остался в живых после стремительного пролета «Чайки», показалось, что по линкору пронесся внезапный снежный заряд, какие случаются в приполярных

водах. Только вместо снега он нес тучи небольших, размером с вишню, свинцовых шариков.

Они вонзались в тела артиллеристов, сигнальщиков, матросов аварийно-спасательного дивизиона, тушивших пожар в каземате шестидюймовок правого борта, залетали в смотровые щели рубок и амбразуры башен главного калибра, дробили в хрустальную пыль линзы дальнометров и прицелов.

Вслед за самолетом Губанова, имевшим на киле, там, где изображается номер, нечто странное — тщательно выписанный алой флюоресцентной, так называемой «полярной» краской знак квадратного корня с минус единицей под ним, на цель зашли его ведомые. С вполне обычными двойкой и тройкой на хвостах. Они, не опасаясь больше зениток, сбросили по четыре стокилограммовые фугаски. И тоже попали. С развороченными трубами «Мальборо» выкатился из строя. Трехсотмиллиметровые стены боевой рубки выдержали близкий взрыв, но ворвавшиеся в узкие прорези смотровых щелей раскаленные газы моментально обратили в пепел всех, кто в ней находился.

ГЛАВА 16

Наблюдая за ходом сражения, Воронцов подумал: похоже, мы перестраховались. Думали, что все будет куда сложнее. Имея в виду сражения середины и конца века, готовились совсем к другим боям. Если у Мидуэя четыре десятка американских бомбардировщиков сумели за час утопить весь японский авианосный флот при наличии у него огромного истребительного прикрытия и сотен зенитных автоматов, отчего вдруг мы подумали, что нас ждут большие трудности? А на самом деле война уже выиграна. Совершенно по закону Мэрфи: «Жизнь далеко не так проста, как вы думаете. Она гораздо проще». И стоит ли Шульгину сейчас рисковать своей жизнью и головами еще двадцати безрасудно отчаянных офицеров?

Адмирал Сеймур не понимал другого. Он стоял на мостике, то поднимая к глазам бинокль, то опуская его и охватывая старческими, слезящимися от порохового и угольного дыма глазами панораму страшной битвы. Почему так все случилось? Адмирал вызвал на мостик commodore Гуденеффа, умевшего отважно маневрировать в Ютландском сраже-

нии под летящими с двух сторон снарядами на своих крейсерах-скаутах и наводя линейные силы гранд-флота на Хохзеефлотте немцев.

— Что вы можете сказать, коммодор? Почему они оставили нас в покое, атакуя прочие корабли эскадры?

— Я бы сказал так. Первое — русские просто ошиблись, неправильно поставили задачу своим самолетам...

— Вы в это верите? — печально усмехнулся Сеймур в растрепанную и посеревшую от дыма бороду.

— Конечно, нет. Боюсь, господин адмирал, Колчак готовит нам куда более позорную участь. Он намерен уничтожить ваш флот, а потом...

— А вот этого я ему не позволю! — Адмирала охватил предсмертный боевой азарт.

— Их аэропланы улетели. Час времени у нас с вами точно есть. Не уверен, что эскадра в состоянии сейчас принять наш сигнал, но все равно. Флагами и по радио передайте приказ атаки! Строем фронта мы ударим по Колчаку, ведя беглый огонь прямой наводкой, нам даже не потребуется вычислять дистанцию и упреждение. А если надо... Если надо, мы пойдем на таран и сцепимся на abordаж!!!

Адмиралу было шестьдесят три года. Службу на флоте он начал как раз тогда, когда адмирал Тегетгоф подобными, заимствованными из предыдущей эпохи приемами выиграл последнюю морскую битву девятнадцатого века. При Лиссе. Может быть, может быть, он был прав и, бросив сейчас свой линкор в самоубийственную атаку, успел бы даже под шквальным огнем противника сцепиться борт к борту.

Только его офицерам и матросам это не было нужно.

— Господин адмирал, сэр, мне кажется, что вы не правы. Гораздо лучше будет собрать эскадру и полным ходом мчаться к Босфору. Надеюсь, пока их самолеты заправятся и снова взлетят, мы успеем уйти достаточно далеко. А русские утюги нас не догонят, — сказал отважный коммодор Гуденефф, который уже прикинул, что после неминуемой отставки адмирала ему, сохранившему свой линкор в этой дикой авантюре, вполне может высветиться должность командующего средиземноморской эскадрой. Срок пребывания в коммодорском чине он выходил давно, не было только адмиралских вакансий. — Адмирал Сушон, нужно отдать ему должное, не стеснялся убежать от русских, когда видел, что они сильнее...

— Они? Сильнее меня? Думайте, что говорите, коммодор! — Сеймур отвернулся и, вздыбив бороду, отошел на противоположный край мостика.

Шульгин помахал рукой Воронцову со шканцев «Валгаллы». Там, одетые в черные обтягивающие костюмы, увешанные всевозможным оружием, грузились в хищного вида светло-синие вертолеты четыре боевые группы.

Тяжелых бронежилетов на них не было, только упругие кевларовые комбинезоны, титановые каски-сферы с приборами ночного видения, до поры поднятые вверх, высокие ботинки с толстыми каучуковыми, подкованными металлом подошвами.

Эскадра Колчака, получив от Воронцова информацию о состоянии отряда Сеймура, развернувшись еще на восемь румбов, двадцатиузловым ходом двигалась примерно в сторону Батума, по-прежнему сохраняя дистанцию в сто двадцать кабельтовых.

Штурмовой полк Губанова на херсонесском аэродроме подвешивал к самолетам довольно страшные штуки, извлекаемые техниками из зеленых металлических контейнеров.

Экипажи английских линкоров своими аварийно-спасательными партиями пытались навести на палубах и боевых постах порядок, позволяющий продолжить сражение. Спору нет, британские моряки, умирая ни за что и по неизвестной причине, сохраняли должное самообладание и боевую выучку.

Вертолеты Шульгина поднялись в небо и следовали к цели, почти касаясь посадочными лыжами гребней волн.

Наташа, Ирина и Анна наблюдали за развитием событий, сидя у огромного экрана на втором этаже бывшего севастопольского арсенала, куда транслировалось все, что попадало в поле зрения видеокамер «Валгаллы», броненосцев и вертолетов. И сердца у них замирали сильнее и чаще, чем у бойцов, непосредственно участвующих в сражении.

Городская публика, наполовину состоящая из отставных моряков, друзей и родственников офицеров и матросов эскадры, толпилась на набережных, жадно вслушиваясь в накалывающийся с моря тяжкий гром орудейных залпов. Все понимали, что за близким горизонтом в очередной раз решается судьба России.

Сеймур, словно бы забыв о своей эскадре, а на самом деле сознательно бросив ее на растерзание русским самолетам, подводным лодкам, отрядам миноносцев, если такие найдутся, гнал свой линкор к единственной цели — броненосному отряду Колчака. Пусть ему придется умереть, но, сблизившись на пистолетный выстрел, он сумеет умереть красиво. И утопит по крайней мере хоть один корабль. Же-

лательно — «Алексеева». Пусть и таранным ударом. Честь будет спасена.

Однако русские броненосцы от него постыдно убегали, и убегали как раз на такой скорости, что никак адмирал не мог сблизиться на предельные для его орудий сто двадцать кабельтовых. Все время совсем немного не хватало. Хотя башни «Эмперора» регулярно выбрасывали сорокаметровые языки пламени, не то от отчаяния, не то в надежде на случай...

А тут вдруг сзади показались знакомые уже контуры русских аэропланов. Правда, всего двух. Они шли над морем, приближаясь пугающе быстро. Примерно в двух километрах от кормы линкора «Чайки» разошлись в стороны, легли в девяностоградусный вираж и дружно бросились в атаку сразу с носа и кормы.

Почти силой флаг-офицеры затащили геройского адмирала под защиту броневых плит рубки.

Только истребители не стали бросать шариковых и фугасных бомб на палубу и так обреченного линкора.

Вместо них они сбросили серию сначала дымовых, а потом начиненных дихлорарсином — сильнейшим слезоточивым газом — контейнеров.

Офицеры и матросы, задыхаясь и кашляя, спасались от новой напасти по способности. Кто кинулся вниз по трапам, кто догадался включить башенную вытяжную вентиляцию, кто просто прижимал к лицу мокрые чехлы и тряпки. Воевать на линкоре мгновенно оказалось некому.

Тяжелые вертолеты подошли к «Эмперору» сзади с двух бортов одновременно. Подчиняясь приказу, линкор по-прежнему шел на зюйд двадцатиузловым ходом, хотя никто в рубке уже не следил за компасами, и рулевые, бросив штурвал, обливались слезами и напрасно пытались вдохнуть разрывающий бронхи воздух. Отчего корабль опасно рыскал на курсе, направляемый только согласованной работой винтов.

Рискуя зацепиться лопастями за еще уцелевшие снасти и проволочные сети антенн, вертолеты уравнивали скорость и зависли: один — над правым крылом верхнего мостика, второй — над спардеком слева от первой трубы.

Не зря Шульгин тренировал своих рейнджеров. Только одному не повезло, он слишком рано растегнул замок подвесной системы. Линкор почти неумовимо для глаз качнуло, леерная стойка ударила десантника под колени, и он полетел, кувыркаясь, за борт, в разведенный полным ходом бу-

рун, спастись в котором не смог бы даже чемпион Олимпийских игр по плаванию, не то что перегруженный снаряжением боец.

Десантирование заняло ровно две минуты — по секундомеру. Деятнадцать человек оказались на палубе флагмана, и, чтобы по ошибке не саданули по ним свои бортовым залпом главного калибра, Сашка выпустил вверх ракету, которая сначала вытянула за собой в зенит жгут угольно-черного дыма, видимого на десяток километров, а потом вдобавок лопнула пузырем изумрудного пламени, которое невозможно было не заметить или с чем-то другим спутать.

В закрывающих лица респираторах, одетые в черные, жирно блестящие комбинезоны, с опущенными на глаза ноктовизорами, чтобы ориентироваться в густом дыму, десантники показались английским морякам выходцами из преисподней. Кто бы еще мог вдруг появиться на мостике идущего полным ходом в открытом море линкора?

Распахнув настежь дверь боевой рубки, чтобы быстрее выходил оттуда едкий, но почти безвредный газ, Шульгин за рукав вытащил на свежий воздух адмирала. Рейнджеры, все более-менее знающие язык, разбежались по боевым постам центральной надстройки. Теперь главным было не допустить утечки информации о захвате корабля. Матросы и офицеры в башнях и казематах, снарядных погребах, машинном и котельных отсеках, отделенные друг от друга задраенными броневыми дверями и люками, будут делать свое дело, подчиняясь сигналам циферблатов и стрелок, передаваемым по телефонам приказам. А к тому времени, когда какой-нибудь не в меру сообразительный офицер или старшина вдруг поймет, что происходит, будет уже поздно.

— Надеюсь, сэр, — на своем безупречном оксфордском обратился Шульгин к адмиралу, который наконец отдышался, только часто и мелко покашливал, обводя мостик налитыми кровью глазами, — вам не причинили слишком больших неудобств?

— Кто вы такой, дьявол вас раздери, откуда вы взялись на моем корабле?

— Полковник русской армии, если вас это может успокоить. Командир десантной партии. Поскольку вы не подчинились приказу покинуть наши территориальные воды, мы приняли разрешенные международным правом меры. Можете считать свой корабль интернированным, а себя — военнопленным.

Сеймур зарычал и бросился на Шульгина, замахиваясь довольно впечатляющих размеров кулаком.

Бить старика, да еще с рукавами, до самого локтя изукрашенными широкими серебряными нашивками, Сашка не мог. Он просто перехватил его левой рукой за запястье и резко сжал пальцы.

— Спокойно, сэр. Вреда мы вам не причиним. Вашим людям тоже...

В этот момент внутри рубки хлопнул пистолетный выстрел.

— ...если они будут вести себя разумно, — закончил Сашка фразу и лишь потом крикнул: — Эй, что там у вас?

— Да тут один нашелся, — выглянул наружу офицер со «стечкиным» в руке. — Швырнул в Степанова биноклем и попытался смыться через люк куда-то вниз.

— Убили?

— Вроде не насмерть...

— Видите, сэр, даже в таких обстоятельствах мои люди стараются не допускать ненужного кровопролития. И вы, если будете исполнять мои распоряжения...

— Ты, гнусный ублюдок!.. — И дальше Сеймур разразился самой отборной для британского флота бранью. Не идущей, впрочем, ни в какое сравнение с той, что мог бы изобрести попавший в аналогичное положение русский адмирал.

— Придется вас изолировать, — с сожалением развел одной рукой Шульгин. — Юрченко, отведите его куда-нибудь и запирайте.

— Куда, Александр Иванович? Я здесь плохо ориентируюсь.

Шульгин пожалел, что в составе группы не оказалось ни одного настоящего моряка.

— А я знаю? Ну просто пристегните его наручниками к леерной стойке. Вон там... За адмирала отвечаете лично.

Линкор продолжал как ни в чем не бывало мчаться по заданному ранее курсу.

— Алло, Дим, — включил настроенную на волну Воронцова рацию Шульгин. — У меня полный порядок, только я не умею управлять этой штукой и не знаю, чего дальше делать. Какие будут указания?

В динамике послышался нервный смешок Воронцова.

— У тебя под руками кто из судового комсостава есть?

— Да здесь их уйма. Стоят, подняв руки. Адмирала я только что под домашний арест отправил. А вон, похоже, командир линкора. Коммодор по званию.

— Скажи, пусть сыграет отбой боевой тревоги. Артиллеристам «дробь», стволы вернуть в диаметральную, заряженные пушки не разряжать, просто открыть затворы. Курс прежний, скорость снизить до десяти узлов. Я сейчас подойду...

Когда к Шульгину подвели Гуденеффа, Сашка сидел на леерном ограждении мостика, оплетая ногами металлическую стойку и с наслаждением курил, осматривая сияющее море и расстилающуюся внизу палубу линкора. «Удалось ведь, а, черт возьми, удалось! — думал он. — Звездный час у вас, Александр Иванович, и никуда не денешься!»

Коммодор внешне выглядел совершенно спокойным. А что уж он при этом чувствовал...

— Угощайтесь, сэр, — протянул ему портсигар Сашка. И поделился радостью: — I made it¹, как говорится.

— Не смею отрицать. Хотя, гореть мне в аду, не представляю, как это возможно. — Гуденефф взял сигарету.

— Обычный абордаж. Только с другой стороны. Сверху... — Шульгин показал пальцем, откуда именно.

— На чем это вы прилетели? Никогда таких чертовых мельниц не видел.

— Вы сейчас скомандуйте вот что... — Шульгин повторил полученную от Воронцова инструкцию, — а потом я с удовольствием удовлетворю ваше любопытство. Время у нас будет.

«Валгалла» подошла к «Эмперор оф Индия» раньше, чем остальные четыре линкора эскадры успели кое-как исправить полученные от воздушного налета повреждения, убрать с палуб тела убитых и немного наладить систему управления огнем. Из-за принявшего через пробойину в корме несколько тысяч тонн воды «Бенбоу» отряд не мог держать ход выше четырнадцати узлов. А эскадра Колчака, применяя прежнюю тактику, отгоняла их редкими залпами, но теперь на близких недолетах, в сторону крымского берега.

Воронцов подвел пароход к борту застопорившего ход линкора и высадил на него в полном соответствии с правилами призовую партию в составе двух рот Корниловской дивизии. Десантники были вооружены автоматами «АКСУ», более подходящими для действий на корабле, чем длинные винтовки. Офицеры рассыпались по палубе и отсекам, взяли

¹ Я сделал это (англ.).

под охрану крыюйт-камеры, кубрики с ружейными пирамидами, артиллерийские казематы и орудийные башни. Редкие и разрозненные попытки сопротивления подавлялись решительно, но в общем беззлобно. Слишком велика была радость победы, неслыханной с времен Гангута, походов Ушакова и Сенявина. Да и британские моряки не испытывали слишком большого желания драться с хорошо вооруженным и настроенным весьма серьезно противником. Об отчаянности белогвардейских офицеров были наслышаны все, особенно те из моряков, которым довелось ходить в Крым и Одессу годом раньше. Кое-кто помнил и лихую атаку русским крейсером «Аскольд» галлиполийских фортов в шестнадцатом году. А вид трупов своих товарищей, которых санитары начали выносить с боевых постов, укладывать длинными рядами на шканцах и накрывать брезентом, вызывал у оставшихся в живых скорее чувство благодарности своей более счастливой судьбе, чем жажду самопожертвования.

Самой ходовой фразой у рядовых матросов была: «У короля много», которой на флоте его величества принято провозжать тонущий корабль. Девиз «Погибаю, но не сдаюсь» популярностью здесь не пользовался, да за двести лет непрерывных побед британского флота он как-то и не успел войти в обиход.

Шульгин представил Воронцову commodora Гуденеффа. Дмитрий поднес ладонь к козырьку фуражки, представился.

— Вы неплохо сражались, — произнес он традиционную вежливую фразу, — однако бог не счел возможным даровать вам победу.

Командир линкора скептически усмехнулся и тоже отдал честь, не по-нашему выворачивая ладонь.

— Только за каким чертом вы полезли в Севастополь? — продолжил Воронцов. — Один ваш писатель говорил: «Не все, что можно делать безнаказанно, следует делать». Вообразили, что русского флота больше не существует и вам можно вести себя здесь, как в Занзибаре или Шанхае?

— Я не адмирал пока еще, сэр, и теперь уже вряд ли им стану. Мое дело — выполнять приказы. Но в частном порядке скажу: мне это дело не нравилось с самого начала. Мы ведь были союзниками в великой войне. Увы, интуиция меня не подвела.

— Хорошо быть умным раньше, как моя жена потом. — Шульгин постарался как можно адекватнее перевести эту поговорку на английский.

— Только я все равно не понимаю, как вам это удалось. Даже при том, что стреляли вы лучше и на ваших самолетах

очень мощные бомбы. Тут какое-то совершенно другое качество...

— Не все же нам Цусима, иногда можно и мыс Сарыч. — Воронцов показал рукой в сторону невидимого крымского берега. — Теперь это название наверняка войдет в историю...

— Как символ позора английского флота?

— Скорее всего как символ самонадеянной глупости его командиров, — жестко ответил Воронцов. — Только сейчас у вас еще есть выбор. От имени своего адмирала передайте по эскадре приказ идти в Севастополь и там разоружиться. По радио, «ратьером», сигнальными флагами — как угодно.

Лицо коммодора напряглось, словно нервно сжатый кулак.

Шульгину его стало жалко. Сашка был довольно чувствительным человеком и чужое унижение переживал почти как свое. А Воронцову — нет. Здесь сказывалась разница их профессий и жизненного опыта.

— Такого приказа я отдать не могу. Лучше умереть. Погибших в бою рано или поздно история извиняет, а так... Ваш адмирал Небогатов не оправдается никогда.

— Дался вам Небогатов. Во-первых, он уже, наверное, умер. Во-вторых, выхода у него действительно в тот момент не было. В-третьих, вину за Цусиму лично я возлагаю на вас, на Англию. Вы выпустили из бутылки японского джинна и еще пострадаете от него больше нашего. Командуйте...

— Нет!

— Воля ваша. Честь вы, возможно, и сохраните. Только для кого? Вы готовы подписать официальный отказ от предложения интернироваться, будучи напавшей стороной?

— Согласен. Безусловно, согласен. — Коммодор отчего-то увидел в этом предложении выгодный для себя шанс.

— О'кей, — кивнул Шульгин, протягивая Гуденеффу офицерскую полевую книжку, в которой он уже успел набросать по-английски текст.

— А почему бы вам самому не передать этот приказ? Якобы от имени командующего? — спросил вдруг коммодор с таким видом, будто нашел идеальное для всех решение.

Шульгин издевательски рассмеялся, а Воронцов ответил серьезно:

— Именно поэтому, дорогой капитан. Мы здесь с полковником люди чести. Не желаем, чтобы вы потом обвинили нас в фальсификации. Вам же еще мемуары писать, там вы и оттянетесь насчет коварных и подлых славян... Нет уж, каждый пусть сам утирает свои сопли...

— Так что, согласны подтвердить свой героизм? — спросил Шульгин, снова поднимая блокнот.

Коммодор нервно расписался.

— Ты этого хотел, Жорж Данден, — усмехнулся Сашка. — Теперь смотрите... Письма семьям покойников, которые пока еще живы, я заставляю писать лично вас!

Эскадра Колчака к этому моменту окончательно вышла за пределы досягаемости английских орудий. Наперехват линкоров снова пошел «Беспокойный», неся на мачте трехфлажный сигнал и дублируя его «ратьером».

Ответом на предложение спустить флаг был беспорядочный огонь бортовых казематов ставшего головным «Центуриона».

— Еще раз жаль. У вас на эскадре очень безрассудные ребята...

Воронцов посмотрел на часы, снова козырнул и по старой флотской привычке заскользил вниз по поручням трапов, почти не касаясь ногами ступенек. Перемахнул с палубы линкора на борт «Валгаллы», и пароход, взбурлив воду винтами, быстро стал удаляться.

— Наблюдайте, коммодор, наблюдайте, — повторил Шульгин. С севера, стремительно увеличиваясь в размерах, шли «Чайки». — Мы договорились, что сдаваться никто не желает...

Сашка, изображая стоическую невозмутимость, снова сунул в рот сигару.

— Да, капитан, я забыл вам предложить. — Он достал из заднего кармана плоскую титановую фляжку. — Глоток коньяку сейчас не помешает.

Истребитель Губанова вычертил петлю точно над фокмачтой «Центуриона», ушел, словно резвясь, далеко в море, там развернулся и помчался назад на бреющем полете. В паре километров от линкора его самолет свечкой взвился вверх, но перед этим выпустил из-под фюзеляжа полупрозрачный дымный жгут.

Противокорабельная ракета «Экзосет», точно такая, какой аргентинский лейтенант сжег 6 мая 1982 года английский эсминец «Шеффилд» в бою у Фолклендских островов, вонзилась в высокий борт линкора сразу за второй башней. Страшный взрыв трехсоткилограммовогокумулятивного заряда не только пробил главный броневой пояс, но и сорвал десятидюймовые стальные плиты с креплений вместе с тиковой прокладкой и вспорол тонкие листы основной обшивки. В образовавшуюся брешь хлынула вода, разливаясь по

угольным ямам, коффердамам и продольным коридорам корпуса.

Вслед за первой «Чайкой» на боевой курс уже заходил следующий истребитель.

Свою ракету он выпустил в «Бенбоу». Эти штуки класса «воздух — корабль» предназначены для стрельбы с расстояния до сорока километров, а когда их выпускают практически в упор, то попасть можно как из пистолета в ту же точку, куда был направлен лазерный прицел.

Линкор подбросило вспухшим у него под носом водяным гейзером. Ракета взорвалась на метр ниже ватерлинии, почти оторвав многотонный кованый форштевень.

Еще десять самолетов кружились в небе над эскадрой, ожидая команды и выбирая цель.

Шульгин подождал, когда коммодор в достаточной мере проникнется сутью происходящего. Потом почти силой забрал у него бинокль.

— Прикажете продолжать?

— Это черт знает что такое! — пробормотал Гуденефф сведенными судорогой губами.

— Отнюдь. Обыкновенные 533-миллиметровые торпеды, несколько нестандартно используемые. Ваши «торникрофты», атаковавшие в Кронштадте в девятнадцатом году Балтфлот и без объявления войны, и без предупреждения о том, что скоростные катера могут нести торпеды, тоже показались кое-кому дьявольским оружием. Насколько я помню, они целились в «Нарову», которая имела на борту больше трех сотен мин заграждения. К счастью, не попали. А если бы попали? Взрывом бы снесло полгорода. С многочисленным мирным населением. А ведь ваше правительство даже большевикам постеснялось тогда войну объявить, не то что бы о женщинах и детях подумать...

Сашка подождал немного, но коммодор ничего ему не ответил.

— Так что? Сдадимся или будем упражняться дальше? У летчиков в запасе еще десять таких торпед, а не хватит, так до берега пять минут лету... И еще двадцать, чтобы вернуться с новым грузом.

— С победой, ваше высокопревосходительство! — воскликнул командир «Генерала Алексеева» каперанг Остелецкий, прославивший себя тем, что три года командовал наиболее боеспособным кораблем белого флота — крейсером «Кагул» («Генерал Корнилов») и захватил дерзкой десантной

операцией летом девятнадцатого года Одессу, высадив прямо в центре города с борта своего крейсера драгунский полк. При десятикратном превосходстве красных сил.

Он первый увидел, как английские линкоры спускают с гафелей «Юнион Джеки» и послушно поворачивают к норду, подчиняясь жужжащим над ними злобным осам капитана Губанова. Флагман флота «Эмперор оф Индия», неся на одном из уцелевших фалов трехфлажный сигнал международного свода «Сдаюсь», шел параллельно своим кораблям, собственным примером подтверждая необходимость прекратить сопротивление. Для избитых линкоров близкий берег был сейчас единственно желанным местом спасения. Вернуться обратно через все Черное море не рассчитывал уже никто.

Колчак раздраженно ударил биноклем о поручень мостика. (Русские адмиралы вообще отчего-то любили использовать бинокли для самовыражения. Если верить Новикову-Прибою, то адмирал Рождественский за время похода к Цусиме разбил их штук двадцать.)

— Это не моя победа! То, что происходит, зависит не от меня.

— Напрасно вы так, Александр Васильевич. Победа ваша. Подумайте просто. Вы — флотоводец. Прочие люди, как бы они ни были отважны и талантливы, в вашем подчинении. Раз вы сочли возможным принять командование флотом, то все остальные его чины только исполняли свой долг в меру талантов, образования и должностей. Включая и этих... господ, которые нам очень помогли. Ведь так?

— Не могу спорить. Помогли. И самой жизнью я обязан только им.

— Вот видите... А сейчас вы становитесь настоящим комфлота. У вас под командой теперь будет шесть современных линкоров и еще не совсем плохие броненосцы. Ни один русский адмирал не имел в своем распоряжении такой силы... Даже Эссен.

Веселый тридцатишестилетний каперанг к жизни относился легко. Ни разу не изменив убеждениям, он с самого семнадцатого года делал только то, что подсказывали ему долг, совесть и чувство вкуса.

Умел находить общий язык и с остервеневшими, не знающими, чего они хотят, «революционными матросами», и с представителями германских оккупационных войск, и с адмиралами Антанты. И его крейсер сохранял боеспособность

все эти штормовые годы. И экипаж изъявлял лояльность своему командиру. А самое смешное — капитулировавший сейчас «Эмперор оф Индия» поддерживал его крейсер огнем во время экспедиции на Одессу. Командир же линкора, коммодор Гуденефф, отличный моряк и во всех отношениях приятный человек, глубоко удивил и обидел Остелецкого. Когда после взятия Одессы они в кают-компании «Эмперора» отмечали победу, Павел Александрович искренне наслаждался обществом морских джентльменов, старался соответствовать принятым среди них манерам, острял, угощал всех асмоловскими папиросами и симферопольской водкой, сам налегая на отличный гибралтарский херес. Вечер, на его взгляд, удался вполне. А вот когда тот же Гуденефф выбрал момент, уже перед рассветом, и непонятно зачем, из деликатности или из подлости, вполголоса сообщил «Dear first Class Commodores», что на кораблях его величества каждому офицеру положено по две порции виски и по две порции вина и следует всегда посматривать, чтобы буфетчик не обманул, капитан испытал неизвестное ему ранее чувство глубокого унижения. Он точно помнил, что хереса выпил рюмок двадцать (маленькие были рюмки), не понял только одного — правильно ли поступил, не врезав тут же симпатичному коммодору в харю, а, напротив, предложил столь скудно обслуживаемому капитану добавить у себя на «Кагуле».

Но уж теперь-то он своего не упустит, специально поднимется на линкор в ту же кают-компанию и заставит уже военнопленного буфетчика угощать королевским вином весь офицерский состав русского флота без всяких норм. Оказывается, не советские коммунисты первыми придумали унижающую человеческое достоинство «пайку».

— Вы что же, считаете, захваченные корабли мы возвращать не станем? — спросил Колчак.

— Решение, наверное, за вами. Как скажете, так и будет... Однако я не представляю, чего ради мы им будем свои трофеи отдавать. Японцы, став союзниками, все равно возвратят хоть что-нибудь из захваченных наших кораблей не пожелали. И «Варяг», и «Пересвет», и «Полтаву» за приличные деньги продали. Вы собираетесь быть благороднее?

Колчак, похоже, задумался. А над чем? Впервые в известной адмиралу военной истории британские линкоры спускали перед противником стеньговые боевые флаги.

— Мичман, — обратился он к Белли, — передайте по флоту: эсминцам и «Пантелеймону» сопровождать бывшие английские линкоры в Южную бухту. Экипажи свести на берег, замки с орудий снять. Десантные партии высадить на

корабли немедленно. Радиорубки опечатать. Остальной эскадре следовать за мной. Вас, господин капитан первого ранга, я назначаю младшим флагманом эскадры. Сам сейчас перейду на «Эмперор». И действуем по плану.

Колчаку не терпелось ощутить себя победителем в полной мере, ступить на мостик настоящего сверхдредноута, почувствовать его своим. Что бы ни говорили и ни писали последующие историки флота, балтийские «Севастополи» и черноморские «Императрицы» на настоящие линкоры не тянули. Тонкая броня, малый ход, не слишком удачное расположение артиллерии. А вот теперь посмотрим. Флотоводец только тогда может в полной мере проявить свой талант, когда у него в руках подходящий инструмент. Паганини, играющий на самодельной балалайке, вряд ли вошел бы во всемирную историю искусств.

На английских кораблях достаточно мрачная, но и торжественная процедура похорон погибших в море не соблюдалась. Почти девяносто трупов снесли в холодное, с цементным полом помещение судовой бани с расчетом отправить позже тела на родину или захоронить их в какой-нибудь твердой земле.

«Эмперор оф Индия» шел через море, по-прежнему неся на гафеле британский флаг. За ним на расстоянии кабельтова следовала «Валгалла», которая вместо положенных по проекту полутора тысяч пассажиров приняла с подошедших транспортов в свои каюты, салоны, ресторанные залы, в приспособленные для перевозки войск трюмы и даже прямо на палубы почти две дивизии полного состава с вооружением и положенной по штату артиллерией.

А еще в трех милях позади разрезали веселую черноморскую волну «Генерал Алексеев» и «Евстафий» с «Иоанном».

На рассвете следующего дня, когда сероватые сумерки чуть-чуть только собрались розоветь, «Эмперор» начал втягиваться в устье Босфора. Разоруженные после войны береговые батареи никому больше не угрожали, тем более что британский флаг и силуэт своего линкора наблюдатели, на всякий случай несшие службу на бетонных фортах Ускюдюра, узнали издалека.

Колчак, почти сутки без сна простоявший на мостике, подкреплявший свои силы только густым как деготь чаем пополам с ромом и разговорами по радио с капитаном Воронцовым, испытывал сейчас странное чувство. Как если бы девушка, в которую он был страстно влюблен, сбежавшая

много лет назад с заезжим гусаром, вдруг вернулась к нему и упала на колени, моля о прощении и уверяя в вечной любви.

Волнующе, в чем-то даже лестно, может потешить гордость, но и бесконечно тоскливо, бессмысленно, вместо радости вызывает скорее сожаление о напрасно потерянной жизни...

То есть радости победы адмирал не испытывал.

Беззвучно скользящей змеей линкор проник в Мраморное море. Не отдавая якоря, только подрабатывая машинами, приблизился к берегу, настороженно поводя нацеленными на него башенными орудиями, подождал, пока «Валгалла» высадит на европейский берег, прямо на набережную десант переодетых в турецкую военную форму корниловцев и марковцев.

Там их уже ждали рейнджеры Басманова, за неделю до начала операции прибывшие в город на рейсовых гражданских пароходах, а недавно получившие наконец условный сигнал.

Полковник несколько раз провел подробную рекогносцировку местности, своими ногами исходил переулки, ведущие от порта в центр города, к резиденции верховного комиссара, казармам стрелков морской пехоты, султанским дворцам Топкапы и Долмабахче и прочим представляющим военно-политический интерес объектам.

Проблем в этом деле возникло куда меньше, чем при штурме советским спецназом дворца Хафизуллы Амина в Кабуле в декабре 1979 года. То есть по-настоящему серьезного сопротивления не оказал никто. Да и возможности к сопротивлению ни у кого из английских солдат просто не было. Слишком тщательную подготовку провел в знакомом городе Басманов.

Имевший в своем распоряжении меньше двухсот офицеров, полковник за последние дни нашел в Стамбуле еще около сотни не успевших по каким-то причинам вернуться в Крым надежных людей, которые увидели свой последний шанс в намеченной Басмановым операции. Прожив здесь по году и больше, они знали нужные адреса, проходные дворы, фамилии и должности местных и оккупационных чиновников, потенциально опасных или, напротив, готовых сотрудничать с новым режимом.

Используя опыт разведывательно-диверсионных подразделений грядущих войн, рейнджеры очистили от патрулей и даже случайных очевидцев набережную, где намечалось де-

★
санктирование, три широкие улицы, ведущие к центру европейской части Стамбула, блокировали мосты через Босфор.

На крышах домов, примыкавших к казармам оккупационных войск, были установлены пулеметы, готовые в случае чего открыть шквальный огонь по воротам и окнам.

За час до подхода «Валгаллы» с десантом полковник дал команду действовать.

Рядовые и сержанты, давно привыкшие к спокойной, сытой жизни в переставшем быть столицей вражеской страны городе, считали патрулирование улиц просто рутинным, не имеющим практического смысла занятием. Даже висащие у них на плечах стволами вниз короткие карабины либо вообще не имели патронов в патронниках, либо стояли на неудобных для срочного выключения предохранителях. Даже самый лихой стрелок не управился бы и за десять секунд. А внезапно появляющиеся на едва освещенных перекрестках группки людей в старой форме султанской гвардии не вызвали у патрулей даже и настороженности. Мало ли в чем ходят обнищавшие полудикие туземцы!

А когда в следующую секунду слащаво-любезные, униженно кланяющиеся аборигены превращались в беспощадных ночных убийц, осознать ситуацию не успевал почти никто.

Тела с бессильно болтающимися руками и свернутыми шеями оттаскивали в темные, воняющие мочой и гниющим мусором подворотни. И шли дальше.

Словно гигантский невод стягивался вокруг центра европейской части Стамбула. Да, пожалуй, и не так, сравнение это неверное. Невод захватывает живую рыбу, загоняя ее в кошель, а здесь работала скорее сенокосилка с далеко раскинутыми ножами. Улицы, по которым она прошла, становились чистыми от вражеских солдат.

А в том, что белые офицеры были одеты в турецкую военную форму, имелся глубокий смысл. Берестин не хотел нарушать законы ведения войны даже в малости. Женевские и гаагские конвенции требуют, чтобы все комбатанты обязательно носили знаки различия участников боевых действий.

Ну вот, пожалуйста. Никто не скажет, что британских и греческих солдат предательски убивали замаскированные под мирных жителей террористы. Погоны и нашивки были у всех.

Десяток суматошных бессмысленных выстрелов успели произвести одиночные и парные посты английских морских пехотинцев при попытке защитить порученные их попече-

нию объекты. Но ничего не сумели и даже общей тревоги в гарнизоне не подняли. Значит, погибли напрасно.

Очистив город от вооруженных патрулей, десантники стали врывать в роскошные, пропахшие восточными табаками и благовониями покои колониальных чиновников, чтобы произвести там неожиданную и грубую побудку.

А потом рота за ротой хлынули на улицы Царьграда утомленные долгим морским переходом, но горящие священным боевым азартом офицеры тех самых полков, что три года назад уходили из Ростова в морозную и метельную степь, не зная, что ждет их там — победа или почти бесполезная смерть ради народа, который не способен понять и принять их жертвы.

А сейчас!

Это только надо представить — тысячу лет, с времен князя Олега Россия стремилась к Царьграду и Святой Софии, прибить же очередной щит к его вратам судьба предназначила именно им — последним уцелевшим защитникам «третьего Рима»! Четвертому же — не бывать! Короче говоря, утром 2 мая Константинополь почти нечувствительно для мирных обывателей перешел под контроль российско-турецкой армии.

На каждом перекрестке стояли патрули якобы кемалистских войск, умеющие, однако, объясняться только по-русски или на одном из европейских языков. Верховный комиссар Антанты адмирал де Робек с вымученной улыбкой на губах пил кофе в салоне Колчака, оставив надежду запугать холодно-презрительного комфлота угрозой международных санкций. На все его страстные инвективы адмирал отвечал коротко: «А как соотносится с международным правом и обыкновенной порядочностью то, что ваши представители сделали со мной в Сибири?» Или: «Разве Великобритания официально денонсировала союзные договоры 14—16 годов и объявила России войну, вторгаясь в ее территориальные воды?» И, наконец: «Да бросьте дурака валять, сэр. Я здесь сейчас играю такую же роль, как ваши военные советники в нашем Туркестане. Как только Георг V или парламент признают культурную помощь отсталым народам аморальной, я немедленно расскаюсь в допущенной ошибке...» И смотрел на британца в упор наивным, но не оставляющим иллюзий взглядом. Одним словом, мы уже здесь и попробуйте с этим что-нибудь сделать!

Линкор «Эмперор» в сопровождении двух русских броненосцев из Мраморного моря вошел в Дарданеллы, двигаясь к Седдьюлбахиру, а «Генерал Алексеев» пришвартовался

бортom к линейному крейсеру «Явуз Султан Селим», он же «Гебен». Прославленный рейдер стоял у стенки, начинающий ржаветь, брошенный экипажем, чуть не до верхних палуб заселенный только злобными бурыми крысами и гигантскими тараканами. Но в принципе он был вполне боеспособен, пройдя в восемнадцатом году первый за пять лет доковый ремонт в захваченном немцами Севастополе. У турок подходящей технической базы не имелось.

Послужил он, кстати, в прошлой истории турецкому флоту аж до 1960 года — дольше, чем любой его корабль-одногодок. Германские однотипные линейные крейсеры были затоплены в Скапа-Флоу в девятнадцатом, английские и американские в большинстве пошли на слом до второй мировой или погибли в ее ходе, последние русские линкоры типа «Севастополь» были порезаны на иголки в пятьдесят шестом.

Колчак испытывал уважение к достойному и грозному противнику. И еще в Севастополе подготовил для него экипаж. Благодаря дипломатии Шульгина и Левашова до начала конфликта из Петрограда успели приехать три с половиной сотни флотских офицеров, кондукторов и бывших гардемаринов. А хорошо поставленная агитация и невероятно щедрая плата позволили выдернуть из родных сел и хуторов тридцати-тридцатипятилетних матросов и унтеров, предавшихся хлебопашеству или вволю погулявших в бесчисленных повстанческих отрядах и бандах. В итоге нашлось достаточно строевых и механических чинов, чтобы в ближайшие дни привести линейный крейсер в порядок, поднять флаг и вывести его на позицию прикрытия выхода в Эгейское море. Там десять 280-миллиметровок крейсера солидно усилили огневую мощь русских линкоров и береговых батарей.

Задача, к которой Россия готовилась на протяжении двух веков, была выполнена не только почти бескровно, но пока что и в тайне от «цивилизованного мира».

Вслед за бывшим британским линкором узость Дарданелл прошли «Евстафий» и «Иоанн». Спущенные с их шлюпбалок паровые катера сразу же начали ставить первую полосу минного заграждения, вначале обычными ударными шарами образца девятьсот восьмого года, а за ними — неконтактно-магнитными минами, против которых в двадцать первом году еще не было тралов.

На всякий случай Воронцов уточнил правильность своих действий на стратегическом компьютере.

Шансов у противника не было. Минное заграждение, бе-

реговые батареи и пять линейных кораблей способны были отражать возможные попытки англичан «освободить» Стамбул неограниченное время. Тем более что в Средиземном море у Британии оставался всего один, базирующийся на Александрию линкор, мобилизация «Гранд Флита» для не имеющей шансов на успех авантюры была крайне маловероятна. И в любом случае растянулась бы не на один месяц. А дивизии Мустафы Кемаля должны были подойти к городу в течение двух-трех суток и тем самым легитимизировать победу.

Подготовленная Сильвией кампания в прессе и назревший демарш оппозиции способны были смести обанкротившееся правительство Ллойд-Джорджа.

Оставалось только интернировать три крейсера и восемь эсминцев Сеймура, базирующихся в Мраморном море, и новую историю двадцатого века можно было считать состоявшейся, как писалось в «Истории КПСС», полностью и окончательно.

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

«...Ну, вот и все, государи мои, — как говорил отец Цупик во всем известном романе. — Игра таки сделана». Если вдруг на мгновение отвлечься, взглянуть на все происшедшее отстраненным взглядом, например, глазами молодого, беззаботного, почти довольного легкой, мало к чему обязывающей жизнью парня, которым я был совсем-совсем недавно... Ну, хотя бы тем морозным, вьюжным днем, сделавшим Москву похожей на Норильск, когда Ирина разыскала меня в редакции «Студенческого меридиана» и срывающимся, взволнованным голосом попросила приехать к ней на Рождественский бульвар. Так ни за что бы не поверил тогдашний Новиков, будто хоть что-нибудь возможно из того, что с нами случилось. Да незачем так далеко в незабвенное прошлое возвращаться. Еще в прошлом июле, когда «Валгалла» отдала якорь на севастопольском рейде, я ведь почти не верил в осуществимость наших планов. И в самом деле, мы впятером, не считая дам, и полторы сотни насоро обученных басмановских офицеров — не слишком мощная сила, чтобы перевернуть мир.

По крайней мере исторический материализм к возможности повернуть вспять то, что принято называть «прогрессом», да еще вопреки подкрепленной вооруженной силой

воле «авангарда всего передового человечества» относился крайне негативно.

А вот поди ж ты... Так мы вдобавок и черным силам мирового капитала вызов бросили, и тоже вроде бы вы играли!

Нет, конечно, это надо было видеть! Украшенная цветами и флагами трибуна, безупречно ровные, как на царско-сельском смотре, батальонные квадраты наших гвардейских дивизий, Корниловской и Марковской, словно бы принимающих парад не успевшей даже однообразно обмундироваться и научиться ходить строем и в ногу добровольческой турецкой армии. Так оно со стороны выглядело. Русские войска исполняли роль почетного караула на этом по-восточному бестолковом параде, одновременно гаранта безопасности присутствующих здесь высоких особ и словно демонстрировали военным и штатским туркам, как должна выглядеть настоящая современная армия.

Гром русского военного оркестра, перебиваемый заунывным воем средневековых труб и рокотом барабанов. На трибуне — похожий усами и манерой держаться на императора Вильгельма II Кемаль-паша, справа и слева от него Колчак и Врангель, еще целый сонм генералов, чиновников, представителей «патриотической буржуазии». Среди них и славный Алек-паша, главный военный советник Мустафы Кемаля, герой второй за десять месяцев победоносной войны.

В общем, все удивительно похоже на триумф какого-нибудь Октавиана Августа.

Ну да, еще и празднично-синее небо, и сияющее, как надраенная солдатская пуговица, солнце победы и независимости, и ликующие народные массы... И чудовищный грохот салюты кораблей русско-турецкого флота, береговых фортов и развернутой неподалеку полевой батареи.

Как лихо у меня когда-то получались такие репортажи из ставших на путь социализма братских стран Латинской Америки! А вот сейчас писать об этом скучно. Так разве, чтобы вспомнить по прошествии лет, как оно по правде было. Когда все это уже будет запечатлено в учебниках и мемуарах, а там, глядишь, в цветных полнометражных эпопеях: «Ататюрк в мае», «Освобождение», «Падение Стамбула», «Великий гражданин», «Залп «Генерала Алексеева»...

А мы с Воронцовым и Сашкой скромненько стояли в стороне, нам свои личности демонстрировать было незачем, хотя в общей эйфорической суматохе кому до нас какое дело? Разве что агентам «Интеллидженс Сервис»? Утирали текущий из-под фуражек пот, ждали, когда все это закончится.

— Одно мне сейчас интересно, — перемещаясь в тень густого платана, сказал Сашка, уловив мое настроение, — надолго все это?

— Часа на три еще, — глянув на часы, ответил Воронцов.

— Да я же не о параде. Я насчет русско-турецкой дружбы.

— Русский и турок — братья навек... — на мотив некогда популярной песни «Москва — Пекин» пропел Дмитрий.

— Тебе смешочки все, — обиделся Шульгин, — а я, между прочим, совершенно серьезно. Как бы так сделать, чтобы не получилось обычным нашим образом? СССР ведь тоже Кемалю помогал, оружие гнал, пол-Армении с Араратом им отдал в знак солидарности и братства, а все равно... И с китайцами также, и с прочими... Почему американцы и с немцами, и с японцами, с турками этими же союзники не разлей вода?

Тут Сашка был совершенно прав. Я сам об этом много думал. А то ведь пройдет эйфория, и полетят все наши труды и жертвы прахом. Жесткость нужна, благожелательность и жесткость. Соответствующие рекомендации для Врангеля и Милюкова я заготовил, нужно только, чтобы они их осуществили. Впрочем, вряд ли они советские глупости повторят. С тем же Китаем у царского правительства все нормально выходило. И здесь так надо. Договор о базах, которые мы получим, — железный, на 99 лет, как тот, что был о Порт-Артуре и КВЖД. И никаких досрочных возвратов «в знак доброй воли и добрососедства». На островах в Мраморном море построить русский экстерриториальный город вроде Харбина и Дальнего. Гонконг, в конце концов. Создать в ближайшее время какой-нибудь аналог НАТО, назвать его ЕАОС (Евроазиатский оборонительный союз), к примеру, втянуть в него Болгарию, Румынию, Сербию, обновленную Грецию, Армению и Грузию... Персию, опять же.

Рано или поздно все заканчивается, завершился и военный парад. Кемаль прогнал по площади, наверное, всю свою армию, на страх врагам и на радость подданным. Мы даже в конце концов задумались, а кто же сейчас вообще держит фронт против греков, если все здесь маршируют? Впрочем, тем сейчас не до войны, самое время условия капитуляции обдумывать, поскольку англичане им теперь не помощники.

Обмахиваясь феской, подошел Берестин:

— Фу-у... Думал, сдохну. Главное, там рядом какой-то паша с утра плотненько позавтракал чесноком, а запивал, наверное, тормозной жидкостью. Амбре, я вам доложу...

— Восток, брат, — с видом знатока сочувственно вздохнул Воронцов. — Какие будут предложения?

— А на банкет тебя что, не пригласили? — поинтересовался Сашка.

— На хрена мне их банкет! — грубо ответил Берестин. — Мне сейчас душ принять, переодеться да в кабак без музыки, но с кондиционером... Тебя б на мое место, понял бы.

— Это у нас все предусмотрено, — успокоил нашего полководца Воронцов. — «Валгалла» всем надоела, догадываюсь, поэтому заказан великолепный зал на берегу моря. Без кондишена, но ветерок продувает. А переодеваться сейчас поедем...

...Впервые даже и не знаю за сколько времени компания опять собралась в абсолютно полном составе. Из Москвы прибыли Левашов с Ларисой. До Харькова они ехали поездом, а оттуда сюда самолетом — модернизированным до полной потери идентичности «Ильей Муромцем». А из Парижа примчалась и Сильвия. Меня крайне обрадовала та неприкрытая взаимная приязнь, что я заметил при ее встрече с Берестиным. Видать, наша аггрианка окончательно определилась в своих симпатиях, а Алексей с самого начала был к ней равнодушен. Да и неудивительно, женщина супер-класса ихняя светлость. Надеюсь, что теперь мы с леди Спенсер окончательно станем лишь добрыми друзьями, пусть и посещает меня временами легкое сожаление. Упустил я шанс испытать нечто неизведанное и уже, пожалуй, навсегда.

Девушки нарядились в восхитительно шелестящие, блестящие и переливающиеся одежды, на вершок вперед парижской моды, в огромные кокетливые шляпки, только туфли и чулки на всех были современные (в смысле — из восьмидесятых годов, поскольку здешняя продукция казалась им ужасно неизящной и грубой).

Прямо к трапу подкатили лучшие в Константинополе наемные ландо, мы расселись в них попарно (впервые, кстати, демографическая проблема в нашей компании благополучно разрешилась. Каждый мужик имел наконец персональную подругу). Причем, что тоже интересно, пары получились идеально совместимые. И по характеру, и по внешности. Про нас троих я не говорю, тут давно все ясно, а вот у Сашки с Алексеем сложности затянулись почти на год. Сначала Шульгин пытался подружиться с Сильвией, однако что-то у

них не сложилось. Даже я не понял, отчего. Наверное, так и не смогли простить друг другу взаимных унижений. Хотя в истории сколько угодно примеров, когда полонянка становилась верной любящей женой. Но здесь не тот исходный материал. Или дело совсем в другом — категорическая неконгруэнтность психоматриц? Он ведь тоже у нас кандидат в Держатели Мира, а аггрианке это поперек души... Зато уж Анна Сашке в самый раз. Как раз тот тип девчонки, что не попалась ему лет этак пятнадцать назад... И свадьбу мы им учиним грандиозную. Нет, взял бы я тогда и сказал ему, что свадебными генералами у него будут Врангель с Колчаком! Друг-то он друг, но ведь и психиатр к тому же. И чем бы он меня лечил — сразу сульфазинном или по-свойски ограничился бы электрошоками?

Леди Спенсер с Берестиным нашла общий язык. Более того, мне показалось, что она всеми силами старается избавиться от имиджа суровой, самостоятельной, надменной женщины и всячески демонстрирует ласковую покорность достигнутому вершин славы полководцу.

И мы поехали. Совершенно в стиле Северянина: «Я в комфортабельной карете, на эллипсических рессорах, люблю заехать в златополдень на чашку чая в женоклуб...»

Ну, не в женоклуб, совсем в другое заведение, а остальное так и было — плавно покачивается ландо именно на таких, как сказано, рессорах, бархатное сиденье просторно и упруго, Ирина, сидящая рядом, наконец-то совершенно спокойна, очаровательна и женственна, как никогда. Глядя в ее сияющие из-под вуали фиалковые глаза, и представить невозможно, что эта хрупкая лилия совсем недавно бегала по стальным трапам от кия до боевых марсов броненосцев, круто руководила полусотней и больше грубых мужиков, а если и не употребляла соответствующей лексики, так вполне заменяла конкретные слова подходящими по смыслу интонациями.

Она положила мне на руку легкую ладонь, словно невзначай придвинулась поближе, прижалась на мгновение бедром и грудью. Такие мимолетные, незаметные со стороны, но всегда меня жутко возбуждавшие прикосновения она практиковала еще в молодости, когда мы с ней только-только познакомились и ничего еще фривольнее обыкновенных поцелуев между нами не было. Я даже подумал тогда, что эта девочка только прикидывается неопытной скромняшкой, а на самом деле весьма сексуальна и изощрена и провоцирует меня, чтобы потом сразу же потащить под венец.

С некоторыми знакомыми ребятами такие штуки барышни проделывали, тогда достаточно было «обманутой» обратиться в деканат или партком, чтобы безнадежно испортить человеку биографию. Правда, я вовремя сообразил, что уж такой немыслимой красавице, как она, подобные ухищрения ни к чему, и без них стоило ей лишь намекнуть, и самые завидные женихи Москвы (хотя бы и уже женатые) униженно припали бы к ее ногам. Как оно потом и получилось, после моего отъезда в Никарагуа. Секретарь Союза писателей, трижды лауреат, количество сберкнижек у которого едва ли не превышало суммарные тиражи его романов, наплевав на выговор с занесением, бросил ради нее свою жену и года три влачил жалкую участь подкаблучника и «крыши» для ее шпионской деятельности...

А вот сейчас прикосновение едва прикрытой тонким муслином тугой груди и сильного бедра оставило меня равнодушным. Недобрый знак.

— Надеюсь, это все? Историческая миссия завершена? И мы наконец попробуем пожить, как люди? — В ее голосе звучали и страх, и надежда. А взгляд был такой, каким смотрит любящая жена на мужа-алкоголика, не пьющего вторую неделю.

Я постарался ей кивнуть как можно убедительней. А ведь и вправду, вдруг Высшие силы оставят нас теперь в покое?

Ресторан Воронцов выбрал действительно прелестный. Километрах в трех от городской черты, в развалинах обширной виллы византийского вельможи, времен не иначе самого Константина Багрянородного.

Руины мощных, более пристойных средневековому замку стен, крытая дубовая веранда, вознесенная над древним фундаментом и оплетенная лианами, несмотря на май, буйноцветущими. Внизу, насколько видит глаз, бирюзовая, вся в солнечных блестках гладь Мраморного моря. На рейде — боевые корабли и коммерческие пароходы, украшенные флагами расцветивания.

И тянет меж столбами и колоннами, раскачивая занавески, шелестя глянцево, словно бы лакированной листвой экзотических растений, обещанный Дмитрием прохладный бриз.

С заднего двора доносится бление ждущих заклания барашков, накидывает чадом древесного угля и волнующими запахами готовящихся блюд малоазиатской кухни. Над очагом покачивается на цепях закопченный котел, в котором булькает и шкворчит не то плав, не то гуляш.

Отчего же мне так грустно сейчас? Причем, похоже, только мне одному. Остальные беззаботно-веселы, оживленны, атмосфера общей приподнятости царит на веранде, словно на студенческой новогодней вечеринке, когда стол уже накрыт, но не все гости собрались, девушки толпятся перед зеркалом в прихожей, нанося последние штрихи тушью и помадой на свои и без того очаровательные мордашки, взбивают щетками начесы, пересмеиваются в соседней комнате, стягивают сапоги и толстые гамашы, расправляют смявшиеся под пальто и шубами пышные колокола юбок, переобувшись, цокают по паркету стальными набойками шпилек... А парни в дальнем углу торопливо разливают по первой, предварительной...

И тут у меня перед глазами будто опустился экран из толстого поляризованного стекла. Голоса друзей доносятся глухо, и яркие краски женских нарядов стали уныло серыми. А сердце осторожно, но жестоко сжимает мягкая когтистая лапа.

Вот так, возможно, умирают от инфаркта. Или... Или снова выхватит сейчас меня из жизни бесчеловечный чуждый разум. Возможно, навсегда. И именно сейчас, в минуты торжества и как бы даже счастья! Остановись, остановись, мгновенье, я ведь не хочу, я человек и не желаю быть никем другим, мне наплевать на ваши галактические игры! Мы ведь договорились... Я сам по себе, вы сами по себе, я в ваши игры больше не игрок, оставьте меня в покое или...

Не знаю, в самом ли деле то был момент, предшествующий контакту, нечто вроде эпилептической ауры, или просто мозговой спазм, а может, приступ стенокардии, но чудовищным усилием воли, вроде того, каким я смог открыть межвременную дверь в доме в Столешниковом, мне удалось с этим справиться. Я словно бы выныривал с глубины, когда воздух в легких уже давно сгорел, грудь разрывает болью, и кажется, что еще миг, и ты не выдержишь, вдохнешь густую сине-соленую воду, но продолжаешь, стиснув зубы, рваться вверх. И пробиваешь все же головой колеблющуюся серебристую завесу. Почти теряя сознание, со стоном глотаешь чистый воздух.

Мир вокруг меня вновь стал звонким, полихромным, полным запахов...

Прошло, наверное, лишь несколько секунд, никто, даже Ирина, не успел ничего заметить.

Девушки рассаживались вокруг длинного дубового сколоченного, наверное, в позапрошлом веке стола, уставленного бутылками, кувшинами, блюдами с зеленью, шутиливо спо-

рили из-за мест, каждой хотелось сесть так, чтобы иметь перед глазами море и далекий азиатский берег, а не глухую, пусть и историческую, каменную стену.

Я словно бы увидел их впервые. И восхитился. Наши женщины, боевые подруги, оделись очень разное, невольно или вольно подчеркивая глубинную суть собственных личностей.

Ирина в аквамаринном свободном длинном платье, взбитая волна кружев до крайне допустимого приличиями предела открывает высоко поднятую, чуть тронутую загаром грудь. Воплощение спокойной, уверенной в себе, достигшей тонкой грани между юностью и зрелостью женской красоты. С таким же точно невозмутимым достоинством она, пожалуй, могла бы здесь сидеть совершенно обнаженной, почти не вызывая грешных мыслей.

Сквозь нежно-лиловую античную тунику Анны просвечивает тонкая, как у Гурченко в «Карнавальная ночь», фигурка. Точеное лицо в обрамлении распущенных соломенных волос девически прелестно, но влажно сияющие глаза буквально кричат, что день-два назад их обладательница стала женщиной. Завидуйте и преклоняйтесь!

Наташа в цикламеновом муаре, тугой лиф, высокий воротник, пышная складчатая юбка ниже колен словно подчеркивают ровный, доброжелательный ко всем характер, неброскую прелесть женщины и что-то даже пуританское в ее натуре, однако длинный треугольный вырез, спускающийся ниже ложбинки между аккуратных маленьких грудей, заставляет в этом усомниться.

Лариса, изменив пристрастия к черно-алой гамме, обтянулась узким, словно змеиная шкура, металлически блестящим платьем цвета лепестков розовато-фиолетовой императорской хризантемы, спереди застегнутым почти до подбродка, но зато с открытой спиной и разрезами до верхней трети бедер. Прикидывающаяся фригидной феминисткой, коварная и неукротимо-страстная пантера.

И лишь Сильвия предпочла палевый тончайшей китайской чесучи костюм полувоенного покроя. Как раз такие сейчас в Лондоне самый писк. Да и на самом деле, ее мне трудно вообразить в летящем платье с рюшечками и воланчиками. «Железная леди» а-ля Маргарет Тэтчер. Для того, кто не видел ее в другой ипостаси.

Я так подробно сейчас это вспоминаю не потому, что очень меня в нормальной жизни волнуют галантерейные подробности дамских туалетов и то, что эти туалеты под собой скрывают.

Я никогда не был сексуальным маньяком, скорее наоборот, но в тот момент... Я в самом деле будто заново родился и чувствовал себя как семиклассник, направивший бинокль на окна женской раздевалки институтского спортзала. Стук сердца в горле, восхищение, восторг, и легкий стыд, и чувство приобщенности к сладкой тайне...

Мне захотелось вдруг обладать каждой из них. Какой прелестный из этих дам составилась бы гарем!

«Ну, слава богу! — промелькнула мысль. — Пожалуй, еще проживем! — И сразу вслед за ней: — Если не Держатели сейчас приходили за мной, значит, я почти смертельно надорвался». Надо же только представить, у меня — и вдруг сердечный приступ. А то и микроинсульт! Но и досталось мне за последний год более того, что в силах вынести нормальный человек.

Я не хочу сказать, что лично, сам, вручную вытащил всю эту цепь проблем, к концу которой, словно якорь, был прицеплен нынешний день. Отнюдь. Но все же, все же, все же...

И «дар» я свой себе не выбирал, я не уверен даже, что он был вообще. А произошло со мной нечто совсем другое, названия чему я подобрать не в состоянии.

На самом деле, сколько на Земле людей: йогов, ясновидцев, мистиков, далай-лам, знатоков практики дзен и медиумов. Так неужели ж все они — ничто в категориях Держателей и их Великой Сети? И только ни на что не претендующий и ничего толком не умеющий товарищ Новиков способен раскатать коромысло Вселенского равновесия?

А может быть, все проще? И я на самом деле никакой не вице-держатель мира, а просто нечто вроде линзы? Фокусирующей и направляющей какую-то энергию в какую-то нужную точку. И все. Ну пусть, чтобы совсем уж себя не принижать, живая линза с зачатками разума и способностью произвольно менять собственное фокусное расстояние.

Так же и все наши победы. Они объективны, спорить тут не будем, но осуществились отнюдь не потому, что мы с ребятами одновременно гениальные политики и полководцы.

Нет, мы просто умные, способные, нахальные ребята, умеющие идеально четко принимать решения адекватно складывающейся обстановке. Но... Вот тут и возникает «но».

Антон об этом говорил, и сам я где-то в начале дневника писал, что историческая обстановка здесь стала складываться по-другому. Ведь в истинной реальности весь истекший век и даже полтора Россия находилась в «черной полосе», то есть обязательно реализовывалась сколь угодно малая вероятность с негативным знаком и не осуществилась практи-

чески ни одна благоприятная возможность. Примеров тьма. И частных, и глобальных. Убийство Александра II, вполне случайное спасение маленького Ленина из проруби не к месту оказавшимся на берегу прохожим, Японская война со всеми ее коллизиями, смерть Столыпина, болезнь царевича Алексея, выстрел Гаврилы Принципа, отречение Николая, неудача Корнилова и т.д. А здесь теперь все поменяло знак.

Как будто бы колесо рулетки перекошилось. Осталось только выяснить, имманентное ли это свойство данной мировой линии или эффект целенаправленного волевого воздействия, моего лично, Сашкиного или всех нас десятерых вместе?

— Андрей, ты что? — тряхнул мое плечо Шульгин. — А?

— Что такое? — Я вскинул голову.

— Ты заснул или...

Совсем рядом я увидел его встревоженные глаза, а сам он уже схватился за мой пульс.

— Порядок, Саш, порядок. Только это... Муторно мне вдруг как-то стало. Погано на душе... Словно бы тогда, в Замке, помнишь? Но уже отпустило.

— Ну, братец, это не проблема... — Его тон из докторского сразу стал обычным. Действительно, какие могут быть проблемы, если рядом личный психиатр? Он сунул мне в руку бокал. Оказывается, Воронцов уже говорил тост, и довольно долго, судя по всему.

Кое-как дождавшись конца затянувшегося спича, в котором капитан Дим кратко резюмировал суть и смысл нашей победы и выражал уверенность, что жизнь отныне предстоит чудесная, я залпом выпил и, лишь осушив бокал до дна, сообразил, что вместо шампанского мой лекарь-антигомеопат плеснул мне граммов двести коллекционного светлого коньяку.

Веселье уже было в самом разгаре. Мои ребята, судя по всему, тоже соскучились по обществу наших несравненных подруг. Ведь правда, что ни одна из аборигенок данной реальности и близко не могла сравниться с ними. По внешности само собой, но главное — по психотипу.

Разомлевший от выпитого, счастливый тем, что остался жить на Земле, а не болтаюсь в виде сгустка электронов по вселенской Гиперсети, я наблюдал, как тесно прижимаются друг к другу танцующие танго пары, как скользят мужские руки по талиям и спинам дам, как, прикасаясь губами к прелестным ушкам, нашептывают что-то кавалеры своим партнершам, а те смеются звонко наверняка фривольным шуткам... Приятная законная возможность сжимать в объятиях

чужую женщину. Так в молодости мы млели, нащупывая под платьями не своих девчонок то путовички пояса, то замок бюстгальтера, а иногда и кое-что иное, почти не рискуя получить по морде.

Да я и сам сейчас, танцуя с Сильвией, явно теснее, чем положено, прижимал ее к себе, а она, полуприкрыв глаза ресницами, едва заметно прогибала спину, словно забыв, что мы здесь не одни и что не только ткань одежды нас с ней разделяет. Она, конечно, воображала, что, окажись мы с нею снова на Валгалле, на этот раз я не устоял бы против ее чар. И, кстати, очень может быть...

Последний пронзительно рыдающий аккорд «Маленького цветка» стих. Сашка начал рыться в кейсе, выбирая новую кассету, и леди Спенсер за руку увлекла меня с веранды к краю поросшего жесткой степной травой обрыва. Внизу, в десятке с лишним саженей, плескалось поразительно чистое море. Видны были бараньи лбы валунов на дне, шевелящиеся ленты водорослей.

— Я выполнила свое обещание, князь, — сказала мне она вибрирующим голосом. По-русски она говорила по-прежнему с легким акцентом, явно нарочно, поскольку была абсолютной полиглоткой.

— Какое именно? — не понял я.

— Вон, посмотри...

Не далее чем в километре от берега я увидел белую трехмачтовую яхту, вооруженную, как гафельная шхуна. Высоченные, слегка склоненные назад мачты, длинный бушприт с утлегарем и бом-утлегарем, остекленная рубка на полуюте. Даже на расстоянии бросались в глаза благородные линии корпуса, сразу напомнившие мне несравненную «Катти Сарк». Но яхта была поменьше, конечно. Тонн в двести — двести пятьдесят, насколько я мог судить.

Я обернулся к Сильвии.

— Твоя. Дарю. Как я и говорила, с королевской верфи. Георгу V сейчас не до морских прогулок.

— Ну... не знаю, как и благодарить... — Я прижал к губам ее узкую пахнущую горькими духами кисть. — Если кто-нибудь скажет, что леди Спенсер не держит слова, будет иметь дело с моей шпагой. Сколько я вам должен?

— Вы еще с прежним долгом не рассчитались, князь...

Это она напомнила о моем проигрыше в стипль-чезе, за который я должен был ей отжаться.

— Прямо здесь рассчитаться или?.. — довольно плоско от растерянности пошутил я. Она сделала вид, что не заметила моего хамства.

— На яхте. Когда вступишь во владение, — безапелляционно, как о само собой разумеющемся, ответила Сильвия. — А потом можешь уплывать со своей возлюбленной. Куда — мне все равно, — дословно повторила она мои сказанные у нее на вилле вечность назад слова.

Что это за идефикс у нее — любой ценой затащить меня в постель? Куда уж выше — такая яхта на пару миллионов фунтов тянет, если внутренняя отделка там не уступает экстерьеру. Так дорого меня еще никто не ценил.

— О чем ты болтал с этой? — ревниво поинтересовалась Ирина, когда мы вернулись и я сел с ней рядом, чтобы отдать должное очередной перемене блюд. — Она смотрела на тебя, как кошка на клетку с канарейкой.

— Скорее наоборот, как канарейка на кошку. И сделала нам с тобой царский подарок, лишь бы мы убрались с глаз долой на край света...

— Интересно, интересно, — протянула Ирина, когда я объяснил ей суть дела. — Для чего бы ей это потребовалось?

Вот женщины! Сама только и мечтала последний год, чтобы уехать отсюда в дальние края, забыв о земной и галактической политике, а теперь ищет тайные пружины в поступке соотечественницы вместо того, чтобы просто радоваться.

Еще через полчаса, перейдя к десерту, сырам и ликерам, я как бы невзначай затеял разговор о будущем. Что вот, цель достигнута, и не пора ли отдохнуть от забот о судьбах мира. И я, мол, считаю: изменения достаточно необратимы, чтобы позволить человечеству пожить немного собственным умом. А если снова что-нибудь пойдет не так, будет время вмешаться.

И сколь же велико было мое удивление, когда меня никто не поддержал.

— У нас с Олегом много дел в Москве, — сверкнула взглядом очаровательно-опасной ведьмы Лариса. — Я Троцкого без присмотра не оставляю...

Олег при этом смутно улыбался и что-то царапал черенком вилки на дубовой столешнице.

«Да она же собирается свалить Давыдовича, сама усесться на престол феодально-коммунистической империи. Лариса I вот-вот готова явиться миру! А наивный идеалист Левашов окажется при ней в принц-консортах», — осенило вдруг

меня. Вот это пассаж! А я ее держал всего-то за леди Макбет уездного масштаба.

— Я тоже никак сейчас не могу оставить флот, — сообщил на удивление трезвый после двух десятков рюмок Воронцов. — Пока не превращу Седдьюлбахир в новый Гибралтар, а остров Мармара — в Гонконг, отдыхать рано. Они тут без меня наверняка прохлопают ушами, и коварные альбионцы традиционно наших иванушек объедают... — И засмеялся собственному каламбуру. Поклонился Сильвии и уточнил: — О присутствующих не говорю.

Так, интересно, на что сошлется кандидат в генералиссимусы? Или за него тоже невеста скажет? Нет, леди Спенсер продолжала делать вид, что она здесь ни при чем.

— Я с капитаном, — ответил на мой ожидающий взгляд Берестин. — Армия недореорганизована, и наша и турецкая. Большевикам не верю. Возможна новая война. За Северный Кавказ хотя бы. И вообще, за что боролись?

И, что самое поразительное, Сильвия одобрительно кивнула. Тоже претендентка? Если мы с Ириной уйдем, не видит ли она себя генеральным директором всего проекта?

Остался Сашка. Что скажет он, теперь я знал заранее. Сомневался только в форме.

И он моих ожиданий не обманул.

— Я полностью на стороне Андрея. Гораздо лучше дать братьям славянам пожить своим умом. Внести в процесс элемент естественности как бы. Некоторой стихийности. А отпуск мы даже по КЗОТу уже заработали. Как раз одиннадцать месяцев прошло, как мы на должности гувернеров при человечестве. И Южные моря страсть как мечтаю поглядеть. Брехал Джек Лондон или так все там и есть? Плы-вем то есть... Надеюсь, мы с Аней вас не стесним?

— Никоим образом не стесните, — едва сумела скрыть свою радость Сильвия. — На яхте восемь комфортабельных кают, два салона, столовая и библиотека. Там и десятку гостей не тесно...

В моем согласии взять Сашку в компаньоны по свадебному путешествию она не сомневалась. На том и порешили.

Глубокой ночью в дверь моей каюты послышался легкий стук.

Ирина только что заснула. От радости, что все решилось наконец, она в постели превзошла саму себя.

Прикрыв ее легким покрывалом, я облачился в халат, вышел в тамбур и повернул головку замка.

Шульгин был уже снова трезв и серьезен. Мы проследовали через темные комнаты в мой секретный кабинет. Я зажег свечи, откупорил засмоленное горлышко бутылки хереса. После восьмичасового обеда, перешедшего в поздний ужин, и последовавшей за ним «ночи любви» меня терзала жажда.

Выпили, помолчали, повторили.

— Ты понял все? — спросил наконец Сашка.

— Натюрлих, яволь.

— И делать будем — что?

— Ты разве не решил?

— Собираемся в плавание, так?

— Так.

— Долго готовимся, изучаем яхту, загружаем припасы, разрабатываем маршрут...

Я кивнул.

— Накануне отплытия у меня или Анны что-то случается, мы вынуждены остаться, договариваемся, что догоним вас позже...

— А может, лучше так: уходим, как договорились, потом Анна остается с нами, а ты слезаешь на первой остановке и тихонько возвращаешься?

— Пожалуй, это будет даже лучше. Наконец-то я всерьез сыграю в графа Монте-Кристо... Наливай по третьей.

Так мы с ним и сделали. А дальше... Впрочем, как сказано у мэтров, это уже совсем другая история...

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ДЕРЖАТЕЛИ МИРА

Пролог-1	
ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА	5
Пролог-2	22
Глава 1	34
Глава 2	58
Глава 3	80
Глава 4	103
Глава 5	116
Глава 6	128
Глава 7	145
Глава 8	157
Глава 9	169
Глава 10	182
Глава 11	192
Глава 12	201
Глава 13	211
Глава 14	226
Глава 15	242
Глава 16	256
Глава 17	260
Глава 18	268
Глава 19	275
Глава 20	295
Глава 21	306

Часть вторая. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Глава 1	314
Глава 2	329

Глава 3	336
Глава 4	351
Глава 5	363
Глава 6	374
Глава 7	385
Глава 8	393
Глава 9	399
Глава 10	417
Глава 11	423
Глава 12	437
Глава 13	451
Глава 14	460
Глава 15	469
Глава 16	475
ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА	493

Литературно-художественное издание
Звягинцев Василий Дмитриевич
ВИХРИ ВАЛГАЛЛЫ

Ответственный редактор *В. Мельник*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Художник *С. Атрошенко*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *А. Щербакова*
Корректор *С. Жилова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.**

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
1 марта 2004 года открывается новый мелкооптовый филиал ТД «Эксмо»:
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (095) 780-58-34

Книжные магазины издательства «Эксмо»:
Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.
Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.

**Северо-Западная компания представляет весь ассортимент книг
издательства «Эксмо». Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.**

**Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети «Книжный супермаркет»
на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34 и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.
Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.**

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

**Весь ассортимент продукции издательства «Эксмо»
в Нижнем Новгороде и Челябинске:**
ООО «Пароль НН», г. Н. Новгород, ул. Деревообделочная, д. 8. Тел. (8312) 77-87-95.
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Книги «Эксмо» в Европе — фирма «Атлант». Тел. + 49 (0) 721-1831212.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 05.02.2004.
Формат 84x108¹/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 26,88. Уч.-изд. л. 30,3.
Тираж 5 000 экз. Зак. № 9039.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

СТРАНА ИГР

160
СТРАНИЦ
2 РАЗА
В МЕСЯЦ

**Вы первыми узнаете,
во что все будут
играть завтра**

**В МИРЕ ЕЖЕДНЕВНО ВЫХОДЯТ ДЕСЯТКИ ИГР
НА САМЫХ РАЗНООБРАЗНЫХ ПЛАТФОРМАХ:**

PC, PLAYSTATION 2, XBOX, GAME CUBE, GBA.

МЫ ПОМОЖЕМ ВАМ РАЗОБРАТЬСЯ

В ЭТОМ КРУГОВОРОТЕ

И СДЕЛАТЬ ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР

МИР ФАНТАСТИКИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛНОЦВЕТНЫЙ ЖУРНАЛ О ФЭНТЕЗИ
И ФАНТАСТИКЕ ВО ВСЕХ ПРОЯВЛЕНИЯХ

ФОРМАТ ИЗДАНИЯ: А4

Фантастика и ее многочисленные подвиды — научная, боевая, киберпанк, фэнтези — пользуется все большей популярностью. А рост популярности жанра требует новых источников информации о нем. Журнал "Мир фантастики" призван стать подобным источником.

В последние годы мы наблюдаем взаимопроникновение художественных форм, в которых воплощаются фантастические произведения. Вселенные, созданные писателями, попадают на широкий экран, сюжеты кинофильмов становятся основой для компьютерных игр, герои популярных игр обретают новую жизнь на книжных страницах. Фантастические миры сталкиваются и порождают новые пространства для приключений.

Мы уделяем внимание всем направлениям и всем областям, в которые проникает фантастика. Это не только художественная литература, но и кино, игры, интернет и иные отрасли развлечений — все сферы, которые интересны настоящим поклонникам фэнтези и sci-fi.

КНИЖНЫЙ РЯД

Анонсы всех новых фантастических книг, обзоры жанров и грандиозных вселенных.

ВИДЕОДРОМ

Все премьеры кинотеатров и новинки видео, горячие новости со съемочной площадки.

ИГРОВОЙ КЛУБ

Обширная информация по самым выдающимся компьютерным и настольным играм настоящего времени.

КОНТАКТ

Интереснейшие беседы с известными писателями-фантастами.

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Неожиданные статьи о средневековом быте, передовых технологиях и будущем фэнтези-культуры.

РАССКАЗЫ

В первом же номере вы сможете прочесть рассказы Александра Зорича "Второй подвиг Зигфрида", Гельмута Пеша "Песнь волны" и Александра Тюрина "Транзитный космодром".

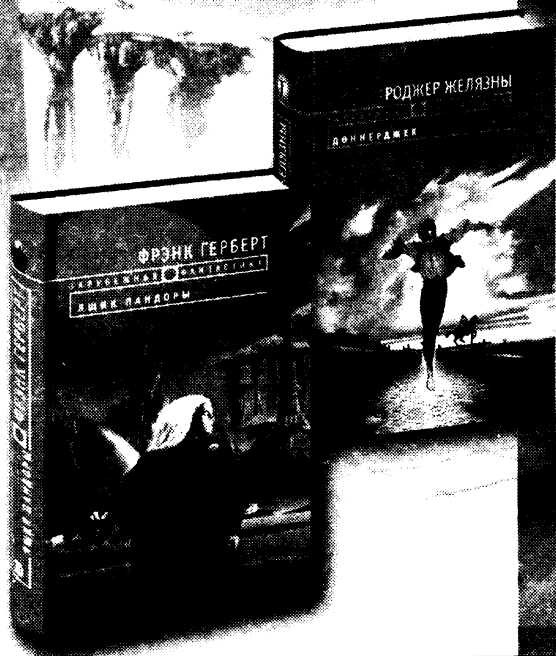
СПРАШИВАЙТЕ ЖУРНАЛ "МИР ФАНТАСТИКИ"
ПОВСЕМЕСТНО В ОТКРЫТОЙ ПРОДАЖЕ!

**Издательство «ЭКСМО»
представляет**

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Наиболее значимые фантастические
книги последних десятилетий
Самые яркие новинки
мировой фантастики!

Также в серии:

Ф. Герберт «Эффект Лазаря»

Т. Зан «Охота на «Икара»

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ВИХРИ ВАЛГАЛЛЫ

Борьба двух сверхцивилизаций за господство во Вселенной зашла в тупик. Оба соперника использовали весь имеющийся в их распоряжении военный и интеллектуальный потенциал. И тут одна из противоборствующих сторон делает неожиданный и смелый шаг – приглашает в союзники пятерку отчаянных землян. Не желая быть послушными пешками в чужой игре и взяв на вооружение невероятные достижения инопланетной науки и техники, Андрей Новиков и его друзья заставляют считаться с собой даже могущественных Властелинов Космоса. А для начала они слегка изменяют ход земной истории...

